

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

ЕЖЕГОДНЫЙ АЛЬМАНАХ

Том 10

*посвящается
Ватаняру Саидовичу Ягья*

DIGEST OF WORLD POLITICS

ANNUAL REVIEW

Volume 10

*The annual review is devoted to
Vatanyar S. Yagya*

Редакционный совет

основатель альманаха и председатель редакционного совета

ЯГЬЯ Ватаняр Саидович (СПбГУ)

Главный редактор

НЕМЧИНОВА Тамара Сергеевна (СПбГУ)

ДУДЕК Анджей (Краков, Республика Польша)

ИБРАГИМОВ Айдын (Измир, Турецкая Республика)

КОЙБАЕВ Борис Георгиевич (Владикавказ, Россия)

МА Фэншу (Шаньдун, Китайская Народная Республика)

ПАНИН Виктор Николаевич (Пятигорск, Россия)

РЫЖОВ Игорь Валерьевич (Нижний Новгород, Россия)

ХАСС Джеффри Кеннет (Ричмонд, Соединенные Штаты Америки)

Editorial Board

Founder of the Annual Review and Chairman of the Editorial Board

YAGYA Vatanyar S.

Editor-in-Chief

NEMCHINOVA Tamara S.

Andzhey Dudek (Krakow, Poland)

Aydin I. Ibragimov (Izmir, Turkey)

Boris. G. Koybaev (Vladikavkaz, Russia)

Ma Fengshu (Shandong, China)

Victor. N. Panin (Pyatigorsk, Russia)

Igor V. Ryzhov (Nizhny Novgorod, Russia)

Jeffrey K. Hass (Richmond, USA)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ЕЖЕГОДНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издается с 2006 г.

Том 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционная коллегия выпуска

Барышников Д. Н. (СПбГУ) — канд. полит. наук
Голубев Д. С. (СПбГУ) — канд. полит. наук
Добронравин Н. А. (СПбГУ) — д-р филол. наук
Музалёв А. А. (СПбГУ) — магистр географии
Немирова Н. В. (СПбГУ) — канд. соц. наук
Трещенков Е. Ю. (СПбГУ) — канд. ист. наук
Ярыгин Г. О. (СПбГУ) — канд. полит. наук

Staff of Issue

Baryshnikov Dmitry N. (SPbU) — PhD in Political Sciences
Golubev Denis S. (SPbU) — PhD in Political Sciences
Dobronravin Nikolay A. (SPbU) — Dr. in Philological Sciences
Muzalev Anton A. (SPbU) — Master of Geography
Nemirova Natalya V. (SPbU) — PhD Sci. in Sociology
Trescenkov Evgeniy Yu. (SPbU) — PhD Sci. in History
Yarigin Grigoriy O. (SPbU) — PhD in Political Sciences

Издание настоящего выпуска осуществлено при финансовой поддержке гранта
Благотворительного фонда Г. М. Погосяна

*Материалы, публикуемые в ежегодном альманахе
«Актуальные проблемы мировой политики»,
являются авторскими и не отражают точку зрения издательства,
редакционного совета и редколлегии выпуска*

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский государственный университет

Адрес издателя: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Адрес редакции: Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 8, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра мировой политики (ауд. 229)

e-mail: worldpol_spbu@gmail.com

Ватаняр Саидович Ягья

Дорогие друзья!

Вы держите в руках издание, посвященное Почетному профессору Санкт-Петербургского государственного университета Ватаняру Саидовичу Ягья.

В течение всей жизни Ватаняр Саидович беззаветно служил отечественной науке и образованию, большая часть его профессиональной деятельности прошла в стенах родного для него университета. В опубликованных трудах ученого (а это более 350 работ!) освещены значимые научные проблемы и определены новые направления в африканистике, мировой политике, международных отношениях, общественной географии.

Международное признание заслуг Ватаняра Саидовича Ягья поставило его в один ряд с крупными зарубежными исследователями. Его научные и публицистические работы изданы во многих странах мира. Кафедра мировой политики Санкт-Петербургского университета, созданная и руководимая В. С. Ягья, стала одним из ведущих центров по изучению глобальных и региональных политических процессов в современном мире.

Выпускники, студенты, преподаватели и сотрудники университета ценили Ватаняра Саидовича за блестящую научную эрудицию, высокое педагогическое мастерство, теплоту и искренность, интеллигентность, чувство юмора. Его лекции и публичные выступления являлись образцом интеллектуального стиля и ораторского мастерства, он всегда был внимательным и доброжелательным собеседником.

Будучи государственным и общественным деятелем, одним из творцов петербургского парламентаризма, свои знания и талант В. С. Ягья активно применял для расширения международных связей Законодательного собрания, завоевания Санкт-Петербургом высокого авторитета в мировом сообществе.

Жизненный и профессиональный путь Ватаняра Саидовича может служить для молодых универсантов примером истинной преданности делу. Книга, подготовленная его учениками, коллегами и друзьями и отразившая вехи большого творческого пути крупного ученого, поможет в приумножении знания и сохранении традиций Санкт-Петербургского университета.

*Первый проректор
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор экономических наук, профессор
Елена Григорьевна Чернова*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	14
Наш современник	26
От первого лица.....	30

АФРИКА

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д.</i> Цивилизационные контексты африканского регионализма	38
<i>Дьяков Н. Н.</i> Мухаммед бен Юсуф: от «золотой клетки» к первой пятилетке (к 65-летию независимого Королевства Марокко) .	56
<i>Добронравин Н. А.</i> Логон (Логоне) и Дар-ал-Кути: фантомная независимость в Центральной Африке.....	68

ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В АФРИКЕ

<i>Саватеев А. Д.</i> Исламские пророки-революционеры Субсахарской Африки: профетические движения в истории континента	80
<i>Герасимов И. В., Алферов Д. А.</i> Джибал Нуба: традиции мира прошлого и трудности нового этапа.....	130

АФРИКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Громова Н. В.</i> Язык суахили в афроамериканской культуре.....	144
<i>Желтов А. Ю.</i> О некоторых типологических особенностях категории числа в языках нигер-конго.....	154
<i>Кравченко С. Л.</i> Развитие терминологии в амхарском языке	167

ЭФИОПИСТИКА

<i>Балашова Г. А.</i> Очерки культурной политики Эфиопии: взгляд сквозь эпохи. Очерк первый	183
<i>Французов С. А.</i> Иерусалимская надпись императора Эфиопии Иоанна IV	194
<i>Гусарова Е. В.</i> Материальные свидетельства истории установления дипломатических связей между Российской империей и Эфиопией в собраниях Санкт-Петербурга	207

АЗИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Телицин Н. Н.</i> Письменность тюркских народов в древности и раннем Средневековье: основные системы	215
<i>Гузев В. Г.</i> О некоторых экзотических особенностях тюркских языков («тюркские чудеса»)	231

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

<i>Ибрагимов А. И., Исмаилова Г. М.</i> Геополитическое положение Азербайджанской Республики: изменения во времени и пространстве	246
<i>Исмаилов Ч. Н.</i> Тенденции изменения геополитических процессов в Прикаспийском регионе	261

ТУРЦИЯ

<i>Аврutiна А. С.</i> Духовное родство турецкой и русской культур сквозь призму литературы (очерк)	270
<i>Tanju Tosun, Gülgün Erdoğan Tosun, Yusufcan Gökmen.</i> An assessment of the election system in Turkey	277
<i>Шлыков П. В.</i> От вестернизации к девестернизации: турецко-американские отношения в исторической перспективе 1940–2010-х годов	301
<i>Зеленева И. В., Савкина Е. А.</i> Факторы, влияющие на российско-турецкие отношения в энергетической сфере на современном этапе	323

БОЛЬШАЯ ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

<i>Мосяков Д. В.</i> Место АТЭС в современных политических и экономических процессах в Большой Восточной Азии	337
<i>Колотов В. Н.</i> Технологии использования религиозного фактора во Вьетнаме: особенности политической истории основных религиозных групп с начала XVII в. до настоящего времени	347
<i>Косов Ю. В., Николаенко А. В., Погодин С. Н., Цзинчэн Ли.</i> Перспективы взаимодействия Евразийского экономического союза и Великого шелкового пути	370
<i>Матвеевская А. С.</i> Российско-китайское сотрудничество в туристских проектах как мирополитический фактор	382

АМЕРИКА

<i>Ширяев Б. А.</i> Российско-американские отношения: взгляд с высоты времени	394
---	-----

<i>Истомин И. А.</i> Американская стратегия и международный порядок после холодной войны	405
<i>Цветкова Н. А.</i> Цифровизация публичной дипломатии США	432

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

<i>Колосов В. А.</i> Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия	444
<i>Пономарева Е. Г., Рудов Г. А.</i> Центральная Азия во внешней политике России: потери и возможности.....	465
<i>Немчинова Т. С., Музалёв А. А.</i> Стратегии экспорта образования на постсоветском пространстве: сравнительный анализ практик России и Турции.....	484

ПУТИ К МИРУ, БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

<i>Алимов А. А., Викторов С. В.</i> «Генеральная уборка» Арктики: причины, текущие проблемы и перспективы решения вопроса	507
<i>Харлампьева Н. К.</i> Глобальное научно-исследовательское сообщество по изучению Российской Арктики: состояние и перспективы.....	529
<i>Ермолина М. А., Крюкова А. В.</i> Международная проблема изменения климата в контексте права человека на благоприятную окружающую среду	549
<i>Панин В. Н.</i> Угрозы национальной безопасности: мнение молодежи	560

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Тагирджанова А. Н.</i> Татары в жизни Санкт-Петербурга и истории Санкт-Петербургского университета (XVIII–XXI вв.)	570
<i>Музалёв А. А.</i> Экономическая география в Петрограде (Ленинграде) в 1918–1925 гг. Очерк по истории науки	586
<i>Каледин Н. В., Елацков А. Б.</i> Возникновение и становление политической географии в России	614
Хронологический перечень трудов В. С. Ягья	627
Об авторах.....	645
About the authors	649
Благодарности.....	653

CONTENTS

EDITORIAL NOTE.....	14
Our Contemporary	26
From the First Person	30

AFRICA

CIVILIZATIONAL AND REGIONAL STUDIES

<i>Gladkiy Yu. N., Sukhorukov V. D.</i> Civilizational contexts of African regionalism	38
<i>Dyakov N. N.</i> Muhammed ben Yusef: From a “Golden Cell” to the First 5-year Plan (Commemorating the 65 th Anniversary of Independence of the Kingdom of Morocco).....	56
<i>Dobronravin N. A.</i> Logone and Dar al-Kuti: Phantom Independence in Central Africa	68

ISLAMIC CIVILIZATION IN AFRICA

<i>Savateev A. D.</i> Islamic prophets-revolutionaries in Sub-Saharan Africa: prophetic movements in the history of the continent	80
<i>Gerasimov I. V., Alferov D. A.</i> Jibal Nuba: traditions of the past and difficulties of the new stage Jabal Nuba: traditions of the past and difficulties of the new stage.....	130

AFRICAN LINGUISTICS

<i>Gromova N. V.</i> Swahili language in Afro-American culture.....	144
<i>Zheltoy A. Yu.</i> About some typological characteristics of Number in Niger-Congo languages	154
<i>Kravchenko S. L.</i> Evolution of terminology in the Amharic language	167

ETHIOPIA

<i>Balashova G. A.</i> Essays of cultural policy of Ethiopia: a look through the era. Essay 1	183
<i>Frantsouzoff S. A.</i> Jerusalem Inscription of Yoḥannēs IV, Emperor of Ethiopia.....	194
<i>Gusarova E. V.</i> Material testimonies of the history of diplomatic relations between the Russian Empire and Ethiopia in the St. Petersburg collections...	207

ASIA

LINGUISTICS

<i>Telitsin N. N.</i> The written language of the Turkic peoples in antiquity and the early middle ages: the basic system.....	215
<i>Guzev V. G.</i> About some exotic features of Turkic languages (“Turkic miracles”).....	231

REGIONAL STUDIES

WESTERN ASIA

<i>Ibrahimov A. I., Ismaylova G. M.</i> Geopolitical Location of the Republic of Azerbaijan: temporal and Spatial Changes	246
<i>Ismayilov Ch. N.</i> Trends of change of geopolitical processes in the Caspian Region	261

TURKEY

<i>Avrutina A. S.</i> Spiritual kinship of Turkish and Russian cultures through the prism of literature (Essay).....	270
<i>Tanju Tosun, Gülgün Erdoğan Tosun, Yusufcan Gökmen.</i> An assessment of the election system in Turkey	277
<i>Shlykov P. V.</i> From Westernization to De-Westernization: Turkish-American relations in Historical Perspective of the 1940s — 2010s.	301
<i>Zeleneva I. V., Savkina E. A.</i> Factors affecting Russian-Turkish relations in the energy sphere at the present stage	323

GREATER EAST ASIA

<i>Mosyakov D. V.</i> Place of APEC in the modern political and economic processes in Greater East Asia	337
<i>Kolotov V. N.</i> Technologies for using the religious factor in Vietnam: features of the political history of the main religious groups from the beginning of the XVII century to the present time	347
<i>Kosov Yu. V., Nikolaenko A. V., Pogodin S. N., Jingcheng Li.</i> Prospects of interaction between the Eurasian economic union and the Great silk road ...	370
<i>Matveevskaya A. S.</i> Russian-Chinese cooperation in the tourism projects as factor of world politics	382

AMERICA

<i>Shiryaev B. A.</i> Russian-American relations: an as-time-goes-by view	394
<i>Istomin I. A.</i> American strategy towards the world order after the Cold War	405
<i>Tsvetkova N. A.</i> Digitalization of U.S. Public Diplomacy.....	432

RUSSIAN FOREIGN POLICY

<i>Kolosov V. A.</i> Crisis in relations between Russia and Ukraine and its impact on cross-border cooperation.....	444
<i>Ponomareva E. G., Rudov G. A.</i> Central Asia in Russian Foreign Policy: Losses and Opportunities.....	465
<i>Nemchinova T. S., Muzalev A. A.</i> Export of education: comparative analysis of Russian and Turkish practices in the post-soviet space.....	484

THE PATH TO PEACE, SECURITY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

<i>Alimov A. A., Viktorov S. V.</i> “General cleaning” of the Arctic: reasons, current problems and prospects of solution	507
<i>Kharlampieva N. K.</i> Global research community for the study of the Russian Arctic: state and prospects	529
<i>Ermolina M. A., Kryukova A. V.</i> International problem of climate change in the context of the human right to a favorable environment.....	549
<i>Panin V. N.</i> Threats of national security: opinion youth.....	560

ESSAYS ON THE HISTORY OF SCIENCE

<i>Tagirjanova A. N.</i> Tatars in the life of St. Petersburg and in the history of St. Petersburg University (18–21 centuries).....	570
<i>Muzalev A. A.</i> Economic geography in Petrograd (Leningrad) in 1918–1925. Essay on Science History	586
<i>Kaledin N. V., Elatskov A. B.</i> The Origin and Formation of Political Geography in Russia	614
Chronological list of works by V. S. Yagya	627
About the authors (in Russian).....	645
About the authors (in English)	649
Acknowledgements	653

Каждому направлению науки, каждому рабочему цеху необходимо помнить свое прошлое, свои достижения и неудачи, свои трудности и трагедии. И судьбу тех, кто были мастерами и подмастерьями своего цеха. Уроки прошлого нельзя забывать, иначе придется заплатить чем-то в настоящем и будущем.

Академик РАН А. Б. Давидсон

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Работа над десятым выпуском альманаха «Актуальные проблемы мировой политики» стала серьезным вызовом для редакционной коллегии. Очередной ежегодный номер мы готовили к юбилею почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, доктора исторических наук, основателя и главного редактора альманаха В.С.Ягья, поэтому формат с набором статей для традиционных рубрик с посвящениями сразу отклонили. Ватаняру Саидовичу исполнялось 80 лет, значит, огромный период жизни отдан работе. А как вместить в одну книгу 60-летний труд ученого, имеющего невероятное разнообразие профессиональных интересов!

Подготовка издания длилась гораздо дольше, чем мы планировали. Больше года Ватаняр Саидович принимал самое деятельное участие в разработке концепции выпуска. Широкий круг научных интересов ученого определил тематику разделов настоящего выпуска альманаха: «Африка», «Азия», «Америка», «Внешняя политика России», «Пути к миру, безопасности и устойчивому развитию», «Очерки по истории науки». В ежегодник вошли исследования рекордного количества авторов — 50. Объединив специалистов разных научных направлений, профессор сделал подарок читателям в виде замечательного сборника. К огромному сожалению, книга не успела выйти при его жизни: 17 июня 2020 года Ватаняра Саидовича Ягья не стало.

Книга содержит оригинальные исследования в области истории, культуры, языков, литературы, религии, философии, географии, политики, международных отношений. Не случайно именно Ватаняру Саидовичу принадлежит заслуга открытия первой в нашей стране кафедры *мировой политики* (1994). Практическое воплощение междисциплинарности в гуманитарных науках как нельзя лучше отразило данное научное направление. Накопив массив систематизированных знаний в политической географии, лингвистике, истории, международных отношениях, профессор Ягья увидел в реальных политических процессах предметное поле мировой политики. Сегодня кафедра мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета представлена в научном мире специалистами-африканистами, арабистами, филологами, историками, философами,

географами, юристами, политологами и выпускниками собственно факультета международных отношений.

Нам бы хотелось, чтобы читатель увидел в статьях, представленных друзьями, коллегами, учениками Ватаняра Саидовича, не просто открытия или приращение новых знаний в конкретных научных областях, а еще и человека, чья жизнь настолько интересна и наполнена событиями, поступками, яркими впечатлениями, что сама по себе могла бы стать отдельным романом. Настоящая книга — дань уважения не только В.С. Ягья, но и его учителям и старшим коллегам.

Начать мы решили с Африки — региона, с которым связаны первые научные шаги и значимые достижения В.С. Ягья. Африканистика — самостоятельная отрасль общественной науки, сформировавшаяся на стыке международных отношений, истории, географии, политологии, лингвистики, культурной антропологии. Раздел «Африка» включает 11 статей, систематизированных по темам, и подготовлен с участием известных российских ученых-африканистов из Института Африки РАН, Института восточных рукописей РАН, Отдела этнографии Африки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, НИУ «ВШЭ», РГПУ им. А.И. Герцена.

Особое внимание уделено направлению «Эфиопистика». В 1958 г. Ватаняр Саидович поступил на кафедру африканистики восточного факультета Ленинградского государственного университета, когда вузы СССР только начинали готовить специалистов по Черному континенту. По воспоминаниям Ватаняра Саидовича, в мир африканистики его ввел заведующий кафедрой (1946–1987) член-корреспондент Академии наук СССР Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, справедливо считающийся основателем африканистики в стране. Обе диссертации — кандидатскую и докторскую — В.С. Ягья защитил по Эфиопии: в 1967 г. «Эфиопия в 1941–1954 гг. Борьба за укрепление политической независимости», в 1975 г. докторскую «Общественно-политическая эволюция Эфиопии в новейшее время (1917–1974 гг.)».

Интерес России к христианской Абиссинии возник в XVII в. и с тех пор не ослабевал. Старейшие вузы страны, прежде всего СПбГУ, на протяжении десятилетий изучают классические и современные языки, литературу, историю Эфиопии. К ним присоединяются и молодые университеты, такие как ВШЭ, считающие данное

направление востребованным, а значит, современным. В 2020 г. здесь впервые открыт набор на образовательную программу «Эфиопия и арабский мир». Профессор ВШЭ и СПбГУ, д-р ист. наук **Сергей Александрович Французов** открывает подраздел «Эфиопистика» статьей «Иерусалимская надпись императора Эфиопии Иоанна IV» о памятнике эфиопской эпиграфики из «самого сердца Старого города» — Иерусалима, составленном на языке геэз (гыыз). Наибольший интерес данная строительная надпись представляет для реконструкции истории Эфиопии в эпоху возрождения в ней христианской империи.

Христианство монофизитского толка, распространенное в Египте в IV в., проникло в предшествовавшее современной Эфиопии древнее государство Аксум и быстро превратилось в главенствующую идеологию. Об этом и не только можно прочитать в статье специалиста по современному эфиопскому языку — амхарскому — и литературе Эфиопии, старшего научного сотрудника Института Африки РАН канд. ист. наук **Галины Александровны Балашовой** «Очерки культурной политики Эфиопии: взгляд сквозь эпохи». В статье рассматривается политика императоров Эфиопии разных периодов и их вклад в развитие культуры страны.

Религиозная общность стала идеологическим обоснованием российского политического интереса к Эфиопии¹. Установление дипломатических связей в 1898 г.² оказалось немаловажным фактором сохранения и укрепления эфиопской государственности. Научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, канд. ист. наук **Екатерина Валентиновна Гусарова** анализирует материальные памятники истории установления дипломатических связей между двумя странами — некаталогизированную художественно оформленную пергаменную грамоту, содержащую текст на амхарском языке и сообщающую о награждении Николая II эфиопским орденом звезды, и некоторые другие документы.

В 2018 г. отмечалось 120-летие установления официальных дипломатических отношений между Россией и Марокко. Марокко стало первой арабской страной, с которой Россия установила дипотношения. Сегодня Марокко — один из ведущих торговых партнеров

¹ Немченко В. 120 лет дипотношениям России и Эфиопии // Азия и Африка сегодня. 2018. № 5. С. 19–21. С. 20.

² В 2018 г. в России отмечалось 120-летие установления дипломатических отношений с Эфиопией.

России в арабской Африке. Статья заведующего кафедрой истории стран Ближнего Востока СПбГУ, д-ра ист. наук, профессора **Николая Николаевича Дьякова** «Мухаммед бен Юсуф: от «золотой клетки» к первой пятилетке (к 65-летию независимого Королевства Марокко)» посвящена событиям 2 марта 1956 г. — объявлению независимости Марокко. В 1957 г. Мухаммед бен Юсуф провозгласил себя королем и начал модернизацию монархии. Конституция 1962 г. закрепила принцип наследственности королевской власти, а также многопартийную политическую систему. Автор статьи прослеживает этапы борьбы за независимость марокканского народа.

О независимости другого качества — фантомной — пишет эксперт Организации Объединенных Наций, профессор кафедры мировой политики СПбГУ, д-р филол. наук **Николай Александрович Добронравин**. Речь идет о двух политических образованиях — республиках Логон и Дар-ал-Кути в Центральной Африке. Автор считает: подобная фантомная независимость в перспективе может превратиться в реальность.

Новый научный поворот в изучении Африки в 1970-е годы изменил область исследования с исторической и лингвистической на географическую. В географию профессора Ягья привел Юрий Дмитриевич Дмитриевский — экономико-географ, создатель отечественной школы географов-африканистов, читавший лекции по страноведению на восточном факультете ЛГУ. Профессор Дмитриевский написал первые в Советском Союзе фундаментальные труды по африканскому региону: монографии «Англо-Египетский Судан» (1951), «Нил» (1958), «Судан» (1959) и другие. С 1967 г. Юрий Дмитриевич возглавлял кафедру экономической географии ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Африканистика как общественно-географическое направление³ развивается в трудах его учеников: В. С. Ягья, В. Д. Сухорукова, Ю. Н. Гладкого; последний с 1986 г. руководит кафедрой экономической географии РГПУ им. А. И. Герцена. **Профессора** д-р геогр. наук **Юрий Никифорович Гладкий** и д-р геогр. наук **Вячеслав Дмитриевич Сухоруков** подготовили для сборника статью «Цивилизацион-

³ Каледин Н. В. Общественная география в Санкт-Петербургском университете: истоки и этапы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. 2015. Вып. 1. С. 58–74; Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д. Жизнь во благо науки: к 100-летию со дня рождения выдающегося географа-африкановеда Ю. Д. Дмитриевского // География и экология в школе XXI в. 2020. № 3. С. 32–36.

ные контексты африканского регионализма». По мнению авторов, современная Африка, раздробленная на искусственные постколониальные образования, в текущих реалиях слабо воспринимается в качестве единого стратегического конструкта. Нынешнее африканское пространство представлено исламской, негро-африканской цивилизациями, а также отдельными очагами западноевропейской культуры.

Ислам в Африке в альманахе рассматривается с позиции цивилизационного подхода: с одной стороны, как социально-политическое явление, с другой — в контексте поиска африканской идентичности. Альманах представляет последнюю статью д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН **Анатолия Дмитриевича Саватеева** (1946–2019) «Исламские пророки-революционеры Субсахарской Африки: профетические движения в истории континента». В 1974 г. он окончил восточный факультет ЛГУ и уехал в академическую аспирантуру Института Африки в Москву, где стал одним из лучших специалистов по исламу на африканском континенте.

Частным случаем распространения ислама является регион Джибал Нуба в Кордофане, которому посвящена статья «Джибал Нуба: традиции мира прошлого и трудности нового этапа», подготовленная д-ром ист. наук, профессором СПбГУ **Игорем Вячеславовичем Герасимовым** и аспирантом восточного факультета **Даниилом Андреевичем Алферовым**, в которой прослеживается эволюция отношений между местными и арабскими племенами и анализируется современное состояние страны с момента приобретения Суданом независимости в 1956 г. Сложная политическая структура вынуждает политические силы искать компромиссные решения.

От истории и политики мы предлагаем перейти к следующему подразделу — «Лингвистика». Классическим считается образование африканиста, если он изучает африканские языки. Когда академик Аполлон Борисович Давидсон создавал сектор истории Африки Института всеобщей истории РАН, он выдвинул несколько принципов работы сектора, среди которых был принцип «формировать состав сектора из людей, получивших специальную африканскую подготовку и, как правило, владеющих африканскими языками»⁴.

⁴ Миротлюбие и миротворчество в Африке. К 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона. Сборник статей / Институт всеобщей истории РАН; на

Ватаняр Саидович Ягья учился на кафедре африканистики ЛГУ и писал диплом, посвященный современному амхарскому языку. Он впервые выявил в амхарском изафетную конструкцию, синтаксическую формулу двуначального простого предложения и новые словообразовательные способы. Амхарский язык является официальным языком Федеративной Демократической Республики Эфиопия, хотя в последние годы он теряет свои позиции, но интерес к его изучению со стороны студентов не ослабевает. Тему амхарского языка в Альманахе представляет преподаватель кафедры африканистики МГУ им. М.В. Ломоносова **Светлана Леонидовна Кравченко** в статье «Развитие терминологии в амхарском языке».

История кафедры африканистики Института стран Азии и Африки МГУ в 1960 г. начиналась с преподавания другого языка — суахили, наиболее известного и самого крупного африканского языка. Язык суахили с его богатой историей и литературой идентифицируется как символ консолидации, идентичности и единства всей Африки. Вопросам современного функционирования языка в инокультурной среде посвящена статья заведующей кафедрой, д-ра филол. наук, профессора **Нелли Владимировны Громовой** (выпускницы восточного факультета ЛГУ) «Язык суахили в афроамериканской культуре».

Кафедру африканистики восточного факультета СПбГУ сегодня возглавляет д-р филол. наук, профессор **Александр Юрьевич Желтов**. Предлагаем читателю ознакомиться с его статьей «О некоторых типологических особенностях категории числа в языках нигер-конго». Языки нигер-конго демонстрируют большое разнообразие в морфосинтаксических характеристиках категории числа, о котором на примере ряда языков региона и идет речь в работе.

Тематика статей, вошедших в альманах, весьма разнообразна, поскольку Ватаняр Саидович не только африканист. С созданием кафедры мировой политики в СПбГУ профессор Ягья меняет не только научную область, но и объекты исследования: в значительной степени ими становятся Турция и Ближний Восток. Разделы Альманаха, посвященные турецким лингвистическим исследованиям, изучению современной Турции, Западной Азии получились весьма содержательными и интересными — авторы статей представляют университеты России (МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ), Турции

(Эгейский университет и Университет Чанаккале) и Азербайджана (Академия государственного управления).

Автор статьи «О некоторых экзотических особенностях тюркских языков («тюркские чудеса»)» д-р филол. наук, профессор СПбГУ **Виктор Григорьевич Гузев** является одним из ведущих отечественных тюркологов, главная заслуга которого — создание собственной грамматической системы (а вместе с ней — целой школы в отечественной тюркологии). В. Г. Гузев и С. Г. Кляшторный первыми в тюркологии не только аргументированно доказали автохтонное происхождение системы рунического письма, но и представили список графем, проходивших несколько состояний: от словесного через слоговое, словесно-слоговое к буквенному. За представленное научное открытие Виктор Григорьевич в 2008 г. был награжден государственной наградой Турецкой Республики — орденом «За заслуги перед Турецкой Республикой», которую ему вручил лично президент Турции Абдулла Гюль.

Сегодня кафедру тюркской филологии СПбГУ возглавляет канд. филол. наук, доцент **Николай Николаевич Телицин**, чья статья «Письменность тюркских народов в древности и раннем Средневековье: основные системы» посвящена классической для петербургской тюркологии теме — древнетюркским письменностям и интерпретации их данных в контексте историко-филологического анализа.

Ученица профессора В. Г. Гузева, д-р филол. наук, литературный переводчик и критик, директор Центра исследований современной Турции СПбГУ **Аполлинария Сергеевна Аврутина** подготовила для настоящего издания очерк «Духовное родство турецкой и русской культур сквозь призму литературы», в котором речь идет о родстве турецкого и русского менталитетов, о культурном родстве, которое обусловлено пограничным положением обеих стран между Востоком и Западом.

Политологический блок открывает работа канд. ист. наук, доцента кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока МГУ им. М. В. Ломоносова **Павла Вячеславовича Шлыкова** «От вестернизации к девестернизации: турецко-американские отношения в исторической перспективе 1940–2010-х годов» о динамике турецко-американских отношений в ретроспективе последних семи десятилетий. Российско-турецкие отношения в энергетической сфере анализируют петербургские авторы — д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики СПбГУ **Ирина Владимировна Зеленева**

и выпускница кафедры **Екатерина Александровна Савкина** («Факторы, влияющие на российско-турецкие отношения в энергетической сфере на современном этапе»). Завершает цикл исследование коллег из Эгейского университета доктора **Гюльгю Эрдоган Тосуна**, доктора **Танджу Тосуна** и научного сотрудника **Юсуфкана Гекмена**, посвященное оценке избирательной системы современной Турции.

Тесное научное сотрудничество связывало Ватаняра Саидовича с азербайджанскими учеными. Он неоднократно посещал Баку, где участвовал в международных научных мероприятиях. Азербайджанские географы и политологи подготовили исследования по геополитике региона: «Геополитическое положение Азербайджанской Республики: изменения во времени и пространстве» (профессор департамента международных отношений Эгейского университета, д-р геогр. наук **Айдын Исмаил оглы Ибрагимов** и доцент Чанаккалинского университета 18 марта, канд. юрид. наук **Галина Исмаилова**) и «Тенденции изменения геополитических процессов в Прикаспийском регионе» (заведующий кафедрой планирования и управления устойчивым развитием Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, д-р геогр. наук, профессор **Чингиз Ниязи оглы Исмаилов**).

Значительный по объему раздел настоящего выпуска Альманаха — «Большая Восточная Азия». Его открывает статья одного из ведущих российских специалистов по истории и современным проблемам стран Востока, руководителя Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, д-ра ист. наук, профессора **Дмитрия Валентиновича Мосякова** «Место АТЭС в современных политических и экономических процессах в Большой Восточной Азии». АТЭС создавался как уникальный форум, который способствовал экономическому росту, развитию торговли и расширению инвестиционного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако современное состояние интеграционных процессов в регионе скорее можно охарактеризовать как стагнирующее, и вопрос перспективы развития остается открытым.

Ватаняр Саидович не раз принимал участие в проекте СПбГУ по изучению евразийской дуги нестабильности. Руководит проектом заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ, д-р ист. наук **Владимир Николаевич Колотов**, специалист по Вьетнаму. Редакционная коллегия пригласила профессора Колотова принять

участие в альманахе и представляет статью *«Технологии использования религиозного фактора во Вьетнаме: особенности политической истории основных религиозных групп с начала XVII века до настоящего времени»* о роли религиозного фактора в геополитических процессах.

Совместная работа коллег из Политехнического университета Петра Великого — заведующего кафедрой «Международные отношения», д-ра ист. наук, профессора **Сергея Николаевича Погодина** и аспиранта университета **Цзинчэна Ли**, а также из Северо-Западного института управления РАНХиГС — д-ра филос. наук, профессора **Юрия Васильевича Косова** (1954–2018) и канд. полит. наук, доцента кафедры международных отношений **Анастасии Валентиновны Николаенко** *«Перспективы взаимодействия Евразийского экономического союза и Великого шелкового пути»*, в которой анализируются историческое развитие отношений, современное состояние и перспективы экономической интеграции стран-участниц ЕАЭС, отмечается, что евразийская интеграция становится более продуктивной и взаимовыгодной с участием Китая. К сожалению, статья стала последней работой Ю. В. Косова — известного в научном и экспертном сообществе исследователя, организатора науки и создателя образовательных подразделений в области международных отношений в ряде высших учебных заведений Санкт-Петербурга, неизменного коллеги В. С. Ягья и преподавателя факультета международных отношений СПбГУ с момента его создания в 1994 г. По тематике Восточной Азии в издание также включена статья старшего преподавателя кафедры мировой политики СПбГУ, канд. геогр. наук **Анны Сергеевны Матвеевской** *«Российско-китайское сотрудничество в туристских проектах как мирополитический фактор»*.

Пожалуй, в научном арсенале профессора Ягья не была разработана лишь единственная представленная в альманахе тема американских исследований. Но сразу три статьи представлены в этом разделе известными американцами: д-ром ист. наук **Борисом Анатольевичем Ширяевым** *«Российско-американские отношения: взгляд с высоты времени»*, заведующей кафедрой американских исследований СПбГУ, д-ром ист. наук, профессором **Натальей Александровной Цветковой** *«Цифровизация публичной дипломатии США»* и учеником В. С. Ягья доцентом МГИМО, канд. полит. наук **Игорем Александровичем Истоминым** *«Американская стратегия и международный порядок после холодной войны»*.

В статье *«Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия»* следующего раздела, посвященного внешней политике России, паст-президент Международного географического союза, вице-президент Русского географического общества, заведующий кафедрой мирового хозяйства МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий лабораторией геополитических исследований Института географии РАН, д-р геогр. наук, профессор **Владимир Александрович Колосов** рассматривает вопросы влияния политического кризиса на динамику экономического взаимодействия приграничных регионов двух стран. В работе профессора МГИМО, д-ра полит. наук **Елены Георгиевны Пономаревой** и Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР и России, почетного доктора Дипакадемии МИД России, профессора, д-ра полит. наук **Георгия Алексеевича Рудова** *«Центральная Азия во внешней политике России: потери и возможности»* рассмотрены причины мирополитической значимости стран Центрально-Азиатского региона, освещено определяющее значение таких факторов развития многостороннего сотрудничества, как экономика, ресурсы «мягкой силы» и религия. Исследователи из СПбГУ доцент кафедры мировой политики, канд. полит. наук **Тамара Сергеевна Немчинова** и аспирант факультета международных отношений **Антон Александрович Музалёв** представили промежуточные результаты работы по теме *«Стратегии экспорта образования на постсоветском пространстве: сравнительный анализ практик России и Турции»*.

В традиционный раздел нашего альманаха «Пути к миру, безопасности и устойчивому развитию» включены статьи коллег из Санкт-Петербурга и Пятигорска, рассматривающие вопросы устойчивого развития Арктики, международного научного сотрудничества, защиты права граждан на благоприятную окружающую среду, взглядов молодого поколения на вопросы мира и национальной безопасности. Арктическое направление исследований преподавателей кафедры мировой политики СПбГУ представлено статьями доцентов канд. ист. наук **Надежды Климовны Харлампьевой** *«Глобальное научно-исследовательское сообщество по изучению Российской Арктики: состояние и перспективы»* и канд. ист. наук **Андрея Алексеевича Алимова** *«Генеральная уборка Арктики: причины, текущие проблемы и перспективы решения вопроса»* (совместно со старшим научным сотрудником СПб НИЦЭБ РАН, д-ром геогр. наук **Сергеем Васильевичем Викторовым**). Проблеме изменения климата с по-

литических и правовых позиций посвящена статья доцента кафедры мировой политики, канд. юрид. наук **Марины Анатольевны Ермолиной** и выпускницы кафедры **Анны Владимировны Крюковой** «Международная проблема изменения климата в контексте права человека на благоприятную окружающую среду». Статья члена редакционного совета альманаха, профессора, д-ра полит. наук, директора Института международных отношений Пятигорского государственного университета **Виктора Николаевича Панина** «Угрозы национальной безопасности: мнение молодежи» рассказывает об исследовании мнения российской студенческой молодежи, а также студентов из семи стран Центральной Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока о наиболее явных угрозах национальной безопасности своих государств.

Новый раздел альманаха «Очерки по истории науки» открывает статья члена Союза краеведов Санкт-Петербурга **Альмиры Наимовны Тагирджановой** о вкладе одной из старейших общин Петербурга — татарской — в формирование и сохранение культурного наследия города, роли татарских ученых в развитии востоковедения в СПбГУ. Эссе по истории науки, подготовленное аспирантом Института наук о Земле СПбГУ **Антоном Александровичем Музалёвым**, посвящено истории экономической географии в 1918–1925 гг. в России, особенностям формирования и развития отечественных научных школ в первые годы советского периода истории страны. Ценность работы заключается в использовании архивных источников, анализе учебной и научной литературы, изданной в 1920-е годы. Статья доцентов-географов СПбГУ канд. геогр. наук **Николая Владимировича Каледина** и канд. геогр. наук **Алексея Борисовича Елацкова** «Возникновение и становление политической географии в России» повествует об изучении возникновения и становления политической географии как научно-образовательного направления в России в рамках двух парадигм — государствоописательной (конец 1730-х годов — конец XIX в.) и антропогеографической (конец XIX в. — первая треть XX в.). В статье коллег речь идет и о вкладе профессора Ягья в возрождение политической географии и геополитики в отечественном научном дискурсе в конце 1980-х годов.

Кроме того, редакционной коллегией принято решение о подготовке и публикации в настоящем выпуске альманаха хронологического перечня научных трудов профессора В. С. Ягья, подготовку которого осуществили Т. С. Немчинова и А. В. Сбойчакова.

Слово главного редактора, конечно, было бы не полным, если бы мы от имени редакционного совета и редакционной коллегии не выразили глубокую признательность благотворительному фонду Г.М.Погосяна, оказавшему финансовую поддержку подготовки и издания 10-го тома ежегодного альманаха «Актуальные проблемы мировой политики».

Редакционный совет и редакционная коллегия выражают надежду, что 10-й — юбилейный — том альманаха «Актуальные проблемы мировой политики», ставший плодом труда многих талантливых людей, будет интересен как профессиональному сообществу — в первую очередь международникам, востоковедам, африканистам, лингвистам, географам, так и широкому кругу читателей. Мы приглашаем коллег к участию в подготовке следующего выпуска издания и остаемся уверенными в том, что дело основателя Альманаха — профессора В.С.Ягья — будет продолжено его коллегами и учениками.

Наш современник

Судьбы российских востоковедов изобилуют частыми и порой неожиданными переплетениями. Здесь могут сочетаться разные профессиональные навыки: мудрость политика, прозорливость разведчика, профессионализм дипломата, мастерство писателя, оперативность журналиста и многое другое. Так сложилось исторически со времен Российской империи, что знатоки стран Азии и Африки высоко ценились и параллельно выполняли несколько функций. Истории известны многочисленные такие примеры.

Нет ничего удивительного в том, что при смене советского строя и рождении новой демократической России люди нашей востоковедной профессии стали особо востребованы. Достаточно напомнить, что директор Института востоковедения Е. М. Примаков в тяжелейшие годы распада и разлада стал третьим, а впоследствии и вторым лицом в государстве. М. Б. Пиотровский был призван временем, чтобы из кабинетного ученого стать крупным общественным и культурным деятелем, снискавшим почет и уважение среди культурных элит многих стран мира. В этот же период профессор Ватаняр Саидович Ягья, как и некоторые его коллеги из Ленинградского государственного университета, включая Владимира Владимировича Путина, взяли на себя тяжелый груз по переустройству социально-политической системы в одном из крупнейших мегаполисов мира — Санкт-Петербурге. Это сейчас, спустя десятилетия, перелистывая альбомы с фотографиями тех лет, можно спокойно рассуждать о прошлых трудностях и лишениях. Тогда же перед командой молодых демократов стояла труднейшая задача — выстоять в условиях начавшейся разлухи и наступавшего социального кризиса.

Ватаняр Саидович не любил вспоминать о своей роли в решении тех насущных проблем в бытность главным советником мэра города и о своем личном вкладе в содействие работе Анатолия Собчака. Коллеги в те годы не переставали удивляться, как он в сложившихся на тот момент условиях мог находить возможность продолжать свою научно-педагогическую деятельность, жертвуя своим личным временем и практически не получая за это никакого вознаграждения.

Мы хорошо помним те порой совсем нищие годы, когда сотрудники академических институтов приходили на работу попить горя-

чего чая с сухариками и тощими бутербродами, поскольку выплату зарплат и пенсий задерживали по несколько месяцев. Аналогичная ситуация царила и в университетах, где зарплата профессуры была ниже швейцара и уборщицы в появившихся тогда элитных средних школах. Диву даешься, как смогла группа энтузиастов, возглавляемая В. С. Ягья и К. К. Худолеем, создать целый факультет международных отношений, ставший сегодня флагманом Санкт-Петербургского государственного университета. Требовалась не только поддержка влиятельных фигур, но и разработка концепции первой в Санкт-Петербурге школы подготовки специалистов в области международных отношений. Одновременно с основанием факультета в 1994 г. В. С. Ягья создал и возглавил первую в России кафедру мировой политики.

Главный объект научных изысканий профессора Ягья как признанного африканиста — Эфиопия¹. Специалисты по этой стране давно оценили вклад Ватаняра Саидовича в изучение данного направления отечественной африканистики. Как тюрколог позволю себе выделить тюркологические сюжеты научных работ В. С. Ягья.

Система академического востоковедного образования в городе на Неве позволяла подготовить эрудированного во всех отношениях специалиста. Так, арабисты-историки по багажу своих познаний являлись в определенной степени османистами-историками и даже специалистами по истории народов Кавказа и Центральной Азии, как и сами османисты и тюркологи были знатоками Ближнего Востока и Северной Африки. Достаточно взглянуть на перечень филологических, исторических и даже археологических трудов тюрколога с мировым именем С. Г. Кляшторного. Или ознакомиться со списком публикаций таких профессоров, как Н. Н. Дьяков, С. И. Султанов, Е. И. Зеленов и ряда других. Что же касается африканиста петербургской школы, то здесь всегда преобладало удивительное сочетание филолога, историка и этнографа в одном лице. В этой связи нет ничего удивительного, что африканист В. С. Ягья обратился к анализу политических процессов в Турецкой Республике как к преемнице некогда могущественной Османской империи. Уделяя внимание динамике трансформаций внешнеполитической активности Анкары

¹ Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М.: Мысль, 1978. 327 с.; Природные ресурсы Африки: (По странам и континентам) / Ю. Н. Гладкий, В. С. Ягья. М.: Знание, 1986. 45 с.; Цыпкин Г. В., Ягья В. С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1989. 405 с.

на современном этапе, исследователь, в частности, сфокусировался на таких вопросах, как энергетическая политика Турции, эффективность инструментов многосторонней дипломатии на евразийском и ближневосточном политическом поле². Не остался профессор Ягья в стороне и от рассмотрения злободневных для современной Турции вопросов этнорелигиозного характера, связанных с политической Анкары в отношении тюркоязычных республик на постсоветском пространстве и их роли в выстраивании российско-турецкого диалога³.

Совершенно новой темой стало определение роли и места Турции в борьбе за влияние в Африке, что не могло ускользнуть от исследовательского внимания профессора Ягья⁴. Он с присущей ему проницательностью и научной чуткостью впервые, проводя сравнительный анализ имперского прошлого и политического настоящего, связанного с повышением роли Турции в международных делах, привлек внимание отечественной научной общественности к комплексному изучению турецко-африканских отношений в постбиполярную эпоху. Продвижение международных инициатив в политической сфере, реализация крупных проектов в экономической, гуманитарной и культурной областях, упрочение научно-технического сотрудничества — все это позволяет Анкаре на текущем этапе весьма успешно конкурировать с ведущими державами мира, закрепившимися в этом регионе исторически. Турция, входящая в тройку крупнейших доноров гуманитарной помощи мира, открыла посольства в 41 стране Африки и увеличила товарооборот с африканским континентом в шесть раз за последние 15 лет, при этом турецкое руководство на среднесрочную перспективу ставит не менее амбициозные задачи.

² Ягья В. С. Турция в современной мировой системе // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 5 / под ред. В. С. Ягья, М. Л. Лагутиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 520 с.; Ягья В. С., Йюкселтен М. Н. Политика Турции в ближневосточном регионе (2002–2015 гг.) // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 16–26.

³ Ягья В. С., Соломина Д. В. Отношения России и Турции в XXI веке: тенденции и трудности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Филология. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. Вып. 1. 2014. С. 127–138.

⁴ Ягья В. С., Колесникова М. А. «Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 37–59.

Надо признать, что турецкие сюжеты в многообразном багаже научных исследований Ватаняра Саидовича отличаются новизной и оригинальностью, что, кстати говоря, не всегда встретишь в работах тех многочисленных авторов, что в последнее время резво взялись за турецкую тему.

Говоря о Ватаняре Саидовиче, сложно выделить какую-то наиболее важную грань его личности. Кто он в большей мере — общественный деятель-международник, ученый-африканист, отец-основатель нового университетского направления, политик новой волны? Да, вероятно, и всё по отдельности, и всё вместе взятое. Но главное — он наш современник, и нам посчастливилось работать и дружить с этим удивительным человеком.

*Ведущий научный сотрудник
Российского института стратегических исследований,
доктор исторических наук, профессор,
советник дипломатической службы России 1-го класса
Колесников Александр Антонович*

От первого лица

*По своей сути, культуре, знаниям,
крупнейшим научным заслугам все мои учителя
были истинными петербуржцами.
В. С. Ягья*

В 10-й том альманаха вошли статьи, написанные коллегами и учениками профессора Ватаняра Саидовича Ягья в честь его 80-летнего юбилея. К сожалению, ему не суждено было поддержать сборник в руках — во время подготовки издания к публикации Ватаняр Саидович ушел из жизни. Планировалось, что откроет юбилейный сборник интервью с Ватаняром Саидовичем, которое главный редактор альманаха готовила для «Парламентской газеты». Никто не предполагал, что оно будет последним. Редакционный совет принял решение опубликовать интервью в том виде, в каком оно было подготовлено при жизни выдающегося ученого. Нам кажется, интервью-портрет как нельзя лучше раскрывает личность человека, чей масштаб и вклад в становление и развитие системы государственной власти Санкт-Петербурга, укрепление гражданского согласия и дружбы между народами России и мира трудно переоценить.

18 сентября 2018 г. исполнилось 80 лет российскому ученому, педагогу, политику, дипломату и общественному деятелю Ватаняру Саидовичу Ягья. Юбилар, который не нуждается в представлении. В своем родном городе профессор Ягья — известная личность. Ватаняр Саидович — ленинградец по рождению, воспитанию и образованию. Его знают и далеко за пределами Санкт-Петербурга. Человек удивительной судьбы.

В 80 лет Ватаняр Саидович прекрасно выглядит: высокий, стройный, представительный, интеллигентный, всегда элегантно одетый. Он не чувствует своего возраста. Обладает невероятной работоспособностью и жизненной энергией. Сегодня он успешно сочетает исследовательскую, педагогическую и дипломатическую работу — его график по-прежнему расписан на месяц вперед.

- *Ватаняр Саидович, вы начинали свою карьеру ученого как специалист по Африке. Откуда был такой интерес?*

Я родился в Ленинграде, и вся моя жизнь за исключением нескольких лет, которые мы с мамой провели на Алтае во время эвакуа-

ации из блокадного Ленинграда, связана с нашим городом. Я учился в школе № 73 Петроградского района, с благодарностью вспоминаю своих учителей, прежде всего свою первую учительницу Зою Сергеевну Медведеву, учителей словесности Клавдию Романовну Берлину и Клавдию Александровну Андрееву.

После школы я поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета, где тогда преподавали выдающиеся ученые — цвет и слава отечественной науки. Я выбрал кафедру африканистики. Начиная с 1950-х гг. африканские страны были важным «фронтом» холодной войны, поэтому государство было заинтересовано в развитии этого научного направления. Кстати говоря, так было не только в Советском Союзе, но и в Великобритании, во Франции, Германии. Я выбрал в качестве научного интереса Эфиопию и комплексно, как и было традиционно установлено в университете, стал изучать язык, историю, этнографию и культуру народов Эфиопии. Затем продолжил обучение в Эфиопском университете в Аддис-Абебе. После возвращения начал работать младшим научным сотрудником в университете. Мой жизненный путь в науке, в образовании — это без малого 60 лет.

- *Расскажите, пожалуйста, о своих учителях.*

Мне посчастливилось учиться и потом работать с выдающимися людьми нашего времени. В мире чтят африканистов и востоковедов члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге, академиков РАН СССР М. Н. Боголюбова, И. А. Орбели, профессоров И. М. Стеблина-Каменского, И. Ю. Крачковского, А. Н. Кононова и др. Их авторитет был абсолютным, широта познаний поразительная и научная интуиция уникальная. Они задали очень высокую планку. Если подробно написать о роли каждого учителя в моей судьбе, об их научных заслугах, то потребуется не одна объемная книга. По своей сути, культуре, знаниям, крупнейшим научным заслугам все они были истинными петербуржцами. Своим студентам, аспирантам и сотрудникам они прививали любовь к городу на Неве, к истинному пониманию жизни, служению Отечеству.

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987), один из основателей отечественной африканистики, пионер преподавания африканских языков в СССР¹. Он был блестящим лектором, читал нам

¹ Ватаняр Саидович и его коллеги написали не одну статью о своем учителе: Вальская Б. А. Д. А. Ольдерогге и Географическое общество СССР / Б. А. Валь-

основные курсы «Введение в африканистику», «Сравнительная характеристика африканских языков». На кафедре африканистики работала Тамара Леонидовна Тютрюмова (1905–1987). Она преподавала пятилетний курс амхарского языка, читала спецкурсы по языку геэз (древнеэфиопский язык), фольклору Эфиопии, современной литературе Эфиопии. На самом деле специалисты, подготовленные кафедрой под руководством Д. А. Ольдерогге, изначально составили кадровую основу для научных школ африканистики всех российских университетов, включая МГИМО, МГУ, РУДН. Например, Нелли Владимировна Громова, выпускница кафедры, специалист по суахили, сейчас возглавляет аналогичную кафедру в Институте стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова, Анатолий Дмитриевич Саватеев — ведущий научный сотрудник РАН (Москва). Вот с этого времени, несмотря на то что живем и работаем в разных городах, мы вместе и представляем одну школу, мы общаемся, встречаемся на конференциях, хотя не так часто, как хотелось бы. Таким образом, наши петербуржцы отправляются в Москву не только заниматься политической деятельностью, но и работать в лучших университетах страны, развивают науку и образование. И я очень благодарен, что коллеги, друзья откликнулись и приняли участие в написании статей для юбилейного сборника.

• *Состав юбилейного сборника действительно впечатляет, в него входят статьи известнейших российских ученых-востоковедов, географов, международников, лингвистов. Безусловно, это признание, прежде всего научное признание, но и человеческое тоже. О человеке, его характере, устремлениях, моральных качествах можно сказать многое, если знать, с кем он близок. Как пришли эти люди в вашу жизнь, что они значат для вас?*

Как вы верно отметили, среди авторов есть и географы: например, доктор географических наук, президент Международного географи-

ская, А. А. Жуков, В. С. Ягья // Страны и народы Востока / отв. ред. Б. А. Вальская, В. С. Ягья. М., 1991. Вып. XXVII. С. 6–17; Вальская Б. А. Д. А. Ольдерогге и Восточная комиссия Русского географического общества / Б. А. Вальская, А. А. Жуков, В. С. Ягья // Ethnologia Africana. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге / под ред. Н. Б. Качакова. М.: Муравей, 2002. С. 66–75; Ягья В. С. Д. А. Ольдерогге и ленинградская школа африканцев / В. С. Ягья // Азия и Африка: наследие и современность: материалы XXIX Международного конгресса по источниковедению стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб.: Студия «НП-Принт», 2017. С. 354–356.

ческого союза, вице-президент Русского географического общества Владимир Александрович Колосов. С ним мы дружим со времен первых Всесоюзных совещаний по политической географии, которые, по сути, возродили эту научную отрасль в нашей стране. Несколько лет я работал на кафедре экономической географии в РГПУ им. Герцена, где познакомился с большим ученым Юрием Никифоровичем Гладким, который сейчас руководит этой кафедрой, с ним мы написали не одну работу по Африке и не только.

В географию меня привел Юрий Дмитриевич Дмитриевский (1920–2001), без которого немислимы были бы мои географические интересы. Ему принадлежат фундаментальные труды по экономической географии африканского континента, истории географической науки. Он создал школу географов-африканистов. Среди его учеников Ю. Н. Гладкий, В. И. Гусаров, В. Д. Сухоруков.

В большом университете кафедру политической географии и региональной политики возглавляет тоже известный географ и один из авторов альманаха Николай Владимирович Каледин, область его научных интересов близка нам, международникам, — это геополитика, политическая география, общегеографическое страноведение. Кафедра, которую он возглавляет, была создана в 2002 г. и продолжает традиции петербургской научно-образовательной школы общественно-географического регионоведения, политической географии и геополитики В. П. Семенова-Тян-Шанского — С. Б. Лаврова.

Из иностранных географов, с которыми я дружу много лет, хотел бы отметить Айдына Ибрагимова из Чанаккалинского университета 18 марта (Турция).

- *Сборник охватывает широкий спектр проблем, отвечающих вашим научным интересам. Представленные статьи посвящены темам и целым областям науки, которые вы особенно активно и плодотворно разрабатывали.*

Круг исследований действительно широк. Так и лет мне немало (*смеется*). Я сам горжусь тем, что уже в 36 лет стал доктором исторических наук, а профессором в 40 лет. А потом была вся жизнь впереди (*смеется*). Но сразу хочу сказать словами глубоко уважаемого мною первого президента Татарстана Минтимера Шаймиева: «Юбилей мой, годы не мои».

К 2018 г. мной опубликовано более 360 научных работ, в том числе 11 книг. Первая статья вышла в 1965 г., когда я был аспирантом восточного факультета ЛГУ. Уже в 1960–1980-е годы мои статьи пу-

бликовались в ведущих журналах СССР: «Вопросы истории», «Советская этнография», «Народы Азии и Африки», «Вестник Ленинградского государственного университета», «Известия Всесоюзного географического общества» и других. Статьи публиковались также в зарубежных изданиях. Мне довелось читать лекции в университетах США, Германии, Финляндии, Израиля, Кении, Эфиопии и других стран.

- *Сегодня мы вас знаем не только как ученого-африканиста. Вы занимаетесь разными аспектами международных отношений, мировой политики, причем не только в теории, но и на практике.*

Мне кажется, в науке неинтересных тем нет, но любимые области знания есть у каждого. В молодости, как я уже сказал, главным объектом моих научных изысканий как африканиста стала Эфиопия. Руководил написанием моей кандидатской диссертации еще один известный африканист Михаил Борисович Рабинович, к этому времени за его плечами было уже восемь лет лагерей якобы за разглашение военной тайны. В 1967 г. защита диссертации «История Эфиопии в 1941–1954 гг. Борьба за укрепление политической независимости» успешно прошла на восточном факультете и уже через два года была опубликована отдельной монографией. А в 36 лет я уже защитил докторскую «Общественно-политическая эволюция Эфиопии в новейшее время, 1917–1974».

Востоковедение в России имеет богатую историю, и Петербургский университет занимает в этой истории ведущее место. Университет стал крупным центром российского востоковедения еще в XIX в., таким он оставался и в советское время, несмотря на урон, нанесенный науке сталинскими репрессиями. После революции большинство российских ориенталистов остались на родине, не эмигрировали за границу, именно они смогли продолжить традиции востоковедного образования, основанного на междисциплинарности, сочетающей языковедение, литературоведение, историю, археологию, экономику, географию. Это позволяло подготовить эрудированного во всех отношениях специалиста. В этой связи нет ничего удивительного, что меня привлекла и другая специализация восточного факультета — тюркология. Мне всегда были интересны сюжеты, связанные с политическими процессами в Турецкой Республике. Поэтому когда я возглавил кафедру мировой политики, сразу понял, что это будет новое исследовательское направление в моей научной работе.

- *В 1990 г. вы попробовали себя на новом поприще — политическом. Вы избирались депутатом Ленсовета и затем четырежды — Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Как сделать успешную политическую карьеру, не прерывая научную и преподавательскую деятельность?*

1990 год — это особое время! На по сути первых демократических выборах народных депутатов РСФСР избиратели ориентировались прежде всего на личность потенциального депутата. Большую часть кандидатов по Ленинграду составляли представители интеллигенции, работники научных организаций, вузов. Это было время, когда в политику шли многие университетские профессора, например Анатолий Александрович Собчак, Сергей Борисович Лавров, Марина Евгеньевна Салье и другие. Было интересно попробовать свои силы на новом поприще, было другое время — время романтиков. И я этому тоже поддался. И ни разу не пожалел об этом.

После избрания в Ленинградский городской Совет народных депутатов я возглавил комиссию по международным и внешнеэкономическим связям. Вскоре меня пригласил к себе в качестве главного советника первый мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак. Но когда в 1994 г. в Санкт-Петербургском государственном университете создали факультет международных отношений, то кафедру мировой политики опять же поручили возглавить мне, и я согласился. Таким образом, две стороны — научная и политическая — постоянно переплетаются в моей жизни. В настоящее время я также совмещаю должность заведующего кафедрой с обязанностями советника председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

- *Вы занимаетесь не только научной деятельностью, но и преподаете, преподаете молодежи. Сейчас отовсюду раздаются призывы работать с молодежью. Как работать, никто не знает, никто толком не понимает, кто они и что с ними делать. Какой вы видите современную молодежь?*

Проблема воспитания и образования — центральная. От этого зависит будущее. За 20 лет у нас выпало целое поколение ученых. Молодые кадры реализуют себя не в нашей стране. Надо учить не знанию, а пониманию. Поэтому делом своей жизни считаю преподавание, необходимо живое общение со студентами. Даже будучи главным советником мэра, я не ушел на постоянную работу в Смольный, а продолжал оставаться профессором восточного факультета и читал лекции по африканистике. Подготовил сотни магистрантов

и 30 кандидатов политических и исторических наук, а также несколько докторов наук.

Среди армии моих учеников много студентов из разных стран мира, а российские ученики трудятся в различных институтах и университетах страны. Среди авторов сборника Сергей Николаевич Погодин — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; Игорь Александрович Истомин — теперь преподаватель МГИМО.

• *И все-таки чему вы больше отдаете предпочтение — науке или международной деятельности?*

Вы знаете, актерам часто задают вопрос, что для них важнее — театр или кино. Большинство не могут сделать выбор в пользу одного из видов искусств, и мне это кажется правильным. Я также не могу сказать, что для меня на первом месте — преподавание, наука или же политическая деятельность. Я старался и стараюсь вкладывать душу и физические силы и в политику, и в науку. Насколько это получилось, судить, наверно, моим коллегам и ученикам.

• *В настоящее время вам поручают вести самые сложные переговоры с иностранными парламентскими делегациями. Насколько эффективна сегодня парламентская дипломатия?*

В сложных условиях нынешнего мироустройства международная деятельность требует активного подключения дополнительных каналов, в том числе усилий парламентской дипломатии. Последняя получила международное признание и органично встроилась в формирующееся региональное межпарламентское пространство, является важным ресурсом внешнеполитической работы в целом, в особенности в сфере публичной дипломатии. Миссия парламентариев, как сказала однажды спикер Совета Федерации Валентина Ивановна Матвиенко, — «договариваться, договариваться всегда и везде». Это тем более важно в условиях кризиса и санкций. Отношения России со странами Европы складываются в последнее время непросто. Международные действия парламента, групп в его составе и отдельных парламентариев часто выстроены в диалоговом смягчающем режиме. Законодательное собрание Санкт-Петербурга стремится поддерживать межпарламентские контакты на самых разных уровнях, и прежде всего в Балтийском регионе.

Могу только сказать, что знание истории, теории и практики международных отношений, экономической и политической геогра-

фии, языков позволяет успешно вести переговоры с зарубежными партнерами.

- *Как вы проводите свободное время, ведь оно должно быть у каждого человека?*

Я люблю читать. Регулярно читаю литературные журналы «Дружба народов», «Новый мир», «Иностранная литература», «Нева» и другие. Среди писателей отдаю предпочтение Чингизу Айтматову, Габдулле Тукаю, Федору Тютчеву, Даниилу Гранину. Учю стихи, часто цитирую на лекциях.

- *Можете сейчас передать свое настроение какими-нибудь строками?*

Строки из стихотворения Евгения Максимовича Примакова:

Я твердо все решил: быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжело,
То и тогда с дороги не сойду.

- *Секрет вашего успеха?*

Всем, чем я занимаюсь, я занимаюсь с удовольствием.

- *От чего вы больше всего получаете удовольствие?*

От всего — от работы, от общения, от любви, от литературы, от поездок в разные города и страны.

- *О чем мы вас еще не спросили?*

О родителях. Привычку к упорному труду, широту интересов, прочную веру и даже знание языков нам, детям — мне и моим братьям и сестрам, передали родители.

18 сентября 2018

Беседовала Т. С. Немчинова

АФРИКА

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 916+327

Цивилизационные контексты африканского регионализма

Ю. Н. Гладкий, В. Д. Сухоруков

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48*

Для цитирования: Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д. Цивилизационные контексты африканского регионализма // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 38–55. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.04>

Рассматривается динамика африканского регионализма в контексте цивилизационной тематики. Целью работы является анализ и обобщение накопленного научного материала о прошлом и настоящем процесса регионализма в Африке, где тесно переплетаются процессы природного и общественного характера. Категория цивилизации выступает объяснительным принципом предметного поиска. В качестве главного исследовательского (методического) подхода используется геоисторическая реконструкция событийных картин и систематический взгляд на объект познания. Результатом работы стала развернутая картина современного африканского регионализма, отражающего специфику континентального геопространства. Представленные выводы могут способствовать дальнейшим научным поискам в этом направлении, а также содействовать формированию фундаментальной научной базы для анализа общепланетарной картины.

Ключевые слова: цивилизации Африки, африканский цивилизационный регионализм, макроформатный регионализм, региональные объединения Африки, локальный регионализм, этническая фрагментация Африки.

Качество серьезного политика (и политического дискурса), по мнению М. Вебера, во многом определяет не что иное, как «глазо-

мер», «дистанция по отношению к вещам и людям» [1, с. 646–648]. Учет этих категорий принципиально важен при оценке зримого вклада в науку (и, в частности, политологию) Ватаняра Саидовича Ягья — одного из наиболее ярких российских ученых-энциклопедистов, востоковеда-африканиста по «первоначальному призванию». Диверсификация его научных интересов, охватывающая вопросы мировой политики, истории, политической географии, лингвистики, литературоведения, экологии, поражает. При этом в любой отрасли научного знания его творческий подход непременно отличается соблюдением вышеупомянутой «дистанции по отношению к вещам и людям», искусным использованием как эмпирического, так и теоретического уровня познания и, разумеется, объективностью.

Свою лепту В. С. Ягья внес и в исследование заявленной авторами проблемы, имеющей отношение к современному африканскому регионализму [2–3]¹.

В литературе встречаются различные измерения термина «регионализм». Чаще всего он ассоциируется с региональной активностью населения, движением регионов, обладающих определенными специфическими свойствами, для решения социально-экономических и этнокультурных проблем с целью упрочения своего статуса в системе государства (или государств), сохранения своей самобытности и уникальности (самоидентификации), а также с интеллектуальными течениями².

В отношении африканского макрорегиона авторы апеллируют не столько к критерию различного рода интеллектуальных течений и доктрин, влияющих на пространственную дифференциацию общества, сколько к распространенному принципу территориальной организации экономических, социокультурных, политических сторон жизнедеятельности населения. Среди них — многообразные контакты этнических и религиозных групп, хозяйственная взаимо-

¹ Дмитриевский Ю. Д., Шахнович К. А., Ягья В. С. Экономическая география стран Северо-Восточной и Восточной Африки: пособие для студентов. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1972. 24 с.

² Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д. Экономическая и социальная география зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «География». М.: Издательский центр «Академия», 2013. 400 с.; Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 360 с.

дополняемость, политическая сплоченность и т.д. В любом случае в развитии процессов регионализма существенную роль (часто латентную) играет цивилизационное прошлое народов.

Современная Африка ассоциируется с периферией нынешнего техногенного мира. В ней протекают многочисленные деструктивные процессы, вызывающие глубокие опасения. Выходом из создавшегося положения может стать научно обоснованная региональная политика континента. Для ее разработки требуется глубокий анализ накопленного научного материала, касающегося динамики и особенностей африканского регионализма. Содействовать решению этой задачи является основной целью данной работы.

Теоретической основой исследования выбран геоисторический подход [1; 4–10]³, обеспечивающий целостное видение предметной научной картины. Понимание логики и специфики геоисторического развития Африки позволило выявить современные особенности изучаемого объекта и обозначить полученные результаты в виде систематических представлений. Для реализации этой задачи были использованы также информационные ресурсы, отражающие текущее положение дел в Африке [11, с. 369–388; 12–13]⁴.

Древние цивилизации Африки. Геоисторические ракурсы африканского континента убедительно свидетельствуют о чрезвычайно богатом, разнообразном и утонченном прошлом Африки. Вышесказанное дает основание говорить о специфике африканских цивилизационных очагов и их элементах, которые выступают общим знаменателем для культур и народов, населяющих данную часть света [5, с. 44–47]. Используя выражение «африканские цивилизации», авторы осознают его условность, поскольку большинство крупных социокультурных общностей континента, за исключением высоких цивилизаций Ближнего Востока, имели недостаточный набор необходимых признаков. Корректнее называть их протоцивилизациями.

Пространство африканского континента традиционно делилось на три части: средиземноморская (или европейская) Африка, бассейн

³ Также была использована: История Африки. Хрестоматия. М.: Наука, 1979. 383 с.

⁴ См. также: Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д. Экономическая и социальная география зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «География». М.: Издательский центр «Академия», 2013 384 с.; Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 360 с.

Нила (или Египет) и Африка к югу от Сахары (или «подлинная Африка») [14, с. 561]. На этом основании в Африке рассматриваются следующие цивилизационные зоны: египетская и берберская, возникшие в бассейне Нила и Северной Африке; кушитская (в южном бассейне Нила), а также западноафриканская (иногда называемая суданской), банту и койсанская, представляющие «подлинную Африку» [6, с. 295–297]. Все они являются предметом специальных научных исследований. Мы ограничимся лишь эскизами этих цивилизаций.

Особое положение среди всех цивилизаций Африки занимает Египет, назначение которого заключалось в том, «чтобы стать великим центром самостоятельной культуры» [14, с. 562]. Египет на протяжении своей длительной истории (в течение нескольких тысячелетий до арабских завоеваний) оказывал влияние на весь африканский континент и прилегающее Евразийское пространство [5, с. 295]. На парусных и гребных судах египтяне ходили вдоль берегов Средиземного моря, совершали далекие плавания по Красному морю на юг в страну Пунт, располагавшуюся в районе Африканского Рога⁵. Есть свидетельства, что египтяне заходили еще дальше — добирались до озера Чад, тропических лесов Конго и зеленых холмов Уганды [7, с. 39].

По мере того как Египет терял свое могущество, на цивилизационную арену выдвигался трудолюбивый и предприимчивый народ — финикийцы. Их роль как великих мореплавателей и коммерсантов была очень значительной. Постепенно им удалось освоить Северную Африку, основав могучий город Карфаген, чьи развалины сейчас являются главной достопримечательностью столицы Туниса. Предприимчивый дух и жажда добычи быстро расширяли и укрепляли позиции Карфагена в Африке. В V в. до н.э. было построено несколько крупных городов — колоний Карфагена. Самый далекий из них — Керна. Он был поставлен на таком же расстоянии к югу от Столбов, на каком к востоку от них находился Карфаген [10, с. 11].

В те века уже был освоен морской путь из портов Египта по Красному морю к выходу в Индийский океан. От Баб-эль-Мандебского пролива он пролегал на восток и юг двумя ответвлениями: вдоль африканского берега до мыса Гвардафуй и вдоль аравийского побережья в южный Иран и Индию. Ко II в. до н.э. эти маршруты продолжились до Занзибара и Юго-Восточной Азии [4, с. 197–198].

⁵ Путешествие в страну Пунт / История Африки. Хрестоматия. М.: Наука, 1979. С. 10.

В непосредственной близости от этих морских путей оказалось древнее Аксумское царство, возникшее в V в. до н.э. и существовавшее на территории современных Судана, Эритреи, Эфиопии, Йемена и Аравии. Аксумиты имели хозяйственные связи с Египтом, Римской империей, Южной Аравией, Индией и, возможно, Китаем [4, с. 107, 135; 7, с. 173]. Главными центрами Аксумского царства были порт Адулис и столичный город Аксум. Первый считался крупнейшим на морском пути из северной части Красноморья в Индию и Юго-Восточную Азию. Второй располагался к юго-западу от Адулиса и являлся культурно-политическим центром государства. Маршруты широтного направления связывали эти города с долиной Нила. Аксумиты также активно контактировали с народами к югу от своих земель, но неизвестно, как далеко они проникали вглубь Африки [8, с. 179–205; 9, с. 170]. Аксумское царство, сохранявшееся до середины Средневековья, представляло кушитскую протоцивилизацию, находящуюся под сильным влиянием Египта [6, с. 296].

Древнее происхождение также имеет берберская протоцивилизация, существовавшая в Северной Африке, Сахаре и отдельных районах Сахеля. От этой цивилизации сохранились лишь смутные предания [6, с. 295].

С VII в. н.э. на обширную территорию Северной Африки стали распространять свою власть арабы, жившие на Аравийском полуострове. В VIII в. они уже владели восточными, южными и западными берегами Средиземного моря, всеми берегами Красного моря и Персидского залива, северным побережьем Аравийского моря. Тогда же арабы открыли Коморские острова и вскоре достигли Мадагаскара. Они оккупировали восточное побережье Африки и стали посредниками в отношениях Африки, Европы и Азии.

Параллельно в Западной Африке, куда часто навевывались арабы, также существовали сильные государства и империи. Среди них наиболее мощным была Гана. Вскоре ее заменила империя Мали, а на смену ей пришла Сонгайская держава и Борну, долго сохранявшие господствующее положение в Западной Африке.

Восточная, Центральная и Южная Африка представляют зону протоцивилизации народов банту. На всем пространстве своего расселения они воспроизводили сходную социально-экономическую модель существования и отличались достаточно высокой общественной солидарностью [6, с. 297].

Койсанская протоцивилизация — наиболее слабая и «виртуальная» среди африканских культур. Она представляла собой визуализированное единство архаических племен Центральной и Южной Африки (до прихода народов банту). Их характерными признаками были охота и собирательство, а также использование особого автохтонного койсанского языка, который сейчас находится под угрозой полного исчезновения [6].

Разумеется, перечисленные цивилизационные зоны не отражают всей полноты культурно-исторической дифференциации континента. Зримые следы оставили многие локальные протоцивилизации: Ифе (к югу от суданской цивилизационной зоны), в недрах которой сформировались цивилизации йоруба и бини; акано-ашантийская (к западу); мусульманская суахили (города-государства Момбаса, Килва, Ламу, Малинди, Пате, Софала и др., султанат Занзибар); зимбабвийская (Зимбабве, Мономотапа, X–XIX вв.) и др. Однако вышеупомянутые зоны во многом определили основные контуры современной культурно-исторической дифференциации Африки.

Африканский цивилизационный регионализм сегодня. Опираясь на понятие «современные мировые цивилизации», можно утверждать, что нынешнее пространство Африки представлено исламской, негро-африканской цивилизациями, а также отдельными очагами западноевропейской (например, на территории ЮАР в последние столетия развивались культура и искусство европейских колонистов-буров, то есть африканеров, а затем англичан).

Уязвимым звеном в данной логической цепи является тезис о негро-африканской цивилизации, существование которой нередко подвергается сомнению. Высказывается мысль, что вместо единой цивилизации имеется лишь «совокупность непохожестей». Есть основание квалифицировать подобное суждение как крайнее, не учитывающее того факта, что сходные исторические и природно-экономические условия сыграли роль своеобразного «синтезатора» в появлении многих общих черт в социальных укладах, искусстве, менталитете народов банту, манде и других.

Кстати, этой точки зрения придерживались многие авторитетные африканские интеллектуалы XX в., и прежде всего Леопольд Сенгор (Léopold Sédar Senghor) — политик, философ, поэт, первый президент Сенегала, видный деятель panaфриканизма, один из разработчиков теории негритюда (африканского духа). Он полагал, что африканскую цивилизацию определили такие факторы, как эмоцио-

нальность, интуиция, тесная связь с природой. «Водораздел» между африканцем и европейцем, по его мнению, лежит в психосоциальной плоскости: если «негро-африканская» личность ориентирована на эмоции и интуицию, то «эллинско-европейская» — на разум и рациональность [17, с. 34].

На наш взгляд, современный цивилизационный регионализм Африки правомерно рассматривать в рамках теоретических идей «конгломеративных обществ», характеризующихся длительным сосуществованием и устойчивым воспроизводством пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений [11]. Авторы подобных идей обычно определяют конгломеративность как парциальный вид несистемной организации, противопоставляя африканские общества однородным обществам «системного типа» Запада. «Конгломеративность может невольно выступать как оппозиция системности, хотя конгломеративность может быть представлена и как вариант системности. Тем не менее оба типа обществ воплощают разные типы связей. Конгломеративность как единство существует на уровне соединения разнотенностей, это единство через соразвитие разного, а не через слияние в одинаковом» [11, с. 170].

Поэтому сравнивать негро-африканскую цивилизацию с европейской — все равно что проводить параллель между системой, где тип взаимодействия образующих элементов носит диалектический характер, и конгломератом, где связи формируются на принципах параллельного соразвития. Хотя и в последнем случае обычно требуются все типы отношений, а отсутствие синтеза компенсируется консервацией исходных свойств.

Было бы ошибкой обе крупные африканские цивилизации относить к однотипному варианту конгломеративной (гетерогенной) организации обществ несистемной организации. Североафриканская исламская цивилизационная зона (арабская субкультура), несмотря на существующие внутрирегиональные коллизии, отличается большей схожестью типов связей, что обусловлено культурным наследием исламской цивилизации. Оно включает мечети и мусульманские школы (медресе), типы общественного хозяйства, традиции и обычаи, искусство и т. д.

Благодаря беспрецедентной экспансии «восход» ислама превратился в знаменательное событие мировой истории. «Арабские воины разнесли новую веру вплоть до Атлантического побережья

Африки. ...каждому народу, покоренному наступавшими мусульманами, предлагался выбор: принять ислам, протекторат или исчезнуть», — пишет патриарх американской политологии Г. Киссинджер [12, с. 135–136]. И главное для нашего контекста: «Области, которые мусульмане покорили..., считались единым политическим образованием — Дар-эль-ислам, “территория ислама”, царство мира» [6, с. 136]. Конечно, нельзя утверждать, что в странах Африканского Средиземноморья сегодня устоялись стабильные диалектические связи, которые имеют место в однородных обществах «системного типа», но уровень «связности» локальных обществ здесь неизмеримо выше, чем в Африке южнее Сахары.

Об этом отчасти свидетельствует мысль современного американского геополитика Р. Каплана (Robert D. Kaplan), навеянная «арабской весной»: «Первая фаза развития конфликта на Ближнем Востоке засвидетельствовала поражение географии из-за огромного влияния коммуникационных технологий. Спутниковое телевидение и социальные сети, бурлящие революцией в интернете, *создали единое пространство людей* (курсив наш. — Авт.), протестующих в арабском мире» [15, с. 17]. Формирование подобного пространства в странах Тропической Африки, несмотря на достаточно четко очерченную систему духовных и материальных ценностей, представляется сегодня утопической идеей. Отчасти это связано с тем, что здесь не сложились самостоятельные высокие религии, подобные мировым, не появилось техническое творчество, наука и т. д.

Конфессиональный регионализм тесно связан с цивилизационным, однако вряд ли стоит проводить между ними прямые параллели. В современной Африке большинство верующего населения многих стран за пределами арабского цивилизационного пространства (Чад, Сьерра-Леоне, Сенегал, Нигерия, Нигер, Мали, Кот-д’Ивуар, Союз Коморских Островов, Гвинея-Бисау, Гвинея, Гамбия, Бурунди и др.) исповедует ислам, но это обстоятельство еще не может служить надежным основанием для отнесения этих государств к мусульманской цивилизации.

Глубокий анализ африканских культур обнаруживает великое множество региональных (и внутрирегиональных) отклонений от цивилизационного «мейнстрима». Речь идет о субкультурах, отличающихся региональными (или социально ориентированными) системами ценностей, традициями, манерой поведения, языком, одеждой. Чаще всего они формировались на этнической основе,

но иногда носят социальный, профессиональный и, что встречается особенно часто, молодежный характер.

«Макроформатный» регионализм. Наиболее распространенным (хотя, к сожалению, малоэффективным) видом подобного межгосударственного регионализма в Африке является экономико-интеграционный. Казалось бы, он имеет косвенное отношение к этнокультурным, цивилизационным аспектам развития, но это не так. Как правило, объединения возникают именно в пределах очагов родственных культур, на территориях традиционных макрорегионов.

Создание в 1963 г. (еще до завершения процесса деколонизации) Организации африканского единства (ОАЕ) предопределило благие цели интеграции: образование зоны свободной торговли на континенте, введение единого внешнего тарифа, создание общего фонда стабилизации цен на сырье и т.д. Непреодолимые трудности, возникшие на пути реализации этих целей (слабые экономики, монокультурная специализация, узость национальных рынков, низкая платежеспособность населения и т.д.), побудили Экономическую комиссию ООН для Африки разработать план поэтапного развития регионального сотрудничества, в соответствии с которым весь континент был разделен на несколько географических зон (Северную, Западную, Восточную, Центральную и Южную Африку).

Специфика интеграционного процесса второй половины XX в. состояла в создании интеграционных объединений на базе бывших франкоязычных и англоязычных колоний, что больше соответствовало интересам метрополий, а не цивилизационным «корням» территорий. Даже в случаях, когда историческое прошлое, казалось, могло оказывать стимулирующее воздействие на интеграцию, возникали многочисленные дезинтегрирующие факторы.

Так, идея создания одной из старейших интеграционных группировок — панарабской организации «Союз арабского Магриба» (в составе Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса) — появилась еще в 1958 г., когда собрался Объединительный конгресс стран Магриба в Танжере. Реальный шаг в создании союза был сделан в 1964 г., когда Комитет постоянных представителей региона вплотную озаботился проблемами экономической интеграции. К сожалению, несколько десятилетий сотрудничества из-за многих центробежных факторов (слабо диверсифицированные экономики и экспорт, узость внутренних рынков, различия в уровнях развития

и т. д.) не привели к подлинной интеграции Магриба. Крайне негативно на развитие сотрудничества влияют политические коллизии последних лет между Марокко и Алжиром, Мавританией и Марокко, Ливией и ее соседями и т. д.

Наиболее богата постколониальная история создания интеграционных объединений (преимущественно франкоязычными странами по бассейнам рек) в Западной Африке, перечислять которые нет необходимости. Особые надежды возлагались на договор 1975 г. о создании Западноафриканского экономического сообщества (англ. *The Economic Community of West African States — ECOWAS*) в составе 16 франкоязычных и англоязычных государств (включая Нигерию как локомотива региона). Тогда речь шла об отмене взаимных таможенных пошлин в торговле; отмене препятствий на передвижение услуг, капиталов и рабочей силы; разработке совместных схем для развития транспорта, коммуникаций, энергетики и других инфраструктурных проектов; гармонизации экономической и промышленной политики стран-членов и даже ликвидации различий в уровнях развития.

Часть стран ЭКОВАС образуют сегодня Западноафриканский экономический и валютный союз (англ. *West African Economic and Monetary Union — WAEMU*) с общей денежной единицей франком КФА, который вначале был жестко привязан к французскому франку, а с 1999 г. привязан к евро. Увы, ни в переходный период (15 лет), ни позже, когда был принят обновленный договор ЭКОВАС (1995 г.), государствам — участникам интеграционного союза не удалось заметно продвинуться в реализации намеченных целей из-за больших трудностей. Последние обусловлены бедностью стран и различиями в подходах к решению проблем, дисгармонией законодательных норм.

Как было отмечено ранее, уровень цивилизационной «связности» локальных обществ в Северной Африке выше, чем в Черной Африке, однако приоритет в создании первого интеграционного объединения принадлежит Восточной Африке, где еще в 1920-е годы Кения, Танганьика и Уганда были объединены английской администрацией с образованием общего рынка и введением общей валюты. В последующие годы сообщество неоднократно распадалось и возрождалось вновь (уже в расширенном составе, включая Бурунди, Руанду и Южный Судан) из-за отсутствия общности политических интересов и этнической «комплиментарности» (по Л. Н. Гумилеву),

чрезмерных диспропорций между странами по объему валового внутреннего продукта, темпам инфляции, дефициту платежных балансов и т. д. Сказывалось также параллельное участие стран в других интеграционных союзах (Кения и Уганда входят сегодня в состав КОМЕСА и в Межправительственный орган по развитию Восточной Африки (ИГАД), а Танзания — в САДК) (см. табл.).

Таблица. Ведущие региональные объединения Африки (2015 г.)

Союзы/ Объединения	Дата создания	Государства — члены интеграционной группировки
Союз арабских стран Магриба (<i>Arab Maghreb Union — AMU</i>)	1964	Алжир, Ливия, Марокко, Мавритания, Тунис
Экономическое сообщество стран Западной Африки (<i>Economic Community of West African States — ECOWAS</i>)	1975	Бенин, Буркина-Фасо, Кабо- Верде, Гамбия, Гана, Гвинея- Бисау, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Либерия, Мавритания, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того
Экономический и валютный союз стран Западной Африки (<i>West African Economic and Monetary Union — WAEMU</i>)	1994	Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея- Бисау, Кот- д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того
Восточноафриканское Сообщество (ВАС) (<i>Eastern Africa Community</i>)	1999	Бурунди, Кения, Уганда, Руанда, Танзания, Южный Судан
Таможенный и экономический союз Центральной Африки (<i>Economic Community of Central African States, фр. Union Douanière et Économique de l'Afrique Centrale — UDEAC</i>)	1966	Габон, Камерун, Конго, ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея
Трансграничная Инициатива (<i>Cross Border Initiative — CBI</i>)	1992	Бурунди, Замбия, Зимбабве, Кения, Союз Коморских Островов (Коморы), Мадагаскар, Мавритания, Малави, Намибия, Реюньон, Руанда, Свазиленд, Танзания, Уганда, Эфиопия, ЮАР

Союзы/ Объединения	Дата создания	Государства — члены интеграционной группировки
Таможенный союз стран Южной Африки (<i>Custom Union of South Africa — SACU</i>)	1969	Ботсвана, Лесото, Намибия, ЮАР, Свазиленд
Южноафриканское сообщество развития (<i>South African Development Community — SADC</i>)	1992	Ангола, Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Демократическая Республика Конго (ДРК), Лесото, Маврикий, Малави, Мозамбик, Намибия, Свазиленд, Сейшельские острова, Танзания, ЮАР
Сообщество стран Сахеля-Сахары (<i>Community of Sahel-Saharan States</i> , фр. <i>Communaute des Etats Sahelo-Sahariens — CEN-SAD</i>)	1998	Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея-Бисау, Гвинея, Джибути, Египет, Эритрея, Кения, Кот-д'Ивуар, Коморы, Либерия, Ливия, Мавритания, Мали, Марокко, Нигер, Нигерия, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Того, Чад, ЦАР
Экономическое сообщество стран Восточной и Южной Африки (<i>Community of East and South Africa — COMESA</i>)	1993	Бурунди, ДРК, Джибути, Замбия, Зимбабве, Египет, Кения, Коморы, Ливия, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Руанда, Свазиленд, Сейшельские Острова, Судан, Уганда, Эритрея, Эфиопия

Среди ныне существующих региональных объединений относительно высокой степенью экономической взаимозависимости стран-членов выделяется UDEAC, сформированный на базе административно-хозяйственных и экономико-правовых связей, сложившихся в период образования французских колониальных владений. Данный опыт экономической интеграции, несмотря на стандартные трудности, уже принес конкретные результаты: НПЗ в Габоне обеспечивает страны-участницы бензином, цементный завод в Камеруне — цементом и т. д.

Более эффективными процессы экономического регионализма оказались на Юге Африки благодаря патерналистской роли ЮАР — государства с развитой рыночной экономикой. Основываясь на стратегических документах Конференции по координации развития стран Юга Африки 1980 г., в 1992 г. здесь было создано Сообщество развития Юга Африки — САДК. Отличительной чертой этой организации является реализация конкретных проектов, реальное расширение транзитных связей, снижение барьеров в отношении движения рабочей силы и капиталов.

Локальный регионализм. Под ним авторы понимают региональные процессы на уровне отдельных государств и племен (см. рис.). Чаще всего они ассоциируются с движением этносов за экономические и политические права, природные ресурсы, против социальной дискриминации. В основе таких процессов лежит явление трайбализма (англ. *tribalism*, от *tribe* — племя) как формы племенной обособленности, часто сопровождаемой враждебностью по отношению к этническим группам. Чувственное самоопределение через этническую принадлежность — вовсе не удел прошлых эпох; жизнь африканцев слишком далека от того, чтобы быть полностью обусловленной внеэтническими характеристиками социального бытия. И здесь принадлежность к определенной культуре, соответствие цивилизационным «стандартам» играют значимую роль.

Пожалуй, наиболее яркий пример внутрирегиональной «фрустрации» XX в. в Африке связан с жестокими межэтническими распрями внутригосударственного характера в Руанде. Здесь в 1994 г. произошло массовое убийство населения тутси, осуществленное властями, представлявшими хуту. Жертвами геноцида, по разным оценкам, стали от 500 тыс. до 1 млн человек, среди которых тутси составили до 70%, остальные — умеренные хуту, выражавшие недовольство правительством и репрессиями. И хотя убийства совершались жандармерией, военными группировками интерхамве и импузамугамби⁶, межэтнический, внутрирегиональный раскол в стране «законсервировался» на многие годы. Мало того, в конфликт в той или иной мере были втянуты Руанда, Уганда, Бурунди и Демократическая Республика Конго. Тутси и хуту, принадлежащие к одной языковой группе, несколько веков жили «бок о бок», но хуту — автохтонные земледельцы, тутси — преимущественно

⁶ Вооруженные ополчения хуту.

Рисунок. Этническая фрагментация Африки, стимулирующая процессы регионализма. Сост. по: [16]

скотоводы-кочевники, проникшие на территорию современной Руанды с севера в XVI в. Со временем тутси как владельцы больших стад крупного рогатого скота стали руандийской аристократией, что во многом и послужило причиной социальных коллизий.

Конфликтам на этнической почве часто сопутствуют процессы политического регионализма. Его специфический пример демонстрирует, например, одна из беднейших стран континента Исламская Республика Мавритания, которая после конфликта Сенегала, Гамбии и Нигерии с Ираном (из-за оружейной поддержки последним оппозиционных сил в этих странах) превратилась в опорный пункт иранской экспансии. Не только политическому, но и экономическому обособлению страны способствовал дипломатический кризис в отношениях с соседним Марокко, под чей контроль в результате вооруженного конфликта перешла большая часть Западной Сахары [13, с. 108–111]. Неслучайно следствием иранской экспансии

в Мавритании стал разрыв дипломатических отношений Марокко с Ираном.

Но и в самой Мавритании, как и во многих других странах Черной Африки, четко прослеживаются маркеры внутреннего регионализма. Так, до сих пор сохраняется вероятность конфликтов между маврами (основным населением) и проживающими в низовьях реки Сенегал племенами тукулёр, сонинке и волоф, а также «белыми» и «черными» маврами. По мнению Е. Я. Сатановского, «корень зла» таится в отношениях патриархального рабства, все еще сохраняющихся между людьми [13, с. 111].

Процессы регионализма без стимулов для развития. Геоисторические ракурсы африканского континента убедительно свидетельствуют о чрезвычайно богатом, разнообразном и утонченном прошлом Африки. Это позволяет говорить о специфике африканских цивилизационных очагов и их элементах, которые выступают общим знаменателем для культур и народов, населяющих данную часть света.

Нынешнее африканское пространство представлено исламской, негро-африканской цивилизациями, а также отдельными очагами западноевропейской культуры. Наиболее распространенным «макроформатным» (межгосударственным) регионализмом в современной Африке выступают экономико-интеграционные группировки. Однако, за редким исключением, их экономическая эффективность остается низкой.

Актуальной проблемой для Африки остается локальный регионализм, наблюдаемый на уровне отдельных государств. Он ассоциируется с движением этносов за экономические и политические права, природные ресурсы, против социальной дискриминации. В основе таких процессов лежит явление трайбализма, часто сопровождаемое острыми племенными столкновениями.

Современная Африка занимает особое положение в системе мировых координат. Страны и регионы континента продолжают существовать в основном за счет получения геосферной ренты и постепенно становятся мировым полюсом отсталости. Особенно тревожной является нарастающая угроза продовольственной безопасности стран континента. Поэтому основной целью Декларации тысячелетия ООН для Африки провозглашается поддержка и укрепление демократии на континенте, помощь африканцам в их борьбе за прочный мир, искоренение нищеты и устойчивое развитие, что

будет способствовать вовлечению Африки в основное русло мирового развития. Решение этих и других проблем континента во многом зависит от региональной политики, совершенствования общественных отношений, силы мирового сообщества и сознательности людей.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М.: Мысль, 1978. 327 с.
3. Гладкий Ю. Н., Ягья В. С. Природные ресурсы Африки: (По странам и континентам) / Ю. Н. Гладкий, В. С. Ягья. М.: Знание, 1986. 48 с.
4. Вельгус В. А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейне Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранее XI в.) / отв. ред. Д. А. Ольдерогге, Р. Ф. Итс. М.: Наука, 1978. 302 с.
5. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы. Средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М.: Акад. проект, 2014. 530 с.
6. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. По ту сторону Запада. Китай, Япония, Африка, Океания. М.: Акад. проект, 2014. 551 с.
7. Дэвидсон Б. Новое открытие древней Африки. М.: Изд-во вост. лит. АН СССР, 1962. 315 с.
8. Кобищанов Ю. М. Аксум. М.: Наука, 1966. 296 с.
9. Кобищанов Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI — середина VII в.). М.: Наука, 1980. 222 с.
10. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1967. 714 с.
11. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Равноположенное развитие во внутренней и международной политике // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М.: Изд-во МОНФ, 2000. 683 с. С. 369–388.
12. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2016. 512 с.
13. Сатановский Е. Я. Котел с неприятностями: Ближний Восток для «чайников». М.: Изд-во «Э», 2016. 574 с.
14. Гегель Г. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
15. Каплан Р. Месть географии / пер с англ. М. Котова. М.: КоЛибри, 2015. 384 с.
16. Murdock G. P. Africa: Its peoples and their culture history. New York, 1959. 456 p.
17. Сенгор Л. С. Афро-негритянское искусство // Афро-негритянское искусство. 1966. № 3.

Контактная информация:

Гладкий Юрий Никифорович — д-р геогр. наук, проф., чл.-корр. РАО;
gladky43@rambler.ru

Сухоруков Вячеслав Дмитриевич — д-р геогр. наук, проф.; suhor@herzen.spb.ru

Civilizational contexts of African regionalism

Yurii N. Gladkiy, Vyacheslav D. Sukhorukov

Russian State Pedagogical University,

48, Moika River nab., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Gladkiy Yu.N., Sukhorukov V.D. Civilizational contexts of African regionalism. *Digest of World Politics*, vol.10, ed. by T.S.Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp.38–55. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.04> (In Russian)

The dynamics of African regionalism in the context of civilizational themes is considered. The aim of the work is to analyze and summarize the accumulated scientific material about the past and present of Africa, where the processes of natural and social character are closely intertwined. The category of civilization is the explanatory principle of objective search. As the main research (methodological) approach is used geohistorical reconstruction of event pictures and a systematic view of the object of cognition. The result of the work was a detailed picture of modern African regionalism, reflecting the specifics of the continental geo-space. The presented deduced knowledge can contribute to further scientific research in this direction, as well as contribute to the formation of a fundamental scientific basis for analyzing the planetary picture.

Keywords: Civilizations of Africa, African civilizational regionalism, *macro-formatted* regionalism, regional associations of Africa, local regionalism, ethnic fragmentation of Africa.

References

1. Weber M. *Selected Works*. Rus. Ed. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian)
2. Yagya V.S. *Ethiopia in the Latest Times*. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 327 p. (In Russian)
3. Yagya V.S. *Natural Resources of Africa*. Moscow, Znanie Publ., 1986. 48 p. (In Russian)
4. Velgus V.A. *News of the Countries and the People of Africa and Sea communications in the basin of Pasific and Indian oceans*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 302 p. (In Russian)
5. Dugin A. G. *Noomakhiya: Wars of Mind. Logos of Europe: the Mediterranean Civilization in Time and Space*. Moscow, Akad. proekt, 2014. 530 p. (In Russian)
6. Dugin A. G. *Noomakhiya: Wars of Mind. On that Side of the West. China, Japan, Africa, Oceania*. Moscow, Akad. proekt, 2014. 551 p. (In Russian)
7. Davidson B. *Old Africa Rediscovered*. Rus. Ed. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962. 315 p. (In Russian)
8. Kobishhanov Ju. M. *Aksum*. Moscow. Nauka Publ., 1966. 296 p. (In Russian)
9. Kobishhanov Ju. M. *North-East Africa in the Early Medieval World (6 — the Middle of the 7th Century)*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 222 p. (In Russian)

10. Magidovich I.P. *Essays on History of Geographical Discoveries*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 714 p. (In Russian)
11. Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. *Ravnopolozhenny development in domestic and international policy. Politicheskaja nauka v Rossii*. Moscow, 2000. Pp.369–388. (In Russian)
12. Kissinger G. *World Order*. Rus. Ed. Moscow, AST Publ., 2016. 512 p. (In Russian)
13. Hegel G. *Phenomenology of Spirit*. Rus. Ed. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 880 p. (In Russian)
14. Satanovskii E.Ja. *Pot with Troubles: The Middle East Beginner's Guide*. Moscow, E-Publ., 2016. 574 p. (In Russian)
15. Kaplan R. *The Revenge of Geography. What the Map Tells Us about Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. Rus. Ed. Moscow, KoLibri Publ.; Azbuka-Attikus Publ., 2015. 384 p. (In Russian)
16. Murdock G.P. *Africa: Its peoples and their culture history*. New York, 1959. 456 p.
17. Senghor L.S. Afro-Negro art // Afro-Negro art, 1966, no. 3.

Author's information:

Yurij N. Gladkiy — Dr. Sci. in Geographical Sciences, Professor, Member Correspondent of the Russian Academy of Education; Gladkiy43@rambler.ru
Vyacheslav D. Sukhorukov — Dr. Sci. in Geographical Sciences, Professor; suhor@herzen.spb.ru

УДК 94+321+327

Мухаммед бен Юсуф: от «золотой клетки» к первой пятилетке (к 65-летию независимого Королевства Марокко)

Н. Н. Дьяков

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Дьяков Н. Н. Мухаммед бен Юсуф: от «золотой клетки» к первой пятилетке (к 65-летию независимого Королевства Марокко) // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 56–67. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.05>

Мухаммед бен Юсуф (1909–1961) — ключевая фигура в политической истории Марокко в середине XX в. Вступив на престол в начале французского колониального правления (1927), Мухаммед бен Юсуф прошел в своей политической биографии сложный путь от марионеточного султана, инструмента французского протектората, до признанного лидера освободительного движения — символа независимости, завоеванной его народом в 1956 г.

Ключевые слова: Королевство Марокко, новейшая история, протекторат Франции, колониальная политика, национальная независимость, государственный суверенитет.

В отличие от подавляющего большинства арабских стран, Марокко вступило в XX в. как суверенное государство мусульманского Запада — Магриба — во главе с утвердившейся еще в середине XVII в. династией Алауитских шерифов, прямых потомков Пророка Мухаммеда.

Марокканские кризисы начала XX в., во многом определившие так называемую восточную политику держав накануне Первой мировой войны, привели к установлению в 1912 г. протектората Франции и Испании в этой «шерифской империи». Оккупация, экономическая эксплуатация и политическое подчинение Марокко проходили на фоне широкого сопротивления местного арабо-берберского населения в первые десятилетия XX в.

Пиком антиколониальных выступлений того времени стала кровопролитная война под руководством Мухаммеда ибн Абд Аль-

Крима в горной области Риф — в зоне испанского протектората на севере страны — и сопровождавшая ее героическая эпопея вполне демократической Рифской Республики (1921–1926). Лишь объединив свои усилия и доведя численность союзных войск до беспрецедентных 400 тыс. человек, Франция и Испания смогли сломить сопротивление марокканских горцев, отряды которых насчитывали тогда максимум 70 тыс. человек [1, с. 185].

Потеряв в ходе боевых и карательных действий более 3 тыс. убитыми и свыше 10 тыс. ранеными [2, с. 194], французские власти в Марокко столкнулись с новыми проблемами. Рифская война, ставшая предметом пристального изучения военными экспертами и политиками в Испании, Франции, Великобритании и даже в Советской России (см., например, [3]), в какой-то момент поставила под угрозу само существование режима протектората.

Для Парижа это было особенно печально, поскольку вышедшая из Первой мировой войны державой-победительницей, одной из решающих сил Антанты, Франция готовилась широко отметить столетие своей «африканской империи», рождение которой началось в 1830 г. с завоевания Алжира, срединных земель Магриба, раскинувшихся у восточных границ Марокко.

Спустя год после завершения войны в Рифе при сохранении очагов антиколониального сопротивления в других частях Марокко на многовековой престол Алауитов 18 ноября 1927 г. взошел 21-й представитель династии Мулай Мухаммед бен Юсуф¹. Ему суждено было в течение трех десятилетий вести державный корабль с миллионами подданных на борту к государственному суверенитету и независимости по бурным волнам политической истории Магриба в XX в. Вступление на Алауитский престол 17-летнего Мухаммеда бен Юсуфа открыло новую стадию политического развития Марокко, включавшую два 15-летних периода — до и после Второй мировой войны, точнее, до и после наступления англо-американских сил в Магрибе на пороге 1943 г.

Первый период (1927–1942 гг.) — годы «султана в золотой клетке», когда сиди (*араб. марок.* мой господин, государь) Мухаммед служил инструментом в колониальных планах французов. Яркий пример — принятие берберского дахира (1930), указа, призванного расколоть туземное общество, отделить берберов от арабо-мусуль-

¹ Султан в 1927–1957 гг., король в 1957–1961 гг.

манской массы, чтобы шире интегрировать их в колониальный сектор. Тем не менее накануне Второй мировой войны роль султана как фактора национального единения постепенно возрастает.

Второй период. Массированный десант англо-американских союзников в Магрибе в ноябре 1942 г. оказал прямое влияние на судьбы «шерифской империи» под 30-летним французским протекторатом. Исторический саммит антигитлеровской коалиции в Касабланке открыл второй этап войны на севере Африки. Именно в этом крупнейшем портовом городе Марокко в январе 1943 г. была сформулирована и утверждена известная доктрина «безоговорочной капитуляции» держав фашистской «оси». Здесь же, в Касабланке, на встрече на высшем уровне союзников была признана лидирующая роль 33-летнего султана Мухаммеда как символа освободительных сил Марокко. По инициативе президента Ф. Рузвельта, к большому неудовольствию французской стороны, марокканский султан впервые был принят лидерами антигитлеровской коалиции как суверенный законный монарх. Эту роль Мухаммед бен Юсуф не просто сохранил, но и усилил в послевоенный период, дав американцам разыграть пресловутую «магрибскую карту» для укрепления их военно-политических позиций при одновременном ослаблении французского колониализма в Северной Африке.

Начало монаршей биографии Мухаммеда бен Юсуфа складывалось не лучшим образом. Как и покойный отец Мулай Юсуф (годы правления — 1912–1927), юный султан, по мнению Парижа, должен был повторить судьбу заурядного «туземного вождя», марионеточного владыки, хотя и наделенного почетным правом скреплять своей высочайшей подписью и печатью подававшиеся ему акты и указы, подготовленные чиновниками протектората. Застенчивый и болезненный юноша призван был стать покладистым «ручным султаном», уверенно поддерживаемым французской стороной, столь же решительно отодвинувшей от престола его старших братьев. Как констатируют западные исследователи, в колониальной истории трудно найти другую такую ошибку, столь опрометчиво допущенную метрополией [2; 4; etc]. Уже первый этап сложной политической судьбы Мулай Мухаммеда бен Юсуфа показал постепенную эволюцию от унижительного статуса «султана в золотой клетке» к исторической роли лидера национально-патриотических сил «шерифской империи» — *l'Empire Cherifienne*.

Дворцовая рутина, юношеские забавы и альковные утехы сопровождалась в первые годы правления султана регулярным появлением составленных аппаратом французского генерального резидента указов-*дахиров*, призванных обеспечить реализацию «цивилизаторской миссии» Франции — *la mission civilisatrice*. Самый печальный, если не сказать позорный, памятник этапа протектората — пресловутый «берберский дахир», подписанный 16 мая 1930 г. двадцатилетним султаном.

После установления протектората (1912) десятилетия колониального развития Марокко национальные историки и большинство их французских коллег называют мрачным периодом унижения и угнетения в новейшей истории «пленного королевства» — *un royaume captive* [4, p. 11].

В развитие «туземной политики», истоки которой были прямо связаны с многолетними колониальными экспериментами в соседнем Алжире, французские власти предприняли очередную попытку расколоть мусульманское общество Марокко на арабов («ленивых и коварных» горожан и селян, проживавших преимущественно на равнинах) и горцев-берберов (гордых и стойких воинов, потомков древней средиземноморской расы, открытых к сотрудничеству с «народом-цивилизатором», а в перспективе — к полной ассимиляции с ним). Раскол «туземного» общества по расовому признаку, открытая сегрегация и дискриминация арабского населения возвращали колониальный опыт к эпохе «гуманистических ценностей», принесенных «нацией-просветителем», к гипотетическому идеальному «доброму дикарю» Ж.-Ж. Руссо, готовому с благодарностью принять все блага «просвещенного мира» [4, p. 20].

Молодой султан Мухаммед бен Юсуф продолжал молча наблюдать перемены в жизни страны, не вполне сознавая всю опасность шагов, предпринятых французскими «цивилизаторами».

Как в свое время и в соседнем Алжире, в Марокко в обилии стали появляться «франко-туземные» (в первую очередь «франко-берберские») школы. В страну были направлены 600 католических миссионеров, призванных развернуть христианизацию и «эмансипацию» берберских племен. Реакция на такую политику местных мусульман — как арабов, так и берберов — была вполне предсказуемой. Мусульмане, независимо от их этнической принадлежности, возносили молитвы, призывая Всевышнего не нарушать единство нации — уммы.

Берберский дахир 1930 г., запятнавший ранний этап правления Мулай Мухаммеда, одновременно ознаменовал начало активизации национально-патриотических сил, приступивших к формированию первых политических партий Марокко. На фоне угасания последних очагов вооруженного сопротивления в марокканской глубинке и в племенах к августу 1933 г. в стране сформировалась первая партия — Марокканский блок национального действия (МБНД), начавший свою деятельность с кампании за празднование дня трона (18 ноября). Это требование должно было одновременно вернуть законного монарха на арену активной политической жизни.

Бурная реакция марокканцев на дискриминационный берберский дахир рассматривается в национальной историографии политической истории Марокко XX в. как решающее событие, открывшее монарху глаза на задачи и перспективы освободительной борьбы. В обращении к признанному лидеру движения за независимость, основателю партии «Истикляль» («Независимость») Аллялю аль-Фаси султан Мухаммед бен Юсуф решительно заявил: «Я никогда не отступлюсь ни от каких прав нашей отчизны...» [4, р. 21].

В декабре 1934 г. Комитет национального действия (КНД) представил властям первую петицию с требованием строгого выполнения условий заключенного в марте 1912 г. договора о протекторате. В октябре 1936 г. в Рабате состоялся I конгресс КНД, принявший программу действий по мобилизации соотечественников на борьбу за свои права. Роспуск в июне 1937 г. правительства Народного фронта во главе с Леоном Блюмом поставил под вопрос проведение реформ в колониях, в том числе в странах французского Магриба. Надвигавшаяся мировая война внесла жесткие коррективы в политические будни колониального Марокко.

Капитуляция Франции в июне 1940 г. и подчинение колониальной администрации вишистскому режиму маршала Ф. Петэна открыли новую страницу в биографии Мухаммеда бен Юсуфа, сделавшего выбор в пользу политических реформ и поддержки патриотических сил. Одним из первых демаршей султана стал его решительный отказ принять навязываемые пронацистской администрацией дискриминационные меры в отношении многотысячной еврейской общины Марокко. «Не надо забывать, что в Марокко евреи в течение длительного времени находились под личным покровительством суверена...» — писал позже король Хасан II — наследник Алаутского престола (1961–1999). После высадки в ноябре 1942 г. амери-

канского десанта на атлантическом побережье Мухаммед бен Юсуф решительно воспротивился попытке французского генерал-губернатора Ногеза перевести двор (мешуар) и все султанское правительство (махзен) из Рабата вглубь страны [5, р. 286].

Известная операция «Торч» («Факел») и широкое наступление англо-американских союзников на севере Африки на рубеже 1942–1943 гг., успехи Красной Армии на Волге открыли завершающий этап мировой войны и одновременно — новые перспективы антиколониального движения народов мусульманского Магриба. В январе 1943 г. в Касабланке собралась историческая конференция глав антигитлеровской коалиции с участием президента США Ф. Рузвельта, британского премьера У. Черчилля и лидера «Свободной Франции» генерала Ш. де Голля. Втайне от французской стороны марокканский султан встретился с президентом Ф. Рузвельтом, обсудив судьбу страны и, в частности, роль США в послевоенном развитии региона.

Резко критикуя франко-британский колониальный опыт на севере Африки, Ф. Рузвельт яркими красками рисовал светлое будущее народов Магриба под благожелательным покровительством и надежной военной защитой США. Молодые марокканцы могли рассчитывать на получение качественного образования в американских колледжах и университетах для последующего возвращения на родину и совместного с американцами эффективного освоения богатейших природных ресурсов их страны. На приеме в касабланкской гостинице «Анфа» Ф. Рузвельт торжественно провозгласил «конец эры колониальной эксплуатации» [1, с. 250]. По понятным причинам это заявление произвело неизгладимое впечатление не только на марокканского монарха, но и на его «друзей и покровителей» из Франции. В ходе личной беседы с Мулай Мухаммедом, состоявшейся 22 января 1943 г., Ф. Рузвельт вновь затронул вопрос о перспективах освобождения — «эмансипации» Марокко при поддержке США, которые по окончании войны могли бы внести существенный вклад в экономическое развитие североафриканской страны. Поскольку у британского премьера У. Черчилля такая перспектива вряд ли вызвала бы большой энтузиазм (не говоря уже о генерале Ш. де Голле), в обсуждении темы далее предстояло участвовать главным образом американским дипломатам и экспертам.

США уже тогда приступили к строительству планов создания зоны присутствия и влияния на севере Африки, что было воспри-

нято султанским двором и набиравшими вес националистическими кругами Марокко как весьма позитивный, хотя и несколько неожиданный поворот. «Новое будущее открывается для моей страны!» — заявил Мулай Мухаммед по завершении переговоров с американским президентом [6, p. 513].

По сути, именно Касабланкская встреча в верхах открыла путь для активных выступлений националистов с требованием независимости Марокко при сохранении территориальной целостности страны во главе с султаном сиди Мухаммедом бен Юсуфом. Лозунг независимости (*араб.* истикляль) должен был подчеркнуть лояльность формировавшегося патриотического движения правящему монарху, которому отводилась решающая роль в проведении переговоров с Францией с целью формирования нового демократического строя по образцу недавно освободившихся от благ колониализма стран арабского Востока (Египта, Сирии, Иордании и др.).

Столкнувшись с жестким противодействием французских властей, объявивших, что требование независимости идет вразрез с положениями договора о протекторате 1912 г., султан вынужден был отступить. Получив наставления от французского комиссара по иностранным делам, Мулай Мухаммед 28 января 1943 г. согласился вывести из состава правительства тех министров, кто рьяно поддерживал сторонников независимости — группу «Истикляль». В присутствии французского генерального резидента М. Пюо султан объявил министрам, что само слово «независимость» должно «покинуть их сердца и уста...» [6, p. 514].

В первое послевоенное десятилетие лозунг независимости — «Истикляль!» — должен был преодолеть немало препятствий, прежде чем «шерифская империя» смогла вернуть себе государственный суверенитет. Главные цели движения за независимость были вновь сформулированы султаном Мухаммедом бен Юсуфом в танжерской речи 10 апреля 1947 г., получившей широкую известность как Хартия марокканского национализма. Обращаясь к подданным, возмущенным убийством французскими военными служащими в Касабланке десятков соотечественников — участников уличных манифестаций, султан впервые публично заявил о праве марокканцев на независимость, а также на вступление страны в созданную в 1945 г. Лигу арабских государств (ЛАГ). «Сегодня, когда все народы требуют своих прав, соответствующих современности, будет справедливым, если марокканский народ добьется своих законных прав и ре-

ализует свои законные чаяния...» — торжественно заявил султан в исторической речи в Танжере [7, с. 128; 6, р. 535].

Самым тяжелым политическим и нравственным испытанием для Мулай Мухаммеда и самого трона Алауитов стал спровоцированный французами кризис власти, а точнее межвластия, в 1953–1955 гг., сопровождавшийся драматическим насильственным низложением законного султана.

20 августа 1953 г. по приказу генерального резидента Франции Гийома султанский дворец был окружен бронетехникой, чернокожие гвардейцы-абида разоружены. Вооруженные автоматами жандармы ворвались в султанские покои. Монарх и двое его сыновей были посажены в военный самолет, взявший курс на восток. Вскоре французский префект на Корсике в недоумении наблюдал ночную посадку на аэродроме Аяччо борта DC3 с марокканским султаном и его отпрысками на борту, бледными от холода, прижавшимися к металлическим скамьям, явно предназначенным для доблестных французских десантников — *les paras*.

После Корсики султану Мухаммеду бен Юсуфу и его наследникам суждено было более двух лет провести в изгнании на Мадагаскаре, на столь далеком от их родины термальном курорте Антсирабе.

Лишившись законного монарха и получив взамен на престоле Алауитов его престарелого беспомощного дядю Мухаммеда бен Арафу, марокканцы развернули массовое движение за возвращение Мухаммеда бен Юсуфа, используя все средства активного и пассивного сопротивления. Мечети, где в пятничной хутбе упоминалось имя нового султана бен Арафы, пустовали. Не забыв славных подвигов предков в годы Рифской войны (1920–1926), верноподданные Мухаммеда бен Юсуфа вновь взяли за оружие, атакуя французские гарнизоны, полицейские и пограничные посты.

В условиях эскалации антиправительственных выступлений в Марокко, роста числа жертв карательных операций, варварских акций Иностранного легиона² правительство Эдгара Форэ к осени 1955 г., столкнувшись с партизанской войной в трех департаментах Алжира, принимает непростое для Парижа решение начать переговоры об условиях отмены протектората в Марокко. Главной задачей было удержать Алжир — «сердце колониального Магриба» — с его

² Только в августе 1955 г. в горном районе Уэд-Зем легионеры убили около тысячи участников массовых протестов.

почти миллионным французским населением [4, р. 26], оказавшимся под угрозой полного уничтожения или изгнания в результате набравшего силу освободительного движения 1954–1962 гг., которое возглавил алжирский Фронт национального освобождения.

Мухаммед бен Юсуф вернулся в Рабат, встретив на пути в резиденцию тысячи взволнованных подданных, скандировавших: «Да здравствует король! Да здравствует независимость!»

Триумфальное возвращение султана в столицу и историческая декларация независимости, произнесенная им в Рабате в день тронного праздника перед многотысячной толпой на площади у древнего минарета Альмохадов, рядом с которым стоит сегодня белокаменный мавзолей самого Мухаммеда бен Юсуфа, стали символами возрождения национального суверенитета. С этого момента французские власти окончательно перешли к переговорам об отмене протектората, завершившимся провозглашением независимости Марокко 2 марта 1956 г.

С принятием в августе 1957 г. королевского титула сиди Мухаммед V открыл новую страницу в истории суверенной «арабской мусульманской державы». Программы реформ независимого Марокко нашли воплощение в принятых королевским правительством планах социально-экономического развития.

Первый пятилетний план развития (1960–1964 гг.), утвержденный при Мулай Мухаммеде, не принес ожидаемых результатов, выявив слабость местного частного сектора, а также неспособность правительства реализовать намеченные проекты. Многие отрасли производства оставались без финансирования. В 1964 г. ВВП страны так и не достиг уровня 1954 г.³ В результате был сделан выбор в пользу либерализации экономики, вследствие чего госсектор определил основную функцию — всесторонней поддержки частного предпринимательства. Это, в свою очередь, способствовало усилению позиций иностранного капитала в одних сферах экономики и ослаблению их в других в пользу национального частного капитала⁴.

Планирование экономического развития было признано королем Хасаном II, особенно на начальном этапе его правления (годы

³ Королевство Марокко: Справочник. М.: Наука, 1991. 271 с. С. 125.

⁴ Фаязова С. С. Общественно-политическое развитие стран Северной Африки в постколониальный период: республиканский Египет и Королевство Марокко во 2-й половине XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПбГУ, 2011. С. 37.

правления — 1961–1999), эффективным инструментом подъема национальной экономики. В стране развернулась «марокканизация» иностранных банков и других предприятий.

С 1912 по 1956 г. страна была под властью французского протектората, все эти годы в Марокко практически не прекращалась борьба против французских оккупантов. 2 марта 1956 г. султаном была объявлена независимость Марокко, и в 1957 г. Мухаммед бен Юсуф провозгласил себя королем, начав модернизацию монархии. Он изменил порядок престолонаследия, официально назначив принца Мулая Хасана своим наследником. Конституция 1962 г. закрепила принцип наследственности королевской власти, а также многопартийную политическую систему.

Безвременная кончина короля Мухаммеда V 26 февраля 1961 г. подвела черту под решающим этапом на пути Марокко к долгожданному суверенитету. По свидетельству современников, скорбь марокканцев в дни национального траура была столь же всеобъемлющей, как и тот энтузиазм, с которым в последние годы они боролись за независимость страны под руководством «султана-освободителя» сиди Мухаммеда [4, р. 129].

«Многогранность политических заслуг» покойного монарха при его неоспоримом авторитете духовного лидера нации, «повелителя правоверных» и носителя божественной благодати (*араб.* барака) единодушно признают марокканские, западные и отечественные авторы. Между тем завоевание независимости и курс Мухаммеда бен Юсуфа на демократические преобразования в свое время вызвали напряжение между стремлениями монарха и желаниями части политической элиты под флагом либерализации подчинить королевский дворец своей воле [8, с. 252].

Столь характерное для вставших на путь деколонизации народов Азии и Африки обострение внутреннего кризиса и противоборства элит, при одновременном воздействии внешних факторов, не раз оборачивалось известным в мировой политике феноменом «оптимистической трагедии».

Литература

1. Луцкая Н. С. Очерки новейшей истории Марокко. М.: Наука, 1973. 478 с.
2. Maxwell G. Lords of the Atlas. London: Pan Books, 1970. 348 p.
3. Фрунзе М. В. Европейские цивилизаторы и Марокко. Избр. соч. М., 1940. 214 с.

4. Perrault G. Notre ami le roi. Paris: Gallimard, 1990. 384 p.
5. Agnouché A. Histoire politique du Maroc: pouvoir, legitimes, Institutions. Casablanca: Afrique Orient, 1987. 367 p.
6. Ganiage J. Histoire contemporaine du Maghreb de 1830 a nos jours. Paris: Fayard, 1994. 822 p.
7. Сергеев М. С. История Марокко. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 355 с.
8. Орлов В. В., Видясова М. Ф. Политический ислам в странах Северной Африки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 512 с.

Контактная информация:

Дьяков Николай Николаевич — д-р ист. наук, проф.; n.n.dyakov@spbu.ru

Muhammed ben Yusef: From a “Golden Cell” to the First 5-year Plan (Commemorating the 65th Anniversary of Independence of the Kingdom of Morocco)

Nikolay N. Dyakov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Dyakov N.N. Muhammed ben Yusef: From a “Golden Cell” to the First 5-year Plan (Commemorating the 65th Anniversary of Independence of the Kingdom of Morocco). *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 56–67. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.05> (In Russian)

Muhammed b. Yusuf (1909–1961) — a key person in political history of Morocco in the middle of the 20th C. With his intronization in the beginning of the French colonial rule Muhammed b. Yusuf started in his biography a long and winding road from a puppet sultanate as an instrument of the French Protectorate, to the leadership in the liberation movement, becoming a symbol of nationalism and a father-founder of the independent Moroccan statehood restored in 1956.

Keywords: Kingdom of Morocco, Modern history, French protectorate, Colonial policy, Nationalism, Liberation movement, Independence.

References

1. Lutskeya N. S. *Essays of the Contemporary History of Morocco*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 478 p. (In Russian)
2. Maxwell G. *Lords of the Atlas*. London, Pan Books, 1970. 348 p.
3. Frunze M. V. *European civilizing and Morocco*. Moscow, 1940. 214 p. (In Russian)

4. Perrault G. *Notre ami le roi*. Paris, Gallimard, 1990. 384 p.
5. Agnouché A. *Histoire politique du Maroc. Pouvoir, Legimites, Institutions*. Casablanca, Afrique Orient, 1987. 367 p.
6. Ganiage J. *Histoire contemporaine du Maghreb de 1830 a nos jours*. Paris, Fayard, 1994. 822 p.
7. Sergeev M. S. *History of Morocco. 20 Century*. Moscow, Nauka Publ., 2001. 355 p. (In Russian)
8. Orlov V. V., Vidyasova M. F. *Political Islam in Northen Africa*. Moscow, Moscow State University Press, 2008. 512 p. (In Russian)

Author's information:

Nikolay N. Dyakov — Dr. Sci. in History, Professor; n.n.dyakov@spbu.ru

УДК 341.218.4:94(6)

Логон (Логоне) и Дар-ал-Кути: фантомная независимость в Центральной Африке

Н. А. Добронравин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Добронравин Н. А. Логон (Логоне) и Дар-ал-Кути: фантомная независимость в Центральной Африке // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 68–79. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.06>

Республики Логон (Логоне) и Дар-ал-Кути представляют собой яркие примеры фантомной независимости в странах Центральной Африки. В отличие от реально существовавших непризнанных государств, эти псевдогосударства впервые появились в политическом дискурсе правящих режимов, якобы боровшихся с сепаратистами. Впоследствии миф о Логоне и Дар-ал-Кути был взят на вооружение силами, выступавшими за автономию или независимость юга Чада и севера Центральноафриканской Республики.

Ключевые слова: фантомная независимость, политическая мифология, Чад, Центральноафриканская Республика, Логон (Логоне), Дар-ал-Кути, автономия, сецессия.

Среди новых непризнанных и частично признанных государств, возникших в конце XX — начале XXI в., немало африканских политических образований. Некоторые из них, несмотря на отсутствие международного признания, совершенно реальны и вполне сравнимы с такими суверенными государствами, как Южный Судан и Эритрея. Пожалуй, лучший пример устойчивого непризнанного государства — Республика Сомалиленд, которая непрерывно существует с 1991 г. Большинство новых политических образований в Африке — виртуальные, то есть существующие только в воображении их создателей. В последние годы провести границу между виртуальными и реальными становится все сложнее. И те, и другие хорошо представлены в интернете.

Яркий пример недоразумения, когда интернет-продукт воспринят как реальное новое государство, — «Республика Тумужга» (*République de Tumuɓɓa*), провозглашенная от имени туарегов Мали и Нигера, в действительности — «всего лишь розыгрыш, устроен-

ный пранком» («nothing but a hoax made by a prank»)¹. Российский исследователь географии сецессионизма Ф. А. Попов рассматривает «Тумужгу» как «институционально слабо оформленное движение, представленное в форме отдельных заявлений, выступлений, общественно-политических акций» и относит виртуальное образование к числу «наименее развитых сецессионистских движений, не обладающих ни заметным идеологическим влиянием, ни выраженным нелегитимным контролем над территорией» [1, с. 153]. Можно предположить, «Тумужга» попала в число исследуемых движений, поскольку регион, населенный туарегами, остается зоной военно-политических конфликтов, в том числе и под этническими лозунгами. В апреле 2012 г. реально существующее Национальное движение освобождения Азавада (фр. *Mouvement National de Libération de L'Azawad*, MNLA — МНЛА) действительно попыталось отделить север Мали от других районов страны. Провозглашенное государство не было этнократическим; в руководство МНЛА вошли не только туареги, но и представители других народов будущего Азавада [2, с. 189–190].

Встречаются случаи, когда одно и то же название может использоваться с разными целями — например, для обвинения противников правительства в сепаратизме, для политического шантажа со стороны оппозиции, а затем и в процессе создания реального государства или автономного образования на определенной территории. Один из самых интересных примеров такой фантомной независимости в Центральной Африке — Республика Логон (Логоне).

Логон — это прежде всего река в центральной части Африки, приток реки Шари, впадающей в озеро Чад. Логон течет по территории Чада и по границе Чада и Камеруна. Истоки этой реки находятся в Камеруне и Центральноафриканской Республике. Некоторую известность в нашей стране получил Логон-Бирни, султанат под властью вождя первой степени (*chefferie du premier degré*, в переводе И. В. Данилова — «шеферия первой степени» [3, с. 124]). Логон-Бирни находится в Камеруне и входит в состав департамента Логон-и-Шари (регион Крайний Север, на границе с Чадом и Нигерией). Департамент Логон-и-Шари был впервые образован в 1933 г., когда эта территория входила в состав подмандатного Французского Ка-

¹ *Sache I.* The «Tuareg Tumujgha Republic» hoax. 2012. Febr. 25. <http://www.crw-flags.com/fotw/flags/xb!tum.html>.

меруна². Согласно одной из гипотез, именно из Логон-Бирни был вывезен предок Пушкина Абрам Ганнибал [3, с. 6].

На территории Чада Логон имел статус округа с 1903 г. В 1919 г. округ получил название Средний Логон (с 1935 г. — департамент, с 1947 — регион, с 1960 — префектура в независимой Республике Чад). В 1926–1936 гг. Средний Логон входил в состав соседней французской колонии Убанги-Шари (современная Центральноафриканская Республика), а затем вновь стал частью Чада. В 1962 г. на этой территории были образованы три префектуры — Западный Логон, Танджиле и Восточный Логон [4, р. 7–8, 54, 59, 100].

Чад стал автономной республикой в составе Французского сообщества в 1958 г., независимым государством — в 1960 г. В промежутке между двумя датами — в 1959 г. — во время правительственного кризиса группа депутатов от Прогрессивной партии Чада объявила о том, что регионы Логон, Среднее Шари и Майо-Кебби составляют отдельное автономное государство в составе Французского сообщества. Депутаты предложили рассматривать парламент страны как законодательное собрание федерации Севера и Юга. Практических последствий заявление не имело, его не поддержал даже лидер Прогрессивной партии Габриэль Лизетт. Тем не менее события 1959 г. представляли первую попытку южан заявить о своих особых правах [5, р. 32].

До 1975 г. президентом Чада был Франсуа, или Нгарта (после его отказа от христианства и возвращения к традиционным верованиям), Томбалбай, представитель этнической общности сара, населяющей экономически развитый юг страны. После свержения и убийства Томбалбая в Чаде развернулась многолетняя борьба за власть между различными военно-политическими группировками с участием внешних акторов, прежде всего Ливии и Франции. В этих условиях на юге Чада в 1979 г. был создан Постоянный комитет Юга, который возглавил полковник Вадалъ Абделькадер Камуте (сара, мусульманин, из префектуры Восточный Логон).

Камуте фактически контролировал оба Логона, Майо-Кебби, Танджиле и Среднее Шари. Как пишет М. Тогло-Алла, «...южане во главе с полковником Камуте формировали государственные структуры, которые так или иначе указывали на определенное стремление

² L'histoire administrative du département de Logone-et-Chari. 2011. Juin 19. <http://www.camerlex.com/lhistoire-administrative-du-departement-de-logone-et-chari-2678>.

к федерации и даже к отделению... Комитет под председательством полковника Камуге имел в своем распоряжении армию, полицию, жандармерию и профессиональную администрацию. В экономическом плане Постоянный комитет обладал реальными полномочиями, особенно потому, что предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье (*Cotontchad*, *Sonassut*, *Brasserie*³ маслозавод, табачные фабрики и т. д.), которыми располагает Чад, сосредоточены по преимуществу в этой сельскохозяйственной зоне [6, p. 107].

В. А. Камуге утверждал, что он не выступает за раздел Чада. Например, на пресс-конференции в столице страны Нджамене в марте 1982 г. он заявил: «Нам приписали намерения. Говорили не только о “федерации”, но даже об “отделении”. Пусть нам, по крайней мере, предъявят такие доказательства с тех пор, как мы говорили, что в нашей душе и сознании боролись за единство Чада. Что касается формы государства, конечно, ее должны будут определить правительство и сам народ Чада. Но что касается нас, пока не будет доказано иное, если не будут представлены осязаемые доказательства, мы <утверждаем, что> никогда не говорили ни о федерации, ни об отделении» [7, p. 179].

В сентябре 1982 г. силы нового президента Чада Хиссена Хабре вместе с перешедшими на его сторону южанами заняли все мятежные префектуры; полковник Камуге бежал из страны. После умиротворения Юга правительственное «Радио Чада» заявило, что «марионетка» Камуге и его сторонники-сепаратисты планировали создать независимую Республику Логон при поддержке «из-за океана» (очевидно, из США)⁴. Данное утверждение попало в СМИ, а затем и в научную литературу.

Опираясь на доступные источники, можно утверждать, что такой республики не существовало и, скорее всего, не было сколько-нибудь определенных планов ее создания. Нет сомнения, что местные военно-политические группировки стремились сохранить фактическую автономию Юга. Однако отделяться от Чада они не собирались и в перспективе явно рассчитывали взять власть в столице страны Нджамене. Республика Логон в версии 1982 г. — яркий пример фан-

³ Пивоваренное предприятие компании Brasseries du Logone, с 2004 г. в составе компании Brasseries du Tchad (BDT), см.: <https://bdt-td.com/fr/histoire.php>.

⁴ Un complot sécessionniste déjoué au Tchad: Kamougué s'apprêterait à proclamer la République du Logone // Info Tchad. 1982. Sept. 20, pp. 2–4; Chad: Secessionist threat // West Africa. 1982. Sept. 27, pp. 25–28.

томной независимости, инструмент правящего режима в борьбе с политической оппозицией.

По мнению С. Декало, Республика Логон — это «часто и всерьез обсуждаемая сецессионистская альтернатива на Юге по отношению к правлению северян из Нджамены. Временами в период между 1979 и 1982 гг. так называли администрацию Камуге в Бонгоре, отчасти потому, что он начал переговоры с Анж-Феликсом Патассе, политическим лидером сара в Центральноафриканской Республике. Лишь уверенность в том, что Париж не допустит официальной сецессии, заставила лидеров пяти южных префектур, населенных сара, отказаться от такого решения» [8, р. 373]. Данная точка зрения опирается на сообщения о контактах между политическими лидерами приграничных районов Чада и Центральноафриканской Республики. Такие контакты имели место и вызывали опасения у официальных властей и их французских покровителей. Однако ни Камуге, ни Патассе не заявляли о своем стремлении к объединению в составе нового политического образования. До настоящего времени идея отделения экономически более развитого Юга от остальной территории Чада не стала массовой, хотя и встречается в блогах сторонников автономии или независимости южных регионов страны⁵.

Как уже говорилось, южные районы Чада в колониальный период были теснейшим образом связаны с соседней Убанги-Шари, а после 1960 г. — с Центральноафриканской Республикой. Неудивительно, что и в официальном политическом дискурсе обеих стран наблюдалось заметное сходство. В 1985 г. президент Центральноафриканской Республики Андре Колингба объявил, что на севере страны была предпринята попытка создания независимой Республики Логон: «...вот они вернулись, могильщики национального единства. В то время, когда мы пытаемся ревностно охранять это единство, некие озлобленные личности, пропитанные хроническим трайбализмом и жаждущие власти, призывают тут и там к созданию призрачных республик (*républiques fantômes*)» [9, р. 247]. Гипотетическими создателями новой республики были объявлены противники центральноафриканского правительства в северных префектурах.

Для большей убедительности в СМИ Франции было направлено коммюнике Движения освобождения центральноафриканского

⁵ См., например: Le Blog de la Libération de la République du Logone. <http://lo-gone.unblog.fr>.

народа от 10 декабря 1984 г., якобы принятое в Париже, с шапкой «Республика Логон» и девизом «Единство — Мир — Родина». В этом коммюнике объявлялось о создании Временного правительства национального спасения. Документ якобы подписали президент новой республики генерал Альфонс Мбаикуа и вице-президент, министр национальной обороны и безопасности генерал Франсуа Бозизе. Оба они отрицали свою причастность к созданию этого коммюнике [9, p. 240–242]. В 2003 г. Бозизе стал президентом, но не мифического Логона, а всей Центральноафриканской Республики, захватив власть в результате похода так называемых освободителей с территории Чада.

В центральноафриканских СМИ география нового Логона приобрела причудливый характер. Постепенно якобы созданный Логон перемещался к северо-востоку в направлении исторической области Дар-ал-Кути. Здесь для борьбы за автономию имелись намного более солидные основания.

Среди многочисленных историко-географических областей Центрального и Восточного Судана с названием «Дар» (арабское *dār* — жилище; дом, здание; страна, страны) в наши дни, пожалуй, наиболее известен Дарфур — страна народа фор, или фур. По соседству с Дарфуром до европейской колонизации существовали, в частности, Дар-Масалит, Дар-Тама и рассматриваемый в данной статье Дар-ал-Кути, или Дар-Кути, с центром в Нделе (на северо-востоке современной Центральноафриканской Республики).

Как писал один из немногих российских исследователей, изучавших историю и языки Центральноафриканской Республики, В. П. Хабилов, «печальную известность своими войнами завоевал правитель Нделе султан Сенуси. С 1890 по 1910 г. он вел непрерывные войны с близживущими племенами, опустошал их земли. Сенуси вынудил банда уйти из верховьев рек Уака и Котто. Даже в наши дни к югу от Нделе лежит практически необитаемая со времен Сенуси 150-ти километровая зона, называемая с давних времен Дар-Банда. Эта территория охватывает районы Кага Бонго, верховья рек Котто и Уака. Только со смертью Сенуси и его сына (1911 г.) закончились эти кровавые войны» [10, с. 315].

В 1897 г. правитель Дар-ал-Кути султан Мухаммад ас-Сануси признал французский протекторат. Соглашение о протекторате было пересмотрено в пользу Франции 18 февраля 1903 г. и 26 января 1908 г. После гибели ас-Сануси в 1911 г. его сын Камун укрепился

в Уанда-Джалле на северо-востоке современной Центральноафриканской Республики. Камун воевал с французами до декабря 1912 г., а затем бежал в Англо-Египетский Судан. Название Дар-ал-Кути продолжало использоваться французской колониальной администрацией до 1946 г. В 1964 г. бывший султанат, полностью утративший остатки бывлой автономии, был преобразован в префектуру Баминги-Бангоран [11, p. 203–204].

В наши дни префектуры Баминги-Бангоран, Вакага и Верхнее Котто обычно рассматривают вместе как северо-восточный регион Центральноафриканской Республики. Основное население этих префектур — мусульмане, многие из них говорят по-арабски. По-прежнему влиятельна традиционная аристократия: султан Ахмат Мустафа Амгабо (официальный титул и занимаемая должность — «султан-мэр Бирао») из народа кара, управляет и местным народом гула; султан Ибрахим Камун Сенуси («султан-мэр Нделе») из народа рунга. Рунга живут также в Чаде и Судане, враждуют с народом гула. В сухой сезон в регион приходят арабы-кочевники из Чада и Судана (см., например, [12]).

Представители Северо-Востока впервые в истории Центральноафриканской Республики пришли к власти вооруженным путем в 2013 г. в составе коалиции различных группировок, в основном мусульманских. Однако уже в 2014 г. президент Мишель Джотодиа (гула, долгое время живший в Советском Союзе) был вынужден отказаться от власти под давлением соседнего Чада (и, вероятно, Франции) и покинул страну.

К началу 2018 г. префектуру Вакага контролировали Народный фронт за возрождение Центральноафриканской Республики (*Front Populaire pour la Renaissance de la Centrafrique*, лидер — Нуреддин Адам из народа рунга) и более слабое Движение центральноафриканских освободителей за справедливость (*Mouvement des Libérateurs Centrafricains pour la Justice*, лидер — Туму Дейя Жильбер из народа кара). Под контролем Народного фронта за возрождение Центральноафриканской Республики к 2018 г. находилась и вся территория префектуры Баминги-Бангоран. Еще одна группировка — Патриотическое объединение за обновление Центральноафриканской Республики (*Rassemblement Patriotique pour le Renouveau de la Centrafrique*, лидер — Закариа Даман из народа гула) — опиралась на народ гула.

В мае 2014 г. бывшая Селека объявила об административной автономии восьми префектур (Нана-Грибизи, Вакага, Баминги-Бангоран, Уака, Верхнее и Нижнее Котто, Мбому и Верхнее Мбому). При этом речь не шла о создании какого-либо образования с атрибутами государства или хотя бы полноценной автономии⁶.

В стране циркулировали слухи о том, что центральноафриканские мусульмане собираются создать автономную или независимую республику на севере и северо-востоке страны. Вероятно, особую роль в распространении этих слухов сыграл преподаватель Университета Банги доктор Хамат Маль-Маль (или Мальмаль) Эссен. На сочинения Маль-Маля охотно ссылались те СМИ, которые обвиняли мусульман в сепаратизме. Бангийский ученый сочинял различные коммюнике от имени Автономного государства Северной Убанги⁷. Скорее всего, это был лишь плод индивидуального творчества. Затем 17 августа 2014 г. тот же ученый передал в СМИ решение о создании независимого государства Дар-ал-Кути, от имени Народного фронта за возрождение Центральноафриканской Республики⁸. В то время Маль-Маль был заместителем генерального секретаря сил бывшей Селеки. Реакция Народного фронта была мгновенной. В своем решении лидер фронта Нуреддин Адам объявил, что, «принимая во внимание документы, опубликованные на разных веб-сайтах, касающиеся создания государства под названием Государство Дар-эль-Кути и тексты, инициированные в одностороннем порядке», Народный фронт постановил отстранить Маль-Маля от должности⁹.

В 2015 г. центральноафриканские и французские СМИ вновь распространили информацию о том, что Нуреддин Адам, лидер Народного фронта за возрождение Центральноафриканской Республики,

⁶ Centrafrique: l'ex-rébellion de la Séléka annonce une «administration autonome» dans le Nord // Kangbi-Ndara. 2014. Mai 14. <http://kangbi-ndara.info/centrafrique-lex-rebellion-de-la-seleka-annonce-une-administration-autonome-dans-le-nord/WmdRFHmYPGg>.

⁷ *Malmal Essen H.* Les raisons de la partition de la Centrafrique et de la construction d'une nouvelle nation Nord-Oubangui // Kangbi-Ndara. 2014. Mai 29. <http://kangbi-ndara.info/les-raisons-de-la-partition-de-la-centrafrique-et-de-la-construction-dune-nouvelle-nation-nord-oubangui-par-le-dr-hamat-malmal-essen/Wmi8tnmYPGg>.

⁸ *Mal-Mal H.* Création de «Etat de Dar El Kouti» en scission avec la République Centrafricaine // Alwihda Info. 2014. Août 17. http://www.alwihdainfo.com/Creation-de-ETAT-DE_a12323.html.

⁹ *Ronel G.* Communiqué RCA: Décision № 4 du FPRC (Communiqué) // Alwihda Info. 2014. Août 21. http://www.alwihdainfo.com/RCA-Dcision-n-4-du-FPRC-Communiqué_a12357.html.

провозгласил независимую республику. Действительно, 14 декабря было объявлено, что северяне выступают за автономию, и были подняты флаги Дар-ал-Кути. Однако Нуреддин Адам официально в этих событиях не участвовал. Характерно, что в сообщениях информационных агентств в этой связи упоминались и Логон, и Дар-ал-Кути¹⁰.

Из СМИ недостоверная или неточная информация о событиях на севере Центральноафриканской Республики попала в научную литературу. В результате Логон или Дар-ал-Кути иногда упоминается наряду с действительно провозглашенным, хотя и недолговечным, государством Азавад на севере Мали: «В 2012–2013 гг. на части Мали существовало непризнанное государство Азавад, на части Центральноафриканской Республики в 2015–2016 гг. — Республика Логоне» [13, с. 160].

Возможно, Народный фронт за возрождение Центральноафриканской Республики действительно стремился создать самостоятельное политическое образование. Статус образования официально объявлен не был. Дальнейшие события по-разному интерпретировались в СМИ, а также в документах ООН. Согласно распространенной версии, попытка создания Республики Дар-ал-Кути была пресечена благодаря вмешательству сил МИНУСКА — Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Центральноафриканской республике (фр. *Mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation en Centrafrique, MINUSCA*). Представители ООН сняли флаги Дар-ал-Кути, не встретив сопротивления «сепаратистов». По другим сообщениям ситуация выглядела несколько иначе. От провозглашения нового образования пришлось отказаться под давлением властей соседнего Чада¹¹.

В целом опыт Логона и Дар-ал-Кути показывает, каким образом в наши дни могут создаваться новые автономные и независимые политические образования в странах Африки. На первом этапе речь идет лишь о фантомной автономии или независимости. Ссылки на попытки сецессии используются правящими режимами и направле-

¹⁰ *Dembassa-Kette C. Rebel declares autonomous state in Central African Republic // Reuters (Abidjan). 2015. Dec. 16. <https://af.reuters.com/article/africaTech/idAFKBN0TZ0TW20151216?pageNumber=3&virtualBrandChannel=0&sp=true>.*

¹¹ См., например: *Nourredine Adam proclame la «république de Dar El Kouti». 16 décembre 2015. <https://www.radiondekeluka.org/actualites/politique/24042-nourredine-adam-proclame-la-%C2%AB%20r%C3%A9publique-de-dar-el-kouti%20%C2%BB.html>.*

ны на подавление политических противников. Когда идея проникает в СМИ, ее начинают использовать для политического шантажа сами сторонники оппозиции. На этом этапе возможно превращение независимости из фикции в мечту. Мечта находит отражение в документах или, что значительно проще, в таких символах, как флаг гипотетического будущего государства или автономной территории. Наконец, когда идея овладевает массами, угроза сецессии становится реальной, а опасения правящего режима — обоснованными. Республика Логон (и в чадском, и в центральноафриканском вариантах) не вышла за рамки начального этапа материализации фантомной независимости. Республика Дар-ал-Кути бесспорно дошла до этапа политического шантажа, но еще не получила массовой поддержки.

Исторические основания для автономии чадского Логона и центральноафриканского Дар-ал-Кути бесспорно существуют. Как показывает опыт Эритреи и Южного Судана, фантомная сецессия в странах Африки южнее Сахары иногда превращается в реальность.

Литература

1. Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
2. Добронравин Н. А. Западная Сахара, Сомалиленд, Азавад: проблемы суверенизации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 2. С. 183–192.
3. Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. СПб.: Медиа-Пресс, 2001. 208 с.
4. Beauvilain A. Tableau de la population du Tchad des années vingt à 1993. N'Djaména: République du Tchad, Ministère de l'éducation nationale, Centre national d'appui à la recherche, 1993, 112 p.
5. Dingamadjaji A. Les gouvernements du Tchad: De Gabriel Lisette à Idriss Déby Itno (1957–2010). Paris: L'Harmattan, 2011, 312 p.
6. Toglo-Allah M. Conflits tchadiens et ingérences étrangères. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997, 235 p.
7. Dadi A. Tchad: L'état retrouvé. Paris: L'Harmattan, 1987, 222 p.
8. Decalo S. Historical Dictionary of Chad. 3rd ed. Lanham (Md.). London: The Scarecrow Press, 1997, 648 p.
9. Delpey R. Affaires Centrafricaines. Paris: Jacques Grancher, 1985, 248 p.
10. Хабиров В. П. Характеристика социолингвистического состояния коммуникативных сред Центральноафриканской Республики // Россия в Африке и Африка в России: Материалы науч. конф. «Африка: общества, культуры, языки» (Санкт-Петербург, 16–18 мая 2001 г.). М.: Ин-т Африки РАН, 2003. 334 с. С. 313–325.
11. Bradshaw R., Fandos-Rius J. Historical dictionary of the Central African Republic. Lanham (Md.): Rowman & Littlefield, 2016, 816 p.

12. Nougayrol P. Langues et populations du nord-est centrafricain. Barreteau D. Et Tourneux H. (eds.). Relations interethniques et culture matérielle dans le bassin du lac Tchad: actes du 3ème colloque MEGA-TCHAD, 11–12 septembre 1986. Paris: ORSTOM, 1990, pp. 65–79.
13. Соколов С. Н. Сепаратизм на политической карте мира в XXI в. // Дневник Алтайской школы политических исследований № 32. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 368 с. С. 157–162.

Контактная информация:

Добронравин Николай Александрович — д-р филол. наук, проф.;
n.dobronravin@spbu.ru

Logone and Dar al-Kuti: Phantom Independence in Central Africa

Nikolay A. Dobronravin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Dobronravin N. A. Logone and Dar al-Kuti: Phantom Independence in Central Africa. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 68–79. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.06> (In Russian)

The republics of Logone and Dar al-Kuti are vivid examples of phantom independence in the countries of Central Africa. Unlike the really existing unrecognized states, these pseudo-states first appeared in the political discourse of the ruling regimes, allegedly struggling with the separatists. Subsequently, the myth of Logone and Dar al-Kuti was adopted by the forces advocating autonomy or independence in the south of Chad and the north of the Central African Republic.

Keywords: phantom independence, political mythology, Chad, Central African Republic, Logone, Dar al-Kuti, autonomy, secession.

References

1. Popov F. A. *Geography of Secessionism in the Contemporary World*. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2012. 672 p. (In Russian)
2. Dobronravin N. A. Western Sahara, Somaliland and Azawad: Problems of Sovereignization. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2013, vol. 155, no. 3–2, pp. 183–192. (In Russian)
3. Danilov I. V. *Hanibal, Pushkin's great-grandfather: Materials of an African expedition*. St. Petersburg, Media-Press, 2001. 208 p. (In Russian)

4. Beauvilain A. *Tableau de la Population du Tchad des Années Vingt à 1993*, N'Djaména, République du Tchad, Ministère de l'éducation Nationale, Centre national d'appui à la Recherche, 1993. 112 p.
5. Dingammadj A. *Les Gouvernements du Tchad: De Gabriel Lisette à Idriss Déby Itno (1957–2010)*. Paris, L'Harmattan, 2011. 312 p.
6. Toglo-Allah M. *Conflits Tchadiens et Ingérences étrangères*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1997. 235 p.
7. Dadi A. *Tchad: L'état Retrouvé*. Paris, L'Harmattan, 1987. 222 p.
8. Decalo S. *Historical Dictionary of Chad*. 3rd ed. Lanham (Md.); London: The Scarecrow Press, 1997. 648 p.
9. Delpey R. *Affaires Centrafricaines*. Paris, Jacques Grancher, 1985. 248 p.
10. Khabirov V. P. Characteristic of the Sociolinguistic Situation in Communicative Media of the Central African Republic. Russia in Africa and Africa in Russia. Papers of the Scientific Conference «Africa: Societies, Culture, Languages» (St. Petersburg, 16–18 May 2001). Moscow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (RAS) Press, 2003. 334 p., pp. 313–325. (In Russian)
11. Bradshaw R., Fandos-Rius J. *Historical dictionary of the Central African Republic*. Lanham (Md.): Rowman & Littlefield, 2016. 816 p.
12. Nougayrol P. *Langues et populations du nord-est centrafricain*. Barreteau D. Et Tourneux H. (eds.). Relations interethniques et culture matérielle dans le bassin du lac Tchad: actes du 3ème colloque MEGA-TCHAD, 11–12 septembre 1986. Paris: ORSTOM, 1990, pp. 65–79.
13. Sokolov S. N. *Separatism on the Political Map of the World in the 21st Century*. Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovanii no. 32. Sovremennaya Rossiya i mir: alternativy razvitiya (Separatizm i ego rol' v mirovom politicheskom protsesse), Barnaul, Altai State University Press, 2016, pp. 157–162. (In Russian)

Author's information:

Dobronravin Nikolay A. — Dr. Sci. in Philology, Professor; n.dobronravin@spbu.ru

ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В АФРИКЕ

УДК 94+321+327

Исламские пророки-революционеры Субсахарской Африки: профетические движения в истории континента

А. Д. Саватеев

*Институт Африки Российской академии наук,
Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1*

Для цитирования: Саватеев А. Д. Исламские пророки-революционеры Субсахарской Африки: профетические движения в истории континента // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 80–129. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.07>

В статье предпринята попытка упорядочить существующие представления о профетических движениях на основе понятий, характеризующих различные аспекты их эволюции, духовно-религиозной и политической направленности. Рассматриваются подражания пророку Мухаммаду в деятельности африканских духовно-религиозных лидеров XVIII–XX вв. Отмечается, что в становлении и развитии профетических движений огромную роль сыграла педагогическая составляющая. Реформирование общества осуществлялось как мирным (суфийский орден Муридийа), так и военным путем (различные джихадистские движения).

Ключевые слова: исламские пророки, пророки-революционеры, Субсахарская Африка, профетические движения.

Религиозное понятие «пророк». В исламе различаются собственно пророки (наби, мн. ч. анбийа', набиун) и посланники Аллаха (расул, мн. ч. русул). Каждому из посланников было даровано новое писание. Это послание передавали людям и сами посланники, и пророки-наби. Наивысший ранг среди пророков принадлежит Адаму, Нуху, Ибрахиму, Мусе, Исе и Мухаммаду, известным как улу'л-'азм 'твердые духом', 'стойкие'.

Наби 'пророк' в Коране — башир 'благовествующий' и назир 'предостерегающий'; люди отвергали и преследовали пророков. По-

сле Мухаммада, в классическом мусульманском понимании, пророков быть не может. Наступает конец истории и день Страшного суда (йаум ал-кийама).

В ислам понятие пророка пришло из иудео-христианских книг и традиций. Образ пророка связан в первую очередь с восстанием, во главе которого становится пророк, дабы свергнуть несправедливого правителя — будь то иноверец или мусульманин. Близок к нему образ мессии, который нисходит, чтобы установить на земле божественный порядок. Оба понятия помимо религиозного значения несут и очевидную политическую нагрузку, в значительной мере ассоциируясь со свержением негодной власти. Само возникновение ислама было в значительной мере революцией, поскольку новая религия отвергала не только прежних богов, но одновременно и посягала на привилегии существовавшей власти, фактически обрушивала основы мекканского порядка, всего жизненного устройства. В итоге возникший общественно-политический строй во многом существенно отличался от старого.

Как известно, пророк Мухаммад начал свою деятельность в Мекке как вождь оппозиции и некоторое время вел борьбу против господствующей в его народе и городе власти. Когда его положение противника правящей курейшитской верхушки стало невыносимым, он вынужден был перебраться в другой оазис — Ясриб (ныне Медина). Этот момент знаменует начало новой, исламской, эры, нового летоисчисления в мусульманском мире, укрепившись там в своих доктринальных положениях. Собрав значительное число уверовавших в него единомышленников и армию, Мухаммад вернулся, сверг своих противников и установил новый духовно-религиозный и социально-экономический порядок. Это деяние Пророка, как и все остальные, считается образцом поведения [1, с. 251]. Не случайно в священной книге Пророк описывается как усва хасана, что можно перевести как хороший пример или образец для подражания¹.

Вот как рисует образ Мухаммада четвертый «праведный халиф» Али ибн Аби Талиб (599–661 гг.): «Он милосердный к верующим, заступающийся за грешных мусульман, отправленный Всевышним Посланником ко всем творениям, хозяин райского источника Хавз, обладатель особой степени “Макам махмуд” и знамени “Лива’ ал-хамд”, наделенный самым большим заступничеством в Судный

¹ «Был для вас в посланнике Аллаха хороший пример тем, кто надеется на Аллаха и последний день и поминает Аллаха много». Коран. 33:21.

день, имам из Хашимитов, Посланник из Курайшитов, Пророк из заповедной территории Харам, мекканец, мединец, из рода человеческого, ветвь его исходит от Низара, происхождение от Ибрахима, из потомков Исмаила, с благословенным телом, излучающий сияние, словно луна в полнолуние, говорящий на арабском языке, с сердцем милосердным, рожденный на территории Хиджаза, Посланник к людям и джиннам, не слишком высокий и не низкий, с белым цветом кожи и с оттенком румянца.

Нос у него прекрасный, глаза — черные, большие и красивые, лоб — светлый, брови — прекрасные. С подкрашенными сурьмой глазами, с широкими плечами и ладонями, отличающийся красивым телосложением и имеющий стройный стан, Пророк милости, уделяющий высокое внимание и заботу, заступающийся за свою общину, четко разъясняющий, красноречивый, от пота которого исходит приятный аромат, достопочтенный, с прекрасными нравственными качествами и внешностью, с острым зрением, с приятной и вежливой речью, первым приветствующий каждого встречного, являющийся опорой Ислама, царь, обладающий глубочайшими знаниями, Посланник Аллаха..., уничтожающий запретные новшества, распространяющий Шариат, отменяющий предыдущие шариаты, распространитель Ислама во многих государствах, самый стыдливый, с щедрой душой, постоянно плачущий, много поминающий Аллаха, доверенный небес, не разглашающий тайны, печать посланников (то есть завершающий пророчество на земле. — *Авт.*), щедрейший. Осуществляющий и распространяющий повеления Аллаха, исполняющий завет Всевышнего, старающийся во всем достичь довольства Аллаха, одаренный Всевышним победой, скрывающий недостатки, прощающий ошибки, не следующий страстям, не разглашающий о бедах, соблюдающий пост, оживляющий ночи поклонением Всевышнему, помогающий добрым и хорошим людям, при рукопожатии с которым чувствуется особая мягкость его рук, справедливо распределяющий все, больше всех совершающий благие деяния.

Отличающийся смелостью и отвагой в бою, мало смеющийся и много улыбающийся, не стремящийся к мирским благам и удовольствиям, речь у которого правдивая, с крепким разумом, с защищенным нафсом², с черными волосами, источающий самое приятное благоухание, самый щедрый.

² Нафс — сущность человека, его «я».

При рукопожатии с ним в течение трех дней от руки того, кто прикоснулся к нему, исходил приятный аромат Фирдавса. Когда его видели сидящим во дворе мечети, то он словно луна в ночь полнолуния излучал сияние. Его лоб излучает таинственный пророческий нур, лицо у него очень красивое, при разговоре от его губ исходит сияние, между лопатками находится печать пророчества. Он носит на земле имя Мухаммад... (то есть самый восхваляемый. — *Авт.*), ибо его восхвалил сам Всевышний Аллах и Его ангелы»³.

Исламские пророки-революционеры Субсахарской Африки. «Последовательные сопротивление, уход и возвращение» Мухаммада стали моделью [1, с. 251] для исламских движений как в мусульманском мире в целом, так и в Тропической Африке, бросавших вызов существующему порядку и фактически стремившихся построить на его месте новый. С этой моделью сверяли свои действия Осман дан Фодио, ал-Хадж Омар, Мухаммад ал-Амин ал-Канеми, Секу Амаду Лоббо и другие вожди африканских мусульман.

Традицию радикального изменения всего образа жизни, политической и духовной жизни в широком смысле, начало которой положил Пророк, считали необходимым продолжать и его преемники халифы. Не отделяли себя от нее и продолжатели дела пророка Мухаммада в тропической зоне Африки, которые вели исламские завоевания, вписывающиеся в мусульманскую историографию под названием футух, что переводится как открытия. Б. Луис выделяет это содержание джихадов, обращая внимание на то, что «ранние исламские авторы видели в них не просто завоевания в пошлом смысле территориальных приобретений, но свержение режимов и властей, исчерпавших свою легитимность, “открытие” их народов новому откровению и новому управлению» [1, с. 251–252].

Роль пророка выходит далеко за пределы сферы религиозного. Во-первых, возникающий культ пророка или основателя, по словам российского исследователя цивилизаций Б.С.Ерасова, становится важнейшим элементом системы консолидации общества, преодолевающим межэтнические, межгосударственные и культурные границы [2, с.95]. Во-вторых, пророк, возвышающийся до уровня сверхличности, благодаря своему превращению в провозвестника священного, богооткровенного учения, оказывался выше любой

³ Али ибн Аби Талиб описывает пророка. <http://muhammad-mustafa.ru/?p=3419>.

критики, даже последующими поколениями он воспринимался носителем харизматических качеств. В-третьих, в отличие от других пророков его образ, деятельность и учение имели для последующей истории исламской цивилизации гораздо большее значение, чем любые другие события или исторические фигуры. Культ Пророка, по существу, с самого начала стал одним из столпов ислама (хадж к могиле Мухаммада, к другим святым местам, с которыми связана жизнь Пророка, — обязательное действие в судьбе каждого мусульманина), хотя в священном Коране и других вероучительных традициях постоянно подчеркивается, что он — посланник, посредник между Аллахом и людьми. Тем не менее функция посредника, необычайно ярко выраженная в сравнении с другими пророками в истории религий, позволяет ему оставаться непререкаемым образцом поведения и выразителем истины. Поэтому сначала шииты, а за ними, много времени спустя, и сунниты (XIII в.) признали статус Пророка как совершенного, безгрешного, свободного от недостатков индивида. Более того, человеческие слабости основателя ислама стали трактоваться как пример того, как верующим следует раскаиваться в своих прегрешениях.

В глазах суфиев и шиитов Мухаммад приобрел мистический характер, стал для них выражением космического божественного света. Но самое основное, системное влияние фигуры Пророка выразилось в его высказываниях и рекомендациях, описании его деятельности, которые превратились в важнейший источник формирования цивилизационного самосознания мусульман, устной и письменной культуры ислама. Возник культ пророка Мухаммада: «Идеальный образ пророка и вождя, предстоятеля на общей молитве и основателя государства, нищего и гонимого поборника правды, выступившего против заблуждений своих соотечественников и против сильных мира сего, защитника вдов и сирот, доброго к бедным и рабам, страстного проповедника открывшейся ему истины и стойкого борца за выдвинутые им идеи, человека, который мог таинственно общаться с самым единственным и всесильным Богом и в то же время имел явные слабости, создавался, обновлялся и переосмыслился каждым новым поколением, ему были посвящены многочисленные устные и литературные произведения. Учение о пророке Мухаммаде стало важной составной частью ислама, вошло в самый символ веры, право и богословие, историографию и литературу» [3, с. 235–236].

Спустя сотни лет эти тенденции и значение принципов, заложенных в пророческих заповедях Мухаммада, обнаружили свою действенность в движениях, развернувшихся в Тропической Африке в XVIII–XX вв. под главенством местных духовно-религиозных авторитетов, немногие из которых обрели функции пророка и вершили свою религиозную практику в соответствии с деяниями Мухаммада.

Фигура пророка в исламе (тем более если речь идет о пророке Мухаммаде) изначально занимала центральное место. Правда, в доисламской терминологии пророк назывался кахин (*kāhin*), реже 'арраф (*'arrāf*). Кахин (от древнееврейского кохен — священник) означает провидец, пророк. Часто он был священнослужителем и считался одержимым духами (джиннами), с помощью силы которых смогли совершаться различные чудеса. Считалось, что и поэты тоже одержимы джиннами, которые и рождали вдохновение, способствовавшее появлению стихов. Кахины считались способными предсказывать в любой ситуации, поскольку за ними стоял авторитет высшей силы.

Мухаммад в научной литературе. Мухаммаду, которого его соплеменники курейшиты считали всего лишь одним из одержимых духами кахинов, пришлось немало потрудиться для того, чтобы добиться признания своих высших пророческих качеств. Для этого ему необходимо было выделиться из числа кахинов. Одиночество в горном массиве неподалеку от родной Мекки, куда он удалился, сыграло в этом свою основную роль. Явление архангела Джабраила (в христианской традиции Гавриила), священный Коран, который сам Аллах вложил ему в душу, стали тем религиозным опытом, который затем надлежало передать ближайшим соратникам-единоверцам и в который уверовали затем тысячи, сотни тысяч, а теперь и сотни миллионов последователей Пророка. Другая идея — единобожие, отменявшая представления о джиннах, выделила его еще больше, противопоставив сложившимся представлениям о мире сверхъестественного. И, наконец, третье огромное открытие Мухаммада — та великая Книга — Коран, которую ему, неграмотному купцу, как гласит рассказ самого Пророка, вложил в сердце Аллах. Эта священная книга и была призвана уравнивать его как лидера возникавшей религии с древнееврейской письменной традицией и христианской Библией. Но его Коран, полагал Мухаммад, превзошел своей святостью книги христиан и иудеев: ведь он был изложением

истин самого Аллаха, и потому ставить под вопрос значение Корана нельзя.

Все это давало Мухаммаду основания считать себя больше чем обычным пророком, о которых шла речь выше. Он считал себя посланником Аллаха — последним посланником в цепи, начатой Ноем и включающей Иисуса. И в этом качестве он видел свою первую мессианскую задачу в том, чтобы предупредить арабские и другие народы о неминуемом наступлении Судного дня. В создании Мухаммадом концепции дня Страшного суда, а также в определении собственной роли как пророка очевидно воздействие иудео-христианской традиции. Судя по действиям Мухаммада и их последовательности, будущий Пророк в юности осознавал приниженный характер веры арабов в сравнении с иудеями и христианами и приложил все свои интеллектуальные силы, чтобы поднять арабов до равного с представителями этих религий уровня.

Однако после хиджры (бегства) пророка Мухаммада из Мекки в Медину и особенно после того, как его религиозный триумф над курейшитами стал очевиден, экстатические откровения отходят на второй план в его пророчестве в связи с вовлеченностью в политические дела. Также рифмованная проза уступает место обычной прозаической форме изложения мысли, поскольку в ее содержании преобладают нелегкие раздумья обо всех аспектах жизни общества, его политической организации.

Мухаммад, согласно официальной исламской доктрине, — последний, последний пророк в череде предшествующих ему пророков, среди которых Коран упоминает (и это является официальной точкой зрения) Адама, Ноя, Авраама, Исаака, Якова, Моисея, Давида и Иисуса. Но ни один из них не обладает полнотой послания, поскольку они были направлены Богом к одному народу, тогда как Мухаммад послан всем народам и даже джиннам. Послания пророков — предшественников Мухаммада, уверены мусульмане, забыты или извращены, но Коран подтверждает и возвращает первоначальный смысл речений ранних пророков. Мухаммад, таким образом, — «печать пророков», то есть знаменует конец пророчеств. Все пророчества до Мухаммада неполны и свидетельствуют о приближении конечного откровения.

Профетическая деятельность Мухаммада играет неоценимую роль в жизни мусульманских народов, ведь именно она заложила основы ислама и уммы мусульманского общества в целом. Несрав-

нимые апокалиптические откровения Мухаммада, справедливо уверены ученые и обычные верующие, привнесли в мир представление о подлинном монотеизме. Поэтому потребность в пророках и откровениях якобы отпала.

После смерти Мухаммада пророческие явления в исламе отошли на задний план. Инициатива в развитии религиозных представлений перешла к философам, в дискуссиях которых почти не оставалось места для пророков. Мусульманские ученые обсуждали проблемы природы человека, теологии, космологии, существования, развивали исследования о мусульманской системе обязанностей и прав (*фикх*). Эта рационализация религиозного опыта не требовала пророчества и не нуждалась в нем. Тем не менее даже самые выдающиеся исламские средневековые мыслители отдавали должное пророчеству. Так, всемирно известный таджикский теолог, мистик, медик, астроном Ибн Сина (Авиценна) признавал пророчество как фундаментальный аспект ислама, но пророком для него являлся уже не одержимый духами оратор от имени Бога, но в первую очередь мыслящий, обладающий интуицией ученый, проницательность которого позволяет ему занять место лидера в обществе [4–6]. Еще один философ, Ибн Рушд (Аверроэс), отрицал веру в то, что человеческое знание когда-либо приблизится к знаниям, которыми располагает Бог [7–8]. Он также отрицал и учения о предопределении и телесном воскрешении, которые составляли части Мухаммадовой миссии.

Казалось бы, с признанием Мухаммада последним пророком в исламе вопрос о профетизме должен быть снят. Так ли это? История свидетельствует, что и в данном случае пророчество не утратило своего значения в реальной жизни. После смерти Пророка несколько предсказателей объявили себя его преемниками, хотя Мухаммад и не назначил кого-либо в качестве замены, как не оставил и сыновей.

Отдельные пророки объявили себя долгожданными спасителями, избавителями — махди — и сумели объединить своими идеями несколько племен.

Махди 'ведомый верным путем [по пути Аллаха]' — значительная фигура в исламской эсхатологии. К таковым их приверженцы относили основателя западноафриканского халифата Сокото (XIX в.) шейха Османа дан Фодио, установившего исламское правление, основанное на шариате. И со всей уверенностью к ним следует отнести

Мухаммада Ахмад ибн ас-Саййида 'Абд Аллаха, прозванного суданским махди. Возглавив священную войну против англо-египетских господ и разбив в 1885 г. войска британского генерал-губернатора Гордона, он создал исламское государство на территории нынешнего Судана. В Британской Индии (провинция Пенджаб) примерно в то же время Мирза Гулам Ахмад объявил, что на него снизошел дух Иисуса и что отныне он пророк — мессия и махди. Посланные Аллахом откровения он изложил в книге, где обосновывал необходимость реформы ислама путем либерализации жестких религиозных норм и включения западных методик в систему образования. Его секта Ахмадийя, хотя и немногочисленная, известна практически во всех странах Африки южнее Сахары, не говоря о других регионах мусульманского мира.

В Черной Африке явления пророчества наметились значительно позднее остальных частей мира ислама, поскольку и ислам здесь распространился значительно позднее, доктринальные тонкости были уделом крайне узкой группы улемов, среди которых подлинных знатоков принципов ислама насчитывались буквально единицы. Тем не менее в конце XVII столетия уже появились признаки профетического движения, во главе которого встал духовный лидер одного из арабских племен.

Поддержание духовного стандарта на новом огромном пространстве, где соединяются разные народы, нередко входившие в состав не одного, а нескольких государственных образований, как раз и осуществляет этот слой (узкая группа улемов) во главе с лидером-пророком, причем его лидерство, как и всего слоя улемов, обычно не обусловлено владением средствами материального производства.

Эта группа первоначально носит, за редким исключением, сугубо социокультурный характер (сущность пророка Мухаммада тоже определяла его духовно-религиозная деятельность, а ремесло купца лишь открывало большие возможности для нее). Она в наибольшей степени оторвана от локальных и кровнородственных связей и ориентирована на создание иного типа аскриптивных связей (сверхлокальных, надэтнических), возведенных на основе веры в высший символ, выражающий особые смыслы и ценности, перекрывающие все предшествующие, низведенные в более низкий статус. Непременным условием принадлежности к этой группе была образованность, предполагавшая знание священных текстов, умение их трактовать и, в идеальном смысле, сочинять собственные. Отсюда общее

название этого слоя — книжники. Механизм формирования духовной элиты тщательно поддерживался. Другой важнейшей характеристикой была ее относительная независимость от политической, военной и экономической элит, более того, высший по сравнению с ними социокультурный статус, предполагавший во многих случаях возложение на себя функций политических и военных руководителей. Лидерами джихадов, то есть военно-политическими руководителями, становились сами духовно-религиозные владыки, пророчествующие личности в исламе.

Необходимо подчеркнуть, что существование этой высокоразвитой (в рамках данного общества) социокультурной группы является предпосылкой выдвижения пророка из ее среды, поддерживающей основные замыслы своего лидера.

Социальная база пророческих движений: суфийские ордены. Духовно-религиозные, или мистические, ордены, тарикаты — условное название исламских структур, в которых слились психофизическая практика (мусульманский мистицизм), доктринальные системы восприятия мира и самовыражения в рамках мусульманской мысли, обосновывающей способ служения Богу, и, наконец, динамичная социально-экономическая и социально-политическая организация, неоднократно демонстрировавшая в разных частях мусульманского мира, включая Африку, гибкость и динамизм своих структур. Тарика (от *араб.* тропа, путь, способ) — определялся как тропа, ответвление от шари^а (шариат — религиозный закон — первая из трех ступеней пути, главная дорога). Знатоки мистических практик и учений — суфии — считали путь мистического обучения ответвлением от большой дороги данного Аллахом закона, то есть шариата, которому, по их убеждению, должен следовать каждый правоверный. И мистический опыт не может быть обретен, если не выполняются обязательные нормы шариата⁴. Тропа суфия труднее главной дороги, она ведет странника через различные состояния, которые именуются стоянками, к достижению цели — экзистенциальному признанию единства Бога. Стоянки (макамы) — различные стадии, через которые путник проходит, следуя принципам аскетизма и соблюдая морально-психологические предписания. Главными

⁴ Третья, последняя ступень — хакика (истина, реальность). В определенной мере все три ступени соответствуют христианскому трехчастному делению мистического опыта на *via purgativa*, *via contemplativa* и *via illuminativa* (лат. путь очищения, путь созерцания, путь просветления).

стоянками, по-разному описываемыми теоретиками мистицизма, все же можно назвать покаяние, упование на Аллаха и бедность. Чтобы ступить на духовный путь, ученик, или адепт, именуемый в суфизме муридом, нуждается в руководителе — муршиде, который вел бы его через различные стоянки и указывал бы дорогу к цели. Здесь особенно велико значение хороших советов, считают суфийские мистики, ссылаясь на один из хадисов Пророка («шейх среди своих учеников подобен Пророку среди своего народа»), поскольку все пророки приходили для того, чтобы открыть людям глаза на их пороки и несовершенства, несправедливое поведение и раскрыть врата к познанию могущества и справедливости Аллаха [9].

Религиозный опыт в исламе в целом играет роль, пожалуй, большую, чем в других религиозных системах, но особенно присущ он приверженцам тарикатов Муридийа и Тиджанийа.

Он в первую очередь порождается психоэмоциональными переживаниями верующих во время исполнения особых психотехнических упражнений, целью которых является постижение Бога, приближение к нему, познание его. В том же ряду находится зикр — многократное упоминание имени Бога, которое обычно сопровождалось особыми ритуальными действиями, движениями, принятием определенных поз и порой экстатическим танцами. Зикр, пожалуй, наиболее распространенная форма молитвы. Ему в известной степени противопоставляется халва — состояние одиночества, посвященного напряженным размышлениям о Боге, мире и сопровождаемого обетом молчания, постом, постоянным бодрствованием, которые воспитывают духовные силы приверженца тариката, призваны укрепить его веру.

Немаловажное место в мистической практике занимает процесс слушания музыки во время суфийских радений — сама. Оно обычно сопровождается определенными ритуальными действиями. В этот момент, как пишут многие суфийские авторы, у верующего возникают сильные эмоциональные переживания, мистические состояния и, наконец, непосредственный контакт с Богом, во время которого на верующего может нисходить способность лицезреть сокровенные истины бытия. Сама, как следует из практики его исполнения, по существу, не отделен четкой гранью от зикра, поскольку душевное состояние в такие моменты обычно проявляется необычным физическим возбуждением, мистическим восторгом, произвольными телодвижениями или танцами.

Описанный в самых общих чертах мистицизм, целью которого было достижение внутренней близости с Богом посредством принятия обетов смирения, выполнения дополнительных ритуалов, благочестивых размышлений над смыслом коранического текста, носил вполне прагматический характер, разрабатывал конкретные методы и приемы. Именно прагматический мистицизм один из наиболее известных исследователей тарикатов британский исламовед Дж. С. Тримингэм квалифицирует, в частности, как «организованное культивирование религиозного опыта, направленное на непосредственное восприятие Единственносущего (*the organized cultivation of religious experience aimed at direct perception of the Real*)» [10, p. 137; 11, с. 117]. По Дж. С. Тримингэму, «на практике суфизм — это прежде всего созерцательный и эмоциональный мистицизм. Будучи организованным внедрением религиозного опыта, он не является философской системой, хотя и развивался как система. На самом деле это “путь”, путь очищения» [10, p. 2; 11, с. 16]. Под суфизмом следует понимать особое мистическое, религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считают возможным путем личного психологического опыта достичь непосредственного духовного общения (созерцания или соединения) верующего с Богом. Однако суфизм, вобравший в себя множество течений, школ, ветвей, которые представляли обособленные доктрины и постулаты мистического пути, не является единой духовно-религиозной системой. Объединяющим началом этих сегментов суфизма была конечная мистическая цель — познание, растворение в Боге. И мистицизм призван сыграть в достижении ее главную роль. Достичь конечной цели можно было при условии нравственного очищения (духовного джихада) и совершенствования человека. Здесь, считает одна из самых известных специалистов по духовно-культурным аспектам суфизма А. Шиммель, «необходим духовный опыт, не зависящий ни от чувственного, ни от рационального метода познания» [9, с. 13]. Российско-американский ученый П. А. Сорокин, в свою очередь, обосновывает его как третий путь познания — интуитивный, мистический: «Без мистической интуиции у человечества навряд ли была бы хоть одна великая религия, поскольку всякая великая религия есть обретение истины веры путем мистического опыта» [12, с. 795]. Поскольку религия вообще и великие мировые религии в частности составляют одно из самых значительных достижений человеческой культуры, будучи основаны почти исключительно на

сверхрациональной, сверхчувственной Абсолютной истине, то очевидно, что интуиция и особенно интуиция мистическая, примером которой служит суфизм, сыграла и продолжает играть важную роль в истории человеческой мысли, культуры и создании типов человеческого общежития. И действительно, все великие религии и их ответвления основаны мистиками, наделенными харизматическим даром: Мухаммад, Будда, Иисус Христос, Махавира. К их числу на субрелигиозной основе можно отнести создателей новых тарикатов на африканском континенте: Амаду Бамба — Муридийа, суданский махди Мухаммад Ахмад ибн 'Абд Аллах — Махдийа, глава ливийского братства Санусийа Ахмад ибн Идрис, Мухаммад 'Абд Аллах Хасан в Сомали и могучие потрясатели основ сложившихся социально-политических порядков Осман дан Фодио — Кадирийа, ал-Хадж Омар — Тиджанийа.

Суфизм, который П. А. Сорокин относит к аскетически-идеациональному типу ментальности, внес в ислам духовность, способствовал его интеллектуализации.

В нашем обыденном и даже научном сознании аскетически-идеациональная ментальность предстает чем-то редким, малозначимым, почти из ряда вон выходящим. Однако уже первичный анализ показывает, что этот тип ментальности образует в мире культуры не отдельные острова, а несколько крупнейших континентов. Наряду с индуизмом и буддизмом суфизм признает только ценности вечные, непреходящие, нерушимые, отвергая все временное как имитацию, псевдоценности. Также и истина — только то, что открыто мистическим путем благодаря интуиции, медитации, откровению, снизошедшему вспышкой сознания, не обретоено с помощью органов чувств. Истина не относительна, она — абсолютна. Абсолютными и вечными провозглашены моральные и прочие ценности. Они не имеют ничего общего с относительными и условными ценностями утилитаризма, гедонизма, позитивизма или либерализма, отвергающего абсолютные ценности и возводящего в абсолют относительность принципов, убеждений, отношений. Не случайно, отмечал методологически близкий П. А. Сорокину российский политический философ А. С. Панарин, именно ислам оказал наиболее упорное культурное и политическое сопротивление нивелирующему действию либеральной глобализации, направленному на понижение ценностной самоидентификации иных социокультурных миров [13], отстаивая честь и достоинство ислама в целом и суфизма в частности.

Условия и причины зарождения профетических движений в исламе в Субсахарской Африке. Ответ на этот вопрос, на первый взгляд, достаточно прост: распространение и укоренение ислама среди относительно заметной части африканцев; недовольство мусульман, по крайней мере знающей части верующих, той политикой в различных сферах жизни общества и отношением к нуждам индивидов, которую проводят правители — неверующие или даже мусульманские, если они не соблюдают законы ислама, предписанные для этих сфер. Разумеется, в качестве основ протеста могут быть названы и социально-экономические: падение уровня жизни, повышение налогов и уровня эксплуатации населения, привлечение людей для выполнения государственных работ, обман при расчетах и незаконное изъятие имущества и т.д. Об этом написано много. Но сами по себе бедность, низкий жизненный уровень, тяжелые материальные испытания еще не становятся непосредственной причиной народного гнева, взрыва, который перерастал бы в бунт, восстание, революцию, наконец, в джихад⁵. История человечества показывает, что более существенную роль в возникновении напряженности, социальных волнений, перерастающих в джихад, играют факторы человеческого сознания: реакция на оскорбление религиозных, национально-культурных символов, стремление реализовать богоустановленные принципы ислама, защитить воспринимаемые как свои, родные, заповеди пророка Мухаммада, нормы и ценности религии, ставшей частью, образом жизни уверовавшего африканца. Это не означает, что исследователь может удовлетвориться анализом только духовно-религиозных и культурных факторов, полная картина, позволяющая понять основные нюансы (или приблизиться к их пониманию), возникновения профетического движения возникает при тщательном анализе причин материального (экономического), социального, правового характе-

⁵ Это явление разносторонне исследовал П. А. Сорокин, «опровергая теории, которые приписывают внутренние волнения либо усиливающемуся обнищанию и «тяжелым материальным условиям» либо, наоборот, материальному прогрессу... Эти теории решительно опровергаются как соответствующими фактами, так и основной массой показателей». Он указывает, что, как бы тяжелы ни были условия жизни, вплоть до голода, члены такого общества не будут бунтовать (во всяком случае, будут менее склонны к бунтам), в отличие от членов благополучного общества при условии, что его система социокультурных ценностей разстроена, находится в состоянии анархии. См.: [12, с. 695–697].

ра⁶. Здесь необходим учет и природно-климатических условий существования общества, обеспеченность человека основными природными ресурсами, роль художественных образов в формировании картины мир африканца и т. д.

Огромную роль (явление, которое вообще не нашло отражения в советской/российской гуманитарной науке) в долгосрочном существовании, становлении, развитии профетических движений, сыграла педагогическая составляющая, если она в них присутствовала. Сила, авторитет, харизматичность учения определяются не только его религиозным содержанием, порывом, целеустремленностью высказанных идей, но и глубоким проникновением в сознание талиба — ученика коранической школы. Подобным примером служит учение и практика тариката Муридийа, основатель которого шейх Амаду (Ахмад) Бамба соединил воспитание молодых послушников путем физического труда (независимо от социального положения индивида!) с обучением основам веры и национальной культуры, любовью к отечеству [22]⁷. Его педагогическая система стала одним из основных факторов, обеспечивших гармоничность и прочность социокультурной системы, в рамках которой действуют в целом одни ценности, разделяемые всеми членами общества, живущими в соответствии с ними.

В свете изменений, порождаемых профетическими и в целом джихадистскими движениями, серьезнейшее значение приобретает вопрос о власти, обоснование законности смещения правителя и возложения властных полномочий на пророчествующую личность. Обязаны ли мусульмане подчиняться неправовому правителю или правителю-мусульманину, нарушающему законы ислама, попирающего человеческие нормы общежития? Что говорит об этом Коран и пророк Мухаммад, каковы самые общие принципы, легализующие право провидца на восстание?

⁶ Эти аспекты профетических выступлений освещены, в частности, в ряде работ западных и африканских авторов: [14–22].

⁷ Здесь впервые в научной литературе автор излагает методику обучения и воспитания, разработанную сенегальским шейхом, которая открывает путь к пониманию все расширяющего влияния тариката Муридийа и превращения фигуры Амаду Бамбы в национального героя, мыслителя и борца за независимость страны. На педагогический потенциал пророческих учений обращает внимание Д. Робинсон [23].

Эти вопросы обретают в исламской общине не столько теоретический и богословский, сколько практический характер. В исламе политика и религия — суть единое явление, поскольку политика составляет неотъемлемую часть ислама, вне ислама немыслима какая-либо политическая деятельность, хотя разделение этих понятий и присутствует. Мусульманская теоретическая мысль отделяет религию от политики, но на уровне понятий, поскольку власть происходит от Аллаха. По той же самой причине более чем странным прозвучало бы требование отделить мечеть (церковь) от государства, а еще и по той причине, что института церкви, подобного христианскому, в исламе не существует. Отсутствие институциональной структуры в виде церковной власти, которая могла бы формулировать, провозглашать и официально направлять вероучение или, напротив, разоблачать ложные доктрины, в значительной мере, доказывает Б. Луис, объясняет тот факт, что в исламе нет проблемы ереси. Дело еще и в том, что внутри широко очерченных рамок здесь существует значительная свобода выбора в вопросах веры. И если отдельные мусульманские правители и пытались навязать нечто вроде официального ортодоксального вероучения, то в большинстве своем их усилия оказывались неэффективными.

Истинность веры в исламе определяется не столько ортодоксальностью убеждений, сколько ортопраксией, то есть реальными действиями мусульманина. Как гласит мусульманское изречение, искренность веры может определить только Бог, тогда как деяния мусульманина становятся известны обществу. Ислам требует от верующих не буквальной точности веры, а лояльности общине и ее официальному лидеру. Отсюда и весьма терпимое отношение к инакомыслию — до тех пор, пока оно не превращается в подрывную деятельность, представляющую опасность для существующего общественно-политического строя. В последнем случае инакомыслящий, кто бы он ни был — правитель или рядовой мусульманин, нарушает пределы установленного, оказываясь в поле запретного. С этого момента инакомыслие подлежит преследованию и наказанию в соответствии с юридическими установлениями [1, с. 280–281].

В исламе не существовало не только доктринальной, но и практической потребности для отделения церкви от государства. Терпимость — отношение к тем, кто иначе веровал и по-другому молился, — со стороны государства была достаточно высока, и потому мусульмане не нуждались в бегстве от государства, насаждавшего

официальное, поддерживаемое им учение. Однако эта терпимость и не простиралась до такой степени, когда его бездействие было определено теми же мусульманами как презрение по отношению к служебному долгу. Проводилось жесткое разграничение между воспринявшими слово Аллаха и подчинявшимися ему и тем, кто его добровольно отверг.

Однако как все-таки оправдать захват власти и свержение предшественников, не создавая при этом прецедента для последующего честолюбца, который может возмечтать занять твое место? Пророку Мухаммаду и его соратникам было понятно: свержение языческой мекканской верхушки и защиту власти Пророка оправдывали божественные соизволения, легитимизировавшие права Пророка на власть и одновременно отвергавшие, ниспровергавшие тех, кто пытался на нее покуситься. У африканских последователей Пророка вопросов также не возникало, если речь шла о низвержении правителей языческих. Цель была ясна: замена неверия, которое *à priori* не могло быть легитимным, исламом, посредством которого Аллах и наделял законной властью.

Однако если речь шла не о языческом и даже не о христианском правителе, а о правителе мусульманском, которого следовало сместить, то проблема усложнялась. Ответ на этот вопрос тем не менее был найден, причем в двух вариантах, которые Б. Луис называет традициями, — квиетистской и активистской [24]. Обе частично противоречащих друг другу идеи возникли еще в первоначальный период ислама, обе, разумеется, базируются на Коране, подкреплены хадисами и отчасти, заявляет Б. Луис, основываются на принципах более древних религий Ближнего Востока.

Квиетистская традиция опирается на следующее высказывание по поводу власти в суре 4 Корана: «О, вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас» (Коран 4:62 (59)). Согласно этим строкам, повиновение любой власти есть религиозный долг и политическая необходимость, а неподчинение, как вытекает из этого утверждения, — грех и преступление, за которое постигнет кара. Та же идея выражена в одном из хадисов: «Подчиняйтесь тому, кто имеет власть над вами, даже если он увечный эфиопский раб» [25], — вызывая внутренний протест неправдоподобием физических, этнических и социальных признаков, сочетаемых в одном лице.

В то же время активистский подход, также базирующийся на Коране и хадисах, напротив, может призывать верующих не повиноваться древним и языческим деспотам, особенно фараону, который был для мусульман, как и для иудеев и христиан, первейшим врагом, воплощая языческих угнетателей. Наиболее авторитетный и потому чаще всего цитируемый хадис приводит высказывание Пророка: «Нет повиновения во грехе», который означает, что греховное «преступное» требование правителя должно быть отвергнуто.

Вопрос о праве свержения и даже убийства правителя берет свое начало 17 июня 656 г., когда был убит третий «праведный» халиф Осман ибн Аффан. Повелитель правоверных впервые погиб не от руки иноверца (что случалось прежде), а пал жертвой единоверцев-мусульман. Этот вооруженный бунт положил начало первой в череде гражданских войн, глубоко расколовших совсем недавно возникшее исламское государство [26–28].

В политической истории ислама оформились две основные теории. В одной убийство Османа рассматривалось как преступление и грех, поскольку престарелый халиф был законным и справедливым правителем. Согласно второй концепции, Осман — незаконный и несправедливый правитель, а его убийство предстает законным и даже необходимым актом, и поэтому Али был прав, укрыв убийц и отказавшись выдать их на суд Муавийе и родственникам погибшего. Со временем первая точка зрения стала господствующей среди суннитов, тогда как вторая возобладала в шиитской среде.

Среди суннитов относительно правителя-мусульманина сложились убеждения, которые выражаются следующими изречениями: «Тому, кто у власти, должно подчиняться» и «Мир может жить при произволе, но не при безвластии». В них зафиксировано смирение суннитских факихов и теологов с существующей политической реальностью. Речь идет о том правителе, который поддерживает порядок и радуется за принципы исламской веры и закона, поскольку соблюдение их в своей основе долг верующего. Согласно суннитской традиции, халифат есть соглашение, возлагающее обязательства и на правителя, и на подданных, обязательства эти подлежат расторжению, если стороны не выполняют обязательства. Однако общая историческая практика в исламском мире предъявляла правителю все меньшие требования, тогда как к подданным обязанности вменялись все более неукоснительно. Чтобы долг повиновения потерял силу и злонамеренный правитель был свергнут в соответствии с ис-

ламским законом, суннитам требовалось перенести больше испытаний, чем их шиитским собратьям [1, с. 258–259]. Длительные периоды, в течение которого мусульмане Египта, Туниса, Ливии, Сирии, Йемена мирились с правителями-долгожителями наших дней, лишний раз доказывают это. Однако в Тропической Африке XVIII–XIX вв. это ожидание резко сократилось, чему причиной были три обстоятельства: распространение ислама и укоренение его религиозно-политических аспектов в сознании алимов — мусульманской интеллигенции; узурпация прав и свобод подданных мусульманскими правителями, попиравшими религиозные заповеди, социальные, экономические и этические нормы жизни, эти злоупотребления достигли предела и вызвали всеобщее возмущение; появление харизматических фигур в местном обществе, бесстрашно бросивших вызов от имени законов Аллаха дискредитировавшим себя правителям, именовавшим себя исламскими (не говоря о языческих царях). В этом свете их вполне можно было бы уподобить современным фундаменталистам, однако тогда — в XVIII–XIX вв. — речь шла в основном об укреплении позиций ислама, углублении его роли как ядра произрастающей исламской цивилизации на субконтиненте.

Один из наиболее ярких примеров действенности и всеобщности, значения религиозного опыта представляет жизненная практика приверженцев мусульманских духовно-религиозных орденов.

Пророки — вершителы джихадов в Тропической Африке. В XVIII–XX вв. ряд африканских выдающихся мусульманских ученых и военных предводителей организовали в целом успешные движения по реформированию общества и государственному строительству. Движения эти получили название *джихад*, а возникшие режимы они называли имаматами, в других случаях — халифатами. Кроме того, реализованы и мирные движения, наиболее успешным из которых было создание и продолжающаяся свыше столетия деятельность тариката Муридийа. В том же XX в. была предпринята попытка создания силовым путем исламского государства на территории Северной Нигерии (движение Майтацине), которая была подавлена. Таким образом, уже первоначально можно разделить эти движения, во главе которых стояли исключительно индивиды пророческого типа, на джихады (то есть военные) и мирные; на завершенные и незавершенные. Но общей их чертой было, во-первых, стремление к преобразованию сложившихся в обществе отношений на принципах ислама, и, во-вторых, большая часть лидеров при-

надлежала к фульбе, происходившим, как правило, из общности тукулёров (тородбе), выделявшейся особой ученостью и благочестием рода⁸.

Джихады сыграли основную роль в распространении ислама, часто при активном участии суфийских орденов — от духовно-религиозной элиты к рядовому населению. В ходе их разрабатывались своеобразные педагогические методики, позволявшие африканцам осваивать элементарные понятия веры не только в их оригинальной арабской форме, но и выражаемые в фула, диула, хауса и других африканских языках. Благодаря этим педагогически приемам и включению африканских языков в процесс исламизации и состоялось преобразование Африки в часть мусульманского мира (Дар-ал-ислам). Классическим и наиболее изученным в науке, по мнению ряда западных исследователей континента, считается джихад в Хаусаленде (на территории современных Северной Нигерии и Нигера), который в итоге привел к созданию халифата Сокото. Это движение, воспринявшее опыт предшествующих джихадов в арабo-мусульманском мире, оказало огромное влияние на все последующие джихады XIX в. как на африканской земле, так и за пределами континента. Ключевой проблемой, которая вставала перед всеми этими движениями, считает американский специалист по истории джихадов в Тропической Африке Д. Робинсон, был вопрос легитимизации. Кто имел право объявлять джихад и кто имел право принять ответственность за возникающее исламское государство [23, p. 132]? С кого брать пример? Ведь исламские исконные центры не имели единой власти. Османская империя — отдаленная и к тому же увядающая реальность, которая, считает американский ученый, не в состоянии претендовать на управление землями, лежащими вдалеке от средиземноморья. Марокко? На его стороне независимость от Стамбула, но оно могло притязать только на хрупкое влияние на африканский регион южнее Сахары. И тот, и другой режим признавались исламскими, но оба государства захлестывала волна европейской экспансии, и если они и вдохновляли новоявленных африканских лидеров, то в незначительной степени. В этих обстоятельствах африканцы, по мнению Д. Робинсона, невольно обращались «к

⁸ В частности, эта общность связывала свое происхождение с 'Укбой ибн Нафи' — арабским покорителем Магриба VII в. В соответствии с этим возникла легенда, согласно которой их родной язык — фульфульде (или фула, пулар) — второй после арабского, как его якобы замыслил пророк Мухаммад.

классическим основам веры, к Мухаммаду и ранним мусульманам, чтобы создать исламскую власть там, где она, по их суждению, не существовала» [23, р. 132]. Это явление наиболее ярко проявилось в джихаде Османа дан Фодио и некоторых других, в том числе предшествовавших возникновению Сокотского халифата [29–30].

В начале XVIII в. граница распространения веры проходила по западноафриканской саванне и шла на восток, где зона ислама постепенно сужалась от Сомали, которая была регионом полной исламизации, и Эфиопии, где ряд областей находился под преобладающим влиянием этой религии, к Кении и Танганьике, в которых ислам истончался, охватывая только города и поселения арабов, смешивавшихся здесь с местным населением. В XI в. движение альморавидов началось с объявления джихада, но оно в большей части регионов не оказало длительного воздействия. А в период с XI до XVIII в., когда многие народы и их правители ассоциировали себя с традиционными верованиями, упоминания джихада носили мимолетный, легкий характер⁹. В Сахаре, Сахеле и зоне саванны возникшие мусульманские общины сжились с неисламской властью или сосуществовали параллельно с нею. Мусульманские улемы того времени мирились с коррумпирующими подачками властей, пользовались такими дарами и искренне полагали, что при существующем порядке несправедливостей меньше, чем их могло бы быть в условиях исламского правления [31, р. 35].

Поскольку этой позиции придерживалась значительная часть мусульманской интеллигенции, которая выдвинула в XVIII–XIX вв. свои аргументы сторонникам намечавшихся тогда джихадов, приверженцам насаждения ислама, в свою очередь, пришлось углубиться в поиски доводов, оправдывающих ведение джихада и создания власти, основанной на религиозных принципах ислама [см., например: 30, р. 39–40, 118–120, 348–354]. Споры по поводу этих двух линий поведения мусульман продолжаются среди носителей исламского знания и по сей день, став одним из аспектов жизни африканской уммы. Интерпретация тех немногочисленных источников, которые оставили непосредственные участники — лидеры и некоторые приверженцы из самого близкого окружения, а также хроника, под-

⁹ Самым заметным случаем были заигрывания сонгайского правителя аскии Мухаммада, упоминавшего о джихаде и исламском правительстве, в вопросах, обращенных к мусульманским ученым.

готовленная по указу руководителя джихада, претендовавшего на роль пророка, представляют нелегкую задачу уже в силу указанных обстоятельств. Как правило, отсутствуют свидетельства нейтральных современников событий, нет и сочинений противников джихадов, не говоря уже о попытках обобщить, теоретически осмыслить драматический опыт бурных преобразований, захватывавших прежде всего духовно-религиозную, политическую и правовую сферы общественного бытия, в результате которых во много менялись смыслы человеческого существования. Европейцы в основном начали изучать внутренние районы континента только в XIX в., и некоторые из них (Г. Барт, Э. Маж [32–33]) оказались под позитивным влиянием джихадов и исламских государств. Часто они, как и местные элиты, рассматривали джихадистские движения, государства на основе исламских законов и бросающееся в глаза футбольское предводительство в этих государствах как звенья одной цепи, расценивая их как прогрессивное явление африканской истории.

Профетические, джихадистские движения, как и источники, из которых в первую очередь следует отметить яркие, пылкие сочинения их лидеров, рождались в определенной социокультурной и религиозной обстановке. К сожалению, западные авторы (Д. Б. К. О'Брайен, Л. Бреннер, Д. Робинсон, Ж.-Л. Трио, Л. Берман (Кривей), К. Кулон, Ж. Копанс, Б. Соарес П. Б. Кларке, К. Харрисон, М. А. Клейн, Р. Дельваль, Б. Г. Мартин, В. Ф. Майлз, И. Л. Марковитц, Ж. Шмитц) при всей осведомленности порой о самых малых деталях жизни исламских общин в прошлом и в современный период считают решающими факторами исторического процесса социально-экономические и политические условия, уделяя значительно меньше внимания социокультурным и религиозным, что заметно обедняет анализ мусульманской цивилизации, лишает объект исследования многозначности, красочности. В то же время другая группа ученых исследует джихады и приравняемые к ним движения с позиций цивилизационного подхода: для них история ислама и его цивилизации в этом регионе мусульманского мира — творение мысли, человека, сознание которого одухотворено великой идеей сопричастности к Богу, убежденности в высшей справедливости его законов. Подход таких ученых (Дж. Р. Уиллис, Дж. С. Тримингэм, М. Хискетт, Н. Левцион, Ш. А. Куин, И. Персон, Ф. Дюмон и др.) отличается воззрением на профетические движения как части единого целого, имеваемого исламской цивилизацией. Часть этих ученых приближают

ся к пониманию исламских джихадов в Черной Африке как процессу революционного переустройства местных обществ на религиозных принципах. Тем не менее подавляющее большинство европейских и африканских¹⁰ ученых свое внимание сосредоточивали на изучении прежде всего политических или социально-экономических, а порой и природно-климатических условий существования африканских обществ. При этом надо отдать им должное, африканские и западные ученые, особенно Д. Робинсон, Дж. Р. Уиллис, И. Персон, А. Уилкс, Н. Левцион, М. Клейн, широко используют добытые ими в архивах африканских и западных государств, в отдельных хранилищах и музеях Африки, в мечетях сочинения африканцев — мусульманских лидеров, написанные как на арабском, так и (но реже) на автохтонных языках: хауса, фула (фульфульде), суахили, малинке, мандинка и др. М. Хискетт, Л. Бреннер, Д. Робинсон, обращаясь к сочинениям преобразователей обществ в Западной Африке, сосредотачивают свое внимание прежде всего на политических и социальных аспектах и результатах широких и глубоких изменений, вызванных джихадами. Другие (Дж. Р. Уиллис, Р. Г. Дженкинс, Шейх Анта Мбаке Бабу) сосредоточиваются на духовно-религиозных сторонах, считая их истинной основой возникновения и укрепления исламской цивилизации, следствием которой становятся остальные сферы человеческого бытия: политика, формы хозяйствования, философия, право и т. д.

Тарикаты — социальная база джихадов в Черной Африке. Самую масштабную роль в исламизации Тропической Африки, а затем и распространении тарикатов сыграли суфийские ордены Магриба. Первыми суфийскими центрами в этой части исламского мира стали

¹⁰ О советской/российской школе исследователей джихадов в Африке южнее Сахары можно сказать несколькими фразами: Ю. М. Кобищанов, И. В. Следзевский и автор этих строк опубликовали несколько статей о движении Османа дан Фодио [34–35], выступлении Майтаине и деятельности тариката Муридия. Однако остальные профетические движения (ал-Хадж Омара, Самори Туре, не говоря о джихаде Шарп Бубба или успешном фульбском джихаде на Фута-Джаллоне) в нашей африканистике лишь глухо упоминаются. Подобное умолчание можно объяснить (да и то сугубо умозрительно) лишь господствующим мнением о сфере религиозного как о «надстройке», судьба которой определяется экономическими отношениями, а будущее которой — исчезновение, изживание. К несчастью, российская африканистика в целом не отказалась от этого ограниченного взгляда, который тем не менее в последние 40 лет не раз подвергался серьезной корректировке под воздействием исторической практики.

небольшие обители — завийи — и приграничные военизированные укрепления — рибаты. Их обитателями часто были борцы за веру (мурабитун, ед. ч. мурабит), по определению А. Д. Кныша, «многие из них имели склонность к аскетизму и мистицизму» [36, с. 280–281]. В завийях и рибатах одновременно преподавались мусульманское богословие и право — дисциплины, которые вели, как правило, суфийские шейхи. Вокруг них формировался круг учеников — муридов, которые, закончив учебу, становились распространителями своего учения и особых психотехнических приемов, выработанных наставником-муршидом. Со временем обогащая или видоизменяя приобретенный опыт, они могли создать свое ответвление (вирд) того тариката, последователем которого был их муршид [37].

Из этой части Африки в Западную и были импортированы тарикаты экуменического масштаба Кадирийя, Шазилийя и возникшие в Северной Африке Тиджанийя и Санусийя, распространившиеся практически по всей территории исламизированной части Черной Африки. Они, в свою очередь, давали рождение вирдам, которым суждено было сыграть заметную роль в истории стран и регионов этой (тропической) части континента.

Ордены, пишет известная исследовательница суфийских тарикатов А. Шimmel, оказались способны адекватно ответить на запросы практически всех социальных групп и слоев африканского населения, не говоря об уже обратившихся в ислам. Исламизация склонных к мистике черных африканцев одновременно играла цивилизаторскую миссию. В Северной Африке, среди черных рабов и позднее в зоне Сахеля, в Западной Африке в целом, мистицизм превратился в важную часть духовной жизни неопитов, которые, по мнению А. Шimmel, хотели видеть в муэдзине, абиссинце Билале, пророка, ставшего одним из ближайших сподвижников Мухаммада, прообраз собственной судьбы [9, с. 190]. Участвуя в ритуалах, исполняемых в присутствии своего шейха, почитаемого в качестве святого, они давали выход своим чувствам в музыке и танце, эмоционально столь близких характеру негроафриканца. Их вклад в развитие этих искусств можно сравнить со спиричуэлс, в которых впечатляюще воплотилось религиозное рвение черных рабов в Америке.

Неустанная деятельность суфийских шейхов, способствовавшая неоднократному переживанию адептами религиозного опыта, сыграла, может быть, решающую роль в исламизации Тропической Африки. Суфии-миссионеры собственным примером показывали,

что выполнение основных обязанностей мусульманина — бесхитростная любовь к Аллаху и упование на него, обожание Пророка и рода людского — для них не пустая формальность. Важно еще и то, что эти проповедники, в большинстве своем принадлежавшие к торговому сословию, обращались к африканцам на местных языках, что снимало психологическую напряженность во взаимоотношениях, способствовало установлению доверительных контактов и содействовало постепенному обогащению фула, хауса, суахили, диула как языков литературных (см., например: [38–41]), не говоря о приобщении африканцев к богатой цивилизации арабо-мусульманского мира. Именно благодаря проповеднической деятельности торговцев и суфиев пророк Мухаммад, почитанию которого они учили местных жителей, по сей день считается величайшей духовной, исторической личностью, при этом не столько в качестве реальной персоны, сколько в виде некой сверхъестественной силы. Об этом свидетельствуют многие песнопения.

При всей углубленности, сосредоточенности на собственном внутреннем мире, духовно-религиозной созерцательности, что, казалось бы, сужало влияние суфия на общественную жизнь, в среде приверженцев тариката сформировалась этика взаимоотношений, которая во многом определила бурное распространение ислама в Тропической Африке и которая вытекает из религиозного опыта мусульман XIX–XX вв. Социальное общение — господствующий мотив в поведении суфия. Одно из главных правил, непреложных для шейхов, заключается в том, чтобы умножить добро во имя братства, оказывать предпочтение другим, а не себе, поступаться своими интересами ради другого. Если наставник видит, что его собрат голоден или просит поесть, ему следует прервать свой пост, ибо возрадовавшееся сердце собрата дороже соблюдения поста. В одном из хадисов утверждается этот принцип: доставить радость верующему — все равно что доставить радость Пророку. Служение человеку — таково было предварительное условие подготовки к вступлению на Путь к Богу. Эти требования значительно корректировали аскетизм первых веков существования суфизма. Это может показаться странным в современном мире с его сугубо практическими установками явно гедонистической направленности, однако братская любовь, о которой говорят в своих трактатах многие африканские суфии, возникшая когда-то среди суфиев одной группы, затем распространилась на всех людей. Притчи о сверхделикатном поведении суфиев сви-

детельствуют о том, чего ожидают от суфия: он должен быть верен своему мистическому состоянию и справедлив в общении с людьми. Этой теме в исламском мире посвящались целые книги, закрепляя в общинах, *завиях*, *рибатах* особую социальную чувствительность, напоминающую моральный кодекс коммунистического общества. Но, в отличие от него, этика отношений среди последователей суфия и его отношения с ними были и продолжают оставаться реальным регулятором. «Всё имеет рабов, а правильное поведение — раб религии», — утверждал известнейший суфий шейх Маулана Абдуррахман Руми [9, с. 182]. Аллах снисходителен к слабым человеческим существам как к своим рабам, поэтому и суфий должен всегда прощать братию и распространять свою любовь на всякую божью тварь: суфий должен быть доволен единоверцами, обитающими с ним в одной или в других завиях, как братьями.

По свидетельствам ряда суфиев и европейских исследователей (см. А. Дж. Арберри, Дж. Болдик, Л. Массиньон, М. Смит, Дж. С. Тримингэм, А. Шиммель — [10; 42–46]), в суфийских орденах сложилась такая обстановка, что их члены были уверены, что они принадлежат друг другу, между ними не существовало секретов, а имущество находилось практически в общей собственности. Если кто-то чем-нибудь владел, то он, чтобы не утратить свой высокий духовный статус, должен был делиться этим с братией. Это чувство послужило формированию идеала суфия как человека с открытым сердцем, готового всегда прийти на помощь своему собрату материально, духовно или советом. Разве можно говорить «мое», когда все принадлежит Богу? Легенды наделяют самых почитаемых основателей орденов таким добросердечием, что в их присутствии даже львы становятся кроткими созданиями, готовыми услужить человеку. Такой миф, в частности, сложился среди приверженцев Муридийа о его основателе Амаду Бамбе. Его нередко изображают со львом в темнице (когда его пленили французы) или с быком.

Именно эту сторону суфийских орденов связывают с превращением поначалу узких элитарных групп суфиев-мистиков в массовые движения, охватившие все слои населения. И постепенно суфийские проповеди стали привлекать все более широкий круг слушателей. Но быстрое распространение мусульманских духовных братств, что в XIX в. практически было равнозначно обращению в ислам местного населения, объяснялось не столько силой доктринальных положений, сколько атмосферой теплого участия, взаимоподдержки

и бессребреничества, господствовавшей в этих новых для Черной Африки типах социально-культурных обществ. Равенство не формальное, которое бы закреплялось правовыми актами, а реальное, имущественное, признание за индивидом его человеческого достоинства — вот что, по нашему мнению, обеспечивало признание тарикатов и их авторитет. Духовная свобода каждого члена общности, ее уважение, составляла одно из основных правил поведения в кругу адептов шейха. Он был духовным наставником, но не диктатором. Когда член завийи намеревался отлучиться, разрешение он получал не у шейха, а у товарищей. В таких общинах соблюдалась идея футуввы¹¹, которая легла в основу совместной жизни, зародившись еще в Средние века. Даже мистицизм, который в этой обстановке только сближал орден с африканской культовой практикой, отступает на второй план перед коммунальными отношениями.

Нерасторжимость политики и духовно-религиозных начал — всеобщий принцип ислама и пророческих движений. Как гласит мусульманское предание, пророк Мухаммад направил письма «всем царям неверных», включая негуса Эфиопии, с призывом принять новую веру и подчиниться ее правлению и закону. Информация о таких документах исходит, за небольшим исключением, из арабских источников, передаваясь в устной форме из поколения в поколение. За это время легенды неизбежно обрастали подробностями, отражавшими этнические, общинные и иные особенности источников, из которых исходили эти предания [47, р. 9].

В раннем исламе вопрос о природе власти вообще не обсуждался: власть, считали первые мусульмане, принадлежит Богу, а земные полномочия он препоручил людям в качестве дара. Поэтому власть земная призвана следить за соблюдением людьми божественных законов, данных в Коране и сунне. Эту роль и осуществлял правитель. Отсутствовало тогда и представление о возможности разделения светской и духовной сфер жизни. Любое явление — от крупных событий до бытовых мелочей — имело религиозный смысл и поэтому относилось к духовной сфере. Эта слитность духовно-религиозной сферы и светской жизни общества нашла отражение и в области политики.

¹¹ Футувва — этический идеал в суфизме, ставящий благо других выше собственного.

Если в христианстве понятия церкви и государства обладают своими собственными законами, иерархией ценностей и юрисдикцией, то в исламе отношение к государству и политической власти совершенно иное. Со времен основателя ислам был и властью государства. И это тождество религии, власти и управления вошло в историческую память религии со своими собственными священными текстами, историей и опытом.

Для мусульман деятельность Мухаммада как воина и политика — не дополнение к его миссии пророка, но неотъемлемая составляющая его богоизбранного предназначения. В осуществление этой миссии он стал главой государства и основателем халифата, и его последователи поддерживались в уверенности, что успех и победа Мухаммада над противниками веры на этом свете есть свидетельство божественного волеизъявления. Таким образом, ислам с самого начала, с первых лет деятельности Пророка, ассоциировался с осуществлением сакрализованной власти. Это тождество между религией и властью, между общиной и государством уже видно в самом Коране и других ранних религиозных текстах, в которых мусульмане черпают свою веру. В исламе религия не является, как в христианском мире, сферой или сегментом жизни, охватывающим вопросы веры, но исключая другие; ислам касается всей жизни, он обладает тотальным охватом. В таком обществе сама идея разделения мечети и государства лишена смысла, поскольку мечеть и власть политическая не существуют как жестко разделенные явления. Церковь и государство, религиозная и политическая власть представляют собой одно и то же. Характерно, что в классическом арабском языке отсутствуют, например, пары понятий «духовное» и «мирское», «светское» и «религиозное»; эти термины не имеют эквивалентов в мире ислама, хотя четко выражают дихотомию христианского мира. И только в новое время, под влиянием христианства появились слова, выражающие эти понятия. Но значение данных терминов остается не до конца понятным, а их применимость к мусульманским институтам — сомнительной. Исламские же фундаменталисты (и консервативного, и радикального толка) отвергают эти понятия как не исламские и потому нечестивые [47, p. 193].

Для мусульманина-традиционалиста его религия является не только универсальной, но и центральной в том смысле, что она составляет главную основу и фокус идентичности и определенных ценностей. Принадлежность к исламу, конкретной мусульманской кон-

фессиональной общности в глазах приверженцев этой религии имеет значительно большее значение, чем для сторонников других верований. Не допуская деления на светское и религиозное, самосознание мусульманина прежде всего выделяет братьев по вере, отодвигая иноверцев, проживающих в одном государстве, на второй план [48, с. 4]. Мусульмане из различных стран, говорящие на разных языках, разделяют ту же память о священном прошлом, то же осознание корпоративной идентичности, то же ощущение общих проблем и судьбы. Не государство или страна, как на Западе, формировали в исламской цивилизации историческую базу самосознания, а религиозно-политическая общинность. Поэтому идея национальной государственности, привнесенная западной политической мыслью, остается, подобно секуляризму, чуждой и не до конца освоенной. Эту особенность выразил в 1917 г. один из последних визирей Османской империи: «Родина мусульманина там, где преобладает святое право ислама» [47, р. 136]. С логикой и заключениями, высказанными английским исламоведом Б. Луисом, согласен арабский ученый А. Ахмед ан-Наим: «Секуляризм — по определению не исламский ответ» [49, с. 61]. Согласно современным теологическим представлениям, в исламе власть едина и неделима, как един и Аллах, и потому не может распадаться на виды и категории. Пророк Мухаммад, будучи посланником Аллаха на Земле, воплощал этот идеал, объединяя в своем лице все виды и функции власти. Сакрализация власти в контексте этой идеи означает, что не просто человек, возглавляющий группу людей, общину или государство, выполняет волю Аллаха, но в силу этой воли слова и распоряжения лидера приобретают святость, сакральное значение. Такая организация власти, как утверждает мусульманская традиция, и обеспечила победу пророку Мухаммаду. Данное понимание власти дополняется другим, которое можно назвать общинным. В соответствии с ним воля Аллаха проявляет себя через общину верующих-мусульман, которая вручает осуществление власти Божией над собой одному или нескольким людям [50; 49, с. 18–22]. Это представление не расходится с осознанием природы власти как божественной и неразделимой.

Джихад в пророческой религиозно-политической мысли. Исламские пророческие движения на Африканском континенте возникали неоднократно — в разных регионах южнее Сахары и в различных условиях: политических, социально-культурных, в разных международных обстоятельствах, когда Африка была свободной, в период ко-

лонизации и уже во время независимости. Эта черта заметно отличает становление ислама и его цивилизации в данной периферийной части от общих процессов, протекавших в мусульманском мире, при том, что суть ислама, приверженность мусульман религии пророка Мухаммада, ее базовые проявления здесь ничем не отличались от арабо-мусульманских. Повторение возрожденческих движений в этой части мусульманского мира, по мнению одного из наиболее глубоких исследователей ислама в Тропической Африке Дж. Р. Уиллиса, вызывает неспособность исламской общины сохранить в идеальном виде свою религию и общественные отношения и осуществить далекоидущие амбиции Пророка и, конечно же, провести в жизнь планы создания мира, объединенного на принципах ислама. Относя возрожденчество к явлениям, в основе которых лежит традиция, стремление ориентироваться на прежние обычаи и институты первоначальной исламской общины Мухаммад и его единомышленников, американский ученый разводит его с реформизмом. Он указывает, что реформизм, напротив, обращен в будущее и подразумевает усилия, имеющие целью адаптировать или изменить существующие обычаи, нормы, институты согласно потребностям и духу современности [51, p. 395].

Джихад как широкий вариант исламских движений за веру, включающий и профетические формы, есть в первую очередь инструмент возрождения, расширения пределов ислама, обращающий, как считает Дж. Р. Уиллис, к первоисточкам религии.

Теологические сочинения в первую очередь устремлены на оправдание джихада, чем на результаты его действия. Некоторые суфийские духовные лица отвергают коррупционные последствия новой власти. Более серьезные аргументы были выдвинуты вождем арабов-кунта — Ахмадом ал-Бакка'и, который занимает значительное место в истории государства Масина. Ал-Бакка'и начиная с 1830-х годов осознал ту опасность, которую Омар представлял для духовной гегемонии рода кунта. Ал-Бакка'и высказывал свою критику по двум основным направлениям. Во-первых, отвергал «иератические» претензии Тиджанийи, касающиеся проповедуемого убеждения о нем как о всепобеждающем тарикате, что приписывалось и основателю ордена ал-Хадж Омару. Во-вторых, он критиковал политические компромиссы и несправедливость, в которые неизбежно впадал военный джихад. В письме, адресованном ал-Хадж Омару, он бросает этот упрек: «Джихад ведет к установлению королевской власти, а королевская власть влечет за собой угнетение. Наша нынешняя ситуа-

ция намного лучше для нас, чем джихад, и она избавляет от ошибки, к которой ведет джихад» [52, р. 47–48].

Рассматриваемые в совокупности документальные источники о движении ал-Хадж Омара четко отличаются от источников других фульбских джихадов XVIII–XIX вв. Современные сочинения, в основном французские или добытые при посредничестве французов, намного богаче. Возникшая традиция, в отличие от той, которую мы наблюдали в движениях в Хаусаленде и Масине, не упорядочена и не обрела единой формы: различные хроники охватывают события, как правило, частично. Единожды проанализированные и подвергнутые сравнительному анализу, они позволяют составить представление о ходе джихада.

Тем не менее еще относительно недавно никто не предпринимал попыток системного анализа ни местной исламской системы образования, программ обучения, ни воспитания в свете истории. У нас нет намерения приуменьшить вполне достойные усилия исследователей, но все же следует указать, что африканист оказывается в очень невыгодном положении в сравнении с некоторыми из своих коллег, которые, например, изучают средневековую историю Европы или историю Библии.

Джихады XVIII и XIX вв. знаменуют рождение фульбского самосознания (идентичности), совершенно отличную от предшествующих образов, которые сформировались у нас в отношении тех же самых фульбе. В течение почти всего второго тысячелетия фульбе, у которых преобладало кочевое скотоводство, расселились с запада на восток по всей саванне, начиная от района Фута-Торо. Характерно, что они обитали вдали от маршрутов и торговых точек, которые играли доминирующую роль в экономике и политике. Они редко участвовали в создании государств, как и в распространении ислама¹². Они не заявляли о себе, если судить по устной традиции и авторским письменным сочинениям, как о народе, зародившемся за пределами Западной Африки, что давало бы по крайней мере основания говорить о фульбе как о приближенных к особе Пророка или происходящем из семитской среды.

¹² Наиболее заметным исключением является упоминание в «Хронике Кано» фульбских духовных лиц, пришедших из Мали с книгами о божественной сути и по этимологии, которые хроника относит к середине XV в.

Судя по замечаниям авторов хроник «Тарих ал-Судан» и «Тарих ал-Фетташ», преобладающей чертой этого народа было безразличие в вопросах веры и склонность нападать на хозяйства и центры цивилизации. Для этих авторов фульбе, например, из Масины ничем не отличаются от язычников. У них едва присутствует организация общества, зато присутствует стремление захватывать рабов. Фульбские нападения на Сонгай ослабили это государство и облегчили марокканцам его захват. Фульбе из Бакуну напрашивались на еще более негативное определение. Их характеризовали «как самых гнусных и самых презируемых из народов» из-за тех опустошений, которые они учинили государству сонинке Джара. Один из их вождей был тенгелла — ‘самозванец, так называемый пророк’. Он был убит одним из солдат сонгай, а его сын Коли унаследовал его коварство, убив короля государства Джолоф и основав в Фута-Торо династию Деньянке. Режим Деньянке стал важным этапом в формировании новой фульбской идентичности. Это проявилось к концу XV в. в реакции на покорение фульбе, которое осуществило древнее государство Мали.

Фульбские джихады завершили работу, начатую династией Деньянке. Борьба за создание и сохранение исламских государств привела в XV в. к новым обширным притязаниям политического, религиозного характера и генеалогическим претензиям.

Два первоначальных движения (Фута-Джаллон и Фута-Торо) отчасти вдохновлялись идеями, родиной которых был мавританский Юг и Сенегамбия. Во второй половине XVII в. Насир ад-Дин и другие мусульмане берберского происхождения попытались навязать исламское государство воинственным кочевым арабам с помощью движения под названием Шар Бубба. В это же время они предприняли аналогичные действия среди мусульман Фута-Торо и волофских государственных образований. К 1680 г. это движение повсеместно выдохлось, но тем не менее оставило очень сильную память, а также небольшие очаги ислама прекрасно организованные на местном уровне. Одна из таких групп под руководством Малика Си переселилась с Фута-Торо в направлении сенегамбийского Востока и, используя хитрость и силу, сумел создать режим, известный под названием Бунду или Фута-Бунду.

Особое место в истории фульбских джихадов наряду с Фута-Торо занимает Фута-Джаллон, который представляет собой нагорный район Гвинеи. Первые признаки джихадов здесь фиксируются приблизительно с 1700 г. Как писал Д. Робинсон, «это был интеллекту-

альный центр, влекущий учащихся как из Канкана, так и из Гамбии, создававший славу ученым джаханке, преподававшим в городе Туба, а также футббским наставникам» [30, р. 59]. С этим регионом и связано несколько лет жизни ал-Хадж Омара, который учился на Фута-Джаллоне с 1820 по 1825 г. — сначала в местечке Сатина в области Лабэ, а затем в Тимбо [53]. По мнению Д. Робинсона, «годы, которые Омар Таль провел на Фута-Джаллоне, окутаны тайной». Омар пробыл на Фута-Джаллоне не более пяти лет [30, р. 60]. Кстати, в Тимбо он учился у 'Абд ал-Карима ибн Ахмада ан-Накила, который исповедовал учение и психотехнические приемы Тиджанийи. В годы учебы Омар «был свидетелем подъема <государства малинке> Тамба и краха кампаний футанке, направленных на разгром малинке. Он присутствовал при особенно кровавом противостоянии между Абдул Гадири, старым альмами <из ветви> Сорийя, и его более молодым соперником Бакаром из ветви Альфайя. В 1824 и 1825 гг. в столице часто проявляли себя коалиции, каждый раз оставлявшие позади трупы и руины. В совершенно другой сфере Омар имел возможность ознакомиться с образовательной системой, созданной футанке и продолжавшей функционировать, несмотря на конфликты и боевые действия. Стабильность системы опиралась на многочисленное мусульманское духовенство, присутствие которого проявлялось как в деревнях, так и рядом с правящими классами в провинциальных и центральных столицах» [30, р. 60–61].

Отношение к проблемам ислама в Западной Африке XIX в. было решительно возрожденческим. В сочинениях или деяниях главных лидеров джихадов практически отсутствуют намеки на реформизм, то есть на модернизацию. Моделью им безальтернативно служил Закон Аллаха и неизменяемая Сунна Пророка. В сознании всех исламских возрожденцев идеальной религией был, конечно, тот ислам, который практиковался Мухаммадом и первыми двумя поколениями единомышленников, а идеальной общиной было единение, достигнутое в период справедливо управляемого халифата. Халифат утвердился благодаря божественному управлению и осуществлению божественного права — шариата. В отличие от него соперничавшие королевства и султанаты, которые возникли уже после распада халифата¹³, символизировали, как считалось, секулярный деспотизм

¹³ Общепринято, что халифат как направляемый свыше институт просуществовал 30 лет, завершившись убийством Али (661 г.), четвертого из так называемых

и незаконное налогообложение, нравственный упадок и своевольное применение закона. По мнению многих исламских богословов и ученых исламоведов, эти явления свидетельствовали о разрыве того синтеза религии и государства, духовного и временного, иначе говоря, характера раннего халифата.

Укоренение ислама в духовно-культурной сфере, сращивание с африканскими социальными институтами¹⁴, образование исламизированных общественных структур, растущее в силу этого влияние ислама на политику государства и общество не может не способствовать трансформации этой религии в непосредственную и активную социально-политическую силу, осознающую свою самоценность, в качестве мобилизующего и консолидирующего начала. Этому способствует то, что представление о власти в исламе неразрывно объединяет духовную власть с полномочиями политическими и административными и тем самым сводит, в отличие от христианства, в нерасторжимое целое власть Бога и власть духовного авторитета. В исламской концепции возможность политического управления вытекает из наличия духовно-религиозного авторитета руководителя мусульман (амир ал-муслимин).

Джихад и мусульманские теократии в Западной Африке — осуществление универсального принципа ислама. Подобное восприятие власти в исламизированных регионах Тропической Африки обнаружилось уже в XVIII в., когда в ходе социально-религиозных революций возникли теократические государства фульбе на территории современной Гвинеи (плато Фута-Джаллон) [54–57], а на рубеже XVIII–XIX вв. — в регионе современной Северной Нигерии (халифат Османа дан Фодио). Вслед за ними радикальные преобразования политического строя охватили ряд других обширных регионов субконтинента, в том числе значительную часть Западной Африки. Одним из таких государств, построенных по модели духовного лидерства, стало полиэтническое исламское образование во главе с ал-Хадж

мых правоверных халифов (ал-хулафа' ар-рашидун). К периоду, следовавшему за этим, арабские историки уже применяют понятие не халифата, а королевства. Такое отношение частично объясняется трансформацией, пережитой этим институтом.

¹⁴ Это явление достаточно подробно проанализировано зарубежными (Д. Б. К. О'Брайен, Л. Виллалон, Ж. Копанс, К. Кулон, Л. Берман, Дж. С. Тримингэм, Б. Г. Мартин и др.) и российскими исламоведами (Ю. М. Кобищанов, А. Д. Саватеев, И. В. Следзевский).

Омаром ибн Фути (ал-Хадж Омар Таль), который был известен не только военно-политическими успехами, но и духовно-религиозными сочинениями [53]. Его богословские труды сыграли не меньшую роль в исламизации территории Западной Африки от реки Сенегал до озера Чад, чем победы под знаменем военного джихада¹⁵. В этом же ряду находятся мусульманско-теократические государства, возникшие в XIX в. на территории современного Сенегала, в том числе государство сараколе под главенством марабута Мамаду Ламина [58, р. 211–232], и теократия во главе с Секу Амаду Лоббо в области Масина (в современной Республике Мали).

В Борну, на Севере Нигерии, где ислам к началу XIX в. достиг высокой степени развития и где на верховного правителя — маи (местный титул амир ал-муминин ‘повелителя правоверных’), в соответствии с исламской традицией возлагалась обязанность защиты шариата как конечной и наиболее совершенной формы закона Божьего, тем не менее возник конфликт между мусульманскими улемами и политической властью по поводу поддержания чистоты исламских правовых норм. В ходе этого противостояния выдвинулся Мухаммад ал-Амин ал-Канеми, бывший до тех пор алимом — знатоком в области исламских религиозных наук. Он приобрел известность после того, как организовал успешную оборону своего родного города от фульбе — участников джихада Османа дан Фодио. К 1820 г. его авторитет духовного лидера значительно превосходил влияние официального правителя — маи. Однако, считает африканист-исламовед Л. Бреннер, ал-Канеми только потому не взял власть в свои руки, что считал маи законным, согласно требованиям шариата, правителем Борну. По его убеждению, обязанность каждого мусульманина состояла в защите законного исламского правления [59–60].

Все эти религиозные лидеры действовали в рамках суфийской традиции, принадлежали к определенным тарикатам — Кадирийя (Осман дан Фодио), Тиджанийя (ал-Хадж Омар, Мамаду Ламин) и т. д. Как лидеры, обладавшие религиозными знаниями и демонстрировавшие высокий уровень духовных помыслов, они должны были до-

¹⁵ Не случайно последователи этого шейха почитали его как махди, что в мусульманской эсхатологии означает «ведомый по пути Аллаха»: тот, кто ожидается в конце света как последний преемник пророка Мухаммада, Мессия, несущий окончательную победу правоверия над неверием [53, р. 197; 62, с. 163]. Однако сам ал-Хадж Омар так себя не называл.

казать свои сверхвозможности, в частности одержав военные победы над «неверными». Средством для этого был военный джихад.

Возглавляемые суфийскими шейхами религиозно-политические и одновременно социальные движения, особенно возрожденческие движения под руководством Османа дан Фодио и ал-Хадж Омара, вдохновлялись идеей джихада, представлявшей собой наиболее важную и целостную форму подъема ислама на территории Западной Африки. Джихад рассматривался как законное действие не только в отношении язычников, но и в отношении тех мусульманских лидеров и правителей, которые допускали компромиссы с языческим окружением и не проявляли должной строгости в соблюдении шариата.

С понятием джихад, который в XVIII–XIX вв. рассматривался как ведение священной войны всех мусульман против язычников и мусульман, нарушающих религиозные установления и впавших в грех нововведений, связано возникшее еще в первые десятилетия утверждения ислама понимание мира, состоящего из двух частей — Дар ал-Ислам (Дом/земля ислама) и Дар ал-харб (Дом/земля войны). Оно возникло под воздействием быстрого завоевания исламом обширных территорий. Исламская литература первых столетий существования этой мировой религии ясно отразила убежденность мусульман в том, что этот процесс будет развиваться непрерывно до тех пор, пока в не столь далеком будущем весь мир не примет исламскую веру или не подчинится мусульманскому правлению. А пока весь мир был поделен на Дом ислама, где господствовали исламское правительство и исламское право, и Дом войны, в котором у власти еще оставались неверные правители.

О тесной связи этой идеи с идеей реформирования местного ислама говорят события в мусульманской общине Кумаси начала XIX в. С 1815 по 1818 г. там находился шериф Ибрахим, прибывший в Западную Африку из далекой Аравии. Он крайне неодобрительно отнесся к местным мусульманам, жестко обличая их за то, что они примирились с языческими обычаями ашанти и нахождением в Дар ал-харб, поскольку у власти в Кумаси стоял не мусульманин. И в этом, а также в использовании мусульманами Кумаси амулетов он видел признаки вероотступничества, что и заставило его, по свидетельству британского автора Боудича, воздержаться от установления с ними тесных связей [62, р.323–324]. Скорее всего, шериф Ибрахим был столь непреклонен в вопросах веры по той причине, что находился под влиянием ваххабитского учения, не без основания считает британский аф-

риканист А. Уилкс [62, р. 323]. Принцип деления мира на Дар ал-ислам и Дар ал-харб выдерживал в своих религиозных сочинениях Осман дан Фодио, относя к последнему тот же город Кумаси. И основание для этого состояло в том, что его правитель Кумаси — не мусульманин, а язычник. Легендарный предводитель фульбского джихада и автор религиозно-философских сочинений непреклонно заявлял, что даже если весь народ исповедует ислам, но во главе его стоит немусульманин, то это государство (или территория) относится к Дому войны [63, р. 53–54]. «Правление в какой-либо стране есть, безусловно, правление ее властителя короля. Если правитель — мусульманин, то и земля — мусульманская; если он неверующий, то и его земля — земля неверующих» [63, р. 63]. Исходя из этого, мусульмане Кумаси находились в Доме войны, а не в Доме ислама, что обязывало их вести себя определенным образом: «...бегство с этой земли варвара обязательно, согласно установлению. И разрешено ведение Священной войны как обязательной. И вести войну с языческим властителем, который не скажет: “Нет Бога, кроме Аллаха” — обязательно по разрешению и взять управление у него обязательно, согласно установлению» [64, р. 239–240]. Неудача в соблюдении двойной обязанности — хиджры (эмиграции, бегства) и джихада — могла, в свою очередь, считали реформаторы ислама и в том числе сын Османа дан Фодио, правитель, ученый и видный духовный авторитет Мухаммад Белло, привести к вероотступничеству, поскольку «одобрение язычества само есть язычество, ведение джихада возложено на каждого, кто способен вести его» [62, р. 324]¹⁶. Постыдна даже торговля с неверными, заявил Осман дан Фодио в другом своем сочинении. Те, кто добровольно остается на языческой территории, обязательно вовлекаются в заслуживающие порицания обычаи, как, например, выплату неканонических налогов: «Один из способов их (то есть язычников) правления — взимание с народа денег, не предусмотренное шариатом» [65, р. 567]. Кади (судья) местной общины Шейх Баба и его окружение, признавая свое бессилие создать настоящий халифат и тем самым установить на земле Кумаси Дом ислама, совершили хиджру, на некоторое время покинув Кумаси. Это было сделано во имя того, чтобы показать живущим здесь мусульманам практический пример осуществления заповедей Корана [66].

¹⁶ Точно такие же мысли высказывал Осман дан Фодио. См.: [64, р. 240–241].

Пребывание мусульман — групп или отдельных лиц — в Доме войны поднимало вопрос о юридическом статусе этих лиц и их связи с мусульманским правом: являются ли они субъектами мусульманского права? Шииты отвечали на этот вопрос утвердительно, тогда как сунниты — представители ханафитского мазхаба — давали отрицательный ответ, а приверженцы других религиозно-правовых школ в суннизме колебались между этими двумя точками зрения.

Христианский мир, с которым приходилось иметь дело мусульманам, рассматривался исламской политической мыслью преимущественно как Дом войны. В лице христиан мусульмане встретили соперничающую и во многих отношениях сходную религиозно-политическую силу, бросающую вызов универсальному значению ислама. С ними, особенно если не удавалось добиться победы в военном противостоянии, приходилось вступать в переговоры, заключать соглашения. Подобное промежуточное состояние нашло оправдание в исламской теологии: были разработаны понятия Дар ас-сулх (Дом перемирия) и Дар ал-‘ахд (Дом договора).

Первым подписанным соглашением между мусульманским и христианским государством стал договор с христианским царством Нубия к югу от Египта. Дата и причины заключения этого соглашения точно не известны. Согласно традиционному повествованию, в 31 году хиджры, соответствующем 652 г., с нубийским царем был заключен пакт, согласно которому, помимо прочего, правитель «должен защищать мусульман..., которые проживают или совершают там путешествие, пока не покинут..., поддерживать мечети, которые построили мусульмане в центре (его) города и не препятствовать никому в совершении в них молитвы... и поддержать их в чистоте, освещенными и обращаться с уважением» [67, р. 22–24]. Нубийский пакт послужил отправной точкой для включения в общую схему промежуточных категорий между Домом ислама и Домом войны понятий Дар ас-сулх и Дар ал-‘ахд. Подобные устроения возникали как в средневековый период в Европе, так и в Азии в эпоху существования Османской империи. Страны, вынужденные вступать с мусульманами в такие отношения, оказывались в зависимости от исламского государства [47, р. 50].

В XIX в. граница между исламскими государствами Африки и христианской Европой, неумолимо продвигавшейся на континент, стала практической реальностью. В этих обстоятельствах воители чистоты в религии и им подобные шейхи, как, например, Мамаду Ламин,

лидер джихада в Гамбии Маба Диаху, не говоря о главе исламского государства народов манде Самори Туре, выступали в двойной роли: как борцы за религиозное возрождение и как политические лидеры своего собственного народа. Но, замечает чешский исламовед-африканист И. Хрбек, эта роль «может быть определена как неукоснительное следование тем путем, которым шли все его (Мамаду Ламина. — *Авт.*) предшественники» [58, p. 221].

Это дуальное положение закрепилось и в титулатуре местных религиозных лидеров: «Амир ал-муслимин, султан ал-муслимин, ал-муджаддид ли нахдж ас-суннат ал-кавим, ал-ра'и' ли самк аш-шар' ас-салим» (Повелитель правоверных, правитель мусульман, обновитель пути подлинной сунны, тот, кто поднимается к вершинам истинного шариата) — так именoval себя Мамаду Ламин в письме, написанном в августе 1886 г. новому начальнику одной из провинций Сенегала подполковнику Фрею [58, p. 220]. В документе отразилось стремление обосновать свое право на политическое и военное лидерство в джихаде и созданной Ламином религиозной исламской общине. Одновременно часть титулов недвусмысленно свидетельствовала о претензии на роль духовного реставратора сунны и шариата.

Пророческие движения как первые организованные сопротивления колониальной экспансии. Политическая роль ислама стала особенно заметной в конце XIX в., когда мусульмане столкнулись с колониальной экспансией европейских держав. Ядром сопротивления христианам-колонизаторам стали суфийские ордены, в первую очередь тарикат Санусийа. Он настолько осложнил положение французских и британских колониальных властей, что в любом противодействии со стороны мусульман они были готовы видеть влияние этого воинственного тариката. Даже французские специалисты-этнологи считали, что Мамаду Ламин испытал серьезное воздействие идеологии Санусийа, поскольку джихад под его руководством доставил немало неприятностей колонизаторам.

В связи с европейским вторжением мусульмане начали осознавать, что они больше не являются господствующей силой в мире. С появлением этой мысли формируются два противоположных способа ответа на эту угрозу. Один состоял в том, чтобы познать противника: вначале что он представляет собой на поле брани, а в случае поражения, вступая с ним в переговоры, — в политической сфере. Другой способ — религиозное возрождение. И поскольку для мусульман ислам по определению выше всех остальных религий, неудачи и поражения

мусульман в этом мире могли означать только то, что они нарушили чистоту веры, а потому и их государства не соответствуют канонам подлинного исламского государства. Исправление, соответственно, должно состоять в возвращении к «чистому», «истинному» исламу времен Пророка и его соратников, в отвержении и устранении тех приращений и нововведений, которые подточили основы и исказили веру, ослабили исламское общество, лишив его способности сопротивляться внешним врагам. Возрождению ислама особо способствовали ваххабиты в Аравии и приверженцы ордена Накшбандийа в Центральной Азии, учение которых позднее начинает распространяться и в Тропической Африке.

Ваххабиты на Ближнем Востоке и лидеры суфизма в Африке выдвинули и осуществили наиболее значительные движения сопротивления в начале XIX в., когда три главных европейских империи — Британия, Россия и Франция — начали наступление в Индии, на Кавказе и в Африке. Эти движения возглавили религиозные харизматические лидеры, в частности, Абд ал-Кафир и ал-Хадж Омар, Самори Туре и Мухаммад Абдилле Хасан в Северной, Западной и Восточной Африке — против французов, имам Шамиль на Северном Кавказе — против русских и Ахмад Брелви — против англичан в Индии. Однако разрозненные усилия мусульман успеха не принесли. Все движения сопротивления, равно как и вышеупомянутые, потерпели поражения. Стала очевидной необходимость единения сил всего исламского мира перед лицом превосходящего противника. И в 1870-х годах зарождается политический панисламизм, главной целью которого было установление исламского единства или, по крайней мере, кооперация действий мусульман. Правительства Османской империи при султанах Абдулазизе (1861–1876) и особенно Абдул-Хамиде II (1876–1909) стремились мобилизовать общественное мнение всего мусульманского мира в поддержку Османского государства.

На территории Западной Африки в последней четверти XIX столетия наиболее ожесточенное противодействие французской колониальной экспансии оказало теократическое государство Самори Туре. К началу 1880-х годов Самори, опираясь в основном на торговую прослойку мусульман диула и привлекая на свою сторону приверженцев анимистических верований, поставил под свой контроль почти все территории Западного Судана, населенные народами манде и включавшие полностью или частично целый ряд современных африканских государств: Гвинею, Мали, Кот-д'Ивуар, Сенегал, Буркина-

Фасо, Гану. В 1863 г. он принял титул мурутиги ('тот, кто носит меч'; в расширительном смысле этот титул означал «тот, кто добивается власти путем вооруженного захвата»), в 1867-м — древний титул суверенного правителя (фама). Но полученная им власть столкнулась с наследственной властью местных предводителей (манса), которые выдвигались из числа глав родов, объединявших несколько деревень (кафо или кафу). Поскольку власть Самори не была традиционной, он стал приписывать ее своим «необыкновенному разуму и инициативе», что якобы доказывало его богоизбранность в качестве благочестивого мусульманина, призванного внести должный порядок в этот мир. Отсюда следовало, что своей властью фама он обязан прежде всего высшему, или священному, закону, а строй, который он послан установить, должен быть теократическим [68, р. 266–268; 69–70]. Самори обязал всех подданных — как мусульман, так и приверженцев традиционных культов — платить ежегодное жалованье деревенским шейхам или шейхам, которых он назначал сам. Впрочем, это лишь узаконивало сложившуюся власть шейхов. Но одновременно он основал на всей территории государства институт религиозных наставников (карамого), дополнявший институт политических представителей в деревнях (дугукун-натиги). Подвергся реформированию и совет правителя; в него вместо гриотов и членов некоторых каст, бывших мусульманами больше по названию, чем по сути, вошли улемы. Была введена практика цитирования из Корана: знание аятов из священной книги оказывало большое влияние на участников собрания, нередко воспроизведенная сура Корана оказывалась решающим аргументом [68, р. 268–269]. При этом наиболее тесные связи у Самори были с шейхами тариката Кадирийя, тогда как к представителям ордена Тиджанийя он относился с подозрением. В 1884 г. Самори объявил себя имамом (альмами) и призвал всех своих подданных принять ислам [68, р. 271].

Сходный характер носил джихад в Гамбии под руководством фульбского шейха Маба Диаху. Во всех случаях предпринимались усилия для создания единого государства, в основу строительства которого были положены политические идеи исламской теологии.

Противостояние как традиционным верованиям, так и иным конфессиональным течениям в исламе, а также конфронтация с теми правителями-мусульманами, которые не соблюдали строго исламские законы, позволяет отнести эти джихадистские движения, считает британская исследовательница Ш. А. Куинн, к числу испытывав-

ших воздействие «ваххабизма». Во всяком случае, пишет она, методы действий в Африке исламских реформаторов XIX в. и то, что они использовали джихад в качестве средства религиозного возрождения, по крайней мере косвенно свидетельствуют о восприятии ими идей саудовского исламского миссионера Мухаммада ибн 'Абд-ал-Ваххаба [71, р. 233]. Под влиянием его учения и сложились теократические государства во главе с шейхами фульбе/тородбе.

С британской исследовательницей солидарен ее американский коллега, профессор Принстонского университета Дж.Р.Уиллис. Он высказывает мнение о влиянии ваххабизма на возрожденческие движения в Западной Африке еще в первой половине XIX в. [51, р. 400]. Не исключает такой связи применительно ко второй половине столетия И.Хрбек: «Вполне вероятно, что некоторые основополагающие принципы (ислама. — *Авт.*) действовали в Западной Африке в качестве инкорпорированных частей возрожденческой доктрины и что Мамаду Ламин воспринял их скорее в этом опосредованном виде, но не прямо в Мекке» [58, р. 213]. А американские исследовательницы ислама в Тропической Африке Б. Каллавей и Л. Кривей (Берман) прямо заявляют, что легендарный предводитель джихада ал-Хадж Омар наряду с учением Тиджанийи испытал прямое влияние ваххабизма, находясь в Мекке, откуда он вернулся на восток Сенегала, в Фута-Торо, в 1838 г. [72, р. 20–21].

Литература

1. Луис Б. Ислам и Запад / пер. с англ. С. Кулланда. М.: Библ.-богосл. ин-т св. Апостола Андрея, 2003. 317 с.
2. Ерасов Б. С. Социальная культурология: учебник для студентов высших учебных заведений. Изд. 3-е, доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
3. Халидов А. Б. Книжная культура // Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). М.: Наука, 1982. С. 215–310.
4. Ибн Сина (Авиценна). Избранные философские произведения: [пер. с арабского и фарси-дари]. М.: Наука, 1980. 551 с.
5. Сагадеев А. В. Ибн-Сина (Авиценна). М.: Мысль, 1980. 239 с.
6. Nasr S. H. Three Muslim Sages: Avicenna — Suhrawardī — Ibn 'Arabī. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1964. 185 p.
7. Ибн Рушд. Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией // Сагадеев А. В. Ибн-Рушд (Аверроэс). М.: Мысль, 1973. 207 с. С. 169–199.
8. Ибн Рушд. Опровержение опровержения (Фрагменты) // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. / пер. А. В. Сагадеева. Ред. С. Н. Григорян. М.: Соцэкгиз, 1961. 632 с. С. 399–554.

9. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раннопорт. М.: Алетейя, Энигма, 1999. 414 с.
10. Trimingham J. S. The Sufi Orders in Islam. New York; Oxford : Oxford University Press, 1998. 360 p.
11. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. А. А. Ставиской, под ред. и с предисл. О. Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1989. 328 с.
12. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.
13. Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 351 с.
14. Klein M. A. Social and Economic Factor in the Muslim Revolution in Senegambia // Journal of African History, 1972, vol. 13, no. 3. P. 419–441.
15. Johnson M. The Economic Foundation of an Islamic Theocracy: The Case of Masina // Journal of African History, 1976, vol. 17, no. 4. P. 481–495.
16. O'Brien D. B. C. Saints and Politicians: Essays in the Organization of a Senegalese Peasant Society. London: Cambridge University Press, 1975. 221 p.
17. O'Brien D. B. C. The Mourides of Senegal. The Political and Economic Organization of an Islamic Brotherhood. Oxford: Clarendon Press, 1971. 321 p.
18. Copans J. Les marabouts de l'arachide. La confrerie mouride et les paysans du Sénégal. Paris: L'Harmattan, 1988. 279 p.
19. Copans J. Mourides des champs, mourides des villes, mourides du téléphone portable et de l'internet. Les renouvellements de l'économie politique d'une confrérie // Afrique contemporaine, 2000, no. 194. P. 24–33.
20. Coulon C. Le marabout et le prince. Paris: A. Pedone, 1981. 317 p.
21. Soares B. The Prayer Economy in a Malian Town // Cahiers d'études africaines, 1996, vol. 36, no. 144. P. 739–753.
22. Babou Mbacké C. A. Autour de la genèse du mouridisme // Islam et sociétés au Sud du Sahara, 1997, no. 11. P. 5–38.
23. Robinson D. Revolutions in the Western Sudan // The History of Islam in Africa / ed. by N. Levtzion and R. L. Pouwels. Athens: Ohio University Press, 2000. P. 131–152.
24. Lewis B. Quietist and Activist Traditions in Islamic Political Writing // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1986, vol. 49, no. 1. P. 141–147.
25. Crone P. 'Even an Ethiopian Slave': The Transformation of a Sunni Tradition // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1994, vol. 57, no. 1. P. 59–67.
26. Мюллер А. История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов / пер. с нем. М.: АСТ, Астрель, 2004. 911 с.
27. Али-Заде А. А. Хроника мусульманских государств (I–VII веков Хиджры). 2-е изд., испр. и доп. М.: УММА, 2004. 445 с.
28. Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама / пер. с фр. В. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 538 с.
29. Last M. The Sokoto Caliphate. L.: Humanities Press, 1967. 362 p.
30. Robinson D. La guerre sainte d'al-Hajj Umar. Le Soudan occidental au milieu du XIXe siècle. Traduit de l'anglais par H. Tourneux et J.-C. Vuillemin. Paris, Karthala, 1988. P. 51–90.

31. *Brenner L.* Concepts of Tariqa in West Africa: The case of the Qādiriyya // *Charisma and Brotherhood in African Islam* / ed. by *D. B. Cruise O'Brien* and *Ch. Coulon*. Oxford: Clarendon Press, 1988. 231 p. P. 33–52.
32. *Barth H.* *Travels and Discoveries in North and Central Africa: being a journal of an expedition undertaken under the auspices of H.B.M.'s Government, in the years 1849–1855.* L.: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1857–1858. 5 vols.
33. *Mage E.* *Voyage dans le Soudan occidental (Sénégal-Niger): 1863–1866.* Paris: Hachette, 1868. 703 p.
34. *Саватеев А. Д.* Религиозно-политические сочинения Османа дан Фодио — источник для понимания истории Западной Африки // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 2006. № 1. С. 53–64.
35. *Следзевский И. В.* Восстание Османа дан Фодио и образование халифата Со-кото // *История Нигерии в новое и новейшее время.* М.: Наука, 1981. С. 62–75.
36. *Кныш А. Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история / пер. с англ. *М. Г. Романова.* СПб.: Диля, 2004. 464 с.
37. *Дьяков Н. Н.* Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки (Средние века, новое время). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 345 с.
38. *Добронравин Н. А.* Арабографическая письменная традиция Западной Африки. СПб.: Центр африканских исследований СПбГУ, 1999. 178 с.
39. *Добронравин Н. А.* Арабские письменности Африки: историческая и лингвистическая классификация // *Африка в меняющемся мире. VII Всероссийская конференция африканистов.* Вып. II. М.: Институт Африки РАН, 1997. С. 349–353.
40. *Добронравин Н. А.* Сонгайская арабографическая традиция (XI/XIX–XX вв.) // *Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке. Чтения памяти Д. А. Ольдерогге.* Т. 1. М.: Институт Африки РАН, 2001. С. 105–107.
41. *Выдрин В. Ф.* О старомандингском письме (мандинка, бамана, сусу) // *Africana. Африканский этнографический сборник.* Вып. 15. Л.: Наука, 1991. С. 169–219.
42. *Arberry A. J.* *The doctrine of the Ṣūfīs. Kitāb al-Ta'arruf li-madhhab ahl al-taṣawwuf.* Translated from the Arabic of Abū Bakr al-Kalābādhī by A. J. Arberry. Cambridge: Cambridge University Press, 1935. 191 p.
43. *Baldick J.* *Mystical Islam. An Introduction to Sufism.* London, New York; London: New York University Press, 1989. 208 p.
44. *Massignon L.* *Essay on the Origins of the Technical Language of Islamic Mysticism.* Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1997. 284 p.
45. *Smith M.* *Studies in Early Mysticism in the Near and Middle East.* Oxford: Oneworld, 1995. 282 p.
46. *Schimmel A.* *Mystical Dimensions of Islam.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1975. 527 p.
47. *Lewis B.* *Islam and the West.* Oxford, Oxford University Press, 1993. 226 p.
48. *Социально-политические представления в исламе. История и современность* / отв. ред. *И. М. Смилянская.* М.: Наука, 1987. 119 с.

49. Ан-Наим А. А. На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право) / пер. с англ. О. Фадиной; отв. ред. и авт. послесл. Д. Фурман. М.: Музей и обществ. центр им. А. Сахарова, Полиформ-Талбури, 1999. 283 с.
50. Пиотровский М. Б. О природе власти Мухаммада // Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах (история и современность) / отв. ред. И. М. Смилянская. М.: Наука, 1984. С. 6–11.
51. Willis J. R. Jihād fi Sabil Allāh — Its Doctrinal Basis in Islam and Some Aspects of Its Evolution in Nineteenth-Century West Africa // The Journal of African History, 1967, vol. 8, no. 3. P. 395–415.
52. Dumont F. L'anti-sultan ou al-Hajj Omar Tal du Fouta combattant de la foi (1794–1864). Dakar: Nouvelles Editions Africaines, 1974. 262 p.
53. Willis J. R. The Writings of al-Ḥajj 'Umar al-Fūtī and Shaykh Mukhtār b. Wadī' at Allāh: Literary Themes, Sources and Influences // Studies in West African Islamic History, vol. I. The Cultivators of Islam. Ed by J. R. Willis. London: F. Cass, 1979. P. 177–210.
54. Arcin A. La Guinée Française: Races — Religions — Coutumes — Production — Commerce. Paris: A. Challamel, 1907. 670 p.
55. Arcin A. Histoire de la Guinée française: Rivières du sud, Fouta-Dialo, région du sud du Soudan. Paris: A. Challamel, 1911. 761 p.
56. Tauxier L. Moeurs et histoire des Peuls: I. Origines — II. Les Peuls de l'Issa-Ber et du Macina. III. Les Peuls du Fouta-Djallon. Paris: Payot, 1937. 422 p.
57. Козлов С. Я. Фульбе Фута-Джаллона: Очерки этнической, политической и социальной истории. М.: Наука, 1976. 216 с.
58. Hrbek I. The Early Period of Maḥmadu Lamin's Activities // Studies in West African Islamic History, vol. 1. The Cultivators of Islam / ed. by J. R. Willis. London: F. Cass, 1979. P. 211–232.
59. Brenner L. Muḥammad al-Amīn al-Kānimī and Religion and Politics in Bornu // Studies in West African Islamic History, vol. I: The Cultivators of Islam / ed. by J. R. Willis. London: F. Cass, 1979. P. 160–176.
60. Hogben S. J., Kirk-Greene A. H. M. The Emirates of Northern Nigeria: A Preliminary Survey of Their Historical Traditions. London: Oxford University Press, 1966. 665 p.
61. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 315 с.
62. Wilks I. The Position of Muslims in Metropolitan Ashanti in the Early Nineteenth Century // Islam in Tropical Africa. L.: Oxford University Press, 1966. 480 p. P. 318–339.
63. Palmer H. R. An Early Fulani Conception of Islam // Journal of the Royal African Society. July 1914, vol. 13, no. 52. P. 407–414; October 1914, vol. 14, no. 53. P. 53–59; January 1915, vol. 14, no. 54. P. 185–192.
64. Bivar F. D. H. The Wathīqat ahl al-Sūdān: A Manifesto of the Fulani Jihād // Journal of African History, 1961, vol. 2, no. 2. P. 235–243.
65. Hiskett M. Kitāb Al-Farq: A Work on the Habe Kingdoms Attributed to 'Uthmān Dan Fodio // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1960, vol. 23, no. 3. P. 558–579.
66. Dupuis J. Journal of a residence in Ashantee: Comprising notes and researches relative to the Gold Coast, and the interior of Western Africa; chiefly collected from

Arabic mss. and information communicated by the Moslems of Guinea: to which is prefixed an account of the origin and causes of the present war. London: H. Colburn, 438 p.

67. *Hasan Y.F.* The Arabs and the Sudan: from the seventh to the early sixteenth century. Edinburgh: University Press, 1967. 308 p.
68. *Person Y.* Samori and Islam // Studies in West African Islamic History, vol. I: The Cultivators of Islam / ed. by *J. R. Willis*. London: F. Cass, 1979. P. 259–277.
69. *Person Y.* Samori: une révolution dyula. Dakar: I. F. A. N., 1968–1990, 4 vols.
70. *Person Y.* Samori et la Sierra Leone // Cahiers d'études africaines, 1967, vol. 7, no. 25. P. 5–26.
71. *Quinn Ch. A.* Maba Diakhou and the Gambian Jihād, 1850–1890 // Studies in West African Islamic History, vol. I: The Cultivators of Islam / ed. by *J. R. Willis*. London: F. Cass, 1979. P. 233–258.
72. *Callaway B., Creevey L.* The Heritage of Islam. Women, Religion and Politics in West Africa. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1994. 231 p.

Контактная информация:

Саватеев Анатолий Дмитриевич — д-р ист. наук, проф.

Muslim prophets-revolutionaries in Sub-Saharan Africa: prophetic movements in the history of the continent

Anatoly D. Savateev

*Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russian Federation*

For citation: *Savateev A. D.* Muslim prophets-revolutionaries in Sub-Saharan Africa: prophetic movements in the history of the continent. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by *T. S. Nemchinova*, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 80–129. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.07> (In Russian)

In the article, the phenomenon of mimicries to Muhammad the Prophet by African religious leaders of XVIII–XX centuries is investigated. It is noted that the paedagogical component played the leading role in the formation and evolution of the prophetic movements. The society was being reformed both political (the Muridiyya Sufi order) and military ways (different jihadist movements).

Keywords: The Islamic prophets, prophets-revolutionaries, Sub-Saharan Africa, prophetic movements.

References

1. *Lewis B.* *Islam and the West*. Rus. Ed. Transl. by *S. Kullanda*. Moscow, St. Andrew's Biblical Theological Institute Press, 2003. 317 p. (In Russian)

2. Erasov B.S. *Social Culturology: A textbook for students of higher educational institutions*. 3rd ed., enl. and rev. Moscow, Aspect Press, 2000. 591 p. (In Russian)
3. Khalidov A.B. *Book culture*. Essays on the History of Arabic Culture (5th to 15th Centuries). Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 215–310. (In Russian)
4. Ibn Sina (Avicenna). *Selected Philosophical Works*. Rus. Ed. Transl. from Arabic and Farsi-Dari. Moscow, Nauka Publ., 1980. 551 p. (In Russian)
5. Sagadeev A. V. *Ibn Sina (Avicenna)*. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 239 p. (In Russian)
6. Nasr S.H. *Three Muslim Sages: Avicenna — Suhrawardī — Ibn 'Arabī*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1964. 185 p.
7. Ibn Rushd. *The Decisive Treatise, Determining the Nature of the Connection between Religion and Philosophy* [Faṣl al-maḳāl wa-taqrīr fī mā bayn al-ḥikma wa al-sharī'a min ittiṣāl]. Rus. Ed. Sagadeev A. V. Ibn Rushd (Averroes). Moscow, Mysl' Publ., 1973. 207 p. (In Russian)
8. Ibn Rushd. *The Incoherence of the Incoherence* [Tahāfut al-Tahāfut] (Selections). Rus. Ed. Selected Works by Thinkers of the Countries of the Near and Middle East. Transl. by A. V. Sagadeev. Ed. by S. N. Grigoryan. Moscow, Social'no-ekonomicheskaya Literatura Publ., 1961, pp. 399–554. (In Russian)
9. Schimmel A. *Mystical Dimensions of Islam*. Rus. Ed. Transl. from English by N. I. Prigarina, A. S. Rappoport. Moscow, Aleteya, Enigma Publ., 1999. 414 p. (In Russian)
10. Trimingham J.S. *The Sufi Orders in Islam*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. 360 p.
11. Trimingham J.S. *The Sufi Orders in Islam*. Rus. Ed. Transl. by A. A. Staviskaya. Ed. and foreword by O. F. Akimushkin. Moscow, Nauka Publ., 1989. 328 p. (In Russian)
12. Sorokin P.A. *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships*. Rus. Ed. Transl. from English by V. V. Sapov. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Press, 2000. 1054 p. (In Russian)
13. Panarin A.S. *People without Elite*. Moscow, Algoritm Publ., Eksmo, 2006. 351 p. (In Russian)
14. Klein M. A. Social and Economic Factor in the Muslim Revolution in Senegambia . *Journal of African History*, 1972, vol. 13, no. 3. P. 419–441.
15. Johnson M. The Economic Foundation of an Islamic Theocracy: The Case of Masina . *Journal of African History*, 1976, vol. 17, no. 4. P. 481–495.
16. O'Brien D.B.C. *Saints and Politicians: Essays in the Organization of a Senegalese Peasant Society*. London: Cambridge University Press, 1975. 221 p.
17. O'Brien D.B.C. *The Mourides of Senegal. The Political and Economic Organization of an Islamic Brotherhood*. Oxford: Clarendon Press, 1971. 321 p.
18. Copans J. *Les marabouts de l'arachide. La confrerie mouride et les paysans du Sénégal*. Paris: L'Harmattan, 1988. 279 p.
19. Copans J. Mourides des champs, mourides des villes, mourides du téléphone portable et de l'internet. Les renouvellements de l'économie politique d'une confrérie. *Afrique contemporaine*, 2000, no. 194. P. 24–33.
20. Coulon C. *Le marabout et le prince*. Paris: A. Pedone, 1981. 317 p.
21. Soares B. The Prayer Economy in a Malian Town. *Cahiers d'études africaines*, 1996, vol. 36, no. 144. P. 739–753.

22. Babou Mbacké C. A. Autour de la genèse du mouridisme. *Islam et sociétés au Sud du Sahara*, 1997, no. 11. P. 5–38.
23. Robinson D. *Revolutions in the Western Sudan. The History of Islam in Africa* / ed. by N. Levtzion and R. L. Pouwels. Athens: Ohio University Press, 2000. P. 131–152.
24. Lewis B. Quietist and Activist Traditions in Islamic Political Writing. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1986, vol. 49, no. 1. P. 141–147.
25. Crone P. 'Even an Ethiopian Slave': The Transformation of a Sunnī Tradition. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1994, vol. 57, no. 1. P. 59–67.
26. Müller A. A. *History of Islam: From Pre-Islamic Arab History to the Fall of the Abbasid Dynasty*. Rus. Ed. Transl. from German. Moscow, AST Publ., Astrel', 2004. 911 p. (In Russian)
27. Ali-Zade A. A. *Chronicles of the Muslim States (1st to 7th Centuries of the Hijra)*. Moscow, UMMA Publ., 2004. 445 p. (In Russian)
28. Sourdel D., Sourdel J. *Civilization of Classical Islam*. Rus. Ed. Transl. from French by V. Babincev. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2006. 538 p. (In Russian)
29. Last M. *The Sokoto Caliphate*. Leningrad: Humanities Press, 1967. 362 p.
30. Robinson D. *La guerre sainte d'al-Hajj Umar*. Le Soudan occidental au milieu du XIXe siècle. Traduit de l'anglais par H. Tourneux et J.-C. Vuillemin. Paris, Karthala, 1988. P. 51–90.
31. Brenner L. *Concepts of Ṭarīqa in West Africa: The case of the Qādiriyya. Charisma and Brotherhood in African Islam* / ed. by D. B. Cruise O'Brien and Ch. Coulon. Oxford: Clarendon Press, 1988. 231 p.
32. Barth H. *Travels and Discoveries in North and Central Africa: being a journal of an expedition undertaken under the auspices of H. B. M.'s Government, in the years 1849–1855*. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1857–1858, 5 vols.
33. Mage E. *Voyage dans le Soudan occidental (Sénégal-Niger): 1863–1866*. Paris: Hachette, 1868. 703 p.
34. Savateev A. D. Religious and Political Works of Usman Dan Fodio as a Source for West African History Comprehension. *Vostok, Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2006, no. 1, pp. 53–64. (In Russian)
35. Sledzevskii I. V. *Revolt of Othman dan Fodio and Formation of the Caliphate of Sokoto. Modern and Contemporary History of Nigeria*. Moscow, Nauka Publ., 1981. 357 p. (In Russian)
36. Knysh A. D. *Islamic Mysticism: A Short History*. Rus. Ed. Transl. from English by M. G. Romanov. St. Petersburg, Dilya, 2004. 464 p. (In Russian)
37. Dyakov N. N. *The Muslim Maghreb: Sherifs, Tariqas, Marabouts in the History of North Africa (Medieval and Modern Age)*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2008. 345 p. (In Russian)
38. Dobronravin N. A. *Arabic-script written tradition of West Africa*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Centre of African Studies Press, 1999. 178 p. (In Russian)
39. Dobronravin N. A. *Arabic Scripts in Africa: Historical and Linguistic Classification. Africa in a changing world: 7th All — Russia Conference of Africanists*, vol. 2. Moscow, Institute for African Studies of RAS Press, 1997, pp. 349–353. (In Russian)
40. Dobronravin N. A. The Songhai Arabographic Tradition (11th to 19th–20th Centuries). *Evolution of Traditional Institutions in Colonial and Post-Colonial Africa*.

- D. A. Olderogge *Memorial Readings*, vol. 1. Moscow, Institute for African Studies of RAS Press, 2001, pp. 105–107. (In Russian)
41. Vydrin V. F. On the Ancient Manding Writing (Mandinka, Bamana, Susu). *Africana. Afrikanskij etnograficheskij sbornik*, vol. 15. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 169–219. (In Russian)
42. Arberry A. J. *The doctrine of the Šūfis. Kitāb al-Ta'arruf li-madhab ahl al-tašawwuf. Translated from the Arabic of Abū Bakr al-Kalābādhi* by A. J. Arberry. Cambridge : Cambridge University Press, 1935. 191 p.
43. Baldick J. *Mystical Islam. An Introduction to Sufism*. London, New York: New York University Press, 1989. 208 p.
44. Massignon L. *Essay on the Origins of the Technical Language of Islamic Mysticism*. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1997. 284 p.
45. Smith M. *Studies in Early Mysticism in the Near and Middle East*. Oxford: Oneworld, 1995. 282 p.
46. Schimmel A. *Mystical Dimensions of Islam*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1975. 527 p.
47. Lewis B. *Islam and the West*. Oxford, Oxford University Press, 1993. 226 p.
48. *Social and Political Ideas in Islam*. Past and Present. Ed. by I. M. Smilyanskaya. Moscow, Nauka Publ., 1987. 119 p. (In Russian)
49. An-Naim A. A. *Toward an Islamic Reformation (Civil Liberties, Human Rights, and International Law)*. Rus. Ed. Transl. from English by O. Fadina; ed. and afterword by D. Furman. Moscow, Andrei Sakharov Museum and Public Center. Polinform-Talbury, 1999. 283 p. (In Russian)
50. Piotrovsky M. B. *On the Nature of Muhammad's Authority. State Power and Socio-Political Structures in Arab Countries (History and Modernity)*. Ed. by I. M. Smilyanskaya. M.: Nauka Publ., 1984, pp. 6–11. (In Russian)
51. Willis J. R. Jihād fi Sabill Allāh — Its Doctrinal Basis in Islam and Some Aspects of Its Evolution in Nineteenth-Century West Africa. *The Journal of African History*, 1967, vol. 8, no. 3. P. 395–415.
52. Dumont F. *L'anti-sultan ou al-Hajj Omar Tal du Fouta combattant de la foi (1794–1864)*. Dakar: Nouvelles Editions Africaines, 1974. 262 p.
53. Willis J. R. The Writings of al-Hājj 'Umar al-Fūti and Shaykh Mukhtār b. Wadī'at Allāh: Literary Themes, Sources and Influences. *Studies in West African Islamic History*, vol. I. The Cultivators of Islam. Ed by J. R. Willis. London: F. Cass, 1979. P. 177–210.
54. Arcin A. *La Guinée Française: Races — Religions — Coutumes — Production — Commerce*. Paris: A. Challamel, 1907. 670 p.
55. Arcin A. *Histoire de la Guinée française: Rivières du sud, Fouta-Dialo, région du sud du Soudan*. Paris: A. Challamel, 1911. 761 p.
56. Tauxier L. *Moeurs et histoire des Peuls: I. Origines — II. Les Peuls de l'Issa-Ber et du Macina. — III. Les Peuls du Fouta-Djallon*. Paris: Payot, 1937. 422 p.
57. Kozlov S. Ya. *The Fulbe of Fouta Djallon: Essays in Ethnic, Political and Social History*. Moscow, Nauka Publ., 1976, 216 p. (In Russian)
58. Hrbek I. The Early Period of Maḥmadu Lamin's Activities. *Studies in West African Islamic History*, vol. 1. The Cultivators of Islam / ed. by J. R. Willis. L.: F. Cass, 1979. P. 211–232.

59. Brenner L. Muḥammad al-Amin al-Kānimī and Religion and Politics in Bornu. *Studies in West African Islamic History*, vol. 1. The Cultivators of Islam / ed. by J. R. Willis. L.: F. Cass, 1979. P. 160–176.
60. Hogben S. J., Kirk-Greene A. H. M. *The Emirates of Northern Nigeria: A Preliminary Survey of Their Historical Traditions*. London: Oxford University Press, 1966. 665 p.
61. *Islam: An Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 315 p. (In Russian)
62. Wilks I. *The Position of Muslims in Metropolitan Ashanti in the Early Nineteenth Century*. *Islam in Tropical Africa*. London: Oxford University Press, 1966. 480 p.
63. Palmer H. R. An Early Fulani Conception of Islam. *Journal of the Royal African Society*, july 1914, vol. 13, no. 52. P. 407–414; october 1914, vol. 14, no. 53. P. 53–59; january 1915, vol. 14, no. 54. P. 185–192.
64. Bivar F. D. H. The Wathīqat ahl al-Sūdān: A Manifesto of the Fulani Jihād. *Journal of African History*. 1961, vol. 2, no. 2. P. 235–243.
65. Hiskett M. Kitāb Al-Farq: A Work on the Habe Kingdoms Attributed to ‘Uthmān Dan Fodio. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1960, vol. 23, no. 3. P. 558–579.
66. Dupuis J. *Journal of a residence in Ashantee: Comprising notes and researches relative to the Gold Coast, and the interior of Western Africa; chiefly collected from Arabic mss. and information communicated by the Moslems of Guinea: to which is prefixed an account of the origin and causes of the present war*. London: H. Colburn. 438 p.
67. Hasan Y. F. *The Arabs and the Sudan: from the seventh to the early sixteenth century*. Edinburgh: University Press, 1967. 308 p.
68. Person Y. Samori and Islam. *Studies in West African Islamic History*, vol. 1. The Cultivators of Islam / ed. by J. R. Willis. London: F. Cass, 1979. P. 259–277.
69. Person Y. Samori: une révolution dyula. Dakar: *Institut Fondamental d'Afrique Noire (I. F. A. N.)*, 1968–1990, 4 vols.
70. Person Y. Samori et la Sierra Leone. *Cahiers d'études africaines*, 1967, vol. 7, no. 25. P. 5–26.
71. Quinn Ch. A. Maba Diakhon and the Gambian Jihād, 1850–1890. *Studies in West African Islamic History*, vol. 1. The Cultivators of Islam / ed. by J. R. Willis. L.: F. Cass, 1979. P. 233–258.
72. Callaway B., Creevey L. *The Heritage of Islam. Women, Religion and Politics in West Africa*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1994. 231 p.

Author's information:

Anatoly D. Savateev — Dr. Sci. in History, Professor

УДК 321+394

Джибал Нуба: традиции мира прошлого и трудности нового этапа

И. В. Герасимов, Д. А. Алферов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Герасимов И. В., Алферов Д. А. Джибал Нуба: традиции мира прошлого и трудности нового этапа // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 130–143. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.08>

Представленная статья посвящена особенностям племенных групп, населяющих район Джибал Нуба в Кордофани, истории распространения ислама в регионе, эволюции отношений между местными и арабскими племенами и современному состоянию отношений между политическими силами нуба и властями Республики Судан.

Ключевые слова: Судан, Джибал Нуба, арабские племена, суфийские братства, Кордофан.

К группе конфликтных зон, наносящих ущерб политическому климату и стабильности больших регионов на африканском континенте, можно отнести Джибал Нуба в Судане. Следует учесть, что о конфликте нередко говорят как об этническом, иногда как о религиозном. Некоторые эксперты оценивают выступления живущих там людей как сепаратизм. Взгляд в историческое прошлое может помочь определиться с оценкой происходящего. В российской научной литературе специальных исследований по региону Джибал Нуба практически не было, однако в отечественных работах в последнее десятилетие ему уделено определенное внимание [1].

Целью данной публикации является выяснение исторических предпосылок мирного развития отношений между народностями Джибал Нуба с суданскими арабскими племенами в рамках государства Республика Судан и более активного их вовлечения в государственную политическую орбиту.

Джибал Нуба представляет собой группу высоких холмов и горных цепей, высотой не более 1 тыс. м над уровнем моря, расположенных в юго-восточной части Кордофана. Они занимают площадь,

равную 30 тыс. квадратных миль, что сопоставимо с площадью Шотландии. Всего в этой горно-холмистой местности 99 вершин. На севере к ним примыкают горы Тагале.

Топоним Джибал Нуба переводится с арабского языка как горы народности нуба. Под этнонимом «нуба» понимают все племена, живущие в горной местности с одноименным названием. Негроидные африканские племена Джибал Нуба ведут изолированную друг от друга жизнь, чему способствует их хозяйственная деятельность. Особенностью слова «нуба» является то, что оно совпадает по написанию и звучанию на арабском языке с нуба-нубийцами, населяющими долину Нила. Это вносит разнотчение и непонимание относительно их идентичности. Нуба с берегов Нила и нуба из Джибал Нуба — не одно и то же. О происхождении нуба ведутся дискуссии в научной среде. В публикациях на арабском языке, посвященных нуба и нубийцам, постепенно складывается терминологическая традиция, которая позволяет лучше понимать, о каких из них идет речь благодаря использованию авторами текстов разных форм множественного числа. Так, нубийцы — жители долины Нила — имеют множественное число *нубийуна*, а народ племени нуба во множественном числе — *нубауийуна*.

Может показаться, что нуба — единый народ, однако в самом районе Джибал Нуба наблюдается четкое разделение на местные кланы и родовые группы, которые имеют свои названия. Их насчитывается более пятидесяти. Они чаще всего совпадают с названием холма и расположенного там населенного пункта, который, как правило, является одновременно и административным центром. Говоря о происхождении народов Джибал Нуба, следует признать, что вопрос открыт и его изучение за последние годы вперед не продвинулось, хотя в XX в. проводились лингвистические, археологические, социально-антропологические исследования. На скальных участках холмов были найдены изображения — петроглифы (район Кауалиб), тем не менее исследователи, в том числе британский ученый австрийского происхождения З.Ф.Найдел (1903–1956), не связывали находки наскальных рисунков с современными нуба. Английский археолог и сотрудник колониальной администрации Судана А.Дж.Аркелл (1898–1980) вел раскопки захоронения в Джабал Тире, расположенного на северо-востоке Джибал Нуба, но и там не нашлось свидетельств, указывающих на связи прошлого и настоящего. Способ захоронения в древности полностью отличался от

того, какой распространен сейчас по всему району. Касаясь вопроса о близости нуба и представителей других народов, населяющих Судан, можно отметить сходство некоторых из них. Основой для этого послужили устные сообщения представителей отдельных племен.

Исследователи региона Джибал Нуба заметили, что, не имея явно прослеживаемых связей с дальними африканскими народами, нуба в культурном и языковом планах близки с другими народностями и племенами, населяющими современный Судан. У кланов из Джабал Тира, например, общие черты с людьми из Джибал ал-Муру, племенные группы шат, проживающие на территориях к югу от Кадугли, схожи с народностями Дарфура, родовые группы тима, вероятно, ведут происхождение из района Каджу поблизости от Адийа. Нуба из Кадару и Джибал Табак считаются выходцами из султаната в Сеннаре. Клань аджандж (аджанг), как изложено в работе суданского исследователя Йусуфа Исхака Ахмада (родом из Джибал Нуба), возможно, пришли в эту местность с севера. Допустимо предполагать, что в названии они близки к народу анадж, населявшему христианское государство Алва со столицей Соба на Ниле [2, с. 64–65]. Суданский ученый Ата Мухаммад Ахмад Кантул сообщает, что во время личных встреч и бесед с представителями племен нуба наблюдалось повторение сообщений о существовании в далеком прошлом связи нубийцев долины Нила и нуба из Джибал Нуба [3, с. 31]. При многообразии точек зрения о происхождении жителей Джибал Нуба, их связях друг с другом и внешним миром практически никто не оспаривает мнение, что все они в основном переселенцы в эти земли, а не исконные ее обитатели. Изолированность жизни помогала на протяжении веков сохранять самобытность, в то же время не способствовала включению в культурную орбиту окружающего мира. Благодаря этому нуба дожили до XX в., находясь на стадии распада родоплеменной общины. Основой их экономического благополучия было скотоводство и обработка небольших посевов, располагавшихся поблизости от заселенных ими холмов. Известно, что в целях пополнения запасов продовольствия и повышения уровня благосостояния представители кланов совершали набеги на поселения соседей. В религиозном плане можно говорить о преобладавшем вплоть до первых десятилетий XX столетия шаманизме [4, р. 85].

Исторически так сложилось, что ближайшими соседями нуба оказались арабские кочевые скотоводческие племена, которые пришли в эти края давно, двигаясь на юг со стороны Египта вслед

за стадами в поисках богатых растительностью пастбищ. Бадирийя, джауамия, джалидат, шаухит освоили степи и плодородные долины в Кордофанах уже в XVI в. Племена дар хумр, хамид и другие скотоводы баккара пришли в Кордофан через Донголу, следуя на юг. Создание султаната фундж в Сеннаре в 1504 г. привело в движение и небольшие племенные группы из нильской долины и прилегающих к ней плодородных степей. Они двигались в западном направлении. Среди них прежде всего были представители союза племен джаалитов.

По мнению крупного исследователя Судана Дж. Сполдинга и ряда авторов, между арабскими племенами союза гадийат, обосновавшимися в Кордофанах, и нуба из Табака, Кадаро, Дилинга и некоторыми другими существовали родственные связи [5]. Живым примером сближения арабов и нуба служат сохранившиеся отдельные этнонимы. Внутри племени хауазима, считающегося арабским, существует родовая ветвь аулад нуба. Они выделились в результате слияния клана рауауика с некоторыми родовыми группами из нуба на юге Кордофана [6, с. 47]. Сближение на уровне семей способствовало взаимообмену продуктами, трудовыми навыками, духовными ценностями, облегчало возможность договоров. Более того, это свидетельствует о мирном сосуществовании двух народов, по крайней мере, на раннем этапе их совместной истории.

Государственное образование, возникшее в Кордофанах в XVII в., — Тагале — включало в границы своего контроля арабские племенные группы, в то же время ему подчинялись и жители районов постоянного проживания нуба: Абу Дом, Умм Талха, Рашад, Калкудда, Гедир, Шайбун [5, р. 371]. Табак считался самым западным районом влияния местных правителей Тагале, которые, в свою очередь, находились в зависимости от мощного султаната в Сеннаре. Не подчинялись никакой власти лишь юго-западные районы Джибал Нуба. Установить власть в Кордофанах стремился мощный и динамичный мусульманский султанат, сложившийся в XVII в. в Дарфуре. Ата Мухаммад Ахмад Кантул отмечал, что несмотря на то, что весь регион Кордофана находился в зоне влияния двух мощных государственных образований того времени — султанатов в Дарфуре и Сеннаре, воздействие второго было сильнее [3, с. 37]. Считается, что Бади Абу Дикн, сеннарский верховный правитель, в середине XVII в. подчинил государство Тагале. В зависимом положении оно оставалось до 1788 г. [3, с. 37]. Таким образом, можно наблюдать уси-

ление влияния на народы Кордофана со стороны арабов и фундж с востока Судана из долины Нила.

Взаимодействие между мусульманскими племенами арабов, пришедших в регион позднее нуба, породило и новый тип отношений, отличавшихся от принятых у арабов и мусульман. Интересным представляется описание заключения договора между племенем хауазима и отдельными заинтересованными кланами из нуба, превратившегося в настоящее братание по крови. Такого рода союз — первая и единственная форма общественного соглашения между мусульманами и язычниками, какими являлись нуба. Предположительно, история подобного церемониала восходит к IX или X в. В условиях Судана она применялась и в XX в. Договору предшествовали предварительные согласования.

«Братание» между хауазима и нуба происходило, как описано в работе Хаммуды Салиха Манзила Кахифа, следующим образом: «После того как обе стороны пришли к соглашению относительно положений договора, который планировалось заключить, был определен срок и место для окончательной ратификации. Утром этого исторического дня все собрались на месте, где должно было проходить торжество, лица выражали радость, крики и возгласы женщин оглашали воздух. Всякий раз как к месту празднования подходила группа арабов или нуба, вперед выдвигался их предводитель. Хауазима, восседая на спинах лошадей и верблюдов, демонстрировали известную арабскую доблесть, тогда как нуба, ударяя в барабаны, исполняли яркие африканские танцы. Различные народные группы принимали участие в мероприятии, играя на музыкальных инструментах. Они воспевали рождение нового договора, в котором преобладает дух любви и братства. Когда наступило время заключения договора, вожди с обеих сторон вышли в центр площади, на которой происходило торжество, и заняли соответствующие места. Отовсюду доносились крики и возгласы женщин. Затем глава каждого клана встал возле определенной точки, а вперед на встречу друг другу направились верховные вожди хауазима и нуба. Они дружелюбно обнялись, пожали руки и затем подняли их вверх. Затем они сделали знак для всех, кто бурно выражал радость. Внезапно все вокруг затихло. Вождь хауазима попросил одного из своих помощников приблизиться к нему, и из группы глав кланов хауазима вышел шейх, который нес с собой тыкву, наполненную молоком. И вручил ее вождю, а затем вернулся на свое место. Вождь хауазима взял тыкву и, отпив

из нее молоко, передал ее верховному вождю нуба. Тот поднес ее ко рту, тоже отпил из нее и вернул ему. Вождь хауазима занял прежнее место. Возобновились крики и возгласы женщин, они гулким эхом отдавались в горах. Неожиданно шум затих. Вождь нуба взял вождя хауазима за руку, достал свой нож и попросил вождя хауазима достать свой. Вызвав всеобщее удивление, он сделал на своей руке надрез, и оттуда потекла кровь. Потом он попросил сделать то же самое вождя хауазима, и тот выполнил просьбу. Вождь Джибал Нуба собрал несколько капель своей крови и смешал ее с каплями крови вождя хауазима и попробовал смешанную кровь своим языком. То же самое сделал и вождь хауазима. Таким же образом, как эти два вождя, скрепившие кровью свой договор, поступили и вожди каждого клана из числа нуба и хауазима. Они в точности воспроизвели всю церемонию. Этот союз стал известен как «союз по крови» [6, с. 279–280]. Приведенное описание свидетельства очевидца разрушает укоренившееся представление об исконной и непримиримой враждебности между нуба и арабами.

Обитателям Джибал Нуба, как и в недавние времена выходцам с Юга Судана, трудно расставаться с представлениями об арабских племенах как об алчных и беспощадных охотниках за рабами. Для этого есть основания. В период существования султаната в Сеннаре создавались специальные военные экспедиции в Джибал Нуба и приграничные с Эфиопией районы для поимки рабов. Эти акции превращались для обитателей горных селений в настоящий кошмар. Такие набеги получили название джихадийа. Пленных мужчин нуба перевозили ближе к столице султаната фундж Сеннару и принуждали жить в поселениях, которые фактически окружали столицу. Представители каждого из племен жили отдельно. Их обучали военному ремеслу, и рабы составляли основу регулярной сеннарской армии, являясь, главным образом, пехотинцами. В период египетско-турецкого правления, начиная с 1821 г., походы в Джибал Нуба участились. В 1824 г. число пленных оценивалось в 40 тыс. человек. Женщин и детей работорговцы отправляли на невольничьи рынки Египта. Военные походы за рабами значительно усилились в период махдистского восстания. В последние десятилетия XIX в. нуба насильно загоняли в армию сторонников Махди, и они выполняли боевые задания. После поражения махдистов многие нуба вернулись в свои родные земли, принеся с собой ислам, который были вынуждены принять, пока находились в составе армии Махди. Кроме того, они стали обладате-

лями огнестрельного оружия, которое, правда, предпочли поменять у местных скотоводов-мусульман на крупный рогатый скот и вернуться к использованию классического племенного военного арсенала — копий и мечей. В период, последовавший за оккупацией Судана англо-египетскими войсками в 1898 г., было введено колониальное правление страной, официально названное кондоминиумом. Фактически в этом «совместном» управлении вся власть принадлежала британцам. Руководствуясь экономическими интересами и геополитическими устремлениями, направленными на гегемонию в этом регионе Африки, британская колониальная администрация начала уделять серьезное внимание установлению стабильности и спокойствия в районе Кордофана и, соответственно, в Джибал Нуба. В период с 1898 по 1912 г. этот регион являлся частью провинции Кордофан. С 1913 по 1928 г. нуба получили статус самостоятельной провинции со столицей в городе Талоди. Там были созданы полицейские и административные органы и службы для контроля над местным населением. Согласно статистическим данным, опубликованным в период кондоминиума, население Кордофана исчислялось в 500 тыс. человек [7, р. 521]. Бывший британский правитель Кордофана говорил о нуба следующее: «Все нуба, живущие в южной холмистой местности, часто подвергавшиеся набегам арабских племен баккара, охотившихся за рабами и скотом, ужасно страдали во время правления дервишей. При нынешнем режиме правления они постепенно приходят в состояние покоя, хотя время от времени совершают нападения друг на друга. Они обрабатывают значительные территории земли, содержат большое количество скота, овец и коз» [7, р. 524]. Период кондоминиума привнес новые тенденции в эволюцию Джибал Нуба, что было связано с главным лозунгом колонизаторов — «обеспечить безопасность» региона. Содержательным наполнением этого было не что иное, как установление британского контроля над мятежными районами в качестве первого и в общем стержневого направления с последующим вовлечением в управление наиболее лояльных вождей и шаманов из местной среды. Большим сторонником этого был Артур Уикарс-Майлс, который хотел подчинить население британскому колониализму, используя политику постоянных полицейских рейдов в район холмов и небольших гор, населенных нуба. Активное «патрулирование» английскими военными имело несколько этапов. Первый пришелся на период с 1905 по 1912 г., второй включал в себя относительно короткий временной отрезок с 1917 по 1919 г. и завер-

шение политики активного патрулирования территорий нуба пришлось на 1945 г. [8, p. 92]. Если в 1918 г. британские администраторы, посещавшие отдельные районы Джибал Нуба, «полагались в основном на судьбу и удачу», то уже в 1930-е гг. они «совершали поездки туда мирно, сопровождаемые лишь тремя полицейскими, двое из которых должны были нести флаги кондоминиума» [8, p. 92]. Пожалуй, наиболее активно англичанами осваивался северо-западный сектор Джибал Нуба, состоявший из восьми крупных вершин, которые вошли в историю как Нийма, а население известно как нийаманг, однако этот район может считаться срезом общей картины воздействия на регион.

Особое внимание при разговоре о нуба должно уделяться фактору религии, как едва ли не самому главному, помимо племенного и этнического, что определяет местные уמוнастроения.

С исламом нуба познакомились значительно раньше, чем в период махдистского восстания, когда их массово вовлекали в войска дервишей, несмотря на это их собственные религиозные культы, связанные с шаманизмом, оставались доминирующими. Очевидно, что приоритетная роль в распространении ислама в этом, как, впрочем, и в других районах Судана, отводилась суфиям, и начало этому положил прибывший из Багдада Тадж ад-Дин ал-Бахари, представлявший орден кадирийя [9, с. 42]. Свою лепту в исламизацию Джибал Нуба внесло братство исмаилийя во главе с шейхом Исмаилом ал-Уали. Распространителем ислама и подвижником был также шейх Бадуи Абу Сафийя. Однако едва ли не самым ярким представителем суфизма, продолжившим миссионерские традиции кадирийи был один из адептов братства шейх ал-Барнауи, который происходил из аристократической семьи, принадлежавшей йеменскому племени хамир из Борну (современная Нигерия). Шейх ал-Барнауи совершил хадж, продвигаясь со своими сподвижниками к мусульманским святыням через Судан. В Мекке он имел возможность встретиться с Абд ал-Баки ал-Мукашафи — наставником суданского ответвления кадирийи в то время. Именно этот человек убедил шейха ал-Барнауи в необходимости отправиться в Джибал Нуба. Там он активно проповедовал, и многие местные жители восприняли его идеи. Это не столь отдаленный исторический период, если принять во внимание, что ал-Барнауи скончался в 1967 г. [3, с. 67]. Если попытаться дать оценку охвату населения исламской доктриной, то можно заметить неравномерность вовлечения нуба в ислам. Наиболее активно ислам

был воспринят в Кауалибе, Дилиндже, Кадару и Нийаманге, тогда как в южных и западных районах — Джибал Коронко, Муру и Талаши — это вероучение распространялось с отставанием.

Довольно рано в регионе стали действовать и христианские миссионеры. Начиная с 1875 г. группа католических миссионеров обосновалась в городке Дилинг — крупнейшем населенном пункте на тот момент. В том же году миссионеры были вынуждены покинуть Дилинг, но уже в 1877 г. вернулись обратно и оставались там вплоть до начала махдистского восстания. Одной из трудностей, с которой столкнулись христианские миссионеры, было то, что традиции арабских племен уже были усвоены и применялись нуба в повседневной жизни. В частности, они научились у мусульман клясться на Коране, оплакивать умерших, называть Мухаммада пророком и некоторым другим вещам. О деятельности миссий имеется многочисленная документация, и можно делать вывод лишь о частичном ее успехе. Часть нуба усвоила элементы христианской религии и некоторые были приобщены к английскому языку, хотя арабский язык оставался средством межэтнического общения, по крайней мере, в XX в.

Воздействие на население носителей религиозных доктрин не могло не сказаться на более активном перемещении нуба. Уже в 1933 г. отмечались случаи переезда отдельных представителей и даже целых семей в другие части Судана [3, с. 173–174]. В то же самое время демографическая ситуация в Джибал Нуба стала изменяться из-за увеличения переселенцев в него из Западной Африки: Мали, Нигерии, Чада, Камеруна, — многих из тех, кого суданцы обозначают общим этнонимом феллата. Переселение происходило поэтапно, и вновь прибывшие старались сохранить привычный для них уклад жизни, занимаясь сельским хозяйством и животноводством. По данным Дж. Уиллиса, в 1933 г. в регионе проживала 1 тыс. выходцев из Западной Африки [8].

С периода 1930-х годов несколько сократились уже вполне установившиеся контакты с местными арабскими племенами, причиной чего было не только более настороженное отношение к арабам-мусульманам, подогревавшееся миссионерами из западных стран, но и введение закона о «закрытых районах». Это мешало установлению привычного типа взаимодействия и хозяйственного обмена. Инициаторами в возобновлении контактов стали в этой ситуации нуба. В 1941 г. нуба из Джибал Тира попытались преодолеть от-

чуждение. Арно Каджу, правитель всех нуба этого района, направил представителей к вождю хауазима с предложением встретиться с посланцами его племени в Джибал Тира и достичь соглашения о новых принципах отношений. Среди тех, кто лично присутствовал при этом событии из племени хауазима, был шейх Хаммуда Салих Манзил. О приглашении, последовавшем от Арно Каджу, он вспоминает следующее:

«В 1941 г. Арно, правитель Джибал Тира, направил делегацию из представителей нуба, состоявшую из четырех человек, к хауазима с просьбой о направлении представителей арабских племен для обсуждения формы возобновления отношений, прерванных решением английского правительства о закрытии Джибал Нуба для арабов и торговцев джаллаба. Приглашение делегации... было осуществлено по инициативе со стороны мака Рахмы. Делегация мака Арно прибыла в подразделения племени, проживающие в этом регионе. Во главе делегации был представитель нуба, которого звали Омар. Он владел арабским языком. Члены делегации принесли с собой письменное послание от мака Рахмы и Арно Каджу. Все арабы в то время не могли ни читать, ни писать, поэтому послали за факихом Абд ар-Рахимом Абд ал-Каримом из племени кауахла и попросили его прибыть и прочесть послание, а также разъяснить его содержание и смысл для арабов. Посланцы мака Арно были гостями шейха Салиха Манзила, который хорошо принял делегацию» [6, с. 286–287]. Можно добавить, что при чтении документа и обсуждении присутствовали выходцы из хауазима и различных кланов этого племени, а также посланцы шукайрат, кауахла и такрур. После длительных согласований арабские племена и племена нуба из района Джибал Тира восстановили дружественные отношения, и мирный характер взаимодействия сохранялся длительное время.

В период после установления в Судане независимости интересы нуба были представлены в государственном парламенте несколькими депутатами. В 1958 г., например, был создан блок из представителей нуба, который возглавлял Филипп Габбуш, выступивший с требованием включить нуба в состав правительства. На протяжении 1970–1980-х гг. правившие в Судане политики и политические партии и движения не всегда должным образом прислушивались к чаяниям нуба и недооценивали их роли в стоительстве государства. Это во многом явилось причиной вступления нуба в политические союзы с южанами и выступлениях против Хартума.

В последние десятилетия ряд вождей в Джибал Нуба стали поддерживать организацию «Суданское народно-освободительное движение — Север» (СНОД-С). До разъединения Судана эта организация действовала в координации с южными партиями и военно-политическими движениями. Среди целей организации был выход из состава суданского государства и противостояние суданскому правительству.

В мае 2011 г. выборы главы региона выиграл Ахмад Харун, выступавший против этого движения и политики, направленной против центральной власти. В июле того же года члены антиправительственной организации в Джибал Нуба напали на отряд миссии ООН. Несколько человек из контингента ООН были убиты. Одним из вождей СНОД-С на тот период был Йасир Арман. Нельзя сказать, что власти Хартума не искали путь к компромиссу. 12 февраля 2014 г. в столице Эфиопии состоялась встреча представителей Хартума и Южного Кордофана для обсуждения условий примирения и выхода на национальный диалог, до этого подобный контакт был осуществлен в апреле 2013 г. Организатором и координатором выступил Африканский союз. Уже 17 февраля 2014 г. обе стороны стали обвинять друг друга в нарушении перемирия и блокировании переговоров, а 19 февраля город Кадугли — столица региона — был обстрелян повстанцами. 25 февраля было объявлено о возобновлении переговоров.

6 июня 2014 г. командование суданских вооруженных сил заявило о боях в районе ал-Атмур и захвате позиций боевиков. Именно отсюда повстанцы СНОД-С осуществляли обстрел города Кадугли из артиллерийских орудий. Несмотря на военные операции против повстанцев, 28 июня по Кадугли был нанесен новый артиллерийский удар.

В сентябре 2014 г. после дополнительных согласований было заявлено о достижении определенных договоренностей между правительством и повстанцами из Южного Кордофана.

В октябре 2015 г. Хартум объявил о готовности принять приглашение Африканского союза на участие в мирных переговорах в Аддис-Абебе с представителями из СНОД-С, которые вели боевые действия с 2011 г. в штатах Южный Кордофан и Голубой Нил. Это способствовало снижению накала противостояния, но не решало проблему беженцев. Несколько тысяч представителей народности нуба, спасаясь от боевых действий в зоне конфликта в этой части

Кордофана, переселилось в Южный Судан в окрестности населенного пункта Кодок. В течение последующих лет напряженность в Джибал Нуба постоянно возрастала.

В апреле 2019 г. в Судане после многомесячных народных выступлений, президент Республики Судан Омар ал-Башир был отстранен от власти. К управлению государством пришли новые лидеры, которые очень скоро заявили о готовности мирно решать проблемы суданских регионов. Вооруженная оппозиция выразила заинтересованность в проведении переговоров.

Уже в сентябре 2019 г. заинтересованные стороны выработали «дорожную карту» переговоров, первый раунд которых прошел 14 октября в Джубе при посредничестве южносуданских властей. 16 октября глава Суверенного совета Судана Абд ал-Фаттах ал-Бурхан подписал указ о прекращении военных действий на всей территории страны. Между сторонами суданского конфликта была достигнута договоренность об освобождении военнопленных и заключенных, прекращении уголовного преследования активистов вооруженных группировок, отмене ранее вынесенных заочно в отношении их лидеров смертных приговоров, а также открытии гуманитарных коридоров для оказания помощи районам, пострадавшим от боевых действий.

В течение нескольких месяцев 2020 г. наблюдались волнения как в районах традиционного проживания нуба, так и в тех, куда они переселялись в течение нескольких последних десятилетий. Руководством страны предпринимались попытки гармонизировать межплеменные и межэтнические отношения, чтобы избежать расширения противоречий и вовлечения в конфликты новых соперников.

Власти Судана осознают значимость и влияние нуба как политической силы. В связи с этим 9 сентября 2020 года губернатор провинции Гезира Абдаллах Идрис Кинин провел встречу с представителями Джибал Нуба для обсуждения трудностей, с которыми сталкивается народ нуба на управляемой им территории.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить, что обычно в научных работах XX в. считалось, что Джибал Нуба был противопоставлен арабским племенам региона, однако, как нам представляется, это не совсем верно. Имеются свидетельства, относящиеся к устной истории, утверждающие наличие складывавшегося столетиями эффективного механизма взаимодействия и взаимодоверия между ними. Несмотря на внутренние сложности развития судан-

ского государства в последние годы, центральная власть пытается создать приемлемую форму для диалога с оппозиционными движениями в Дарфуре, Кордофана, в районе Голубого Нила. Эти шаги постепенно позволяют нуба включиться в диалог и участвовать в самоуправлении и в управлении страной.

Литература

1. Поляков К. И. История Судана: XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН. 2005. 512с.
2. Ахмад Йусуф Исхак. Ал-Мади ал-мааш фи джибал Нуба минтакат ал-Аджанг (Прошлое из жизни в Джибал Нуба). Хартум: Дар ал-Азза ли-н-нашр уа-т-таузиа. 167с.
3. Кантул Ата Мухаммад Ахмад. Ал-Хирак ас-сийасий уа-д-диний фи Джибал ан-Нуба (1932–1964). (Политические и религиозные движения в Джибал Нуба). Ад-Дар ал-аламийа ли-н-нашр уа-т-таузиа. Гиза, 2009. 233 с.
4. Nadel S. F. A Shaman Cult in the Nuba Mountains // Sudan Notes and Records, 1941, vol. 24. P. 85–112.
5. Spaulding J. A Premise for Precolonial Nuba History // History in Africa, 1987, vol. 14. P. 369–374. <http://www.jstor.org/stable/3171848>.
6. Кахиф Али Хаммуда, Салих, Манзил. Кабилат ал-хауазима уа макнун ал-хаууийа ас-суданийа. (Племя хауазима и скрытые стороны суданской жизни). Хартум: Шарикат матабия ас-Судан ли-л-умла ал-махдуда, 2004. 422 с.
7. Lloyd W. Kordofan // Bulletin of the American Geographical Society, 1910, vol. 42, no. 7. P. 521–524. <http://www.jstor.org/stable/199538>.
8. Willis J. Violence, Authority, and the State in the Nuba Mountains of Condominium Sudan // The Historical Journal, 2003, vol. 46, no. 1. P. 89–114. <http://www.jstor.org/stable/3133596>.
9. Ибн Дайфаллах Мухаммад Нур. Табакат фи хусус ал-аулийа ва ас-салихин ва ал-улама ва аш-шуараа фи ас-Судан (Книга разрядов об исламских подвижниках, праведниках, ученых и поэтах в Судане). Хартум: Дар ат-таалиф уа-т-тарджама уа-н-нашр, 1974. 424 с.

Контактная информация:

Герасимов Игорь Вячеславович — д-р ист. наук, проф.; i.v.gerasimov@spbu.ru
Алферов Даниил Андреевич — аспирант

Jibal Nuba: traditions of the past and difficulties of the new stage

Igor V. Gerasimov, Daniil A. Alferov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Gerasimov I. V., Alferov D. A. Jibal Nuba: traditions of the past and difficulties of the new stage. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 130–143. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.08> (In Russian)

The article is devoted to the peculiarities of the tribal groups inhabiting the Jibal Nuba region in Kordofan, the history of the spread of Islam in the region, the evolution of relations between local and Arab tribes and the current state of relations between the political forces of the Nuba and the authorities of the Republic of Sudan.

Keywords: Sudan, Nuba Mountains, Arab tribes, sufi brotherhoods, Kordofan.

References

1. Poliakov K. I. *History of Sudan: 20 Century*. Moscow, Institute of Oriental studies of RAS Press, 2005. 512 p. (In Russian)
2. Ahmad Uysuf Ishaq. Al-Madi al-maahs fi jibal Nuba mintaqat al-Ajang. Khartoum, Dar al-uzza li-l-nashr wa al-tawzia. 167 p.
3. Kantul Ata Muhammad Ahmad. Al-Hirak al-siasiy wa al-diniy fi Jabal al-Nuba / al-Dar al-alamiya li-l-nashr wa al-tawzia. Giza, 2009. 233 p.
4. Nadel S. F. A Shaman Cult in the Nuba Mountains. *Sudan Notes and Records*, 1941, vol. 24, pp. 85–112.
5. Spaulding J. A Premise for Precolonial Nuba History. *History in Africa*, 1987, vol. 14, pp. 369–374. <http://www.jstor.org/stable/3171848>.
6. Kahif Ali Hammuda, Salih Manzil. Qabilat al-hawazima wa maknun al-hawwiya al-sudaniya. Khartoum, Sharikat matabia al-Sudan li-l-umla al-mahduda, 2004. 422 p.
7. Lloyd W. Kordofan. *Bulletin of the American Geographical Society*, 1910, vol. 42, no. 7, pp. 521–524. <http://www.jstor.org/stable/199538>.
8. Willis J. Violence, Authority and the State in the Nuba Mountains of Condominium Sudan. *The Historical Journal*, 2003, vol. 46, no. 1, pp. 89–114. <http://www.jstor.org/stable/3133596>.
9. Ibn Dayfallakh Mahomed Nur. *Tabakat fi xusus al-auliya va as-salixin va al-ulama va ash-shuaraa fi as-Sudan*. Xartum, Dar at-taalif ua-t-tardzhama ua-n-nashr, 1974. 424 p.

Author's information:

Igor V. Gerasimov — Dr. Sci. in History, Associate Professor; i.v.gerasimov@spbu.ru
Daniil A. Alferov — Postgraduate student

АФРИКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 94(38).09

Язык суахили в афроамериканской культуре

Н. В. Громова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 11*

Для цитирования: Громова Н. В. Язык суахили в афроамериканской культуре // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 144–153. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.09>

В статье рассматривается роль языка суахили в Африке и США и использование лексики суахили в афроамериканской культуре, в частности в проведении фестиваля афроамериканского праздника Кванзаа, создателем которого является американский историк Маулана Каренга. Также уделяется внимание идеологии афроцентризма и замене «рабских» имен на суахилийские. Отмечаются особенности применения языка суахили при наименовании афроамериканских боевых искусств.

Ключевые слова: язык суахили, panaфриканизм, афроцентризм, афроамериканская культура, боевые искусства.

В 2016 г. мир отмечал 50-летний юбилей афроамериканского Рождества Кванзаа (или Кванза), который празднуется с 26 декабря по 1 января. С каждым годом Кванзаа становится все более популярным праздником. Кроме США, отмечается в Канаде, государствах Карибского бассейна, Бразилии, Великобритании и других странах, где существуют диаспоры чернокожих американцев, предками которых были рабы, вывезенные из Африки. В 2006 г. праздник отмечали 28 млн, в 2009 г. уже 30 млн человек¹.

Отцом-инициатором праздника Кванзаа стал известный историк, профессор, заведующий отделом черных исследований (*Black Studies*) Университета штата Калифорния, теоретик и один из лиде-

¹ Kwanzaa History. <http://www.tike.com/celeb-kw.htm>.

ров движения panaфриканизма Маулана Каренга², призывавший совершить культурную революцию, вернуться к африканским истокам в соответствии с идеей о центральном месте Африки в мировой истории и культуре. Он основал общественную организацию «Мы» с молодежным крылом *Simba wachanga* («Молодые львы»). В 1966 г. предложил воссоздать древний праздник урожая, характерный, по его мнению, для ряда цивилизаций черной Африки.

Названия праздника и его этапов заимствованы из языка суахили. Почему именно суахили? Потому что это наиболее известный и самый крупный африканский язык, с богатой историей и литературой, идентифицируется как символ консолидации, идентичности и единства Африки. Неоднократно раздавались призывы о его использовании в качестве panaфриканского. С призывом превратить в общеафриканский *лингва франка* выступали многие деятели культуры, например, лауреат нобелевской премии Воле Шойинка (в 1970-х годах), известный ганский писатель Айи Квеи Арма (в 1985 г.) и другие. Совет министров Организации Африканского Единства еще в 1986 г. принял резолюцию об использовании суахили в качестве языка общения на континенте [1, p. 21]. В настоящее время он является рабочим языком Африканского союза и Африканского парламента. На конференциях, например, в Дар-эс-Саламе (Танзания) в 2000, 2005 и 2012 гг. принимались обращения к правительствам государств Восточноафриканского сообщества (ВАС) и стран региона Великих озер, других стран Африки о целесообразности использования суахили в качестве единого языка всей Африки [2, p. 81] и предлагались пути решения этой задачи. Суахили уже выполняет функции межрегионального языка организации Восточноафриканское сообщество (ВАС), воссозданной в 2000 г. в составе Танзании, Кении, Уганды, Руанды и Бурунди, к которой в ближайшем будущем могут присоединиться Малави и Конго. Цель ВАС — единая валюта, полная политическая федерация и использование языка суахили на всех уровнях коммуникации. В статье под названием “Challenges facing the E. A. political federation” («Вызовы, стоящие перед Восточноафриканской политической федерацией»), опубликованной в ведущей угандийской газете *New Vision*, отмеча-

² Рональд Эверетт Маккинли родился в 1941 г. в штате Мэриленд, четырнадцатый ребенок в семье баптистов. Он известен под разными псевдонимами: как Рон, Рон Эверетт, Гуссейн, — а наиболее известный его псевдоним — Маулана Каренга. В 1960-е гг. он присоединился к движению *Black power*.

ется, что одним из вызовов, стоящих перед ВАС, является проблема общего языка для населения Восточной и Центральной Африки: «Еще одна проблема — это принятие единого языка для Восточной Африки. У Кении и Танзании уже есть общий язык, в то время как Уганда, Руанда и Бурунди используют и английский, и французский, и суахили. Для языка суахили это импульс, чтобы стать катализатором интеграции»³.

В последнее время вновь поднимается вопрос о статусе и будущем суахили как панафриканского языка. В октябре 2012 г. в Дар-эс-Саламском университете состоялась Международная конференция, посвященная 50-летию изучения суахили, который позиционируется как язык африканского освобождения (*African liberation*), объединения (*unification*) и возрождения (*renaissance*). Именно поэтому М. Каренга выбрал язык суахили [3].

Суахили, наиболее распространенный африканский язык в мире, имеет особую привлекательность в афроамериканских сообществах как символ африканской идентичности. Преподавание африканских языков, в том числе суахили, началось в США в 1958 г. как реакция на возрастающие настроения чернокожего американского населения в поисках истоков их собственной истории⁴. Движение, возглавляемое М. Каренгой, способствовало продвижению языка суахили как учебного предмета. В настоящее время его изучение постоянно растет в Америке [4, p. 538]. Увеличилось число средних школ, сейчас их более ста. Сегодня изучение африканского языка, такого как суахили, позволяет поступить в вуз и получить высшее образование. Существуют даже специальные платные курсы для учителей. Такое значительное место суахили в Америке связано не только с образованием, но и с восточноафриканскими диаспорами, многочисленными ассоциациями и суахилийскими церквями (общинная церковь суахили, общество *Umoja* («Единство») в Миннесоте, Ассоциация общин Танзании и др.) [5, p. 16]. И М. Каренга, и М. Асанте [6, p. 6]⁵ изучали суахили, но, к сожалению, в использо-

³ Challenges facing the E. A. political federation // New Vision (Uganda's leading daily), 2012, jan. 31. P. 28.

⁴ Один из призывов Ujamaa слово харамбээ (*Harambee* («а ну-ка!», «возьми!») — призыв к совместному действию), которое используется для оказания взаимной помощи, например, путем сбора денег на учебу или лечение и т. п.

⁵ Молефе Кенте Асанте — профессор кафедры афроамериканских исследований Темпльского университета Филадельфии, идеолог афроцентризма. Его книга «Афроцентризм» (1989) стала своего рода библией афроцентристов.

емый ими глоссарий вкрались некоторые неточности. В частности, своему имени М. Каренга придает смысл «учитель» или «хранитель традиций», но ни в языке суахили, ни в зулу и шона нет такого слова.

Название праздника Кванзаа имеет две этимологии:

- часть словосочетания *matunda ya kwanza* — первые плоды. Как считает М. Каренга, праздник «первых фруктов / плодов» отмечался в древней Нубии в эпоху фараонов, в средневековых африканских государствах йоруба и ашанти; он ссылается также на сельскохозяйственные фестивали, которые обычно следуют за первыми урожаями;
- слово *kwanza* в суахили — это инфинитивная форма глагола *начинать* и отглагольное существительное *начало*.

К названию древнего праздника Кванза М. Каренга добавил еще одну букву а для «благозвучия», чтобы придать ему афроамериканский колорит или чтобы в нем было семь букв в соответствии с семью основополагающими принципами этого праздника. Кстати, создатель этой новогодней афроамериканской традиции Рональд Мак-Кинли Эверетт изменил свое имя, полученное при рождении, на Маулана⁶ Ндабезита Каренга, что в переводе с суахили значит *Maulana* — «(наш. — Авт.) Бог, повелитель; мой господин», *Nda-bezita* на языке зулу — это обращение к верховному вождю зулусов «Мой король»⁷, *Karenga* — «хранитель традиций». Жены М. Каренги также заменили свои имена на суахилийские: его первая жена взяла себе имя *Tiamoyo* — «воодушевляй, вдохновляй», вторая жена стала называть себя *Haiba* — «красота, привлекательность»⁸. Кстати, его примеру переименования собственного имени последовал основатель движения и идеологического направления афроцентризма⁹ Артур Ли Смит, считавший М. Каренгу своим предшественником и единомышленником. Он заменил свое «рабское имя» на *Асанте Молефи*. *Molefi* на языке сото означает «тот, кто чтит и хранит традиции», *Asante* «правитель» (название традиционного правителя

⁶ В русских публикациях первое имя Каренги приводится неправильно — Молана, в языке суахили каждая гласная произносится раздельно, то есть Маулана. Слово *karenga* не зафиксировано в словарях суахили.

⁷ Луцков А. Д. Зулу-русский словарь. М.: URSS, 2014. 288 с.

⁸ Kwanzaa History. <http://www.tike.com/celeb-kw.htm>.

⁹ Афроцентризм — ответная реакция афроамериканцев и африканцев на длившуюся из поколения в поколение униженность, угнетение, европейское высокомерие, имперский расизм [6, с. 18].

ашанти) заимствованного из языка тви и созвучного суахилийскому слову *asante*. Многие афроамериканцы выбирают африканские имена для своих детей, особенно из языка суахили, например *Ngoma* «барабан», *Maisha* «жизнь», *Naki* «право» и др. Из языка суахили заимствуется также много названий для различных обществ (*Mambo Foundation* «фонд «Дела»), фамилий (имя журналиста *Tutashinda* «Мы победим») и многие другие.

Основу рождественского праздника Кванзаа составляют *nguzo saba* (семь опор/основ¹⁰) — семь социально-духовных принципов жизни и общинной африканской философии (*communitarian African philosophy*). Свою философскую позицию М. Каренга назвал *Kawaida* (обычай, традиция), она была выработана в рамках движения Black Power. В ее основе история, духовность и этика, социальная организация, политическая организация, экономическая организация, художественное и литературное творчество. Возглавляемый им научный институт называется *Kawaida Institute for Pan-African Studies*, он существует уже почти полвека. Под эгидой института ежегодно проводятся конференции с участием активистов, интеллектуалов и сторонников panaфриканизма и афроцентризма.

М. Каренга считал число семь минимальным. В своей социальной и личной жизни черный человек должен следовать таким постулатам:

1. *Umoja* (единство) — принцип сохранения нераздельности семьи, общества, нации и расы;
2. *Kujichagulia* (самоопределение) — принцип самоопределения африканской личности, самоидентификации, самоутверждения и самовыражения;
3. *Ujima* (взаимопомощь, взаимовыручка) — принцип коллективного труда, чувства братского локтя и совместного решения проблем;
4. *Ujamaa* (совместная экономика, африканский социализм) — принцип совместной экономической деятельности, поддержки «черного» бизнеса, «черной» экономики, получение доходов на благо всего общества¹¹;

¹⁰ Karenga M. The Nguzo Saba (The Seven Principles). <http://www.officialkwanzaa-website.org/-NguzoSaba.shtml>.

¹¹ Один из призывов Ujamaa — слово харамбээ (см. Прим. 4 к настоящей статье).

5. *Nia* (цель, перспектива) — принцип максимального развития личности ради возрождения традиционного величия африканца;
6. *Kuumba* (созидание, творчество, креативность) — принцип развития творческого потенциала каждого человека с тем, чтобы сделать общество лучше и благотворнее, чем то, которое досталось в наследство черному человеку;
7. *Imani* (вера) — принцип полной веры в афроамериканский народ, его учителей, родителей, лидеров, в справедливость идей и вера в победу в борьбе за справедливость.

Атрибутика и церемониал праздника Кванзаа также имеют суахилийские названия. Празднование сопровождается очень точным церемониалом для каждого из семи дней празднования. Комната или место проведения празднества украшается различными *Vendera* (флагами, постерами), на которых изображены семь принципов Кванзаа. Участники праздника ежедневно обсуждают один из семи основных принципов, а 1 января завершается дискуссией по поводу седьмого принципа *Imani*.

Стол накрывается зеленой скатертью, на которую кладут *Mkeka* (циновку) из соломы, сизаля, хлопка и т. п. Африканская циновка — это символ связи с африканскими предками (подобные циновки широко используются также в современной Африке).

На стол ставится семисвечник *Kinara* (подсвечник), в котором зажигается каждый день по одной свече в течение семи дней праздника. В нем *Mishumaa saba* (семь свечей) разных цветов: в центре одна черная, символизирующая цвет кожи африканца / афроамериканца, три красных (символ борьбы) и три зеленых (символ надежды).

На праздничном столе обязательно должны быть *Mazao* (плоды, фрукты), которые соответствуют ассортименту африканских фруктов (апельсины, лимоны, манго, бананы и др.) и свежих овощей (ямс, бананы, сладкий картофель и др.), *Muhindi* (кукурузный початок), который можно заменить колоском по одному колоску для каждого ребенка; *Zawadi* (подарок / подарки) специально для детей, обычно дарят книгу или что-либо, напоминающее африканские традиции; *Kikombe cha Umoja* (чаша / кубок единства). Именно из этой общей чаши все члены семьи и гости пьют воду — символ источника жизни, единения семьи и общины.

Начиная с 26 декабря афроамериканцы, отмечающие Кванзаа, приветствуют друг друга на языке суахили фразой *Habari gani?* (Как дела?), ответное приветствие звучит как *Nzuri* (Хорошо / прекрасно) или традиционное *Kwanzaa yenu iwe ya heri* (Счастливей вам Кванзы!).

Шестой день Кванзы предназначен для праздничного ужина *Kwanzaa Karamu* (пир Кванзаа), на котором напитки распиваются из чаши единства, передаваемой по кругу из рук в руки.

В последний седьмой день начинается официальное действие на улицах города — карнавал. В центре площади ставится большая корзина с фруктами и овощами. Открывается карнавал действием *Kukaribisha* (приглашение, радушный прием), одним из этапов карнавала является *Kuchunguza tena* (еще одно поучение / изучение), когда почетные гости и заслуженные люди беседуют с простыми афроамериканцами или африканцами.

Все участники праздничного мероприятия кладут свои фрукты в общую корзину, которая после праздника будет оставлена для всех желающих. В конце праздника раздаются призыв *Kushangilia* (ликование) и произносится *Tamshi la tambiko* (слово / речь о жертвоприношении). Разумеется, речь не идет о приношении жертв, это действие сводится к *Kutoa Jina* (называнию имени) — вспоминаются имена предков и разных племен Африки. При этом чаша наполняется чистой водой. Вначале немного воды из чаши выливается на четыре стороны света, что символизирует единство всего человечества.

Затем следует *Ngoma* (барабан или традиционный танец), когда под барабанный бой все участники праздника танцуют, обнимаются, братаются. Большинство участников церемониала одеты в восточно- или западноафриканские национальные костюмы. Когда барабаны замолкают, звучит *Tamshi la tutanara* (речь о чем-то; слова *tutanara* нет ни в языке суахили, ни в зулу), своеобразный гимн, который и завершает 1 января празднование афроамериканского Нового года:

For the Motherland — the black cradle of civilization!
For their ancestors and their unquenchable spirit!
For the elders, from whom we all learn!
For the young who own tomorrow!
For our struggle and in memory of those who fell in it!

*For the unity with which we are guided!
For the creator who created everything big and small!*¹²

Перевод:

За Родину — черную колыбель цивилизации!
За предков и их неугасаемый дух!
За старших, от которых мы всему учимся!
За молодых, которым принадлежит завтра!
За нашу борьбу и в память о тех, кто в ней пал!
За единство, которым мы руководствуемся!
За создателя, сотворившего все большое и малое!

При этом различные песни Кванзаа, в том числе и детские, в которые включаются суахилийские слова, составляют значительную часть программы празднования, например:

- *Seven days to celebrate Kwanzaa* («Семь дней для празднования Кванзаа»);
- *Seven days of the Nguzo saba* («Семь дней семи принципов»);
- *Seven days of the Kinara* («Семь дней на подсвечнике»);
- *Seven days to remember who we are* («Семь дней, чтобы вспомнить, кто мы такие»);
- *Kukaribisha Kwanzaa* («Приглашать Кванзаа»);
- *Kukumbuka Kwanza* («Вспоминать Кванзаа»);
- *Kushangilia Kwanzaa* («Приветствовать Кванзаа»);
- *Come celebrate Kwanzaa* («Приходите праздновать Кванзаа»).

Язык суахили используется также в Северной и Южной Америке для наименований спортивных состязаний и боевых искусств. Одним из них является капоэйра — афро-бразильский вид боевого искусства, ведущий свое происхождение от субкультуры африканского национального танца и включающий элементы боевой техники рабов из Судана, Анголы и Мозамбика. Названия многих видов боевых искусств¹³ состоят из набора суахилийских слов, зачастую не связанных грамматическим согласованием, например: *african kimarekani kutia ngumi* (афро-американский бокс) буквально «по-американски ставить кулак»; *kiungo cha mkono* (зажим руки); *mshindi vita sanaa* (победитель боевых искусств), должно быть *mshindi wa*

¹² <http://www.history.com/minisites/kwanzaa>.

¹³ www.intermartialarts.com/memborgroups/african-martial-arts; African Martial Arts. www.melanet.com/kwanzaa/whatis.html.

vita ya sanaa; kimya njia (путь молчаливого воина) — здесь нарушение синтаксических норм, правильно *njia ya kimya* (путь молчания) и др.

Несмотря на то что М. Каренга называл Кванзаа традиционным африканским праздником, описание этого праздника и его семи основополагающих принципов показывает, что они имеют мало общего с африканскими празднованиями. По большей части они являются чисто американским творением, которое не отражает ничего конкретного в культуре суахили, в этом празднике наблюдается смешение обычаев разных этносов Африки и придуманных М. Каренгой традиций [6]. При этом лексикон фестиваля Кванзаа и боевых искусств не всегда является исконно суахилийским, часто наблюдается нарушение грамматических норм суахили и интерференция с английским языком. Тем не менее суахили как символ афроцентризма продолжает «сотрясать весь мир»¹⁴ и способствует укреплению межкультурного диалога между африканцами и афроамериканцами.

Литература

1. *Ryanga S.* The African Union in the Wake of Globalization: the Forgotten Language Dimension // KISWAHILI, 2002, vol. 65.
2. *Mulokozi M. M.* Mustakbali wa Kiswahili katika ukanda wa Maziwa Makuu (Будущее языка суахили в регионе Великих Озер) // MULIKA. Dar es Salaam, 2009, no. 28.
3. *Karenga M.* Kwanzaa: Origin, Concepts, Practice. Los Angeles: Kawaida Publications, 1977. 56 p.
4. *Temu M. L. N.* African American Students' Self-awareness through Kiswahili Language // Journal of Black Studies, 1992, vol. 22, no. 4. Jun. P. 532–545.
5. *Ferrari A.* Revendicatif Afro-Americain et commentaires de locuteurs Swahili sur la celebration Kwanzaa // *Swahili Forum* 18 (2011). Universität Leipzig, Institut für Afrikanistik, 2011. 246 p.
6. *Давидсон А., Филатова И.* Исторические пласты афроцентризма // *Рах Африкана: континент и диаспора в поисках себя [Текст]: сб. научн. ст. / отв. ред. А. Б. Давидсон; М.: ИД Гос. ун-та — Высш. Шк. экономики, 2009. С. 6–41. <https://www.hse.ru/data/2010/05/17/1218259309>.*

Контактная информация:

Громова Нелли Владимировна — д-р филол. наук, проф.; gromova@iaas.msu.ru

¹⁴ Kiswahili sasa chatikisa duniani (Язык суахили теперь сотрясает весь мир) // UHURU, 2012, Okt. 12; см. также [2].

Swahili language in Afro-American culture

Nelli V. Gromova

Lomonosov Moscow State University,

11, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Gromova N. V. Swahili language in Afro-American culture. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 144–153.

<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.09> (In Russian)

The article examines the role and functions of Swahili language in Africa and the USA, and using the vocabulary of Swahili in the Afro-American culture, particularly in the Afro-American festival of Kwanzaa, which founder is the American historian Maulana Karenga. Attention is also paid to ideology of Afrocentrism and replacing 'slave' names by Swahili names. Features of application of Swahili language in the names of the Afro-American martial arts are registered.

Keywords: Swahili language, panafricanism, Afrocentrism, Afro-American culture, martial arts.

References

1. Ryanga S. The African Union in the Wake of Globalization: the Forgotten Language Dimension. *KISWAHILI*, 2002, vol. 65.
2. Mulokozi M. M. Mustakbali wa Kiswahili katika ukanda wa Maziwa Makuu. *MU-LIKA. Dar es Salaam*, 2009, no. 28.
3. Karenga M. *Kwanzaa: Origin, Concepts, Practice*. Los Angeles, Kawaida Publications, 1977. 56 p.
4. Temu M. L. N. African American Students' Self-awareness through Kiswahili Language. *Journal of Black Studies*, 1992, vol. 22, no. 4, Jun., pp. 532–545.
5. Ferrari A. Revendicatif Afro-Américain et commentaires de locuteurs Swahili sur la célébration Kwanzaa. *Swahili Forum* 18 (2011). Universität Leipzig, Institut für Afrikanistik, 2011. 246 p.
6. Davidson A., Filatova I. Historical layers of Afrocentrism. *Pax Africana: The Continent and Diaspora in Finding Yourself*. Sb. nauchn. st. / ed. by A. B. Davidson. Moscow, Higher School of Economics Press, 2009, pp. 6–41. <https://www.hse.ru/data/2010/05/17/1218259309>. (In Russian)

Author's information:

Nelli V. Gromova — Dr. Sci. in Philology, Professor; gromova@iaas.msu.ru

УДК 81-2

О некоторых типологических особенностях категории числа в языках нигер-конго

А. Ю. Желтов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера),
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3*

Для цитирования: Желтов А. Ю. О некоторых типологических особенностях категории числа в языках нигер-конго // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 154–166.

<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.10>

Категория числа часто представляется достаточно простой по сравнению с такими привлекающими большее внимание лингвистов категориями, как падеж или именная классификация. Однако серьезный анализ морфосинтаксических характеристик показывает, что число представляет собой интересную категорию. Языки нигер-конго демонстрируют большое разнообразие в морфосинтаксических характеристиках категории числа. При этом на первый взгляд число во многих языках относится к двум типам: единообразная маркировка числа только во множественном числе (манде — аналогично английскому), различие единственного числа по роду/классу (банту — аналогично русскому). Однако число в манде и в банту принципиально отличается от числа в английском и русском языках и относится к другому типологическому разряду. Кроме того, на примере языков адамауа (ньонг и майа) в статье продемонстрированы еще две типологические разновидности выражения категории числа: особая форма множественного числа для имен, обозначающих людей и домашних животных (ньонг), то есть своеобразное «расщепление» (split) по иерархии одушевленности, и маркировка числа только в прилагательных в атрибутивных и в предикативных конструкциях без маркировки числа на существительном (майа).

Ключевые слова: категория числа, типология, языки нигер-конго, языки манде, языки банту, языки адамауа.

Введение. Корни петербургской (ленинградской) африканистики восходят к классическому востоковедению с его традицией опоры на текст, его филологическую и историческую составляющие. Это не только внимание собственно к тексту, но и к методологии анализа

проблем, решение которых выходит за возможности классических методов — изучение регионов Африки (которых подавляющее большинство), где возможности классических текстологических методов ограничены отсутствием самих письменных исторических памятников. Именно этим вызван интерес к изучению языков, устной традиции и этнографии, что также является важной составляющей петербургской (ленинградской) африканистической традиции. При этом можно отметить особое влияние лингвистики как наиболее «точной» из гуманитарных наук на другие науки, например антропологию, — первые главы (сразу за «Введением») «Структурной антропологии» К. Леви-Стросса (фр. Claude Lévi-Strauss) — одной из самых известных работ по культурной антропологии — весьма подробно аргументируют это [1, с. 33–90].

Многие из известных ленинградских африканистов, добившихся признания в различных (не лингвистических или не только лингвистических) науках, прошли серьезную лингвистическую школу. Этому способствовала и специфика кафедрального образования (кафедра африканистики Ленинградского университета Д. А. Ольдерогге. — *Авт.*)¹, и собственный научный опыт учеников, многие из которых серьезно интересовались языкознанием. В. М. Мисюгин, специалист по традиционной культуре Африки, интересовался языком и имел свои (оригинальные, как и в других областях) взгляды на него. Этнограф Н. М. Гиренко в студенческие годы серьезно интересовался лингвистической проблематикой: его первая курсовая работа была лингвистической — о функционировании атрибутивного форманта *ki-* в языке суахили. Специалист по суахилийской словесности и африканским литературам А. А. Жуков защитил кандидатскую диссертацию по проблемам именной классификации в языках банту. Специалист по истории, культуре и письменной традиции Эфиопии С. Б. Чернецов, став куратором первого курса студентов-амхаристов, настоял на обязательном написании всеми студентами лингвистических курсовых, так как считал, что все африканисты должны познакомиться со строгой лингвистической методологией и проблематикой. Эфиопист, известный специалист по мировой политике и международным отношениям в Африке В. С. Ягья, юбилею

¹ Дмитрий Алексеевич Ольдерогге — один из основателей отечественной африканистики — очень хорошо разбирался в лингвистической проблематике, причем и в сравнительно-исторической, и в типологической.

которого посвящен данный сборник, не только получил лингвистическую подготовку на кафедре африканистики, но и сам является автором работ по языкознанию (например, «Пути и источники образования терминологической лексики в современном амхарском языке» [2]).

Наверное, не стоит абсолютизировать и преувеличивать роль лингвистики в научных успехах учеников Д. А. Ольдерогге, но наличие серьезного лингвистического направления в петербургской африканистике, без сомнения, имеет свои традиции. Именно эти традиции и продолжает данная статья, посвященная типологическим особенностям выражения категории числа в некоторых языках нигер-конго — одной из четырех языковых семей Африки, самой крупной по числу языков (около 1500) и охватывающей большую часть африканского континента.

Постановка проблемы. Категория числа часто представляется достаточно простой по сравнению с такими привлекающими большее внимание лингвистов категориями, как падеж или именная классификация. Поверхностный взгляд на выражение числа в различных языках позволяет увидеть достаточно простую картину: единственное число, как правило, не маркируется, а множественное число имеет специальный универсальный для всех имен маркер, как в английском -s или турецком -lar, при возможном изменении маркера единственного числа по роду и при неразличении рода во множественном числе, как в русском и многих других индоевропейских языках. Наличие в некоторых языках двойственного числа (как и тройственного и паукального, как в некоторых папуасских языках) принципиально не усложняют морфосинтаксические характеристики числа. Тем не менее серьезный анализ морфосинтаксических характеристик категории числа показывает, что, как писал Г. Корбетт (*Greville G. Corbett*), «число является наиболее недооцененной из грамматических категорий. Ее простота обманчива, и число намного интереснее и разнообразнее, чем большинство лингвистов себе представляют» [3, р. 1]. Языки нигер-конго демонстрируют большое разнообразие в морфосинтаксических характеристиках категории числа. При этом на первый взгляд число во многих языках относится к двум выше-названным типам: единообразная маркировка числа только во множественном числе (манде — аналогично английскому), различение единственного числа по роду/классу (банту — аналогично русскому). Однако, как будет продемонстрировано ниже, число в манде и

в банту принципиально отличается от числа в английском и русском и относится к другому типологическому разряду. Кроме того, на примере языков адамауа (ньонг и майа), материал которых был собран во время лингвистической экспедиции в штат Адамауа (Восточная Нигерия), будут продемонстрированы еще две типологические разновидности выражения категории числа:

- особая форма множественного числа для имен, обозначающих людей и домашних животных (ньонго), то есть своеобразное «расщепление» (*split*) по иерархии одушевленности;
- маркировка числа только в прилагательных в атрибутивных и в предикативных конструкциях без маркировки числа в существительном.

Категория числа в языках банту (на примере суахили). Все существительные в суахили, как и в других языках банту, относятся к определенному именному классу. Каждый класс в суахили имеет свой префикс в имени и определяет согласование внутри именной группы и субъектно-объектное согласование в глаголе. При этом принципиальное типологическое морфосинтаксическое отличие в выражении категории числа состоит не в большем числе именных классов по сравнению с родом в языках типа русского (в суахили 15 именных классов), а в отсутствии нейтрализации по классу при выражении множественного числа. Большинство существительных группируются парами: единственное число — множественное число. В учебных пособиях такие пары слов объединяются в один класс, хотя каждое из них имеет свой префикс и свою согласовательную модель. Однако в суахили имеются также существительные, встречающиеся только в единственном числе или только во множественном числе. А некоторые существительные, в единственном числе принадлежащие к одному классу, множественное число образуют по модели другого класса, а существительные, в единственном числе принадлежащие к разным классам, во множественном числе входят в один класс. Поэтому более целесообразно существительные единственного и множественного числа относить к разным классам. Из 15 именных классов четыре класса не имеют отношения к категории числа — три локативных класса и класс инфинитивов (у них нет соответствующих форм множественного числа), а остальные 11 классов делятся на шесть классов единственного числа и пять классов множественного числа (см. табл. 1).

Таблица 1. Префиксы именных классов в суахили и их корреляции по числу (варианты префиксов одного класса представляют собой фонетические алломорфы)

Префиксы классов ед. ч.	Префиксы классов мн. ч.
1. <i>m-</i> , <i>mw-</i>	2. <i>wa-</i> , <i>w-</i>
3. <i>m-</i> , <i>mw-</i>	4. <i>mi-</i>
5. <i>ji-</i> , \emptyset	6. <i>ma-</i>
7. <i>ki-</i> , <i>ch-</i>	8. <i>vi-</i> , <i>vy-</i>
9. <i>n-</i> , <i>ny-</i> , <i>m-</i> , \emptyset	10. <i>n-</i> , <i>ny-</i> , <i>m-</i> , \emptyset
11. <i>u-</i>	

При этом 10 класс является классом множественного числа для 9 и 11 классов, демонстрируя нейтрализацию по классу, аналогичную нейтрализации по роду в русском языке. Для всех других классов подобной нейтрализации в суахили нет — множественное число от имен 1 класса образуется 2 классом, для 3 класса — 4 классом и т. д. (*m-tu* ‘человек’ — *wa-tu* ‘люди’, *ki-tu* ‘вещь’ — *vi-tu* ‘вещи’). Таким образом, в суахили категория числа выражается кумулятивно с категорией именного класса, в то время как в русском языке классификация по роду не релевантна для имен во множественном числе, что составляет важное типологическое отличие, позволяющее группировать языки на типы в соответствии с этим признаком. Интересно, что наличие общего префикса множественного числа для 9 и 11 классов может иметь семантическое обоснование. Имена 11 класса обладают отчетливой семантикой, отличающей эти имена от других — вытянутые и плоские объекты: *волос*, *хворостина*, *страница*, *стена*. 9 класс является классом с наиболее нейтральной семантической нагруженностью. В этом контексте можно объяснить отсутствие специального множественного числа именно для 11 класса — во множественном числе теряется семантика вытянутости и плоскости объектов. Один волос действительно обладает признаком вытянутости, но *волосы*, *шевелюра*, тем более африканца, таким признаком уже не обладают, как и связка хвороста. Таким образом, единственная нейтрализация классов во множественном числе имеет семантическую мотивировку, что еще более подчерки-

вает специфический тип числа в суахили — наличие специализированных классов множественного числа для каждого класса единственного числа.

Число в языках манде (на примере языка бамана). На первый взгляд, число в языке бамана (и во многих других языках манде) относится к тому же типу, что и число в английском языке. Число в бамана, как и в английском, выражается только в имени. Главное средство его выражения — клитика *-и* (в орфографии обозначается как *-w*) [4, с. 62], которая присоединяется справа к существительному и одинакова для всех имен, от которых можно образовать множественное число, как и английский показатель множественного числа *-s*. Однако морфосинтаксический статус у показателя числа принципиально отличается от английского. При наличии у существительного атрибутивного определения показатель числа присоединяется не к существительному, а к этому определению: *mùso-w* ‘женщины’ — *mùso juman-w* ‘хорошие женщины’ [4, с. 62]. Кроме того, во многих контекстах, где идея множественности подразумевается (или выражена каким-то иным способом), показатель *-и* отсутствует, в частности, при наличии числительного (*màgɔ fila* ‘два человека’, а не **màgɔw fila*), при названиях парных частей тела (если эти части тела в описываемых ситуациях выполняют свои естественные функции), в нереферентно-совокупном употреблении, в сочинительной конструкции, где оба слова выступают в плюральном значении, первый может (факультативно) не иметь показателя множественного числа: *sɛ' ní mùso-w* ‘мужчины и женщины’ при допустимом *sɛ-w ní mùsó-w* [4, с. 62–63]. Таким образом, число в бамана имеет принципиальные отличия от числа английского типа: оно маркирует именную группу целиком и отсутствует при других экспликациях числа (прежде всего, лексических). Это относит число в языках манде к типу выражения числа, свойственного, например, тюркским языкам. При этом указанные выше особенности приводят лингвистов-тюркологов к выводу о том, что «с этой точки зрения категория множественности оказывается одночленной, что противоречит сложившемуся в индоевропеистике представлению о грамматической категории как о каком-либо множестве, ряде форм, однако находится в полном соответствии с исконными свойствами агглютинирующих языков, в которых отсутствие формообразовательного показателя означает отсутствие и соответствующей категории» [5, с. 47].

Представляется все же, что вывод об одночленности категории числа в языках типа турецкого, к которому относится приведенная выше цитата, и бамана противоречит принципиальной бинарности и противопоставленности любого знака. Более целесообразно трактовать подобный тип числа как контрадикторную оппозицию нулевого показателя, нейтрального к числу (что позволяет этой форме использоваться в контекстах и единственного, и множественного числа) и маркированной формы специализированного множественного числа. При этом и единственное число в языках типа русского можно трактовать как немаркированную форму, разница между языками типа русского и типа бамана скорее градуальная, а не дискретная — контекстов, в которых нейтральное единственное используется для выражения множественности в бамана существенно больше, хотя встречаются они и в русском. Единственное число в русском без семантики единичности встречается при нереференциальном (генеричном) употреблении имен: *помидор краснодарский* (на прилавке в магазине, где помидоров много), *собака* — *друг человека*; при употреблении с числительными до четырех: *четыре книги* (ср. *пять книг*; при собирательном значении: *вода*, *воронье* (ср. *листья*). Более принципиальным отличием является невозможность для языков типа бамана повтора показателя числа (то есть отсутствие согласования) и возможность показателя числа маркировать всю именную группу, присоединяясь не к имени, а к последнему элементу этой именной группы.

Множественное число в майя². Особый тип множественного числа представлен в языке майя (группа йенданг, адамауа, нигерконго). Для большинства имен языка майя формы единственного и множественного числа существительного не различаются: *soo* ‘корзина/корзины’. Может добавляться квантификатор *kàt* ‘много’ (по словам информанта, это современная форма, ранее использовалось слово *gínt* с тем же значением). В списке слов майя, опубликованном на сайте Р. Бленча³ (наряду с очень краткой брошюрой о языке майя, подготовленной в ходе работы семинара по разработке орфографии для этого языка⁴, данный список — единственный известный автору источник данных о языке майя), за различные формы единствен-

² Подробнее о категории числа в языках адамауа см.: [6, с. 142–152].

³ A Guide prepared at the Maya orthography workshop. May 21st–2nd June 2007 Preliminary Trial Edition.

⁴ The Maya [Yendang] languages. <http://www.rogerblench.info>.

ного и множественного числа принимаются слитные формы имен с посессором в единственном или множественном числе (*мой/наш*, см. табл. 2):

Таблица 2. «Псевдо»-множественное число с реляционными именами в майя

‘ухо’	ед.ч. <i>té</i>	мн. ч. <i>térò</i>
‘рот’	ед.ч. <i>ñé</i>	мн.ч. <i>ñérò</i>
‘лоб’	ед. ч. <i>pàràmt</i>	мн.ч. <i>pòrò</i>
‘отец’	ед.ч. <i>tón</i>	мн.ч. <i>tón rò</i>
‘мать’	ед.ч. <i>ñóη</i>	мн.ч. <i>ñórò</i>

На первый взгляд, мы имеем дело с регулярным множественным числом, но лексический состав слов с подобными регулярными формами (части тела и термины родства) приводит к совершенно другой интерпретации. Во всех формах так называемого множественного числа присутствует слитное притяжательное местоимение, по моей транскрипции, *-rò* ‘наш’ (с глоттализированной смычкой в финали; открытость *o* предварительно представляется позиционно-фонетической, а не фонологической). В формах же единственного числа даны «словарные» формы, кроме формы *pàràmt*, которая, скорее всего, должна переводиться ‘мой лоб’ (ср.: *ú* ‘голова’, *ím* ‘моя голова’). Именно части тела и термины родства типологически чаще всего употребляются с посессивами, именно с ними в майя образуются слитные формы с притяжательными местоимениями (ср.: вышеупомянутые формы с *soo ðím* ‘моя корзина/ы’, *soo ðerò* ‘наша корзина/ы’), поэтому не удивительно, что именно их информант предложил в качестве форм «множественного» числа.

При этом в майя есть несколько форм множественного числа (как правило, названий людей), образованных при помощи суффикса *-a*, присоединение которого иногда сопровождается изменениями в основе ассимилятивного и или диссимилятивного характера: *ηsé(e)* — *ηsià* (‘женщина’ — ‘женщины’), *ηbí* — *ηbià* (‘мужчина’ — ‘мужчины’), *wen* — *wanà* (‘человек’ — ‘люди’). Существует также особая модель для диминутивов, где используется префикс *bi-* (иногда произносит-

ся как *bə-*; факультативный это вариант или позиционный, на данный момент не ясно) для единственного числа и *zi-* — для множественного числа:

bi-see — *zi-sià* ('дочь' — 'дочери') от *ɲsé(e)* — *ɲsià* ('женщина' — 'женщины')

bi-bii — *zi-bià* ('сын' — 'сыновья') от *ɲbí* — *ɲbià* ('мужчина' — 'мужчины')

bi-be — *zi-be* ('козленок' — 'козлята') от *bé* ('козел' — 'козлы')

Модель является достаточно регулярной. Возможно, к этой же модели относятся и формы *ba* — *zàà* 'ребенок' — 'дети'. От них можно образовать «вторичные» диминутивы: *bəba* — *zizàà* 'маленький ребенок' — 'маленькие дети'.

Значительно более регулярно множественное число выражается в майя не на вершине именной группы, а в зависимом определении:

ɲsee gelee 'большая женщина' — *ɲsi(a) gel-a* 'большие женщины'
wen gelee = *ɲgelee* 'большой человек' — *wana gel-a* 'большие люди'

Причем данная модель работает и для других существительных — тех, которые не имеют маркировки множественного числа на вершине:

ti gele 'большое дерево' — *ti gel-a* 'большие деревья'

Форма *gele* может быть и прилагательным, и квалификативным глаголом, который употребляется в качестве предиката квалификативной конструкции без копулы и с местоимениями глагольной, а не независимой серии. В предикативной функции, в отличие от атрибутивной, формы типа *gele* не изменяются в зависимости от числа (см. табл. 3):

Таблица 3. Форма *gele* в предикативной функции

<i>ɲsee</i>	<i>a</i>	<i>gelee</i>
женщина	3SG	большой
Женщина — большая		
<i>ɲsi(a)</i>	<i>ni</i>	<i>gelee</i>
Женщины	3PL	большой
Женщины — большие		

Возможно, изменение по числу блокируется наличием соответствующего местоимения.

Таким образом, язык майя представляет собой особый тип выражения категории числа, в котором наиболее регулярная маркировка числа наблюдается в атрибутивном согласовании при небольшом числе существительных, у которых число маркировано на именной вершине.

Множественное число в ньонг. В ньонг (группа леко, адамауа, нигер-конго) существует стандартная форма показателя множественного числа *-foro*. Она сочетается со всеми существительными, но для лексем, у которых есть специальные нерегулярные формы множественного числа, ее употребление считается не вполне грамматичным. Конечный гласный формы единственного числа, как правило, при этом выпадает: *páŋá* — *páŋforo* 'дверь из тростника' — 'двери из тростника', иногда усекается целый слог (во всех зафиксированных случаях усекаемый конечный слог — *ra*): *wārá* — *wāforo* 'поток, река' — 'потоки, реки'. Отмечены и супплетивные формы: *wa* 'ребенок' — *yefera* 'дети'.

Особый интерес представляют формы множественного числа на *-ra*. Они образуются от ограниченной семантической группы имен, включающей обозначения людей и животных, но животных почти исключительно домашних. В эту группу входят лексемы *nà* — *nà-rá* 'корова' — 'коровы', *ya* — *ya-rá* 'собака' — 'собаки', *maŋsa* — *maŋsérá* 'друг' — 'друзья', *ko* — *korá* 'курица' — 'курицы', *vùá* — *vùrá* 'козел' — 'козлы', супплетивная пара *nìdìŋa* — *nerá* 'человек' — 'люди'. Возможно, этот же суффикс следует постулировать диахронически в формах *nékémà* 'женщины' (ср. *nèkéŋna* 'женщина', *nevémà* 'мужчины' (ср. *nevéŋna* 'мужчина')) — впрочем, против такой трактовки свидетельствует низкий тон конечного слога в обеих этих формах.

Интересно, что в данный класс не попадают слова со значением лошади, кошки, утки, свиньи, образующие, как и дикие животные, стандартное множественное с *-foro*. С другой стороны, совсем загадочным может показаться отнесение к этому классу лягушки: *bùsá* — *bùsá-rá* 'лягушка' — 'лягушки'.

Можно предложить следующее семантическое обоснование данного формального класса: он объединяет людей и животных, ассоциируемых с человеческой средой обитания. Кошка, утка и свинья не попали в этот класс, так как отождествляются с их дикими анало-

гами и, скорее всего, для соответствующих диких животных используется то же слово (в случае со свиньей это подтверждено информантом), тогда как домашние животные, названия которых попадают в описываемый формальный класс, не имеют диких аналогов, с которыми их отождествляли бы носители языка ньонг. Попадание лягушки в класс домашних животных объясняется большим количеством лягушек, обитающих в данной местности в непосредственной близости от жилья человека, к тому же они, по свидетельству информанта, используются в пищу. Подобная близость к человеку (в противоположность диким кошкам и свиньям, которые не живут рядом с человеческим жильем) и функциональная аналогия (использование в пищу) с другими домашними животными и «одомашнили» лягушек в сознании носителей языка ньонг.

Таким образом, ньонг демонстрирует «расщепленность» (split) в выражении числа по иерархии одушевленности: особую маркировку имеют имена с семантикой «личность» при отнесении к этой же группе обозначения некоторых животных, тесно связанных с жизнью человека.

Заключение. В статье были продемонстрированы четыре типологические разновидности выражения категории числа в языках нигер-конго:

- наличие нескольких классов множественного числа, соответствующих определенным классам единственного числа при развернутой системе согласования (суахили);
- один маркер множественного числа, маркирующий всю именную группу и имеющий лексические ограничения, например, на сочетание с числительными (бамана);
- особый маркер числа для семантической группы имен, обозначающей людей и домашних животных (ньонг);
- регулярное множественное число, выражаемое только в согласовании с прилагательным (майа).

Рассмотрение типологии числа в языках нигер-конго в контексте их сравнения с другими языками (индоевропейские, тюркские) позволяет сделать вывод о разнообразии, сложности и специфичности числа в языках нигер-конго, что показывает важность материала этих языков для общей типологии категории числа.

Литература

1. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
2. *Ягья В. С.* Пути и источники образования терминологической лексики в современном амхарском языке // *Africana. Этнография, история, языки народов Африки. Африканский этнографический сборник VIII. Т. XCVI.* Л.: Наука, 1971. С. 264–287.
3. *Corbett Greville G.* Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 358 p.
4. *Выдрин В. Ф.* Язык бамана // *Языки мира: Языки манде.* СПб.: Нестор-История, 2017. С. 46–143.
5. *Гузев В. Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с.
6. *Желтов А. Ю.* Материалы к описанию языков адамауа: два этюда о морфосинтаксисе языков майа и ньонг // *Между Нигером и Конго: Заметки на полях: К 60-летию Константина Игоревича Позднякова.* СПб.: Нестор-История, 2012. 254 с. С. 142–152.

Контактная информация:

Желтов Александр Юрьевич — д-р филол. наук, проф.; a.zheltoy@spbu.ru

About some typological characteristics of Number in Niger-Congo languages

Alexander Yu. Zheltov

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

For citation: Zheltov A. Yu. About some typological characteristics of Number in Niger-Congo languages. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 154–166. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.10> (In Russian)

The category of Number is often considered as rather simple comparing to such categories as case or nominal classification. However, a serious analysis of the morphosyntactic characteristics of the category shows that Number is an interesting and diverse category. The Niger-Congo languages demonstrate a great variety in the morphosyntactic characteristics of Number. At the first glance, the number in many languages refers to two types: a uniform marking of the number only in the plural (Mande — similar to English), the distinction of the singular by gender / class (Bantu — similar to Russian). However, the number in Mande and Bantu is fundamentally different from the number in English and Russian and refers to another typological category. Two more typological varieties in expression of number are demonstrated in the article: a special plu-

ral form for the names of people and pets (nyong, Adamawa), a kind of “split” under the influence of animacy hierarchy, and marking of number only in adjectives in attributive and predicative constructions without marking a number on a noun (Maya).

Keywords: the category of number, typology, Niger-Congo languages, Bantu, Mande, Adamawa.

References

1. Levi-Stros K. *Structural anthropology*. Rus. Ed. Moscow, Nauka Publ., 1983. 536 p. (In Russian)
2. Yag'ya V.S. The ways and sources of forming terminology in Amharic. *Africana. Etnografiya, istoriya, yazyki narodov Afriki. Afrikanskii etnograficheskii sbornik VIII*. T.XSVI. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 264–287. (In Russian)
3. Corbett Greville G. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 358 p.
4. Vydrin V.F. *Bamana languageo*. Yazyki mira. Yazyki mande. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 46–143. (In Russian)
5. Guzev V.G. *Theoretical grammar of Turkish*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2015. 320 p. (In Russian)
6. Zheltov A. Yu. Materials to the description of Adamawa languages: two essays about morphosyntax of Maya and Nyong. *Mezhdunarodnyy sbornik na polyakh: K 60-letiyu Konstantina Igorevicha Pozdnyakova*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 142–152. (In Russian)

Author's information:

Alexander Yu. Zheltov — Dr. Sci. in Philology, Professor; a.zheltov@spbu.ru

УДК 81-2

Развитие терминологии в амхарском языке

С. Л. Кравченко

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 11*

Для цитирования: Кравченко С. Л. Развитие терминологии в амхарском языке // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 167–182. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.011>

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые вопросы развития терминологии амхарского языка в последние десятилетия. Период коренных преобразований в жизни эфиопского общества характеризуется появлением и бурным развитием терминологических единиц для описания новых явлений и понятий. В обогащении терминологии современного амхарского языка большую роль играет активизация префиксального и суффиксального способов образования терминологических единиц. Много сложных слов образовано как на основе исконно амхарской лексики по моделям амхарского словообразования, так и на базе заимствованных слов.

Ключевые слова: амхарский язык, терминология, словообразование, аффиксация, заимствования.

В 1971 г. была опубликована статья В. С. Ягья «Пути и источники образования терминологической лексики в современном амхарском языке» [1], в которой автор рассмотрел терминологические возможности амхарского языка, проанализировал наиболее продуктивные модели терминов.

За прошедшие десятилетия в Эфиопии произошли большие сдвиги в общественно-политической и экономической жизни. Ликвидация монархического строя, новые общественные отношения, рост промышленности и сельского хозяйства и связанные с ними механизация и химизация, развитие строительства, ликвидация неграмотности, большими тиражами издаваемая политическая, научная и художественная литература оказали огромное влияние на развитие как терминологии амхарского языка, так и лексики амхарского языка в целом. С одной стороны, из активного употребления ушли сотни слов и терминов, которые выражали реалии, общественные отно-

шения и идеологию прежнего общественно-политического строя. С другой стороны, было создано большое количество слов, выражающих новые социальные отношения, или активизировалось их употребление, было образовано много научно-технических терминов.

В предлагаемой статье дана краткая характеристика состояния терминологии в современном амхарском языке, рассмотрены процессы терминотворчества, которые стимулируют дальнейшее качественное и количественное развитие амхарского языка. Это дает возможность проследить те изменения в развитии терминологии, которые произошли в Эфиопии со времени написания статьи В. С. Ягья.

Каждый этап терминотворчества в амхарском языке характеризуется своими особенностями и отражает социально-экономические, культурные и исторические изменения в жизни народа. В развитии терминологической лексики в амхарском языке можно выделить несколько периодов.

В 1970-е гг. создание и развитие терминов было тесно связано с коренными преобразованиями в Эфиопии: в 1974 г. в стране был свергнут монархический режим, после низложения императора в стране был учрежден Временный военный административный комитет, началась работа по созданию партий и общественных организаций. Ведь Эфиопия была одной из немногих государств мира, где отсутствовали политические партии, а имевшиеся общественные организации контролировались полицейско-бюрократической машиной. Начался процесс социального и политического обновления Эфиопии. Успешное развитие процесса обновления, расширение сети средних и высших учебных заведений, подготовка специалистов для промышленности и сельского хозяйства — все это требовало создания новых терминов на амхарском языке, унификации и упорядочивания терминологии. Интенсивное развитие общественно-политической терминологии в эти годы связано с политической и организационной деятельностью партий, марксистско-ленинским учением, государственным строем, а также с переводом на амхарский язык трудов классиков марксизма-ленинизма, директивных материалов партийных съездов, развитием новых отраслей народного хозяйства и техники. Можно сказать, что эти годы в истории развития амхарской терминологии были переходным периодом в создании и употреблении общественно-политических и научных терминов. В этот период появились следующие термины: *parti* 'партия', *yäpölätika biro* 'политбюро', *särto adär* 'рабочий', *woz adär* 'про-

летарий', *qutəṭṭər komite* 'ревизионная комиссия', *täläwwač abal* 'кандидат в члены', *ambagänənnät* 'гегемония', *rəyotä aläm* 'идеология' [2].

Первые опыты создания терминов не всегда были удачными, допускался разноречивый в их употреблении. Кроме этого, нельзя не отметить пуристические тенденции в терминотворчестве, имевшие место в амхарском языке. Эта тенденция проявлялась в стремлении переводить интернациональные термины на амхарский язык. Под флагом чистоты амхарского языка вытеснялись из словарного состава даже такие общепринятые в это время термины, как: *program* 'программа', *ekonomi* 'экономика', *revolušən* 'революция', *sošiyalizm* 'социализм', *intärnäšinal* 'международный', которые заменялись непонятными для народа терминами: *märha gəbr* 'программа', *məṭṭane habt* 'экономика', *abəyot* 'революция', *həbrätäsäbəawinnät* 'социализм', *aläm aqqäf* 'международный'. Встречались неудобные для пользования громоздкие, длинные объяснения и определения, например:

- *yäatkəltənna yäazrəät ṭənat* 'ботаника' — *atkəlt* 'растение', *azrəät* 'семена', *ṭənat* 'изучение';
- *yäsinima massayya yäčärq qəst* 'экран в кинотеатре' — *sinima* 'кинофильм', *massayya* 'то, что служит для показа чего-либо', *čärq* 'ткань', *qəst* 'конструкция';
- *təmhərtun fäccəmo yäwoṭṭa sow* 'выпускник' — *təmhərtun* 'учебу', *fäccəmo* 'закончив', *yäwoṭṭa* 'вышедший', *sow* 'человек'.

В результате усилий пуристов страницы газет и журналов пестрели новообразованиями, которые в конечном итоге в силу описательности в качестве терминов так и не прижились. Конечно, пуристы сыграли определенную роль в очищении языка от непонятных терминов и создании некоторых новых терминов за счет внутренних средств амхарского языка.

Борьба за очищение терминологии от малопонятных слов продолжалась и на более позднем этапе, в результате чего некоторые иноязычные термины были заменены лексическими единицами амхарского языка: *mälkäa mädär* 'география', *qəṇ aggäzaz* 'колониализм', *beta mäsäkar* 'музей', *mualä nəway* 'инвестиции', *mädən* 'страхование', *səra askiyaj* 'директор', *aqqəd* 'план'.

В 1991 г. после падения диктаторского военного режима Эфиопия вступила на путь, открывающий широкие возможности для развития страны на принципах демократии. Все слои общества принимали активное участие в политической, экономической и социальной жизни государства. В 1992 г. правительство приняло но-

вую экономическую политику, которая определила роль государства в развитии частного предпринимательства, введя систему, ориентированную на рынок.

При создании терминов в современном амхарском языке используются два главных источника: собственный словарный состав амхарского языка и интернациональная лексика.

Использование лексического богатства и грамматических возможностей амхарского языка осуществляется разнообразными способами, отражающими специфические особенности лексико-грамматической системы амхарского языка. Можно указать на четыре способа создания терминов:

- лексико-семантический;
- синтетический, или морфологический;
- аналитический, или синтаксический;
- калькирование, а также сокращения (аббревиация) слов.

Лексико-семантический способ осуществляется путем терминологизации обычных бытовых и общеупотребительных слов амхарского языка, используемых в создании терминологических единиц различных областей: *əmbərt* ‘пуп, пупок’ → ‘центр, средоточие’; *mozit* ‘няня, кормилец’ → ‘опека’, *bätābabbärut māngəstat dərəjjət mozitənnät* ‘под опекой Организации Объединенных Наций’; *wogän* ‘сторона’ → ‘соотечественник’, *məsäso* ‘центральный стол в эфиопской хижине, поддерживающий крышу’ → ‘эпицентр, стержень’.

При терминологизации значение слов часто изменяется — термин получает или более широкое, или более узкое, или переносное значение по сравнению с лексическим значением используемого слова литературного языка: *qərənčaf* ‘ветка, ветвь’ → ‘отрасль промышленности, филиал (учреждения, компании)’; *mäsk* ‘поле, луг, пастбище’ → ‘сфера, область’.

Вместе с тем в последнее время терминотворчество содержит нечто новое: новые, дополнительные пути и средства, целый арсенал возможных и мотивированных образований, необходимых для терминологических нужд и обусловленных специальной функцией терминологической лексики. Примером такого терминологического образования можно назвать создание в амхарском языке целой категории форм, которые образованы от имени действия и состояния в амхарском языке. Эти формы широко употребляются в качестве терминов: медицинских (*mäkkomatär* ‘спазм’, *mädmat* ‘кровоизлия-

ние, кровотечение', *masworräd* 'выкидыш, преждевременные роды'); географических (*mägzäf* 'подъем, возвышение', *mäbälät* 'разветвление, раздвоение', *mäguräf* 'прилив, половодье, паводок'); химических (*mäqläm* 'красящее вещество, краситель'); физических (*mäsfafat* 'расширение, протяжение, экспансия', *mäqläf* 'расплавленный металл'); математических (*manṭäb* 'вычерчивание кривой или диаграммы'); сельскохозяйственных (*märädäf* 'посев сеялкой', *mäktäb* 'почкование, появление почек, ростков').

Синтетический, или морфологический, способ — один из продуктивных способов создания терминов в амхарском языке. Аффиксация играет значительную роль в современном амхарском словообразовании. Префиксальные и суффиксальные словообразовательные модели широко используются для образования новых терминов. Ведь терминология является областью, где наиболее ясно видны современные тенденции лексической инновации словарного состава амхарского языка. Поэтому Академия эфиопских языков совместно с Аддис-Абебским университетом, разрабатывая языковой стандарт в научной сфере, для создания кратких функционально адекватных терминологических единиц использовала аффиксальную словообразовательную систему амхарского языка. В результате этой работы появилось большое количество научно-технических терминов, которые до сих пор не были зафиксированы в словарях.

Словообразующие аффиксы имеют довольно широкий семантический диапазон и образуют новые термины как от исконно амхарских слов, так и от заимствованных. Функциональная нагрузка суффиксальных и префиксальных моделей в амхарском языке различна.

В современном амхарском языке для передачи новых терминологических значений используются следующие продуктивные словообразующие суффиксы: *-ənnät*, *-awī*, *-äñña*: *gäbirənnät* 'деятельность, активность' (*gäbir* 'практика'); *läkkənnät* 'точность, правильность' (*läkk* 'мера, размер, точный'); *asidənnät* 'кислотность, едкость' (*asid* 'кислота'); *čaynnät* 'способность, компетентность' (*čay* 'могущий, умеющий'); *wəqyanosawī* 'глубинный, глубоководный' (*wəqyanos* 'океан'); *hulelawī* 'бином, двучлен' (*hulet* 'два'); *əcäñña* 'растительный' (*əc* 'растение'); *ənsəsäñña* 'животный' (*ənsəs* 'животное'); *wodäräñña* 'пропорциональный, член пропорции' (*wodär* 'конкурент, противник'); *bäššätäññannät* 'немоть, дряхлость, слабость' (*bäššeta* 'болезнь'); *waltawinnät* 'полярность' (*walta* 'полюс'); *sportäñña* 'спортсмен' (*sport* 'спорт'); *muziqäñña* 'музыкант' (*muziqä* 'музыка').

Формант *ge* (заимствован из греческого языка, *geo* — территория, земля) в амхарском языке выполняет функцию суффикса, самостоятельно не употребляется, а только участвует в образовании новых слов, поясняя стержневое слово. В настоящее время значительно увеличилось количество терминологических единиц, в которых используется этот формант: *māretge* ‘полевая доска плуга’ (*māret* ‘земля’), *sarge* ‘жила’ (в горной породе) (*sar* ‘корень’), *lāmge* ‘оазис’ (*lām* ‘плодородный’), *sambage* ‘пульмональный, легочный’ (*samba* ‘легкое’).

Что касается префиксального способа образования новых слов, то в последнее время происходит активизация префиксального словообразования. Именно модели с префиксами являются самой продуктивной словообразовательной группой среди других способов именного словообразования в амхарском языке.

В современном амхарском языке прежде всего следует выделить несколько продуктивных и активных префиксов. Один из них — *balä-*, означающий обладание определенным признаком. Префикс *balä-*, соединяясь с существительными, транспонирует их в прилагательные, обладающие определенным качественным признаком, например: *baläsänsälät* ‘гусеничный’ (*sänsälät* ‘цепь’).

Префикс может употребляться и не в транспонирующей функции: *balägudday* ‘проситель, заинтересованное лицо’ (*gudday* ‘дело, проблема, вопрос’); *balämoaya* ‘специалист’ (*moaya* ‘специальность, профессия’); *baläsälṭan* ‘официальное лицо, влиятельный человек’ (*sälṭan* ‘авторитет, полномочие’).

Префикс *balä-*, соединяясь с существительным, дает широкую возможность новых образований в амхарском языке, например: *balääda* ‘должник’ (*äda* ‘долг, задолженность’); *baläwogän* ‘человек, у которого много родственников’ (*wogän* ‘сторона, сторонник, семья’); *baläräst* ‘человек, у которого есть земля, полученная в наследство’ (*räst* ‘наследство (земля или имение)’); *baläbäddär* ‘заемщик’ (*bäddär* ‘ссуда, заем’), *balämälläyuo* ‘военнослужащий’ (*mälläyuo* ‘фуражка (военная)’).

Немало случаев, когда для создания терминов применяется способ активизации сравнительно нераспространенных ранее словообразовательных аффиксов.

Многочисленные примеры свидетельствуют о широком распространении сложных слов, первыми элементами которых являются морфемы *sənä* и *ṣärä*. В современном амхарском языке они не употребляются как самостоятельные лексемы, они выступают только

в качестве словообразовательных морфем. Эти префиксоиды стали продуктивными в последние десятилетия, в прошлом в лексическом составе амхарского языка было лишь небольшое количество слов с данными префиксами.

В современном амхарском языке префикс *sənä* стал основным префиксом, который используется в неологизмах, обозначающих название наук. Ранее для этого использовались английские термины. Словообразовательные модели с префиксом *sənä* в последние годы стали широко употребляться в амхарском языке, например: *sənä läbbona* «психология» (*läbbona* «сознание, ум, интеллект»); *sənä männäšo* «диагностика» (*männäšo* «причина, повод»); *sənä taəs* «дерматология» (*taəs* «кожа»); *sənä bahräy* «генетика» (*bahräy* «натура, природа»); *sənä qəṭayär* «климатология» (*qəṭ* «порядок», *ayyär* «воздух»), *sənä nurät* «экология» (*nurät* «окружающая среда»); *sənä əc* «ботаника» (*əc* «растение»); *sənä aəmtro* «социология» (*aəmtro* «ум, рассудок»), *sənä asa* «ихтиология» (*asa* «рыба»); *sənä gəlet* «термодинамика» (*gəlet* «накал»).

В амхарском языке существует большое количество лексем, где в качестве словообразовательного префикса выступает *šärä*, имеющий значение анти-, против-, например: *šärähəzb* «антинародный» (*həzb* «народ»); *šäräkwakwata* «противоударный» (*kwakwata* «треск, грохот, хруст»); *šärängəda akal* «антитело» (*əngəda* «гость», *akal* «орган»); *šärätəkkusat* «противопожарный» (*təkkusat* «жар, повышенная температура»).

Аналитический, или синтаксический, способ терминообразования в амхарском языке заключается в сложении двух (реже трех) лексических единиц с использованием или без использования морфологических средств. Этот прием словообразования существовал в амхарском языке издавна: *sənä sərät* «процедура, церемония», *käflä zämān* «век, столетие».

Словосложение продолжает оставаться постоянной основой для создания новых терминов. Данный способ терминообразования ныне является одним из активных в создании не только амхарских, но и смешанных (интернационально-амхарских) терминов.

В современном амхарском языке значительная часть сложных терминов падает на долю терминологических сочетаний, образующихся синтаксическим способом. Образованные из нескольких самостоятельных компонентов, они выражают одно сложное терминологическое понятие. К числу таких сложных слов следует отнести термины, построенные по модели «статус-конструктс». Такой спо-

соб очень продуктивен и используется для образования новых терминов, которые нашли широкое применение в общественно-политической, научной, технической и других областях, например: *səratā mahbār* 'строй, общественно-политическая формация' (*sərat* 'строй', *ā* — соединительный гласный, *mahbār* 'общество'), *nədfä hasab* 'теория' (*nədf* 'набросок, эскиз', *hasab* 'идея, мысль'), *mäsärätä ləmatočč* 'инфраструктура' (где *mäsärät* 'основа', *ləmatočč* 'развитие, рост'), *kəflä agär* 'область, район' (*kəfl* 'часть', *agär* 'страна'), *səltä mərt* 'способ производства' (*səlt* 'способ', *mərt* 'продукт, продукция').

Термины-словосочетания в зависимости от происхождения их компонентов можно сгруппировать следующим образом:

- первый компонент — исконно амхарское слово, второй компонент — заимствованное слово: *astäbabbəri komite* 'координационный комитет'; *gəfitä ayuär* 'давление'; *yamärräjä bank* 'банк данных'; *kəfafläh gəza polisi* 'политика «Разделяй и властвуй»'; *gəfit metr* 'барометр';
- первый компонент — слово заимствованное, второй — слово исконно амхарское: *yäparti mäwaqər* 'партийная структура'; *yäpolätika gudday* 'политический вопрос'; *yäkor diplomatic abaločč* 'сотрудники дипломатического корпуса'; *yäpolis särawit* 'полицейское подразделение'; *yäsaynsänna yäteknik təbabbär* 'научно-техническое сотрудничество'; *yäfotograf manša* 'фотоаппарат'; *yäministročč məkr bet* 'совет министров';
- оба компонента являются заимствованными словами: *yäfaunans plan* 'финансовый план'; *yäpolätika biro* 'политбюро'; *diyalektikawi logic* 'диалектическая логика'; *komunist parti* 'коммунистическая партия'; *posta kard* 'почтовая открытка'; *yäčäräpeza tenis* 'настольный теннис';
- оба компонента являются исконно амхарскими словами: *mäfänqälä mängəst* 'переворот'; *yämərt hayločč* 'производственные силы'; *yämängəst nəbrät* 'государственная собственность'; *fəfnätä näfas* 'скорость ветра'; *abalatä səmet* 'органы осязания'; *səratä šəhay* 'солнечная система'; *dəmš ləsan* 'фонология'; *nəträ nägär* 'элемент'; *məttane habt* 'экономика'; *afä gubae* 'спикер'; *agar gobni* 'турист'; *yäwoz fəre* 'продукт труда'; *yämas bahl* 'массовая культура'; *qəzqazza torənnät* 'холодная война'.

Калькирование. Немало терминов в амхарском языке образовались путем калькирования терминов и терминологических соче-

таний английского языка. Калькирование представляет собой процесс создания слова (или его значения) в одном языке по образцу другого, то есть происходит передача семантики иноязычного слова лексическими средствами заимствующего языка. В амхарском языке основным источником для создания калек является английский язык. Иногда кальки представляют собой поморфемный перевод слова с одного языка на другой (полное калькирование: *football* ‘футбол’ — *əgr kwas* (*əgr* ‘нога’, *kwas* ‘мяч’); *air force* ‘военно-воздушные силы’ — *ayayär hayl* (*ayayär* ‘воздух’, *hayl* ‘сила’), а иногда используются полукальки, в которых один из элементов — заимствование, а другой — исконное слово (*yäekonomi hägg* ‘экономический закон’ (*hägg* ‘закон’); *wäčč polisi* ‘внешняя политика’ (*wäčč* ‘внешний’); *yäquṭṭäba bank* ‘сберегательный банк’ (*quṭṭäba* ‘сбережение, экономия’)).

Возникновению многих терминов-калек способствовал массовый перевод на английский язык общественно-политической, учебной и художественной литературы в Эфиопии.

Термины-кальки в отдельных терминологических системах амхарского языка по своему характеру могут быть разделены на два типа: смысловые кальки и структурно-смысловые кальки. В первом случае при переводе термина передаются лишь значения, существующие в данном языке, например: *märgäb* ‘разрядка’, *maəqäb* ‘эмбарго’, *mädräk* ‘форум’. Во втором случае применяются буквальные переводы компонентов и копирование структурных моделей терминов в другом языке, например: *class struggle* ‘классовая борьба’ — *yämädäb təgäl* (*mädäb* ‘класс’, *tägäl* ‘борьба’), *timetable* ‘расписание’ — *yägize säläda* (*gize* ‘время’, *säläda* ‘доска’); *waterline* ‘ватерлиния’ — *yäwəha mäsmär* (*wəha* ‘вода’, *mäsmär* ‘линия’); *keyhole* ‘замочная скважина’ — *yäqulf qädada* (*qulf* ‘ключ’, *qädada* ‘дырка’); *post card* ‘почтовая открытка’ (*post* ‘почта’, *card* ‘карточка’); *national economy* ‘национальная экономика’ — *bəherawi ekonomi* (*bəherawi* ‘национальный’, *ekonomi* ‘экономика’); *footpath* ‘пешеходная дорожка, тротуар’ — *yäəgr mängäd* (*əgr* ‘нога’, *mängäd* ‘дорога’); *natural sciences* ‘естественные науки’ — *yätäfätro sayəns* (*täfätro* ‘природа’, *sayəns* ‘науки’); *qästä dämana* ‘радуга’ (*qästä* ‘лук’, *dämana* ‘облако’).

Одним из способов образования терминологических единиц в амхарском языке является аббревиация. Отдельные аббревиатуры появились в Эфиопии еще при монархическом режиме, например: *ə. e. a.* — (*əndä ewropa aqoṭṭär*) ‘по григорианскому, европейскому летоисчислению’; *t. m. d.* — (*yätäbabbärut mängəstat dərajjet*) ‘ООН’;

m/ bet — (*mäsriya bet*) ‘учреждение, управление’; *t/ bet* — (*təmhərt bet*) ‘школа’.

Широкое распространение аббревиатурного словотворчества началось под влиянием экстралингвистических факторов: изменения общественно-политического строя в стране, ликвидации неграмотности, перевода политической литературы и т. д. После 1974 г. в амхарском языке создаются многочисленные словосокращения как на базе амхарского языка, так и на базе заимствованной лексики. В создании аббревиатур реализуется стремление к экономии языковых средств. В амхарском языке существует несколько способов образования аббревиатур. Одним из наиболее распространенных способов является способ построения слова-аббревиатуры из начальных частей исходных слов, например: *male* (*marksizm-leninizm*) ‘марксизм-ленинизм’; *isäpaako* (*yäityopia sàratāññočč parti adärraj komišn*) ‘КОПТЭ — Комиссия по организации партии трудящихся Эфиопии’; *aisema* (*yäabiyot ityopia setočč mahbär*) ‘АЖРЭ — Ассоциация женщин революционной Эфиопии’; *igad* (*Intergovernmental authority on development*) ‘Межправительственная организация по развитию’; *nepad* (*New partnership for Africa's development*) ‘Новое партнерство в интересах развития Африки’.

В условиях расширения политических, экономических и культурных связей между народами отмечается наиболее интенсивное обогащение словарного состава языка. Терминологическая лексика современного амхарского языка строится в основном на общей лексической основе с привлечением собственных языковых ресурсов (в виде корней и основ, а также способов словообразования и словосложения) и освоением иноязычного лексического материала. Конечно, это не означает, что интенсификация политических, экономических и других связей приводит к активизации процесса заимствования слов, а ослабление их обязательно ведет к затуханию этого процесса. Это более сложный процесс, и заимствование лексики осуществляется не всегда прямолинейно, а более сложными путями.

Но существуют и внутренние языковые причины заимствования иноязычного слова. Чаще всего таким способом устраняется полисемия исконного слова, упрощается его смысловая структура, когда возникает необходимость уточнить соответствующее понятие, разделить некоторые смысловые оттенки. Таким образом, существующее слово (чаще всего описательное наименование какого-либо явления или понятия) делит сферы своего семантического влияния.

Основным принципом заимствования иноязычных терминов в амхарской терминологии является лексико-семантический принцип, согласно которому готовые термины заимствуются в том случае, когда в амхарском языке отсутствует соответствующий термин для обозначения того или иного понятия и не представляется возможным образовать новый термин непосредственными средствами амхарского языка, например: *capitalist* ‘капиталист, капиталистический’; *sošiyalist* ‘социалистический’; *bajät* ‘бюджет’, *milišiya* ‘народное ополчение’; *makro ekonomi* ‘макроэкономика’.

Для включения в терминологическую систему иноязычных терминов необходимо придерживаться принципа международной распространенности: заимствуется лексема, имеющая интернациональное распространение. Кроме этого, надо придерживаться словообразовательного принципа, то есть иметь в виду словообразовательные возможности иноязычного термина, например: *bank* ‘банк’ — *baläbank* ‘банкир’; *engliz* ‘англичанин’ — *englizäñña* ‘английский’; *ayyär* ‘воздух’ — *ayyäräwi* ‘воздушный’; *sport* ‘спорт’ — *sportäñña* ‘спортсмен’.

В амхарском терминообразовании используется также морфемное заимствование, при котором для создания нового термина подыскиваются иноязычные морфемные элементы. Таким образом были созданы следующие неологизмы: *iamaninnät* ‘атеизм’, *imärtawi zärfočč* ‘непроизводственные сферы’, *šärämusənna* ‘антикоррупционный’, *šärähəzb* ‘антинародный’, *šäräcəbräqä* ‘противоотражение’, *alaqäñna ialaqi* ‘имеющий предел и не имеющий предел’, *ayyär qwat* ‘воздушное пространство’, *qərfitä mädär* ‘земная кора’. Иноязычные элементы, которые активно используются в амхарском словообразовании, пополняют фонд словообразовательных средств амхарского языка.

Под влиянием иностранных языков по образцам, распространенным в других языках, происходит активизация различных словообразовательных моделей. Это можно назвать словообразовательным заимствованием. Словообразовательные заимствования граничат с процессами калькирования. Однако термин «калькирование» упрощает творческую сторону заимствующего языка.

Создание терминов лишь на базе амхарского языка связано с некоторыми трудностями, так как амхарские словообразовательные дериваты не всегда могут быть равнозначными эквивалентами для слов-терминов европейских языков, в которых основная часть терминов представляет собой сложные слова, состоящие из нескольких

морфем, а для амхарского языка наиболее типичным способом является словообразование на базе одного корня за счет внутренней флексии и аффиксации.

Самые многочисленные заимствования составляют заимствования из английского языка, и, в отличие от заимствований из португальского, итальянского и французского языков, англицизмы активно пополняют словарь амхарского языка и в настоящее время. Амхарским языком было заимствовано значительное количество слов. В период коренных преобразований всех сторон жизни эфиопского народа происходили изменения и в словарном составе амхарского языка, который в те годы развивался под прямым воздействием новых явлений, понятий, идей. В страну стали проникать различные политические и социально-экономические теории и учения, освоение которых не могло обходиться без использования иноязычных терминов. Сначала большинство новых иноязычных слов оставались в социально и стилистически ограниченных сферах употребления. Однако со временем многие иноязычные социально-политические и экономические термины начинают входить в общее употребление через газеты, радио и телевидение. Вполне закономерно, что одним из основных источников для пополнения лексического запаса амхарского языка стал именно английский язык, имевший широкое распространение среди эфиопской интеллигенции, будучи языком высшего и среднего образования в стране.

По семантическому составу англицизмы очень разнообразны. Это общественно-политическая, научная, техническая, военная, спортивная, бытовая лексика: *polisi* 'политика', *polis* 'полиция', *parti* 'партия', *plan* 'план', *sayəns* 'наука', *asid* 'кислота', *valv* 'клапан', *industri* 'промышленность', *mortar* 'миномет', *əsport* 'спорт', *maraton* 'марафон', *film* 'фильм', *yuniversiti* 'университет', *kot* 'пиджак', *bruš* 'щетка', *sol* 'подошва' и др.

Одним из распространенных способов пополнения лексического состава амхарского языка являются различные кальки, построенные в соответствии со структурой заимствованного слова или словосочетания с использованием собственного материала или состоящие из двух элементов, один из которых — заимствование, а другой — исконное слово, или наоборот, например: *air way* — *yaayär mängäd* 'авиалиния, трасса' (*ayyär* 'воздух', *mängäd* 'дорога, путь'; *yädgät plan* 'план развития' (*ädgät* 'развитие', *plan* 'план'); *yäsport wəṭṭetočč* 'спортивные достижения' (*sport* 'спорт', *wəṭṭetočč* 'результаты, показатели').

Заимствования из итальянского языка наиболее интенсивно начали проникать в амхарский язык во время агрессии Италии против Эфиопии в 1936 г. В основном это была бытовая лексика и технические термины: *mākina* ‘машина’, *korenti* ‘электрический ток’, *gota* ‘шина, колесо’, *mākoroni* ‘макароны’, *villa* ‘вилла’, *ansola* ‘простыня’, *gazeta* ‘газета, пресса’, *firma* ‘подпись, виза’, *fabrika* ‘фабрика, завод’, *posta* ‘почта’, *mārkato* ‘рынок’. Кстати, слово *mārkato* превратилось в имя собственное «Мэркато» для обозначения крупнейшего в Африке рынка, находящегося в столице Эфиопии Аддис-Абебе.

До Второй мировой войны Франция пользовалась большим влиянием в Эфиопии. Французский язык занимал определенные позиции в стране. Он традиционно был языком дипломатии. Среди заимствований из французского языка, которые функционируют в амхарском языке, существуют общественно-политические, военные, технические и научные термины: *kor diplomatik* ‘дипломатический корпус’, *qonsəl* ‘консул’, *kudeta* ‘государственный переворот’, *kapiten* ‘капитан’ (воен.), *metr karre* ‘квадратный метр’, *kamewon* ‘грузовик’, *misijon* ‘миссия, миссионерская организация’, *šofer* ‘шофер’, *šampriyona* ‘чемпионат’, *biro* ‘бюро, учреждение’, *aksiyon* ‘акция, ценная бумага’, *furgo* ‘фургон’, *rekomande* ‘заказное письмо’, *māträyyäs* ‘пулемет’ и др. Некоторые термины, употребление которых было ограничено и социально, и стилистически и которые в период распространения пуризма в Эфиопии были заменены описательными конструкциями, созданными на основе исконных лексем или заимствованных из языка гы’ыз, в настоящее время возвращаются в амхарский язык. Общественно-политическая лексика, сфера употребления которой была ограничена определенными жанрами, теперь начинает употребляться на гораздо более широком стилистическом поле. Например, вместо *məkəttəl ministr* ‘заместитель министра’, стал вновь употребляться термин *ministr däta* ‘заместитель министра, государственный министр’. В данном случае заимствование из французского языка своим значением вносит дополнительный семантический оттенок в поле значений употребляемого ранее слова.

Одним из источников формирования терминологической лексики являются также заимствования из других языков. При этом некоторые слова берутся вместе с обозначаемым им понятием, например: *kilaf* ‘несогласное напластование’ (геолог.) заимствовано из языка сомали; *gwangul* ‘морская ракушка’ — из тигринья; *dəlši* ‘диафрагма’ (анатом.) — из оромо.

Процесс заимствования слов продолжается и в настоящее время. Однако, определяя место иноязычного заимствования среди других способов наименования новых понятий, необходимо обратить внимание на то, что в разные периоды оно играло различную роль, но никогда не было преобладающим над такими способами, как словообразование и семантическое изменение слов. Это является подтверждением общего правила, согласно которому в большинстве языков главенствующую роль играет образование новых слов с помощью внутренних ресурсов, а заимствование лексики из других языков играет менее заметную, хотя и важную роль в общем процессе развития словарного состава языка. Правда, надо иметь в виду, что в отдельных «полях» языка (например, в терминологических сферах) заимствование может иметь более существенное значение в формировании системы наименований.

В разработке и унификации терминов огромную роль сыграла подготовка и издание терминологических словарей. Интенсивная терминологическая работа началась в Эфиопии после 1974 г., хотя еще в 1970 г. на заседании Общества изучения эфиопских языков один из членов общества Тэкэстэ Бырхан Гэбрэ Мэдхын отметил необходимость использования не только европейских языков, но и современных языков народов, населяющих Эфиопию: тигринья, тигре, афар, оромо и, конечно, классического эфиопского языка — гы'ыз [3]. На заседании было предложено совместными усилиями Министерства образования и Университета им. Хайле Селассе начать работу по созданию терминов для новых понятий и явлений, ведь языковая проблема — одна из самых больших проблем любой страны, и развитие языка означает развитие страны и ее процветание.

Вопрос о создании национальной терминологии в новых политических и социальных условиях с особой остротой встал после свержения монархии в Эфиопии в 1974 г. Для создания терминологической системы в стране Академия эфиопских языков при финансовой помощи ООН подготовила и реализовала проект «Создание научно-технической терминологии в Эфиопии». В результате тринадцатилетней работы (1974–1987) в Эфиопии были изданы 13 тематических сборников по различным отраслям знаний: сельскому хозяйству, ботанике, строительству, химии, электромеханике, геологии, математике, медицине, физике, статистике, зоологии, географии и питанию.

Авторы тематических словарей отмечали, что на данном этапе главная задача — создание основных терминов, которые будут необходимы для понимания политической и научно-технической литературы, которая появилась в стране в тот период. Было создано более 15 тыс. лексических единиц. Было подчеркнуто, что это лишь первый этап работы по созданию терминологической системы, ведь только время должно показать, какие из них закрепятся в лексике амхарского языка.

Издание в 1996 г. англо-амхарского словаря научно-технической лексики явилось результатом кропотливой работы Академии эфиопских языков.

Практика разработки терминологических словарей показала, что наиболее целесообразной и эффективной была совместная работа специалистов — представителей различных областей — и лингвистов. Роль этих словарей в выявлении и определении средств создания новых терминов значительна.

Создание таких тематических словарей дало импульс дальнейшему развитию современного амхарского языка. Несомненно, стандартизация является этапом в развитии языка, свидетельствующим о культурном развитии, внимании общества и государства к научной и общественной жизни страны.

Таким образом, формирование и развитие терминологии амхарского языка в последние более чем 40 лет связаны со многими факторами, в частности с большими сдвигами в общественно-политической, экономической и культурной жизни Эфиопии, ликвидацией неграмотности, изданием политической, научно-технической и художественной литературы. Важную роль в развитии амхарской терминологии сыграла периодическая печать. Создание терминологических единиц осуществляется путем терминологизации слов литературного языка, образования новых слов при помощи средств амхарского словообразования и путем заимствования.

Литература

1. Ягья В. С. Пути и источники образования терминологической лексики в современном амхарском языке // *Africana. Этнография, история, языки народов Африки. Африканский этнографический сборник VIII. Т. ХСVI. Л.: Наука, 1971. 299 с. С. 264–287.*
2. Ганкин Э. Б. Пути и способы создания новой терминологии в амхарском языке // *Основные проблемы африканистики: этнография, история, филология:*

К 70-летию чл.-кор. АН СССР Д. А. Ольдерогге. М.: Наука, 1973. 445 с. С. 363–368.

3. Ганкин Э. Б. Лексика современного амхарского языка с точки зрения ее происхождения // Уч. зап. МГИМО. Вопросы языка и литературы восточных языков. Вып. 6. М., 1971. С. 31–44.

Контактная информация:

Кравченко Светлана Леонидовна — старший преподаватель;
slkravchenko@gmail.com

Evolution of terminology in the Amharic language

Svetlana L. Kravchenko

Lomonosov Moscow State University,

11, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Kravchenko S. V. Evolution of terminology in the Amharic language. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 167–182.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.11> (In Russian)

In the present article several aspects of development of the terminology of the Amharic language in recent decades are discussed. The period of drastic alterations in the life of the Ethiopian society is characterized by the emergence and rapid development of terminological units used to describe new phenomena and concepts. The activation of prefixal and suffixal formation methods of terminological units plays an important role in the enrichment of the terminology of the modern Amharic language. Great amount of complex words is formed based on original Amharic vocabulary by Amharic word formation models as well as on the basis of loanwords.

Keywords: amharic language, terminology, word formation, affixation, loanwords.

References

1. Yag'ya V. S. The ways and sources of forming terminology in Amharic. *Africana. Etnografiya, istoriya, yazyki narodov Afriki. Afrikanskii etnograficheskii sbornik VIII*. T. XXVI. Leningrad, Nauka Publ., 1971. 299 p., pp. 264–287. (In Russian)
2. Gankin E. B. Ways and Ways of Creation of New Terminology in Amharic. *Osnovnye problemy afrikanistiki: etnografiya, istoriya, filologiya*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 445 p., pp. 363–368. (In Russian)
3. Gankin E. B. Lexicon of modern Amharic in terms of its origin. *Uchenye zapiski: Voprosy yazyka i literatury vostochnykh yazykov*. Moscow, MGIMO University Press, 1971, vol. 6, pp. 31–44 (In Russian)

Author's information:

Svetlana L. Kravchenko — Senior Lecturer; slkravchenko@gmail.com

ЭФИОПИСТИКА

УДК 82-43+94

Очерки культурной политики Эфиопии: взгляд сквозь эпохи. Очерк первый¹

Г. А. Балашова

*Институт Африки Российской академии наук,
Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1*

Для цитирования: Балашова Г. А. Очерки культурной политики Эфиопии: взгляд сквозь эпохи. Очерк первый // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 183–193.

<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.12>

В отечественной эфиопистике тема развития культурной политики Эфиопии известна мало. Эфиопия — государство, создавшее свою самобытную культуру. На протяжении всей эфиопской истории именно культура сосредоточивала и передавала новым поколениям духовный опыт нации, обеспечивая единство многонациональной (более 80 народов) Эфиопии. Огромная роль в этом принадлежит культурной политике, без которой нельзя достигнуть более высокого качества жизни общества, его способности к гражданскому единству, к определению обществом целей развития. В формировании системы ценностей Эфиопии особую роль играла религия, а именно христианство. В статье рассматривается культурная политика правителей Эфиопии — царя Эзаны (IV в.), императора Лалибэлы (1190–1228), Амда Сиона (1312–1342) и Зара Якоба (1434–1468) и их вклад в развитие культуры страны.

Ключевые слова: Эфиопия, религия, христианство, религиозное искусство, культурная политика.

¹ Очерк также включен в монографию «Очерки культурной политики Эфиопии — взгляд сквозь эпохи: серия очерков». М.: Ин-т Африки РАН, 2018, ИПП ООО «Ладоба». 234 с.

*Культура — это душа нации.
Она способна примирять и лечить.*

Академик Д. С. Лихачев

Эпоха царя Эзаны (IV в.), Аксум. Эфиопия — одна из наиболее сложных по своему историко-культурному комплексу стран Африки. На ее территории в древние времена возникла высокоразвитая цивилизация, о чем свидетельствуют дошедшие до нас памятники культуры. Наряду с Византией и Сасанидским Ираном Аксумская империя (прежнее название Эфиопии), достигшая наивысшего расцвета во II–VII вв., была великой державой, распространившей влияние на значительные районы Аравии и Судана. От времен преаксумского и аксумского царств сохранились прекрасные памятники зодчества, огромные монолитные обелиски, статуи с надписями на древнеэфиопском языке геэз, базальтовый трон Птолемея III с греческой надписью и др.

Древность эфиопской государственности на территории Африканского Рога всегда была предметом гордости эфиопов. Время расцвета аксумского царства — II–VII вв. — является важнейшим, если не эпохальным, периодом эфиопской истории², культурный образец умиравшего античного мира.

Историческая традиция приписывает царю Эзане нововведения в области культуры, которые хотя и не были нигде задекларированы, однако имели реальное место в культурной жизни. Так, он впервые принял живой разговорный язык геэз в качестве официального письменного языка Аксумского царства и ввел для него огласовки на письме. Вторая крупная реформа — принятие христианства в качестве государственной религии. Безусловно, обе эти реформы были взаимосвязаны. Введение христианства было вызвано стремлением царя упрочить союз с Византией, направлено против персидской экспансии, а переход на живой разговорный язык и введение огласовок диктовались потребностями новой религии, книжной по существу.

² Академик Б. А. Тураев прямо определяет его как «самый счастливый и культурный период абиссинской истории» [1, с. 54]. Этой «наиболее интересной поры эфиопского царства, когда оно играло не последнюю роль во всемирной истории и принадлежало к числу культурных образцов умиравшего античного мира» [2, с. 157].

Этим двум реформам суждено было наложить глубокий отпечаток на все последующее развитие эфиопской культуры и государственности. На Африканском Роге появился и начал оформляться такой влиятельный институт, как Христианская церковь, что имело далеко идущие последствия для всего региона. Согласно эфиопской летописи, «люди эфиопские пребывали, одни — веруя во Христа, другие — обожествляли Змия, третьи — гадали (по полету птиц), четвертые — волхвуя с огнем. И лишь после прихода этих девяти святых, управили они и просветили землю верою своею, и освятили ее хотений и ног своих» [3, р. 115].

Под святыми здесь имеются в виду «девять преподобных», знаменитых подвижников из числа монахов, бежавших из Сирии и Египта на рубеже V и VI вв., когда в пределах Византийской империи началось преследование так называемых монофизитов, то есть христиан, не согласившихся с решениями Халкидонского собора (451 г.) и признававших у Христа только одну природу — Божественную. В единомыслном же Аксуме они легко находили себе убежище и широкий простор для деятельности. Местные предания сохранили память о византийском подданстве пришельцев; традиция приписывает девяти преподобным основание древнейших эфиопских монастырей. Их имена: За-Микаэль, Арагави, Пантелеймон, Исаак-Гарима, Афце, Губа, Леф, Иимате (Мата), Ликанос и Сехла. Из этих имен Ликанос и Пантелеймон — греческие, а остальные, видимо, сирийские.

Все бежавшие в Аксум монахи принесли на Африканский Рог новый для региона церковный институт — монашество, которое сыграло впоследствии важную роль в истории эфиопской религиозной культуры и государственности. Монахи энергично осваивали новые для них земли, закладывали первые в Эфиопии монастыри. Так, абба Пантелеймон основал монастырь в местности Асбо на месте прежнего языческого храма, абба Ликанос устроил монастырь к северу от города на горе Кокоцель (Лисьей) и т. п. Целью девяти преподобных основателей эфиопских монастырей было не только искоренение прежней языческой культуры, но и обретение могущественного влияния на местное население. И это им удалось.

В 1969 г. экспедиция Эфиопского института археологии обнаружила новый памятник — еще одну надпись Эзаны. Это было не первое открытие — надписи царя стали известны с середины XIX в., а в начале XX в. появились научные публикации немецкой Аксум-

ской экспедиции. Надписи носят хвалебный характер, рассказывают о походах, победах, достижениях выдающегося царя.

Помимо знаменитых надписей Эзаны были найдены и другие памятники, вызывающие и поныне споры о своем загадочном происхождении, — так называемые обелиски или стелы. Всего насчитывается 150 стел. Они очень разные — высотой от 3 до 33,5 м (самая высокая стела упала и разбилась на части). Одни из гладкого камня, другие имеют солярные или астральные знаки. Отдельные стелы представляют собой как бы модель многоэтажных зданий со стилизованными окнами, крышей, дверями, архитектурными деталями настоящих дворцов. В Аксуме они стоят на большой платформе, а одна из самых знаменитых была вывезена итальянцами во время оккупации Эфиопии в 1930-е годы в Рим и долгие десятилетия находилась на Римской площади. Был создан специальный комитет, который в течение 40 лет боролся за возвращение этой стелы в Аксум. Теперь эта стела вновь в Эфиопии³.

Долгое время считалось, что стелы попросту были вкопаны в землю. В 1930-х годах немецко-эфиопская археологическая экспедиция обнаружила, что некоторые из них опираются на огромные, длиной до 120 м и шириной до 80 м, платформы, сложенные из обтесанных базальтовых плит. Стало ясно, что стелы — лишь верхние, венчающие части поистине огромных по своим размерам сооружений, скрытых под незначительным слоем земли.

В 1938 г. в разгар итальянской агрессии против Эфиопии фашистские самолеты разбомбили руины величественных сооружений — дворцов аксумитских владык-негусов. Некоторые исследователи полагают, что дворцы негусов насчитывали от четырех до 14 этажей! Об этом убедительно говорит и то, что барельефные изображения на стелах передавали в уменьшенном масштабе все подробности царского жилища.

В современном Аксуме сохранился также храм Святой Девы Марии — одна из главных святынь Эфиопии. Квадратное здание сложено из серых камней, скрепленных глиной. Храм, построенный около пяти веков назад, венчает небольшой позолоченный купол.

Английский путешественник Генри Солт (*Henry Solt*) писал во второй половине XIX в. о стелах: «Это высокохудожественное и весь-

³ Obelisk arrives back in Ethiopia // BBC NEWS. 19 April, 2005. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4458105.stm>

ма величественное произведение искусства, изготовленное из цельного гранитного блока и насчитывающее все 60 футов (21 м) в высоту, произвело на меня, помимо моей воли, такое же впечатление, как и тогда, когда я увидел его впервые, и я чувствовал себя еще более, чем прежде, склонным восхищаться совершенством мастерства и изобретательности, проявленными при выполнении столь грандиозной работы. Со времени моего прежнего посещения монумента я имел возможность сравнить его со многими египетскими, греческими и римскими сооружениями. И это сравнение подтверждает мою оценку памятника как самого восхитительного и совершенного сооружения подобного рода» [4, с. 111–112].

Такую оценку английского ученого разделяет и автор данного очерка, которая в течение шести лет работала в Эфиопии, а также (в эти и следующие годы) участвовала в ряде научных экспедиций: 1991–1992 гг. в составе комплексной российско-эфиопской этносоциологической экспедиции; в 2006 г. возглавляла российскую экспедицию (грант РГНФ, проект № 06-01-03215е). Являясь членом Международного организационного комитета по эфиопским исследованиям, каждые три-четыре года участвовала в конференциях, проводимых именно в Эфиопии и потому все важные достопримечательности страны смогла увидеть неоднократно своими глазами. Обнаруженные археологами поздние памятники I тысячелетия до н.э., говорившие о культурных связях с Южной Аравией, к этому времени уже не сохранились. О том, что такие связи были довольно тесными, говорило эфиопское письмо, система которого генетически была схожа с древнесабейской письменностью.

Падение Аксума. Аксум был связан с Южной Аравией не только легендой о Соломоновой династии (от библейского царя Соломона и царицы Савской, владения которой были на юге полуострова). Это время известно как период эфиопо-химьяритских войн, когда на Аравийском полуострове соперничали христианство и иудаизм. В Южной Аравии при царе Иосифе христиане стали подвергаться гонениям, что явилось поводом для отправки военных экспедиций из Аксума, которые подчинили Химьяритское царство. Но позднее Южную Аравию завоевали персы.

Аксум и его старая союзница Византия столкнулись с растущим влиянием Персии, которой удалось завоевать Путь благовоний. Положение усугубилось с возникновением ислама и его активной военно-территориальной экспансией. Уже на стыке VII–VIII вв. мусуль-

мане захватили прибрежные острова нынешней Эритреи, а затем и порты. Знаменитый порт Адулис был разгромлен, а Красное море надолго стало «арабским озером».

Аксум же потерял выход к морю. Его упадок продолжился. Под давлением внешней угрозы при потере доходов от торговли центральная власть слабела. Все вместе взятое привело к падению Аксума как крупного политического объединения. В последующем политический центр переместился к югу, но Аксум остался символом истоков эфиопской цивилизации и культуры, а также центром коронационных торжеств многих будущих императоров Эфиопии.

Эпоха императора Лалибэлы (1190–1228)⁴. Император Лалибэла был просвещенным и вместе с тем набожным владыкой, в христианстве он видел главную опору своей как внутренней, так и внешней политики. Наслышанный о пирамидах египетских фараонов и дворцах иерусалимских царей, вззирающий долгое время на аксумские стелы, он также решил прославить себя в истории и приказал соорудить в новой столице Лалибэле 11 величественных храмов. Храмы сохранились и по сей день. Благодаря им имя Лалибэлы связано с одним из чудес света.

Храмы Лалибэлы не красуются над поверхностью, не доминируют над жилыми кварталами. Многих из них просто не видно, поскольку крыши церквей находятся на уровне земли.

Безусловно, набожный Лалибэла прятал чудо-храмы не ради оригинальности. Ему, как и всем владыкам, хотелось, чтобы памятники, подобно аксумским обелискам, тянулись к солнцу. Но христианскую империю и ее религию теснил могущественный противник — ислам, и негус приказал своим архитекторам высечь лалибэльские шедевры так, чтобы они не бросались в глаза непосвященным, не привлекали внимание врага. Известно, что за благочестивые и гуманные поступки он получил имя Гэбрэ-Мэскэль («Слуга креста») и был причислен к лику святых.

Зодчий храмов неизвестен. Две компактные группы по пяти церквей в каждой располагаются на разных уровнях и соединены подземными ходами. Лишь храм Св. Георгия находится поодаль. Монолитные церкви сохраняют схему трехнефной базилики, известную мастерам по близлежащей церкви Ымрахе. По цельности и геометрической точности исполнения выделяется храм Св. Геор-

⁴ Здесь и далее даны годы правления императоров.

гия, крестовидный план которого позволил ему остаться без внутренних, отдельно стоящих опор; его интерьер предельно скромнен и строг. Самой большой по размерам и наиболее красивой по форме является церковь Спасителя Мэдхане-Алем с высоким прямоугольным фасадом, окруженным 28 колоннами.

Скальные церкви Лалибэлы настолько величественны («Бет Медхане Алеем» — самая большая церковь в мире, вырубленная в скале), имеют уникальную архитектуру, инженерное решение, что внесены в список всемирного наследия ЮНЕСКО (1980).

Творчество народных и придворных певцов-сказителей. Заканчивая наш небольшой очерк о Лалибэле, мы не можем не остановиться, хотя бы очень кратко, еще на одной яркой особенности культуры Эфиопии — творчестве народных сказителей. Оно, как и в других африканских странах, развивалось по двум направлениям. С одной стороны, сказитель и актер-импровизатор играли значительную роль при дворе царя, крупных феодалов, являясь своеобразными проводниками их политики и идеологии. С другой стороны, они были историками народа, хранителями его преданий, которые веками передавали из поколения в поколение сказания о подвигах, о выдающихся событиях народной жизни. Исполнители куплетов известны под названием лалибэлочь иди хамина⁵. Устное предание связывает наименование «лалибэлочь» с императором Лалибэлой, который якобы узаконил их корпорацию.

Особая роль в народных, религиозных и придворных празднествах принадлежала азмари, которые представляли собой эндогамную касту, одни из них вели бродячий образ жизни, другие постоянно жили в городах. Важной чертой деятельности азмари была мобильность — социальная и пространственная. Выступая перед знатью или на деревенских свадьбах, они служили основным источником новостей и способствовали культурному взаимобмену. Вольное творчество азмари, напоминающее искусство трубадуров, труверов и менестрелей европейского Средневековья, сохранялось при всех режимах и политических переменах. Традиции азмари живы и по сей день, без них не обходится ни одна свадьба, ни одно народное торжество. Именно творчество сказителей отражало ре-

⁵ Известен также тиграйский термин «лера уатта», которым, согласно эфиопскому исследователю Айеле Тэкле Хайманоту, обозначаются все категории профессиональных музыкантов, исполняющих светские песни в амхаро-тиграйском стиле [5, p. 288–301].

альное культурно-историческое бытие на протяжении столетий и явилось прологом к развитию искусства в его светских формах в более поздние времена.

Следует еще раз напомнить, что в описываемый нами период не было задекларированной официальной культурной политики, хотя в реальности именно благодаря ей была создана, например, долговечная храмовая архитектура. Цари Эфиопии смогли не только достичь своего бессмертия в сознании эфиопских народных масс, но имели также шанс (как в случае с Лалибэлой) быть канонизированными эфиопской церковью. Именно такая перспектива и вдохновляла императоров на создание изумительных произведений искусства, имеющих непреходящую ценность.

Эпоха императора Амда Сиона (1312–1342). Укрепление эфиопского государства в эпоху Амда Сиона сопровождалось литературным расцветом, главным образом в области историографии. В этот период была написана эпохальная книга «Слава царей», в основу которой была положена легенда о происхождении эфиопских царей от библейского царя Соломона и царицы Савской и о похищении их сыном Менеликом величайшей иудейской реликвии (ковчега завета) из Иерусалима, после чего «зашло солнце в Иудее и возшло в Эфиопии»⁶.

К середине XIV в. относится создание такого блестящего литературного произведения, как «Хроника царя Амда Сиона». В хронике рассказывается о победоносных походах эфиопского царя против многочисленных мусульманских противников в юго-восточных областях Африканского Рога. Царь Амда Сион предстает в «Хронике» в облике былинного героя, который один побеждает полчища врагов.

Амда Сион также поставил задачу по расширению богослужебной литературы, главным образом путем перевода с арабского служебников коптской церкви.

К XIII–XIV вв. в Центральной Эфиопии складывается феодальное общество, характеризующееся и другими важными изменениями в сфере культуры. Во дворцах крупных феодалов и императоров на пирах выступают придворные певцы-музыканты азмари, звучит церемониальная музыка специальных флейтовых ансамблей, проводятся состязания сочинителей духовной поэзии. Одно из наиболее

⁶ <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Efiop/Kebra/framepred.htm>

ранних письменных свидетельств о придворных музыкантах встречается в отчете посланника византийского императора в Аксуме. Посланник сообщает, что он видел при дворе музыкантов, игравших на флейте [3]. Другим письменным свидетельством являются заметки португальца Алвариша, прибывшего в Эфиопию в 1520 г. с посольством, также отмечавшего существование различных светских музыкальных инструментов. Известный исследователь культуры Эфиопии Ж. Липски отметил, что «популярные стихотворения на различных местных языках сочинялись начиная с XIV в. главным образом менестрелями для нужд императорского двора, свадеб и похорон» [6].

Эпоха императора Зара Якоба (1434–1468). В период с 1434 по 1468 г. на абиссинский престол вступает могучая фигура Зара Якоба. Этот, по словам Б. А. Тураева, «Африканский Филипп II, царь-богослов, палач еретиков и радатель церковного благочиния» [1, с. 172–174], который помимо государственной обратился и к литературной деятельности, написал восемь книг различного содержания. Так, в большом сочинении «Книга Света» он изложил свои предписания, направленные на упорядочение церковной обрядности, определил взаимоотношения между духовенством и мирянами, церковью и царской властью. Сочинение Зара Якобы «Книга Рождества» направлено против ересей. «Славословие небесным и земным», а также «Господь воцарися» представляют собой собрание песнопений в рифмованных стихах. Таким образом, в ответ на новые церковно-государственные потребности появляются новые богослужебные произведения, уже не переводного, а оригинального характера.

К эпохе Зара Якоба относятся и два нововведения, призванные сыграть важную роль в последующей культурной жизни страны. Первым среди них явилось строительство храмов, находящихся под особым покровительством царя. Храмы наделялись землей, там устраивались также царские усыпальницы.

Вторым нововведением царя Зара Якоба явился перевод коптского синаксаря, то есть Сборника кратких житий святых коптской церкви. Это привело к добавлению житий эфиопских святых, создав тем самым почву для развития эфиопской национальной агиографии — житийной литературы. Таким образом, эпоха Зара Якоба явилась поворотным моментом не только в развитии государства и церкви, но и в истории эфиопской литературы.

Литература

1. Тураев Б. А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1902. 453 с.
2. Тураев Б. А. «Богатство царей»: Тракта́т о деятельности первых царей в Абиссинии XVII в.: Записки Восточного отделения Императорского Российского Археологического общества. СПб., 1901. Вып. II–III, Т. XIII (1900).
3. Selassie S. H. Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270. Addis Ababa, 1972. 370 p.
4. Львова Э. С. История Африки в лицах. Биографические очерки. Вып. 1: Африка в доколониальную эпоху. М.: Муравей, 2002. 256 с.
5. Ayele Takla Haimenot. Wata, una tipica ficure folkloristic dell'Etiopia e la sua professione inberditta // PICES (Proceedings of the 3rd International Congress of Ethiopian Studies). Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, Haile Sillassie I University, 1970. Vol. 2. 347 p., pp. 288–301.
6. Lipsky G. Ethiopia: Its People, Its Society, Its Culture. New Haven: Hraf Press, 1962. 376 p.

Контактная информация:

Балашова Галина Александровна — канд. филол. наук, ст. науч. сотр.;
balashovag@mail.ru.

Essays of cultural policy of Ethiopia: a look through the era

Galina A. Balashova

*Institute for African Studies Russian Academy of Sciences,
30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russian Federation*

For citation: Balashova G. A. Essays of cultural policy of Ethiopia: a look through the era. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 183–193. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.12> (In Russian)

Ethiopia is a state that created its own distinct culture. Throughout Ethiopian history, it has been culture that concentrated the nation's spiritual experience and passed it on the following generations, thus ensuring the unity of multiethnic (more than 80 peoples) Ethiopia. The article assesses the cultural policies of emperors of Ethiopia — Ezane (IV A. D.), Emperor Lalibela (1190–1228), Emperor Amda Seyon (1312–1342) and Emperor Zera Yacob's (1434–1468), also their contributions to the development of the country's culture.

Keywords: Ethiopia, religions, christianity, cultural policy, art.

References

1. Turaev B. A. *Research in the Field Agiologicheskii Sources of the History of Ethiopia*. St. Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha Publ., 1902. 453 p. (In Russian)
2. Turaev B. A. "Wealth of Tsars": The Treatise about Activity of the First Tsars in Abyssinia XVII of Century: *Notes of East Office of Imperial Russian Archaeological Society*. St. Petersburg, 1901. (In Russian)
3. Selassie S. H. *Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270*. Addis Ababa, 1972. 370 p.
4. L'vova E. S. *History of Africa in Persons. Biographic Sketches*. Iss. 1: Africa during a Precolonial Era. Moscow, Muravei Publ., 2002. 256 p. (In Russian)
5. Ayele Takla Haimenot. Wata, una tipica figure folkloristic dell'Etiopia e la sua professione inberditta // *PICES (Proceedings of the 3rd International Congress of Ethiopian Studies)*. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, Haile Sillassie I University Press, 1970, vol. 2. 347 p., pp. 288–301.
6. Lipsky G. *Ethiopia: Its People, Its Society, Its Culture*. New Haven, Hraf Press, 1962. 376 p.

Author's information:

Galina A. Balashova — PhD Sci. in Philology; balashovag@mail.ru

УДК 811.411.42+281.72

Иерусалимская надпись императора Эфиопии Иоанна IV

С. А. Французов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
Институт восточных рукописей Российской академии наук,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Для цитирования: Французов С. А. Иерусалимская надпись императора Эфиопии Иоанна IV // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 194–206. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.13>

В статье впервые публикуются текст и комментированный перевод надписи на языке гезз (гыыз), высеченной в 1890–1891 гг. над входом в часовню резиденции архиепископа Эфиопской Церкви в Иерусалиме, которая расположена в Старом городе рядом с 8-й стоянкой Крестного пути (*Via Dolorosa*). Значительная материальная поддержка эфиопской общины в Святом Граде вторым великим объединителем Эфиопии в новое время императором Иоанном IV, которая увековечена в надписи, оказалась также отражена в его переписке с тамошними монахами, приложенной к одной из его хроник.

Ключевые слова: Эфиопское христианское государство, император Эфиопии Иоанн IV, Иерусалим, эфиопская община в Святой Земле, эпиграфика на языке гезз (гыыз).

В конце октября 1994 г. автору этих строк посчастливилось побывать в Иерусалиме — священном городе для приверженцев трех авраамических религий, величайшем культурном центре всего человечества. По завершении проводившегося в той части Еврейского университета, что на горе Скопус, с 24 по 27 октября Второго международного конгресса иудео-йеменских исследований (*The International Second Congress for Judeo-Yemenite Studies: the Contribution of Yemenite Jewry to Israeli Culture*)¹ невозможно было удержаться от посещения памятных мест Старого города, прежде всего Крест-

¹ В ходе данного конгресса автор настоящей статьи выступил с докладом *The Legend of the Patriarch Lamekh in Midrashim and in South Arabian Tradition*, позже опубликованном в переводе на иврит в: [1, pp. 5–16].

ного пути Иисуса Христа. И вот у 8-й стоянки *Via Dolorosa* в глаза бросилась табличка на английском “Ethiop. Orth. Patr. & Monastery” («Эфиоп[ское] прав[ославное] патр[иаршество] и монастырь»). После занявшего около 40 минут поиска этих примечательных объектов между старинными домами неожиданно открылась небольшая площадка, на которую выходила возведенная из известняка часовня с надписью, выполненной эфиопским слоговым письмом, над порталом. К этому времени автор статьи уже несколько лет изучал классический эфиопский язык (геэз) вместе со студентами группы эфиопской филологии у Севира Борисовича Чернецова² (1943–2005), от которого слышал немало теплых слов о Ватаняре Саидовиче Ягья, благодаря чему познакомился с ним заочно.

Легко представить, сколь отраднo было обнаружить памятник эфиопской эпиграфики в самом сердце Старого Города. Навстречу вышел привратник-эфиоп, с которым пришлось общаться по-английски из-за незнания разговорного амхарского языка. Узнав, что неожиданный визитер приехал из России, где занимается изучением Эфиопии, он предложил прочесть надпись, которая оказалась составленной на языке геэз, так что основное содержание ее было понятно с ходу. После этого привратник предложил войти внутрь, пояснив, что часовня посвящена Пресвятой Богородице, и дал посмотреть хранившийся там список «Чудес Марии» — широко распространенного в христианской Эфиопии сочинения. С его любезного позволения фасад часовни вместе с надписью был сфотографирован (см. рис. 1). Много замечательных памятников и святых мест разных религий удалось повидать тогда в Иерусалиме, но нигде не довелось больше испытать такого чувства светлой радости, как в этой небольшой эфиопской часовне. И дело здесь, прежде всего, в людях. Радушие и бескорыстие эфиопов разительно отличают их от представителей других конфессий (тех же коптов), пребывающих в Святом Граде.

Идентифицировать это эфиопское святилище не составило труда. Речь идет о резиденции архиепископа Эфиопской Церкви, возведенной после 1876 г. на специально купленном для данной цели земельном участке главой эфиопской монашеской общины в Иерусалиме в 1884–1902 гг. мамхером Валда Сама’итом и включающей

² Советский и российский историк-эфиопист, исследователь христианской Эфиопии, переводчик исторических источников с амхарского и геэза.

Рисунок 1

помимо часовни библиотеку, школу, приемные и личные покои архиепископа, жилые помещения для духовенства, студентов и прислуги [2, р. 19, 22–23; 3, р. 276].

Каких-либо изданий данного текста найти не удалось. Так, в обстоятельной монографии американской исследовательницы об Эфиопии конца XIX — начала XX в. в главе, посвященной ее связям с Иерусалимом, упоминаются закладные надписи императоров Иоанна IV, Менелика II и супруги последнего императрицы Тайту, установленные в большом эфиопском монастыре Дабра Ганнат, расположенном за стенами Старого города. При этом из контекста явствует, что о существовании эфиопской строительной надписи внутри этих стен автору ничего не было известно [4, р. 255].

Фотография надписи, помещенной над входом в часовню резиденции эфиопского архиепископа в Иерусалиме, уже публиковалась в статье, посвященной Иоанну IV, в «Православной энциклопедии» [5, с. 655]. Что же касается ее издания с переводом и комментарием, то оно осуществляется впервые.

Текст надписи (см. рис. 2):

ዘቲ፡ ምንደት፡ ዘንጉሠ፡ ነገሥት፡ ዮሐንስ፡ ዘኢትዮጵያ፡ ዘተ
ሣዩጣ፡ በንዋዩ፡ ወወሀበሙ፡ ለመነኮሳት፡ ዘኢትዮጵያ፡ ጸላሐለዉ
በኢየሩሳሌም፡ ከመ፡ ይኩኖ፡ መርሀ፡ ለመንግሥተ፡ ሰማያት፡
✱አሜን✱ ፲፰፻፹፫ ዓ ም ።

Перевод надписи:

Это — обитель царя царей Эфиопии Иоанна, которую он купил за свои деньги и отдал монахам эфиопским, которые пребывали в Иерусалиме, чтобы стало (это) ему проводником в Царствие Небесное. Аминь. 1883 г[од] м[илости]. (10.IX.1890–9.IX.1891 гг. н.э.).

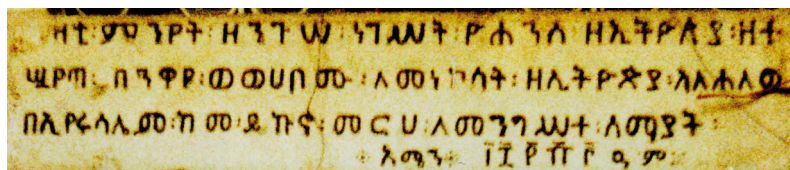

Рисунок 2

Палеография. При сравнительном изыскестве дуктуса специфические формы знаков *май* и *саут* в 6-м порядке (стк. 1: ም; стк. 1, 3: ሥ) с маленькой «ножкой», уходящей в левую сторону, характерны для так называемого «тяжеловесного» письма XIX–XX вв. («Klobige Schrift des 19. Jh. Und 20. Jh.»), выделяемого в период VII, по классификации З.Улиха³. Что до длинной горизонтальной черты в основании *саута* в 4-м порядке (стк. 2: ሣ), то ее появление связано, очевидно, с «опиской» камнереза, который начал высекать *саут* не в 4-м, а в 3-м порядке (ሣ) и попытался таким образом исправить свою ошибку. Правда, в «тяжеловесном» письме встречаются подобные «подставки» под знаками [6, р. 813], но они существенно короче и ставятся под всеми вертикальными «ножками», а не выборочно, как в нашем случае.

Филологический комментарий. Единственным отступлением от стандартной орфографии геэза является необычное написание слова ምኒት: «обитель» как ምንደት. По всей видимости, оно отражает особенность диалектов амхарского языка области Менз, расположенной на северо-востоке провинции Шоа, и провинции Волло, которая заключается в палатализации лабиальных и альвеодетальных

³ См. посвященный ему раздел в [6, pp. 768–806], а наиболее близкие к представленным в публикуемой надписи формам ም и ሥ [6, pp. 776, 779–780, 794].

согласных перед гласной 5-го порядка ($e \rightarrow yä$) [7, р. 120, 125], и проникло в поздний геэз из разговорной речи кого-либо из эфиопских монахов или клириков.

Наибольший интерес данная строительная надпись представляет для реконструкции истории Эфиопии в эпоху выхода ее из феодальной раздробленности и возрождения в ней христианской империи. Решающая роль в этом процессе принадлежит императору Иоанну IV, который «был вельможей по рождению, церковником по образованию, ревностным в вере, моралистом по призванию, монахом по образу жизни, националистом в политике, солдатом и императором по роду занятий» (“Emperor Yoḥannes IV was a nobleman by birth, a cleric by education, a zealot by faith, moralist by tendency, a monk by practice, a nationalist by police, and a soldier and emperor by profession” [7, р. 15]). Ему-то и посвящена издаваемая надпись.

Значительное место в его внешне- и внутривластном курсе, позволившем Эфиопии утвердиться в качестве мощной региональной державы⁴, занимала идеологическая составляющая, которая заключалась по преимуществу в поддержке Эфиопской Церкви. Подобно своим выдающимся предшественникам, Иоанн IV активно занимался строительством новых храмов на подвластных ему землях⁵. И, разумеется, Иерусалим, священный для христиан город, с которым Эфиопию связывали духовные узы на протяжении столетий, не мог остаться вне его внимания. Между тем положение местной общины эфиопских монахов и клириков, центром которой традиционно считался монастырь Дайр ас-Султан (دير السلطان) / Дер Сэлтан (ድሮ ሥልጣን), расположенный на кровле часовни св. Елены при Храме Гроба Господня, в середине XIX в. было крайне плачевным. С конца XVIII в., когда Гондарское царство окончательно распалось, община эфиопов в Святой Земле, лишившись всякой поддержки со стороны своих христианских монархов, осталась практически без средств к существованию. Этим не преминули воспользоваться копты, завладевшие отведенной эфиопам частью Храма Гроба Господня вместе с Дер Сэлтаном. В одном из писем к ним (№ 16, датированном 1 тэрра 1877 г. милости — 8 января 1885 г.) Иоанн IV бросил своим соотечественникам-монахам в Иерусалиме упрек в том, что они по-прежнему «говорили, что народ Эфиопии не имеет царя и что они

⁴ См. об этом [5, с. 653–656], где дана литература вопроса.

⁵ См., в частности, его краткую хронику на геэзе: [8, р. 180, 181, 182, 183, 186, 187, 188, 189].

попрошайки и живут, выпрашивая подавание у армян и (выходцев из) других стран»⁶. Между тем, как показывает приведенная ниже таблица (см. табл.), составленная на основании писем этого императора эфиопской общине в Иерусалиме и отдельным ее представителям⁷, та материальная помощь (в основном денежная), которую он им оказывал, была довольно значительной.

В конце этой эпистолярной подборки подведен баланс, из которого следует, что всего император Иоанн IV передал эфиопской монашеской общине в Иерусалиме 64 500 талеров, исключая деньги, предназначенные на «пропитание» (то есть на текущие расходы), и четыре ящика золота, захваченные в битвах с «турками» (то есть с египтянами). Кроме того, рас Алула⁸ единожды послал 400 талеров. Из этих средств 20 тыс. талеров пошло на приобретение земельного участка и дома, а 26 500 талеров и четыре ящика золота — на постройку церкви⁹.

Сложив данные, приведенные в таблице, удастся получить сумму, близкую 64 300 талерам, если допустить, что:

- в датированном лишь по году, а не по дате письме № 7 речь идет о той же сумме в 10 тыс. талеров, что и в письме № 6;
- из двух писем, датированных одним и тем же числом, то, у которого больше порядковый номер, отменяет предыдущее, так как оно, возможно, вообще не было отправлено (так, № 10 заменило № 9, а № 14 — № 13);
- письмо от 16 йакатита 1874 г. (№ 12) заменило послание от 14 йакатита того же года (№ 11), и сумма в 6000 талеров, указанная в № 12, была предназначена на «пропитание», как и 7000 талеров, фигурирующих в предыдущем письме;
- сумма, приведенная в № 16, пошла на «пропитание»;
- суммы, указанные в № 15 и № 18, были выделены на нужды конкретных клириков, а не общины.

⁶ [9, p. 178, 179].

⁷ Подборка из 26 писем, 25 из которых адресованы Иоанном IV эфиопским монахам в Иерусалиме; приложена к одной из его хроник на амхарском языке, местонахождение которой неизвестно. Ее издание с английским переводом было выполнено Байру Тафла по фотокопии. В кн.: [9, p. 20–21].

⁸ Крупный эфиопский феодал Алула Энгэда (ок. 1847–1897) рассматривается многими как национальный герой, боровшийся с махдистами и итальянцами [9, p. 211–213].

⁹ [9, p. 188, 189].

Таблица. Пожертвования императора Иоанна IV общине эфиопских монахов в Иерусалиме

№	Дата письма		Отправитель (имя, титул)	Адресат (ы)	Сумма (в талерах) и ее назначение	Примечание
	Эфиоп.	Григориан.				
1	9 тэрра 1861 г.	16.01. 1869 г.	Деджамач Каса (будущий Иоанн IV)	Мамхер Бэрхана Маскал и община монахов в Иерусалиме	1000 на церковь, где служите, и на место, где живете	Обещание сделать эту сумму ежегодной
2	16 гэнбота 1862 г.	23.03. 1870 г.	Деджамач Каса (будущий Иоанн IV)	Община монахов Дер Сэлтан в Иерусалиме	1000	Передана через аббу Валда Сама'ита и аббу Габра Мика'ела
3	20 нахасе 1862 г.	25.08. 1870 г.	Деджамач Каса (будущий Иоанн IV)	Те же	Нет	Увещевание в связи с внутренним конфликтом
4	25 магабита 1864 г.	02.04. 1872 г.	Царь царей Иоанн, царь Сиона Эфиопского	Мамхер Валда Марйам и все члены монашеской общины	7300	Передана через аббу Габра Мика'ела и аббу Валда Сама'ита
5	13 хамле 1868 г.	19.07. 1876 г.	Тот же	Община Дер Сэлтан в Иерусалиме	Нет	Указывает, что не смог найти возможности послать обычное пожертвование
6	12 хэдара 1872 г.	21.11. 1879 г.	Тот же	Община эфиопов в Иерусалиме	10 000 на пропитание	

7	1872 г.	09.1879– 09.1880 гг.	Тот же	Община монахов Дер Сэлтан в Иерусалиме	10 000	Обещание помочь, даже если придется продать коня
8	1 пагумена 1873 г.	05.09. 1881 г.	Тот же	Абба Валда Сама'ит и община в Иерусалиме	Нет	
9	28 магабита 1873 г.	05.04. 1881 г.	Тот же	Абба Валда Сама'ит в Иерусалиме	17 000 на постройку церкви; 20 000 на покупку земельного участка; 15 000 на пропитание	2000 — аббе Валда Сама'иту; 1000 — аббе Валда Иясусу; 1000 — аббе Валда Марйаму; 1000 — монаху, который с общиной
10	28 магабита 1873 г.	05.04. 1881 г.	Тот же	Община монахов Дер Сэлтан в Иерусалиме	15 000 на постройку церкви; 7000 на пропитание	
11	14 йакатита 1874 г.	20.02. 1882 г.	Тот же	Абба Валда Сама'ит и община Дер Сэлтан в Иерусалиме	7000 на пропитание	Насчет земельного-го участка писал патриарху и султану Абдул- Хамиду II
12	16 йакатита 1874 г.	22.02. 1882 г.	Тот же	Те же	6000	Передаю через аббу Валда Иясуса и аббу Валда Тенса'е

№	Дата письма		Отправитель (имя, титул)	Адресат (ы)	Сумма (в талерах) и ее назначение	Примечание
	Эфиоп.	Григориан.				
13	27 йакатита 1878 г.	05.03. 1886 г.	Тот же	Не указан	10 000	Передана через мамхера Валда Сама'ита
14	27 йакатита 1878 г.	05.03. 1886 г.	Тот же	Община Дер Сэлтан в Иерусалиме	20 000	Передана через мамхера Валда Сама'ита
15	1865 г. (?)*	09.1872– 09.1873 гг.	Тот же	Мамхер Бэрхана Масқал	5000	Передана через аббу Габра Марйама
16	1 тэрра 1877 г.	08.01. 1885 г.	Тот же	Община Дер Сэлтан в Иерусалиме	2000 — на то, в чем они нуждаются	
17	18 магабита 1878 г.	14.03. 1886 г.	Тот же	Мамхер Валда Сама'ит и община эфиопов в Иерусалиме	Нет	Дороги перекрыты: денег не послать; рекомендация занять под расписку 12 500 у консула Франции Суманя (Soumagne)
18	7 нахасе 1878 г.	12.08. 1886 г.	Тот же	Мамхер Валда Сама'ит	2000	
19	27 йакатита 1878 г.	05.03. 1878 г.	Тот же	Община Дер Сэлтан в Иерусалиме	Нет	
20	19 тахаса 1879 г.	27.12. 1886 г.	Тот же	Валда Сама'ит и община в Иерусалиме	20 000 на постройку церкви; 17 000 на пропитание	Также слоновая кость, цибет и 4 ящика золота на постройку церкви

21	12 сане 1880 г.	18.06. 1888 г.	Тот же	Эфиопская община в Иерусалиме	Нет	Слоновая кость и цибет собраны
22	1 маскарама 1877 г.	10.09. 1884 г.	Тот же	Абба Габра Абэя Эгзи'э	Нет	Если в общине не будет раздоров, то Валда Сама'ит привезет деньги
23	14 хэдара 1877 г.	22.11. 1884 г.	Тот же	Мамхер Валда Сама'ит, настоятель эфиопов в Дер Сэлтане в Иерусалиме	Нет	Рекомендация занять 5000, которые пришлет позже
24	27 текэмта 1884 г.	05.11. 1884 г.	Тот же	Тот же	Нет	
25	10 тэрра 1879 г.	17.01. 1887 г.	Тот же	Абба Валда Мика'ела и абба Валда Такла Хайманот	Нет	Повеление расу Алуле прислать все деньги, какие он сможет, на постройку церкви

* Возможно, год указан ошибочно (см. [9, р. 179, п. 271]).

Составлено автором по переписке, изданной в приложении к хронике императора Иоанна IV [9, р. 160–189].

Более 64 тыс. талеров — много это или мало? Речь, естественно, идет о серебряном талере Марии Терезии, являвшемся с конца XVIII и почти до второй четверти XX в. основным средством платежа на Африканском Роге и в прилегающих в нему регионах, включая Йемен. Его стандартный вес составлял 23,4 г, но это почти ни о чем не говорит. Однако вместе с приведенными выше подсчетами составитель подборки писем указал действовавший тогда курс талера по отношению к османскому пиастру (курушу): 1 к 24. Благодаря этому можно попытаться определить покупательную способность талера в Сиро-Палестинском регионе того времени.

Так, в записке генерального консула России в Бейруте Константина Дмитриевича Петковича (1827–1897) приведен обстоятельный обзор цен на основные продукты питания на рубеже 70–80-х годов XIX в. в Ливанской мутасаррифийи, расположенной в том же регионе, что и Палестина. За 1 кг (32 унции) пшеницы там давали от 25 до 30 пиастров (то есть от 1 до 1,25 талера), ячменя — 10–12 пиастров (от 0,4 до 0,5 талера), кукурузы — 15–16 пиастров (две трети талера). Те же 16 пиастров стоила 1 унция кофе. Заслуживают внимания данные о бюджете Ливанского генерал-губернаторства за периоды с 1 марта 1879 г. по 1 марта 1880 г. (4 821 324 пиастра = 200 889 талеров) и с 1 марта 1880 г. по 1 марта 1881 г. (3 928 256 пиастров = 163 677 талеров). Таким образом, за 18 лет, с 1869 по 1886 г., Иоанн IV перевел немногочисленной иерусалимской общине эфиопских монахов сумму, составляющую около одной трети годового бюджета далеко не самой бедной провинции Османской империи.

Заслуживал ли он за это монументальной надписи — вопрос риторический. Следует отметить, что высечена и установлена она была, когда этого великого эфиопского государя, скончавшегося 10 марта 1889 г. от шальной пули, полученной в битве с махдистами при г. Мэтэма, уже не было в живых, дабы увековечить память о нем.

Литература

1. Французов С. А. Легенда о Ламехе в мидрашах и в южноаравийской традиции (свидетельство иудейского культурного влияния в Йемене в раннее средневековье) // *Tema. Journal of Judeo-Yemenite Studies*. 2001, no. 7. P. 5–16.
2. Pedersen K. S. *Ethiopian Institutions in Jerusalem*. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1975. 26 p.
3. Pedersen K. S. *Jerusalem* // *Encyclopaedia Aethiopica*. Vol. 3 / ed. by S. Uhlig. Wiesbaden: Harrssowitz Verlag, 2007. P. 273–277.

4. *Prouty Ch.* Empress Taytu and Menelik II. Ethiopia: 1883–1910. London; Trenton (N.J.): Red Sea Press, 1986. 430 p.
5. Французов С. А. Иоанн IV // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 653–656.
6. *Uhlig S.* Äthiopische Paläographie. Stuttgart: Franz Steiner Verlag GmbH, 1988 (Äthiopische Forschungen, Bd. 22). 848 s.
7. *Habte Mariam Marcos.* Regional Variations in Amharic // *Journal of Ethiopian Studies*, vol. XI, no. 2, July 1973. P. 113–129.
8. *Chaine M.* Histoire du règne de Iohannes IV roi d'Éthiopie (1868–1889) // *Revue sémitique d'épigraphie et d'histoire ancienne*. 21ème année. 1913. P. 178–191.
9. A Chronicle of Emperor Yohannes IV (1872–89) / ed. by *Bairu Tafla*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1977 (Äthiopische Forschungen, Bd. 1). 198 p.
10. *Erlich H.* Alula Engäda // *Encyclopaedia Aethiopica*, vol. 1 / ed. by *S. Uhlig*. Wiesbaden: Harrsowitz Verlag, 2003. P. 211–213.
11. Петкович К. Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, политическом и религиозном отношениях // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XIX. СПб.: Издание Военно-учебного комитета Главного штаба, 1885. С. 97–270.

Контактная информация:

Французов Сергей Алексеевич — д-р ист. наук, проф.;
serge.frantsouzzoff@yahoo.fr; frants@spios.nw

Jerusalem Inscription of Yohannēs IV, Emperor of Ethiopia

Sergej A. Frantsouzzov

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences,
18 Dvortsovaya nab., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation*

For citation: Frantsouzzov S.A. Jerusalem Inscription of Yohannēs IV, Emperor of Ethiopia. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 194–206. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.13> (In Russian)

The article contains the first publication of the text and commented translation of an inscription in the Gəʿəz language engraved in AD 1890–1891 over the entrance to the oratory of the Residence of the Archbishop of the Ethiopian Church in Jerusalem, which is situated in the Old City, near the 8th station of the *Via Dolorosa*. A considerable moneyed assistance of the Ethiopian community in the Holy City by the second great integrator of Ethiopia in the Modern Times, the Emperor Yohannēs IV, which is commemorated in the inscription,

proved to be reflected also in his correspondence with local monks enclosed to a chronicle of him.

Keywords: Ethiopian Christian State, Emperor of Ethiopia Yoḥannēs IV, Jerusalem, Ethiopian community in the Holy Land, epigraphic documentation in the Gəʿəz language.

References

1. Frantsouzoff S. A. The Legend of Lamech in Midrash and South Arabian Tradition // *Tema. Journal of Judeo-Yemenite Studies*, 2001, no. 7, pp. 5–16.
2. Pedersen K. S. *Ethiopian Institutions in Jerusalem*. Jerusalem, Franciscan Printing Press, 1975. 26 p.
3. Pedersen K. S. Jerusalem. *Encyclopaedia Aethiopica*, ed. by S. Uhlig, vol. 3, Wiesbaden, Harrssowitz Verlag, 2007, pp. 273–277.
4. Prouty Ch. *Empress Taytu and Menelik II. Ethiopia: 1883–1910*. London, Trenton (N. J.), Red Sea Press, 1986. 430 p.
5. Frantsouzoff S. A. Ioann IV (Yoḥannēs IV). *Pravoslavnaia entsiklopedija (The Orthodox Encyclopaedia)*, vol. XXIII. Moscow, Ecclesiastic and Scholarly Center of the Orthodox Encyclopaedia, 2010, pp. 653–656. (In Russian)
6. Uhlig S. *Äthiopische Paläographie*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag GmbH, 1988 (Äthiopische Forschungen, Bd. 22). 848 s.
7. Habte, Mariam Marcos. Regional Variations in Amharic. *Journal of Ethiopian Studies*, vol. XI, no. 2, July 1973, pp. 113–129.
8. Chaîne M. Histoire du règne de Iohannes IV roi d'Éthiopie (1868–1889), *Revue sémitique d'épigraphie et d'histoire ancienne*. 21ème année, 1913, pp. 178–191.
9. *A Chronicle of Emperor Yoḥannes IV (1872–89)*. Ed. by Bairu Tafla. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag GmbH, 1977 (Äthiopische Forschungen, Bd 1). 199 p.
10. Erlich H. Alula Ḥngäda. *Encyclopaedia Aethiopica*, ed. by S. Uhlig, vol. 1, Wiesbaden, Harrssowitz Verlag, 2003, pp. 211–213.
11. Petkovich K. *Lebanon and the Lebanese*. Oчерки nyneshnego sostojanija avtonomnogo Livanskogo general-gubernatorstva v geograficheskom, politicheskom, etnograficheskom i religioznom otnoshenijakh (Essays on the actual situation in the autonomous Lebanese General Governorship in geographic, political, ethnographic, and religious aspects). Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii (Collection of geographic, topographic and statistical materials on Asia). Iss. 19. St. Petersburg, Edition of Military Educational Committee of the Main Headquarters, 1885, pp. 97–270. (In Russian)

Author's information:

Sergej A. Frantsouzov — Dr. Scien. in History, Professor;
serge.frantsouzoff@yahoo.fr; frants@spios.nw

УДК 811.411.4+94

Материальные свидетельства истории установления дипломатических связей между Российской империей и Эфиопией в собраниях Санкт-Петербурга

Е. В. Гусарова

*Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 190121, Санкт-Петербург, Союза Печатников ул., 16;
Институт восточных рукописей Российской академии наук,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18*

Для цитирования: Гусарова Е. В. Материальные свидетельства истории установления дипломатических связей между Российской империей и Эфиопией в собраниях Санкт-Петербурга // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 207–214. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.14>

Российско-эфиопские связи имеют длительную историю. Особенно активно они стали развиваться в период наиболее напряженной международной обстановки конца XIX в. В это время обширные территории северо-восточной части африканского континента превратились в своего рода театр реализации внешнеполитических планов мировых держав и их колониальных интересов. Эфиопия, которой немалой ценой удалось избежать колониального захвата своих территорий, оказалась в изоляции. Не имея поддержки извне и учитывая тяжесть сложившейся ситуации, эфиопский царь Менелик II (1889–1913) обращает взор к Российской империи, близкой Эфиопии по вероисповеданию.

Ключевые слова: история Эфиопии, Менелик II, Николай II, эфиопское посольство, медали и ордена, эфиопские рукописи, Эфиопская Церковь.

К концу XIX в. мировая внешнеполитическая ситуация сложилась в значительной степени неблагоприятно для Эфиопии. В это время Англия всеми правдами и неправдами расширяла сферы своего экономического влияния в Египте и быстрыми темпами совместно с египетским правительством продвигалась на юг. Судан, завоеванный Ибрагимом-пашой еще при Мухаммеде Али (годы правления 1805–1849), подвергался активному засилью иностранцев и экономической эксплуатации. Началось широкомасштабное восстание местного населения под предводительством Мухаммеда Ахмада. Приближение новообразованного Махдистского государства к западным границам Эфиопии и прочие конфликты привели

к войне между махдистами и Эфиопией 1885–1889 гг. В одном из сражений был смертельно ранен царь Эфиопии Иоанн IV (1872–1889).

В Красном море стоял французский флот. Франция, Италия и Англия делили между собой сферы влияния на Красноморском побережье африканского континента. Когда суданская угроза была устранена, итальянцы высадились в Эритрее и заняли ее. Это привело к развязыванию первой итало-эфиопской войны 1895–1896 гг. Император Менелик II, занявший эфиопский престол после смерти Иоанна IV, вынужден был собирать войска. Несмотря на неравные силы и большую техническую оснащенность противника, победу одержали эфиопы. В решающей битве при Адуа (знаменитая Адуа дыль) во многом благодаря бесконечному патриотизму местного населения итальянские войска были разгромлены.

Менелик II не мог не осознавать технической отсталости своей страны. Эфиопия, разоренная войной, не имела материальных ресурсов. Огромное количество раненых нуждались в медицинской помощи. В Эфиопии, как известно, практиковалась народная медицина, тесно связанная с религией и народными верованиями. Целители и маги использовали магические заклинания и травы, а священнослужители переписывали «магические свитки», которые жители носили при себе или подвешивали на стены в жилищах. Тогда эфиопский император обратил взор на далекую Россию, которая считалась близкой по православному вероисповеданию к Эфиопской церкви¹. Была сформирована делегация, состоящая из официальных лиц и религиозных деятелей, которая должна была отправиться в далекий Петербург, приготовлены дорогие подарки, составлены речи. От результатов этого посольства в некоторой степени зависела дальнейшая судьба эфиопов [2, с. 683–684].

Среди хранящихся в Институте восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН) эфиопских материалов была обнаружена некаталогизированная художественно оформленная пергаменная грамота из рукописного собрания ИВР РАН (современный шифр: Эф. 121)². Она содержит текст на амхарском языке, сообщаю-

¹ Вопрос о близости доктрин Русской и Эфиопской церквей неоднозначен. Величайший отечественный историк древней Церкви В. В. Болотов опровергал это убеждение. Этому опровержению он посвятил свою работу «К вопросу о соединении абиссин с православной церковью», см.: [1].

² В инвентарной книге указаны лишь размеры грамоты 32×39 см. История ее поступления в собрание ИВР РАН не ясна.

щий о награждении Николая II эфиопским орденом звезды. Над текстом, в верхней части грамоты, располагается печать Менелика II. Текст заключен в полихромную рамку, представляющую собой геометрический орнамент.

Текст грамоты на староамхарском языке (с геэзскими вкраплениями) приведен ниже. Первые две строки (красными чернилами) повторяют стандартный текст легенды царских печатей, расположенный по ее окружности:

ሞዓ፡ አንበሳ፡ ዘኢምኅገደ፡ ይሁዳ፡ ዳግማዊ፡ ምኒልክ፡ ንጉሠ / ነገሥት፡ ዘኢትዮጵያ፡፡

Далее следует текст письма:

ይህን፡ ደብዳቤ፡ ለሚያዩ፡ ሰዎች፡ ሁሉ፡ ሰላምታዬን፡ እስ/ጣለሁ፡፡ በእኔም
ሯቸውና፡ በውቀታቸው፡፡ በጉልበታቸውና፡ በብልሀታቸው፡ የከበሩ፡ ነገሥ
ታት፡፡ አርበኞቻቸውንና፡ ወዳጆቻቸውን፡ አገልጋዮቻቸውንም፡ እንዲ/ሸልሙ፡፡
እኛም፡ ወዳጃችንን፡ የመስኮብን፡ ንጉሠ፡ ነገሥት፡ ዳግማዊ፡ ኒቆላዎስን፡
በመገርመሪያው፡ የመንግሥታችን፡ የክብር፡ ንሻን፡ ኮከብ፡ ከከ፡ ዕንቁ፡ ሸል
መነዎታል፡፡ / ይህንንም፡ ንሻን፡ በወገብዎ፡ እንዲይዙት፡ ለምነንዎታል፡ /
በሚያዝያ፡ ፳፪፡ ቀን፡ አዲስ፡ አበባ፡ ከተማ፡ ተጻፈ፡ በ፲፰፻፱ወ፲፯፡ ዓመተ፡-
ሥጋዊ፡፡

Перевод:

«Победил лев из колена Иуды, Менелик Второй, царь царей Эфиопии».

«Я посылаю приветствие всем людям, которые увидят это письмо. К вашему знанию и разумению. Прославлены цари вашими стараниями и умениями. Ваши воины и друзья [и] слуги должны быть награждены. Мы же награждаем нашего друга царя царей Московского Николая Второго первым почетным орденом нашей страны — [орденом] Звезды с драгоценным камнем (с драгоценными камнями? — *Авт.*). Мы просим Вас носить этот орден на боку (то есть на ленте через плечо. — *Авт.*). Написано 22 числа месяца миязья, город Аддис Абеба, в 1887 г. от Воплощения».

Датировка: дата, приведенная в конце письма по эфиопскому летоисчислению, соответствует 29 апреля 1895 г. по новому стилю.

Из опубликованных документов, касающихся русско-эфиопских дипломатических отношений, мы узнаем, что в 1895 г. в России

ожидалось прибытие миссии из Эфиопии от императора Менелика II, которая 29 июня сошла на берег в Одессе, где ее уже ожидали, впрочем, не без некоторых опасений. Эфиопия, находящаяся под гнетом навязываемого ей итальянского протектората и страхом колониальной оккупации, искала всесторонней поддержки у близкой ей по христианской вере и традиционно дружественной Российской империи. На поезде с непродолжительной остановкой в Москве, где при участии городского головы и членов городской Думы была организована небольшая культурная программа с посещением нескольких храмов, они прибыли в Петербург. Членов заморской миссии разместили в «Гранд-отеле». На протяжении десяти дней они ожидали аудиенции императорской семьи.

30 июня (12 июля по новому стилю) 1895 г. эфиопская миссия была принята в Аничковом дворце — вначале вдовствующей императрицей Марией Федоровной, а затем императором Николаем II с супругой. В качестве даров из далекой африканской страны были привезены золотой крест, к которому приложилась царственная чета, получив благословление от прибывшего в составе миссии епископа Габра Эгзиабхера, и парадная рукопись, содержащая текст Четвероевангелия, на пергамене. Кроме того, от супруги Менелика II, царицы Таиту, были переданы письмо (местонахождение которого неизвестно) для Александры Федоровны, а также традиционные ювелирные украшения и эфиопская плетеная корзина, аналоги которой в Эфиопии используют вместо стола либо большого блюда при сервировке. Сопровождавший эфиопскую миссию в Петербурге лейб-гвардии поручик запаса Н. С. Леонтьев³, имевший, кроме того, личный интерес к Эфиопии, преподнес государыне императрице эту корзину с роскошным букетом цветов, выйдя таким образом из затруднительного положения, в котором могла оказаться миссия, поднося столь скромный предмет в качестве дипломатического дара.

³ Н. С. Леонтьев (под влиянием вестей об аванюре Н. И. Ашинова и его трех поездках в Абиссинию) в качестве члена Императорского Русского географического общества примкнул к миссии поручика В. Ф. Машкова в Эфиопию. Он находился при Менелике II во время итало-эфиопской войны, непосредственно участвовал в битве при Адуа. Он был назначен губернатором Экваториальных провинций Эфиопии. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится донесение Н. С. Леонтьева в Азиатский департамент, который озаглавлен «Экваториальные провинции Абиссинии как возможная опора нашего влияния в этой стране и на востоке Африки» (Ф. 1000. 1950.20–4. Л. 32–37).

Упоминается также письмо Менелика II российскому императору, которое, по всей видимости, следует отождествить с рассматриваемой нами грамотой.

Кроме того, в докладной записке коллежского советника Н. Филиппьева, прикомандированного Министерством иностранных дел для сопровождения эфиопской делегации в Санкт-Петербурге, об аудиенциях членов миссии у императорской семьи от 1 июля (13 июля по н. с.) 1895 г. говорится, о том, что Николаю II был преподнесен в дар от Менелика, царя Эфиопии, орден Печати Соломона⁴. Действительно, судя по всему, среди орденов иностранного происхождения, которых был удостоен Николай II, хранился и эфиопский орден с большим бриллиантом в центре, который отождествили с более известным орденом Печати Соломона первой степени. Он упоминается и в издании «Державные кавалеры» [4, с. 206, 246], посвященном этой коллекции, но изображения ордена в книге не приводится. Издание сообщает, что орден был эвакуирован в Москву в 1918 г., где был помещен в Кремль, а в 1922 г. был отправлен в Гохран, а затем продан. Дальнейшая его судьба неизвестна. Кроме того, в 1899 г. был сделан альбом акварелей с изображениями всех иностранных орденов Николая II⁵, в который, к сожалению, не был вписан эфиопский орден. Других эфиопских орденов у Николая II не было.

Орден Соломона, или, как его еще называли, Печати Соломона или Креста Соломона, не инкрустировался драгоценными камнями, но мог быть частично покрыт эмалью. Орден же Звезды, который в Эфиопии имел две разновидности, более раннюю и более позднюю, представлял собой пример традиционного эфиопского филигранного орнамента и мог дополнительно украшаться драгоценными камнями⁶.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Политархив, д. 2013, л. 51–52 об. [3].

⁵ Альбом с изображением иностранных орденов императора Николая II (Музеев Московского Кремля), инв. № Гр.-3771.

⁶ Относительно эфиопских орденов любопытен еще один факт. Эфиопский принц Дамто, находясь в Петербурге, раздарил различным высокопоставленным деятелям 14 орденов, восемь из которых, по слухам, были украшены, по выражению Н. С. Леонтьева, «искусственными изумрудами», то есть либо стразами зеленого цвета, либо малоценными бериллами. Сам Н. С. Леонтьев был также скандально известен разного рода авантюнными действиями как в России, так и на Африканском Роге.

Таким образом, название ордена было указано неверно, возможно, под влиянием более популярного и чаще упоминавшегося старейшего среди эфиопских орденов — ордена Печати Соломона, но в первую очередь из-за того, что, скорее всего, никто не удосужился передать эту грамоту для перевода⁷.

В РНБ хранится рукописный подносной экземпляр эфиопского Четвероевангелия (Ф. 935. Эфиопские рукописи. Новая серия. Собрание, 22). Он долгое время не привлекал особого внимания исследователей. Между тем, согласно колофону, этот кодекс был выполнен по заказу царя Эфиопии Менелика II в 1895 г. (1887 г. по эфиопскому летоисчислению) для поднесения эфиопской миссией, направленной в Российскую империю, Николаю II. Колофон наравне с некоторыми другими листами рукописи снабжен печатью Менелика II, идентичной оттиску на грамоте.

Данная рукопись поступила в библиотеку между 1914 и 1938 гг. [6, с. 260] (более точную дату определить не удалось). На листе 291 оборотный присутствует номер в описи — 220 и ниже, под строкой, — 928, которые указывают на то, что рукопись поступила в Публичную библиотеку в 1928 г. из Городского архива.

Позднее, на сумке, под ремнем, нами была обнаружена бумажная наклейка с надписью: «Музей города. Исторические помещения Аничкова дворца № 7446». Следовательно, эта рукопись была преподнесена Николаю II (или оставлена в дар Николаю II) в этом дворце, где членами царской семьи действительно проводились приемы знатных гостей, вместе с описываемой нами грамотой. Судя по всему, эта рукопись имеет прямое отношение к вышеописанному прибытию в Петербург эфиопской делегации. Остальные предметы и ценности, привезенные из Эфиопии, бесследно исчезли, сгинув в огне русской революции и хаосе начальных лет существования Советской России.

Таким образом, грамота Эф. 121, наравне с кодексом Четвероевангелия и некоторыми другими документами, является уникальным свидетельством истории налаживания связей между Российской империей и Эфиопией. Официальные российско-эфиопские

⁷ Нужно иметь в виду, что еще здравствовавший тогда В. В. Болотов владел не только геэзом, но и амхарским языком и делал с него и на него переводы для МИДа. Б. А. Тураев в некрологе, составленном по смерти профессора В. В. Болотова, сообщает, что его часто привлекали к разного рода переводческой деятельности, отвлекая, таким образом, от научных изысканий [5, с. 81–101; 93–94].

дипломатические отношения были установлены уже в 1898 г., и в этом важную роль сыграло прибытие эфиопской делегации в Петербург. Сближение с Эфиопией стало своего рода навязчивой идеей для многих российских умов конца XIX в. Это открывало значительные преимущества для обеих стран во внешнеполитическом плане. Несмотря на то что люди, стремившиеся к налаживанию дружеских отношений с далекой христианской страной, слыли легкомысленными авантюристами среди правящей элиты Российской империи, для большинства из них это было делом жизни, направленным на пользу отечеству. Наглядным свидетельством этому может служить цитата из записки Н. С. Леонтьева, касающейся вопроса восстановления официальных связей с Эфиопией, представленной начальнику главного штаба Н. П. Обручеву. Эта записка соответствует настроению ее автора Леонтьева, Н. И. Ашинова, Н. Н. Шедевра и других путешественников в Эфиопию. Леонтьев начинает свою записку так: «Выполняя заветную мечту...»⁸.

Литература

1. *Болотов В.* Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. I: К вопросу о соединении абиссин с православной церковью // Христианское чтение. СПб., 1888. № 1–2.
2. *Гусарова Е. В.* Менелик II // Православная энциклопедия. Т. XLIV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. С. 683–684.
3. Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в.: сб. документов. М.: Восточная литература, 1998. 583 с.
4. Державные кавалеры. Иностранные ордена российских императоров. М.: Азбука, 2010. 264 с.
5. Памяти Василия Васильевича Болотова / [Б. Тураев] — [Санкт-Петербург]: типография Императорской Академии наук, [1900] (отдельный оттиск из Записок Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. 13). С. 81–101.
6. Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг. со вступительным историческим очерком / ред. Т. К. Ухмылова, В. Г. Гейман. Л.: ГПБ, 1940. 302 с.

Контактная информация:

Гусарова Екатерина Валентиновна — канд. ист. наук, ст. преп., науч. сотр.;
ekater-ina@mail.ru

⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. 1950. 20–4. Л. 29–31.

Material testimonies of the history of diplomatic relations between the Russian Empire and Ethiopia in the St. Petersburg collections

Ekaterina V. Gusarova

National Research University «Higher School of Economics»,
16 Souza Pechatnikov str., Saint Petersburg, 190121, Russian Federation;
Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences,
18 Dvortsovaya nab., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Gusarova E. V. Material testimonies of the history of diplomatic relations between the Russian Empire and Ethiopia in the St. Petersburg collections. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 207–214. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.11> (In Russian)

Relations between Russian Empire and Ethiopia have a long-lasting history. They became much more active in the last quarter of 19th century, when the international situation has changed and became tense. During this period the vast territories of northeastern part of African continent transformed in a kind of scene of international plans realization of World Empires and their colonial interests. Ethiopia managed to avoid colonial occupation of its territories. Consequently, it was again isolated from the external world. Having no support from abroad and being in hard conditions Emperor of Ethiopia Menelik II (1889–1913) looked towards the Russian Empire, close to Ethiopia in the matters of the Christian Orthodox faith.

Keywords: History of Ethiopia, Menelik II, Nikolas II, Ethiopian embassy, medals and orders, Ethiopian manuscripts, Ethiopian Church.

References

1. Bolotov V. V. Several pages from the Church history of Ethiopia. I: On the question of uniting the Abyssinians with the Orthodox Church // *Christian reading*. SPb., 1888, no. 1–2. (In Russian)
2. Gusarova E. V. Menelik II // *Orthodox encyclopedia*. Vol. XLIV. Moscow, Church scientific center “Orthodox encyclopedia” Publ., 2016, pp. 683–684. (In Russian)
3. *Russian-Ethiopian relations in the XIX — beginning of XX centuries*. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1998. 583 p. (In Russian)
4. *Sovereign Knights. Foreign Orders of Russian Emperors*. Moscow, Azbuka Publ., 2010. 264 p. (In Russian)
5. *To the memory of Vasily Vasilyevich Bolotov* / [B. Turaev] — [St. Petersburg]: tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, [1900] (otdelnyy ottisk iz Zapisok Vostochnogo Otdeleniya russkogo arheologicheskogo obshchestva, t. 13), pp. 81–101. (In Russian)
6. *Short report of the Manuscript department for the years 1914–1938*. Leningrad, State Public Library by M. E. Saltokov-Shedrin Publ., 1940. 302 p. (In Russian)

Author's information:

Ekaterina V. Gusarova — Ph.D. Sci. in History, Researcher; lecturer; kater-ina@mail.ru

АЗИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

Письменность тюркских народов в древности и раннем Средневековье: основные системы

Н. Н. Телицин

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Телицин Н.Н. Письменность тюркских народов в древности и раннем Средневековье: основные системы // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 215–230.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.15>

Исторически сложилось, что большинство народов, использующих письмо, могли либо самостоятельно изобрести такой вид письма, который полностью соответствует требованиям их собственного языка и позволяет наиболее точно передавать необходимую информацию, либо заимствовали таковое у других народов, имеющих развитую культуру и письменность. Первое тюркское государство, созданное кочевыми племенами, под сильным влиянием оседлых цивилизаций и их культур вынужденно заимствует письмо согдийцев и китайцев. После краха Первого Тюркского каганата тюркам понадобилось менее века для создания автохтонного письма. В статье рассматриваются примеры древнетюркской письменности с VI по XV в., то есть с момента зарождения тюркской (рунической) письменности до принятия арабской графики.

Ключевые слова: тюркское государство, согдийское письмо, руническое письмо, уйгурское письмо.

Впервые о наличии у тюркских народов собственного письма заговорили после обнаружения в 1889 г. Николаем Михайловичем Ядринцевым (1842–1894) в долине Кошо-Цайдам, на берегу р. Орхон, памятника-стелы с текстами, написанными китайскими иероглифами и тем письмом, которое воспринималось европейскими учены-

ми как руническое. Из китайской надписи стало ясно, что памятник установлен в 732 г. в честь Кюль-Тегина (ум. 732) — брата тюркского правителя Бильге-кагана (ум. 734). Время создания памятника приходится на период существования одного из государств тюрков — Второго Тюркского каганата, просуществовавшего с 682 по 745 г.

Однако уже в Первом Тюркском каганате (ок. 550–630 гг.) для государственных нужд возникла острая необходимость в письме, в том числе и для увековечивания тех или иных событий и истории самих правителей. Логично было предположить, что при отсутствии собственного письма тюрки станут использовать письмо соседних с ними цивилизаций, имеющих в то время огромное влияние на тюркские племена, — согдийской (курсивное согдийское письмо) и китайской (иероглифическое письмо).

Подтверждением использования «чужого» письма служат обнаруженные в 1956 г. в Архангайском аймаке Монголии остатки погребального комплекса [1, с. 121]. На стеле, позднее получившей название Бутутской, были зафиксированы письмена, которые были интерпретированы как согдийское письмо.

В начале надписи, по всей видимости, указывается время сооружения стелы: «*////* стелу (?) установили тюрки (при) государе Китая (?) Кутсат». В тексте памятника приведена еще одна дата события, происшедшего в год Зайца [1, с. 122].

Более интересным представляется второе указание, относящееся к датировке. В период существования Первого Тюркского каганата (ок. 550–630 гг.) год Зайца по двенадцатилетнему животному циклу приходился на 559, 571, 583, 595, 607 и 619 гг. [см., например: 2] Других прямых указаний на временную локализацию памятника не обнаруживается. В связи с этим датировать следует на основании как уже приведенных данных, так и на косвенных свидетельствах, содержащихся в самом тексте.

По отрывочным сведениям можно определить упоминание создания в каганате буддийской сангхи, о чем сообщалось и в китайских династийных хрониках. А поскольку официальное принятие буддизма тюрками традиционно связывают с именем кагана Таспара, то можно примерно восстановить временные рамки того периода. По историческим свидетельствам становится ясно, что проникновение буддизма на территорию Первого Тюркского каганата последовало в 574 г. после начала гонений приверженцев этой религии в государстве Северное Чжоу при императоре У-ди (武帝) (561–578).

Известно, что в этот период на тюркский язык были переведены некоторые сутры, были воздвигнуты буддийские храмы и монастыри. Даже сам каган Таспар принимал участие в религиозных обрядах [1, с. 132–133].

Таким образом, по разным признакам надпись следует отнести, по крайней мере, ко времени ранее конца VII — начала VIII в., то есть к последней четверти VI в. Если же сопоставить эти предположения с датой, указанной в самом памятнике (год Зайца), то можно предположительно датировать его 583 или 595 г. Следует отметить, что до недавнего времени Бугутская стела считалась чуть ли не единственным памятником, зафиксировавшим употребление согдийского языка и письма для нужд правителей Первого Тюркского каганата, и одним из немногих памятников, которые однозначно можно отнести к периоду существования первого тюркского государства.

В 1953 г. в Синьцзяне, в местечке, расположенном в 5 км южнее населенного пункта Чжаосу (Или-Казахский автономный округ, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика), были обнаружены остатки погребального комплекса и каменная статуя (размером $2,3 \times 0,5 \times 0,3$ м), которые в течение почти сорока лет не подвергались текстологическим изысканиям. В нижней части статуи сохранились 20 строк согдийской надписи, аналогичной по исполнению надписи на Бугутской стеле, что говорит о возможности отнести эту надпись по времени к концу VI — началу VII в. Из указанных сохранившихся строк читаются только восемь, остальные разобрать трудно. По описанию Такаши Осава первым исследовавшим памятник, поминальный комплекс и статуя созданы в честь Нири-кагана (?), сына Ыангсу-тегина (*Yang su tegin* (?)), внука Муган-кагана [3, pp. 47–504]. Нири-каган, по другим источникам Нили-кехань (китайское *Nili kehan*, упомянут в памятнике на древне-согдийском как *nry x'y'n*), правил с 587 по 599 г., а сам памятник Т. Осава датирует 599 г. — годом смерти самого Нири-кагана, что приходится на последние годы существования Первого Тюркского каганата [3, p. 490].

В отечественной же исторической литературе этот период называется Дулань-каган (都藍可汗 Доуланькэхань), известный также под именем Юн-Улуг. Имя Нили-кеханя, описание его жизни и связанных с ним событий, совпадает с именем сына Янсу-тегина — Нили-хана (кит. 泥利可汗 — Нили-кехань) или Иль-тегин Буйрука, бывшего наместником в западных землях Тюркского каганата

с 599 по 603 г., а с 603 по 604 г. ставшего первым каганом отделившегося Западно-тюркского каганата¹. Поэтому корректнее было бы датировать эту надпись не ранее чем 603–604 гг.

Надпись в честь Нили-хана, как и Бугутская стела, дают нам возможность подтвердить одну из основных концепций развития письма и письменности у тюрков.

Первое тюркское государство, созданное не имевшими единого вида письма кочевыми племенами, под сильным влиянием оседлых цивилизаций и их культур вынужденно заимствует письмо этих народов. Примечательно, что тюрки не просто заимствовали и адаптировали согдийское письмо под свой язык, а намеренно использовали и согдийский язык. Это может говорить о терпимом, толерантном отношении тюрков-завоевателей к тем народам, которые проживали на присоединенных к каганату территориях.

Остается лишь предполагать, что тюрки, завоевав Центральную Азию, оставили на местах ту же систему управления, переподчинив ее себе. В этом случае они могли свободно использовать у себя на службе и согдийцев, которые были на тот период более цивилизованными с точки зрения образования, архитектуры и т. п.

О влиянии согдийцев на тюрков можно судить по китайским источникам времени правления Шиби-кагана (609–619). Например, один из высокопоставленных вельмож китайского двора Пэй Цзюй — в прошлом наместник Западного края (Восточного Туркестана) — сообщал следующее: «Туцзюэ простодушны и между ними можно сеять раздор; к несчастью среди них есть много ху 胡 (варвары, согдийцы. — *Авт.*), которые коварные, злые и хитрые, которые их учат и управляют ими...»².

Наиболее спорным с точки зрения происхождения видом письма тюрков можно назвать руническое, точнее, руноподобное письмо. По всем историческим фактам можно предположить, что оно получила широкое распространение не раньше второй половины VII в. [8, с. 83]. Памятники, написанные руноподобным письмом, обнаружены на обширной территории от Каспийского моря до северных районов Монголии. Традиционно язык рунических памятников признают «наддиалектным» литературным языком тюркских народов, входивших или контактировавших с существовавшими в тот

¹ См., например: [4, с. 279–280; 5, с. 117].

² См., например: [6, pp. 87–88; 7, с. 24–29].

период крупными объединениями тюркских племен и тюркскими государствами: Тюркским каганатом (VI–VIII вв.), Уйгурским каганатом (VIII–IX вв.), Уйгурским государством в Восточном Туркестане (IX–XIII вв.) [9, с. 23]. Однако при более глубоком изучении необходимо учитывать то, что памятники создавались разными тюркскими племенами в разное время и на разных территориях, что требует локализации тюркских памятников с точки зрения их этнокультурной, временной и территориальной отнесенности.

Следует отметить и то, что руническое письмо, по мнению многих тюркологов, пережило три этапа своего развития:

- *архаический*, к которому относят тюркские памятники Семиречья (VI–VII вв.), Енисея (VI–X вв.);
- *классический*, к которому следует отнести только памятники Второго Тюркского (тюркютского) каганата (первая половина VIII в.);
- *поздний*, охватывающий памятники эпохи Уйгурского каганата (вторая половина VIII–IX вв.), памятники восточного Туркестана (IX в.) [2, с. 52–54].

Согласно точке зрения, которая заслуживает упоминания, тюркское руническое (руноподобное) письмо является автохтонным по происхождению, то есть письмом, возникшим на территории расселения тюркоязычных племен из собственного, «национального рисуночного фонда» [10, с. 154]. Действительно, в китайских династических летописях упоминалось о наличии у тюрков двух видов письма. Одно из них было похожем на письмо согдийцев — что уже подтверждено наличием памятников VI–VII вв. согдийским письмом и на согдийском языке. Другое же письмо было схожим со знаками на деревянных палочках, которые употреблялись для фискальных целей [6, pp. 9–10; 10, с. 158].

По всей видимости, после краха Первого Тюркского каганата тюркам понадобилось менее века для создания автохтонного письма, первые памятники на котором датируются 710–716 гг. — периодом Второго Тюркского каганата (ок. 682–744 гг.). Основным толчком к возникновению собственного письма было стремление тюркских племен к возрождению былого могущественного государства, а также потребность в средствах обмена информацией, управления государством и т. п. [11, с. 234].

Древнетюркское руническое письмо (ДТРП) состояло из 40 знаков геометрической формы и было хорошо приспособлено для фиксации на камне и других материалах. Это письмо достаточно точно передавало практически все фонетические особенности тюркских языков. Большая часть знаков, передающих согласные, имела два варианта начертания — для обозначения твердых и мягких согласных, употреблявшихся с гласным переднего или заднего ряда.

Особенности ДТРП подтверждают, что оно шло естественным эволюционным путем, свойственным всем автохтонным письменным системам, включающим предписьменное состояние (содержащее рисуночные знаки с ограниченными функциями, резы, тамги), словесные, слоговые и буквенные этапы, и в начале VIII в. находилось в процессе алфавитизации.

В ДТРП имеется несколько знаков-рисунков (пиктограмм), опирающихся на присущие им изобразительные свойства и способных выступать в качестве словесных знаков: /at/; /aj/; /äb/ 'юрта'; /är/; /oq/; /ay/ 'сеть', 'рыболовная сеть'; /art/ 'перевал'; /as/ (от глагола *as* 'висеть, свисать'); /äd/ (от тюркской тамги 'имущество, скот'); /äl/ (от слова *elig*); /än/ 'склон'; /äs/ (от слова *sünjü ~ sünük ~ sünüg*); /äš/ (от слова *ešik*); /i/ 'дерево'; /iq/ 'веретено'; /ič/ 'пить'; /alt/ 'нижняя часть' и т. д. Этот факт является одним из наиболее убедительных доказательств автохтонности древнетюркского рунического письма.

Имеется и внешний источник, свидетельствующий по меньшей мере о синлабическом устройстве ДТРП. Это найденный А. Ле Коком в 1905 г. в урочище Тойок (Туюк) в Турфанском оазисе и изданный в 1909 г., рукописный фрагмент, в котором манихейскими буквами передается фонетическое значение 19 древнетюркских рунических знаков типа /ad/, /as/, /iq/ и т. д. (см. рис.)

В. В. Радлов в результате систематизации письменных знаков показал, что уже в раннем Средневековье существовали два родственных, но самостоятельных рунических письма: енисейское и орхонское. Позднее благодаря С. Е. Малову стали выделять и третье — таласское, а затем, в результате классификации написаний всей Евразии, было обосновано бытование семи-восьми отдельных «рунических азбук» [14, с. 7–32], что подвергает сомнению традиционное мнение о существовании «единой орхоно-енисейской письменности».

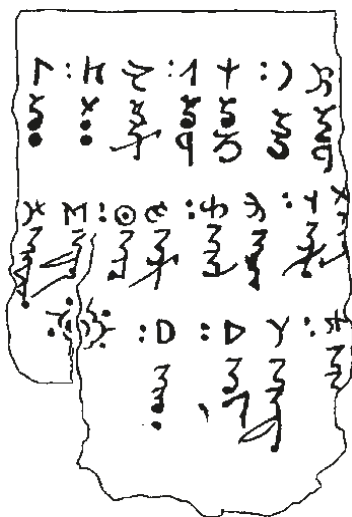

Рисунок. Рукописный фрагмент с руническими знаками, найденный в урочище Тойок в Турфанском оазисе

Само письмо создавалось в условиях широких культурных и хозяйственных связей тюркских племен с окружающими их народами, многие из которых имели развитое письмо и письменные традиции. К таким народам в первую очередь относились согдийцы и китайцы. Выше говорилось об употреблении в первом тюркском государстве согдийского письма и языка для увековечивания в истории каких-либо событий, связанных с жизнью того или иного тюркского правителя. Данный вид письма был широко распространен, что говорит о грамотности среди древних тюрков.

С Китаем у тюркских племен были давние исторические связи. Известно, что после падения Восточно-тюркского каганата (630 г.) дети из родовитых тюркских семей отправлялись в Китай на воспитание — своего рода принудительное обучение. Так, одна из знаковых фигур Второго Тюркского каганата — Тоньюкук из рода Ашидэ — писал об этом в памятнике, текст которого был составлен им собственноручно. Текст надписи Тоньюкука в основном отображает события, связанные с историей возникновения Второго тюркского каганата, однако главное внимание автора уделено описанию заслуг самого Тоньюкука перед государством — племенным союзом тюрков. Исторические же события интересовали автора надписи, по

всей видимости, прежде всего как некий фон для создания образов героев тюркского народа и их прославления. Вследствие этого текст памятника подкрепляется многочисленными притчами и поговорками, указывающими на народно-разговорную форму. Это может свидетельствовать о сложившейся к тому времени письменной традиции изложения.

После гибели тюркских государств, пользовавшихся руническим письмом (Второй тюркский каганат и Уйгурский каганат), а также в связи с миграционными процессами, изменением уклада жизни многих тюркских племен и т. п. можно говорить об уменьшении использования рунического письма на территории его распространения.

На смену руническому письму у древних тюрок приходят другие виды, заимствованные у соседних народов и приспособленные под грамматику и фонетику тюркских языков. К ним в первую очередь следует отнести манихейское письмо, эстрангело, брахми и некоторые другие виды письма.

Наиболее распространенным считается уйгурское письмо, возникшее, как предполагается, на базе курсивного согдийского письма. Точная временная локализация возникновения этого типа древнетюркского письма может быть основана только на исторических фактах. Историю возникновения уйгурского письма следует связывать как с историей возникновения и развития Уйгурского каганата (745–840 гг.), так и с политическими и социальными процессами, которые происходили в тот период среди уйгуров.

Одно из первых упоминаний об уйгурах можно найти в китайских источниках, относящихся к V в., в которых упоминаются племена теле-тегрег. В состав данного союза и входили уйгуры. После образования Первого Тюркского каганата эти племена вошли в его состав, но почти всегда находились в состоянии мятежа. После воссоздания Второго Тюркского каганата часть уйгурских племен ушла в низовья Эцзингола под покровительство империи Тан.

К середине VIII в. уйгурским племенам удалось при поддержке племен басмылы и карлук сокрушить Тюркский каганат и создать свое государство, именуемое Уйгурский каганат (745–840 гг.). Именно на период существования Уйгурского каганата приходится этап распространения среди населения каганата манихейства. Толчком более широкого проникновения манихейства мог послужить тот факт, что один из правителей Тенгри Эльтутмыш Алп Инги Биль-

ге-каган, более известный как Бёгю-каган (757–779 гг.), принял манихейство в Лояне около 60-х годов VIII в. Войска под его предводительством помогали Танской империи разгромить мятеж Ань Лушаня — Ши Чаои. К слову, после мятежа Танская империя так и не смогла оправиться от потрясений.

После подавления мятежа уйгурский правитель Бёгю-каган стал способствовать распространению манихейства в своем каганате, для чего были приглашены согдийские миссионеры-манихейцы. Кроме того, следует отметить и то, что при Бёгю-кагане было сильным и уйгурское влияние в Восточном Притяньшанье, высказывалось мнение об «открытом протекторате». Позднее же, вплоть до гибели Уйгурского каганата в 840 г. н. э и во вновь возникшем Уйгурском государстве Кочо вся родовая знать уйгурских племен исповедовала манихейство.

Именно этот факт и следует считать если не началом развития собственно уйгурского письма, то, по крайней мере, его широким распространением. Поскольку с насаждением манихейства получило свое дальнейшее развитие и уйгурское письмо, которое наравне с манихейским письмом использовалось в религиозной общине манихейцев на обширной территории Центральной Азии.

Так, если говорить о самом раннем произведении на древнеуйгурском языке уйгурским письмом, то за таковое принимается «Покаянная молитва манихейцев» («Хуастуанифт»), датируемая VII в. Традиционно считается, что данное произведение является переводом текста, написанного манихейско-сирийским алфавитом [15, с. 434–435], с древнеперсидского или древнегреческого языка на уйгурский язык. Однако, по мнению В. В. Радлова, текст написан на хорошем тюркском языке и не обнаруживает признаков перевода [16, ss. III–IV]. По другим сведениям, начальный этап древнетюркской литературы на бумаге связывается с переводом сутры «Нирвана-сутра» (ориентировочно VI в.), а расцвет приходится на IX–XIII вв. [17, с. 211].

При сопоставлении временных рамок существования двух основных видов письма древних тюрков — рунического и уйгурского — можно увидеть некую закономерность: в период существования тюркских каганатов (VI–IX вв.) в среде тюркских племен, так или иначе подчиненных или связанных с каганатом, распространено руническое письмо, которое было создано для фиксирования в первую очередь границ земельных владений, имущества, а затем

применяемое уже и для начертания эпитафий. Следовательно, данный вид письма был широко распространен и понятен большому числу древних тюрок, что, в свою очередь, говорит об отсутствии «обожествления» письма, характерного для многих других народов.

Возникновение уйгурского письма и факт его параллельного существования с руническим письмом можно охарактеризовать тем, что к середине VIII в., на момент возникновения государственности уйгуров, уже существовало широко распространенное письмо, которое для кочевых народов, коими являлись в те времена и тюрки, и уйгуры, было необходимо лишь для определенных целей — хозяйственных (маркирование земельных территорий) и культурных (создание эпитафий — исторических хроник). В этот период это письмо было «достаточным».

Только с распространением манихейства среди уйгуров возникает необходимость и в «усовершенствовании» письма. Здесь не следует забывать и тот факт, что манихейство в Уйгурском каганате условно можно считать насаждаемым сверху, следовательно, и письмо могло быть привнесено в уйгурскую среду извне. Согдийские миссионеры-манихейцы и стали теми людьми, кто внедрял наряду с религией и письмо, созданное на основании близкого им письма — согдийского.

Можно констатировать, что уйгурское письмо возникло в связи с миссионерской деятельностью согдийских манихейских общин, стремившихся распространить свою веру среди кочевых народов — тюрок, уйгуров и других. Для этого адаптировался используемый согдийцами вид арамейского (согдийского) письма. Вначале данное письмо существовало только в кругу манихейских общин и не имело широкого распространения и поддержки ни со стороны народа, ни со стороны правителей тюркских и уйгурских племен. Немаловажным фактором распространения уйгурского письма признается и «относительная компактность» этой системы, которая строилась на основе 16 графических элементов, передававших около трех десятков фонем [18, с. 11].

Уйгурское письмо следует разделять как минимум на две составляющие: древнеуйгурское и уйгурское (караханидское) письмо. Первые памятники древнеуйгурского письма VII–XIV вв. относятся к периоду существования уйгурских государств в Восточном Туркестане (Турфан, Кочо) и Монголии. Материалы представлены огромным количеством самых разных по размеру и сохранности фраг-

ментов рукописей и ксилографов, имеются также свитки и полные книги. Наряду с рукописными памятниками до наших дней дошло и огромное количество ксилографических текстов. Сам способ издания был заимствован из Китая, где он и зародился в VII в. [19, с. 353]. Порядок воспроизведения был довольно прост. Бумагу с написанным текстом наклеивали лицевой стороной на деревянную доску и выбирали фон — получалось что-то похожее на наборный макет в современных типографиях. Такой порядок издания позволял тиражировать книги в огромных количествах, что отчасти способствовало и распространению грамотности среди населения. Позднее техника печатания была усовершенствована: вырезался уже не текст, а отдельные знаки, что позволяло «набирать» тексты.

Кроме религиозных текстов, выполненных древнеуйгурским письмом, до наших дней дошли и некоторые «деловые» документы. По некоторым сведениям, в настоящее время известно о существовании порядка 400 документов, представляющих собой различные акты и письма. Письма-акты представляют собой различные договоры о продаже, обязательства, хозяйственные записи. Примечательно, что все они составлены по определенному канону, что говорит о развитой и сложившейся юридической системе. Кроме того, можно отметить и то, что многие документы создавались не писарями, а самими участниками договоров [20, р. 449–460].

Традиционно эти документы датируют XII–XIV вв., хотя, по мнению В. В. Радлова, эти документы создавались на протяжении многих столетий [21, с. 73]. Что можно считать окончанием этапа древнеуйгурского письма и постепенным сближением древнеуйгурского языка со среднеазиатскими диалектами, приближением его к «новоуйгурскому языку».

Второй этап существования уйгурского письма принято связывать с существованием государства Караханидов. По мнению Э. Н. Наджиба, в это время происходило становление нового письменного тюркского языка — карлукско-уйгурского [22, с. 6–7]. В этот период письмо немного изменяется в силу изменения самого языка. Так, появляются новые знаки для возникающих в тот период новых звуков, не свойственных тюркским языкам. Можно отметить и некоторые изменения в начертании имеющихся знаков. Наиболее ранним литературным произведением считается поэма «Кутадгу Билиг» Юсуфа Хас-Хаджиба (Баласагунского), датированная 1069 г.

Уйгурское письмо просуществовало у тюрков вплоть до XV в. Как раз в этот период происходила постепенная замена уйгурской графики арабской, которая была привнесена в тюркский мир вместе с исламом. Ярким примером постепенного перехода от уйгурской графики к арабской можно назвать надпись на каменной плите, высеченной по распоряжению «верховного правителя в Самарканде Тимура (1370–1405)» и датированной 1391 г.

Первым исследователем, изучившим надпись, был российский востоковед Н. Н. Поппе, который определил, что надпись состоит из трех строк, написанных арабскими буквами, и восьми — знаками уйгурского письма. Начальная строка была уверенно интерпретирована как арабская кораническая формула «بسم الله الرحمن الرحيم». В отношении двух оставшихся арабских строк была сделана оговорка о невозможности их интерпретации [23, с. 187]. Кратко отметим, что в последние годы было проведено две попытки интерпретации этих «нечитаемых» строк, но единого мнения так и не было сформировано³.

Особый интерес представляют строки, написанные уйгурицей, которые вначале считали выполненными не на уйгурском языке, а на среднеазиатско-тюркском литературном языке, за которым в XV–XVI вв. закрепилось название чагатайский [25, с. 109–129]. Следует отметить, что уйгурская надпись является самодостаточной и выполненной квалифицированным резчиком по камню, который очень хорошо знал данный вид письма.

Этого нельзя сказать об арабской части, которая представляется дополнительной, к тому же выполненной на менее ровной поверхности камня. Кроме того, отсутствие диакритики арабского текста говорит о плохом знании резчиком арабской графики. Все это можно признать за факт, подтверждающий время перехода с уйгурской графики на арабскую. Если сам камень датируется 1391 г., то этот период — конец XIV — начало XV в. — можно назвать периодом одновременного существования двух видов письма, с постепенным вытеснением уйгурского.

В заключение следует сказать, что в истории культурного развития тюркских народов можно отметить три основных вида письма:

- заимствованное у согдийцев, причем заимствован вместе с языком, в период отсутствия автохтонного («национального») письма;

³ См., например: [24, с. 3–24; 25, с. 109–129; 26, с. 31–40].

- автохтонное письмо, просуществовавшее на протяжении VII–IX вв.;
- заимствованное у согдийцев и приспособленное «для нужд» собственно тюркского языка.

Литература

1. *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. X. М.: Наука, 1971. С. 121–146.
2. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
3. *Ôsawa T.* Aspect of the relationship between the ancient Turks and the Sogdians. Based on a stone statue with a Sogdian inscription in Xinjiang // *Ērān und Anērān. Studies presented to Boris Il'ic Marshak on the occasion of his 70th birthday.* Venice, 2006, pp. 471–504.
4. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 частях. Ч. 1. СПб., 1851.
5. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
6. *Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kü). Buch I–II // *Göttinger Asiatische Forschungen.* Bd. 10. Wiesbaden, 1958. P. 87–88.
7. *Ганиев Р. Т.* Противостояние тюрков и династии Суй в 609–617 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 24–29.
8. *Телицин Н. Н.* Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Вып. 1. Востоковедение. Африканистика. 2010. С. 83–91.
9. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). М.: Наука, 1980. 256 с.
10. *Гузов В. Г., Кляшторный С. Г.* Древняя письменность Великой степи // Тюркологический сборник. 2007–2008. М.: Наука, 2009. С. 146–369.
11. *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. 560 с.
12. *Гузов В. Г., Кляшторный С. Г.* Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1993. Вып. 4. С. 57–62.
13. *Аврутина А. С.* Древнетюркские рунические памятники. Система письма и фонологическая реконструкция. М.: Едиториал УРСС, 2011. 136 с.
14. *Кызласов И. Л.* Итоги 280-летнего изучения и новые задачи исследования памятников древнетюркской рунической письменности // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности. Абакан, 2002. С. 7–32.
15. *Рак И. В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.; М.: Журнал «Нева», Летний Сад, 1998. 560 с.
16. *Radloff W.* Chuastuanit, das Bussgebet der Manichaer. Hrsg. und übersetzt von W. Radloff, St.-Pbg., 1909. S. III–IV.

17. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург, филиал. СПб.: Наука, 2006. 592 с.
18. Тугушева Л. Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 173 с.
19. Кычанов Е. И. Собрание памятников Восточной письменности в Санкт-Петербургском филиале института востоковедения РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга / сост. Ю. А. Петросян, Е. А. Иванов. СПб.: Наука, 2003. 516 с.
20. Le Coq A. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan // Turan, 1918. S. 449–460.
21. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmaler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Maloy herausgegeben (Памятники уйгурского языка. Материалы, изданные после смерти автора с дополнениями С. Е. Малова). Leningrad, 1928. VIII. 305 с.
22. Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. / АН СССР, Институт Востоковедения. М.: Наука, 1989. 281 [2] с.
23. Попте Н. Н. Карасакпайская надпись Тимура // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Т. 2. С. 185–187.
24. Григорьев А. П., Телицин Н. Н., Фролова О. Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XXI. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 3–24.
25. Григорьев А. П., Телицин Н. Н., Фролова О. Б. Надпись Тимура 1391 г. // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 109–129.
26. Sertkaya O. F. Timür Bek'in Toktamış Kan'a 793=1391'de yapmış olduğu seferin Arap ve Uygur harfleri Kitabeleri (Karsakpay Yazıtı) // Ölümün 600. yılında Emir Timur ve mirası. Uluslararası Sempozyumu. 26–27 Mayıs 2005. Istanbul: 2007. S. 31–40.

Контактная информация:

Телицин Николай Николаевич — канд. филол. наук, доц.; n.telitsin@spbu.ru

Writing of the Turkic people in the Ancient and Early Middle ages: main systems

Nikolay N. Telitsin

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Telitsin N. N. Writing of the Turkic people in the Ancient and Early Middle ages: main systems. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 215–230. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.15> (In Russian)

The article reviews examples of the Old Turkic writings from the 6th until the 15th century, i.e. since the inception of Turkic (Runic) writing until the adoption of Arabic graphics. The impact of ethno-cultural and ethno-confessional factors on the emergence and development of Old Turkic (Old Uyghur) writing is discussed.

Keywords: Turkic writing, Uyghur writing, Runic writing.

References

1. Klyashtornyj S. G., Livshicz V. A. The Sogdian Inscription of Bugut. *Strany i Narody Vostoka*, vol. X, Moscow, 1971, pp. 121–146. (In Russian)
2. Klyashtornyj S. G. *Ancient Turkic Runic Monuments as a Source for the History of Central Asia*. Moscow, Nauka Publ., 1964. 214 p. (In Russian)
3. Ôsawa T. Aspect of the Relationship between the Ancient Turks and the Sogdians. Based on a Stone Statue with a Sogdian Inscription in Xinjiang. *Ērān und Anērān. Studies presented to Boris Il'ic Marshak on the Occasion of his 70th Birthday*, Venice, 2006, pp. 471–504.
4. Bichurin N. Ya. *Collection of Information about the Peoples Who Lived in Central Asia in Ancient Times*. V 3 chastyax. Ch. 1. St. Petersburg, 1851. (In Russian)
5. Gumilev L. N. *Göktürks*. Moscow, Nauka Publ., 1967. 504 p. (In Russian)
6. Liu Mau-Tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ü-küe). Buch I–II. *Göttinger Asiatische Forschungen*, Bd. 10, Wiesbaden, 1958, pp. 87–88.
7. Ganiev R. T. Confrontation between the Turks and the Sui Dynasty in 609–617 years. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 24–29. (In Russian)
8. Telicin N. N. Ethnic and Cultural Conditions of Occurrence and Development of Uighur Literature. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Vostokovedenie. Afrikanistika*, vol. 1, 2010, pp. 83–91. (In Russian)
9. Kononov A. N. *Grammar of the Language of Turkic Runic Monuments (VII–IX)*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 256 p. (In Russian)
10. Guzev V. G., Klyashtornyj S. G. *Ancient writing of the great steppe. Tyurkologicheskij sbornik. 2007–2008*, Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 146–369.
11. Klyashtornyj S. G. *History of Central Asia and Monuments of Runic Writing*. St. Petersburg, Philological Faculty Publ., 2003. 560 p. (In Russian)
12. Guzev V. G., Klyashtornyj S. G. The Problem of the Origin of the Ancient Turkic Runic in the Light of the General Theory of Writing (to the Century of Decoding). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2*, 1993, vol. 4, pp. 57–62. (In Russian)
13. Avrutina A. S. *Ancient Turkic Runic Monuments. Writing System and Phonological Reconstruction*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2011. 136 p. (In Russian)
14. Kyzlasov I. L. *The results of the 280-year-old study and new task study of monuments of the ancient Turkic runic writing*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 280-letiyu otkrytiya drevnetyurkskoj pis'mennosti. Abakan, 2002, pp. 7–32. (In Russian)
15. Rak I. V. *Myths of Ancient and Early Medieval Iran (Zoroastrianism)*. St. Petersburg-Moscow, Neva Letnij Sad Publ., 1998. 560 p. (In Russian)

16. Radloff W. Chuastuanit, das Bussgebet der Manichaer. Hrsg. und übersetzt von W. Radloff, St. Petersburg, 1909. S. III–IV.
17. Klyashtornyj S. G. *Monuments of Ancient Turkic Writing and Ethnocultural History of Central Asia*. Institut Vostokovedeniya RAN, Sankt-Peterburg, Filial. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 592 p.
18. Tugusheva L. Yu. *Early medieval turkic literary language*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2001. 173 p. (In Russian)
19. Kychanov E. I. *Collection of monuments of Oriental writing in the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental studies*. Sokrovishha akademicheskix sobranij Sankt-Peterburga. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 516 p. (In Russian)
20. Le Coq A. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan. *Turan* 1918. Ss. 449–460.
21. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Maloy herausgegeben. Leningrad, 1928. VIII. 305 c.
22. Nadzhip E. N. *Research on the History of Turkic Languages XI–XIV Centuries*. AN SSSR, Institut Vostokovedeniya. Moscow, Nauka Publ., 1989. 281 [2] p.
23. Poppe N. N. *Karsakiskio the Inscription of Timur*. Trudy otdela Vostoka Gosudarstvennogo E'rmitazha, vol. 2. Leningrad, 1940, pp. 185–187.
24. Grigor'ev A. P., Telicin N. N., Frolova O. B. *The Inscription of Timur 1391 c. Istorio-grafiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. Vol. XXI. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2004, pp. 3–24.
25. Grigor'ev, A. P., Telicin, N. N., Frolova, O. B. *The Inscription of Timur 1391 c. Tyurkologicheskij sbornik*. 2009–2010, Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 2011, pp. 109–129.
26. Sertkaya O. F. *Timür Bek'in Toktamış Kan'a 793=1391'de yapmış olduğu seferin Arap ve Uyğur harfli Kitabeleri (Karsakpay Yazıtı)*. Ölümün 600. yılında Emir Timur ve mirası. Uluslararası Sempozyumu. 26–27 Mayıs 2005. Istanbul: 2007. S. 31–40.

Author's information:

Nikolay N. Telitsin — PhD. Sci. in Philology, Associate Professor, n.telitsin@spbu.ru

УДК 811.512.1

О некоторых экзотических особенностях тюркских языков («тюркские чудеса»)

В. Г. Гузев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Гузев В. Г. О некоторых экзотических особенностях тюркских языков («тюркские чудеса») // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 231–245. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.16>

Статья посвящена грамматике современного турецкого языка. На материале современного турецкого языка рассматриваются структурные особенности тюркских языков, которые определяют специфику всех тюркских языков. Тюркские языки анализируются с позиции общего языкознания. Автор привлек для исследования тюркского материала наработки лингвистов-нетюркологов.

Ключевые слова: тюркские языки, грамматика современного турецкого языка, структурная типология языков.

Современное состояние теоретической лингвистики позволяет констатировать, что «морфологическая», точнее, структурная классификация языков мира, сформулированная братьями Августом (1767–1845) и Фридрихом (1772–1829) Шлегелями, а также Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767–1835), вполне справедливо отвергаемая за предвзятое отношение к языковым типам («...чтобы как раз “наши” языки получали при оценке лучшую отметку») [1, с. 179], как и за представление о связи строя языков со стадиями человеческого мышления, оказалась приемлемой как учение о четырех глобальных структурных языковых типах: агглютинативном, аморфном, инкорпорирующем и флективном¹.

Структурная типология Шлегелей и Гумбольдта была воспринята и развита, например, в работах горячего поклонника идей И. А. Бодуэна де Куртенэ Г. П. Мельникова (1928–2000). Им предложено глубокое истолкование каждого из языковых типов,

¹ Алпатов В. М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1998. 367 с. С. 59–77.

вскрыта сущность, сформулированы объективные коммуникативные условия возникновения каждого из них [2, с. 89–141]. Что же касается самих перечисленных терминов, то их употребление стало общепринятым.

Агглютинативными (от агглютинация, лат. *ag-glütinatio* — приклеивание) суффиксальными принято называть языки, характерным признаком которых является способ оперативного грамматического преобразования облика слова в речи, заключающийся в присоединении к концу корня-основы и далее по мере необходимости друг к другу словообразовательных и/или словоизменительных аффиксов (точнее, суффиксов), которые в подавляющем большинстве являются однозначными.

Когда университетский преподаватель знакомит студентов-новичков, будущих коллег, носителей, как правило, индоевропейских языков, с особенностями тюркских языков, он обыкновенно, вызывая интерес, а иногда и изумление слушателей, сообщает, что:

- в тюркских языках редко встречаются исключения из правил;
- в тюркской морфологии отсутствует форма единственного числа;
- союзы являются преимущественно заимствованными из других языков, также устроенных так, что не нуждаются в союзах, а наличествующие в них ныне союзы или заимствованы из других языков, или возникли под влиянием таковых;
- в речи на тюркских языках наблюдается удивительное явление — уподобление звуков в пределах слова или словоформы, именуемое сингармонизмом.

Причина малого количества исключений была открыта Г. П. Мельниковым. Носители флективных языков с детства усваивают подавляющее большинство словоформ, которые пребывают в их языковой системе в готовом виде (например: есть лёд, нет льда, по льду, на лёд, подо льдом, о льде). Носитель флективного языка при построении высказываний вводит в речь готовые, «воспроизводимые» (Г. П. Мельников) словоформы. Этой особенностью флективных языков объясняется, например, наличие в них так называемых супплетивных форм, например: *один ~ первый, два ~ второй, ходил ~ шёл*. Носитель же агглютинативного языка поступает совсем иначе: словоформы он производит в процессе порождения высказывания и не в языковой системе, а в речи, то есть последовательно

«приклеивает» к основе слова в определенном порядке словообразовательные и/или словоизменительные аффиксы. Словоформы флективных языков Г. П. Мельников называет воспроизводимыми, избираемыми, селекционными, а производимые в речи единицы агглютинативных языков — коллекционными [3, с. 298–301; 2, с. 338–341].

Турецкий пример словообразовательной операции: *yol* ‘дорога, путь’ → *yol+cu* ‘путник’ → *yol+cu+luk* ‘путешествие’. Далее могут совершаться словоизменительные действия для передачи служебной информации (о свойствах или связях называемого элемента): *yol+cu+luk* ‘путешествие’ → *yol+cu+luk+lar* ‘путешествия’ → *yol+cu+luk+lar+imiz* ‘**наши** путешествия’ → *yol+cu+luk+lar+imiz+da* ‘**в** наших путешествиях’. Имеется также морфологическая возможность оперативно преобразовать представляемый последней приведенной словоформой обстоятельственный смысл (где) в призначный (какой) путем добавления аффикса *-ki* (средство вторичного представления, вторичной репрезентации в речи уже выраженного обстоятельственного смысла в другой ипостаси — признака или предмета): *yol+cu+luk+lar+imiz+da+ki* ‘**такой, который** имеет место в наших путешествиях’ или ‘**тот, который** заключается в наших путешествиях’. Отметим, что подавляющее большинство агглютинативных аффиксов однозначно. Это является одной из причин появления в речи длинных словоформ. Примером пространной словоформы может служить турецкое высказывание, приводимое Луи Базеном: *Türk+leş+tir+eme+tirdik+ler+imiz+den mi+siniz?* [4, p. 16] / ‘Не из тех ли Вы, кого нам не удалось отуречить?’. Результаты словообразовательных операций (вполне естественно, чаще словоизменительных) закрепляются в языковой системе и пополняют «словарь» конкретного агглютинативного языка. Поэтому тюркологи нередко предпочитают вместо термина «словообразование» употреблять термин «лексемообразование», подчеркивая тем самым, что операция может производиться как в речи, так и в языковой системе. При этом, разумеется, не игнорируется способность к лексикализации и словоизменительных образований (в особенности падежных и залоговых словоформ), которые создаются преимущественно в речи.

Нетрудно понять, что условием безупречных агглютинативных лексемообразовательных и словоизменительных операций является использование в речевом потоке стандартных основ и показателей, допускающих лишь ограниченное, выполняющее определенные коммуникативные задачи варьирование, о котором будет идти речь

ниже, в связи с уподоблением гласных и согласных звуков в словах и словоформах тюркской речи.

Исключения, наблюдаемые в тюркских языковых системах, чаще всего являются следствием иноязычного влияния, заимствования лексики или перестройки языковой системы при изменении условий коммуникации, в частности перехода коммуникативной общности от кочевого к оседлому образу жизни (в первую очередь речь идет о приобретении агглютинативными языками свойств языков флективных).

Отсутствие в тюркских языках морфологического единственного числа. Существительное в речи без аффикса множественного числа ничего не сообщает слушающему о количестве предметов [5, с. 98–111]. Следствием того, что в языках «индоевропейской системы» (А. Мейе) употребление морфологических категорий обязательно [6, с. 83], общаясь, например, по-русски, мы не сомневаемся, если слышим высказывания типа *У нас есть коза, Купи мне лимон, Продай мне банан*, что речь идет о предметах в количестве одного. Если же такие высказывания произносятся по-турецки, собеседник скорее всего спросит: «Сколько?» Например: “*Ne+yin var?*” — “*Yumurta+m var*” (*Vasif Öngören*). «Чем ты торгуешь?» — «**Яйцами**»; *Utanmaz adam+ın birisin*. (*Nazım Hikmet*) «Ты один из **бесстыжих людей**»². Выделенные в примерах слова называют в качестве смыслов множества предметов, однако последнее оставлено без выражения.

Принципиальное отсутствие у тюркских языков потребности в союзах. Что касается этого явления, то его легко можно понять, даже оперируя только материалом индоевропейских (флективных и аморфных) языков, в которых имеются отглагольные лексемы (существительные, прилагательные, наречия) и глагольные именные формы (имена действия, причастия, деепричастия).

Последние трактуются автором настоящей работы как формы вторичной репрезентации, или вторичного гипостазирования (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция).

Под первичной репрезентацией, или гипостазированием, понимается способность человеческого сознания воспринимать посредством языка какое-либо явление реальной действительности в образе одного из знаменательных частеречных значений (предмета, признака, обстоятельства, конкретного количества или действия)

² Подробнее см.: Гузев В. Г. [7, с. 46–47].

и наделять это явление в полученной ипостаси самостоятельным, отличным от образов других явлений существованием в языке в качестве самостоятельного лексического значения [8, ss. 23–25].

Как вторичную репрезентацию, или вторичное гипостазирование, нами предложено трактовать результаты производимых человеческим мышлением стандартных мыслительных операций по представлению одной семантики (значения или смысла) посредством или в образе другой семантики. В частности, какое-либо явление, первично воспринятое носителями языка как обстоятельство (например, *завтра*) может быть преобразовано в признак (*завтрашний*). Наиболее распространенным примером вторичной репрезентации является представление глагольного значения, то есть действия (скажем, *писать*, *говорить*), в образе:

- 1) предмета, что передается существительными (*писание*, *говорение* и т. п.) или глагольными формами имен действия, о которых речь пойдет ниже;
- 2) признака, что означается отглагольными прилагательными (*написанный*, *сказанный*) или причастиями типа *пишущий*, *говорящий*;
- 3) обстоятельства, что закреплено в значениях отглагольных наречий (*нехотя*, *нечаянно*) или форм деепричастий типа *говоря*, *думая*, *написав*, *поговорив* [7, с. 119–121, 153–154].

Так, например, русское высказывание *Ваш приезд меня обрадовал*, в котором не использован союз, передает тот же смысл, что и высказывание *Я рад, что вы приехали*, содержащее союз. Но русские отглагольные существительные не могут трактоваться как глагольные формы, поскольку они не имеют категорий вида и залога [9, с. 101–104]. В то время как английская глагольная именная форма, едва ли удачно именуемая герундием³, способна передавать «опредмеченное»⁴ действие (*I don't know why she did not like my saying that. (Louise)*)⁵ «Не знаю, почему ей не понравилось, что я это сказал»),

³ Подробнее см.: [7, с. 176–177].

⁴ В качестве прецедентов употребления термина «опредмечивание» можно упомянуть выражение «опредмечивание процесса» у А. М. Пешковского [10, с. 141–142]. Ср. также формулировку В. В. Виноградова: «Субстантивация действия, его “опредмечивание” парализуют грамматические свойства глагола» [9, с. 102].

⁵ Все приводимые в статье английские примеры взяты из рассказов Сомерсета Моэма.

не превращаясь при этом в существительное, и, как можно судить по приведенному примеру, участвует в построении конструкций, не нуждающихся в союзах. Русские отглагольные существительные имеют значения действий, представляемых как предмет («определенные» действия), то есть представляют собой одну из разновидностей языковых средств вторичной репрезентации, или вторичного гипостазирования.

Тюркские имена действия (турецкие формы *-mAk*, *-mA*, *-(y)İş*), то есть субстантивные формы глагола, обладающие целым рядом признаков, исключаяющих их трактовку как существительных (например, обладание категориями залога, статуса (формы отрицания, возможности, невозможности), аспектуальности (формы с видовыми значениями или значениями способа протекания действия)) представляют собой одну из глагольных категорий вторичной репрезентации. Они употребляются в субстантивных синтаксических функциях и обслуживают смыслы, для выражения которых в индоевропейских языках используются союзы в сложноподчиненных предложениях. Например, если передается дополнительный (объектный) смысл (*Я хочу, чтобы ты не приходил*), в турецком языке для этого используется имя действия с морфемой: *-mA* в отрицательной форме морфемами принадлежности 2-го лица единственного числа (*-n*) и винительного падежа: *Senin gel+me+me+n+i istiyorum*. Носитель флективного языка, говоря по-турецки и выражая смысл типа *чтение книги* или *строительство дома*, часто не подозревает, что в подобных словосочетаниях русским словам *чтение* и *строительство* в турецкой речи нередко соответствуют не существительные, а глагольные субстантивные словоформы, содержащие показатели страдательного залога: *kitabın oku+n+ma+sı, evin yap+ıl+ma+sı*.

Русские причастия обладают глагольными категориями залога и вида, что позволяет не сомневаться в том, что они являются не лексемами/словами, а глагольными словоизменительными формами. В значении причастия явление реальности, первично истолкованное как действие, вторично представляется как признак (*ребёнок, который спит* ~ *спящий ребёнок*). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что по-русски один и тот же квалифицирующий смысл может передаваться как конструкциями с участием союзов, так и посредством причастий, то есть глагольных адъективных форм.

Английский герундий, делающий в ряде случаев ненужным употребление союза, также употребляется в адъективной функции

(...presently I received from her another **letter saying** that she was passing through Paris... «...теперь я получил от нее другое письмо, которое сообщало, что она едет через Париж...»; ...on the following Thursday (The luncheon) «в следующий четверг».

В большинстве тюркских языков причастия отсутствуют. В турецком языке имеются три собственно причастных глагольных формы (с морфемами $-(y)an$, $-mIş$, $-(A)r$): $koş+an kız$ ‘бегущая девочка’, $uykuya dal+mış çocuk$ ‘уснувший ребёнок’, $çal+ar saat$ ‘способные звенеть часы (будильник)’.

В тюркских языках имеются также глагольные субстантивно-адъективные формы (> «сафы»). В турецком языке это формы с морфемами: $-DIk$, $-(y)AcAk$, $-(y)AsI$, способные передавать как опредмеченные действия ($gel+diği+nizi biliyoruz$ ‘мы знаем, что вы приезжаете / приехали’, $gel+eceğ+inizi biliyoruz$ ‘мы знаем, что вы приедете’), так и действия, представляемые как признаки ($oku+duğ+umuz kitap$ ‘книга, которую мы читаем’, $oku+yacak kitap / oda / vakit / sebep / hal / öğrenci$ и т. п. ‘книга, предназначенная для чтения / комната, в которой читают / время для чтения / причина, по которой читают / состояние, в котором читают / студент, который будет читать’). Функционирование этих глагольных форм в речи как для передачи опредмеченного действия, так и действия в образе признака уподобляет их, правда не полностью, английскому герундию с суффиксом *-ing*, которое Джон Лайонз, пользуясь примерами Ноама Хомского, трактует и как причастие (*Flying planes are dangerous*. «Летающие самолеты опасны»), и как «слово, производное от глагола и употребляемое как существительное» (*Flying planes is dangerous*. «Летать (букв. «летание») на самолетах опасно» [11, с. 264–265]. Сходство тюркских сафов с английским герундием не может признаваться полным, поскольку последний способен передавать еще и действие, представляемое как обстоятельство: *One should always get up from a meal **feeling** one could eat a little more*. «Человек всегда должен вставать из-за стола, **чувствуя**, что мог бы съесть немного больше»; *I answerd, **thanking** her...* «Я ответил, выразив ей благодарность...» (The luncheon). В этих примерах словоформа с суффиксом *-ing* недвусмысленно употреблена для представления действия как обстоятельство.

Обратим внимание на то, что и причастия, и субстантивно-адъективные глагольные формы значительно уменьшают коммуникативную потребность в союзах.

Специализированными языковыми средствами представления действий как обстоятельств каких-либо событий являются деепричастия, в значительной мере уменьшающие языковые средства в союзах. Категория деепричастий (адвербиальных, обстоятельственных форм глагола) в европейских языках представлена слабо. Она часто трактуется как функция причастия. В современном русском языке имеются две, в болгарском — всего одна деепричастная форма. В английском языке речь может идти только об адвербиальном употреблении герундия. Языковые средства немецкого и французского языков, которые передают действия в роли обстоятельства, вполне могут трактоваться как причастия, употребляемые в обстоятельственной функции. Представление о деепричастии сформировалось на материале индоевропейских (преимущественно флективных славянских) языков. Скудость индоевропейского материала не могла не стать причиной ошибочного приписывания деепричастиям свойств, которые у них отсутствуют.

Обычно деепричастие понимается как инфинитная или неличная глагольная форма, выражающая второстепенное действие, подчиненное действию, называемому другой глагольной словоформой, выполняющей синтаксическую функцию сказуемого: *Jean a vu Marie en sortant dell'école*. «Выходя из школы, Жан увидел Мари»⁶.

Трактовка деепричастия как непременно инфинитной формы представляет собой не более чем констатацию факта отсутствия в индоевропейских языках адвербиальных финитных форм. Хотя это представление должно вызывать сомнение уже потому, что ничто не мешает в речи на любом индоевропейском языке употреблять в одном высказывании финитную форму в сочетании со служебным словом (скажем, с союзом), называющим обстоятельство (*Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел...* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Гл. четвертая, строфа XIII)). В речи на агглютинативном языке и аффикс финитной формы (наклонения, времени...), и аффикс, называющий обстоятельство, находятся в одной цепочке, в одной словоформе (*Vali Bey'e söyle+se+niz...* «когда/если вы обратитесь к Вали Бейу»⁷).

Вызывает сомнение и непогрешимость утвердившегося в тюркском языкознании понятия «условное наклонение». Если наклоне-

⁶ См., например: [12, с. 239] и др.

⁷ Цит. по: Türkçe Sözlük. 1. A — J. Ankara, 1998. S. 1092 (под словом *inzibat*).

ние — это категория, имеющая своим значением модальность, то условие следовало бы признавать модальностью. Однако и здравый смысл, и материал разных языков (например, немецкий союз *wenn* ‘когда, если’, узбекская форма с морфемой *-sa/-se* ‘когда, если’, отсутствие в турецком языке лексемы со значением «обстоятельство») порождает сомнение в правомерности понятия «объективная модальность» и, следовательно, в правомерности признания глагольных форм со значением условия категорией наклонения. Добавим, что семантика «условие» родственна образам таких явлений, которые объединяются понятием «обстоятельство» (сопутствующее явление), кроме того, условие как значение формы трудно поддается трактовке в качестве разновидности модальности, поскольку модальные значения отражают субъективные состояния или отношения коммуникантов. В таком случае правомерно трактовать как деепричастие и финитную, и даже личную глагольную форму, означающую обстоятельство.

Материал тюркских языков, в которых количество деепричастных форм весьма велико (в турецком языке их более 60) [13, с. 90–196], подтверждает, что деепричастие совсем не обязательно должно быть инфинитной формой. Имеются деепричастия не только в финитной форме, являющейся средством выражения смысла в виде суждения (*kalkar kalkmaz* ‘как только встал’), но и в личной форме, обладающей формоизменятельным механизмом представления субъекта (предмета мысли) значением лица (*спрягаемая форма -DI...-(y)All* ‘с тех пор как’: 1) *Kendini bil+di bil+eli durgun bir göl gibiydi Ella Rubinstein’in hayatı.* (Elif Şafa. *Aşk*) «С тех пор как она себя помнит, жизнь Эллы Рубинштейн была похожа на спокойное озеро»).

Утверждение о том, что деепричастие есть «форма, выражающая второстепенное действие», представляется сомнительным, не имеющим отношения к сущности понятия «деепричастие». Речь идет, скорее всего, только лишь о субъективном предположении, опирающемся на то, что в речи на индоевропейском, в частности на русском, языке в составе обстоятельственных конструкций деепричастная словоформа представляет уточняющее действие, а уточняемое действие чаще всего называется финитной словоформой, выполняющей функцию сказуемого, признаваемого одним из главных членов предложения. Но даже в русской речи деепричастие не всегда уточняет действие, которое называется сказуемым: *Она бродила по магазину, покусывая что попало не торгуясь*. Можно обратить

ся и к А. С. Пушкину: вспомним обстоятельственную конструкцию «наслаждаясь не любя» в тексте «Евгения Онегина» (Гл. четвертая, строфа VII). А в словах Ф. И. Тютчева «И солнце медлило, **прощаясь** с холмом и замком и с тобой» едва ли действие «прощаться» справедливо трактовать как второстепенное.

В речи на агглютинативном языке уточняемые (главные) компоненты обстоятельственных конструкций выступают не только в функции предиката или сказуемого, но и в функциях других членов предложения⁸.

Турецкие обстоятельственные конструкции нередко именно в форме деепричастия в функции уточняющего называют главное действие, а второстепенное действие, называемое уточняемым, в диахронии способно превращаться в служебное (*ver+ebildim* ‘я мог дать’), а само уточняемое нередко преобразуется в аффикс (*ver+i+yor+um* ‘я даю’) < *ver+i yori+r+man*; в XIII веке глагол *yori-* означал ‘идти, шагать’).

Таким образом, оправданно признавать, что обращение к языкам с многочленной категорией деепричастий не подтверждает тезис о второстепенности действия, представляемого в речи деепричастными словоформами.

Убедительной, отражающей сущность обстоятельственных форм представляется позиция В. В. Виноградова, который трактует русские деепричастия как «гибридную наречно-глагольную категорию», тяготеющую к наречиям [9, с. 308]. Тяготение деепричастия к наречиям, очевидно, объясняется общими коммуникативными свойствами тех и других, в первую очередь близостью значений и подобием передаваемых в речи смыслов: наречия означают обстоятельства, а деепричастия представляют собой глагольные формы, которые означают действия, выступающие в роли обстоятельств.

Тюркский сингармонизм. Внимание исследователей индоевропейских языков (например, А. И. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанова, Н. С. Трубецкого, А. А. Реформатского) нередко привлекал и привлекает тюркский сингармонизм, то есть уподобление звуков речи в пределах тюркского слова или тюркской словоформы.

Понятие «сингармонизм» отражает четыре ассимилятивных явления в турецком языке: 1) нёбную гармонию гласных, 2) губную

⁸ См.: [7, с. 175–176].

гармонию гласных, 3) гармонию согласных и 4) артикуляторное воздействие гласных на качество согласных звуков.

Нёбная (палатальная) гармония гласных представляет собой прогрессивное уподобление гласных звуков не первых слогов тюркского (!) слова или словоформы гласному первого слога в зависимости от того, артикулируются ли гласные звуки в задней части нёба (заднерядные [a], [ɪ], [o], [u]) или в передней (переднерядные [e], [i], [ö], [ü]), например: *ot+lar+ımız+da* ‘в наших травах’, но *köy+ler+ımız+de* ‘в наших сёлах’.

Губная (лабиальная) гармония гласных — уподобление узких гласных ([ɪ], [i], [u], [ü]) гласным предшествующих слогов по признаку губности/негубности: *köy+ümüz+de* ‘в нашей деревне’, *oğl+unuz+da* ‘у вашего сына’, *ev+ler+ımız+de* ‘в наших домах’ *at+lar+ımız+da* ‘у наших лошадей’, (в примерах выделены участки словоформ, на которых проявляется губная гармония гласных). Некоторые авторы понимают губную гармонию так же, как и нёбную. Поэтому важно обратить внимание на то, что, во-первых, губной гармонии подвержены только узкие гласные ([ɪ], [i], [u], [ü]), во-вторых, не имеет значения, является ли гласный предшествующего слога начальным или не начальным (*oda+mız+da* «в нашей комнате»), и в-третьих, что такие слова или словоформы, в которых губной гласный предшествует широкому негубному [a] или [e], не имеют отношения к губной гармонии гласных (*uzak* ‘далёкий’, *yüksek* ‘высокий’, *ot+lar* ‘травы’)⁹.

Губная гармония гласных возникает позже палатальной. В турецком языке она начинает развиваться в османский период с XV в. В письменных памятниках староосманского периода (XIII–XV вв.) она попросту еще отсутствует. Анатолийско-тюркские слова и словоформы, как, например: *dogrı* ‘прямой, правильный’, *eyü* ‘хороший’, *kız+ım* ‘моя дочь’, *bil+ür* ‘зная’, *eyle+dün* ‘ты сделал’, *ol+dı* ‘он стал’, *öl+di* ‘он умер’, в результате развития губной гармонии в последующие века приняли облик: *doğru*, *iyi*; *kız+ım*, *bil+ip*, *eyle+din*, *ol+du*, *öl+dü vb.* В некоторых тюркских языках, например в киргизском и якутском, губная гармония гласных воздействует и на широкие негубные гласные: *coldoş* ‘товарищ’ (киргизск.), *köbölök* ‘мотылёк’ (киргизск.); *оголор* (< *ого* + *лор*) ‘дети’ (якутск.), *олордор* (< *олор* + *дор*) ‘если он живет’ (якутск.).

⁹ Ср.: [14, с. 35–38; 15, с. 8].

Гармония согласных — уподобление начальных смычных переднеязычных [t] ~ [d], среднеязычных [ç] ~ [c] и заднеязычных [k] ~ [g] согласных словообразовательных и словоизменительных аффиксов конечным фонетически звонким звукам основ (то есть включая сонанты [m], [n], [r], [l] и гласные) по признаку фонетической глухости / звонкости (*yap+tim* ‘я сделал’, *at+tan* ‘с коня’, *tas+ta* ‘в чашке, в миске’, *aş+tan* ‘от еды’, *balık+çı* ‘рыбак’, *unut+kan* ‘забывчивый’, *kum+dan* ‘от песка’, *al+dım* ‘я взял’, *av+cı* ‘охотник’, *dag+da* ‘на горе’, *süz+geç* ‘цедилка, ситечко’, *ay+dan* ‘с луны’).

К числу явлений, составляющих турецкий сингармонизм, относится также воздействие гласных на качество реализации, на место артикуляции в речи согласных фонем. При построении слов и словоформ дифференциальные признаки гласных (в частности, палатальность ~ веларность, губность ~ негубность) оказывают непосредственное влияние на артикуляцию соседнего с гласным звуком согласного. Особенно отчетливо различаются соответствующие звуки, реализации согласных фонем /g/, /k/ и /l/, что дает основание некоторым авторам, носителям русского языка, ошибочно трактовать эти звуки речи как соответствующие заднерядные и переднерядные фонемы: /ğ/ и /g/, /q/ и /k/, /l/ и /l/. Однако такое решение противоречит третьему правилу Н. С. Трубецкого, согласно которому, если пара артикуляторно и акустически родственных фонем никогда не встречается в одной и той же позиции (иными словами находится в отношении дополнительного распределения), то они являются комбинаторными вариантами одного и того же звукопредставления носителя языка, то есть одной и той же фонемы [16, с. 56–57]. Таким образом, речь должна идти не о шести, а о трех вышеупомянутых фонемах, реализуемых в речи разными звуками (аллофонами): заднерядным [ğ] (как в слове *yangın* ‘пожар’) и переднерядным [g] (*göl* ‘озеро’), заднерядным [q] (*kol* ‘рука’) и переднерядным [k] (*kül* ‘зола, пепел’), заднерядным [l] (*olmak* ‘быть’), переднерядным [l] (*öl-* ‘умирать’).

Сингармонизм выполняет в агглютинативных языках в основном те же функции, что и ударение во флективных языках. В первую очередь речь идет о конституирующей и разграничительной функциях [1, с. 34–35; 16, с. 36–37]. Как «фундаментальное структурно-типологическое явление» (А. А. Реформатский) сингармонизм тесно связан с механизмом агглютинации; выделяет каждое слово или словоформу, консолидирует и отграничивает их от других лексических и морфологических единиц речи [3, с. 298–301; 17, с. 101–105].

В заключение отметим, что, как показывает опыт, 1) описание строя тюркских языков в имеющихся грамматических сочинениях тюркологов преобладает индоевропеистическое, а значит, неадекватное истолкование фактов; 2) изучение материала неиндоевропейских языков является весьма полезным для выявления устоявшихся ошибочных представлений теоретического языкознания, для уточнения, совершенствования понятийного аппарата теории грамматики с целью достижения его универсальности, пригодности для анализа материала языков всех систем.

Литература

1. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.
2. Мельников Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 399 с.
3. Мельников Г. П. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.: Наука 1965. С. 298–301.
4. Bazin L. Structures et tendances communes des langues turques (Sprachbau) Philologiae Turcicae Fundamenta. Tomus Primus. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1959. P. 11–19.
5. Гузев В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 98–111.
6. Мейе А. Основные особенности германской группы языков [Текст] / пер. с 5-го франц. изд. Н. А. Сигал; под ред., с предисл. и примеч. проф. В. М. Жирмунского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 168 с.
7. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. 320 с.
8. Leisi E. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. 2. Erweiterungsaufgabe. Heidelberg, 1961.
9. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
10. Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1938. 452 с.
11. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 540 с.
12. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М.: Высшая школа, 1979. 304 с.
13. Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. 218 с.
14. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. 570 с.
15. Kaya G. İ., Öztürk C., Yılğör, A., Altun N., Selimhocaoglu D. B. Türk Dili. I. Ders Notları. İstanbul: Boğaziçi Üniversitesi, 1997. 335 s.

16. Трубецкой Н. С. Основы фонологии [Текст] / пер. с нем. А. А. Холодовича; Ред. С. Д. Кацнельсона; Послесл. А. А. Реформатского. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 372 с.
17. Реформатский А. А. Сингармонизм как проблема фонологии и общей лингвистики // Тюркологические исследования. Сб. статей, посвященный 80-летию акад. К. К. Юдахина / отв. ред. Б. М. Юнусалиев. Фрунзе: Илим, 1970. С. 101–105.

Контактная информация:

Гузов Виктор Григорьевич — д-р филол. наук, проф.; v.guzev@spbu.ru

About some exotic features of Turkic languages («Turkic miracles»)

Viktor G. Guzev

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Guzev V.G. About some exotic features of Turkic languages («Turkic miracles»). *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 231–245. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.16> (In Russian)

The article is devoted to the grammar of modern Turkish language; on the basis of the modern Turkish language are considered structural features of Turkic languages, which determine the specificity of all the Turkic languages; Turkic languages from the position of General linguistics; attracted for research in the Turkic material developments linguists naturalhow.

Ключевые слова: тюркские языки, грамматика современного турецкого языка, структурная типология языков.

References

1. Boduen de Kurtene I. A. *Selected Works on General Linguistics*. Vol. II. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1963. 391 p. (In Russian)
2. Mel'nikov G. P. *System Typology of Languages. Principles, Methods, Models*. Moscow, Nauka Publ., 2003. 399 p. (In Russian)
3. Mel'nikov G. P. *About the Relationship between Agglutination and Synharmonism*. Morfologicheskaya tipologiya i problema klassifikacii yazykov. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 298–301. (In Russian)
4. Bazin L. *Structures et Tendances Communes des Langues Turques (Sprachbau) Philologiae Turcicae Fundamenta*. Tomus Primus. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag GMBH, 1959, pp. 11–19.
5. Guzev V.G., Nasilov D.M. On the Interpretation of the Category of the Number of Nouns in the Turkic Languages. *Voprosy yazykoznaniya*, 1975, no. 3, pp. 98–111. (In Russian)

6. Meje A. *The Main Features of the Germanic Group of Languages*. Rus. Ed. Moscow, Inostrannaya Literatura Publ., 1952. 168 p. (In Russian)
7. Guzev V.G. *Theoretical Grammar of the Turkish Language*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2015. 320 p. (In Russian)
8. Leisi E. *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen*. 2. Erweiterte Auflage. Heidelberg, 1961.
9. Vinogradov V.V. *Russian Language (Grammatical Teaching about the Word)*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p. (In Russian)
10. Peshkovskii A.M. *Russian Syntax in Scientific Lighting*. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo, 1938. 452 p. (In Russian)
11. Lyons J. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Rus. Ed. Moscow, Progress Publ., 1978. 540 p. (In Russian)
12. Gak V.G. *Theoretical Grammar of French. Morphology*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979. 304 p. (In Russian)
13. Denise-Yilmaz O. *Category of Action Nominalization in Turkish*. Rus. Ed. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2006. 218 p. (In Russian)
14. Kononov A.N. *Grammar of modern Turkish Literary Language*. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1956. 570 p. (In Russian)
15. Kaya G.İ., Öztürk C., Yılğör A., Altun N., Selimhocaoglu D.B. *Türk Dili. I. Ders Notları*. İstanbul, Boğaziçi Üniversitesi, 1997. 335 p.
16. Trubeczkoi N.S. *Fundamentals of Phonology*. Rus. Ed. Moscow, Inostr. Lit. Publ., 1960. 372 p. (In Russian)
17. Reformatskii A.A. *Singarmomism as a problem of phonology and general linguistics*. Tyurkologicheskie issledovaniya. Sb. statei, posvyashhennyj 80-letiyu akad. K. K. Yundaxina. Ed. B. M. Yunusaliev. Frunze, Ilim Publ., 1970, pp. 101–105. (In Russian)

Author's information:

Viktor G. Guzev — Dr. Sci. in Philology, Professor; v.guzev@spbu.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

УДК 327+94

Геополитическое положение Азербайджанской Республики: изменения во времени и пространстве

А. И. Ибрагимов, Г. М. Исмаилова***

**Эгейский университет,
Измир, 35040, Турецкая Республика*

***Чанакалинский университет 18 Марта,
Чанакале, 17020, Турецкая Республика*

Для цитирования: Ибрагимов А.И., Исмаилова Г.М. Геополитическое положение Азербайджанской Республики: изменения во времени и пространстве // Актуальные проблемы мировой политики. Вып.10 / под ред. Т.С.Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С.246–260. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.17>

Развитие и трансформация геополитического положения Азербайджанской Республики рассматривается в контексте трех различных периодов. Этап первой Азербайджанской Республики (1918–1920); суверенное государство в рамках СССР (1920–1991); отрезок с 1991 г. до наших дней. Проводя сравнительный анализ геополитического положения каждого периода, можно заметить как схожие моменты, так и различия. Практически в течение последних ста лет в разных периодах развития Азербайджана прослеживаются три основные сквозные линии. Первая — неизменность основного геополитического противника в лице Республики Армении, вторая — постоянное нахождение в зоне противостояния России и Запада и третья — воздействие энергетических ресурсов на страновой статус.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, геополитика, изменения, различия, геополитическое поведение.

Находящаяся на побережье Каспийского моря и расположенная на перекрестке Европы и Азии, Азербайджанская Республика обладает очень выгодным географическим положением, однако геополитическое пространство в определенной степени препятствует пол-

ной реализации имеющихся преимуществ. Являясь государством Южного Кавказа, Азербайджан уже в течение длительного времени как в региональном, так и в глобальном геополитическом и геоэкономическом контексте находится в зонах разлома.

Наблюдаются осложнения во взаимоотношениях с приграничными странами. К примеру, кризис российско-грузинских отношений привел к фактическому закрытию совместной границы, что отразилось на транзитном использовании территории Грузии в экономических и торговых связях Азербайджана с Россией. Другой пример — северная граница Азербайджана, которая проходит по реке Самур, отделяя страну от северокавказской республики Дагестан. Напряженная криминогенная обстановка в этой части Российской Федерации препятствует транспортно-экономическим связям Азербайджана с ее северным соседом¹, ведь территория Российской Федерации — важный транспортный коридор в страны Центральной, Восточной и Северной Европы. В свою очередь, Азербайджан представляет собой транспортный коридор в Иран и страны Персидского залива. Все вышесказанное предопределяет развитие связей различного типа Азербайджанской Республики с регионами Российской Федерации. И в целом Россия природно-ресурсным, человеческим и социально-экономическим потенциалом привлекательна для Азербайджана. Другим перспективным с позиций развития внешнеэкономических связей Азербайджанской Республики партнером является Исламская Республика Иран. Территория Ирана представляет для Азербайджана выход в большой регион Ближнего и Среднего Востока, к Индийскому океану и Южной Азии. Однако выгодное положение, обусловленное географией, нивелируется ограничениями, создаваемые политикой стран Запада в отношении этой прикаспийской страны.

Безусловно, самое негативное влияние на процессы социально-экономического развития Азербайджана оказывает соседнее государство Армения, оккупировавшая 20% территории республики. Можно говорить о нескольких последствиях такого соседства. Во-первых, это значительный экономический урон, нанесенный территориальной аннексией (около 1 млрд долл.)². Во-вторых, моральный

¹ Орлов Д. Кавказский регион: политическая ситуация и конфигурация элит. <https://regnum.ru/news/2256630.html>.

² Grono M., Vartanyan O. Armenia and Azerbaijan's collision course over Nagorno-Karabakh. [https://www.opendemocracy.net/od-russia/olesya-vartanyan-magdalena-](https://www.opendemocracy.net/od-russia/olesya-vartanyan-magdalena)

ущерб, нанесенный азербайджанской нации. Азербайджан является единственной страной мирового сообщества, 1/5 территории которой уже почти четверть века оккупирована соседним государством. Данное положение формирует у азербайджанского общества сознание обреченности и недоверия к международной системе безопасности, которая в случае с Арменией не проявляет должной реакции в соответствии с нормами международного права.

Первая Азербайджанская республика. Возникшее государство являлось результатом политических трансформаций в Российской империи. Первая независимая Азербайджанская республика видела себя в Кавказском геополитическом пространстве, и 22 апреля 1918 г. совместно с Арменией и Грузией была создана Кавказская Демократическая Федеративная Республика. Значительные внешние политические и внутренние противоречия сделали существование данного федеративного образования недолговечным — через месяц федерация распалась. 28 мая 1918 г. была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика (АДР).

Надо отметить, что элита того времени играла значительную роль в социальной жизни России. Она осознавала себя и Азербайджан лидером тюрко-исламского сообщества Советской России. Главная причина подобного крылась в сформировавшемся национальном самосознании и сравнительной приближенности к процессам европейской модернизации.

Возникшая на обломках Российской империи АДР стала первым светским государством Востока. Парламент страны представлял собой многопартийный орган, в него входили представители всех этнических групп, населяющих АДР. Было предоставлено избирательное право женщинам, свобода слова закреплена законом, началось проведение целого ряда социальных реформ.

К сожалению, мировые геополитические процессы — окончание Первой мировой войны, победа большевиков в России, вхождение Красной Армии на территорию республики, агрессивные действия Дашнакской Армении в Нагорном Карабахе и Нахичевани, противоречивая обстановка в Турции, отсутствие политической стабильности в самой республике и др. — привели к падению АДР.

Оценивая с геополитических позиций внешнюю политику АДР, надо отметить, что она была довольно взвешенной. Республика свой

геополитический код определяла исламской цивилизацией, общетюркской культурой и европейскими демократическими ценностями [1, p. 14].

Первое национальное государство свою геополитическую ориентацию проецировало на Европу, Кавказ и Анатолию. В тот период в Баку находилось 16 дипломатических миссий, только три из них не представляли Европу (США, Грузия и Иран). Как и сейчас, западные страны проявляли большой интерес к АДР, считали его основным партнером в регионе. Главной причиной подобного интереса были нефтяные ресурсы страны [2, p. 8].

В 1918 г. границы Азербайджана соответствовали современным, он граничил с пятью государствами. Однако то время отличалось значительной нестабильностью: формировалась новая политическая карта мира и региона, Россия была охвачена гражданской войной, Османская империя доживала последние дни, патриотические силы вели борьбу за изгнание иностранных оккупантов из Анатолии, Первая мировая война только закончилась, европейские страны занимались восстановлением своих государств. Все это препятствовало социально-экономическому и политическому развитию АДР, очень сложно было с транспортировкой бакинской нефти как в страны Европы, так и основному партнеру республики — Турции.

Безусловно, все вышеперечисленное отражалось и на геополитическом поведении страны, сужало пространство ее активности. Здесь можно выделить три главных фактора.

1. Закончились попытки республики Армения по расширению своего жизненного пространства за счет Анатолийских земель, и она повернула свой взор в сторону Нахичевани и Карабаха, входящих в состав АДР [3, p. 87].
2. Большевики пытались восстановить контроль над Баку и в целом над Азербайджаном как важным геополитическим и геоэкономическим узлом на путях к Ближнему и Среднему Востоку, ведущим мировым нефтяным центром.
3. Неизменный моральный оплот Азербайджана — Турция, которая хотела видеть поддержку АДР в контексте поставок бакинской нефти.

Здесь необходимо сделать небольшую ремарку. В тот период кемалистская Турция была одним из основных стратегических пар-

тнеров Советской России на антиимпериалистическом фронте. По ряду вопросов у них были общие подходы, Азербайджан был одной из таких тем.

Вторая Азербайджанская Республика. 28 апреля 1920 г. АДР была свергнута и произошла ее советизация. Социализм утвердился во всех трех республиках Южного Кавказа, и прошло национальное размежевание как в этом регионе, так и на всем Кавказе.

В результате данного процесса заселенные азербайджанцами территории Зангезур, Дерелеез и Гойча были переданы Армении, Борчалы — Грузии. Эта политика была направлена на разрушение единого тюркского пояса в масштабе евроазиатского региона. Отметим, что общая площадь АДР составила 93,7 тыс. кв. км. Став независимой 30 декабря 1991 г., Азербайджанская Республика обладала пространством в 86,6 тыс. кв. км [4, p. 128]. С 12 марта 1922 по 5 декабря 1936 г. Азербайджан входил вместе с Арменией и Грузией в состав Закавказской Федерации и после ее распада стал одной из союзных республик, то есть продолжил существование в качестве суверенного социалистического государства в составе СССР [4, p. 135].

В период существования Советского Союза республика часть полномочий передала союзному центру и в геополитике действовала в соответствии с принципами внутренней и внешней политики СССР.

На первом этапе социалистического строительства АзССР чувствовала себя в некотором роде наследницей АДР. В регионе и на всем пространстве Советского Союза она хотела играть специфическую геополитическую роль. В 1926 г. в Баку впервые был проведен Всесоюзный тюркологический конгресс [5, p. 10–11; 6, с. 427]. Азербайджан первым среди тюркоязычных народов перешел на латиницу³.

Политические лидеры и культурная интеллигенция (Нариман Нариманов, Гусейн Джавид, Бекир Чобанзаде и др.) видели республику не только частью Кавказа, но и всего тюркско-исламского мира [7, p. 80]. Проводимая культурная революция реализовывалась в этом контексте. Однако тоталитарная сталинская система отвергла подобные амбиции азербайджанского общества, и оно замкнулось и действовало в рамках, определяемых Кремлем.

³ Переход Азербайджана на алфавит с латинской графикой. www.zerkalo.az/2013/perehod-azerbaydzhana-na-alfavit-s-latinskoy-grafikoy; [5; 6].

Именно тогда происходило оформление идентичности азербайджанских тюрок, что находило отражение в поведении национальной интеллигенции. Если мы проведем анализ геополитического сознания азербайджанского народа, то заметим значительное воздействие тюркско-исламского фактора, который был основой, как уже выше упоминалось, национального самосознания общества⁴. Подобное объясняется стремлением сохранить национальную самобытность и сформировать хотя бы в усеченном виде государственность в условиях советского социализма.

История становления Азербайджана в XX в. оказывает сильнейшее воздействие на культурно-психологический стереотип азербайджанского общества, формирует его проекцию на будущее развитие. Отметим, что наличие интернационального индустриального центра Баку в определенной степени препятствовало формированию националистической доминанты в этническом самосознании азербайджанского социума, что отличало республику от соседней Армении.

В условиях конфронтации различных идеологий и социально-экономических систем Азербайджан играл специфическую роль в деле противостояния капитализма и социализма. В рамках геополитической парадигмы СССР Азербайджан занимал особое место в деле презентации советской аттрактивности для стран третьего мира. Он был моделью развития в культурном и в социально-экономическом плане, особенно в таких темах, как просветительское преобразование, преодоление однобокой специализации и моноукладности. Не случайно отцы-основатели Советского Союза называли республику воротами Востока⁵. Особую значимость придавало значительное количество национальных кадров в деле странового управления, что могло быть хорошим опытом для развивающихся стран, где эта проблема была особо актуальна. По количественному составу национальных кадров в системе партийных и советских органов Азербайджан был на лидирующих позициях среди других республик Советского Востока. Особенно это усилилось в конце 60-х — начале 70-х годов XX в. [8, p. 93].

Во внутренней геополитике СССР Азербайджан также в соответствии с географическим положением и потенциалом экономиче-

⁴ Gömeç S. Türk Tarihinin KahramanlarıLII: Mehmet Emin Resulzade, ORKUN, 117 Sayı, Kasım, 2007.

⁵ Коммунистический режим в Северном Азербайджане / Портал Фонда Гейдара Алиева. www.azerbaijan.az/portal/History/Middle/middle_05_r.html.

ских ресурсов играл достаточно важную роль. Республика всесоюзным центром рассматривалась с трех позиций.

1. Несмотря на падение значимости нефтяной составляющей (в 1940-х годах Азербайджан обеспечивал до 40 % потребности страны в нефти, в 80-х годах данный показатель упал до 2 %), Баку продолжал оставаться нефтяной столицей СССР, в республике производилось до 80 % оборудования для скважин [9, с. 186]. Здесь находилось командование Бакинского округа ПВО, охватывавшего гигантскую территорию от Средней Азии до Уральских гор [10].

В Баку было расположено командование Каспийской флотилии; Азербайджан был ведущей республикой на побережье Каспийского моря, которому определялась роль смотрителя Каспия. Здесь находились Каспийское морское пароходство, осуществляющее перевозки по Каспию, и объединение Каспморнефтегазпром, являвшееся ответственным за поиск и добычу углеводородного сырья по всей акватории моря.

Особую значимость в геостратегическом отношении Азербайджану в годы Великой Отечественной войны придавало то, что Баку был основной топливной базой Советского Союза и внес значительный вклад в дело победы над фашистской Германией.

2. Азербайджану была предоставлена особая роль в Кавказском регионе СССР. Причина крылась в значительном промышленном потенциале республики, выводящем его на первое место в Закавказском экономическом районе. В отличие от соседних республик, здесь было огромное количество предприятий союзного подчинения [11, с. 97]. Азербайджан являлся главным транспортным узлом Кавказа, здесь проходили транспортные пути в Центральную Азию и Средний Восток.
3. В религиозном и этническом отношении Азербайджан соседствовал с родственными ему государствами Ираном и Турцией, которым советское руководство придавало особую значимость (безусловно, со всеми положительными и отрицательными последствиями).

Вторая Азербайджанская Республика, даже обладая усеченным суверенитетом, находясь в постоянном конкурентном состоянии

с соседями на Южном Кавказе, проводила геополитику, направленную на защиту национальных интересов.

Если Грузия и Армения обладали значительным политическим весом в связи с их глубокой интеграцией в управленческий и социокультурный истеблишмент СССР, то Азербайджанская ССР находила место под солнцем путем кропотливого труда во благо советской экономики, часто во вред своим национальным интересам. Это выражалось в непомерно высоких нормах сбора хлопка, винограда и овощей, полном загрязнении нефтяных ареалов на суше и приведении в непригодное состояние, создании зон, опасных для проживания населения ввиду сверхкритичной загазованности, и т. д. [12].

Вторая Азербайджанская Республика просуществовала 70 лет. Изменение глобальных векторов развития и внутренние процессы в СССР привели в итоге к развалу этой державы и образованию ряда новых независимых государств.

Для Азербайджана этот процесс был довольно болезненным и сложным, республика потеряла контроль над более чем 20 % своей территории и вступила в этап независимого развития в разбалансированном состоянии с большим количеством социально-экономических и политических проблем. Если в ряде регионов мы видели противостояние в политической системе — партийно-государственный аппарат и новая демократия, то в Азербайджане существовала некая четырехмерность проблем. К традиционному перестроечному противостоянию между властью и оппозицией добавился внутренний этнический сепаратизм, инициированный соседней республикой, поддержанный демократической элитой центра и благосклонностью союзного руководства. Подобная критическая масса оказалась тяжелой ношей для страны, привела к деформациям в политическом развитии общества, последствия которых ощущаются до сих пор.

Третья Азербайджанская Республика. 18 октября 1991 г. Азербайджан после развала СССР объявил о независимости, считая себя правопреемником Азербайджанской Демократической Республики, образованной 28 апреля 1918 г. Оставаясь страной Южного Кавказа, являясь важным энергетическим хабом на пути из Каспийского региона в Западную Европу, он ощущает себя трансрегиональным государством.

Вместе с тем глобальные геополитические центры наряду с восприятием Азербайджана как представителя Южного Кавказа

и тюркско-исламского мира рассматривают его в качестве органической части Азиатского региона и тем самым противопоставляют двум соседним христианским государствам — Армении и Грузии, что вызывает раздражение в азербайджанском обществе.

Тем не менее несколько общих черт объединяют три южно-кавказские республики. Во-первых, они в качестве отдельных национальностей совместно сосуществовали в Российской империи, в дальнейшем — суверенных республик в составе СССР. Во-вторых, народы, формирующие данные государства, избирательно подходят к национальному статусу. Грузия всячески подчеркивает желание стать частью европейской цивилизации, Армения презентует себя миру как первое христианское сообщество, Азербайджан выступает в качестве самого светского и толерантного образования Востока. В-третьих, существует проблема нестабильной территориальной целостности трех южно-кавказских республик. Если Грузия и Азербайджан временно потеряли контроль над частью территории, то Армения, оккупировав территории соседнего государства, де-факто включила их в свои границы и обладает пространством, не признаваемым за ней мировым сообществом.

С геополитической точки зрения положение Азербайджанской Республики отличается от двух государств. Азербайджан помимо южно-кавказских соседей граничит с тремя государствами — Российской Федерацией, Турецкой Республикой, Исламской Республикой Иран. Грузия граничит с Россией и Турцией, Армения с Ираном и Турцией. То есть из всех стран Южного Кавказа только Азербайджан имеет границы со всеми геополитическими игроками региона. Помимо этого имеет выход на Каспийское побережье, посредством чего вступает в контакт со странами Центральной Азии, что делает страну привлекательной в геополитическом и геоэкономическом отношении. Появление транспортной магистрали Баку — Тбилиси — Карс усилит эти позиции.

При оценке геополитического положения Азербайджана становится ясным, что он зажат между важными игроками региона: Ираном, Россией и Турцией. Двое из них амбициозные, третий сосед — Россия — является одной из глобальных сил мира и сам определяет тренды поведения.

Вместе с тем всех троих можно считать государствами, находящимися в постоянном поиске своего места в мире. Российская Федерация борется за былое могущество времен СССР, две другие

страны стремятся изменить свой геополитический статус путем противостояния с западом и рядом стран региона. Иран, пытаясь демонстрировать исламскую особенность и отличие от западных демократий, стремится преодолеть одиночество в регионе, обусловленное принадлежностью к шиитской ветви ислама. Турция, начиная с 2002 г., значительно изменив внешне- и внутривнутриполитический курс, трансформировала линию геополитического поведения (корни которого уходят в 1991 г. — период развала СССР и возникновения целой группы тюркоязычных государств) и начала проводить независимый курс относительно стран Среднего Востока и Евразийского пространства [13, с. 200].

Наиболее сложным для Азербайджана является соседство с Арменией. Карабахский вопрос можно считать основным фактором, воздействующим на все геополитическое поведение страны. На постсоветском пространстве еще три государства находятся в схожем состоянии (потеря суверенитета на части территории), однако наблюдаются значительные различия в ситуации.

Если у партнеров по ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия) в качестве визави выступает один из глобальных геополитических игроков современности, то в случае с Азербайджаном это стратегический союзник Российской Федерации по Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийскому экономическому союзу — Республика Армения, идеологической основой которой является национальная идея, где существенное место отводится учению Гарегина Нжде «Цегакрон» (этнорелигиозное учение националистического толка. — *Авт.*)⁶.

Второе отличие заключается в многовекторности Карабахского конфликта. Если в других случаях мы наблюдаем противостояние сепаратистского региона с центральной властью, в нашем происходит столкновение на трех уровнях. С одной стороны, сепаратистский регион, с другой — Республика Армения, с третьей — обладающая значительной политической силой диаспора.

Третье отличие в том, что Запад в Карабахской ситуации ведет себя равноудаленно от сторон конфликта и не выступает однозначно в поддержку территориальной целостности Азербайджана, при этом в случаях с остальными членами ГУАМ открыто поддерживает

⁶ Website of the Republican Party of the Republic of Armenia. <http://www.hhk.am/en/program>.

их государственную целостность и не возлагает ответственность на обе стороны конфликта [14, с. 127].

Четвертая, пожалуй, главная отличительная черта заключается в том, что страна представляет единственный случай на постсоветском пространстве, где восставший регион перешел этнические и административные границы, оккупировав прилегающие к нему территории республики.

Все перечисленное осложняет весь комплекс взаимоотношений между республикой и Евроатлантическим сообществом, которое, в отличие от Грузии и Армении, ментально не воспринимает Азербайджан частью западного мира.

На наш взгляд, особый подход мировых держав к Карабахскому вопросу обусловлен цивилизационным фактором. Нагорный Карабах на политической карте мира является единственным христианским образованием, находящимся в административном подчинении мусульманского государства.

Азербайджанская Республика в отличие от других государств, входящих в ГУАМ, ведет уравновешенную внешнюю политику, не вступает в открытый конфликт и выстраивает с одной из ведущих мировых держав — Российской Федерацией — особые отношения стратегического характера⁷.

Азербайджан находится на перекрестке путей различных культур и цивилизаций, играет роль своеобразного моста между Западом и Востоком. Страна является активным участником динамических процессов, протекающих в региональных геополитических секторах. Это и Кавказ в целом, и его южная часть в особенности, соседское положение с Грузией, Россией и Турцией, что делает его приближенным к проблемам Черноморского региона; а турецкое и иранское пограничье вовлекает страну в динамику Среднего Востока.

Нельзя сбрасывать со счетов прикаспийский статус, который имеет архиважное значение. Здесь наиболее рельефно проявляется основной потенциал геоэкономического положения страны. В отличие от других государств Каспия историческое и социально-экономическое развитие Азербайджана связано с этим внутренним бассейном. С Каспийским морем сопряжено новое явление Азер-

⁷ Терепан-2017: итоги визита Владимира Путина. <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2949885>.

байджана миру. С первых дней независимости республика стала проводить особую каспийскую геостратегию. Во внутреннем водоеме столкнулись интересы пяти государств — Азербайджана, Ирана, Казахстана, России, Туркменистана, которые уже много лет пытаются их разрешить путем переговоров. Процесс длительный и сложный, является предметом особого исследования и не входит в круг интересов данной статьи.

Фактор нефти и газа стал точкой опоры новой азербайджанской геополитики, это содействует постепенной трансформации республики из государства регионального значения в страну со значительным межрегиональным геополитическим содержанием⁸.

Таким образом, Азербайджанская Республика — динамичная и быстро меняющаяся в пространстве и времени система. Нефть и особенное расположение в регионе (границы с главными геополитическими игроками, Каспийское море и пр.) являются краеугольными камнями геостратегического и геоэкономического поведения.

Если первая республика стала заложницей общемировой ситуации и потеряла независимость, то вторая, используя ресурсный потенциал и геоэкономический статус, была одной из определяющих республик Советского Союза и сумела войти в независимое состояние, сохранив первую государственную идентичность.

В период независимого развития Азербайджан начал себя позиционировать как европейское государство с восточным содержанием. В нынешнем кризисном мире подобная точка зрения приобретает особую значимость, и Азербайджанская Республика, находясь в точке пересечения цивилизаций Запада и Востока, может в короткий срок пройти необходимый путь европейской модернизации, сохранив восточную сущность, что и будет основой для формирования модели геополитического поведения республики в первой половине XXI в.

Литература

1. Əliyev V. Azərbaycan Bayrağı. Bakı: Yazıcı, 2011.
2. Çəmənçəminli Y. Xarici siyasətimiz. Bakı: Azərneşr, 1993.
3. Afanasiyan S. Ermənistan, Azərbaycan, Gürcüstan istiqlaldan sovet rejiminin qurulduğu dönmə qədər: 1917–1923 / пер.с фарси. Bakı: Qanun, 2012.

⁸ Сайт Президента Азербайджанской Республики. <http://www.president.az/articles/25789>.

4. Azərbaycan tarixi: 7 ciddə / AMEA A. A. Baxıxanov adına Tarix İnstitutu. VI cild. Bakı: Elm, 2000.
5. Первый Всесоюзный тюркологический конгресс. Стенографический отчет // Bakı: Nagyl Evi, 2011.
6. Немчинова Т. С., Музалёв А. А. Влияние языковой политики на формирование общего образовательного пространства в государствах Центральной Азии // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 426–430.
7. Əliyeva F. N. Nərimanov və Oil complex of the Caspian region: problems of functioning and development Milli Məsələ. Bakı: Nafta Press, 2015.
8. Həbibbəyli I. Heydər Əliyev dövlətçilik təlimi və müasir dövr, Nahçıvan, Əcəmi NPB, 2011.
9. Исмаилов С. Нефтяной комплекс Прикаспийского региона: проблемы функционирования и развития. Баку: Изд-во Бакинского гос. ун-та, 2000. 214 с.
10. Бакинский округ противовоздушной обороны [Текст]: Исторический очерк (1920–1974) / ред. А. У. Костантинов. Баку: Азернешр, 1974. 363 с.
11. Мир-Бабаев М. Краткая история азербайджанской нефти. Баку: Азернешр, 2007. 376 с.
12. Israfilov S. Environment and Natural Resources Protection. http://www.aplr.org/conference/en/experts_papers.
13. Ягья В. С. Турция в современной системе мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: Сб. статей / под ред. В. С. Ягья, М. Л. Лагутиной. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 520 с.
14. Мехтиева Р. Миропорядок двойных стандартов и современный Азербайджан. Баку: Шарп-Гарб, 2015. 224 с.
15. Стрелков А. Политика Евросоюза в постсоветском регионе // Евросоюз и Россия: политика на постсоветском пространстве / Научный журнал ИНИОН РАН. Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 9–38.

Контактная информация:

Ибрагимов Айдын И. — д-р геогр. наук, проф.; aydin.ibrahimov@mail.ege.edu.tr
Исмаилова Галина М. — канд. юрид. наук, доц.; gulzarismail@comu.edu.tr

Geopolitical Location of the Republic of Azerbaijan: temporal and Spatial Changes

Aydin I. Ibrahimov

Ege University, Izmir, Turkey

Gulzar M. Ismaylova

Chanakkale 18 Mart University, Turkey

For citation: Ibrahimov A. I., Ismaylova G. M. Geopolitical Location of the Republic of Azerbaijan: temporal and Spatial Changes. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State Uni-

versity Press, 2020, pp.246–260. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.17> (In Russian)

For instance, the evolution of the Republic of Azerbaijan was examined in three different periods. The first one is the republican period (1918–1920); the second one is the sovereign state period (1920–1991); and the third one is the period since 1991. Each period was compared with the others and the similarities and differences experienced in the geopolitics of the country were evaluated. Three main lines are clearly seen in the geopolitics conducted approximately throughout the last century by different Azerbaijanians. Firstly, the main geopolitical competitor is the Republic of Armenia; secondly, the competition taking place in the region between Russia and the West creates the atmosphere which influences the geopolitical behaviors; and thirdly, the fixed element which determines the status of the country is the energy resources.

Keywords: Republic of Azerbaijan, geopolitics, geopolitical behavior, change, different.

References

1. Əliyev V. *Azərbaycan Bayrağı*. Bakı: Yazıcı, 2011.
2. Çəmənzəminli Y. *Xarici siyasətimiz*. Bakı: Azərneşr, 1993.
3. Afanasiyan S. *Ermənistan, Azərbaycan, Gürcüstan istiqlaldan sovet rejiminin qurulduğu dönmə qədr: 1917–1923*. Bakı: Qanun, 2012.
4. *Azərbaycan tarixi: 7 ciddə* / AMEA A. A. Bakıxanov adına Tarix İnstitutu. VI cild. Bakı: Elm, 2000.
5. *First All-Union Turkic Congress*. Stenograficheskii otchet. First All-Union Congress of Turkic. Verbatim report. Bakı: Nagyl Evi, 2011.
6. Nemchinova T. S., Muzalev A. A. The impact of language policy on the creation of educational space in Central Asia. *Evrasijskii yuridicheskii zhurnal*, 2018, no. 3 (118), pp. 426–430. (In Russian).
7. Əliyeva F. N. *Nərimanov və Oil complex of the Caspian region: problems of functioning and development Milli Məsələ*. Bakı: Nafta Press, 2015.
8. Həbibbəyli I. *Heydər Əliyev dövlətçilik təlimi və müasir dövr, Nahçıvan, Əcəmi NPB*, 2011.
9. Ismailov C. Oil complex of the Caspian region: problems of functioning and development. Bakı, Baku State University Press, 2000. 214 p. (In Russian)
10. Baku District Air Defense. Historical essays / 1920–1974. Bakı, Azerneshir Publ., 1974. 363 p. (In Russian).
11. Mir-Babaev M. Brief History of Azerbaijani Oil. Bakı: Azerneshir. Bakı, Azerneshir Publ., 2007. 376 p. (In Russian)
12. Israfilov S. Environment and Natural Resources Protection. http://www.aplr.org/conference/en/experts_papers.
13. Jagja V. Turkey in the Modern System of World Politics. *Aktualnye problemy mirovoj politiki v XXI veke: Sb. Statei*. Ed. V. S. Jagja, M. L. Lagutinoi. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2011. 520 p. (In Russian)

14. Mehtiev R. World Order of Double Standards and Modern Azerbaijan. Baku, Sharg-Garb Publ., 2015. (In Russian)
15. Strelkov A. EU Policy in the Post-Soviet region. *Evrosojuz i Rossija: Politika na post-sovetskom prostranstve*. Iss. 2, Nauchnyi Zhurnal, RAN INION Publ., 2011, pp. 9–38. (In Russian)

Author's information:

Aydin I. Ibrahimov — PhD Sci. in Geography, Professor;

aydin.ibrahimov@mail.ege.edu.tr

Gulzar M. Ismaylova — PhD Sci. in Law, Assistant Professor;

gulzarismail@comu.edu.tr

УДК 327+94

Тенденции изменения геополитических процессов в Прикаспийском регионе

Ч. Н. Исмаилов

*Академия государственного управления
при Президенте Азербайджанской Республики,
Азербайджан, AZ1001, Баку, ул. Лермонтова, 74*

Для цитирования: Исмаилов Ч. Н. Тенденции изменения геополитических процессов в Прикаспийском регионе // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 261–269. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.18>

В статье рассмотрены предпосылки и условия трансформации геополитических процессов в Прикаспийском регионе. Проведен анализ влияния внутренних и внешних факторов на расстановку политических сил. При этом показаны тенденции развития экономического и политического сотрудничества между странами региона. В центре внимания остаются вопросы определения правового статуса Каспийского моря, использования углеводородных ресурсов и охраны природной среды. Раскрываются отличительные черты и приоритеты экономического развития стран Прикаспийского региона.

Ключевые слова: геополитические процессы, использование ресурсов, транспортные коридоры, экономическое развитие, межгосударственные отношения.

Прикаспийский регион (ПР), обладая богатым природно-ресурсным и людским потенциалом, занимает очень важное политико-географическое положение в евроазиатском пространстве. Коренные изменения в государственном устройстве и политическом управлении, прослеживаемые практически во всех странах ПР (к ним относятся Азербайджан, Казахстан, Иран, Россия и Туркменистан) в начале 90-х гг. прошлого столетия, кардинальным образом трансформировали архитектуру межгосударственных отношений в регионе.

В быстро меняющемся мире каждая из стран ПР в соответствии с национальными интересами стремится извлечь максимум выгод из сложившихся условий геополитического и экономико-географического положения, а также открывающихся возможностей использования ресурсного потенциала региона. В этом отношении имеет место определенная конкуренция и даже соперничество, что отра-

жается в разрабатываемых стратегиях развития на страновом уровне. Такое положение определенным образом формирует картину происходящих политико-экономических процессов в ПР. Ход этих процессов в значительной степени зависит от стратегических геополитических целей и выбора векторов развития стран ПР. Между тем все ярче высвечивается общая картина тенденций изменения геополитического положения стран ПР, которая определяется влиянием как внутренних, так и внешних факторов.

Изучение реализуемой политики стран ПР, определенные интересы которых пересекаются в этом пространстве, позволяет выделить группы с большим набором совпадений и сходств в стратегиях развития и сотрудничества. Вместе с тем разное видение и оценка перспектив разрешения спорных вопросов, ограничивают возможности полного использования ресурсного потенциала и развития межгосударственного сотрудничества стран ПР. Наглядным примером является многолетние обсуждения вопроса по правовому статусу Каспийского моря.

Наращение масштабов глобальных вызовов с разной степенью остроты проецируется на все регионы мира. Происходящие сдвиги в геополитическом и геоэкономическом положении ПР свидетельствуют о трансформации конструкции межгосударственных отношений. В этой связи важным представляется раскрытие условий формирования векторов развития экономического сотрудничества. Сближение позиций стран в решении вопроса определения правового статуса Каспийского моря даст дополнительный толчок развитию межгосударственных двухсторонних и многосторонних отношений. Анализ тенденций изменения геополитических процессов в ПР посвящена представленная статья.

Многополярность миропорядка как фактор разновекторности развития сотрудничества в Прикаспийском регионе. Мировые политические процессы и тенденции развития межгосударственных отношений постепенно высвечивают черты коренных изменений в устройстве мира. Разрастающиеся масштабы глобальных вызовов способствуют зарождению новых очагов конфликта, которые порождают политическое и военное противостояние. За последние четверть века «мировые державы» в стремлении к гегемонии нанесли ощутимый удар сложившейся системе миропорядка. С целью обоснования и обеспечения защиты собственных интересов «страны-лидеры» используют главным образом методы полити-

ческого давления или грубого применения военной силы. К сожалению, последнее становится все более распространенным. Тенденции использования военной силы коренным образом расшатывают основополагающие положения международного права, попирающие которых закладывает мины замедленного действия для возникновения новых локальных и региональных конфликтов. Это может стать детонатором расширения зон конфликтов с вовлечением мировых ядерных держав и привести к разрушительным последствиям для всего человечества.

Основные приоритеты внешней политики Азербайджана в Прикаспийском регионе. Период восстановления государственности в Азербайджане сопровождался военной агрессией со стороны Армении, оккупацией Нагорного Карабаха и семи прилегающих административных районов республики. Последовавший за этим поток беженцев-азербайджанцев (более 1 млн) из Армении и оккупированных земель республики в направлении столичного региона крайне осложнил социально-экономическое положение страны. В условиях обострения внутривосточного положения и гражданского противостояния необходимым стало решение насущных задач по возрождению экономики, где особое значение приобретал правильный выбор ключевого направления, коим оказалась нефтяная индустрия.

Подписание «Контракта века» в 1994 г. по совместному освоению нефтегазовых ресурсов в азербайджанском секторе Каспийского моря стало историческим событием в возрождении нефтяной промышленности и началом становления нефтяной стратегии республики. Привлечение иностранных инвестиций и новейших технологий в нефтегазодобывающую промышленность и сервисных служб в значительной степени содействовало социально-экономическому развитию Азербайджана. Строительство новых трубопроводов и других инфраструктурных объектов создало благоприятную почву для расширения географии экономических связей и формирования не нефтяного сектора экономики. В результате последовательной реализации стратегии стало возможно создание Государственного нефтяного фонда республики (1999), в котором величина накопленных валютных средств на начало 2017 г. составила 33,1 млрд долл.¹

¹ Удастся ли сохранить прирост денег в Госнефтефонде. <https://ru.sputnik.az/economy/20170718/411139603/aktivy-gosudarstvennogo-neftjanogo-fonda-azerbajdzhana.html>.

За прошедший период по нефтяным соглашениям в страну поступили 134 млрд долл. иностранных инвестиций. В объеме иностранных инвестиций, привлеченных в экономику Азербайджана по совместным предприятиям и предприятиям с иностранным капиталом, ведущую роль играют Турция и Великобритания [1, с. 67–74]. Иностранные компании неспроста вкладывали огромные средства на совместные офшорные нефтяные проекты. Их ожидания относительно прибыльности оправдали себя. За 1998–2017 гг. только в проект Азери-Чыра-Гюнешли были вложены средства на сумму 33 млрд долл.² За этот же период величина их прибыли по нефтяным проектам в Азербайджане более чем в два раза превысила сумму вложенных средств.

В экономическом развитии республики важную роль играет функционирование экспортных нефтегазопроводов. Благодаря эксплуатации трубопроводов в западном направлении обеспечивается 75 % валютных поступлений в республику. Начало эксплуатации железной дороги сообщением Баку — Тбилиси — Карс в октябре 2017 г., строительство и реконструкция которой полностью профинансированы Азербайджаном, открыло новые возможности использования транзитного положения республики. Интерес к контейнерным железнодорожным перевозкам по этому маршруту уже выразили Китай, Южная Корея, Пакистан, Афганистан, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан и другие страны. Ввод в строй железнодорожного сообщения по маршруту Север — Юг может превратить Бакинский транспортный узел в крупный транзитный хаб в перевалке грузов в ПР.

С учетом предполагаемых масштабов расширения географии перевозок ускоренными темпами продолжается строительство нового международного морского порта Алят.

НАТО в Прикаспийском регионе: мифы и реальность. Становление политико-экономической конструкции системы управления в постсоветских республиках начала 1990-х гг. можно охарактеризовать как период хаоса и неразберихи. Различия стартовых условий формирования государственности осложнили процесс налаживания межгосударственных отношений. «Центры силы» и сопредель-

² Мустафаева К. «Контракт века»: норвежские миражи Азербайджана // BBC NEWS, Русская служба. 2017. 15 сент. <http://www.bbc.com/russian/features-41274750>.

ные государства в соответствии со своими геополитическими и экономическими интересами стремились продвигать собственные модели государственного устройства и систему превентивных мер по недопущению возврата к «прошлому».

Государства постсоветского пространства в зависимости от геополитического значения в разной степени представляли интерес для западных стран. Развал СССР и последующий период постепенно высветил «границы размежевания» между Российской Федерацией и Западом. Дальнейший ход событий показал, что республики Прибалтики оказались в сфере влияния западных стран, а остальные — в сфере влияния России. Однако грубые ошибки, просчеты и непоследовательность во внешней политике России создали предпосылки для продвижения в ряде новообразованных республик западных «ценностей демократии» и геополитических целей переустройства и развития.

Наличие огромных запасов углеводородных ресурсов и особенности политико-географического положения ПР предопределили его геополитическую значимость. Возрастающий интерес ведущих нефтяных транснациональных корпораций (ТНК) и приток иностранных инвестиций в нефтяной сектор Азербайджана, Казахстана и Туркменистана вызывал обеспокоенность, раздражение и неприкрытое недовольство соседних стран. Привлечение иностранных инвестиций осуществлялось в соответствии с принятыми международными правилами проведения открытых тендеров разработки нефтяных месторождений. В тендерах победителями, как правило, выходили компании стран, предлагающие наиболее удачные бизнес-проекты, обеспечивающие приток валютных средств и новейших технологий. Вследствие этого западные ТНК заняли ведущие позиции в проектах разработки нефтегазовых месторождений Каспийского моря.

В условиях политической и экономической нестабильности в ПР в середине 1990-х гг. требовалась гарантия защиты интересов иностранных инвесторов. Такой гарантией могло быть принятие соответствующих государственных законов, а также возможность использования определенных рычагов внешнего давления (политического, правового, экономического и даже военного). Эти «доводы» (защита интересов нефтяных ТНК, продвижение демократии и прав человека, поддержка защиты государственности и др.) стали одной из причин распространения предположений о возможном по-

явлении военно-морских сил и военных баз НАТО в ПР. Передача Азербайджану и Казахстану отслуживших свой срок (более 25 лет) и списанных небольших судов ВМС США стала дополнительным доводом для тиражирования предполагаемых угроз появления сил НАТО в Каспийском море³. По этому поводу особую озабоченность выражали российские и иранские представители политического истеблишмента. Между тем резонным представляется вопрос: насколько эти опасения были обоснованными?

В той политической обстановке в республиках ПР угрозы могли иметь место. В начале 2000-х гг. США запустили программу Caspian Guard, в рамках которой американцы помогали Азербайджану и Казахстану строить боеспособные ВМС. Однако меры были предприняты не для обеспечения американского военного присутствия, а для страховки гарантий по защите инвестиций и в целом экономических интересов своих ТНК. Дальнейшие события подтвердили эти предположения, когда западные страны не скрывали обеспокоенность по вопросу безопасности, главным образом, связанному с обеспечением бесперебойной работы экспортных трубопроводов. Военные конфликты на Южном Кавказе и вопросы безопасности в регионе, как показывает прошедший период, не входят в круг первоочередных интересов стран запада, да и других центров силы. Поэтому конфликты остаются неразрешенными. Страны, обладающими действенными рычагами воздействия на новообразованные республики, на протяжении многих лет умело используют эти конфликты в собственных геополитических интересах. В результате этого за последнее десятилетие многократно увеличился уровень милитаризации региона.

Анализ реализуемой политики стран запада в ПР позволяет с уверенностью предположить о нереальности появления натовских структур в этом регионе в ближайшем будущем. Это не отвечает геополитическим интересам ни стран НАТО, ни стран ПР.

Определение правового статуса Каспийского моря. На протяжении последних двух десятилетий между странами ПР продолжались переговоры по определению правового статуса Каспийского моря. Эта проблема возникла в 1991 г. Если ранее море и шельф

³ Мехтиев А. Зона, свободная от НАТО: Каспий «сдался» России. <https://www.pravda.ru/authored/06-12-2017/1358605-kaspiy-0>; Бологов П. Как Россия спасает Каспийское море от НАТО. https://republic.ru/world/kak_rossiya_spasaet_kaspiyskoe_more_ot_nato-1171066.xhtml.

делили две страны — СССР и Иран, то после распада Советского Союза Прикаспийских государств стало пять. Поскольку Каспий не связан с Мировым океаном, действие международных морских конвенций на него не распространялось, необходимо было искать консенсусное решение вопроса, которое бы удовлетворило все стороны. Неразрешенность серьезно осложняла разработку национальных стратегий освоения нефтегазовых, биологических и рекреационных ресурсов, развитию транспортных коммуникаций и сферы услуг, охраны природной среды и сохранения биоразнообразия (см.: [2–4]). За этот период лишь по одному вопросу страны ПР пришли к единому мнению и в 2003 г. подписали соглашение, получившее название «Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря», также известная как «Тегеранская конвенция». Документ содержал общие требования к охране окружающей среды Каспийского края и предусматривал создание необходимых институциональных механизмов⁴. О сложности и политической деликатности процесса межправительственных переговоров свидетельствует слишком медленное продвижение вопросов согласования позиций сторон. Разница в видении накопившихся проблем и путей их разрешения крайне затрудняла задачу подготовки общего документа.

Дополнительным толчком к сближению позиций стали неоднократные встречи глав государств ПР (проведены пять саммитов). В начале декабря 2017 г. на встрече руководителей МИД стороны добились положительного результата по всем не разрешенным вопросам Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

В итоге в августе 2018 г. в рамках V Каспийского саммита в Актау (Казахстан) был подписан международный договор между Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном. Предполагается, что документ, на разработку которого ушло более двух десятилетий, должен разделить нефтегазовые и биологические ресурсы Каспия между странами «пятерки», а также препятствовать появлению в море военных сил внерегиональных держав. Речь прежде всего идет о вооруженных силах НАТО. В согласованной конвенции обозначено, что страны ПР признают суверенитет, суверенные права и юрисдикцию. Зона территориальных вод определена полосой в 15 миль, а остальная часть водной акватории предназначена для общего использования.

⁴ Тегеранская конвенция [Текст]. <http://www.tehranconvention.org>.

Постепенное прояснение политических векторов развития стран ПР позволяет с большой долей предсказуемости определить тенденции трансформации геополитических процессов в регионе. Согласование и сближение позиций по определению правового статуса Каспийского моря открывают новые возможности по экономическому развитию и сотрудничеству стран ПР. В ближайшие годы следует ожидать сглаживание межгосударственных отношений в тех сферах совместного ресурсного использования потенциала моря, в которых имели место прямо противоположные позиции. Такие «встречные» политические и экономические шаги по развитию сотрудничества закладывают прочный фундамент к установлению долгосрочных и взаимовыгодных отношений.

Литература

1. Пюльалиев М., Алиев Р. Динамика и отраслевая структура иностранных инвестиций, направленных в экономику Азербайджана // *Економічний вісник Донбасу*. № 3 (41). 2015. С. 67–74.
2. Рамазанов А.Р. Позиции Прикаспийских государств по правовому статусу Каспийского моря // *Вопросы структуризации экономики*. 2003. № 1. С. 14–18.
3. Кондаурова В. Вопрос о правовом статусе Каспийского моря: международное право ответа не дает // *Центральная Азия и Кавказ*. 2008. № 6 (60). С. 84–100.
4. Малмир Мохаммадреза. Правовой статус Каспийского моря // *Вопросы российского и международного права*. 2018. Т. 8. № 7А. С. 156–165.

Контактная информация:

Исмаилов Чингиз Ниязи оглы — д-р геогр. наук, проф.; ischingiz@gmail.com

Trends of change of geopolitical processes in the Caspian Region

Chingiz N. Ismayilov

*Academy of public administration under the President of the Republic of Azerbaijan,
74 Lermontov street, Baku, AZ1001, Azerbaijan*

For citation: Ismayilov Ch.N. Trends of change of geopolitical processes in the Caspian Region. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S.Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 261–269. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.18> (In Russian)

The article considers the prerequisites and conditions for the transformation of geopolitical processes in the Caspian region. The analysis of influence of internal and external factors on arrangement of political forces in the region. The

article shows the trends in the development of economic and political cooperation between the countries of the region. The research focused on the legal status of the Caspian Sea, the use of hydrocarbon resources and protection of the natural environment. The distinctive features and priorities of the economic development of the countries of the Caspian region are revealed.

Keywords: geopolitical processes, resource use, transport corridors, economic development, interstate relations.

References

1. Gyl'aliev M., Aliev R. Dynamics and sectoral structure of foreign investments directed to the economy of Azerbaijan. *Ekonomicheskij vestnik Donbasa*, no. 3 (41), 2015, pp. 67–74.
2. Ramazanov A. R. Positions of the Caspian States on the Legal Status of the Caspian Sea. *Voprosy strukturizacii ekonomiki*, 2003, no. 1, pp. 14–18.
3. Kondaurova V. Looking for a Way to Resolve the Legal Status of the Caspian Sea: International Law Provides no Answer. *Central'naya Aziya i Kavkaz*, 2008, no. 6, pp. 84–100.
4. Malmir Mohammadreza. Legal Status of the Caspian Sea. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2018, vol. 8, iss. 7A, pp. 156–165.

Author's information:

Chingiz N. Ismayilov — Dr. Sci. in Geography, Professor; ischingiz@gmail.com

ТУРЦИЯ

Духовное родство турецкой и русской культур сквозь призму литературы (очерк)

А. С. Аврутина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Аврутина А. С. Духовное родство турецкой и русской культур сквозь призму литературы (очерк) // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 270–276. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.19>

Статья посвящена важному вопросу, который интересует уже много лет как русскую, так и турецкую интеллигенцию — особенно с момента начала интенсивного взаимодействия обеих стран и, как следствие, развития культурных, экономических и политических русско-турецких отношений. Речь идет о родстве турецкого и русского менталитетов, о культурном родстве, которое обеспечено пограничным положением обеих стран между Востоком и Западом. Для иллюстрации близости менталитетов подобраны примеры из современной турецкой литературы, а также примеры из средств массовой информации, которые собраны за несколько лет работы автора в качестве литературного переводчика с турецкого языка.

Ключевые слова: Россия, Турция, менталитет, культура.

Россия и Турция, давно позабыв войны прошлого и связанные с ними взаимные обиды, начали дружить домами, семьями и народами, породнились.

Всегда считала, что русско-турецкая дружба — в основе заслуга не только политиков и бизнесменов, но и прежде всего специалистов-тюркологов. Именно мы в 1990-е гг. преподавали турецкий на первых языковых курсах; мы водили по нашим городам первых туристов, когда еще массового въездного турецкого туризма в России совершенно не было; мы сопровождали турецких бизнесменов, которые только приезжали присмотреться к русскому рынку, прежде чем годы спустя начать инвестировать в России деньги и заключать

здесь огромные контракты... Именно мы, в отсутствие генеральных консульств во многих городах, планировали работу и программы первых турецких правительственных делегаций...

Кто такой переводчик? Это человек, который помогает людям понять друг друга. У нас разные языки, религии, возраст, пол, темперамент, мировоззрение. Переводчик необходим всем нам, когда мы хотим понять друг друга, но не получается.

Как русский переводчик Орхана Памука и других турецких поэтов и писателей, воспитанный на русской литературе, могу сказать, что читать и переводить турецкую литературу, а точнее, делать турецкие романы и стихотворения понятными и близкими русскому читателю, — очень важное и приятное занятие.

Памук часто упоминает о духовной близости русской и турецкой культур. Обе страны — две бывшие великие империи, Османская и Российская, и у обеих сохранилась память о былом величии. В обеих странах болезненно вспоминают бывшее величие, а также тоскуют по империи даже век спустя.

Современная Россия во многом похожа на современную Турцию. Как и в Турции, в России в данный момент развивается капитализм, и вынужденно принимается западный стиль жизни, западные модели социальных и общественных отношений, атрибуты западной современной культуры и цивилизации, во многом чуждые и непривычные русскому национальному сознанию. При этом одновременно в России, как и в Турции, происходит и рост самосознания, а также националистических идей, подъем религиозных настроений. Даже в непростых украинском и сирийском вопросах мы похожи: ведь Турция воспринимает Сирию, своего «младшего соседа» точно так же, как Россия воспринимает Украину.

Главное, что объединяет Россию и Турцию, — это срединное положение обеих стран между Востоком и Западом. Турция — не Восток в чистом виде, но все же считается восточной страной, хотя в Турции много европейского. Россия, также пребывающая между Востоком и Западом, никогда не была восточной страной, но и никогда не была и типично европейской страной. Так же, как и в Турции, европейские обычаи и традиции в России казались чуждыми (вспомним, как Петр Великий заставлял людей под страхом смертной казни употреблять табак, носить европейское платье), а в национальном русском менталитете всегда было больше восточных черт, нежели европейских.

Именно поэтому невозможно сказать, что русские когда-либо смотрели на Турцию глазами европейца. И именно поэтому многое из того, что близко и понятно турку, будет близким и понятным русскому. У обоих народов — русских и турок — очень близкий и похожий менталитет. Не этим ли объясняется такая популярность Турции в России? И туркам, и русским свойственно то, о чем написал А. С. Пушкин в стихотворении «Зимняя дорога»: «...то разгулье удалое, то сердечная тоска».

Некоторым следствием ментального родства наших народов можно считать и то, что русский и турецкий языки содержат очень много общего в области разговорной лексики и фразеологии — в тех сферах языка, которые выражают самоощущение народа (*her işte bir hayır vardır* «нет худа без добра», *sabah ola, hayır ola* и *gün doğmadan neler doğar* «утро вечера мудренее», *gözden irak olan gönülden de irak olur* «с глаз долой — из сердца вон», *iyi iş altı ayda biter* «хорошо быстро не бывает», *yağmur bardaktan boşanırcasına yağıyor* «дождь льет как из ведра», *tatlı tatlı söyler acı acı sokar* «мягко стелет, да жестко спать», *dişine göre* «это дело ему по зубам», *diş geçirmek* «показывать зубы, кусаться», *bir işi hasır altı etmek* «отложить дело в долгий ящик»).

В романе Орхана Памука «Новая жизнь» образ «Кока-колы», предстает как образец всего западного, чуждого, а турецкая минеральная вода, которую пьет герой, — «Будак» — является залогом здоровья и благополучия. К слову, в России телевидение нередко показывают рекламу со слоганами, затрагивающими подобную тематику (вспоминается рекламный ролик кваса «Никола» со слоганом «Нет колонизации, квас — здоровье нации»).

Все это позволяет говорить, что некоторые исторические, социальные либо культурные ситуации из истории и культуры России перекликаются с некоторыми историческими либо культурными феноменами из турецкой жизни.

Примером духовной близости наших культур может служить понятие «русской тоски», существующее в русской культуре. О русской тоске писал А. С. Пушкин («...подобно аглицкому сплину, короче: русская хандра...»), П. Я. Чаадаев. О русской тоске писал А. П. Чехов, хотя тоска в его произведениях связана с упадком общества, будущей неизвестностью, личностным разложением героев, это тоска от гнетущей действительности, тоска по высшему смыслу жизни. И, кажется, что это понятие несколько перекликается с памуковским понятием *hüzün* 'тоска'.

Роман «Дом тишины» в чем-то удивительно русский. Даже на спинке турецкого издания «Дома тишины» фигурирует сравнение турецкого текста с «Вишневым садом» А.П.Чехова [1]. И в «Вишневом саде», и в «Доме тишины» ощущается легкая печаль, тоска по былому и тоска из-за неотступности непонятного будущего. Главный герой Хасан с его рассуждениями о том, чего он может добиться в жизни и какими способами он может воспользоваться для этого, очень напоминает Раскольникова с его вопросом, может ли он, позволено ли ему вершить чужие судьбы.

Сходство сцены военного переворота и захвата власти в театре во время спектакля в романе О.Памука «Снег» [2] напоминает реальные события октября 2002 г., когда террористы захватили 912 человек во время знаменитого мюзикла «Норд-Ост» в московском театральном центре на Дубровке, погибло 125 человек.

В «Снеге» вообще много «русского» — тетрадь Ка ассоциируется у читателей с тетрадью Юрия Живаго, русско-армянский город Карс — с российской архитектурой и русским снегом, общее развитие событий напоминает «Бесов» Достоевского.

Ка — классический герой русской литературы. Он напоминает таких героев русской литературы, как Онегин, Чацкий. Вокруг Ка происходят определенные события, жизнь диктует ему свои условия и создает вокруг него ситуации, он руководствуется ощущениями от тумана и снега — но противопоставить всему происходящему целостную личную концепцию он не в состоянии. Все, что он делает, он, подобно Раскольникову, который «убить-то убил, а душу человеческую не учел», как бы не доводит до конца.

Сюжет романа О.Памука «Мои странные мысли» определяет эпиграф из «Героя нашего времени» М.Ю.Лермонтова [3].

«Русскими» по духу кажутся и другие турецкие писатели.

Например, герои романов Сабахаттина Али зачитываются И.С.Тургеневым, да и сами походят на его персонажей; один из самых популярных современных турецких писателей Ахмет Умит несколько лет прожил в России, и именно в России испытал потребность в творчестве. А другой знаменитый турецкий писатель, поэт, музыкант и кинорежиссер Зульфю Ливанели любит не только употреблять в своих романах цитаты из русской классики, но и детально описывать эпизоды русской жизни последних десятилетий, например перестройку [4].

Можно ли не упомянуть о Назыме Хикмете, любившем Россию: когда издавали его книги в СССР, редко проставляли имя переводчика. Считалось, что коль уж он является членом Союза писателей России, то пишет по-русски. Но, конечно же, его произведения на русский язык все же переводили профессиональные переводчики, хотя разговорным русским языком он владел в достаточной степени. Зато еще один известнейший современный турецкий поэт — Атаол Бехрамоглу — войдет в историю русско-турецких отношений в том числе и как блистательный переводчик на турецкий язык А. С. Пушкина: “*Seviyordum Sizi ve bu aşk belki...*” — «Я вас любил: любовь еще, быть может...» Совершенно справедливо можно заключить, что турецкая литература XX в. во многом испытала влияние русской классики: это и образ «лишнего человека», и «герои нашего времени», и «вешние воды» любви...

Безусловно, совершенно неверно говорить о тотальном сходстве турецких романов XX в. с произведениями русских писателей XIX в., однако многие признают, что именно русская классическая литература оказала огромное влияние на турецкую литературу XX в. В Турции часто говорят об этом «русском» влиянии, о влиянии русской культуры на турок — трудно найти человека, не читавшего в школьные годы Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого или А. П. Чехова. «Россия для нас всегда была страной великих писателей, страной “Лебединого озера”, — как-то, почти 15 лет назад, признался мне владелец крохотного отеля в Анкаре. — Русские были для нас эталоном культуры долгие годы. И лишь в 1990-е годы ситуация изменилась».

К сожалению, в СССР турецкая литература издавалась несколько однобоко: переводились лишь произведения тех писателей, которые затрагивали социальные вопросы. В советское время хорошо знали и много издавали только нескольких турецких поэтов и писателей, таких как Назым Хикмет, Яшар Кемаль, Сабахаттин Али, Решат Нури Гюнтекин, — их главные произведения давно переведены на русский язык. Также часто издавались различные сборники турецких пьес, небольших рассказов, фольклор — анекдоты и сказки. В остальном турецкая литература в советские годы оставалась для русского читателя довольно закрытой. Такие имена, как Ахмед Хамди Танпынар, Огуз Атай, Пеями Сафа, Халиде Эдип Адывар, стали звучать на русском языке лишь в наши дни, и можно предположить, что именно ментальная, духовная близость наших народов, родство нашей общей истории, общие тяготы и даже общие политические

интересы в прошлом и настоящем являются причиной высокой популярности турецкой культуры в России. В качестве примера можно упомянуть и популярность турецких писателей, и популярность турецких сериалов, и общий резкий рост числа желающих изучать турецкий язык, который наблюдается последнее десятилетие.

Как написал Ватаняр Саидович Ягья, «язык давно является фактором мировой политики» [5–7]. В наши дни произведений различных турецких авторов переведено и переводится в России немало. Новые книги будут издаваться и дальше. Во всяком случае, хотелось бы на это надеяться. Власти с обеих сторон должны понимать: культурный диалог необходим всегда, при любых обстоятельствах.

Литература

1. *Pamuk. O. Sessiz ev. İstanbul, Can Yayınları, 1983.*
2. *Pamuk. O. Kar. İstanbul, İletişim Yayınları, 2002.*
3. *Pamuk. O. Kafamda Bir Tuhaflık. İstanbul, Yapı Kredi Publications, 2014.*
4. *Livaneli Z. Kardeşimin Hikayesi. İstanbul, Doğan Kitap, 2013.*
5. Ягья В. С., Чернов И. В., Блинова Н. В. Лингвистическое измерение мировой политики. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 261 с.
6. Ягья В. С., Чернов И. В., Ковалевская Н. В. Лингвистическое измерение мировой политики. Berlin, Golden Mile GmbH, 2013. 256 с.
7. Ягья В. С., Чернов И. В., Ковалевская Н. В. Роль лингвистического фактора в социальном управлении и историческом развитии // Управленческое консультирование. 2016. № 7 (91). С. 156–175.

Контактная информация:

Аврутина Аполлинария Сергеевна — д-р. филол. наук, доц.; a.avrutina@spbu.ru

Spiritual Kinship to the Turkish and Russian Cultures through the Prism of Literature (Essay)

Apollinariya S. Avrutina

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Avrutina A. S. Spiritual Kinship to the Turkish and Russian Cultures through the Prism of Literature (Essay). *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 270–276. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.19> (In Russian)

Russian and Turkish intellectuals have been interested in this important issue for many years, especially since the beginning of intensive interaction between the two countries and, as a result, the development of cultural, economic and political Russian — Turkish relations. It is about the relationship of Turkish and Russian mentality, about the cultural relationship, which is provided by the border position of both countries between East and West. To illustrate the closeness of mentalities, examples from modern Turkish literature, as well as examples from the media, which are collected over several years as a literary translator from the Turkish language.

Keywords: Russia, Turkey, mentality, culture.

References

1. *Pamuk O. Sessiz ev.* İstanbul, Can Yayınları, 1983.
2. *Pamuk O. Kar.* İstanbul, İletişim Yayınları, 2002.
3. *Pamuk O. Kafamda Bir Tuhaflik.* İstanbul, Yapı Kredi Publications, 2014.
4. *Livaneli Z. Kardeşimin Hikayesi.* İstanbul, Doğan Kitap, 2013.
5. Yag'ya V.S., Chernov I.V., Blinova N.V. *Linguistic Dimension of World Politics.* St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2009. 261 p. (In Russian)
6. Yag'ya V.S., Chernov I.V., Kovalevskaya N.V. *Linguistic Dimension of World Politics.* Berlin. Golden Mile GmbH, 2013. 256 p. (In Russian)
7. Yag'ya V.S., Chernov I.V., Kovalevskaya N.V. Role of Linguistic Factor in Social Management and Historical Development, *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2016, no. 7 (91), pp. 156–175. (In Russian)

Author's information:

Apollinariya S. Avrutina — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor;
a.avrutina@spbu.ru

УДК 324+328

An assessment of the election system in Turkey

Tanju Tosun, Gülgün Erdoğan Tosun, Yusufcan Gökmen

*Ege University, Faculty of Economics and Administrative Sciences,
Bornova — Izmir, 35040, Turkey*

For citation: Tosun T., Tosun G.E., Gökmen Yu. An assessment of the election system in Turkey. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 277–300. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.20>

Introduction. Electoral systems are institutional arrangements that offer information on the level of the democracy standards of a country. Whether an electoral system is majoritarian, proportional representation or mixed is related to the historical conditions of the country, the preferences of the political elite and to the socio-economic structure. Although the parliamentary structure was formed with proportional representation methods in almost all elections held in Turkey after 1961, the electoral threshold proportional representation system applied partially during 1960–80 and fully since 1983 allowed especially strong parties to be represented in the parliament much higher than their vote rates and as a result a representation injustice problem prevailed in the context of the relation between the voters and the elected.

The government system changed with the April 16, 2017 Constitution referendum has put a new situation before the political system of Turkey. Although this situation disables the legislature, it can be said the significance of the election method of this institution was maintained and even increased. The situation that emerged from the November 1 elections indicated that the dominant party system with Ak Parti continued to exist. However, it is understood that the 4-party structure ideologically representing social-democracy, Turkish Nationalism and Kurdish nationalism shall not be easily dissolved. The only condition for the dissolution of this structure is for the İYİ Parti, founded by Meral Akşener who stated that she would position herself in the center, to severely break the voter base of MHP, in which case a 5-party structure may exist for a certain period. However, the interesting point is that if MHP and the party to be found by Akşener fail to pass the electoral threshold and HDP, representing the Kurds also fail to pass the threshold then a 2-party structure may also be formed in the parliament after the next elections.

Therefore, as stability in government has lost its meaning in the new regime, it can be possible to establish pluralism and democracy in the politics of Turkey to the extent that the electoral system reflects justice in representation. Due to the transition to the presidential regime, regarding the electoral systems design the topic to be discussed in the forthcoming days should not be the dichotomy of «Justice in representation, Stability in government» but it is essential to build the system on the foundations of «justice, pluralism and representation». In this study, first the phenomenon of justice in elections will be discussed based on the example of the electoral system, then the nature of the electoral systems implemented in Turkey since 1983 causing injustice in representation will be set forth and a system emphasizing «justice, pluralism and representation» shall be proposed.

Criteria in the Preference of Electoral Systems and Consequences Therefor. Various criteria are utilized in the preference of electoral systems depending on the aims of the decision-makers. Factors such as the socio-economic structures, political conditions, the nature of the political regime and the expectations of political powers determine this preference. These are also accepted as the objectives of electoral systems and political-scientist Horowitz discussed 6 objectives in this regard: proportionality between vote distribution and chair distribution, accountability, formation of stable governments, election of the candidate most desired by the people, allowing for compromise between various ethnic and religious groups and the representation of minorities [1, p. 161; 2, pp. 115–127]. In the last analysis the preferred criteria result in more or less political consequences and the most important of these consequences is related to justice in representation, the number of parties represented in the parliament and the degree of disproportionality of the system [3, pp. 521–539]. In this study, justice in representation, one of the most significant aspects of the electoral system, shall be discussed first. In evaluating the extent to which an electoral system is just in terms of representation, as the basic indicator one has to consider the proportionality reflecting the relation between the votes received and the chairs won by parties participating in the elections.

Justice in representation is related to reflecting voter preferences to the parliament and there is injustice in representation if the votes in the elections and the chair distribution are different. The basic factors causing this are unrepresented votes and disproportionality. If votes supporting a party or political opinion are left out of the parliament due to various attributes of the electoral system, then there are unrepresented votes there. After a certain point the increase of such votes turns into a representa-

tion problem [1, pp.161–162]. The problem of unrepresented votes is more evident in the majority system as party receiving the majority of the votes takes all the chairs. However, this does not mean that there is no injustice in representation in proportional representation systems. In particular, whether or not an electoral threshold is in place or the size of the threshold, whether the electoral threshold is national or regional, the size of the constituency and the chair formula can lead to injustice in the proportional representation system. However, it must be noted that the real determinant is disproportionality. Hence, the Netherlands, where the electoral threshold is around 1 percent has the lowest disproportionality ratio while disproportionality is a serious problem in Poland where the threshold is 5 percent. In particular, electoral threshold together with the size of the constituency jointly lead to further injustice in representation. Disproportionality increases as the constituency gets smaller and the situation that emerges with the existence of both, expressed by Taagepera as «effective threshold» is when injustice in representation becomes evident [1, pp.163–164; 4, p.12; 5, pp.393–404].

In terms of proportionality between vote distribution and chair distribution, the adopted electoral system leads to proportionality or disproportionality between the votes of parties formed with voter preference and the ratio of deputies of parties, shaped by the electoral system. The higher the disproportionality the less that votes received by parties are represented in the parliament. This implies a deviation between the vote rates and deputy rates of parties and political scientists such as Douglas W. Rae, John Loosemoore and Victor J. Hanby, Michael Gallaver, Bernard Grofman and Arend Lijphart developed various formulas for measuring the degree of disproportionality [2, p.526].

Disproportionality in the Electoral Systems of Various Countries. The average disproportionality degrees identified by Arend Lijphart in the legislature elections in 36 democracies during the period 1945–1996 indicates that disproportionality differs significantly depending on the adopted electoral system. The following table provides findings on this issue.

As seen in the aforementioned table, among the examined countries the Netherlands, where proportional representation is implemented, is the country with the lowest disproportionality ratio of 1,30 % whereas France is the country with the highest rate of 21,08 %. Another clearly striking issue in the table is that disproportionality is lower in countries with proportional representation and higher in countries with a majoritarian system.

*Table 1. Average Degrees of Disproportionality in Legislature Elections in 36 Democracies During the Period 1945–96**

Country	Degree of Disproportionality	Electoral System	Country	Degree of Disproportionality	Electoral System
The Netherlands	1,30	Proportional representation	Spain	8,15	Proportional representation
Denmark	1,83	Proportional representation	Australia	9,26	Absolute Majoritarian
Sweden	2,09	Proportional representation	Papua New Guinea	10,06	Proportional Majoritarian
Israel	2,27	Proportional representation	United Kingdom	10,33	Proportional Representation
Malta	2,36	Proportional Representation — Residual vote	Colombia	10,62	Proportional representation*
Austria	2,47	Proportional representation	New Zealand	11,11	Proportional Majoritarian
Germany	2,52	Proportional representation	India	11,38	Proportional Majoritarian
Switzerland	2,53	Proportional representation	Canada	11,72	Proportional Majoritarian
Finland	2,93	Proportional representation	Botswana	11,74	Proportional Majoritarian
Belgium	3,24	Proportional representation	Costa Rica	13,65	Proportional representation*

Country	Degree of Disproportionality	Electoral System	Country	Degree of Disproportionality	Electoral System
Italy	3,25	Proportional representation	Trinidad	13,66	Proportional Majoritarian
Luxembourg	3,26	Proportional representation	Venezuela	14,41	Proportional representation
Ireland	3,45	Proportional Representation — Residual vote	USA	14,91	Proportional Majoritarian
Portugal	4,04	Proportional representation	Bahama	15,47	Proportional Majoritarian
Iceland	4,25	Proportional representation	Barbados	15,75	Proportional Majoritarian
Norway	4,93	Proportional representation	Mauritius	16,43	Proportional Majoritarian
Japan	5,03	Non-Transferable — Residual Vote	Jamaica	17,75	Proportional Majoritarian
Greece	8,08	Proportional representation	France	21,08	Absolute Majoritarian*

* Arend Lijphart. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*, New Haven, Conn., Yale University Press, 1999; *Demokrasi Motifleri* (trans. Güneş Ayas, Utku Umut Bulsun), Salyangoz Yayınları, İstanbul, 2006. P. 161.

Injustice in the Electoral Systems and Disproportionality in the Parliamentary Elections in Turkey. We can examine the reflections of the electoral systems implemented in Turkey on the party system with the

help of the various indicators provided in the following table. Among these indicators, the total vote and chair ratios of the two strongest parties and the disproportionality ratios thereof are provided in the following table 2.

*Table 2. Injustice in Representation and Disproportionality in Legislature Elections Since 1983**

Electoral System	1983	1987	1991	1995	1999	2002	2007	2011	2015
	Double Threshold d'Hondt	Double Threshold d'Hondt and Quota	Double Threshold d'Hondt and Quota	Country threshold d'Hondt	Country threshold d'Hondt	Country threshold d'Hondt	Country threshold d'Hondt	Country threshold d'Hondt	Country threshold d'Hondt
Vote of Two Strongest Parties (%)	75,6	61,1	51	41	40,2	53,7	67,5	75,8	65,7 (74,8)
Chairs of Two Strongest Parties (%)	81,9	86,9	65,2	53,2	48,1	98,3	82,3	84	70,9 (81,9)
Disproportionality (%)	4,5	15,7	7,1	5,8	4,1	22,4	8,0	5,0	5,2 (3,4)

* The degrees of disproportionality in Tables 3 and 4 were obtained from the following work for pre-2007: Ergun Özbudun; *Türkiyede Parti ve Seçim Sistemi*, İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, no: 366, İstanbul, 2011. P.101. I calculated the post-2007 values using data from the Supreme Election Council and TurkStat. The first of the 2015 data belongs to the June 7 elections and the second to the November 1, 2015 elections.

Examining the findings regarding the November 6, 1983 elections, we can observe that due to its nature of not allowing the representation of a large section of the electorate, the double threshold gave results close to that of the majoritarian system. Despite the total vote ratio of 75,6% received by ANAP and the People's Party, the two strongest parties of the election, the fact that they represented 81,9% of the chair in the parliament had damaged the principle of justice in representation.

The effects of the system, which is to the advantage of large parties and excludes the preferences of a significant portion of electorate from the democratic convention, were also felt in the 1987 elections. Even considering only the disproportionality ratio (15,7%), the fact that disproportionality reach its peak in 1987 among all the elections held between 1961 and 2002, reveals the extent of injustice in representation. The same injustice can also be observed by examining the fact that despite a total vote ratio of 61,1 %, ANAP and SHP, the two strongest parties obtained a chair ratio of 86,9 %.

Although the limited changes made especially in the constituency threshold before the 1991 elections were to the benefit of smaller parties, the fact that the parties other than the three strongest parties and independent candidates could not pass the country threshold with the 4 749 232 votes (approximately one fifth of total votes) they received in the 1987 elections, led parties to seek alliances. Examining the impact that the system implemented in 1991 had on the party system, the fact that the two largest parties gained 65,2 % of the chairs in the parliament despite having received 51 % of the votes clearly indicates that the system was to the advantage of large parties. The fact that disproportionality was 7,1 % reflected that proportional representation was approaching majority rule as the case was in 1983 and 1987.

Although the constituency threshold was annulled in the 1995 elections, the 10 percent country threshold continued to lead to disproportionality and injustice in representation. This meant that the justice in representation aimed by proportional representation was eliminated through thresholds. The fact that MHP and HADEP failed to have deputies in the parliament despite a vote of 3 472 966 proved this. Although the disproportionality ratio of 5,8% was lower compared to 1987 and 1991, it was twice compared to 1983. Although based on proportional representation, the fact that the two strongest parties RP and DYP were represented in the parliament at a ratio (53,2 %) higher than their vote power (41 %) due to the high country threshold giving results to the advantage of large parties, was caused by the attributes of the system leading to surplus representation to the advantage of large parties.

The two strongest parties had the lowest vote (40,2 %) in the 1999 elections among the 5 elections held during the period 1999–2015. Thereafter, the total votes of these parties gradually increased up to 75,8 % in 2011 and then dropped once again in the June 7 elections to 65,7 % and increased to 74,8 % in the November 1 elections. Examining in terms

of the chair ratios of the two strongest parties, the 48,1 % chair ratio in 1999 reached a very high ratio of 98,3 % due to the dominance of AK Parti in the parliament in 2002. Thereafter, it decreased down to 70,9 % in June 7 and increased to 81,9 % in November 1. 2002 was the elections with the highest disproportionality. The disproportionality ratio was 22,4 % in these elections where AK Parti was represented was a large majority in the parliament and only two parties were in the legislature. This was caused by only two parties entering the parliament and in particular, the high national threshold had an important part in the situation. The fact that DYP with 9,5 %, MHP with 8,4 %, Genç Parti with 7,3 % and the Kurdish political movement with 6,2 % vote were left outside the parliament was enough to describe the situation.

The 2002 elections can be considered as a typical example of the extent of injustice caused by a high threshold in a proportional representation system. Although the decrease in the number of parties (35,3 %) increased in the 2007 elections, the fact that representatives of the Kurdish political movement participated in the elections as independent candidates lead to the degree of disproportionality to reduce to 8 %. The decrease in the number of parties dropped to 20,7 % in the 2011 elections and to 13,9 % in the last elections and the disproportionality likewise remained at the level 5–5,2 %. Disproportionality was lowest in the November 1 elections (3,4 %). The fact that the degree of disproportionality had a decreasing trend since 2011 is closely related to the fact that the Kurdish national movement put representatives in the parliament through independent candidates and eliminated the impact of the national threshold. The strategic alliance that electors established with HDP in the ballot box in order to have this party pass the threshold in the June 7 elections was significant in terms of indicating how the threshold, developed as an electoral tool project could be crumbled with the will of the electorate. The vote and deputy ratios and the amount of vote received per deputy of the parties entering the parliament may be examined in order to observe the extent of the problem caused by the threshold method of the proportional representation system implemented in the elections held in the 1983–2015 period, in terms of reflecting the electoral performance of parties in the parliament.

The first point that draws attention in Table 3 is that the practice of threshold, which was put into proportional representation by the September 12 regime in the name of establishing political stability, served to establish single-party majorities as manufactured majorities (the strongest party gaining a majority of the chairs in the parliament despite not receiv-

Table 3. Vote Per Deputy Received by Parties During the 1983–2015 Period

	1983	1987	1991	1995	1999	2002	2007	2011	2015
ANAP	45.1 (52.9) 37123	36.3 (64.9) 29809	24.0 (25.6) 44413	19.7 (24.0) 41873	13.2 (15.6) 47941	5.1 (0)			
HP	30.5 (29.3) 45177								
MDP	23.3 (17.8) 56858								
SHP		24.7 (22.0) 59909	20.8 (19.6) 57574						
DYP/DP		19.1 (13.1) 77746	27.0 (39.6) 37082	19.2 (24.5) 39970	12.0 (15.5) 44063	9.5 (0)	5.4 (0)	0.7 (0)	0.1 (0)
RP/FP	–	7.2 (0)	16.9 (13.8) 66473	21.4 (28.7) 38053	15.4 (20.2) 43291				
DSP	–	8.5 (0)	10.8 (1.6) 374900	14.6 (13.8) 54184	22.2 (24.7) 50879	1.2 (0)	0.0 (0)	0.3 (0)	0.1 (0)
MHP	–	2.9 (0)		8.2 (0)	18.0 (23.5) 43461	8.4 (0)	14.3 (12.7) 70448	13.0 (9.6)	16.2 (14.5) 94000 142353
CHP	–	–	–	10.7 (8.9) 61450	8.7 (0)	19.4 (32.4) 34344	20.9 (20.4) 65337	26.0 (24.5) 82636	24.9 (24) 87258 90386
HADEP	–	–	–	4.2 (0)	4.7 (0)				
AK Parti	–	–	–	–	–	34.3 (66.0) 29774	46.6 (62.0) 47880	49.8 (59.3) 65440	40.8 (46.9) 73129 74706

	1983	1987	1991	1995	1999	2002	2007	2011	2015
SAADET	–	–	–	–	–	2.5 (0)	2.3 (0)	1.2 (0)	2.0 (0)
DEHAP/ Indp./ HDP	–	–	–	–	–	6.2 (0)	5.2 (4.0) 70595	6.6 (6.5) 80569	13.1 (14.5) 75731 87255
GENÇ Parti	–	–	–	–	–	7.3 (0)	3.0 (0)	–	–

ing a majority vote) in the 1983, 1987, 2002 and 2007 elections. The fact that AK Parti gained 59,3 % of the chairs in the parliament with a vote of 49,8 % in the 2011 elections is considered as coming very close to earned majority [6, p. 102].

Manufactured majorities are naturally related to the fact that the votes of other parties are not reflected to the parliament with justice. The data in the table indicates that the situation in the relation between the vote ratios and chair ratios of parties is to the advantage of large parties to the extent which does not require a statistical analysis. Threshold practices are the main reason that such a result emerges. The fact that ANAP, the largest party in in 1983 and 1987, despite receiving vote ratios of 45,1 % and 36,3 % respectively, achieved 52,9 % and 64,9 % chair ratios cannot be explained with any other reason. Likewise, the fact that AK Parti, which received 34,3 %, 46,6 % and 49,8 % respectively in 2002, 2007 and 2011 gained 66 %, 62 % and 59,3 % of the representatives explains the extent to which the national threshold leads to overrepresentation of large parties. This trend can also be observed by examining the vote received by parties per deputy. According to our calculations, the amount of vote per deputy of the largest party of an election is lower compared to other parties. Although the constituencies and the electoral geographies of parties have impact it this, it is clear that the electoral system is the actual determinant. ANAP, becoming the largest party in 1983 could receive 37 123 votes per deputy whereas MDP, the third party in the elections had to receive 56 858 votes per deputy. The fact that one hand DYP, the largest party of the 1991 elections could receive 37 082 votes per deputy and on the other hand DSP, which entered the parliament with a vote of 10,8 % had to receive 374 900 votes per deputy, is a typical example of the

deformity based on the electoral system, between the vote and chair performance of parties. While AK Parti could receive 47 880 votes per deputy in 2007, CHP had to receive 65 337 votes per deputy. The situation did not change much in the June 7 elections. AK Parti could receive 73 129, MHP 94000 and CHP 87 258 votes per deputy and independent candidates had to receive 75 731 votes to enter the parliament. The number of votes that parties had to receive per deputy increased in November 1. This increase is especially evident in MHP. The number of votes MHP had to receive per deputy was 142 353. It is once again reveals that proportional representation is not very just and representative in terms of justice.

Another aspect to be examined regarding Electoral Systems and Justice is the number of deputies and the amount of vote required per deputy in various constituencies of Turkey, examining this for the case of November 1 elections reveals the following (table 4):

Table 4

Constituencies	Registered Electors	Vote Required Per Deputy	Number of Deputies	Ratio of Vote Required Per Deputy to the Number of registered Electors (%)
Adana	1 484 820	106 058	14	7,1
Adıyaman	381 687	76 337	5	19,9
Afyonkarahisar	495 461	99 092	5	19,9
Ağrı	289 454	72 363	4	24,9
Amasya	239 079	79 693	3	33,3
Ankara1	2 099 001	116 611	18	5,5
Ankara2	1 646 705	117 621	14	7,1
Antalya	1 589 439	113 531	14	7,1
Artvin	129 418	64 709	2	50
Aydın	777 563	111 080	7	14,3
Balıkesir	910 091	113 761	8	12,5
Bilecik	149 018	74 509	2	50
Bingöl	171 258	57 086	3	33,3

Constituencies	Registered Electors	Vote Required Per Deputy	Number of Deputies	Ratio of Vote Required Per Deputy to the Number of registered Electors (%)
Bitlis	190 205	63 401	3	33,3
Bolu	213 085	71 028	3	33,3
Burdur	191 274	63 758	3	33,3
Bursa	2 046 276	113 682	18	5,5
Çanakkale	388 577	97 144	4	24,9
Çankırı	129 979	32 494	4	24,9
Çorum	385 753	96 438	4	24,9
Denizli	718 251	102 607	7	14,3
Diyarbakır	959 078	87 188	11	9,0
Edirne	304 729	101 576	3	33,3
Elazığ	398 411	99 602	4	24,9
Erzincan	152 578	76 289	2	50
Erzurum	483 561	80 593	6	16,6
Eskişehir	616 751	102 791	6	16,6
Gaziantep	1 139 452	94 954	12	8,3
Giresun	320 720	80 180	4	24,9
Gümüşhane	93 165	46 582	2	50
Hakkari	157 379	52 459	3	33,3
Hatay	992 286	99 228	10	9,9
Isparta	304 143	76 035	4	24,9
Mersin	1 218 738	110 794	11	9,0
Istanbul1	3 719 755	119 992	31	3,2
Istanbul 2	3 060 263	117 702	26	3,8
Istanbul3	3 538 185	114 135	31	3,2

Constituencies	Registered Electors	Vote Required Per Deputy	Number of Deputies	Ratio of Vote Required Per Deputy to the Number of registered Electors (%)
İzmir1	1 522 924	117 148	13	7,7
İzmir2	1 583 326	121 794	13	7,7
Kars	182 836	60 945	3	33,3
Kastamonu	277 244	92 414	3	33,3
Kayseri	908 971	100 996	9	11,1
Kırklareli	265 061	88 353	3	33,3
Kırşehir	160 467	80 233	2	50
Kocaeli	1 241 282	112 843	11	9,0
Konya	1 437 639	102 688	14	7,1
Kütahya	419 508	104 877	4	24,9
Malatya	534 774	89 129	6	16,6
Manisa	1 010 966	112 329	9	11,1
K. Maraş	700 597	87 574	8	12,5
Mardin	445 455	74 242	6	16,6
Muğla	673 642	112 273	6	16,6
Muş	220 874	73 624	3	33,3
Nevşehir	204 214	68 071	3	33,3
Niğde	229 962	76 654	3	33,3
Ordu	229 962	45 992	5	19,9
Rize	243 212	81 070	3	33,3
Sakarya	668 777	95 539	7	14,2
Samsun	924 381	102 709	9	11,1
Siirt	168 993	56 331	3	33,3
Sinop	154 707	78 853	2	50

Constituencies	Registered Electors	Vote Required Per Deputy	Number of Deputies	Ratio of Vote Required Per Deputy to the Number of registered Electors (%)
Sivas	435 685	87 137	5	19,9
Tekirdağ	673 481	112 246	6	16,6
Tokat	411 684	82 336	5	19,9
Trabzon	561 114	93 519	6	16,6
Tunceli	62 615	31 307	2	50
Şanlıurfa	977 938	81 494	12	8,3
Uşak	257 681	85 893	3	33,3
Van	600 503	75 062	8	12,5
Yozgat	295 666	73 916	4	24,9
Zonguldak	446 210	89 242	5	19,9
Aksaray	254 480	84 826	3	33,3
Bayburt	52 698	26 349	2	50
Karaman	167 870	83 935	2	50
Kırıkkale	193 688	64 562	3	33,3
Batman	312 571	78 142	4	24,9
Şırnak	243 624	60 906	4	24,9
Bartın	143 384	71 692	2	50
Ardahan	68 865	34 432	2	50
Iğdır	115 464	57 732	2	50
Yalova	168 185	84 092	2	50
Karabük	168 503	84 251	2	50
Kilis	78 926	39 463	2	50
Osmaniye	339 157	84 789	4	24,9
Düzce	255 464	85 154	3	33,3

As can be observed in the table, there is a serious imbalance in the number of electors required per deputy in the constituencies of the provinces of Turkey. For example, in the vote required per deputy was 121 794 in the constituency İzmir 2 119 992 in the constituency İstanbul 1 and 117 621 in the constituency Ankara 2 whereas it was 26 349 in Bayburt, 31 307 in Tunceli and 32 494 Çankırı.

The vote distributions and elector deployments of parties in the June 7 and November 1 elections have confirmed that the dominant party system has settled in Turkey and that Ak Parti is the hegemonic party in this system. The deputy distributions of parties would not change in the November 1 elections even if the threshold was reduced by 1 %. This is because even the vote ratio of the 5th party Saadet Partisi, which could not enter the parliament did not reach 1 % (0,68 %). Under these given conditions and given that the executive will dominate over the legislature with the Presidential system in the forthcoming period and the executive will not be chosen from the legislature, the most essential issue in terms of the electoral system will be to not consider the principle of «Stability in Government» as in the past, but to strictly establish justice in representation in the parliament.

The Single-Member or Narrow Constituency electoral systems are being expressed in particular by government circles for a while as an alternative electoral system and it is understood that this system will be debated intensely in the politics of the country in the coming days. It should be stated in advance that the Single-Member or Narrow Constituency Systems do not provide justice in representation. At this point we would like to discuss the major attributes and the advantages and disadvantages of both systems.

Evaluation of Single-Member and Narrow Constituency Electoral Systems for Turkey. Intensely debated in the public opinion of Turkey, the Single-Member Constituency electoral system is an implemented method of the majoritarian system whereas the Narrow Constituency system is a proportional representation method. In the single-member constituency majoritarian system each constituency elects one representative and the constituencies consist of small areas and narrow regions. A list of the candidates is provided to the electors in the constituencies and they are asked to vote for one. The candidate who receives the highest vote in these narrow constituencies gets elected, thus each constituency has a single representative. This method is implemented in three ways. The first is the First-Past-the-Post system which is based on the candidate receiving

the highest vote among the candidates competing in a single round in a constituency gets elected in that constituency. This is known as First-Past-the-Post. This system is implemented in the UK House of Commons Elections, Singapore presidential elections, Canada and India parliamentary elections and in Belize, certain Caribbean countries, Bangladesh, Burma, Malaysia and Nepal. Another implementation of the first-past-the-post single-member constituency system is the Alternative Vote system where unlike this simple majority, the electors are given the opportunity to sort the candidates according to their preferences. It is based not on vote majoritarianism but on a candidate receiving a majority of the votes and operates with one-round and gives the opportunity for sorting preferences. The Australian general elections are its most typical implementation. It is also implemented in Fiji and Papua New Guinea. In the Runoff Single-Member Constituency system if a single candidate fails to receive the majority of the votes in the first round then the candidates achieving a certain vote ratio (e. g. 25 percent) or a certain number of candidates with the highest votes in the first round compete in the second round and the candidate receiving the highest vote in this round gets elected. The French Presidential elections are held with this method*. It is also implemented in the Central African Republic, Mali, Togo, Gabon, Congo, Belarus, Kyrgyzstan and Uzbekistan.

Advantages and Disadvantages of the Single-Member Constituency System. Defenders of the single-member constituency state that this system has significant advantages. These advantages are the ease at which electors understand the system, ease in making preference, ability of electors to get to know the candidates well, ability of electors to establish stronger bonds with their representatives as they get to know them better, easier accountability of the representative, possibility of representing all regions of the country at micro level, the fact that this method usually allows the formation of single-party governments and is prone to stability in government. Also, this method intends to have electors prefer one of two parties which contributes to the formation of a two-party system in the country it is implemented.

In the single-member constituency system electors have the potential to get to know most of the candidates which may cause more conscious voting. Narrow constituencies result in a strong elector representation because each elector has a single representative. Narrow constituencies grant the electors a very evident connection point with the parliament and this emphasizes service to the electors of the constituency. Narrow constitu-

encies emphasize accountability because the elected deputy shall be held responsible for their performance and shall be rewarded by re-election or be punished by not getting elected in the next elections. Narrow constituencies guarantee the representation of all geographical (narrow) constituencies of the country. In single-member constituency systems parties are forced to tend towards candidates preferred by the electors of the region (through preliminary election or public opinion surveys) rather than the candidates they prefer. And this ensures the elimination of the tyranny of party leaders and contributes to intra-party democracy. Single-member constituency systems usually lead to single-party governments (and therefore to stability in government) and a single opposition party. As seen in the cases of USA and UK, this system leads the electors to two parties.

Conversely, the most important disadvantages of the single-member constituency system include its failure to take injustice into consideration, represent strong parties in the constituencies more in the parliament while lowering the representation opportunities of small parties in the parliament. On the other hand, each single-member constituency shall be represented by a single deputy with a certain political opinion and a significant section of the electors in the constituency will not be able to express their opinions and expectations in the parliament. If there are multiple parties of similar strength in the constituency, a first-past-the-post election will result in deputy election with minority vote in the constituency. The election may become meaningless in constituencies where one party is far ahead. (In 1998 in the USA in the state parliamentary elections were not held in 40% of the constituencies because one party was very strong, and a second candidate was not nominated.) For ethnic and religious minorities to be represented in the parliament, narrow constituencies where they have majority must exist (or be created). Single-member constituency systems lead to emergence of regional parties and may thus damage the national political system (as seen in Canada and India). As the single-member constituency system strengthens local candidates with regional power (especially in small provinces) it may weaken party organizations. The single-member constituency system may make it more difficult for women to enter the parliament¹. In this context, this electoral system has disadvantages such as exclusion of minority parties, exclusion of women, wasting many votes, usually requiring additional elections,

¹ *Erhan Erkut*. Dar Bölge Sistemi Üzerine. Erhanerkut.com. Date of acces Nov. 1, 2017.

leading to Gerrymandering and difficulty in encouraging participation in the elections. Also, in societies with strong feudal relations, persons with influence over a region can be nominated as candidates by political parties and these candidates may use their influence to get elected. Therefore, whether this system will result in positive consequences in a region with clans, communities, land lords and masters, is an issue to be considered seriously. On the other hand, a candidate with power and influence over the people in a certain region can use certain methods called “vote buying” in the literature and which means providing benefits to electors in exchange for their votes². The potential of this possible drawback of the single-member constituency system in particular, to cause ethical problems in politics and to seriously threaten democracy should not be ignored.

Advantages and Disadvantages of the Narrow Constituency System.

The Narrow Constituency electoral method is a practice basically implemented in the proportional representation system and which is based on having low number of deputies compared to wider constituencies. In this context, this method is based on having more deputies compared to the single-member constituency system in general but less than the wide constituencies of the proportional representation system. In practice, in this method the constituencies are arranged to be represented by 5–7 deputies. Although the aim in this method seems to be to achieve stability as an advantage, it has numerous disadvantages. Stability in management is emphasized as the advantage of this method. As constituencies are narrowed compared to the wide constituency practice of proportional representation and as a more organic relation is established between the electors and the elected, it is claimed to be a method more inclined to allow electors to know their representatives better and for better accountability. Likewise, it is claimed that geographical, social and cultural representation shall be at higher levels because the constituencies are narrowed. As the number of deputies to be elected from the constituency shall be lower in this method compared to wide constituencies, it is stated that deputies shall express and seek solution for regional problems in the legislature with higher consciousness.

It should be noted that the advantages asserted for the narrow constituency electoral system do not have a strong basis. Like the single-member constituency method this system benefits the parties that are stronger throughout the country and may serve to have them send more represent-

² Levent Gönenç. Dar Bölge Seçim Sistemi Tartışmaları. tepav.org.tr.

atives to the parliament. Compared to the wide constituency system it is very difficult for parties with a social strength limited to a certain constituency to be represented in the parliament. On the other hand, as a single representative is not elected from the constituencies as in the case of single-member constituency systems, it is difficult to achieve certain benefits of the single-member constituency system using this method. Parties that are strong especially in the constituencies shall always have an advantage in this system. As multiple representatives get elected from constituencies and as it is still difficult for electors to contact and convey their requests to the elected, neither justice in representation, nor accountability can be realized as the required levels in this method.

Evaluation on Single-Member Constituency and Narrow Constituency Electoral Systems for Turkey. A new government system was accepted for Turkey with the April 16 referendum. Referred to as the presidential government system, as the executive will not be formed from within the legislature in this system and shall be appointed by the president, it parliamentary majority serving stability in government to be established by single-member or narrow constituency is not necessary anymore. The single-member or the narrow constituency methods focused on government stability in parliamentary systems may not provide stability in Turkey but in contrast, lead to instability and political polarization. Providing benefit especially to large and strong parties, these systems may lead to strong parties entering and be represented in the parliament with even more strength. And this may form not a pluralist but a majoritarian structure in the parliament. Although this leads to an effective government if the party with majority in the parliament is the same as the party of the president, plurality, democratic representation and the ability of the opposition to call for account shall be eliminated to a great extent.

Although issues such as electors getting to know their representative better, to call for them to account for their legislative activities and geographical representation are emphasized if the single-member constituency method is implemented, the style of politics in Turkey and the weakness of democratic values in the political culture will prevent this system from being functional. On the other hand, as especially primary bonds (town, community and clan bonds) are effective in single-member constituency systems particularly in underdeveloped or developing countries, these bonds and relation systems which exist in our country may lead to damages rather than benefits. The fact that strong parties and references based on primary bonds are effective in nomination of candidates may lead to

a deficit in democratic politics. On the other hand, it is clear that the single-constituency system may conflict with article 80 of the Constitution. This article states the following: «Members of the Grand National Assembly of Turkey do not represent their constituency or their electors but the whole Nation». However, as the single-constituency system is based on establishing a strong bond between the electors and the deputies and as each deputy enters the parliament as the sole representative of a specific constituency and electorate, implementing this method is problematic in terms of the constitution³.

Like the single-member constituency system, as the narrow constituency system shall also benefit the large parties in Turkey, it will not provide any opportunity for small parties to enter the parliament or have small parties be underrepresented and thus lead to injustice in representation. If objective criteria are not implemented in determining the constituencies in this system, injustice in representation can be even more severe and may lead to geographical injustice in representation to the advantage of large parties. Although in essence this method is an implementation of proportional representation, in practice it may lead to as many problems as the majority system.

Our Proposal for an Electoral System to Strengthen Justice in Representation in Turkey. For the electoral system in Turkey to establish justice in representation it must strictly continue with the proportional representation system, however the electoral injustice caused by the 10 % threshold must be eliminated. Taking into consideration the fact that the threshold cannot be fully eliminated, we provide below a new electoral system with an example, which we consider would make the system more representative in order to make votes given to parties serve justice in representation.

The first and most important steps to be taken for changing the electoral system is to decrease the electoral threshold from 10 % to 5 %. Additionally, as recommended by Özbudun, election of 100 members of the parliament through proportional representation method from the country constituency may help to establish a more pluralist parliament. Özbudun asserts that if the country threshold cannot be reduced, the method implemented in countries such as Germany, Sweden and Denmark could be used where parties with the highest vote in a certain number of constituencies or vote above a certain ratio could be exempt from

³ Gönenç, Ibid.

the threshold, which would eliminate injustice in representation and also not damage stability [6, p. 118, 119]. In our opinion, despite reduction of the national threshold to 5 percent, in order to ensure that parties that are not represented in the parliament, but which are the strongest in a certain constituency or constituencies can have deputies, calculating the deputy distribution of all parties in those constituencies using again the d'Hondt method but by exempting them from the threshold in those constituencies, can strengthen justice in representation. For example; for a hypothetical parliament with 450 members if 100 members are elected through non-threshold proportional representation d'Hont method and 350 deputies are elected through 5 percent national threshold proportional representation d'Hondt method, then the total number of deputies in the constituencies where parties for which non-threshold calculation shall be made are first, can be subtracted from the total number of deputies where threshold calculation is to be made (350) and the remaining number of deputies can be distributed to the parties in accordance with their vote ratios.

According to the amount of votes received by parties in general elections, based on a calculation where in a parliament with 450 members, 100 members are elected through non-threshold proportional representation d'Hondt method from the country constituency, 350 members are elected through 5 % national threshold proportional representation d'Hondt method and with the same method in the provinces where the parties are the 1st but by being exempt from the threshold (E.g.: In a country with a total of 50 constituencies Party E is the 1st party in a constituency with 10 deputies and Party F is the 1st in another constituency with 5 deputies) the distribution of deputies to the parties shall be as follows (table 5)⁴.

In a parliament with 450 members, with an electoral system where 100 members are elected from the country constituency with non-threshold proportional representation d'Hondt method, 350 members are elected with 5 % national threshold proportional threshold d'Hondt method and using the same method in the constituencies where the parties are

⁴ Vote distribution of parties in the constituency with 10 deputies and where the Party E is the 1st party: Valid Votes: 1 000 000, votes of parties: A: 200 000, B: 150 000, C: 100 000, D: 80 000, E: 300 000, F: 70 000, G: 60 000, H: 40 000. Vote distribution of parties in the constituency with 5 deputies and where the Party F is the 1st party: Valid Votes: 600 000. A: 150 000, B: 50 000, C: 20 000, D: 80 000, E: 60 000, F: 200 000, G: 10 000, H: 30 000.

Table 5

Parties Valid Votes: 45 400 000	Distribution of 100 Deputies according to non-threshold Proportional Representation d'Hont (n)	Distribution of 335 Deputies according to 5 % national threshold Proportional Representation d'Hondt (n)	Distribution of 15 deputies in provinces where parties that fail to pass the threshold (E, F) are the 1st party	Total deputy distribution (n)
Party A 20 000 000	45	162	3+2	212
Party B 14 000 000	31	113	2	146
Party C 7 500 000	17	60	1	78
Party D 1 900 000	4	–	1	5
Party E 1 000 000	2	–	4	6
Party F 500 000	1	–	2	3
Party G 400 000	–	–	–	–
Party H 100 000	–	–	–	–

In a system with 10% threshold Party A gets 217 deputies, Party B gets 152 and Party C gets 81 deputies. All 4 parties get deputies only if the threshold is reduced to 3% in which case the distribution becomes as follows: A: 208, B:145, C:78, D: 19

the 1st but by being exempt from the threshold (E.g.: In a country with a total of 50 constituencies Party E is the 1st party in a constituency with 10 deputies and Party F is the 1st in another constituency with 5 deputies) parties E and F become the 1st party in their constituencies despite being unable to pass the 5% country threshold, would give these two parties extra deputies and it becomes possible to reflect to the parliament the vote preferences in the constituencies where they are strong in addition to their

share from the 100 deputies. If especially class, ethnic or individual vote preferences predominate in these constituencies, the system is more inclusive in terms of justice in representation and democratic legitimacy as it reflects preferences into the parliament.

What Turkey needs after the June 7 elections is the construction of a more inclusive democracy rather than the exclusionary democracy of the recent years. Starting by improving the electoral system based on justice in representation could be one of the most significant contributions in strengthening Justice and democracy.

Conclusion. Electoral systems have been one of the most controversial topics in the political life of Turkey since the past. The main reason for this is that since 1946, when multi-party political life initiated, the political elites have failed to generate an electoral system on which all the parties including the government and the opposition to compromise even at a minimum level. As government parties in particular prefer the system that provide them the most numerical advantage, this approach results in a democratic deficit in Turkey through the electoral system. The national-threshold d'Hondt system currently implemented Turkey was a project imposed on politics through an electoral law prepared by the coup leaders of September 12. The aim was to establish in Turkey an electoral system where 2–2,5 parties would be effective in the parliament and that would provide a stable government. Although this aim of the September 12 coup leaders was effective until the early 1990s due to the double threshold in the electoral system, the sociological dynamics of politics later became dominant and a relatively pluralist parliamentary structure was formed despite the electoral system during the 90s until the November 3, 2002 general elections. The fact that Ak Parti was very strongly represented in the parliament in the 2002 elections was a result of the fact that the electoral system was unjust in representation this continued until the early 2010s. Today, the social divisions in the society have recently lead to the formation of a pluralist structure in the parliament despite the national threshold of the electoral system which prevents justice. In a sense, the contracting effect of the electoral system in the 80s was overcome in the 2000s with the preferences of the electors. However, today, when transition is made to the Presidential system, it is noteworthy the political power may propose the single-member constituency system which is a majoritarian system or the narrow constituency system where proportional representation gives majoritarian results, as the new electoral system in the name of political stability. Our opinion is that both systems may not

lead to political stability in Turkey and in contrast, could lead to more unjust results in parliamentary representation. On the other hand, the most essential attributes of the electoral system we proposed are that it allows for small parties to also get represented in the parliament and that it emphasizes justice in representation. Our opinion is that how the electoral system can be established based on justice in representation shall be the fundamental question to be answered regarding the electoral system in the forthcoming days in Turkey. The system we proposed fully responds to this question.

References

1. Sabri Sayarı, Hasret Dikici Bilgin. *Karşılaştırmalı Siyaset Temel Konular ve Yaklaşımlar*. Bilgi Üniversitesi Yayınları (Akademik) Press.
2. Electoral Systems: A Primer for Decision Makers, *Journal of Democracy*, no. 14 (4), 2003, pp. 115–127.
3. Özbudun, Ergun. *Seçim Sistemleri ve Türkiye*. Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi, Cilt 44, Sayı 1–4, 1995, pp. 521–539. <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/38/298/2768.pdf>.
4. M. Gallagher ve P. Mitchell, der. *The Politics of Electoral Systems*. New York, Oxford University Systems Press, 2008.
5. Taagepera R. Effective Magnitude and Effective Threshold, *Electoral Studies*, 1998, no. 17(4), pp. 393–404.
6. Özbudun, Ergun. *Türkiye’de Parti ve Seçim Sistemi*. İstanbul, İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları Press, 2011.

Author’s information:

Tanju Tosun — Dr., Prof. Ege University
Gülgün Erdoğan Tosun — Dr., Prof. Ege University
Yusufcan Gökmen — Research Assistant, Ege University
Ege Üniversitesi, Rektörlüğü Gençlik Caddesi, 35040, Bornova-Izmir, Turkey

*A significant part of this study was prepared based on and quoted from the following work of Tanju Tosun: Tanju Tosun; *Türkiye’de Seçim Sistemleri ve Seçimlere Etkisi*, Liberal Perspektif Rapor, S: 1, Ankara, 2015.

УДК 94+327

От вестернизации к девестернизации: турецко-американские отношения в исторической перспективе 1940–2010-х годов

П. В. Шлыков

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1*

Для цитирования: Шлыков П. В. От вестернизации к девестернизации: турецко-американские отношения в исторической перспективе 1940–2010-х годов // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 301–322. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.21>

В статье анализируется маятниковая динамика турецко-американских отношений в исторической перспективе последних семи десятилетий (1940–2010-е годы). Один из парадоксов развития турецко-американских отношений состоит в том, что факторы и обстоятельства, сближавшие две страны, одновременно становились причиной разлада между «стратегическими партнерами». Генезис текущего кризиса отношений Анкары и Вашингтона рассматривается в трех измерениях — как деградация идеи «турецкой модели», как эрозия «блоковой солидарности» (Турция — США в НАТО) и как дивергенция в понимании проблем региональной и международной безопасности.

Ключевые слова: Турция, США, НАТО, Ближний Восток, «турецкая модель», международная безопасность.

С середины прошлого века Турция являла пример одного из главных и последовательных союзников США. В годы холодной войны она выступала форпостом Запада на границах с Советским Союзом. В 1990-е годы выполняла ключевую роль в сдерживании Ирака и Ирана, помогала Вашингтону в реализации его политики на Балканах и построении энергетического коридора «Восток — Запад». В начале 2000-х годов Турция — участник международной коалиции во главе с США и партнер в афганском урегулировании. В 1990-е и 2000-е годы — «витрина» западной демократии в регионе, модель быстроразвивающейся страны, успешно сочетающей демократию, рыночную экономику и ислам. Все это делало определение турецко-американских отношений в категориях стратегического

партнерства не просто фигурой речи, а отражением их реального содержания на протяжении более семи десятилетий — вопреки маятниковой динамике сотрудничества, пережившего несколько региональных конфликтов, изменения международной политической и экономической конъюнктуры.

Давний член НАТО (1952), Совета Европы (1949), ОЭСР (1961), ОБСЕ (1975), Турция смогла глубоко интегрироваться в политико-экономическое пространство Запада и стала восприниматься как страна, представляющая Запад на Ближнем Востоке и являющаяся примером того, как его политико-цивилизационные ценности могли бы быть инкорпорированы в развитие стран с мусульманским населением. В 2009 г., воодушевленный успехами экономического развития и реформ по демократизации в Турции, президент США Барак Обама назвал отношения между двумя странами «эталонным сотрудничеством»¹. Это был первый зарубежный визит нового американского президента, и символичным было то, что он выбрал Турцию. В 2012 г. Обама назвал Р. Эрдогана одним из пяти мировых лидеров, которым он полностью доверяет². Спустя несколько лет в беседе с журналистом Дж. Голдбергом (*J. Goldberg*) Обама удостоил турецкого лидера совсем других эпитетов — «неудачник и автократ»³. Уже в 2013 г. коллапс внутривластных реформ, ярким проявлением которого стали массовые протесты по всей Турции, обострившиеся расхождения в подходах к сирийскому кризису и множество других внезапно обнажившихся противоречий обозначили начало деградации турецко-американских отношений, резко ускорившейся после путча 2016 г. и всплеска антиамериканских и антизападных настроений. Как показали данные социологического исследования, проведенного аналитическим центром «Пью Ресёрч» (*Pew Research Center*) в конце 2017 г., Турция стала единственной страной, где на первом месте в ряду глобальных угроз оказался не международный терро-

¹ Remarks by President Obama to the Turkish Parliament // The Obama White House: Office of the Press Secretary. 2009. Apr. 6. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-turkish-parliament>.

² *Zakaria F.* Inside Obama's World: The President talks to TIME About the Changing Nature of American Power // Time. 2012. Jan. 19. <http://swampland.time.com/2012/01/19/inside-obamas-world-the-president-talks-to-time-about-the-changing-nature-of-american-power>.

³ *Goldberg J.* The Obama Doctrine // The Atlantic. 2016. Apr. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525>.

ризм или миграционные потоки, а политика США (ее отметило более 72 % респондентов)⁴.

К 2018 г. турецко-американские отношения оказались на самом низком уровне за всю историю развития. За очевидными проблемными зонами и сферами расхождения интересов: разные подходы к сирийскому урегулированию, тактический союз США и сирийских курдов, вопрос об экстрадиции Фетхуллага Гюлена⁵, — лежат структурные факторы текущего кризиса вкупе с различиями в глобальных и региональных приоритетах двух стран и их политических элит. Нереализованными оказались планы наращивания экономического сотрудничества — проект «турецко-американского партнерства» с созданием зоны свободной торговли⁶ и подключением Турции к Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству⁷. Обидные эпитеты, которые представители политических элит стали использовать в СМИ, показали сужение каналов возможного диалога⁸. Растущее непонимание друг друга обнаружилось и в сфере безопасности. Представители американских и турецких спецслужб по-разному стали подходить к вопросам контроля за перемещением иностранных боевиков на территориях, занимаемых ИГИЛ, и в целом к методам борьбы с ИГИЛ в Сирии и Ираке. Сотрудничество между США и Турцией из «стратегического» и «образцового» стало «дисфункциональным».

Какова природа текущего кризиса турецко-американских отношений и особенности его генезиса? В статье проблема рассматривается в трех взаимосвязанных аспектах:

⁴ Globally, more people see U.S. power and influence as a major threat // Pew Research Center. 2017. Aug. 1. <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/01/u-s-power-and-influence-increasingly-seen-as-threat-in-other-countries>.

⁵ Исламского проповедника Фетхуллага Гюлена — лидера международного миссионерского движения «Хизмет» — на родине обвиняют в организации не только путча 2016 г., но и коррупционного скандала 17–25 декабря 2013 г., а также протестов в парке Гези.

⁶ Albright M. K.; Hadley St. US — Turkey Relationships: A New Partnership // Independent Task Force Report, no. 69. New York: Council on Foreign Relations, 2012. <https://www.turkishnews.com/en/content/2012/05/14/u-s-turkey-relations-a-new-partnership>.

⁷ Kirişçi, Kemal; Ekim, Sinan. Turkey's trade in search of an external anchor: The neighborhood, the Customs Union or TTIP? // Global Turkey in Europe. Rome: Istituto Affari Internazionali. 2015. Apr.

⁸ Goldberg J. The Obama Doctrine // The Atlantic. 2016. Apr. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525>.

- как провал идеи «турецкой модели» (Турции как страны, которая могла бы структурировать постсоветское пространство, а затем регион Ближнего и Среднего Востока в русле, благоприятном для Запада);
- как эрозия блоковой солидарности в рамках треугольника Турция — США — НАТО;
- дивергенция в понимании проблем региональной и международной безопасности.

В течение второй половины XX в. отношения Анкары и Вашингтона характеризовались маятниковой динамикой взаимодействия, балансирующего между сотрудничеством и конфронтацией. Изначально интерес США к Турции обуславливался стремлением противодействовать «советской угрозе» на турецком направлении, опасность которой в Вашингтоне и Анкаре расценивали высоко. Это хорошо просматривалось в логике включения Турции в «Доктрину Трумэна» 1947 г., а после вступления Турции в НАТО в 1952 г. ее роль в евро-атлантической системе безопасности конкретизировалась. На Турцию возлагалась обязанность в случае необходимости задержать возможное продвижение советских войск в Западную Европу посредством блокирования Черноморских проливов и открытия «южного фронта» НАТО. При этом американские политики отмечали, что в рамках логики блокового противостояния ближневосточный фактор изначально составлял важную компоненту турецко-американских отношений.

Турция благодаря расположению между Советской Россией и странами Ближнего и Среднего Востока рассматривалась США как инструмент купирования советского влияния в Восточном Средиземноморье и зоне Персидского залива. Как показывают опубликованные архивные документы Госдепартамента США, американские и британские политики, обосновывая необходимость вступления Турции и Греции в НАТО, подчеркивали важность этих стран в поддержании регионального баланса сил: если Греция или Турция окажутся в орбите влияния Советской России, то безопасность региона Ближнего Востока будет поставлена под угрозу⁹. Администрация США имела в виду не только абстрактную, но и конкретную роль

⁹ Foreign relations of the United States. 1950. Vol. V: The Near East, South Asia, and Africa / F. Aandahl, W. Z. Slany (Gen. Eds.). Wash., D. C.: US Government printing office, 1978. P. 256. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v05>.

Турции в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке, поскольку турецкие вооруженные силы, дислоцированные на стратегически важных рубежах, фактически были единственной сухопутной группировкой Альянса, способной к быстрому реагированию на ближневосточном направлении.

США рассчитывали на Турцию и в деле обучения военного персонала ближневосточных стран в рамках деятельности Объединенной американской военной миссии по оказанию помощи Турции (*Joint American Military Mission for Aid to Turkey, JAMMAT*), развернутой по «Доктрине Трумэна», а также в вопросах организации поставок вооружения для стран региона¹⁰. Уже тогда американские стратеги выдвинули идею использования особой культурно-исторической идентичности Турции, которая, в случае присоединения государства к НАТО, могла бы стать важным инструментом в налаживании прочных связей с ближневосточными мусульманскими странами. Американским дипломатам ставилась задача подталкивать Турцию к роли проводника западных ценностей в их адаптированном к местным реалиям виде и к роли регионального лидера¹¹. Участие Турции в программе переподготовки военнослужащих стран региона, соответственно, рассматривалось в категориях культурной идентичности. В США полагали, что обучение военных на территории Турции с участием американских инструкторов окажется не только менее затратно с финансовой точки зрения, но и не создаст дополнительных политических рисков при возвращении прошедших переподготовку офицеров на родину¹².

Активность Турции на Ближнем Востоке в 1950-е годы оказалась масштабнее, чем рассчитывали США, что проявилось во время сирийского кризиса 1957 г. По дипломатическим каналам Вашингтон попытался донести до турецкого премьера Аднана Мендереса мысль о необходимости умерить амбиции на региональном уровне [1, p. 35].

¹⁰ Foreign relations of the United States. 1952–1954. Vol. IX, Part 1: The Near and Middle East / J. P. Glennon (Gen. Ed.). Washington, D. C.: US Government printing office, 1986. P. 202. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1>.

¹¹ Foreign relations of the United States. 1950. Vol. V: The Near East, South Asia and Africa / F. Aandahl, W. Z. Slany (Gen. Eds.). Washington, D. C.: US Government printing office, 1978. P. 260. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v05>.

¹² Foreign relations of the United States. 1952–1954. Vol. IX. Part 1: The Near and Middle East / J. P. Glennon (Gen. Ed.). Washington, D. C.: US Government printing office, 1986. P. 202. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1>.

Америка была озадачена тем, что вместо того, чтобы исполнять роль проводника интересов Запада и НАТО в регионе, Турция предпринимает шаги, фактически направленные на наращивание влияния на Ближнем Востоке. Президент Д. Эйзенхауэр в беседах жаловался, что Турция ведет себя как региональная держава, преследующая интересы свои, а не Альянса на Ближнем Востоке вместо «выполнения предписанной работы» в деле сдерживания СССР [1, р. 35].

Ближневосточная тематика сближения США и Турции преобладала в повестке двусторонних отношений, но уже в середине 1950-х годов на пике холодной войны, Анкара демонстрировала стремление проводить собственную ближневосточную политику. Логика действий объяснялась геополитическими соображениями: находясь рядом с ключевыми игроками на Ближнем и Среднем Востоке, Турция имела свои интересы в регионе, необходимость их отстаивать не была снята с повестки дня со вступлением страны в НАТО. Только теперь Анкаре приходилось балансировать между интересами США и НАТО, с одной стороны, и собственным видением региональной ситуации — с другой.

К концу 1960-х годов и особенно в 1970-е годы относительное равновесие было нарушено, и Турция с меньшим энтузиазмом демонстрировала готовность проводить американскую политику в регионе. Во время Шестидневной войны 1967 г. и Войны Судного дня 1973 г. Турция не дала США согласия на использование военных баз для оказания помощи Израилю. С этого времени турецкое правительство настойчиво подчеркивало, что расположенные на территории Турции натовские и американские базы не могут быть задействованы в военных операциях в Персидском заливе или где-либо на Ближнем Востоке без специального разрешения Анкары, особенно в операциях, проводимых вне рамок НАТО.

Нежелание Турции выступать проводником западных интересов на Ближнем Востоке вызвало снижение интереса американского политического истеблишмента к этой стране, поскольку на западноевропейском направлении ее стратегическая важность была незначительной, прежде всего в силу географического положения Турции на юго-восточной периферии Европы [2, р. 26]. Эти факторы вкупе с американским эмбарго на поставки оружия Турции после оккупации Кипра в 1974 г. привели к стагнации турецко-американских отношений в конце 1970-х годов.

В 1980-е гг. Америка озаботилась реанимированием отношений с Турцией. Региональная конъюнктура значительно изменилась. Ее составными элементами стали:

- Исламская революция в Иране (1979), установление режима, стоящего на антиамериканских позициях (Вашингтон был обеспокоен перспективой укрепления в Иране советского влияния);
- Йеменская война (1979), в которой фактическую победу одержали силы марксистского правительства Южного Йемена (трактовалась как прямая угроза интересам США в Персидском Заливе) [3, р. 25];
- ввод советских войск в Афганистан (1979).

На фоне этих событий американская администрация озаботилась поиском инструментов защиты своих интересов на Ближнем Востоке, важность которого для внешней политики США не подвергалась сомнению. Советские войска в 300 милях от Индийского океана и близкие к Ормузскому проливу, через который проходит большая часть мировой нефти, изменили ситуацию в регионе. Поэтому «Доктрина Картера» провозгласила: «Любые попытки внешних сил установить контроль над регионом Персидского залива» считаются посягательством на «жизненно важные интересы США» и «будут отражены любыми необходимыми средствами, в том числе военной силой»¹³. Это привело к созданию сил быстрого реагирования. Администрация Р. Рейгана, пришедшего к власти в 1981 г., продолжила политику наращивания военного присутствия США на Ближнем Востоке.

Провозглашенная Вашингтоном политика «стратегического консенсуса» предполагала расширение сотрудничества США не только с Турцией и Израилем, но с Египтом, Иорданией, Оманом, Пакистаном, Саудовской Аравией против «общей советской угрозы» на Ближнем Востоке. Изменившаяся ситуация повысила ценность Турции в глазах США, которые вновь стали рассматривать ее как ключевой форпост Запада в регионе: с территории Турции можно было осуществлять военные операции как в Персидском заливе, так и в Восточном Средиземноморье. Однако Анкара фактически от-

¹³ Foreign relations of the United States. 1977–1980. Vol. I: Foundations of Foreign Policy / A. M. Howard (Gen. Ed.). Washington, D. C.: US Government printing office, 2014. P. 695. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01>.

казалась от участия в развертывании сил быстрого реагирования, предпочтя иной формат: в марте 1980 г. между США и Турцией был заключен Договор о сотрудничестве в сфере обороны и экономики.

Государственный переворот в Турции 12 сентября 1980 г. и приход к власти военных во главе с генералом Кенаном Эвренем, ставшим новым президентом, ускорил развитие турецко-американского сотрудничества в сфере обороны и безопасности. Обновленная стратегия НАТО, в которой особо подчеркивалась важность Ближнего Востока, вместе с новыми правилами проведения натовских операций (1982) — все это повышало статус Турции как единственного члена Альянса в регионе. В подтверждение в 1980-е годы на территории Турции была построена новая военная база в городе Муш, другой крупный объект — в Батмане — прошел комплексную модернизацию [4, р. 9]. При этом Конгресс США стал вводить ограничения на поставки вооружений в Турцию (общий объем поставок за десять лет с 1984 по 1993 г. составил 6 млрд долл.) [5, р. 62].

Окончание периода холодной войны поставило на повестку дня вопрос о новом содержании турецко-американских отношений, поскольку главная их составляющая — сдерживание «советской угрозы» — утратила свое значение. В Турции были серьезно обеспокоены перспективой того, что США пересмотрят свой подход к Турции как ключевому партнеру по обеспечению безопасности и продвижению американских интересов в регионе. Однако эти опасения оказались беспочвенными, поскольку изменившая международная конъюнктура отнюдь не девальвировала значение Турции для Вашингтона, а способствовала изменению характера сотрудничества.

В 1990-е годы Турция и США постарались выработать общие видение и подходы сразу по нескольким ключевым для Турции внешнеполитическим направлениям — на Балканах, в Черноморско-Каспийском регионе и на Ближнем Востоке. Как писали американские политологи, «трансрегиональное положение» Турции в новых условиях оказалась крайне востребованным для США [6, р. 84]. Тем не менее, хотя это положение, с одной стороны, снимало проблему примата ближневосточного направления турецко-американского сотрудничества, вызывавшего беспокойство и раздражение Анкары в годы холодной войны, с другой — оно обостряло существующие расхождения в подходах к региональным проблемам и создавало новые сферы расхождения интересов, что неизбежно отразилось на содержании и характере диалога между странами. Поддержание

атмосферы стратегического партнерства потребовало поиска новых компромиссов.

Регионализация двухстороннего сотрудничества проявилась практически сразу с началом постбиполярного периода. Война в Персидском заливе (1990–1991) стала своего рода испытательным полигоном нового формата турецко-американских отношений. Вторжение Ирака в Кувейт и последующая операция международной коалиции во главе с США в рамках мандата ООН повысили ценность партнерских отношений с Турцией. Хотя формально Турция не вошла в состав коалиции, она оказала существенную логистическую поддержку операции, сконцентрировала многочисленную военную группировку на границе с Ираком, что вынуждало правительство С. Хусейна держать часть своих войск на севере, и перекрыла нефтепровод Киркук — Юмурталык — важный экспортный коридор для иракской нефти. На фоне этих событий 17 января 1991 г. турецкий парламент санкционировал участие турецких вооруженных сил в войне против Ирака, а также использование союзниками турецких военных баз.

Другим новым элементом турецко-американских отношений в 1990-е годы стало наращивание многоаспектного сотрудничества между Турцией и Израилем. В 1996 г. Анкара и Тель-Авив подписали соглашения о военно-логистическом и военно-техническом сотрудничестве, по которым обе страны получили возможность использовать воздушное пространство друг друга в целях обеспечения безопасности, делиться разведывательными данными и осуществлять совместные военные учения. Для США, по признанию официальных лиц Госдепартамента, налаживание военно-технического и военно-политического сотрудничества между Турцией и Израилем в 1990-е годы составляло одну из стратегических задач на ближневосточном направлении¹⁴. В подтверждение этому США выступили соорганизаторами военно-морских учений Турции и Израиля в Средиземном море в 1998 и 1999 гг.

Для турецко-американских отношений на ближневосточном направлении оформились три ключевые сферы, в которых обе страны попытались синхронизировать свои подходы к региону: во-первых, сотрудничество на иракском треке, что было особенно ценно для Вашингтона, поскольку являлось неотъемлемой частью проекта

¹⁴ US Department of State // Daily Press Briefing. 1997. May 9. P. 127. <https://www.state.gov/r/pa/prs/dpb>.

переустройства Ближнего Востока с уходом из региона России; во-вторых, развитие потенциала Турции в деле сдерживания региональных амбиций Ирана; и, наконец, участие Турции в поддержании баланса арабо-израильского противостояния.

Однако к середине 1990-х годов по всем этим направлениям турецко-американское сотрудничество начало давать трещины, демонстрируя все большие расхождения во взглядах и подходах к региональной геополитике в Анкаре и Вашингтоне. Позиция США по Ираку вызывала все больше вопросов у мировых лидеров, и на этом фоне Турция стала открыто показывать свое несогласие с политикой США и озабоченность развитием ситуации в регионе. Лукавство американской политики на Ближнем Востоке становилось все более очевидным для турецкого истеблишмента, что порождало атмосферу недоверия в двухсторонних отношениях. Рост напряженности между Анкарой и Вашингтоном рельефно проявлялся во время парламентских дискуссий о продлении мандата на использование военных баз в рамках антииракских кампаний «Утешение» и «Северный дозор» (1991–1996). Откровенный цинизм американских политиков вызывал раздражение в Турции, но еще большее беспокойство вызывала негласная поддержка, которую США оказывали иракским курдам, нацелившимся на создание собственного государства на севере Ирака, что косвенным образом подстегивало обострение курдского вопроса в Турции. Обо всем этом говорили уже не только кулуарно и на трибунах оппозиционных партий, публичная критика в адрес США звучала из уст высокопоставленных чиновников турецкого правительства [7, р. 185–190], которые обращали внимание на то, что с 1989 г. США даже свернули программы прямой военной помощи Турции [8, р. 91].

При этом Вашингтон давал понять, что не намерен идти на обострение отношений со своим ближневосточным союзником. Летом 1991 г. в качестве демонстрации своего особого расположения президент Джордж Буш посетил Турцию с официальным визитом (за 30 лет это был первый официальный визит американского лидера в страну). В конце 1990-х годов уже Б. Клинтон, находясь с визитом в Анкаре, в речи перед депутатами турецкого парламента назвал отношения между двумя странами «стратегическим партнерством», важность которого с окончанием холодной войны только возросла¹⁵.

¹⁵ Clinton W. Remarks to the Turkish Grand National Assembly in Ankara. 1999. Nov. 15 / The American Presidency Project. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=%2056935>.

Действительно, для США в 1990-е годы ценность геостратегического положения Турции была очевидной. Турция предоставляла стратегически выгодный доступ к региону, из которого исходили основные угрозы американскому мировому доминированию, а расположенные на ее территории военные базы оказались чрезвычайно востребованы для осуществления экспансии на Ближний Восток.

В этом и заключался парадокс турецко-американских отношений: факторы и обстоятельства, сближавшие две страны, одновременно становились причиной разлада между «стратегическими партнерами». США и Турция все в большей степени рассматривали регион с разных точек зрения. Для реализации своих целей по сдерживанию, а потом и свержению режима Саддама Хусейна США начали активно использовать иракских курдов, фактически предоставив им все возможности для построения своей автономии на севере Ирака. Турецкие власти однозначно воспринимали «иракскую политику» Вашингтона как курс, направленный на ущемление экономических, политических и военно-стратегических интересов Турции. Охлаждению турецко-американских отношений косвенно способствовал и рост внутривластной напряженности в Турции: оппозиционные политики активно продвигали дискуссию о «негласных целях американской дипломатии», что неизбежно приводило к росту антиамериканских настроений в общественном мнении Турции. И красивые слова о «стратегическом партнерстве», прозвучавшие в речи Билла Клинтона перед турецкими парламентариями в 1999 г., уже не могли повернуть вспять процесс деградации двухсторонних отношений.

В начале 2000-х годов в турецко-американских связях обозначилось новое направление. События 11 сентября 2001 г., после которых мировое сообщество заговорило об объединении против международного терроризма, способствовали тому, что Вашингтон стал активно продвигать идею «турецкой модели» как примера совместимости ислама и либеральной демократии, реципиентами которой должны были стать страны Ближнего и Среднего Востока, где разворачивалась «война с исламским фундаментализмом» и радикальными террористическими группировками¹⁶. Администрация

¹⁶ Ülgen S. From Inspiration to Aspiration: Turkey in the New Middle East. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2011. P.4. http://carnegieendowment.org/files/Turkey_Mid_East_Full_Text.pdf.

Дж. Буша-младшего озаботилась идеей сделать Турцию неотъемлемой частью масштабного проекта демократизации исламского мира. П. Вулфовиц, в то время заместитель министра обороны США, и К. Райс, тогда советник президента по национальной безопасности, открыто говорили о «турецкой модели» как альтернативе радикальному исламу¹⁷, а президент Дж. Буш-младший в одном из интервью назвал Турцию светочем демократии для мусульман всего мира¹⁸.

Привлекательность Турции и «турецкой модели» в глазах лидеров западных стран еще более возросла после проведенных в стране масштабных преобразований, направленных на то, чтобы «подтянуть» Турцию до европейского уровня в соответствии с «Копенгагенскими критериями» для вступления в Евросоюз. На рубеже 1990-х и 2000-х годов Турция пережила серию реформаторских инициатив, направленных на либерализацию административно-политической системы, расширение гражданских прав и свободы слова, смягчение положения этно-конфессиональных меньшинств. Первые шаги новой волны европеизации Турции пришлось на 2001 г., когда были приняты масштабные поправки к Конституции 1982 г., затем последовало утверждение нового Гражданского кодекса и трех «пакетов по гармонизации» законодательства с нормами ЕС в 2002 г. [9, р. 15].

Однако в самой Турции к американской идее «турецкой модели» отнеслись неоднозначно. Значительная часть турецкого истеблишмента — особенно военная элита и светски настроенная часть гражданской бюрократии — усмотрели в «турецкой модели» инспирированный США проект, не учитывающий национальные интересы Турции. Озабоченность кемалистской части истеблишмента, прежде всего военных, вызывало то, что в рамках новой «турецкой модели» акцент делался именно на исламе и исламском характере турецкого государства, а светскость (секуляризм/лаицизм), являвшаяся одним из ключевых конституционных принципов Турецкой Республики с 1930-х годов, отступала на второй план. Острое раздражение вызвали слова госсекретаря США К. Пауэлла о Турции

¹⁷ Wolfowitz: Accept your mistake, our partnership shall continue // *Hürriyet Daily News*. 2003. May 7. <http://www.hurriyet.com.tr/wolfowitz-accept-your-mistake-our-partnership-shall-continue-145127>.

¹⁸ Peterson L. The Pentagon Talks Turkey // *The American Prospect*. 2002. Sept. 5. <http://prospect.org/article/pentagon-talks-turkey>.

как «умеренной исламской республике»¹⁹, на что занимавший тогда пост президента Ахмет Сезер отреагировал, публично заявив, что «Турция не является исламской республикой, равно как и не служит примером страны умеренного ислама»²⁰. Даже лидер правящей происламской Партии справедливости и развития (ПСР) Р. Эрдоган без особого энтузиазма отреагировал на амбициозную инициативу продвижения «турецкой модели» на Ближний Восток²¹. Идея «турецкой модели» — несмотря на массивную поддержку администрации Джорджа Буша-младшего — очень быстро сошла на нет, чему в немалой степени способствовало быстрое сворачивание проекта демократизации «расширенного Ближнего Востока и Северной Африки», поскольку события в Афганистане и Ираке развивались совсем не по тому сценарию, который предлагали западные лидеры на саммитах в начале 2000-х годов [10, pp. 33–55]. Кроме того, турецко-американские отношения к середине 2000-х вошли в пору затяжного кризиса, вызванного взаимной неудовлетворенностью по поводу исполнения партнерских обязательств, особенно в контексте иракского кризиса: с одной стороны, заигрывание США с иракскими курдами и возросшая активность Рабочей партии Курдистана (РПК) в Северном Ираке вызывали раздражение Анкары, с другой, запрет, наложенный турецким парламентом на использование американцами расположенных в Турции военных баз для осуществления гуманитарной интервенции в Ирак (2003), был крайне негативно встречен в Вашингтоне.

Обострение ситуации на Ближнем Востоке в 2010-е годы обнажило концептуальные расхождения в подходах к региональным проблемам — один из главных драйверов текущего кризиса турецко-американских отношений. В длинном перечне вопросов, по которым позиции Анкары и Вашингтона не сходятся, обозначились как системные, так и ситуативные проблемы. На первом месте различие позиций по отношению к сирийскому президенту Б. Асаду и вооруженным группировкам, участвующим в сирийском конфликте (от

¹⁹ Powell Saçmaladı // Cumhuriyet. 2004. Apr. 3. P. 1, 8. <http://www.cumhuriyetarsivi.com>.

²⁰ Sezer's warning: "Turkey is neither an Islamic republic, nor an example of moderate Islam" // Middle East Transparent. 2004. Oct. 2. https://www.mettransparent.com/old/texts/sezers_turkey_is_neither_an_islamic_republic_nor_an_example_of_moderate_islam.htm.

²¹ Başbakan Erdoğan'ın Harvard konuşması // Yeni Şafak. 2004. Febr. 1.

сирийской оппозиции до курдского ополчения). Если США и в целом Запад к середине 2010-х годов перестали категорически настаивать на необходимости ухода Асада от власти, как это было в начале сирийского кризиса, то президенту Р. Эрдогану эмоциональная составляющая этой проблемы мешала сделать аналогичный шаг. После договоренностей о выводе химического оружия из Сирии в 2013 г. Вашингтон в официальной риторике фактически отразил изменения в своих подходах к Асаду. В Турции, напротив, функционеры правящей партии и сам Эрдоган, несмотря на сближение с Россией и Ираном по Сирии в 2016 г., не отказались от жесткой риторики в адрес сирийского лидера.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении вооруженных группировок, воюющих против режима Асада. После 2014 г. США сократили масштабы военной помощи сирийской оппозиции, а в июле 2017 г. новый президент Дональд Трамп принял решение о приостановке любой военной помощи, поступающей воюющим против Асада формированиям по каналам ЦРУ²². Турция действовала, руководствуясь обратной логикой: не только не сократила военно-техническую помощь повстанцам, воюющим против Асада, но и активно использовала этих боевиков как своих условных союзников в ходе операции «Щит Евфрата» (26 августа 2016 г. — 29 марта 2017 г.).

Анкара и Вашингтон продемонстрировали диаметрально противоположные подходы и в определении угроз, исходящих от Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), «Джабхат ан-Нусры» и других террористических группировок, но главное — в оценке «курдского вопроса» в его региональном и трансрегиональном измерениях.

Все это рельефно проявилось во время борьбы с экспансией ИГИЛ. В июне 2014 г., когда проблема противостояния ИГИЛ встала перед мировым сообществом в полной мере, поскольку под натиском исламистов пали ключевые сирийские и иракские города — Ракка, Мосул и т. д., — США инициировали формирование международной коалиции против «Исламского государства». Турция присоеди-

²² Jaffe G., Entous A. Trump ends covert CIA program to arm anti-Assad rebels in Syria, a move sought by Moscow // The Washington Post. 2017. Jul. 19. https://www.washingtonpost.com/world/national-security/trump-ends-covert-cia-program-to-arm-anti-assad-rebels-in-syria-a-move-sought-by-moscow/2017/07/19/b6821a62-6beb-11e7-96ab-5f38140b38cc_story.html?utm_term=.d04fa630df62.

нилась к американской коалиции и операциям против «Исламского государства» лишь в июле 2015 г. и только тогда дала разрешение на использование военной базы Инджирлик для нанесения авиаударов по позициям боевиков. Такое поведение союзника по НАТО не могло не вызвать серьезного раздражения на Западе²³.

Еще один эпизод, иллюстрирующий разрушение общего турецко-американского видения региональной безопасности, — события вокруг города Кобани. Осенью 2014 г., в ходе продвижения на север Сирии, боевики ИГИЛ осадили приграничный город Кобани с преимущественно курдским населением. Осада продлилась до конца января 2015 г., город защищали, помимо его жителей, подразделения народной самообороны курдов, с воздуха им помогали силы международной коалиции, а стоявшие на границе турецкие войска не только не вмешивались в ход событий, но несколько месяцев не давали возможность курдским отрядам перебрасывать подкрепления через турецкую территорию. Массовые протесты курдов по всей Турции и давление международного сообщества заставили турецкие власти разрешить проход подкреплений в Кобани по своей территории²⁴.

Таким образом, ряд последовательных событий, отчетливо продемонстрировавших неготовность Турции солидаризоваться с США в деле противостояния ИГИЛ и экспансии террористических группировок в Сирии и Ираке, заставил Вашингтон искать альтернативных союзников на ближневосточном направлении. И такими тактическими союзниками, доказавшими свою высокую эффективность в противостоянии исламистам, стали отряды народной самообороны сирийских курдов. Такой выбор союзников был практически предопределен: перебрасывание в регион своих воинских подразделений для проведения наземных операций в Вашингтоне считали неприемлемым, равно как и сотрудничество с правительственными войсками Асада и проиранскими боевыми группировками. Других

²³ *Sly L., DeYoung K.* Turkey agrees to allow U.S. military to use its base to attack Islamic State // *The Washington Post*. 2015. Jul. 23. https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/turkey-agrees-to-allow-us-military-to-use-its-base-to-attack-islamic-state/2015/07/23/317f23aa-3164-11e5-a879-213078d03dd3_story.html?utm_term=.65b289309d59

²⁴ *Pamuk H., Salman R.* Kurdish Peshmerga Forces Enter Syrias Kobani After Further Air Strikes // *Reuters*. 2014. Oct. 31. <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis/kurdish-peshmerga-forces-enter-syrias-kobani-after-further-air-strikes-idUSKBN0IK15M20141031>.

альтернатив, кроме ополчения сирийских курдов, практически не оставалось.

С точки зрения правительства Турции, наращивание взаимодействия США с сирийскими курдами выглядело так, словно вместо тактического ситуативного альянса партнерство американской коалиции с курдским ополчением приобрело почти стратегический характер, что в корне расходилось с интересами и приоритетами Анкары как на региональном уровне, так и в сфере внутривосточной стабильности — с учетом наличия в Турции «курдского вопроса».

Дело в том, что в рамках борьбы с ИГИЛ большое число турецких курдов вошло в отряды народной самообороны сирийских курдов. Подобная курдская солидарность — явление достаточно новое для региона, где разобщенность курдских диаспор всегда препятствовала реализации проекта единого курдского государства. Продвижение ИГИЛ по территории Ирака и Сирии в 2014–2015 гг. в определенном смысле стерло межгосударственные границы, сделав их максимально проницаемыми, и этот фактор также сыграл свою роль, значительно облегчив объединение усилий турецких, иракских и сирийских курдов. Совместные действия в пограничных районах сирийских отрядов самообороны с иракскими курдскими военизированными формированиями пешмерга и турецкими силами РПК с 2014 г. стали регулярными, а операция против боевиков ИГИЛ по освобождению езидских поселений близ города Синджар на севере Ирака в декабре 2014 г. вообще была названа хрестоматийной²⁵.

Получалось, что США в Сирии начали активно сотрудничать с силами, тесно связанными с РПК, — то есть организацией, которая признана террористической и в Турции, и в США. Причем народное ополчение сирийских курдов никогда не скрывало этого: после взятия Ракки — сирийской «столицы» ИГИЛ — мировые СМИ обошли фотографии курдских ополченцев на фоне флагов РПК и портретов лидера турецких курдов Абдуллы Оджалана, отбывающего пожизненное заключение на острове Имралы в Турции²⁶.

²⁵ *Tharoor I.* A U.S.-designated terrorist group is saving Yazidis and battling the Islamic State // The Washington Post. 2014. Aug. 11. <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/08/11/a-u-s-designated-terrorist-group-is-saving-yazidis-and-battling-the-islamic-state>.

²⁶ *Kurdish forces raise large banner of jailed PKK leader Abdullah Ocalan in iconic Raqqa square* // Al Arabi. 2017. Oct. 19. <https://www.alaraby.co.uk/english/news/2017/10/19/kurdish-forces-raise-pkk-leader-portrait-in-syrias-raqqa>.

Учитывая, что сирийским курдам фактически подконтрольны значительные территории (на начало 2018 г. — до 20% Сирии) с богатыми нефтеносными районами, и принимая во внимание объемы современного вооружения, полученного ими от США и других союзников, а также весьма увеличившуюся с 2015 г. активность РПК, неудивительно, что обеспокоенность Турции, связанная с «курдским вопросом», резко возросла.

Тактическое сотрудничество в борьбе в ИГИЛ между отрядами самообороны сирийских курдов и Центральным командованием США (CENTCOM), ведающим операциями в регионах Ближнего Востока и Северной Африки, — камень преткновения в двухстороннем диалоге Турции и США с 2015 г., с того момента, когда правительство Турции свернуло «мирный процесс» с РПК, в рамках которого было объявлено обоюдное прекращение огня и велись переговоры с курдскими лидерами (даже с находящимся в заключении Абдуллой Оджаланом), и начало вести активные боевые действия против курдских отрядов на юго-востоке Анатолии и приграничных иракских и сирийских районах²⁷. Отряды самообороны сирийских курдов показали достаточно высокую эффективность в противостоянии ИГИЛ в Сирии в качестве условных союзников международной антитеррористической коалиции во главе с США, и Вашингтон, таким образом, оказался в неловком положении: между «старым союзником» в лице Турции и «новым партнером» — сирийскими курдами, боевые организации которых Анкара относил к террористическим группировкам за их связь с РПК.

Незадолго до турецкого военного путча в июле 2016 г. Б. Обама провел продолжительные телефонные переговоры с Р. Эрдоганом, главной целью которых было убедить турецкого президента согласиться на американскую операцию по поддержке сирийских курдов, которые вот-вот должны были перейти Евфрат и начать атаку на Манбидж — важный опорный пункт ИГИЛ²⁸. Переход курдами условной границы, проходящей по Евфрату, воспринимался в Ан-

²⁷ *Aydin, Ayşegül, Emrence, Cem.* Two routes to an impasse: Understanding Turkey's Kurdish policy // Brookings Turkey Project Policy Paper Series. No. 10. 2016. Dec. <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/12/aydin-and-emrence-two-routes-to-an-impasse.pdf>.

²⁸ *Yetkin Mt.* The Manbij timeline: Call it a coincidence // Hurriyet Daily News. 2016. Aug. 15. <http://www.hurriyetdailynews.com/the-manbij-timeline-call-it-a-coincidence.aspx?pageID=238&nid=102842>.

каре как «точка невозврата» в территориальной экспансии курдов на запад: зайдя за эту «красную линию», курды получили бы возможность установить свой контроль над всей приграничной к Турции территории. Обае удалось тогда убедить Эрдогана, который согласился на эту операцию с условием, что после захвата Манбиджа отряды народной самообороны сирийских курдов вернутся на восточный берег Евфрата. Операция по зачистке Манбиджа от боевиков ИГИЛ в июле 2016 г. оказалась успешной, однако курдские отряды не стали возвращаться на исходные позиции, а в СМИ начали циркулировать фотографии американских солдат в униформе курдских ополченцев²⁹. Все это окончательно подорвало доверие Эрдогана к действиям США, и официальная Анкара стала рассматривать тактический альянс Вашингтона с сирийскими курдами как непосредственную угрозу своей национальной безопасности. Масло в огонь подлил и проведенный в сентябре 2017 г. референдум о независимости Иракского Курдистана. В Анкаре всерьез озаботились возможностью того, что подобный сценарий может быть разыгран и в отношении турецких курдов, и замаячившая на горизонте угроза федерализации заставила ее принять более жесткие меры по «курдской проблеме» как на внутри-, так и на внешнеполитическом уровне.

Своеобразным ответом на масштабное сотрудничество США с сирийскими курдами стала публикация в турецких СМИ (под заголовком «Как США помогают РПК») информации о расположении десяти американских баз и военных пунктов в Сирии (в районах, подконтрольных отрядам самообороны сирийских курдов)³⁰. Представители Центрального командования США выразили недоумение таким недружественным шагом со стороны союзника по НАТО³¹, а в Анкаре в очередной раз подчеркнули, что РПК наравне с народным ополчением сирийских курдов — суть террористические организации, угрожающие национальной безопасности Турции.

²⁹ US soldiers with YPG insignias unacceptable, says Turkish FM // *Hürriyet Daily News*. 2016. May 27. <http://www.hurriyetdailynews.com/us-soldiers-with-ypg-insignias-unacceptable-says-turkish-fm.aspx?PageID=238&NID=99734&News-CatID=510>.

³⁰ Suriye'de 10 noktada PKK/PYD'ye ABD desteği // *Anadolu Ajansı*. 2017. Jul. 17. <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/suriyede-10-noktada-pkk-pydye-abd-destegi/863161>.

³¹ Moore J. U.S. 'Concerned' About Turkey Leak Of Special Force Positions In Northern Syria // *Newsweek*. 2017. Jul. 20. <http://www.newsweek.com/us-concerned-about-turkey-leak-special-force-positions-northern-syria-639460>.

Еще одним движущим фактором эрозии турецко-американских отношений стало наращивание политического и военно-стратегического сотрудничества между Анкарой и Тегераном: это и участие Анкары в астанинском процессе вместе с Ираном и Россией, и взаимодействие с Ираном по Катарскому кризису, и солидарная позиция по референдуму о независимости Иракского Курдистана. Особое раздражение в Вашингтоне вызвало налаживание военно-политического сотрудничества между Анкарой и Тегераном: впервые за без малого 40 лет со времен Исламской революции 1979 г. две страны обменялись визитами высокопоставленных военных делегаций во главе с начальниками генштабов³². С учетом агрессивной анти-иранской риторики Вашингтона подобные шаги — показатель не только катастрофического ослабления блоковой дисциплины в рамках НАТО, но и индикатор крайне низкого уровня двухсторонних отношений.

* * *

Динамика развития турецко-американских отношений в 2000-е годы иллюстрирует процесс формирования нового баланса приоритетов и установок, в котором ценностно-идеологическая солидарность с Западом, характерная для периода холодной войны, все больше уступает место соображениям, связанным с текущими и долгосрочными интересами Анкары. Вопросы политической идентичности потеряли первостепенную значимость, и новые политические элиты Турции 2000-х и 2010-х годов стали рассматривать партнерство с США в иной системе координат, где основными факторами становятся текущие и потенциальные вызовы национальной безопасности, а также содействие, которое могут оказать западные союзники в их купировании. С такой точки зрения даже членство в НАТО, долгое время воспринимавшееся турецким истеблишментом как главный фактор стратегического партнерства Турции с Западом в целом и с США в частности, перестало рассматриваться как стратегическая необходимость, а стало восприниматься как одна из стратегических возможностей. В 2000-е годы Турции уже не требовалось членство в НАТО, чтобы оправдать свои притязания на ев-

³² Iran says no need to increase missile range as can already hit U.S. forces // Reuters. 2017. Oct. 31. <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-usa-missiles/iran-says-no-need-to-increase-missile-range-as-can-already-hit-u-s-forces-idUSKB-N1D028K>.

ропейскую идентичность, и НАТО все больше стало рассматриваться как инструмент укрепления позиций Турции на региональном и даже глобальном уровнях. В этот период многоуровневые отношения Турции с США получили дополнительное измерение, связанное с отношениями официальной Анкары с мусульманскими странами. Казалось бы, исламская солидарность и стратегическое партнерство с США в 2000-е годы являлись практически взаимоисключающими условиями, однако у ПСР был иной взгляд на эту проблему.

Развитие турецко-американских отношений за последние два десятилетия — и отношения в рамках НАТО в этом смысле весьма индикативны — отчетливо показало, что Турция последовательно отстаивает свою субъектность в региональных и международных процессах, что блоковая солидарность Турции не может считаться аксиомой. Р.Эрдоган и другие крупные функционеры правящего в Турции режима четко артикулировали требование не только считаться с интересами Турции, но и считать ее страной, имеющей свой голос в многосторонних и двухсторонних форматах. Девальвация членства в НАТО в условиях новых возможностей и новых внешнеполитических приоритетов — от евроинтеграции до «поворота на Восток» — несомненно сказалась и на характере турецко-американских отношений. Сотрудничество между Турцией и США, которое в годы холодной войны развивалось в основном в рамках НАТО и многосторонних международных инициатив, в начале тысячелетия сузилось до формата двухстороннего взаимодействия, преимущественно вне рамок НАТО. Этот процесс во многом отразил концептуальное расхождение в подходах к международной безопасности между США и Турцией.

В то же время, хотя Турция становится все менее предсказуемой для США и западных партнеров и уже перестала выполнять роль «витрины демократии с исламским лицом» на Ближнем Востоке, она тем не менее не утратила привлекательности для стран региона. За последнее десятилетие Турция превратилась в гораздо более самостоятельного геополитического игрока, но при этом менее предсказуемого и не соответствующего представлениям США и Запада в целом о том, какую Турцию они хотели бы видеть в качестве «модели» для мусульманских стран Ближнего Востока. Турция теперь уже не «остров стабильности», а источник новых, зачастую неожиданных импульсов регионального масштаба.

Литература

1. *Mufti M.* Daring and Caution in Turkish Strategic Culture, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2009. 233 p.
2. *Erickson E.J.* Turkey as a regional hegemon — 2014: Strategic Implications for the United States // *Turkish Studies*. 2004, vol. 5, no. 3. P. 25–45.
3. *Peterson J.E.* Defending Arabia. London: Croom Helm, 1986. 285 p.
4. *Karasapan Ö.* Turkey and the US strategy in the Age of Glasnost // *Middle East Report* 160. September/October 1989.
5. *Tirman J.* Improving Turkey's "Bad Neighborhood" // *World Policy Journal*, 1998, vol. 15 (1). P. 60–67.
6. *Lesser I.* Turkey and the United States: Anatomy of a Strategic Partnership // *The Future of Turkish Foreign Policy*. Cambridge: MIT Press, 2004. P. 83–99.
7. *Altunışık M. Bi.* Turkey's Iraq policy: the War and Beyond // *Journal of Contemporary European Studies*, 2006, vol. 14, no. 2, pp. 185–190.
8. *Sayarı S.* Turkish-American Relations in the Post-Cold War Era: Issues of Convergence and Divergence // *Turkish-American Relations: Past, Present and Future*. London: Routledge, 2004.
9. *Aydın S., Keyman F.E.* European Integration and the Transformation of Turkish Democracy // *Centre for European Policy Studies EU-Turkey Working Papers*. No. 2 (2004). http://aei.pitt.edu/6764/1/1144_02.pdf.
10. *Kirişçi K.* Turkey's 'Demonstrative Effect' and the Transformation of the Middle East // *Insight Turkey*, 2011, vol. 13, no. 2, pp. 33–55.

Контактная информация:

Шлыков Павел Вячеславович — канд. ист. наук, доц.; shlykov@iaas.msu.ru

From Westernization to De-Westernization: Turkish-American relations in Historical Perspective of the 1940s — 2010s

Pavel V. Shlykov

*Lomonosov Moscow State University,
11, Mohovaya str., Moscow, Russia, 125009*

For citation: Shlykov P. V. From Westernization to De-Westernization: Turkish-American relations in Historical Perspective of the 1940s — 2010s. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 301–322. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.21> (In Russian)

The paper analyzes the nonlinear dynamics of Turkish-American relations in the historical perspective of the last seven decades (from the 1940s up to the late 2010s). The development of Turkish-American relations demonstrates an interesting paradox — the same factors that made the two countries closer led

to the divergence of the two “strategic partners”. The paper explores the current crisis of Turkish-American relations in three interrelated dimensions: as a decline of the «Turkish model», as an erosion of the institutional solidarity within NATO, and as strategic divergence in perceptions of regional and international security threats.

Keywords: Turkey, USA, NATO, Middle East, «Turkish model», international security.

References

1. Mufti M. *Daring and Caution in Turkish Strategic Culture*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2009. 233 p.
2. Erickson E. J. Turkey as a regional hegemon — 2014: Strategic Implications for the United States. *Turkish Studies*, 2004, vol. 5, no. 3, pp. 25–45.
3. Peterson J. E. *Defending Arabia*. London, Croom Helm, 1986. 285 p.
4. Karasapan Ö. Turkey and the US strategy in the Age of Glasnost. *Middle East Report*, 160. September/October 1989.
5. Tirman J. Improving Turkey’s “Bad Neighborhood”. *World Policy Journal*, 1998, vol. 15 (1), pp. 60–67.
6. Lesser I. Turkey and the United States: Anatomy of a Strategic Partnership. *The Future of Turkish Foreign Policy*, Cambridge, MIT Press, 2004, pp. 83–99.
7. Altunışık M. B. Turkey’s Iraq policy: the War and Beyond. *Journal of Contemporary European Studies*, 2006, vol. 14, no. 2, pp. 185–190.
8. Sayarı S. Turkish-American Relations in the Post-Cold War Era: Issues of Convergence and Divergence. *Turkish-American Relations: Past, Present and Future*. London, Routledge, 2004. 000 p.
9. Aydın S., Keyman F. E. *European Integration and the Transformation of Turkish Democracy*. Centre for European Policy Studies EU-Turkey Working Papers, 2004, no. 2. http://aei.pitt.edu/6764/1/1144_02.pdf.
10. Kirişçi K. Turkey’s ‘Demonstrative Effect’ and the Transformation of the Middle East. *Insight Turkey*, 2011, vol. 13, no. 2, pp. 33–55.

Author’s information:

Pavel V. Shlykov — PhD Sci. in History, Associate Professor; shlykov@iaas.msu.ru

УДК 620.09+327+338.45

Факторы, влияющие на российско-турецкие отношения в энергетической сфере на современном этапе

И. В. Зеленева, Е. А. Савкина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Зеленева И. В., Савкина Е. А. Факторы, влияющие на российско-турецкие отношения в энергетической сфере на современном этапе // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 323–336. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.22>

В статье проанализированы ключевые показатели топливно-энергетического комплекса двух стран, осуществлен анализ совместных энергетических проектов и основных двусторонних соглашений между Россией и Турцией в таких направлениях сотрудничества, как газовая отрасль, нефтяная отрасль, атомная энергетика. На основе проведенного исследования авторами были выявлены основные внутренние и внешние факторы, влияющие на российско-турецкие отношения в энергетической отрасли, сделан вывод о значении политических, географических и экономических факторов влияния в определении энергетической составляющей российско-турецких отношений на современном этапе.

Ключевые слова: Россия, Турция, энергетика, двустороннее сотрудничество, внешние факторы, внутренние факторы.

Введение. В современной мировой политике особое место занимает энергетический рынок: продолжается борьба стран мирового сообщества за обладание энергоресурсами и контроль над маршрутами их поставок. Акторов энергетической дипломатии, взаимодействующих в международной среде, можно условно поделить на четыре группы: глобальные организации, в рамках которых решаются вопросы безопасности, региональные, национальные государства и неправительственные организации (в том числе транснациональные корпорации) [1, с. 82]. На современном этапе до сих пор основополагающее значение имеет межгосударственное взаимодействие, при определении внешнеполитических стратегий которых значительную роль играет энергетическая политика.

На протяжении трех десятилетий Российская Федерация наряду с Саудовской Аравией и США входит в число крупнейших нефтедобывающих государств мира. Вместе с США она также добывает самые большие в мире объемы природного газа, имеет мощный сектор электроэнергетики, масштабную угледобычу. Энергетика — не единственный развитый сектор национальной экономики, но без нее статус России в мировой политико-экономической системе, по мнению С. Л. Ткаченко, был бы существенно более скромным [2, с. 27].

Россию и Турцию связывают серьезные политические и экономические интересы в энергетической сфере. Значение Турции как важного партнера в энергетической политике определяется в первую очередь ее исключительным географическим положением¹. С начала 1990-х годов, когда был выстроен базис прежде всего экономических отношений между Россией и Турцией, произошел ряд двусторонних и международных конфликтов. Однако именно данные процессы обусловили понимание необходимости поиска новых форматов взаимодействия. Налаживание политических контактов после кризиса 2015 г. создало для двух стран немало возможностей расширения двустороннего сотрудничества — не только в экономике, но и в сферах безопасности, энергетики, межпарламентского диалога и гуманитарного сотрудничества [3, с. 86].

Наличие у России большого количества ресурсов и проблема отсутствия собственных энергетических ресурсов у Турции, необходимых для покрытия растущего спроса на энергию, обусловили построение новой модели взаимодействия стран. Темпы роста потребления электроэнергии в Турции одни из наиболее высоких в мире и составляют в среднем 8 % в год. Хотя в стране присутствуют залежи лигнита и каменного угля, она ограничена в топливно-энергетических ресурсах, поэтому зависит от импорта нефти и газа. Например, две трети поставок газа приходятся на Россию и одна треть — на Иран. На долю импорта приходится 88 % всей потребляемой нефти. Так, в 2015 г. Турции было поставлено 25 млн т. Крупнейшими зарубежными поставщиками являются: Ирак (31 %), Иран (30 %), Саудовская Аравия (12 %), Нигерия (10 %), Казахстан (9 %) [4, с. 102–103].

¹ Россия и Турция: 70 лет сотрудничества в энергетике. <http://www.vestifinance.ru/articles/60234>.

В то время как Россия является крупной ресурсной державой, ее экономика нацелена на экспорт данных ресурсов, Турция — вторая после Китая растущая экономика, обладает большими возможностями импорта, транзита энергоресурсов. Экономические аспекты российско-турецких отношений в газовой и атомной сфере, фундамент многостороннего энергетического диалога, служат интересам обеих стран.

Цель исследования заключается в определении основных факторов, оказывающих влияние на развитие российско-турецких отношений в области энергетики на современном этапе. Изучение таких факторов представляет научный и практический интерес, так как дает возможность спрогнозировать взаимоотношения России и Турции в энергетической сфере и достигнуть взаимовыгодного сотрудничества.

Теоретические основания исследования. Применение теории неореализма объясняется тем, что энергетическая политика государств рассматривается с точки зрения национальных интересов и безопасности. Энергетические ресурсы и право их обладания в современном мире являются существенным компонентом государственных интересов. Согласно концепции неореализма, выстраивание взаимоотношений между отдельными государствами оказывает определяющее влияние на энергетическую сферу в целом. Системно-функциональный подход помогает оценить воздействие условий внешней среды на отдельные составляющие системы и в целом на российско-турецкие отношения в сфере энергетики. Внешнее давление не всегда включает в себя систему стимулов и убеждений в рамках нормативного взаимодействия между акторами глобальной энергетической системы. Иногда используются механизмы прямого принуждения, навязывания демократических идеалов, политическое и силовое давление [5, с. 210]. Это позволяет проанализировать и объединить различные явления и компоненты и выявить связи между ними, что является продуктивным при исследовании сложных процессов в энергетическом сотрудничестве.

В статье использованы работы российских, турецких и англоязычных авторов. Источниковая база включает статистический материал, посвященный экономическому положению двух стран и энергетическому вопросу, в том числе независимые рейтинги по энергетическому развитию (*British Petroleum (BP) Statistical Review of World Energy*), двусторонние соглашения и договоры, информацию в СМИ.

Описание исследования. Российско-турецкие отношения в энергетической отрасли — это прежде всего сотрудничество государств в сферах производства, транспортировки и потребления энергоресурсов, обусловленное их национальными интересами. Сотрудничество двух стран происходит в трех основных областях: газовая и нефтяная отрасли и атомная энергетика.

Можно выделить внутренние и внешние факторы, влияющие на российско-турецкие отношения в сфере энергетики. Под внутренними мы будем понимать факторы, продиктованные условиями развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) каждой из стран, а также конкретными мотивациями, возникающими у руководства России и Турции в отдельности.

Потребности Турции в энергоресурсах характеризуются высоким спросом. Согласно авторитетному ежегодному статистическому обзору мировой энергетики компании BP (июнь 2017 г.), энергопотребление Турции в 2016 г. составило 137,9 млн тонн нефтяного эквивалента (н.э.), что на 42,1 млн тонн н.э. больше, чем в 2006 г. Таким образом, за период 2006–2016 гг. энергопотребление Турции возросло на 44%². Это показывает, что Турция по-прежнему остается заинтересованной стороной в приобретении энергоносителей. До 2015 г. в Турции наблюдался устойчивый рост спроса на природный газ, уголь и нефтепродукты, энергетический баланс Турции был достаточно диверсифицирован. Доля газа, нефти и угля составляли приблизительно равную долю в общем балансе. Однако согласно данным, с начала 2015 г. потребление газа стало снижаться, а спрос на жидкие углеводороды продолжает расти [5]. Здесь стоит отметить тот факт, что нетрадиционные и возобновляемые источники энергии (ВИЭ) могут постепенно вытеснять использование природного газа, что может негативно сказаться на российских поставках природного газа в Турцию (см. рис. 1).

Несмотря на заявления Министерства энергетики Российской Федерации о том, что Россия включается в гонку по развитию генерации из возобновляемых источников энергии и к 2030 г. доля ВИЭ в энергобалансе России может вырасти более чем втрое и превысить 11 %, сектор ВИЭ значительно отстает от мировых трендов, следо-

² BP Statistical Review of World Energy. 2017. June. P.8. <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf>.

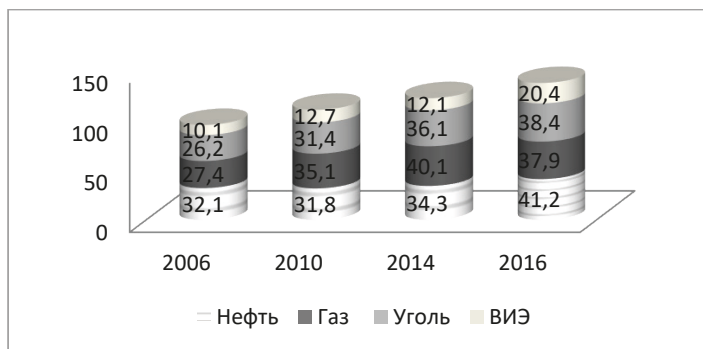

Рисунок 1. Динамика изменения отдельных статей в энергобалансе Турции, млн тонн. н.э.

Источник: Углубление российско-турецких отношений: Доклад 41/2018 [А. В. Кортунов и др.; Э. Эршен и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2018. 128 с.

вательно, сотрудничество России с Турцией в данной сфере пока не представляется осуществимым³.

До 2015 г. поставки российского газа в Турцию непрерывно возрастали: Турция вышла на второе место в Европе по потреблению российского газа, получив в 2016 г. 24,76 млрд куб. м газа⁴.

За прошедшие 15–20 лет энергетика Турции развивалась в основном за счет строительства ТЭС на природном газе и ГЭС. Однако за счет таких экстенсивных мер потребности республики в электроэнергии в ближайшем периоде не удастся полностью удовлетворить.

Министерство энергетики и природных ресурсов Турции разработало Стратегический план на период 2010–2014 гг. Согласно документу, к 2023 г. помимо развития угольной промышленности и гидроэнергетики, а также строительства ветряных электростанций, 5 % потребностей страны в электроэнергии должны обеспечиваться за счет АЭС [10, с. 51]. Поэтому атомная энергетика рассматривается правительством Турции как важный элемент обеспечения энергией

³ Топалов А. В. России задует и припечет. <https://www.gazeta.ru/business/2017/04/06/10612961.shtml>.

⁴ Статистика поставок. Динамика реализации газа в Европу // Официальный сайт ООО «Газпром Экспорт». <http://www.gazpromexport.ru/statistics>.

возрастающих потребностей страны и в то же время возможность уменьшения зависимости от импортных поставок углеводородов, и природного газа прежде всего⁵. Россия заинтересована в развитии и атомной энергетики на территории Турции. В мае 2010 г. страны договорились о строительстве атомной станции «Аккую» в провинции Мерсин. Проект второй турецкой АЭС «Синоп», находящейся на стадии планирования, был отдан франко-японской компании АТМЕА, несмотря на проявление заинтересованности со стороны России [10].

Нельзя обойти вниманием стремление Турецкой Республики вступить в Европейский союз. Такой курс страны проявляется в том числе желанием вступить в Договор об энергетическом сообществе ЕС, что может привести к закреплению на законодательном уровне норм ЕС по ТЭК, а это существенно затруднит экспорт российских энергоносителей и участие России в строительстве новых объектов ТЭК. Турция также ориентируется на Европейский энергетический пакт, который гласит, что к 2020 г. доля возобновляемых источников энергии должна составлять не менее 20 % от общего энергопотребления в странах ЕС⁶. Следовательно, это может негативно сказаться на российских поставках энергоресурсов в Турцию.

Внутренние факторы, выявленные в ходе анализа топливно-энергетического комплексов России и Турции и влияющие на двусторонние отношения стран в сфере энергетики, следующие.

Россия:

- высокий уровень развития ТЭК;
- естественное истощение нефтяных и газовых месторождений;
- недостаточное развитие сферы возобновляемых источников энергии;
- рост прямых российских инвестиций в энергетический сектор Турции;
- взаимодействие российских и турецких правительственных и корпоративных структур;

⁵ Gareth M. Realization of Turkey's Energy Aspirations: Pipe Dreams or Real Projects? // Center on the US and Europe at Brookings. 2014. 26 p. P.4. <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Turkeys-Energy-Aspirations.pdf>.

⁶ Efegil E. Turkey's energy policy and eu's energy needs // Sakarya University, Department of International Relations. 2015. 5 p.

- несовершенство и устаревание технологического оборудования и, как следствие, потеря энергоресурсов при транспортировке;
- имидж России как добропорядочного и надежного поставщика энергоресурсов;
- снижение тарифов.

Турция:

- рост экономических показателей и, как следствие, потребления энергетических ресурсов;
- увеличение доли возобновляемых источников энергии в общем энергобалансе Турции, внедрение энергосберегающих технологий;
- стремление страны к снижению зависимости от импортируемых углеводородов;
- приоритетность развития атомной энергетики, проекты по строительству АЭС на территории Турции;
- истощение собственных запасов газа и нефти, проблемы с поиском новых месторождений;
- склонность турецкой стороны к затяжным переговорам и жесткому отстаиванию собственных интересов, смене партнеров (газовые проекты, строительство АЭС);
- падение спроса на природный газ;
- отсутствие необходимого количества турецких специалистов для эксплуатации атомных станций;
- курс Турции на вступление в ЕС.

Результаты исследования. Несмотря на ряд положительных внутренних факторов, особое внимание следует уделять оценке проявления различных тенденций на внутреннем энергетическом рынке Турции. Кроме того, необходимо нивелировать негативные факторы внутреннего ТЭК России: несовершенство технологического оборудования, отставание сектора возобновляемых источников энергии от мировых трендов.

Внешние факторы, оказывающие влияние на российско-турецкие отношения в энергетической сфере, включают в себя влияние «третьих сторон», изменения на глобальных энергетических рынках и другие ограничения, накладываемые внешней средой (рис. 2).

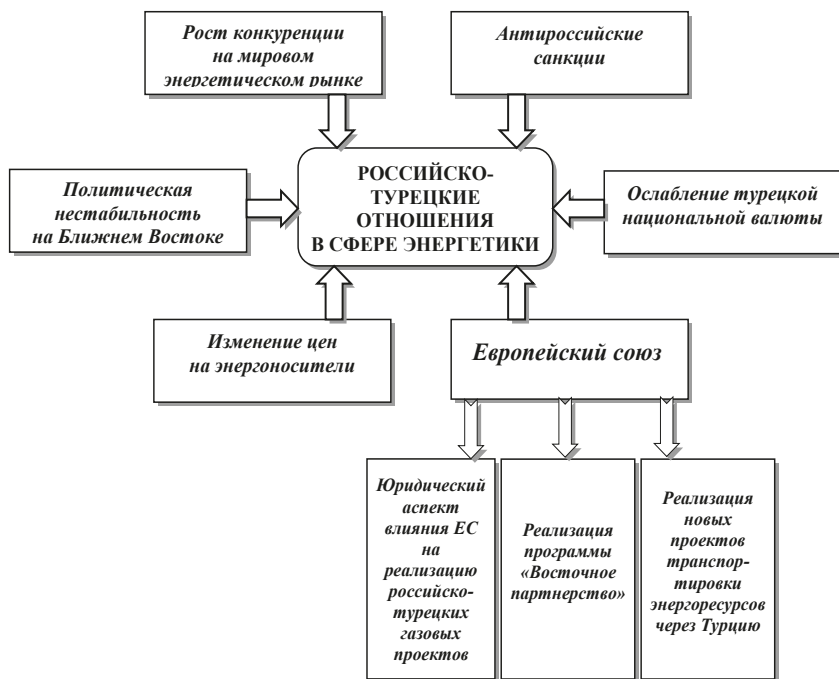

Рисунок 2. Основные внешние факторы, оказывающие влияние на российско-турецкие отношения в энергетической сфере

В настоящий момент складывается противоречивая ситуация: Турция нуждается в постоянных поставках энергоресурсов для продолжения своего экономического роста, однако опасается попасть в энергетическую зависимость от России и поэтому видит выход в диверсификации источников энергоресурсов, поступающих в страну.

За последнее время сильно возросла конкуренция на мировом энергетическом рынке. Альтернативными России поставщиками природного газа в Турцию являются, к примеру, Иран, Азербайджан, Алжир⁷. В нефтяной отрасли намечается рост интереса турецкой стороны к увеличению поставок энергоносителей из стран Центральной Азии (планы расширить транзит казахстанской нефти в западном направлении по нефтепроводу Баку — Тбилиси — Джей-

⁷ Türkiye'de Doğal Gaz. <https://100kasa.com/turkiyede-dogal-gaz>.

хан) [7, с. 22]. Уже упомянутый проект строительства АЭС «Синоп» будет реализовываться франко-японской компанией АТМЕА, несмотря на то что Россия активно демонстрировала интерес [6].

Важным представляется влияние ЕС на российско-турецкое сотрудничество в сфере энергетики. Европейский союз — главный потребитель российского природного газа. Из-за позиций ЕС в конце 2014 г. уже был закрыт проект «Южный поток»⁸. В настоящий момент сомнению со стороны стран ЕС подвергается проект «Турецкий поток». По мнению европейских экспертов, запуск «Турецкого потока» лишит Украину статуса транзитера, увеличит зависимость ЕС от «Газпрома», и перекроет альтернативные поставки из Каспийского региона⁹.

Угрозу российским интересам представляют программа ЕС «Восточное партнерство» и транспортные проекты, инициированные Европейским союзом. «Восточное партнерство» направлено на развитие интеграционных связей со странами бывшего СССР и включает в том числе энергетические соглашения. Многие российские эксперты считают, что данная программа бросает вызов интересам России в регионе, так как предусматривает создание альтернативных России путей энергоснабжения Европы. В связи с чем можно говорить еще об одной очевидной цели данной инициативы — подрыве геополитического влияния России в Восточной Европе и укреплении позиций ЕС [8, с. 205–210]. Новые проекты транзита энергоресурсов через территорию Турции могут существенно поменять расстановку сил. Раннее уже выдвигались идеи реализации проекта «Набукко» (строительство магистрального газопровода из Туркмении и Азербайджана в страны ЕС, прежде всего Австрию и Германию), который мог бы сильно повлиять на поставки российского газа в Европу. Проект был закрыт. В будущем газ по территории Турции может поставляться в Европу из Ирана и иракского Курдистана¹⁰. В настоящее время ведется активное обсуждение проекта TANAP, который позволит поставлять в Европу и Турцию не толь-

⁸ Лавров: РФ будет готова вывести «Турецкий поток» на территорию ЕС только после гарантий. <http://tass.ru/ekonomika/4689962>.

⁹ Полунин А. Для ЕС «Турецкий поток» как потоп. Почему Брюссель опасается трансчерноморского газопровода? <http://svpressa.ru/politic/article/153592>.

¹⁰ Аналитик RusEnergy: «Южный газовый коридор» несет риски для РФ. <https://ria.ru/economy/20140922/1025102500.html>.

ко газ из Азербайджана, но и стран Ближнего Востока, в том числе и израильский¹¹.

События 2011 г. в Ливии, Египте, Сирии имеют последствия для глобального энергетического рынка в целом и ТЭК России и Турции в частности. Турецкая Республика стремится использовать текущую ситуацию в целях достижения собственных целей, направленных на увеличение поставок энергоресурсов на рынок и сосредоточение основных транзитных потоков на своей территории. Это позволит Турции стать ведущим игроком на энергетическом рынке, получив требуемые ресурсы для развития, и основным пунктом передачи энергоресурсов из региона в государства Европы. Выгодное географическое положение Турции в данном случае дает существенный толчок к плотному российско-турецкому сотрудничеству в сфере энергетики [9, с. 19–25]. Однако нестабильная политическая ситуация в регионе и несовпадение интересов двух государств как значимых игроков на Ближнем Востоке относительно отдельных аспектов ближневосточного конфликта может привести к нарастанию противоречий между Россией и Турцией и в результате к пересмотру экономических и энергетических соглашений.

Камнем преткновения могут выступить антироссийские санкции. Существует вероятность их введения против компаний энергетического сектора. «Турецкий поток» может попасть под антироссийские санкции в соответствии с законом, подписанным президентом США Д. Трампом, согласно которому иностранным компаниям запрещено вкладывать инвестиции или предоставлять товары и услуги российским газопроводным проектам на сумму более 5 млн долл. в год. Строительство «Турецкого потока» в настоящее время обеспечивает швейцарская компания *Allseas*¹². То же самое касается и строительства атомной станции «Аккую», куда могут войти иностранные инвесторы.

Существенное влияние на российский экспорт энергоресурсов оказывают изменения цен на энергоносители. Их падение ниже комфортных показателей может привести к сокращению предложений от стран-импортеров и отказу от многих инвестиционных проектов.

¹¹ Турция расставила приоритеты в газовой сфере. Не в пользу России: Прайм / Агентство экономической информации. <https://lprime.ru/articles/20170714/827677805.html>.

¹² «Турецкий поток» дотянули до Турции. *EurAsia Daily* 2017. 1 сент. <https://easaily.com/ru/news/2017/09/01/tureckiy-potok-dotyanuli-do-turcii>.

Еще одна угроза финансовому состоянию газовой отрасли России исходит из Средней Азии, где «Газпром» закупает 60 млрд куб. м газа для дальнейшей перепродажи. Главы нефтегазовых компаний Казахстана, Узбекистана и Туркмении уже объявили о переходе на цены, привязанные к европейским, что также отрицательно повлияет на рентабельность газовой отрасли Российской Федерации¹³.

Кроме того, ослабление турецкой национальной валюты станет причиной потери привлекательности внутреннего энергетического рынка для России. «Газпром» может покинуть рынок газа, продав доли в трейдерах и турецкие активы¹⁴.

Заключение. Выгодное географическое положение Турции (в Азии и Европе) позволяет через ее территорию проводить транспортные энергетические маршруты из Каспийского региона и Ближнего Востока, что является причиной пристального внимания международных компаний России, Ирана, Саудовской Аравии, Казахстана. Динамичное развитие турецкой экономики заставляет власти решать вопрос обеспечения энергетической безопасности страны. Турция закупает почти 99 % потребляемого природного газа, и на Россию приходится почти 60 % импорта газа. В то же время Россия в условиях международных санкций, нестабильной геополитической ситуации в Европе пытается диверсифицировать экспортные маршруты доставки газа на европейские рынки.

Российско-турецкие отношения в энергетической сфере продиктованы взаимной заинтересованностью в стабильных поставках энергоресурсов и существованием ограниченности энергетических запасов Турции на фоне ее активного экономического роста. Турция, которая не располагает достаточными национальными запасами углеводородного топлива, рассматривает развитие атомной энергетики как важное условие обеспечения роста и укрепления безопасности. Однако собственными силами, даже при условии развития атомной энергетики, ей не справиться, поэтому приходится опираться на помощь России, Ирана и других стран.

В последние годы сотрудничество между Россией и Турцией в сфере энергетики укреплялось, и, несмотря на определенные слож-

¹³ Pannier B. Russia Seeks To Drive Wedge Into Central Asia. Radio Free Europe/ Radio Liberty 2016. Jan. 5. <https://www.rferl.org/a/russia-turkmenistan-uzbekistan-gas-wedge/27469287.html>.

¹⁴ «Газпром» бежит из Турции. <https://news.rambler.ru/articles/37264439-gazprom-bezhit-iz-turtsii/?updated>.

ности и возникающие конфликтные ситуации, перспективы взаимовыгодного сотрудничества есть. Энергетическая сфера в российско-турецких отношениях имеет политическое и стратегическое значение. Ее нельзя рассматривать обособленно от других слагаемых двустороннего взаимодействия, так как помимо экономических показателей и уровня развития ТЭК существует целый ряд факторов политического, географического и иного характера.

Целесообразно осуществить комплексную проработку вопросов долгосрочного сотрудничества двух стран в энергетической сфере с учетом проблем экономики, геополитики, развития и поиска новых технологий и возможностей в смежных областях, влияния на климат и подготовки квалифицированных кадров для реализации совместных программ.

Литература

1. Григорьева О. В. Характерные особенности международных организаций как акторов энергетической дипломатии // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 1 (14). С. 81–85.
2. Ткаченко С. Л. Россия как энергетическая сверхдержава: история концепции // Клио. 2015. № 3 (99). С. 27–33.
3. Аватков В. А., Мозлов А. Т. Россия и Турция: экономика в контексте политики? // Восточный альманах / под ред. М. Г. Троянского. М.: ООО «Квант Медиа», 2019. Вып. 3. С. 86–96.
4. Оздемир В., Гулиев И. А. Энергетическая дипломатия Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 101–110.
5. Немчинова Т. С. Проблема концептуального развития демократии в контексте четвертой волны демократизации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, № 4. С. 206–213.
6. Лихачев В. Л. Состояние и перспективы российско-турецких отношений в энергетической сфере // Российско-турецкие экономические отношения на новом этапе. 2016. № 28 / под ред. И. С. Иванова. М.: НП РСМД, 2016. С. 12–19 // Российский совет по международным делам. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-rossiysko-turetskikh-otnosheniy-v-e>.
7. Панкратенко И. Н. Россия-Турция: сложные нюансы взаимоотношений // Центр стратегических оценок и прогнозов. М.: АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», 2015. 52 с.
8. Сергунин А. А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 205–210.
9. Гниломедов Е. В. Влияние революций, произошедших в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, на топливно-энергетический комплекс Ту-

- репкой Республики // Вестник Государственного университета управления. 2015. № 1. С. 19–25.
10. Перспективы развития атомной энергетики на Ближнем Востоке: интересы России / Доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: [б. и.], 2016. 84 с.
 11. Хорошун Н.Д. Геоэкономические последствия российско-турецких газовых соглашений // Теория и практика общественного развития. 2015. № 1. С. 42–45.
 12. Тайфутдинов Р.И. TANAP и российско-турецкие отношения // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 46–48.

Контактная информация:

Зеленева Ирина Владимировна — д-р ист. наук, проф.; i.zeleneva@spbu.ru
Савкина Екатерина Александровна — магистрант; ekaterinasav@hotmail.com

Factors affecting Russian-Turkish relations in the energy sphere at the present stage

Zeleneva Irina V., Savkina Ekaterina A.

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Zeleneva I. V., Savkina E. A. Factors affecting Russian-Turkish relations in the energy sphere at the present stage. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 323–336. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.22> (In Russian)

The article is devoted to the research of Russian-Turkish relations in the energy sphere at the present stage. The peculiarity of the Russian-Turkish relations in the energy sphere is the contradictory situation in which, on the one hand, Turkey needs constant energy supplies to maintain its economic growth, on the other hand, Turkey is afraid of getting into energy dependence on Russia and therefore sees an outlet in the diversification of energy sources entering the country. The article analyzed the key indicators of the fuel and energy complex of the two countries, explored joint energy projects and the main bilateral agreements between Russia and Turkey in such areas of cooperation as: the gas industry, the oil industry, and nuclear energy. Based on the study, the authors identified the main internal and external factors affecting Russian-Turkish relations in the energy sphere. The article concludes that at the present time political, geographic and economic factors exert a great influence on Russian-Turkish relations in the energy sector.

Keywords: Russia, Turkey, energetics, bilateral cooperation, external factors, internal factors.

References

1. Grigorieva O. V. Characteristics of International Organizations as Actors of Energy Diplomacy, *Azimuth nauchnyx issledovanij: ekonomika i upravlenie*, 2016, vol. 5, no. 1 (14), pp. 81–85. (In Russian)
2. Tkachenko S. L. Russia as in Energy Superpower: History of the Concept, *Klio*, 2015, no. 3 (99), pp. 27–33. (In Russian)
3. Avatkov V. A., Mozloev A. T. Russia and Turkey: the Economy in the Context of the Policy? *Vostochnyj almanax*. Ed. by M. G. Troyanskogo. Moscow, Kvant Media Publ., 2019, Iss. 3, pp. 86–96. (In Russian)
4. Ozdemir V., Guliyev I. A. Energy Diplomacy of Turkey, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, no. 2 (47), pp. 101–110. (In Russian)
5. Nemchinova T. S. The problem of Conceptual Development of Democracy in the Context of the Fourth Wave of Democratization, *Vestnik Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii*, 2012, vol. 13, no. 4, pp. 206–213. (In Russian)
6. Likhachev V. L. *State and Prospects of Russia-Turkey Energy Relations. New Stage of Russia-Turkey Economic Relations*. 2016. Report no. 28, 33 p. pp. 11–17. Moscow, Russian International Affairs Council Publ. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-rossiysko-turetskikh-otnosheniy-v-e>. (In Russian)
7. Pankratenko I. N. *Russia-Turkey: complex nuances of relationships*. Moscow, Centr strategicheskix ocenok i prognozov Publ., 2015. 52 p. (In Russian)
8. Sergunin A. A. «Eastern Partnership»: Challenge to Russian Diplomacy in Eastern Europe. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2010, no. 1, pp. 205–210. (In Russian)
9. Gnilomedov E. V. The Effect of the Revolutions that Occured in the Middle East and North Africa, on the Fuel and Energy Complex of the Republic of Turkey. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya*, 2015, no. 1, pp. 19–25. (In Russian)
10. *Prospects for the Development of Nuclear Energy in the Middle East: Russia's Interests*. Doklad grantopoluchatelej. Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub «Valdaj». Moscow, 2016. 84 p. (In Russian)
11. Khoroshun N. D. Geoeconomic Consequences of Russian-Turkish Gas Agreements. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 1, pp. 42–45. (In Russian)
12. Gayfutdinov R. I. TANAP and Russian-Turkish Relations, *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2018, no. 5, pp. 46–48. (In Russian)

Author's information:

Irina V. Zeleneva — Dr. Sci. in History, Professor; i.zeleneva@spbu.ru

Ekaterina A. Savkina — Master's degree student; ekaterinasav@hotmail.com

БОЛЬШАЯ ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

УДК 330.356

Место АТЭС в современных политических и экономических процессах в Большой Восточной Азии

Д. В. Мосяков

*Институт востоковедения Российской академии наук,
Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

Для цитирования: Мосяков Д. В. Место АТЭС в современных политических и экономических процессах в Большой Восточной Азии // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 337–346.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.23>

В статье исследуется современное состояние интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также потенциал их развития. Интеграционные объединения, сформированные в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не только обладают рядом характерных особенностей, но и несут в себе огромный потенциал развития экономического сотрудничества в регионе. АТЭС — одна из ключевых современных международных организаций, которая прошла длительный период исторической эволюции. Она и сегодня влиятельна в мире и особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, однако до сих пор так и не сумела выполнить свою главную роль, которая ей предназначалась при создании в 1991 г., — стать ядром глобальной интеграции в Азии.

Ключевые слова: интеграционные процессы, Азиатско-Тихоокеанский регион, АТЭС, ВАС, либерализация, политические элиты, АСЕАН.

Анализ глобальных политико-экономических изменений не может считаться продуктивным без рассмотрения регионального измерения. Для России Большая Восточная Азия (макрорегион, в который включают обычно страны АСЕАН (англ. ASEAN — *Association of Southeast Asian Nations*, Ассоциация государств Юго-Восточной

Азии), также Китай, Тайвань, Японию и обе Кореи¹) — это прежде всего комплекс экономических возможностей, политико-экономическое пространство, где могут быть вполне реализованы российские конкурентные преимущества.

В последние годы интеграция в Большой Восточной Азии развивается все интенсивнее. Постоянно в прессе появляются сообщения о заключенных или готовящихся к заключению договорах о создании зон свободной торговли в регионе и дальнейшем развитии региональной интеграции². Из сообщений можно выделить информацию о том, что страны Азии рассчитывают реанимировать идею Транстихоокеанского партнерства (ТПП; англ. TPP — *Trans-Pacific Partnership*), от которой США в лице администрации Д. Трампа официально отказались. Несмотря на это, Япония и страны АСЕАН заявили, что готовы продолжить работу над интеграционным объединением, правда, как отмечает обозреватель газеты «Стрейтс таймс» (*The Straits Times*) Рави Велор (*Ravi Velloor*), «неясно, насколько оно окажется эффективным без участия США»³.

Тема интеграции одна из ключевых в сфере политических дискуссий внутри правящих элит государств Большой Восточной Азии. Анализ новостного контента региональных средств массовой информации показывает, что в регионе формируются крупнейшие мировые и глобальные рынки, американская эра в Азии уступает место китайской. В качестве аргумента можно привести как раз отказ Д. Трампа от почти построенного механизма ТПП. В ситуации некоторой неопределенности относительно места и роли США и общего направления дальнейшей интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), именно организация Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), последний XXVI саммит которой прошел в ноябре 2018 г. в Папуа — Новой Гвинее, выступает сегодня как полюс определенности и предсказуемости, реальный механизм сотрудничества и площадка для переговоров мировых лидеров, даже несмотря на то, что в 2018 г. форум завершился без принятия совместной декларации.

¹ Существует и иная точка зрения в науке, что в регион «Большая Восточная Азия» необходимо включать страны Восточной, Центральной и Южной Азии. См., например: [1].

² The Straits Times. 2017. Nov. 24.

³ The Straits Times. 2017. Nov. 24.

Данная международная организация, которая для России является одним из ключевых элементов в продвижении российских национальных интересов на Востоке, прошла длительный и сложный путь развития, прежде чем найти место в политической архитектуре АТР и мира в целом. АТЭС — самое крупное интеграционное объединение стран Тихоокеанского бассейна, на долю которого в 2016 г. приходилось 64 % мирового ВВП и 48 % мировой торговли [2, с. 76]. Именно поэтому интересно проследить, как менялось среди политиков и общественности стран Большой Восточной Азии представление об организации и ее месте в политической архитектуре этого огромного региона.

Образ создания Тихоокеанского экономического сообщества в интересах взаимовыгодного сотрудничества стран АТР сформулирован в начале 1960-х годов АТЭС можно назвать «наследником» идеи, реализованной через тридцать лет на совершенно ином, более высоком, уровне развития стран АТР. Успехи в экономике, усилия крупного бизнеса, который стал активно участвовать в деятельности учрежденного в 1980 г. Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС), показали перспективы и готовность бизнеса и правительств многих стран Азии к развитию регионального взаимодействия. Нарботанные в рамках СТЭС институциональные механизмы и опыт широко использовались при создании АТЭС. Форум организации отразил процессы глобализации в азиатском регионе и воплотил идеи регионализма, реализованные США при активной поддержке союзников — Японии и Австралии. Соединенные Штаты, обеспокоенные формированием торговых блоков в регионах, стремились укрепить связи с быстро развивающимся регионом Восточной Азии, от которого во многом зависело их собственное экономическое будущее. В АТЭС они видели главную организующую силу как для продвижения своих интересов, так и для международного сотрудничества в Большой Восточной Азии и в целом АТР.

Жесткие протекционные барьеры и принятые антидемпинговые соглашения в ряде государств Восточной и Юго-Восточной Азии, с которыми столкнулись многие страны, пытавшиеся внедрить товары на рынки, явились еще одной причиной создания АТЭС. Для США в 1970–1980-х годах. высокими оказались барьеры на пути экспорта автомобилей, продуктов питания, алкогольных напитков. В Таиланде таможенные пошлины достигали 30–40 % на ввозимые

товары, в Индонезии и на Филиппинах — около 20 %. В Малайзии фактически был закрыт рынок для экспорта машин. В Китае высокими пошлинами облагалась текстильная продукция, на Филиппинах и в Таиланде не разрешалось инвестировать капиталы в сферу услуг. В среднем торговые барьеры в большинстве государств (за исключением Гонконга (Сянган) и Сингапура) добавляли 10–30 % стоимости ввозимых товаров. В Японии скрытые механизмы защиты создавали, по различным оценкам, от 30 до 100 % добавленной стоимости [3, с. 55–64].

Таким образом, создание АТЭС было обусловлено по большей части тем, что, с одной стороны, существовал очевидный американский интерес разрушить протекционистские барьеры на пути продукции в страны АТР и политически «подтянуть» к себе страны региона, с другой — желание политических элит стран АТР выйти за узкие рамки национальных рынков и вместе с американцами формировать новую экономико-политическую реальность глобальных возможностей. Совпадение интересов США и стран АТР привело к тому, что становление АТЭС шло быстро и американские планы по формированию организации не встретили серьезной оппозиции, а наоборот, были активно поддержаны в регионе. За четыре года АТЭС после основания в 1989 г. в Канберре прошла путь от конференций на уровне министров иностранных дел и экономики до ежегодных саммитов с участием лидеров ведущих государств АТР. Первый саммит, инициированный президентом США Б. Клинтоном, прошел в 1993 г. в Сиэтле. В 1994 г. в Богоре (Индонезия) лидеры экономик АТЭС совместно сформулировали и распространили «Богорские цели». Они подразумевали построение свободной и открытой торгово-инвестиционной системы, в том числе тарифной политики, что должно было дать новый импульс движению товаров и капиталов в регионе АТЭС. К 2010 г. либерализация должна была быть завершена для развитых экономик, к 2015 г. — новых индустриальных, к 2020 г. — развивающихся⁴. Цели и задачи позднее были конкретизированы в другом важном документе — Осацкой программе действий, принятой на саммите в Японии в 1995 г.⁵ Программа определила уже конкретные меры для развития процессов интеграции и движению к бестарифному пространству, были на-

⁴ Декларация «Общая решимость» (APEC Economic Leaders' Declaration of Common Resolve / apec.org).

⁵ «Осацкая Программа действий» (The Osaka Action Agenda, OAA / apec.org.).

званы 15 областей, в которых членам АТЭС необходимо было произвести преобразования для достижения Богорских целей: тарифы и нетарифные ограничения, услуги, инвестиции, стандарты и соответствия, таможенные процедуры, политика в области конкуренции, правительственные заказы, выполнение обязательств Всемирной торговой организации (ВТО), посредничество в спорах, мобильность деловых людей, сбор и анализ информации. Программа выдвинула концепцию гибкости, по которой страны должны вести свободную и открытую торговлю на основе прогрессивного снижения пошлин и увеличения прозрачности таможенных режимов.

Следующим шагом в либерализации экономик АТР стал Филиппинский саммит (1996), на котором была принята Манильская программа действий⁶ — развернутый пакет мер по достижению глобальной цели формирования АТЭС на основе трех направлений: индивидуальных планов действий, коллективного плана, технико-экономического сотрудничества. Развитие шло по нарастающей на протяжении 1990-х годов, АТЭС фактически являлась ведущей международной экономической организацией региона, возглавляла и реализовывала курс на глобализацию. В период 1994–2009 гг. общий товарооборот экономик АТЭС увеличивался в среднем на 7,1 % в год, объем торговли между экономиками-участницами вырос в три раза. Объем прямых иностранных инвестиций, ввозимых в регион АТЭС и вывозимых из него, в 1994–2008 гг. ежегодно возрастал на 13 %. Усредненный размер простого примененного тарифа снизился с 10,8 % в 1994 г. до 6,6 % в 2008 г.⁷

Но если проанализировать цифры, свидетельствовавшие об экономических успехах АТЭС на рубеже 2010 г., то выяснится, что это «лукавые» цифры. Они скрывают тот факт, что главные успехи падают не на 2000-е, а на 1990-е годы, а последующее десятилетие — период стагнации и кризиса организации. Даже поверхностный анализ показывает: в поступательном движении АТЭС все изменилось в начале 2000-х, и в XXI в. мы наблюдаем очевидную стагнацию в ее деятельности, потерю монопольного положения ведущей модели регионального сотрудничества, появление других конкурентных систем.

Что надломило АТЭС? Почему сегодня можно сказать, что большая часть из ее программ осталась на бумаге? На наш взгляд, переломным моментом и началом спада явился финансово-экономиче-

⁶ APEC Economic Leaders Declaration: From Vision to Action / apec.org.

⁷ Kremlin.ru. 2010 г. 14 нояб.

ский кризис в Азии 1997–1998 гг. После него АТЭС, которая объединяет 21 участника с 54 % мирового ВВП (2020)⁸, 48 % мировой торговли (2016) [2, с. 76] и более 40 % населения земного шара (более 2,5 млрд человек) [4, с. 50–56], стала подвергаться критике со стороны Китая и стран АСЕАН. Очевидно, что критика стала открытым вызовом американской гегемонии, Китай не скрывал, что его не устраивает ключевая роль США в АТЭС, которые во многом определяют направление и тематику обсуждаемых проблем и принимаемых решений. Асеановцы солидаризировались с китайцами, указывая на то, что АТЭС все больше действует как форум для борьбы с международным терроризмом в глобальных интересах США и ничего не сделал в 1997–1998 гг., чтобы помочь странам регионального блока, особенно от него пострадавшим.

По мнению большинства международных экспертов, кризис 1997–1998 гг. носил объективный характер и был вызван ошибками в управлении финансовой системой в странах АСЕАН, когда кредиты с коротким сроком погашения тратились на длительные инвестиционные проекты. Несмотря на это, политические элиты большинства стран АСЕАН считали по-другому, негативное отношение к АТЭС усиливалось. До сих пор многие авторитетные региональные политики полагают, что кризис, больно ударивший по растущей экономике азиатских «тигров», был намеренно спровоцирован США. Цель американской администрации заключалась в том, чтобы путем изъятия значительных финансовых средств с рынков стран АСЕАН спровоцировать хаос и тем самым приостановить быстрый экономический рост в Азии и ослабление собственных позиций в регионе. Влиятельные фигуры азиатской политики (Ли Куан Ю, Мохатхир Мохаммад, Фердинанд Рамос) заявили, что странам Азии вместо АТЭС требуется эффективная интеграция в торговой и валютно-финансовой сфере, чтобы исключить повторение пройденного и вновь не оказаться в кризисном положении по вине внешних сил [5, с. 6–13].

Представители АСЕАН утверждали, что первым примером такой восточноазиатской интеграции явились солидарные действия азиатских стран по ограничению масштабов кризиса и организации помощи наиболее пострадавшим в выходе из него. Действительно, в 1998 г. Япония оказала финансовую помощь странам АСЕАН при-

⁸ Экономические союзы. www.EconomicData.ru

мерно на 50 млрд долл., а Китай, несмотря на очевидное давление на юань и выгодность его девальвации, на это так и не пошел, чем способствовал выходу стран АСЕАН из кризиса [6].

Продолжением сотрудничества стало крупнейшее событие в политической жизни восточноазиатского региона, произошедшее в декабре 2005 г. в малайзийской столице Куала-Лумпуре образование новой организации Восточной Азии так называемых Восточно-азиатских саммитов (ВАС). На рубеже создания ВАС критика АТЭС достигла своего пика. Оценивая это событие, одна из авторитетных в регионе газет «Бангкок пост» отмечала, что «объявив об образовании ВАС, страны Восточной Азии сделали важный шаг в строительстве новой Азии без американского доминирования»⁹.

Политическая элита стран АСЕАН фактически солидаризировалась с мнением китайских экспертов, и ее представители в лице влиятельных журналистов и ученых указывали, что АТЭС уже не справляется со всеми задачами. Причину они видели в том, что ситуации в мире серьезно изменилась и организационная структура форума устарела. Заместитель директора Центра по изучению АТЭС и стран Восточной Азии при академии общественных наук КНР Лю Цзянчжэнь отмечал, что в стремлении угнаться за меняющейся геополитической ситуацией форум насоздавал множество комиссий и специализированных рабочих групп, в результате чего эффективность деятельности заметно снизилась из-за чрезмерной бюрократизации. В статье «АТЭС: локомотив экономики или сборище болтунов» журнала «Ячжоу шибао» автор более откровенно высказался о причинах неэффективности АТЭС: в организации сталкиваются западная и восточная культурные и мировоззренческие традиции. Противостояние способно свести на нет деятельность форума, участников которого объединяет лишь желание интегрировать свои экономики. Но даже оно основано скорее на дипломатическом давлении, чем на экономической необходимости. Вполне вероятно, что при отсутствии АТЭС, страны АТР снижали бы торговые барьеры с таким же успехом¹⁰. Действительно, после событий 2001 г., когда террористы провели крупные теракты в США, американская администрация стала требовать от партнеров по АТЭС уделять основное внимание не экономике, а борьбе с терроризмом. Проблема заня-

⁹ Bangkok Post. 2005. Dec. 4.

¹⁰ ИТАР-ТАСС. 2004. 16 нояб; «Компас» № 47. С. 6–8.

ла центральное место на саммитах начала века. США не считались с тем, что инициативы Вашингтона в этом направлении поддерживают не все члены АТЭС. Япония, Австралия, Канада солидаризировались с американской позицией, азиатские страны демонстрировали иные взгляды и рассматривали антитеррористическую деятельность лишь как обеспечивающую безопасность торговых потоков в регионе. Основной интерес их состоял в решении насущных экономических проблем, и в частности формирования общего рынка стран АТЭС. Именно эта задача была поставлена во главу угла деятельности организации в Богорской декларации. А в первое десятилетие XXI в. ее осуществление оказалось отодвинутым на второй после борьбы с международным терроризмом план.

После образования ВАС АТЭС все больше отходит на второй план в Большой Восточной Азии. Главным региональным объединением выступают ВАС. Во-первых, они оказались меньше по числу участников и в связи с этим более мобильны и лучше управляемы. Во-вторых, страны АСЕАН являются хозяевами и учредителями организации. В-третьих, они добились того, что посредством ВАС их голос особенно слышен, и в рамках регионального объединения ни Китай, ни США не определяют повестку дня и принимаемые решения. То, что АТЭС уже не рассматривается как главная форма организации процесса взаимной интеграции, подтверждают недавно сказанные слова премьер министра Сингапура Ли Сянь Луня: «для членов АТЭС сегодня есть другие пути по достижению глобальной цели создания одной большой зоны свободной торговли в АТР». Премьер отметил, что уже существуют различные «конструкции, которые могут стать основой для масштабного экономического сотрудничества в регионе». В их числе он назвал Экономическое сообщество стран — членов АСЕАН, инициативу АСЕАН по формированию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, а также Тихоокеанский альянс¹¹.

Можно сделать вывод, что страны АСЕАН и их политические элиты поступают вполне разумно, «не сваливая фрукты в одну корзину» в виде ВАС и не желая покидать АТЭС. Эта организация отступила в тень, многие ее решения так и остались на бумаге. Но при этом АТЭС — важная площадка, где регулярно встречаются высшие руководители тихоокеанских и азиатских стран. В современном

¹¹ The Straits Times. 2016. Nov. 19. См. также: <http://tass.ru/ekonomika/3796982>.

все менее стабильном мире уже сам этот факт делает существование АТЭС не только осмысленным, но и значимым. Она перестала быть по факту экономическим сообществом, а превратилась в организацию, где комплексно решаются наиболее острые проблемы, волнующие регион. Такая ситуация сегодня устраивает всех, и это дает организации новый шанс на сохранение ниши в архитектуре АТР.

Литература

1. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010. 444 с.
2. Леженина Т. В., Куок Хунг, Нгуен. 25-й саммит АТЭС во Вьетнаме // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 1. С. 76–83.
3. Потапов М. АТЭС в условиях мирового финансового кризиса: экономические итоги саммита АТЭС в Лиме, ноябрь 2008 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 55–64.
4. Островская Е. Я., Фирсова И. С. Роль АТЭС в развитии экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Международная экономика. 2010. № 4. С. 50–56.
5. Юго-Восточная Азия в 1998 г.: актуальные проблемы развития. Москва: Институт востоковедения РАН, 1999. 21 с. С. 6–13.
6. Юго-Восточная Азия в 1999 г.: актуальные проблемы развития. Москва: Институт востоковедения РАН, 2000.

Контактная информация:

Мосяков Дмитрий Валентинович — д-р ист. наук, проф.;
Mosyakov.d@gmail.com

APEC'S place in modern political and economic processes in Greater East Asia

Dmitrij V. Mosyakov

*Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences,
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation*

For citation: Mosyakov D. V. APEC'S place in modern political and economic processes in Greater East Asia. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 337–346. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.23> (In Russian)

This article is devoted to the history of such an authoritative international organization as the Asia-Pacific Economic Cooperation-APEC. This organization,

created to address issues of economic integration in the Asia-Pacific region, has gradually turned into the main platform for political negotiations, at which key issues of international security and international relations are discussed.

Keywords: integration processes, Asia-Pacific region, APEC, EAC, liberalization, political elites, ASEAN.

References

1. *The Greater East Asia: World Politics and Regional Transformation*. Ed. Voskresensky A. Moscow, MGIMO University Press, 2010. 444 p. (In Russian)
2. Lezhenina T.V., Nguen Kuok Hung. The 25th Summit of APEC in Vietnam. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2018, no. 1, pp. 76–83. (In Russian)
3. Potapov M. APEC Caught in the World Financial Crisis. *Far Eastern Affairs*, 2009, vol. 37, no. 2, pp. 51–61. (In Russian)
4. Ostrovskaya E. Ya., Firsova I. S. APEC's Role in Promoting Economic Cooperation in the Asia-Pacific Region. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, 2010, no. 4, pp. 50–56. (In Russian)
5. *South-East Asia in 1998: Actual Problems of Development*. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Press, 1999, 21 p, pp. 6–13. (In Russian)
6. *South-East Asia in 1999: Actual Problems of Development*. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Press, 2000. (In Russian)

Author's information:

Dmitrij V. Mosyakov — Dr. Sci. in History, Professor; Mosyakov.d@gmail.com

УДК 94 + 322

Технологии использования религиозного фактора во Вьетнаме: особенности политической истории основных религиозных групп с начала XVII в. до настоящего времени¹

В. Н. Колотов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Колотов В. Н. Технологии использования религиозного фактора во Вьетнаме: особенности политической истории основных религиозных групп с начала XVII в. до настоящего времени // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 347–369.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.24>

Статья посвящена технологиям создания религиозных сообществ, провоцирования конфликтов между различными религиозными группами, а также использования управляемых локальных конфликтов в геополитических целях. Погружение политических противоречий в культурную и религиозную области позволяет умело скрывать интересы тех сил, которые стоят за спровоцированными ими конфликтами.

Ключевые слова: религиозный фактор, управляемые конфликты, столкновение цивилизаций, шизофрения культуры, Вьетнам.

Технологии нового времени. Существует много информационных и справочных изданий, посвященных описанию различных религий во Вьетнаме, в которых пересказываются хорошо известные факты. Исследований, посвященных действительно актуальным проблемам, существенно меньше. «Стратегия страуса» не позволяет эффективно исследовать проблему и разработать эффективные методы защиты от программ по духовной колонизации, так как при таком подходе они не улавливаются, сохраняется политехнологическое отставание. Данное исследование посвящено технологиям использования религиозного фактора в геополитической борьбе во Вьет-

¹ Сокращенная версия данной статьи была опубликована: Колотов В. Н. Технологии использования религиозного фактора во Вьетнаме: особенности политической истории основных религиозных групп // Культура и искусство Вьетнама: сборник научных статей. М.: ИД «ФОРУМ», 2017. С. 248–261.

наме. Как в период Великих географических открытий, так и в наши дни они в модернизированном виде активно применяются в разных регионах мира, многие впервые были использованы во Вьетнаме. Основное внимание уделяется технологиям, которые задают четкую последовательность выполнения различных этапов заранее определенной программы в целях достижения желаемого результата.

С незапамятных времен люди поклонялись солнцу, к этому выводу можно прийти, анализируя изображения в том числе и на бронзовых барабанах, найденных на территории современного Вьетнама. Затем в III в. до н. э. Древний Вьетнам, с применением стратагемы «красавчик» 美人計, был завоеван китайцами. С этого времени началось распространение китайских учений: буддизма, даосизма, конфуцианства, которые прижились на основе пришедшего из глубины веков культа предков, закрепив за собой в течение долгого периода внедрения во Вьетнаме определенные сферы влияния. Конфуцианство регламентировало сферу государственного управления и ритуалов. Даосизм — магию, геомантию и учение о методах продления жизни и достижения бессмертия. Буддизм в изрядно китаизированном виде школы созерцания стал духовной опорой в полном опасностей и несправедливостей мире.

К началу периода Великих географических открытий Вьетнам представлял собой страну, разделенную политически на северную (Дангнгоай) и южную (Дангчонг) части. Однако в религиозном плане Вьетнам оставался единым.

Ситуация претерпела кардинальные качественные и количественные изменения в период Великих географических открытий. Перед западными миссионерами открылись захватывающие дух перспективы, воплотить которые на практике оказалось не так просто. Как совершенно справедливо указал авторитетный советский востоковед Э. О. Берзин, «...можно завоевать какую-нибудь страну силой оружия, но нельзя сколько-нибудь продолжительное время удерживать власть над ее населением, если среди него господствовала идеология, враждебная или просто чуждая завоевателю» [1, с. 4]. С одной стороны, в духовной сфере ниша прочно была занята традиционными учениями и религиозными культами, а с другой — колониальных войск явно не хватало для удовлетворения непрерывно растущих appetitов оказавшихся в Юго-Восточной Азии (ЮВА) европейских держав. «Отсюда, — продолжает Берзин, — единственным выходом для колонизаторов в тех условиях было внедрение

в завоевываемых странах идеологии завоевателя и по возможности полное уничтожение прежней идеологии вместе с уничтожением физическим или моральным ее носителей — жрецов. Вот это и входило в задачу католической церкви в первых заокеанских колониях Европы, и потому-то первые колониальные державы так щедро ее одаривали» [1, с. 4].

В феодальном Вьетнаме миссионерам приходилось действовать малым числом во враждебной среде без поддержки колониальных войск. Поэтому они, с одной стороны, с помощью взяток и обещаний установить выгодные связи с европейскими державами покупали покровительство местных элит, а с другой — занимались тщательным изучением населения с тем, чтобы создать на региональном уровне сплоченные религиозные сообщества, которым и предстояло в будущем в соответствии с замыслами католических прелатов стать тараном, сокрушающим местные политические режимы.

Лишенные вооруженной поддержки европейских держав миссионеры принялись коварством и хитростью обращать в свою веру население, распространяя тем самым свое влияние. Для решения данной задачи был применен, выражаясь современным языком, кибернетическо-психологический подход, в соответствии с которым местные жители после соответствующей психологической обработки попадали под преимущественное влияние иностранных миссионеров и становились послушным инструментом в их коварных планах по захвату Вьетнама.

Иезуиты в то время стояли на переднем крае многих научных направлений и проводили большую исследовательскую работу в различных областях. В частности, они на серьезном профессиональном уровне интересовались даже гипнозом. Известный российский гипнолог В.В. Кондрашов, характеризуя историю развития гипноза, отметил, что «первым описал так называемое гипнотическое состояние у животных в 1646 году профессор и иезуит Афанасий Кирхер» [2, с. 24].

Другой иезуит, его коллега и современник Александр де Род эффективно применил эти наработки, разработав адаптированные именно для Вьетнама технологии обращения в католицизм местного населения с применением не убеждения, а элементов так называемого легкого гипноза. Наработки были творчески использованы при составлении психоактивного текста для выдающегося труда, который получил название «Катехизис за восемь дней. Для того, кто хочет совершить крещение и принять священную религию Небес-

ного Правителя» [3]. Книга стала основой католической пропаганды и основным инструментом изменения религиозной идентичности местных жителей. Данный труд был издан в 1651 г. в Ватикане уже после того, как прошел в полном смысле слова боевое крещение во Вьетнаме. «Катехизис за восемь дней» представляет собой блестящий пример психоактивного текста, который эффективно выполнил роль обращения в католицизм после дискредитации традиционных учений и верований. Как отметил сам Александр де Род, его «катехизис содержит в себе метод, который мы использовали для представления наших таинств язычникам. Это может быть полезно любому, кто захочет оказать нам помощь в проповедовании учения Иисуса Христа на языках, которые раньше использовались только для того, чтобы славить бесов» [4, p. 50].

С помощью продуманной пропаганды в тесной связи с провоцируемыми гонениями на неопитов за несколько лет миссионерам удалось создать сплоченное религиозное сообщество, имеющее не только иную религию, календарь, имена и свою особую вьетнамскую латинизированную письменность. Оно имело отличные от большинства населения ценности, защищая которые, неопиты были готовы убивать соотечественников буддистов и погибать в борьбе под руководством отцов миссионеров.

Благодаря активной и креативной деятельности иезуитов количество обращенных в католицизм вьетнамцев существенно выросло, что позволяет с полным правом назвать Александра де Рода евангелизатором Вьетнама. В 1645 г., когда его наконец выслали из Вьетнама без права возвращения, количество католиков в Данчонге и Дангнгае составило примерно 190 тыс. человек, и это количество стабильно продержалось до конца XVIII в. [5, p. 289].

Выдающийся результат стал возможен благодаря разработке миссионерами полноценной технологии создания управляемых локальных конфликтов, которая предусматривала последовательную реализацию следующих этапов:

1. Изменение религиозной идентичности с помощью специально разработанного «Катехизиса» на вьетнамском языке.
2. Создание религиозных сообществ и их стабилизация. Неопиты укреплялись в новой вере в ходе спровоцированных миссионерами «гонений» со стороны местных властей, которые по традиции придерживались буддизма. Стабилизация этих

сообществ происходила в ходе появления мучеников из местной среды, что переводило конфликт на высокий эмоциональный уровень личной мести за собрата по вере.

3. Организация локальных конфликтов. Взаимная ненависть буддистов и католиков позволяла перейти к организации локальных конфликтов, базой которых становились действующие по указке миссионеров католические поселения, однако относительно низкий процент неофитов был недостаточен для перевода конфликта на постоянную основу, поскольку местные власти блокировали охваченные беспорядками регионы и высылали миссионеров.

Спровоцированные «гонения» еще больше спланивали неофитов вокруг иностранных миссионеров, а институт «мучеников» окончательно закреплял религиозный раздел и цементировал католические общины во время очередной высылки прелатов. Таким образом, неофиты попадали в состояние кризиса идентичности. Они были своими для иностранных миссионеров, но чужими для своих соседей буддистов. Чем больше местные власти пытались «решить вопрос» разделения по религиозному признаку, тем больше сокращалось их влияние в местах компактного проживания католиков. Миссионеры приступили к грамотному раскачиванию ситуации в стране. Неофиты были их искренним и единственным союзником, поскольку в целях самосохранения они стали единственной опорой колонизаторов. Только при колониальном режиме они могли повысить свой статус и занять привилегированное положение. Постепенно религиозный фактор начинал играть все более заметную роль при восстаниях, в ходе которых некоторые лидеры получали поддержку миссионеров в обмен на обещание креститься в случае захвата власти. Так миссионеры стали формировать свою «скамейку запасных» из числа претендентов на престол и готовых приступить к насильственной католизации страны.

Основные этапы организации управляемых локальных конфликтов на религиозной почве указаны в таблице.

Открытый вооруженный захват Вьетнама французским экспедиционным корпусом начался в 1858 г. Именно в это время была активирована заранее созданная миссионерами инфраструктура управления конфликтом. В тылу воюющей с колонизаторами вьетнамской армии миссионеры провоцировали католические восста-

**Таблица. Этапы организации управляемых локальных конфликтов
на религиозной почве**

Этапы	Содержание
Информационно-подготовительный этап	Прибытие в страну, ознакомление с ситуацией и обучение навыкам пользоваться инструментарием (язык, связи, технологии). Создание латинизированной письменности, разработка технологий, оттачивание аргументов в дискуссиях на религиозную тематику, составление «Катехизиса», обеспечение контактов с местными элитами на столичном и региональном уровнях
Изменение религиозной идентичности	Пропаганда катехизиса
Создание религиозных сообществ	Противопоставление буддистам
Стабилизация религиозных сообществ	Катехисты, гонения, мученики
Управляемая региональная дестабилизация	Провоцирование локальных конфликтов

Составлено по: [6].

ния. Католические отряды проводили зачистки на оккупированных колонизаторами территориях. Католическое ополчение плечом к плечу с колонизаторами сражалось против защитников Вьетнама, а местные католики служили проводниками и переводчиками для французов. Они стали основным кадровым резервом оккупантов на захваченных территориях. Как подчеркнул епископ Пюжинье, который активно выступал за скорейшее завоевание Вьетнама, «без помощи миссионеров и вьетнамцев-католиков французские колонизаторы были бы подобны крабу с оборванными клешнями» [7, tr. 79]. Сотрудничество с оккупантами надолго закрепило за местными католиками репутацию пособников иноземных колонизаторов, предателей национальных интересов и обеспечило недоверие со стороны остального населения страны.

Французы хорошо понимали, что без проведения тотальной католизации захваченных территорий остается высокая вероятность появления национально-освободительного движения в будущем.

Капитан Обарэ, в частности, писал губернатору Кохинхины, адмиралу Бонару: «Мы абсолютно уверены в том, что Кохинхина никогда не будет нашей до тех пор, пока она не будет христианизирована. Это является самым надежным и наиболее долговременным способом завоевания» [8, р. 83].

Проводимая католическими миссиями политика привела к разделению населения Вьетнама на две неравные ненавидящие друг друга части. Контролируемые миссионерами католики выступали за скорейшее завоевание Вьетнама своими единоверцами французами, а патриотические силы пытались организовать освободительное движение. Так колониальная война была закамуфлирована под гражданскую, в которой использование одной из сторон религиозного фактора существенно ослабляло Вьетнам и усиливало Францию. На оккупированных территориях местные католики становились опорой новых властей. Как отмечал французский историк Жан Шено, «несмотря на свою немногочисленность, вьетнамские католики представляли главное препятствие для успеха движения сопротивления, поскольку они помогали французским войскам выйти из изоляции» [9, с. 161].

Однако несовместимость католицизма с местными культами не позволяла обратить в эту веру остальное население страны. На уже захваченных территориях постоянно возникали антифранцузские движения, а достигнутый уровень католизации не позволял перевести колониальную войну на уровень самовоспроизводящегося внутриэтнического межконфессионального конфликта. Первоначальные планы тотальной католизации Вьетнама провалились.

После завоевания страны, утраты национальной независимости и установления колониального режима во Вьетнаме осталась последняя линия обороны, которая защищала культуру от окончательной утраты своей идентичности, — культ предков.

Анализируя политику миссионеров и колонизаторов с позиций великого древнекитайского стратега Сунь-цзы, следует отметить, что действовали они вполне логично. Именно он вывел фундаментальный принцип «Познай себя, познай его» 知己知彼 [10], который был забыт вьетнамскими правителями тех лет, что негативно сказалось на единстве нации в религиозной сфере и привело к трагическим последствиям в области национальной безопасности. Чем активнее действовали миссионеры, тем быстрее страна шла к потере суверенитета. Миссионеры знали себя и тщательно изучали про-

тивника, тогда как вьетнамские власти тех лет противника не знали и не стремились изучать, полагая, что смогут решить периодически возникавшие с миссионерами проблемы их высылкой. Происходившие в соседних странах процессы колонизации их не интересовали, и соответствующих выводов они не делали.

Согласно выведенному Сунь-цзы правилу, «самая лучшая стратегия — разбить замыслы противника. Затем — разбить его связи. Затем — разбить его войска. Самая худшая стратегия — осаждать крепости» [11, с. 20]². Миссионеры умело работали на всех уровнях. Они имели свои замыслы и целенаправленно шли к их реализации, подстраивая свои технологии под изменяющиеся условия, создавали свои связи и разрушали их у противника, обращали местное население в свою веру и создавали из него частные армии, которые затем совместно с французскими колонизаторами штурмовали вьетнамские города и воевали с королевской армией. Так они смогли разбить замыслы 謀 и связи 交 противника. На уровне войск 兵 и осаждения крепостей 城 они активно в качестве пушечного мяса использовали местное католическое население. Так во время атаки на ханойскую цитадель местные католики несли лестницы для штурма [12, р. 421]. Высшие стратегические уровни замыслов 謀 и связей 交 французы оставляли за собой, а на тактических уровнях в качестве расходного материала использовали заранее созданные местные католические сообщества.

Распространяя свои ценности, миссионеры в массовом порядке изменяли поведение местных жителей, которые под их умелым руководством зачастую вступали в конфликты с буддистами, ввергая тем самым свою страну в пучину религиозного конфликта. Миссионеры таким образом пытались замаскировать начало колониальной войны под гражданскую или, вернее, религиозную. «Замыслы» вьетнамской элиты не отличались оригинальностью, легко просчитывались и умело встраивались в стратегию деятельности миссионеров. Местные власти мобилизацию не проводили и не оказывали должного противодействия миссионерам, наивно пытаясь использовать их связи на Западе, чтобы решить свои споры с региональными конкурентами, которые действовали точно так же. В результате колонизаторы при поддержке миссионеров с каждым годом становились все сильнее, а ЮВА постепенно превращалась в пеструю мозаику колоний и протекторатов европейских держав.

² В перевод Н. И. Конрада на русский язык внесены уточнения; в оригинале «故上兵伐謀，其次伐交，其次伐兵，其下攻城».

Для вьетнамских чиновников, получавших подарки миссионеров, это была «выгодная» сделка, они не думали о том, что в ходе их попустительства в стране появится большая социальная группа, которая в будущем будет использоваться для дестабилизации ситуации. В данном случае речь идет уже о критической уязвимости, которая в перспективе вела к угрозе обрушения всей системы. А в то же самое время миссионеры проводили индоктринацию местного населения, имплантируя ценности, несовместимые с традициями, получившими распространение на данной территории. Как совершенно справедливо отмечал С. Хантингтон, «компромиссы невозможны, когда споры касаются вопросов в области культуры» [13, р. 193]. И умышленно созданная миссионерами ситуация стала источником перманентного конфликта, который ослаблял страну и был умело использован колонизаторами для ее порабощения.

1. Технологии новейшего времени. Рост освободительного движения, несмотря на стабилизацию колониального режима, продолжал оставаться постоянно действующим фактором, который с каждым годом отнимал все больше ресурсов у колониального режима. В процессе колонизации католицизм был окончательно дискредитирован, что не позволяло эффективно использовать его в дальнейшем. Национально-освободительное движение активно развивалось, а установление рабочих контактов с советскими коммунистами вьетнамских патриотов говорило о том, что последние стали частью мирового коммунистического движения.

Французские спецслужбы осознали опасность «коммунистической угрозы» для Индокитая уже в 1924 г., когда во Франции вышла статья «Русская революция и колониальные народы», в которой Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) фактически объявил войну французскому колониализму, назвав его пиявкой, которая высасывает кровь из эксплуатируемых классов, и выступил с призывом «отрубить ей оба хоботка» [14, tr. 130]. Эти призывы были услышаны, а из начала подготовки будущих лидеров коммунистических режимов в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВе) и Международной ленинской школе (МЛШ) были сделаны далеко идущие практические выводы.

Раньше единственным вариантом надежного предотвращения освободительных движений считалось тотальное обращение местного населения в католицизм, но этот вариант исключался. Теперь же народным массам предлагались суррогатные культы, в которых

нашли сочетание элементы как католицизма, так и местных учений. К разработанным еще католическими миссионерами технологиям изменения религиозной идентичности, стабилизации религиозных сообществ и управляемой региональной дестабилизации был добавлен местный «наполнитель», который в отличие от католицизма уже не вызывал отторжения у традиционных структур. Так созданные французскими спецслужбами суррогатные локальные культы под видом «местных», «патриотических» религиозных сект на анти-французском идеологическом фронте стали успешно конкурировать с вьетнамскими коммунистами.

«Если раньше колониальные власти сражались с различными модификациями вьетнамского освободительного движения как с мифической гидрой, у которой на месте каждой отрубленной головы вырастало несколько новых, то теперь акцент был поставлен на формирование системы, которая бы предотвращала появление противника. Благодаря такой стратегии новые головы на месте отрубленных уже не вырастали. Более того, с помощью технологий социального конструирования французы создавали своих “лабораторных гидр” в виде религиозных сект. Последние, будучи имплантированы в ту же среду, обладали такими же способностями к восстановлению отрубленных голов, но в отличие от освободительного движения они получали всемерную поддержку колониальных властей и имели все возможности создания ощутимых проблем вьетнамским коммунистам. Это изобретение перевело процесс антиколониальной борьбы на уровень внутринационального межэтнического конфликта. Секты имели ярко выраженное локальное распространение, то есть не-офиты появлялись там, где было нужно колониальным властям, где велась систематическая пропаганда в совокупности с мерами экономического принуждения. Использование религиозного фактора позволяло скрыть суть происходящего в первую очередь от участников локальных конфликтов. Французские спецслужбы создали суррогатные религии, от которых в ужасе отреклись представители традиционных культов. На этом этапе произошло создание религиозных сект, а разжигание будущих локальных конфликтов между сектами и коммунистами в борьбе за лидерство уже было запланировано в тишине сайгонских кабинетов. В то время только колониальные власти признавали право на существование «новых религий», а также легитимность их административных структур в регионах, что делало их не только естественным, но и единственным союзником религиозных сект» [6, с. 394–395].

Создание каодаизма является творческим развитием и продолжением традиционной колониальной стратегии католизации колоний. Не случайно коллега реальных создателей каодаистской церкви, капитан французской военной разведки А. М. Савани написал такие слова под изображением каодаистской Священной Резиденции: «Le temple caodaïste de Tay Ninh... une temple polichrome, une église catholique habillée en pagode» («Каодаистский собор в Тэйнинне... собор полихромный, католическая церковь, одетая в пагоду») [15].

Кстати, в 30-е годы французские власти Индокитая в лице Управления политических дел и общей безопасности по запросу генерал-губернатора Индокитая провели собственное расследование появления каодаизма, в котором было отмечено, что «пока [каодаизм] лишь порождает нелепые пародии на уже существующие культы» [16, р. 3–5]. В том же документе отмечалось, что «каодаизм не является и никогда не был религией, тем более новой религией, превосходство которой должно стать всеобщим; его догмы ничтожны, его идолы из глины, его фальшивые культы всего лишь смесь азиатских верований и западной идеологии. Никакая потребность в вере, никакое человеческое беспокойство благородного порядка не предшествовала его образованию; дух наживы и высокомерия были единственными святынями, которым поклонялись промотеры этой религиозной фирмы, где выставка божеств служит вывеской и у которой не будет вероотступников потому, что никакая вера никогда не жидилась у ее адептов» [16, р. 103]³. Вот такой диагноз был поставлен «новой религии» французскими спецслужбами в рапорте на имя генерал-губернатора Индокитайского союза в 1934 г.

Согласно более поздним данным Отечественного фронта Вьетнама 1978 г., каодаизм был организован французской разведкой и властями Кохинхины [17, tr. 3]. В документе для служебного пользования «Приговор по делу о контрреволюционной деятельности некоторых реакционных элементов в руководящих кругах секты Као Дай (Тэйнинь)» [17; 18], называются имена реальных создателей каодаизма. Там прямо написано, что, «появление секты Као Дай — это подготовленный и осуществленный французскими колонизаторами процесс, которым непосредственно руководили французские разведчики Боннэ, Латапи и губернатор Кохинхины Ле Фоль» [17, tr. 3]. Обратим внимание на то, что это цитата из документа, не предназначенного для огласки.

³ Direction des affaires politiques et de la sûreté générale. Op. cit. P. 103.

Весьма показателен публичный ответ каодаистских священнослужителей на процитированный выше закрытый «Приговор». Каодаистское духовенство выступило с официальными разъяснениями по этому поводу из пятнадцати пунктов, в которых излагалась конфессиональная точка зрения. По мнению каодаистских священнослужителей, в данном письме содержатся исчерпывающие ответы на содержащиеся в «Приговоре» обвинения. Эти комментарии были составлены 3 мая 1983 г. и направлены председателю Национального собрания, председателю совета министров, председателю центрального комитета Отечественного фронта СРВ и председателю Тэининьского отделения Отечественного фронта Вьетнама. Вот какое «исчерпывающее» объяснение содержится в данном письме: «В 1925 г. несколько интеллигентов в Сайгоне собирались на спиритические сеансы со стучащими столами, служившие средством для общения с невидимым миром... Интеллигенция патриотической направленности стала использовать стучащий стол как средство общения с духами в качестве утешения, так появились красивые стихотворные произведения между миром форм и миром отсутствия форм. Среди духов был один ААА, который пользовался наибольшим уважением. По случаю празднования рождества в 1925 г. дух ААА представился великим бодхисатвой Као Дай (Cao Đài Tiên Ông Đại Bồ Tát Ma Ha Tát). Именно отсюда возник каодаизм» [19]. Таким образом каждый интересующийся проблемой происхождения каодаизма исследователь может сам выбрать наиболее реалистичный аргумент о появлении этой секты: вмешательство потусторонних духов или французской военной разведки.

В качестве противовеса патриотическому движению сначала в 1926 г. была создана религиозная секта Као Дай, а в 1939 г. появилась вторая секта — «Буддизм Хоа Хао». К концу Второй мировой войны у этих сект уже в ходе взаимодействия с оккупантами появились серьезные вооруженные отряды, которые на словах выступали за независимость Вьетнама, но при возвращении французских войск секты быстро вернулись под крыло некогда породивших их сил.

На этой прочной основе французские спецслужбы создали систему управления конфликтом [6, с. 20], которая в наиболее развитом виде существовала в Южном Вьетнаме в период с 1948 по 1955 г. Ее основными структурными элементами стали религиозные секты Као Дай и Хоа Хао, а также криминальная организация Бинь Сюен. Основной задачей этой системы являлась нейтрализация активной военной и политической деятельности патриотических сил руками

вооруженных отрядов религиозных сект. Эта система перевела конфликт в режим управляемого локального конфликта, что существенно подорвало позиции патриотических сил в Южном Вьетнаме.

В результате франко-американского конфликта 1954–1955 гг. США взяли курс на установление проамериканского режима во главе с Нго Динь Зьемом и ликвидацию созданной французами системы управления конфликтом, основные элементы которой по команде Второго отделения выступили против американского ставленника. После дезинтеграции системы колониального управления посредством религиозных сект США стали использовать технологии католизации, от которых французские спецслужбы отказались еще в начале XX века. Вашингтон таким образом пытался с помощью укрепления позиций католической церкви поставить идеологический заслон на пути распространения коммунизма в ЮВА. В период существования режима Нго Динь Зьема (1954–1963) США усиленно проводили политику религиозной дискриминации и католизации Южного Вьетнама, основным инструментом которой стали находившийся у власти католический клан родственников Нго Динь Зьема и политическая партия Кан Лао.

Приведя к власти в 1955 г. Нго Динь Зьема, США полностью разрушили созданную французскими колонизаторами систему, лишив религиозные секты Као Дай и Хоа Хао их автономий и вооруженных отрядов. Именно это обстоятельство и послужило основной причиной восстановления баз национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме во второй половине 1950-х гг. США в своей практике вернулись к устаревшим технологиям католизации, которые в силу своей низкой эффективности были отброшены французскими спецслужбами. США, демонтировав систему управления конфликтом, вернулись к конфигурации, которая была до создания религиозных сект, что вынудило их самостоятельно сражаться с вьетнамскими коммунистами. Преследовавшие их неудачи они пытались решить, встав на путь ввода американских войск и эскалации военных действий.

В ответ на грубую политику дискриминации и католизации, которую проводил американский ставленник Нго Динь Зьем, в Южном Вьетнаме стала нарастать оппозиция режиму, что привело в 1963 г. к «буддийскому кризису», в результате которого произошел военный переворот и ликвидация Нго Динь Зьема. Однако смена номинальных политических лидеров не могла изменить структуру конфликта. После дезинтеграции французской системы управления

конфликтом и ликвидации автономий и вооруженных сил религиозных сект ранее занятые ими стратегически важные регионы вокруг Сайгона оказались под контролем патриотических сил. Южно-вьетнамский режим оказался в окружении реальных освобожденных районов. При этом американские ставленники быстро теряли социальную базу, в то время как патриотические силы ее постоянно расширяли. В итоге произошло существенное изменение конфигурации конфликта. Произошел переход к неуправляемой модели конфликта, что привело к постепенной дестабилизации марионеточного режима, необходимости ввода сухопутных войск США и их поражению во Второй Индокитайской войне (1965–1975), которое стало неизбежным следствием дезинтеграции системы управления конфликтом в 1955 г.

Целенаправленная деятельность католических миссионеров, желавших полной католизации страны, привела к тому, что Вьетнам под воздействием миссионеров, а затем и колониальных институтов постепенно превращался, по терминологии С. Хантингтона, сначала в «расколотую», а затем и в «разорванную» страну. Согласно определению авторитетного американского политолога, «в расколотой стране... большие группы принадлежат к различным цивилизациям» [13, с.206]. Именно такая ситуация и начала складываться во Вьетнаме в новое время. Буддисты принадлежали к традиционной дальневосточной цивилизации, а крещеные вьетнамцы были в духовном плане ориентированы уже на западно-европейскую. «В расколотой стране, — полагает С. Хантингтон, — основные группы из двух или более цивилизаций словно заявляют: “Мы различные народы и принадлежим к различным местам”. Силы отталкивания раскалывают их на части и их притягивают к цивилизационным магнитам других обществ» [13, с.209]. Такая конфигурация создает благоприятные условия для раскачки внутривнутриполитической ситуации внешними силами. Именно поэтому вьетнамские католики не только с нетерпением ждали французского колониального вторжения, но с оружием в руках воевали плечом к плечу с французами против королевской армии и проводили зачистки на оккупированных территориях. Так в результате воздействия миссионеров Вьетнам в культурном плане стал постепенно превращаться в расколотую страну.

Позднее под воздействием уже неоколониальных институтов во главе Республики Вьетнам американцы поставили представителей местного католического меньшинства, которые предприняли очередную жестокую попытку силовой католизации Южного Вьетнама,

что стало важным симптомом превращения этой страны уже в разорванную. «Разорванная страна, — отмечает С. Хантингтон, — имеет у себя одну господствующую культуру, которая соотносит ее с одной основной цивилизацией, но ее лидеры стремятся к другой цивилизации» [13, с. 209]. Все именно так и было при южновьетнамских режимах. В то время как французы внедрились во властные группировки полностью подконтрольных им католиков или сектантов, американцы напрямую ставили у власти только католиков, которые проводили политику религиозной дискриминации и пытались обратить буддийское население в католицизм. Так все «президенты» Республики Вьетнам были представителями именно этого меньшинства. «Профранцузские» сектанты у американцев не пользовались доверием. Только чудом вьетнамским коммунистам после освобождения Южного Вьетнама в 1975 г. удалось вновь «сшить» страну в единое целое, при этом были грамотно использованы положения идеологии Хо Ши Мина.

Пример южновьетнамских политиков от Нго Динь Зьема до Нгуен Ван Тхьеу, которые пытались обратить в католицизм Южный Вьетнам, лишний раз подтверждает идею американского политолога С. Хантингтона: «Политических лидеров, которые надменно считают, что могут кардинально перековать культуру своих стран, неизбежно ждет провал. Им удастся заимствовать элементы западной культуры, но они не смогут вечно подавлять или навсегда удалить основные элементы своей местной культуры. И наоборот, если западный вирус проник в другое общество, его очень трудно убить. Вирус живучий, но не смертельный: пациент выживает, но полностью не излечивается. Политические лидеры могут творить историю, но не могут избежать истории. Они порождают разорванные страны, но не могут сотворить западные страны. Они могут заразить страну шизофренией культуры, которая надолго останется ее определяющей характеристикой» [13, с. 237].

В случае Вьетнама идеология Хо Ши Мина представляется единственным лекарством, которое на базе здорового национализма и построения гражданской идентичности может примирить доставшиеся от колониальных времен противоречия и если не вылечить, то существенно ослабить симптомы шизофрении культуры. Президент Хо Ши Мин призывал к асимметричному ответу политике колонизаторов: «Французы имеют танки, пушки, мы разрушаем дороги. Французы имеют самолеты, мы копаем бомбоубежища. Враг атакует нас днем, мы атакуем ночью. Он проводит тотальную операцию, мы воюем по-партизански. Он на небе, мы на земле. Он ведет

молниеносную войну, мы затяжную. Он сеет рознь между буддистами и католиками, между северянами и южанами, мы осуществляем сплочение. Поэтому мы обязательно победим, враг обязательно потерпит поражение» [21, tr. 402–403].

Сайгонские режимы, при которых проводилась антinationальная политика, направленная на разжигание национальной и религиозной розни, могли существовать только на иностранных штыках. Религиозные меньшинства в целом сыграли неприглядную роль в истории Вьетнама, поскольку они достаточно эффективно использовались французами и американцами в борьбе против национально-освободительного движения. Хо Ши Мин предложил другую модель — сплочение, другой моральный императив, который стал альтернативой колониальной парадигме «дилемма заключенного», в рамках которой существовали марионеточные режимы и подконтрольные иностранным миссионерам этнические и религиозные меньшинства.

2. Религиозная политика среди этнических меньшинств. Во времена колонизации основные усилия миссионеров были направлены на обращение в католицизм представителей этнического большинства (вьетов), однако по мере расширения театра военных действий стали предприниматься попытки обращения и этнических меньшинств, большая часть которых проживает в горах северной и центральной частей страны. По мере повышения стратегической значимости горных регионов, там в скором времени появились офицеры западных спецслужб и миссионеры.

Использование горцев против вьетов началось еще во второй половине XIX в., когда французские военные ловко использовали межэтнические противоречия. Известный французский исследователь Жан Шено так охарактеризовал ситуацию: «Вековые распри между вьетнамцами и племенами тхай, мыонг, тхи и другими привели к тому, что сопротивление было политически скомпрометировано там, где в военном отношении для него имелись наиболее благоприятные условия, то есть в Верхнем районе. Следует напомнить, что Хам Нги⁴ был выдан (французским колониальным властям. — *Авт.*) мыонгами» [9, с. 161].

⁴ Хам Нги — император династии Нгуен, который поддержал регента Тон Тхат Тхуета и выступил с антифранцузским воззванием, призвал народ подняться на борьбу за освобождение Вьетнама, за что был смещен с престола в 1885 г., скрывался с повстанцами и партизанами в предгорьях, был выдан колонизаторам мыонгами в 1888 г. На момент выдачи ему исполнилось 17 лет.

Французское командование создавало из горцев вооруженные подразделения, которые использовались для проведения зачисток в населенных вьетами регионах. «В 1892 г. Полковник Сервьер приступил к организации батальонов из племен тхо, которые он использовал в районе дельты. Галлиени продолжил эту политику. Политические меры, — заявлял он, — имеют гораздо большее значение... они заключаются в проведении “расовой политики”... всякое объединение индивидов — раса, народ, племя или семья — представляют собой совокупность общих и *противоположных* интересов... имеют место также проявления ненависти и соперничества, из которых нужно уметь извлекать для себя пользу...» [9, с. 161–162].

Благодаря стратегии «разделяй и властвуй» французским колонизаторам удалось в конце XIX в. сбить накал освободительной борьбы во Вьетнаме.

После Второй мировой войны французы вывели на новый уровень технологии по разжиганию национальной розни. Горцам предлагалось создать квазигосударственные образования под эгидой французов. Так появилась «Автономная федерация Тхай». В эти же годы началось активное использование горцев в военных действиях против вьетнамских коммунистов. В период Индокитайских войн под контролем французских и американских спецслужб в горных регионах Вьетнама были предприняты попытки создать из местных жителей локальный противовес национально-освободительному движению, которое предполагалось расколоть по линии этнических и конфессиональных конфликтов.

Периодизация этапов использования горцев восточного Индокитая в политических целях внешних сил выглядит следующим образом.

Нулевой цикл. Попытки использовать в антивьетнамской борьбе уже готовые структуры, то есть пакты с вождями племен, подкуп полевых командиров и использование уже готовых вооруженных формирований для карательных операций против вьетов. В целях дополнительной мотивации родоплеменной верхушке обещались автономии и поддержка «независимости» полугосударственных образований под французской эгидой.

Следующие этапы уже связаны с технологическими инновациями, которые предусматривали более или менее существенное преобразование имеющейся в наличии инфраструктуры (создание военизированных формирований нового типа, формирование «освободительных» движений или религиозных организаций) для решения

тактических, стратегических и геополитических задач иностранных кураторов.

Первый этап связан с проводившейся французской военной разведкой «Операцией Х». Во время Первой Индокитайской войны (1945–1954) капитан Роже Транкье предложил план организации из горцев нерегулярных частей, создание которых, однако, требовало регулярных денежных поступлений. После спецподготовки на французских военных базах из горцев формировали мобильные группы, которые перерезали вьетнамские коммуникации.

Второй этап связан с проектом БАЖАРАКА, который реализовывался ЦРУ в 60-х годах прошлого века. Название БАЖАРАКА (BAJARAKA) составлено из первых слогов названий наиболее крупных племен центрального нагорья бана, жарай, раглай, кахо (*bana, jarai, raglai, kaho*). На этой основе была предпринята попытка организации объединенных вооруженных сил горцев, которые бы под американским командованием воевали против коммунистов.

Особого внимания заслуживает опыт офицера австралийской разведки Барри Петерсена, который получил прозвище Австралийского Лоуренса. Способного австралийского офицера ЦРУ направило в отдаленный горный район Вьетнама для организации антикоммунистических партизанских отрядов. Вскоре Петерсен создал свой персональный культ среди горцев и наемную армию «Тигровые силы», состоявшую в период расцвета из 1200 бойцов, которые называли его именем легендарного полубога Дам Сам [22]. Эта эпопея продолжалась с 1963 по 1965 г. Однако Барри Петерсен мог работать только при условии внешнего финансирования со стороны ЦРУ, на чем во многом и строился его персональный культ. Как позднее вспоминал сам Петерсен: «Все, что ЦРУ нужно было сделать в моем отношении, так это перекрыть мне финансирование, которое в конце миссии составляло 50 тыс. долларов в месяц — после этого я не мог функционировать»⁵. После того как «Живого Бога» отозвали кураторы из ЦРУ, горцы лишились объекта поклонения, перестали нападать на коммуникации Вьет Конга и вернулись к своим прежним верованиям.

Третий этап 1964–1993 гг. связан с деятельностью Объединенного фронта освобождения угнетенных народов, который получил известность под акронимом ФУЛРО (*FULRO* — фр. *Front Unifié de Lutte des Races Opprimées* (англ. *United Struggle Front for the Oppressed*

⁵ Lawrence of the Highlands. The Sun Herald (Sydney, Australia). Apr. 20, 2008.

Races)). Данное движение было образовано американскими спецслужбами в горных регионах Вьетнама в целях организации партизанской вооруженной борьбы на коммуникациях вьетнамских войск в 1964 г. После освобождения Южного Вьетнама отряды ФУЛРО продолжали подрывную деятельность. Затем руководители ФУЛРО были переправлены в США, где продолжили свою деятельность под прикрытием правозащитных лозунгов. С начала 1990-х годов отношения Вьетнама и США нормализовались, и американцы обязались прекратить поддержку сепаратистских формирований ФУЛРО. Ситуация в горах центрального Вьетнама стала улучшаться. В деятельности ФУЛРО на первый план выходил национализм, а религиозный фактор не играл особой роли.

3. Технологии в период Обновления. Четвертый этап — «свобода вероисповедания» и протестантизация горцев. В начале 1990-х годов в США была образована организация Фонд горцев (*The Montagnard Foundation Inc*), а вместо инструкторов по диверсионной подготовке в горах появились протестантские миссионеры, которые в течение нескольких лет обратили в протестантизм национальные меньшинства — говорящие на различных языках народы (бана, мнонги, кохо (кахо), стиенги, джарай, раде), которые и составляли в свое время костяк таких движений, как БАЖАРАКА и ФУЛРО. Во многих публикациях они объединяются в одно «национальное меньшинство» под общим термином «христиане-монтаньяры» от фр. *montagnard* (горец) или народы дегар (*degar*). В данном случае разрозненные горные племена, населяющие центральное нагорье Вьетнама, говорят преимущественно на языках мон-кхмерской (бана, мнонги, кохо, стиенги) и малайско-полинезийской (джарай, раде) языковых групп. В течение 1990-х годов они были обращены в протестантизм и объединены общей религиозной идеологией.

По сведениям вьетнамского исследователя Чан Хонг Лиен, «протестантские миссионеры... заставляли этнических кхмеров, проживающих в провинции Сокчанг, сжигать статуи Будды, уничтожать алтари поклонения предкам... и только после этого они получали право на обряд крещения» [22, tr.101]. Данные факты напоминают печально известную методику стабилизации католических общин, которая применялась во Вьетнаме европейскими миссионерами еще в XVII в. В те времена Вьетнам впервые стал ареной локальных конфликтов на религиозной основе. Тогда неофитов также отправляли «оскорблять идолов», что, как и следовало ожидать, вызывало конфликты между новоиспеченными католиками и остальным

местным населением. При умелом руководстве со стороны европейских миссионеров такие конфликты предотвращали индигенизацию (возвращение неофитов в исходное состояние «язычества») и распад религиозных общин, что происходило после высылки иностранных миссионеров за деструктивную деятельность.

Самопровозглашенное государство Дегар⁶ претендует на территории горной части юго-востока Лаоса, северо-востока Камбоджи, а также требует отделения от СРВ 14 провинций в центральном Вьетнаме от Куангчи до Биньтхуана с четырьмя провинциями в центре, населенными преимущественно горцами и создания на этой территории государства «христиан-монтаньяров».

Следует отметить, что в данном случае технология создания инфраструктуры этноконфессионального конфликта и ее информационного прикрытия имеет много общего с предыдущими проектами по внедрению и использованию католицизма и религиозных сект.

Официальная позиция властей СРВ состоит в том, эти проекты создания Королевства Монгов⁷ под эгидой «Протестантства Вангты»⁸ на Северо-Западе Вьетнама, а также проект самопровозглашенного Государства Дегар в Центральном Нагорье под прикрытием идеологии «Протестантства Дегар» представляют собой политическую деятельность, которая посягает на национальную независимость, суверенитет и территориальную целостность Социалистической Республики Вьетнам.

В наши дни религиозный фактор вновь начинает играть все более активную роль в геополитических процессах в ЮВА. В настоящее время под воздействием радикальных экстремистских группировок в южной части ЮВА формируется исламистская дуга, которая усиливает конфессиональную фрагментацию региона. С юга Мьянмы, через Таиланд, Индонезию и Малайзию до южных регионов Филиппин простирается дуга прибрежных, островных и полуостровных регионов с преимущественно мусульманским населением. Местные радикалы приняли активное участие в боевых действиях на Ближнем Востоке на стороне запрещенного в РФ террористического образования под названием Исламское Государство (ИГ). В среде местных радикальных группировок активно обсуждается идея основать будущую столицу ИГ в провинции Патани (Таиланд), штате Саравак

⁶ Дегар — дети гор.

⁷ Королевство Монгов или Хмонгов.

⁸ *Vàng Chử* — «Властелин Неба» одна из протестантских производных во Вьетнаме.

(Малайзия) или на о. Минданао (Филиппины). В данном контексте страны ЮВА приступили к обсуждению создания на континенте в качестве противовеса альтернативного проекта буддийской конфедерации Суварнабхуми (*Suwarnabhumi*) «Золотая земля».

Указанные выше процессы представляют собой существенную угрозу стабильности политических режимов и религиозно-политической ситуации как для всего региона ЮВА, так и для Вьетнама.

Литература

1. Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии / Э. О. Берзин; отв. ред. Г. И. Левинсон. М.: Наука, 1966. 324 с.
2. Кондрашов В. В. Всё о гипнозе. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 384 с.
3. Rhodes de A. Cathéchismus. Pro ils, qui volunt suscipere Baptismum in octo dies divisus. Phép giảng tám ngày. Cho kẻ muốn chịu phép rửa tội mà vào đạo thánh Đức Chúa Trời. Rome: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1651.
4. Rhodes de A. The Travels and Missions of Father Alexander de Rhodes in China and Other Kingdoms of the Orient / Translated by Solange Hertz. Westminster, Md.: The Newman Press, 1966. 245 p.
5. Dufourcq É. Les aventurières de Dieu. Paris: Perrin, 2009. 784 p.
6. Колотов В. Н. Технологии использования религиозного фактора в управляемых локальных конфликтах: Южный Вьетнам в период колонизации и индо-китайских войн (вторая четверть XVII — третья четверть XX вв.). СПб.: NP-Print, 2013. 684 с.
7. Bùi Kha. Tuyển tập Alexandre de Rhodes, Trần Lục, Trương Vĩnh Ký, Ngô Đình Diệm. California, Giao Điểm, 2004. Tr. 57.
8. Tuck P. French Catholic Missionaries and the politics of Imperialism in Vietnam, 1857–1914. A documentary survey. Liverpool, Liverpool University Press, 1987. 352 p.
9. Шено Ж. Очерки истории вьетнамского народа. М.: Иностранная литература, 1957. 344 с.
10. Сунь-Цзы. Искусство войны (孫子兵法). <http://www.thetao.info/artofwar.thetao.info/china/chinatext.htm>.
11. Сунь-цзы. Искусство войны / пер. Н. И. Конрад // Искусство войны: Антология военной мысли. СПб.: Амфора, 2009. 542 с.
12. Louvet E. Vie de Mgr. Puginier. Hanoi: F.-H. Schneider, 1894. 602 p.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003. 603 с.
14. Hồ Chí Minh. Toàn tập. Vol. 2. Hà Nội: Sự thật, 2011. 648 p.
15. Savani A. M. Visages et images du Sud du Vietnam. Saigon: Imprimerie francDi-rection des affaires politiques et de la sûreté générale. Le Cao daïsme (1926–1934). Contribution à l'histoire des mouvements politiques de l'Indochine française. Documents, vol. VII, Hanoi, 1934. 112 p.
16. Bản án hoạt động phản cách mạng của một số tên phản động trong giới cầm đầu giáo phái Cao Đài Tây Ninh. Tây Ninh: NXB Hoàng Lê Kha, 1978. 15 p.

17. Колотов В. Н. «Приговор по делу контрреволюционной деятельности некоторых реакционных элементов в руководящих кругах секты Као Дай» как новый источник по мирской истории каодаизма // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. XXI. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. С. 77–93.
18. Bản cải án Cao Đài. <http://archive.is/mau5>.
19. Колотов В. Н. Институт «новых религий» как инструмент управления конфликтом // *Международные процессы*. 2004. № 3 (6). С. 96–105.
20. Song Thành (chủ biên). Hồ Chí Minh — Tiểu sử. Hà Nội: NXB Lý luận chính trị, 2006. Tập 8. Tr. 130.
21. Trần Hồng Liên. Vấn đề tôn giáo trong cộng đồng Khmer và Hoa ở Sóc Trăng // *Vấn đề dân tộc và tôn giáo ở Sóc Trăng*. NXB Khoa Học xã hội. HCM, 2002. 228 p.

Контактная информация:

Колотов Владимир Николаевич — д-р ист. наук, проф.; v.kolotov@spbu.ru

Technologies of using the religious factor in Vietnam: features of the political history of the main religious groups from the beginning of the 17 century to the present time

Vladimir N. Kolotov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kolotov V.N. Technologies of using the religious factor in Vietnam: features of the political history of the main religious groups from the beginning of the 17 century to the present time. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 347–369. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.24> (In Russian)

This article is devoted to the technologies for creating religious communities, provoking conflicts between different religious groups and using local controlled conflicts for geopolitical purposes. Immersion of political contradictions in the cultural and religious environment allows skillfully concealing the interests of the forces that stand behind the conflicts they provoked.

Keywords: Religious Factor, Controlled Conflicts, Clash of Civilizations, Cultural Schizophrenia.

References

1. Berzin Je. O. *Catholic Church in Southeast Asia*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 324 p. (In Russian)
2. Kondrashov V.V. *All about hypnosis*. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 1998. 384 p. (In Russian)

3. Rhodes de A. *Cathechismus. Pro ils, qui volunt suscipere Baptismum in octo dies divisus. Phép giảng tám ngày. Cho kẻ muốn chịu phép rửa tội mà vào đạo thánh Đức Chúa Trời.* Rome: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1651.
4. Rhodes de A. *The Travels and Missions of Father Alexander de Rhodes in China and Other Kingdoms of the Orient.* Transl. by Solange Hertz. Westminster, Madrid, The Newman Press, 1966. 245 p.
5. Dufourcq É. *Les aventurières de Dieu.* Paris, Perrin, 2009. 784 p.
6. Kolotov V. N. *The Technologies of Using Religious Factor in Local Controlled Conflicts: South Vietnam during the Period of Colonization and Indochinese Wars (the second quarter of the 17th — the third quarter of the 20th century).* St. Petersburg, NP-Print, 2013. 683 p. (In Russian)
7. Bùi Kha. *Tuyển tập Alexandre de Rhodes, Trần Lục, Trương Vĩnh Ký, Ngô Đình Diệm.* California, Giao Điểm, 2004, tr. 57.
8. Tuck P. *French Catholic Missionaries and the politics of Imperialism in Vietnam, 1857–1914. A documentary survey.* Liverpool, Liverpool University Press, 1987. 352 p.
9. Chesneaux J. *Essays on the History of the Vietnamese People.* Rus. Ed. Moscow, Inostrannaya Literatura, 1957. 344 p. (In Russian)
10. 孫子兵法. <http://www.thetao.info/artofwar.thetao.info/china/chinatext.htm>. (In Chinese)
11. Sun-Tzu. *The Art of War.* Rus. Ed. Ed. by N. I. Konrad. The Art of War: Anthology of Military Thought. St. Petersburg, Amfora Publ., 2009. 542 p. (In Russian)
12. Louvet E. *Vie de Mgr. Puginier.* Hanoi, F.-H. Schneider, 1894. 602 p.
13. Hantington S. *The Clash of Civilizations.* Rus. Ed. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (In Russian)
14. Hồ Chí Minh. *Toàn tập*, vol. 2, Hà Nội, Sự thật, 2011. 648 p.
15. Savani A. M. *Visages et images du Sud du Vietnam.* Saigon, Imprimerie francDi-
rection des affaires politiques et de la sûreté générale. Le Cao daisme (1926–1934).
Contribution à l'histoire des mouvements politiques de l'Indochine française. Do-
cuments, vol. VII, Hanoi, 1934. 112 p.
16. Bản án hoạt động phản cách mạng của một số tên phản động trong giới cầm đầu
giáo phái Cao Đài Tây Ninh. Tây Ninh: NXB Hoàng Lê Kha, 1978. 15 p.
17. Kolotov V. N. “The Verdict in the Case of Counter-Revolutionary Activities of Some
Reactionary Elements in the Leadership of the Sect Cao Dai” as the New Source
for Secular History of Cao daism. *Istoriografija i istochnikovedenie istorii stran Azii i
Afriki*, iss. XXI, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2004, pp. 77–93.
(In Russian)
18. Bản cải án Cao Đài. <http://archive.is/mau5>.
19. Kolotov V. N. Conflict Management by French Intelligence. *Mezhdunarodnye pro-
cessy*, 2004, no. 3 (6), pp. 96–105. (In Russian)
20. Song Thành (chủ biên). Hồ Chí Minh — Tiểu sử. Hà Nội: NXB Lý luận chính trị,
2006, tập 8, tr. 130.
21. Trần Hồng Liên. Vấn đề tôn giáo trong cộng đồng Khmer và Hoa ở Sóc Trăng. Vấn
đề dân tộc và tôn giáo ở Sóc Trăng. NXB Khoa Học xã hội. HCM, 2002. 228 p.

Author's information:

Vladimir N. Kolotov — Dr. Sci. in History, Professor; v.kolotov@spbu.ru

УДК 327.8 + 339

Перспективы взаимодействия Евразийского экономического союза и Великого шелкового пути

Ю. В. Косов, *А. В. Николаенко**, *С. Н. Погодин*, *Ли Цзинчэн***

**Северо-Западный институт управления РАНХиГС,*

Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр., 57/43

***Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29*

Для цитирования: Косов Ю. В., Николаенко А. В., Погодин С. Н., Ли Цзинчэн. Перспективы взаимодействия Евразийского экономического союза и Великого шелкового пути // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 370–381. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.25>

В статье рассматривается историческое развитие отношений и современное состояние взаимодействия стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Анализируются перспективы экономической интеграции России, Китая, Казахстана, Белоруссии, Армении и Кыргызстана. Отмечается, что Евразийская интеграция становится более продуктивной и взаимовыгодной с участием Китая. Заключение торгово-экономического соглашения между КНР и ЕАЭС существенно укрепляет международную субъектность Евразийского экономического союза. В перспективе результатом сопряжения ЕАЭС и ЭПШП может стать появление новой модели регионализма.

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути, Морской шелковый путь XXI в., Евразийский экономический союз, интеграция, транспортная инфраструктура, международное экономическое сотрудничество, евразийство.

Глобализация связана с интеграционными процессами и возникновением мировых центров силы регионального характера. Интенсивная международная экономическая интеграция — особенность сегодняшнего мирового порядка. На политической карте мира не осталось государств, не охваченных положительными и отрицательными эффектами региональной экономической интеграции. За три десятилетия после завершения холодной войны количество межгосударственных объединений, выдвигающих интеграционные задачи в политике, экономике, социально-культурной и идентичностной

сферах, возросло вдвое. К середине 2010-х годов общее число интеграционных группировок превысило количество государств [1, с. 39]. Инициативы объединительного типа не только затронули все континенты, но и содействовали оформлению по существу новых регионов [1, с. 40] (Большой Восточной Азии [2], Малой Евразии [3]).

Этимологически понятие «экономическая интеграция» является унификацией экономических политик стран для снижения или упразднения торговых тарифов и продвижения деловых потоков в интеграционном регионе.

Попытки в целом определить интеграцию предпринимались в рамках различных концепций. Самые ранние этапы экономической интеграции оказались под влиянием концепции Я. Тинбергена (Tinbergen). По мнению голландского экономиста, «интеграция может быть охарактеризована как создание наиболее желательной структуры мировой экономики, устраняя искусственные препятствия для оптимального функционирования и внесения, особенно, всех желательных элементов координации или унификации» [4, р. 95]. Далее господствующей стала теория профессора Белы Балаши (Balassa). Экономическая интеграция имеет четыре стадии развития: «зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и полная экономическая интеграция» [5, р. 2].

Для российской науки о международных отношениях «учет всей палитры возможных моделей интеграционного взаимодействия приобретает дополнительные оттенки политического смысла в свете усилий, которые предпринимает Россия с целью структурирования межгосударственных связей на постсоветском пространстве, в котором она готова выступить в качестве интеграционного ядра» [1, с. 41].

Образование Содружества Независимых Государств (СНГ) 8 декабря 1991 г. создало благоприятные условия для интеграции между странами бывшего Советского Союза. Новые независимые государства подписали двусторонние и многосторонние договоры, стимулирующие процессы интеграции на постсоветском пространстве. Однако современная система международных отношений, сложившаяся после распада Советского Союза, и последовавшее за этим исчезновение системы биполярного мира по-прежнему носит неустойчивый характер, поскольку ведущим геополитическим игрокам так и не удалось выработать единые правила «новой игры» [6, с. 213–214].

Новым основанием для выстраивания международного сотрудничества на постсоветском пространстве является организация региональной экономической интеграции с участием Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики — Евразийский экономический союз (ЕАЭС). ЕАЭС представляет объединение, которое имеет хорошие перспективы развития и роста на геополитической арене, обладает высоким экономическим и энергетическим потенциалом. Оно было создано на основе договора 2015 г. Союз выступает за обеспечение «четырёх свобод движений» — товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Он также действует в качестве координатора согласованной и единой политики в ключевых секторах экономики стран-участников. Руководящими органами являются Высший Евразийский экономический совет, Межправительственный экономический совет, комиссия, Суд [7, с. 107–113]¹.

Союз является совокупностью предыдущих стадий экономической интеграции, включающей: Содружество Независимых Государств, Евразийское экономическое сообщество, Единую таможенную территорию и Таможенный союз. Весь опыт евразийской экономической интеграции закреплён Договором о Евразийском экономическом союзе, подписанным в 2014 г.²

Тридцатилетний путь постсоветских государств к полноценному экономическому союзу лежит через сложности перехода от плановой к рыночной форме экономики, от декларирования независимости — к полноценному суверенитету и политической самоидентификации. Суть основных положений современной евразийской интеграции: равноправное сотрудничество; уважение национального суверенитета, обеспечение реального равенства разных по масштабам государств; кооперация с ближайшими соседями с использованием накопленного опыта и налаженных исторических связей между государствами; интеграция — это прежде всего развитие экономических связей.

Вопреки основным положениям позитивной интеграции, согласно теории Я. Тинбергена, о синхронизированных темпах и циклах деловой активности, сопоставимых темпах роста, гибкости в приня-

¹ 40 вопросов о Евразийском экономическом союзе. <http://mfa.gov.by/upload/EAEU-rus-broshura.doc>.

² Евразийский экономический союз. <http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/e0e5d8b02b2fd7fc.html>.

тии совместных рисков, Россия занимает особое положение в региональном экономическом сотрудничестве. Однако процессы постсоветской интеграции развиваются в рамках глобального контекста и представляют собой составную часть мировой регионализации, поэтому уже более 40 государств изъявили желание в той или иной форме сотрудничать с ЕАЭС.

Предложение о возможности сопряжения китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и ЕАЭС дало надежду на создание сбалансированной региональной интеграции. Проект «Один пояс — один путь» — самый протяженный сухопутный экономический пояс, охватывающий почти весь евразийский материк, — является открытым для всех стран, региональных и международных организаций.

Вдоль Шелкового пути расположено несколько региональных организаций, в том числе ЕАЭС. Россия, являясь важным игроком в проекте, по сути, формирует ЕАЭС. Китайские интересы в определенной степени совпадают с интересами России. Правильное построение отношений с интеграционными организациями несет в себе решающее значение для осуществления китайской стратегии «Один пояс, один путь». Китай готов вместе с другими странами активно работать над развитием инициативы, задействуя разнообразные форматы сотрудничества. «Инициатива по совместному строительству “одного пояса, одного пути” нацелена на содействие свободному, упорядоченному движению экономических факторов, эффективное распределение ресурсов и углубление рыночной интеграции, на поощрение координации экономической политики стран вдоль маршрутов “одного пояса, одного пути”, расширение и углубление регионального сотрудничества, на формирование совместными усилиями открытой, инклюзивной и сбалансированной архитектуры регионального сотрудничества, в рамках подобной архитектуры партнерства все получают пользу и возможности устойчивого развития» [8, с. 36].

Председатель КНР Си Цзиньпин во время официального государственного визита в Казахстан в сентябре 2013 г. выступил с речью об общей концепции ЭПШП³. В октябре 2013 г. в парламенте

³ 习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲（全文. Полный текст выступления Си Цзиньпина в Назарбаев-Университете. http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/08/c_117273079.htm.

Индонезии Си Цзиньпин расширил концепцию Экономического пояса на основе Шелкового пути, предложив Морской шелковый путь XXI в. Комбинация двух понятий представляет единую инициативу «Один пояс — один путь»⁴. Цель международной инициативы Китая — совершенствовать существующие и создавать новые транспортные и экономические коридоры, торговые пути, связывающие почти 70 стран. Проект призван объединить страны, которые обладают 55 % мирового ВВП, суммарное население которых — свыше 3,5 млрд человек, страны имеют 75 % разведанных энергоресурсов.

С 2013 г. Китай инвестировал в экономику стран вдоль пояса и пути 50 млрд долл. Более ста стран и международных организаций присоединились к данной инициативе, около 180 тыс. мест было создано китайскими предприятиями в странах — участниках проекта.

Намерение России и Китая о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП было подтверждено совместным заявлением во время встречи лидеров двух стран в мае 2015 г. Члены ЕАЭС и Китай в рамках ЭПШП могут сотрудничать в обновлении транспортной инфраструктуры, в области строительства, энергетики, добычи ресурсов и высоких технологий. Уже через два года руководители 30 стран мира приняли в Пекине итоговое коммюнике Первого международного экономического форума «Один пояс — один путь». В опубликованном документе обозначена совместная оценка текущей ситуации в мире, заявлены цели, принципы и конкретные меры дальнейшего сотрудничества, а также представлено видение совместного будущего в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Главы государств отметили необходимость проявления уважения к принципам и резолюциям Совета Безопасности ООН, нормам внутреннего законодательства, территориальной целостности и суверенитета государств-партнеров, а также планирования и реализации проектов сотрудничества исключительно путем консультаций и переговоров.

В рамках Астанинского экономического форума 17 мая 2018 г. было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Был сделан первый шаг в направлении институционализации достигнутых между лидерами России и Китая

⁴ 习近平在印度尼西亚国会的演讲（全文）. Полный текст выступления Си Цзиньпина в парламенте Индонезии. http://www.gov.cn/ldhd/2013-10/03/content_2500118.htm.

договоренностей о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП. Хотя члены Евразийского союза были не готовы к снятию тарифных барьеров и открытию рынков для китайских товаров и услуг.

«Один пояс — один путь» предполагает полномасштабную перестройку логистической сети и транспортных путей Евразии, включая обновление морских маршрутов в Индийском океане (Морской шелковый путь, «Нить жемчуга») осуществление транспортно-логистических проектов в Юго-Восточной Азии, в Монголии, российском Приморском крае и даже развитие Северного морского пути. К развитию Северного морского пути сейчас пристальное внимание и у руководства Российской Федерации, которое намерено модернизировать существующую инфраструктуру и построить новые порты.

Предполагается три основных маршрута ЭПШП: Северный — из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); Центральный — из Китая через Центральную Азию и Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю; Южный — из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану. Важнейшим проектом является строительство экономического коридора из Китая в страны Центральной Азии, а затем в Россию и Западную Европу. Данные транспортные артерии должны соединить канал для доставки нефти и газа из Турции, Ирана и стран Аравийского полуострова. Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан также являются частью глобального пути. Коридор Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма должен соединить Южную Азию и Китай и будет представлять скоростную автомагистраль между Китаем и Индией, чтобы обеспечить доступ Китая к рынкам Юго-Восточной Азии и создание новых промышленных зон, даст новые рабочие места, улучшит транспортную инфраструктуру на региональном и глобальном уровнях. Часть трудоемких производств постепенно планируется переместить из Китая в страны Юго-Восточной Азии с целью сокращения производственных издержек и улучшения экологической ситуации в самом Китае.

Инвестиции, которые направят в Россию, Казахстан и Беларусь, позволят улучшить транспортную инфраструктуру, особенно это относится к проекту «Новый евразийский сухопутный мост». Данный коридор будет представлять собой высокоскоростную железнодорожную магистраль через Россию, Казахстан, Беларусь, Польшу, Германию, соединив Китай с Западной Европой. Одним из этапов

запуска ряда проектов станут переговоры с таможенными органами стран-участниц для облегчения процедуры и стоимости очистки грузов. Создание зоны свободной торговли от северо-западных провинций Поднебесной до Центральной и Восточной Европы является перспективным планом Китая со странами, входящими в ЭПШП. Безусловно, китайское руководство рассматривает данные проекты как мегарынок, обладающий, соответственно, мегапотенциалом.

Эксперты отмечают, что масштабный проект «Один пояс — один путь», то есть сопряжение проектов «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века», является серьезным сигналом в первую очередь для США, где вместо участия в совместных проектах с другими странами со стороны руководства все чаще раздаются призывы к протекционизму, возведению торговых барьеров и стен на границах.

Совместное строительство проекта «Один пояс — один путь» отвечает идеалам многополярного мира, экономической глобализации, культурному многообразию, поддерживает дух многостороннего сотрудничества открытого типа, способствует сохранению системы свободной торговли и открытости экономики. Цель совместного строительства состоит в том, чтобы эффективно распределять ресурсы и содействовать глубокой интеграции рынков, активизировать экономическую политику в странах и районах, находящихся вдоль проекта «Один пояс — один путь», развивать масштабное, высокоуровневое региональное сотрудничество, совместно создавать открытые и выгодные рынки.

Несмотря на положительные стороны сопряжения проектов, существует ряд сложностей: нежелание ряда стран переходить на стадию формирования зоны свободной торговли. На саммите ЕАЭС в Ереване 1 октября 2019 г. было подписано Соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Сингапуром. Это только третье соглашение за весь период работы организации. Первое соглашение о ЗСТ ЕАЭС подписал с Вьетнамом 29 мая 2015 г. [9, с. 74–90]. Соглашение сразу имело формат ЗСТ+, при котором «оговариваются не только правила беспопылинной торговли, но и другие форматы взаимодействия. Так, одновременно с этим документом вступили в силу двусторонние российско-вьетнамский и белорусско-вьетнамский межправительственные протоколы о поддержке производства автомобильных средств на территории Вьетнама. Они установили преференциальный режим реализации инвестиционных проектов по промышлен-

ной сборке белорусской и российской автотехники в стране»⁵. Второе соглашение было подписано в мае 2018 г. с Ираном. Несмотря на то что ЕАЭС ведет целенаправленную работу по подписанию соглашений по ЗСТ с заинтересованными странами, соглашение с Китаем до сих пор не подписано. По мнению заведующей сектором Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук Е. М. Кузьминой, «сопряжение ЕАЭС и китайского проекта “Один пояс — один путь”, наряду с выстраиванием диалога по линии ЕС — ЕАЭС — два основных партнерских трека развития российского проекта “Большая Евразия”. Но несмотря на важность для взаимодействия, проект зоны свободной торговли ЕАЭС — КНР по-прежнему экономически не проработан. Необходимо пройти путь не только по выстраиванию четких организационно-правовых механизмов, но и по выработке единой позиции у всех государств — участников ЕАЭС» [10, с. 164–165]. Не меняется и экономическая повестка Шанхайской организации сотрудничества, а в эту структуру входят основные страны, также участвующие в процессе сопряжения Шелкового пути.

Инвестиционное сотрудничество ЕАЭС с Китаем представляет собой в основном китайское участие. По большей части это компании России и Казахстана. Китайские инвесторы заинтересованы в Киргизии. С остальными участниками ЕАЭС китайский бизнес взаимодействует через российские компании.

Особую роль в данном процессе отводят финансовым институтам, например Фонду Шелкового пути, Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Банку развития БРИКС.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, современный мир вступает в период глобальной перестройки системы мировой торговли и инвестиционной системы. Данная перестройка связана с реализацией мегапроектов в области развития транспортно-логистических и инвестиционных систем.

Во-вторых, реализация проектов ЭПШП и «Морской шелковый путь XXI века» потребует координации национальных стратегий развития входящих в них стран. В настоящее время на первый план выступает тренд инвестирования и аккумулирования значитель-

⁵ Кузьмина Е. М. Зона свободной торговли с ЕАЭС // Официальный сайт Российского совета по международным делам (РСМД), 24 октября 2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zony-svobodnoy-torgovli-s-eaes/>

ных финансовых ресурсов в сфере инфраструктурного строительства. Развитая инфраструктура, включающая как национальные, так и международные (с многосторонним участием) транспортно-логистические системы позволит создать принципиально новые условия для развития мировой торговли.

В-третьих, важным дополнением к инвестиционным и инфраструктурным проектам для перехода мировой торговли в качественно новое состояние является процесс упрощения процедур в области международной торговли и инвестиций. Данное упрощение будет способствовать улучшению делового климата и созданию глобальной экономической системы открытого типа.

В-четвертых, сохраняется значительное влияние проектов на внутривластную обстановку в странах-участниках. Большой импульс к развитию получают регионы. В ходе реализации инфраструктурных программ создаются новые рабочие места, единый механизм транспортной координации и мультимодальных перевозок, увеличивается число морских маршрутов, укрепляется сотрудничество по информатизации в области морской логистики.

Таким образом, выдвинутая Си Цзиньпином инициатива ЭПШП (расширенная до мегапроекта «Один пояс — один путь», включившего субпроект «Морской шелковый путь XXI века») может иметь беспрецедентный трансформирующий эффект в масштабе всего евразийского континента. По мнению Д. В. Ефременко, «экономическое сближение между государствами Евразии, гармонизация различных интеграционных проектов способны дать мощный импульс развитию экономик целого ряда стран и — в конечном счете — сформировать новые источники в мировой экономике» [17, с. 32].

Литература

1. Байков А. А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки. Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 4. С. 38–53.
2. Воскресенский А. Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: КомКнига, 2006. 128 с.
3. Шаклеина Т. А. Феномен и параметры великодержавности в мировой политике в XXI веке. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 283–298.
4. Tinbergen J. International Economic Integration. Elsevier. 1954. 191 p.
5. Balassa B. The Theory of Economic Integration (Routledge Revivals). Routledge, 2013. 318 p.

6. Немчинова Т.С., Музалёв А.А., Говоркова А. Взаимодействие ключевых геополитических игроков в Центральной Азии: конкурентный выбор или историческая данность // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. гос. ун-та, 2016. Вып. 8. С. 213–224.
7. Трещеников Е.Ю. Евразийская интеграционная модель: характеристики и перспективы // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2015. Т. 6, № 1 (18). С. 107–113.
8. Косов Ю.В., Шматко А.Д. Исследование китайского проекта создания Экономического пояса Шелкового пути // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 1 (19). С. 35–39.
9. Федоров Н.В. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 74–90.
10. Немчинова Т.С. Международный Круглый стол «Публичная дипломатия на Евразийском пространстве». Сравнительная политика. 2018. № 9 (1). С. 164–166.
11. Погодин С.Н. Перспективы стратегического партнерства России и Китая // Актуальные проблемы современной политической науки: сб. науч. трудов. Вып. 10 / под. ред. проф. И.Е. Тимерманиса. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2010. С. 186–193.
12. Погодин С.Н. Из истории создания свободной экономической зоны // Россия в глобальном мире. 2011. № 1 (21). С. 28–34.
13. 2015年俄罗斯货物贸易及中俄双边贸易概况. Краткое введение в торговлю России и Китая 2015 г. http://countryreport.mofcom.gov.cn/record/view110209.asp?news_id=48260.
14. 胡晶. 丝绸之路经济带与欧亚经济联盟对接合作的经济学思考. 《学术交流》2016年第3期104–109. 共6页. 徐Ц. Экономическое мышление сотрудничества по сопряжению «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза // Академический обмен. 2016. № 3. С. 104–109.
15. Погодин С.Н., Чжоу Цзюнь. Великий шелковый путь и развитие экспортного потенциала регионов // Евразийская интеграция: экономика, право. Международный научно-аналитический журнал. 2016. № 1 (19). С. 88–92.
16. 林斌, 梦茹. 丝绸之路经济带建设对中国外经贸发展的影响研究. 《全国商情》2016年第11期34–35. 共2页. Линь Б., Мэн Ж. Изучение влияния строительства «Экономического пояса Шелкового пути» на развитие китайской внешней торговли. // Торговые ведомости. 2016. № 11. С. 34–35.
17. Ефременко Д.В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. С. 29–41.

Контактная информация:

Косов Юрий Васильевич — д-р филос. наук, проф.

Николаенко Анастасия Валентиновна — канд. полит. наук, доц.; nikolaenko-av@szii.ranepa.ru

Погодин Сергей Николаевич — д-р ист. наук, проф.; pogodin56@mail.ru
Ли Цзинчэн — аспирант; lijcs@yandex.ru

The state and prospects of cooperation between the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt

Yurij V. Kosov, Anastasiya V. Nikolaenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
57/43, Sredny Prospekt, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation

Sergej N. Pogodin, Li Jingcheng

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg,
29, Polytechnicheskaya, St. Petersburg, 195251, Russian Federation

For citation: Kosov Yu. V., Nikolaenko A. V., Pogodin S. N., Li Jingcheng. The state and prospects of cooperation between the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 370–381. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.25> (In Russian)

The article discusses the current state of cooperation between the Eurasian economic Union and the silk road. Analyzes the prospects of economic integration of Russia, China, Kazakhstan, Belarus, Armenia and Kyrgyzstan. Discusses the historical development of relations between the two countries. It is noted that Eurasian economic integration is a more productive and mutually beneficial with China.

Keywords: Silk Road Economic Belt, Maritime Silk Road of the XXI century, Eurasian Economic Union, integration, transport infrastructure, international economic cooperation, Eurasianism

References

1. Baykov A. A. Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory and Methodology of Comparison. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 38–53. (In Russian)
2. Voskresenskij A. D. “Greater East Asia”: *World Politics and Energy Security*. Moscow, KomKniga Publ., 128 p. (In Russian)
3. Shakleina T. A. Phenomenon and Parameters of Great Power in the World Politics of the 21st century. Shakleina T. A., Baykov A. A. (eds.). *Megatrends: The main trajectories of evolution and world order in the 21st century*. Moscow, Aspekt Press. 283–298. (In Russian)
4. Tinbergen J. *International Economic Integration*. Elsevier. 1954. 191 p.
5. Balassa B. *The Theory of Economic Integration (Routledge Revivals)*. Routledge, 2013. 318 p.

6. Nemchinova T. S., Muzalev A. A., Govorkova A. Interaction of the Key Geopolitical Players in Central Asia: the Competitive Selection or Historical Reality? *Aktual'nye problemy mirovoi politiki v XXI veke*, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2016, pp. 213–224. (In Russian)
7. Treshchikov E. Yu. Eurasian Integration Model: Characteristics and Prospects. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANXiGS*, 2015, vol. 6, no. 1 (18)/ Pp. 107–113. (In Russian).
8. Kosov Yu. V., Shmatko A. D. Research of the Chinese Project of Creation the Silk Road Economic Belt. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika*, 2016, no. 1 (19), pp. 35–39. (In Russian)
9. Fedorov N. V. The Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam as a Factor of Russian-Vietnamese Relations, *Comparative Politics Russia*, 2018, no. 1, pp. 74–90. (In Russian)
10. Nemchinova T. S. International Roundtable «Public Diplomacy in Eurasia», *Comparative Politics Russia*, 2018, no. 9 (1). Pp. 164–166. (In Russian)
11. Pogodin S. N. Prospects for Strategic Partnership between Russia and China. *Aktual'nye problemy sovremennoj politicheskoi nauki: sb. nauch. trudov*. Vyp. 10. Ed. by I. E. Timermanisa, St-Petersburg. Politexn. un-t Press, 2010, pp. 186–193.
12. Pogodin S. N. From the History of the Free Economic Zone. *Rossiya v global'nom mire*, 2011, no. 1 (21), pp. 28–34.
13. 2015年俄罗斯货物贸易及中俄双边贸易概况. A Brief Introduction to Russia-China Trade 2015. http://countryreport.mofcom.gov.cn/record/view110209.asp?news_id=48260. (In Chinese)
14. 胡晶. 丝绸之路经济带与欧亚经济联盟对接合作的经济学思考. 《学术交流》2016年第3期104–109. 共6页. Ху Ц. Economic thinking of cooperation to connect the “Silk Road Economic Belt” and the Eurasian Economic Union. *Akademičeskij obmen*, 2016, no. 3, pp. 104–109. (In Chinese)
15. Pogodin S. N., Chzhou Czzyun'. The Great Silk Road and the Development of the Export Potential of the Regions. *Evrazijskaya integraciya: e'konomika, pravo*, 2016, no. 1 (19), pp. 88–92.
16. 林斌, 梦茹. 丝绸之路经济带建设对中国外经贸发展的影响研究. 《全国商情》2016年第11期34–35. 共2页. Линь Б., Мэн Ж. Study of the impact of the construction of the “Silk Road Economic Belt” on the development of Chinese foreign trade. *Torgovyve vedomosti*, 2016, no. 11, pp. 34–35. (In Chinese)
17. Efremenko D. V. Conjugation of China's Silk Road Economic Belt Initiative and the Eurasian Economic Union Integration Project in the Context of Contemporary World Order Transformations. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, 2018, vol. 23, pp. 29–41. (In Russian)

Author's information:

Yurij V. Kosov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor;

Anastasiya V. Nikolaenko — PhD Sci. in Politology, Associate Professor; nikolaenko-av@szu.ru

Sergej N. Pogodin — Dr. Sci. in History, Professor; pogodin56@mail.ru

Li Jingcheng — Graduate student; lij@yandex.ru

УДК 327+338.48

Российско-китайское сотрудничество в туристских проектах как мирополитический фактор

А. С. Матвеевская

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Матвеевская А. С. Российско-китайское сотрудничество в туристских проектах как мирополитический фактор // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 382–393.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.26>

Мировая политика рассматривает международный туризм как средство развития дипломатического, культурного, экономического и социального взаимодействия. Отмечается роль туристской сферы в формировании имиджа и престижа страны. Политика государства должна быть ориентирована на извлечение максимальной выгоды из международного туристского сотрудничества. Значимость международного туризма в политическом дискурсе подчеркивается участием России и Китая в международных туристских проектах, которые служат источником культурного, социального и экономического развития.

Ключевые слова: мировая политика, международный туризм, российско-китайские туристские проекты.

Значимым фактором развития мировой политики в XXI в. выступает международный туризм. Интернационализация социально-экономических отношений определяется расширением международных туристских потоков и увеличением общего количества путешествий. Так, данные Всемирной туристской организации, приведенные за 2016 г., оценивают вклад туризма в мировую экономику в 7,6 трлн долл., что превышает 10 % глобального ВВП. В мире (данные за 2017 г.) насчитывается 1,2 млрд путешественников. Исторически туристские поездки совершались в основном между северными странами планеты, сегодня активно развивающимися рынками становятся страны Африки, Ближнего Востока и Азии. Исследование Всемирного экономического форума подтверждает тот факт, что в ближайшее десятилетие предполагается значительное увеличение въездного туристского потока в такие страны как Китай,

Таиланд, Индия, Оман, Уганда, Мьянма, Мозамбик, Ангола, Бруней и Вьетнам¹.

Ежегодно проводимое исследование Всемирного экономического форума (ВЭФ) дает оценку конкурентоспособности 136 стран мира в сфере туризма. Анализ исторического и культурного наследия, оценка развития транспорта и экономики, характеристика существующей медицины и мобильной связи положены в основу рейтинга государств, принимающих туристов. В 2017 г. первые места заняли Испания, Франция, Германия, Япония, Великобритания, Австралия, Италия, Канада и Швейцария. На 15-м месте расположилась Китайская Народная Республика (КНР). Мексика (22-е место) — лидер среди латиноамериканских стран, среди стран Ближнего Востока — Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) (29-е место), Южно-Африканская Республика (ЮАР) (53-е) первенствует на африканском континенте. Замыкают рейтинговый список Мавритания, Демократическая Республика Конго, Бурунди, Чад и Йемен. Россия в рейтинге конкурентоспособности в сфере туризма ВЭФ по совокупности оценки всех показателей в 2017 г. находилась на 43-м месте, занимая положение между Турцией (44-е место) и Индонезией (42-я позиция рейтинга). Среди стран бывшего СССР Россия заняла второе место после Эстонии (37-е место), на третьем месте Латвия (54-е место), на четвертом — Литва (56-е место), на пятом — Грузия (70-е место), на шестом — Азербайджан (71-е место), на седьмом — Казахстан (81-е место), на восьмом — Украина (88-е место), на девятом — Таджикистан (107-е место), на десятом — Киргизия (115-е место)².

На развитие туризма в Российской Федерации влияют как родственно-дружеские связи, так и развивающиеся дипломатические, научно-технические, образовательные и другие формы взаимодействия российских и иностранных граждан. География международных туристских потоков расширяется. В таблице указаны страны, из которых направляется наибольший поток туристов в Россию. Наиболее интенсивный международный обмен наблюдается у России с Казахстаном и Украиной. Так, в 2016 г. Казахстан посетило 2,9 млн человек из России, Абхазию — 4,3 млн человек, Украину — 1,8 млн человек. В дальнем зарубежье самыми популярными направ-

¹ Всемирная туристская организация (UNWTO) // Официальный сайт. <http://unwto.org/ru>

² Всемирный экономический форум // Официальный сайт. <http://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/40340>.

лениями для российских туристов являются Финляндия (2,9 млн человек), Китай (1,7 млн человек), Эстония (1,5 млн человек), Польша (1,1 млн человек), Германия (1 млн человек), Таиланд (866 тыс. человек), Кипр (812 тыс. человек), Турция (797 тыс. человек), Испания (789 тыс. человек), Греция (782 тыс. человек), Италия (71 тыс. человек). Франция занимает лишь 16-е место (393 тыс. человек), США — 26-е (225 тыс. человек), Япония — 40-е (47 тыс. человек)³. В общей сложности россияне совершают поездки более чем в 160 стран мира.

Таблица. Количество поездок в Российскую Федерацию зарубежных граждан в 2016 г.

№	Страна выезда	Количество прибывших (чел.)	№	Страна выезда	Количество прибывших (чел.)
1	Украина	8 млн 569 тыс.	15	Киргизия	397 тыс.
2	Казахстан	3 млн 564 тыс.	16	Латвия	289 тыс.
3	Финляндия	1 млн 319 тыс.	17	США	239 тыс.
4	Китай	1 млн 289 тыс.	18	Италия	192 тыс.
5	Польша	1 млн 17 тыс.	19	Израиль	179 тыс.
6	Азербайджан	898 тыс.	20	Великобритания	177 тыс.
7	Узбекистан	596 тыс.	21	Франция	177 тыс.
8	Армения	596 тыс.	22	Республика Корея	161 тыс.
9	Германия	566 тыс.	23	Южная Осетия	111 тыс.
10	Монголия	522 тыс.	24	Испания	109 тыс.
11	Эстония	414 тыс.	25	Япония	84 тыс.
12	Абхазия	410 тыс.	26	Грузия	65 тыс.
13	Таджикистан	410 тыс.	27	Туркмения	8 тыс.
14	Республика Молдова	409 тыс.			

Составлено автором по данным Федерального агентства по туризму. <https://www.russiatourism.ru>

³ Федеральное агентство по туризму РФ. <https://www.russiatourism.ru>.

Зарубежные туристы помимо Москвы и Санкт-Петербурга традиционно направляются в приграничные регионы (за счет однодневных посещений), в Приморский и Краснодарский края, Московскую, Ленинградскую и Калининградскую области. В эти регионы иностранные туристы приезжают на более длительный срок. Основная масса путешественников, приезжающих в Россию, направляется в Центральный федеральный округ (центр Москва) и Северо-Западный федеральный округ (центр Санкт-Петербург). Более половины из них организуют въезд индивидуально (без оформления тура) и предпочитают останавливаться в гостинице на срок от 8 до 14 дней. За 2016 г. в Россию из стран зарубежья приехали 24 млн 551 тыс. человек⁴.

КНР начиная с 2014 г. становится мировым лидером выездного туризма (за год более 110 млн человек из Китая отправляются за рубеж, а годовые траты туристов превышают 170 млрд долл.). В 2015 г. КНР стала лидером среди стран по въездному туризму в Россию [1, с. 34–35].

Благодаря переходу к рыночной экономике в Китае сформировался средний класс (предприниматели, акционеры, менеджеры-управленцы и др.), который может позволить тратить значительные суммы на образование, культуру, развлечения, туризм. Примерно 40 % туристов путешествуют вместе с семьей. Основными потребителями туристских услуг является экономически активное население среднего возраста от 30 до 50 лет (примерно 30 %). 20 % — студенты, приезжающие на каникулы, 15 % — пенсионеры. Туристская активность граждан Китая имеет неравномерный характер. Длительных отпусков в КНР нет. Из-за опасения потерять рабочее место граждане предпочитают путешествовать во время государственных праздников, особенно в дни «длинных праздников»: День образования Республики с 1 по 7 октября, День Труда с 1 по 5 мая, китайский Новый год. Обычно продолжительность тура составляет от 3 до 7 дней [2, с. 120–124].

На рост числа посещений китайскими гражданами России оказало влияние подписание в феврале 2000 г. правительствами обеих стран соглашения о безвизовых групповых туристских поездках, согласно которому не требуется оформление виз в составе организо-

⁴ Федеральное агентство по туризму РФ // Официальный сайт. <https://www.russiatourism.ru>.

ванной группы от 5 до 50 человек. Срок безвизового пребывания не должен превышать 15 календарных дней⁵.

В России активно развивается адаптация сервиса для гостей из Китая. При поддержке и инициативе туристской ассоциации «Мир без границ» с 2014 г. осуществляется масштабная программа China Friendly. Это крупный проект, с одной стороны, нацелен на создание комфортной среды пребывания туристов из Китая, с другой — направлен на продвижение турпродукта страны на международном рынке. Основная цель проекта — увеличение туристского потока из КНР. Участниками проекта могут стать средства размещения, туристские компании, объекты показа, рестораны, торговые центры. Так, на сегодняшний день сертификат программы China Friendly получили отели, рестораны, музеи и магазины в 16 регионах страны⁶.

Отмечается значительный рост прибытий в Россию туристов из Китая (за 2017 г он увеличился на 24%)⁷. Аппетитны для китайских путешественников сибирские и арктические туристские дестинации [3, с. 397–399]. Наибольший интерес вызывают Санкт-Петербург и Москва. Вырос приток туристов из КНР и в приграничные зоны Забайкалья, Приморский край и Амурскую область. Здесь особо популярны шопинг-туры. С 2014 г. из-за введения санкций курс рубля стал падать, соответственно, покупательский спрос китайцев вырос за два года почти на 20 %.

В Россию из КНР едет «турист бюджетный», который экономит на всем, особенно на экскурсионной программе. При этом китайские туристы тратят на покупки сувениров более 25 % от стоимости тура (это в два раза больше, чем туристы из Европы). Популярными товарами становятся изделия, выполненные по традиционной русской народной ремесленной технологии, предметы из янтаря, особенно активно приобретаются сувениры с символикой Санкт-Петербурга

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках (заключено в г. Москве 29.02.2000 (ред. 17.11.2006)). http://legalacts.ru/doc/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-rossiiskoi-federatsii-i-pravitelstvom-kitaiskoi-narodnoi_4.

⁶ China Friendly // Официальный сайт. <http://www.chinafriendly.ru>.

⁷ Турпоток из Китая в Россию за 9 месяцев 2017 г. вырос на 24 % // Интерфакс. Туризм от 01.11.2017. <https://www.russiatourism.ru/contents/press-sluzhba/vystupleniya-doklady-i-intervyu/turpotok-iz-kitaya-v-rossiyu-za-9-mesyatsev-2017-goda-vyros-na-24/>.

и СССР. В 2015 г. китайцы потратили около 950 тыс. долл. США на зарубежные покупки и стали первыми в рейтинге самых щедрых туристов в мире. Их стиль потребления назвали «безумные покупатели». В исследовании покупательского поведения «Euromonitor» был сделан вывод, что китайцы приобретают в основном брендовые товары. Это обусловлено тем, что с 2008 г. число людей, относящихся к среднему классу, достигло 75 млн человек. Прогнозы к 2025 г. предполагают, что число таких людей будет составлять более 500 млн человек. Шопинг-туры популярны у китайского населения⁸.

Программы туров, связанные со столетием Октябрьской революции, самые востребованные у туристов из КНР. В 2017 г. отмечались юбилеи Февральской буржуазно-демократической революции и Октябрьской социалистической революции. Они привлекли внимание потенциальных туристов разных стран мира. Поездки в Россию, определенные интересами путешествующих к истории революционных событий, принято относить к категории «красного туризма». Данный термин работники туристической индустрии применяют для обозначения историко-культурных познавательных туристских программ, основанных на интересе иностранцев к России как первой стране социализма. При этом используют культурные ресурсы революционной эпохи, военной тематики, социалистической жизни. Популярна «красная» туристская тематика и у приезжающих из Японии и Кореи.

«Красный маршрут» — федеральный проект, который позволяет путешественникам посетить Петербург (город свершения социалистической революции), Ульяновск (родину В. Ульянова), Казань (где прошла университетская юность будущего «вождя мирового пролетариата»), а также Москву (где работал, умер и похоронен выдающийся деятель мировой истории XX в.). «Базовый маршрут» (Москва — Ульяновск — Казань — Санкт-Петербург) проходит в течение 8 дней и 7 ночей. Среди действующих маршрутов летнего сезона — путешествие с трехдневным туром по Волге [1, с. 34–35].

В рамках IV Международной конференции «Евразийский вызов» (ноябрь 2017 г., Санкт-Петербург) участники обсудили вопросы развития международного туризма по Великому шелковому пути — одному из самых известных и развиваемых проектов в Евразии. Про-

⁸ Интерфакс. Туризм // Официальный сайт. <http://tourism.interfax.ru/ru/news/articles>.

ектируемые туристские программы основываются на воссоздании маршрутов вдоль системы караванных торговых путей, соединявших страны Евразии в период со II в. до н.э. по XV в. Маршруты Шелкового пути проходят по двум основным трассам. Первая, Южная, — от северного Китая через Среднюю Азию на Ближний Восток и Северную Индию. Вторая, Северная, — от Китая к Памиру, далее в Приаралье, к Нижней Волге и бассейну Черного моря. Полагаем, что развитие подобных проектов может заинтересовать такие страны, как КНР, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан, Казахстан, Турция, Италия.

Программой предусматривается создание стоянок в местах культурных памятников и уникальных ландшафтов, организация системы специальных туристско-этнографических комплексов, восстановление и создание новых баз по изготовлению юрт, кочевнических передвижных средств, убранства и другой бытовой утвари, возрождение национальной кухни, одежды, традиций и ритуалов, организация школ и мастерских народного творчества, подготовка кадров в данной сфере туристского обслуживания, развитие подсобных хозяйств, конезаводов и другое.

В пределах современной России маршруты Шелкового пути затрагивают лишь Северо-Прикаспийский район. Хотя и здесь имеются разработки новых программ, в том числе одобренные комитетом по импортозамещению, например, с посещением Астрахани, сел Евпраксино, Алтынжар, Козлово, Маково и др. Не отказывая России в праве участия в разработке международного проекта «Великий шелковый путь», приходится признать, что создание новых туристских программ по данному направлению не имеет значительных перспектив.

Иначе может сложиться судьба другого международного проекта в сфере туристской индустрии — «Великого чайного пути». Исторический Великий чайный путь в XVI–XIX вв. соединял Азию и Европу, проходя по территории Китая, Монголии и России. Вместе с чаем по нему перевозили и многие другие товары. Протяженность главного сухопутного пути из Москвы до Пекина составляла в среднем (с учетом продвижения по разным участкам) около 8,5 тыс. верст. Путь начинался в китайском городе Ухань и расходился на множество дорог, волоков, речных путей — маршруты пролегли через 150 городов, главными были Пекин, Урга (Улан-Батор), Маймачен (Алтан-Булаг), Троицкосавск (Кяхта), Верхнеудинск (Улан-

Удэ), Слюдянка, Иркутск, Красноярск, Омск, Тюмень, Екатеринбург, Кунгур, Ирбит, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Москва, Санкт-Петербург. Существовали водно-сухопутные и водные трассы. Движение торговых караванов в одну сторону занимало один год.

С 2017 г. спроектированы и реализуются программы по туристскому маршруту «Великий чайный путь» (протяженность 3 тыс. км). Проект обслуживает поезд «Звезда Евразии». Путешествие осуществляется по Транссибирской магистрали. Туристам предлагается проехать по железной дороге из Китая до Уральских гор. Главные потенциальные участники тура — туристы из КНР. Информационный тур был организован весной 2017 г. Маршрут прошел через шесть крупнейших городов Сибири и Урала (Чита, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Екатеринбург) [4].

10 марта 2017 г. в Москве на Российско-Китайском туристском форуме экспертами отмечался выход взаимоотношений двух стран на новый уровень. Участники подчеркивали важность разработки стратегии развития российско-китайского туризма. Сопредседатель Российско-китайского комитета дружбы, мира, развития Б. Титов акцентировал внимание на перспективах организации «новых» видов туризма: винном и экзотическом «климатическом туризме» в Якутию, куда могут привлечь крайне низкие температуры⁹.

Генеральный директор *Gold Palm Group* Пан Хао Бао привел статистику популярных направлений для туристов из Китая за 2016 г. Россия вошла в десятку лидирующих стран, однако заняла всего лишь 9-е место (менее 1,5 млн туристов за год). Первыми в списке оказались: Таиланд (8,8 млн человек), Корея (около 8 млн), Япония (6 млн), США (3,1 млн), Сингапур (3 млн), Вьетнам (2,9 млн), Малайзия (2 млн) и Индонезия (1,5 млн), десятое место досталось Германии (1,4 млн)¹⁰.

В июне-июле 2018 г. Россия принимала чемпионат мира по футболу ФИФА. Этому событию было уделено особое внимание на Российско-Китайском форуме. Туристская ассоциация «Мир без границ» совместно с *Shankai Sports International* подписали соглашение о привлечении болельщиков из Китая. Официальный дистрибьютор

⁹ V Российско-Китайский туристический форум // Официальный сайт. <http://forum-tourism.com>.

¹⁰ V Российско-Китайский туристический форум // Официальный сайт. <http://forum-tourism.com>.

билетов на чемпионат мира — 2018 *Shankai Sports International* обладал исключительным правом продажи билетов китайским болельщикам. Согласно заключенному соглашению, компания рекомендовала средства размещения, сервис которых подготовлен специально для китайских туристов¹¹.

Россия располагает большим потенциалом для приема отечественных и иностранных путешественников. Для этого у нее есть все необходимое: огромная территория, обеспечивающая разнообразное сочетание туристских условий, богатое историческое и культурное наследие, а в отдельных регионах — девственная природа. Въездной туризм в Россию развивается, хотя темпы развития пока недостаточны. Конкурентным преимуществом России следует признать разноплановость ее ресурсов, природные и культурно-исторические контрасты. Географическое разнообразие страны, богатство культуры, архитектуры и этнических традиций делают ее важнейшим перспективным регионом туристской аттракции. Здесь возможно развитие как культурно-познавательного, так и природоориентированного видов туризма [5].

На долю въезжающих в Россию туристов приходится примерно 1 % мирового потока — крайне низкий показатель, учитывая, что культурно-исторический и природный потенциал России гораздо выше многих стран с традиционно высокой туристской посещаемостью. Согласно прогнозу Всемирной туристской организации, являющейся специализированным учреждением Организации Объединенных Наций, Российская Федерация при соответствующем уровне развития инфраструктуры способна принимать в год до 40 млн иностранных туристов¹².

По мнению экспертов ВЭФ, наиболее сильные позиции в рейтинге Россия занимает по инфраструктуре воздушного транспорта (22-е место), количеству природных ресурсов (39-е место), культурных достопримечательностей (25-е место). По конкурентоспособности цен занимает 11-е место. По качеству туристской инфраструктуры (гостиницы, курорты, развлекательные заведения) — 116-е. Низко оценили эксперты открытость страны для международных путешественников (115-е место). Среди критериев, по которым оценивалась

¹¹ V Российско-Китайский туристический форум // Официальный сайт. <http://forum-tourism.com>.

¹² Интерфакс. Туризм // Официальный сайт. <http://tourism.interfax.ru/ru/news/articles>.

открытость, — визовые требования (120-е место). По заключенным двусторонним соглашениям о воздушном сообщении — 122-е. По приоритетности туризма для правительства — 95-е. В качестве отдельных критериев этой позиции эксперты ВЭФ оценивали государственные расходы на развитие туризма (84-е место) и эффективность маркетинга и брендинга в продвижении страны как туристского направления (81-е место). Усилия правительства по развитию сектора туризма эксперты ВЭФ также оценили низко (89-е место). Экологическая ситуация позволила России занять лишь 71-е место. Важными для оценки дальнейшего развития туризма в стране являются и следующие показатели: здоровье и гигиена (5-е место благодаря наличию большого количества врачей и больничных коек, а также отсутствию случаев заболевания малярией), доступ к медицинским услугам (94-е место), распространенность ВИЧ (106-е место), инвестиционный климат, защита прав собственности, легкость ведения бизнеса (105-е место), уровень безопасности, включая число убийств и террористическую угрозу (109-е место)¹³.

За последние полвека международный туризм стал неотъемлемой частью жизни людей и превратился в важную отрасль государственного сотрудничества. Международный туризм как стабильно развивающаяся часть экономики предполагает кооперацию между странами для разрешения межгосударственных проблем. Маршруты, совместно организованные Россией и КНР, способствуют развитию культурного туризма, вписывающегося в политику устойчивого развития стран и регионов. Успешное проведение дипломатических переговоров в рамках совместных туристских форумов, выставок и конференций, поддержание стабильности мирного существования мирового сообщества способствуют расширению туристской сферы, что положительно влияет на экономику и культуру России и Китая.

Литература

1. Ермакова Т.А., Погодина В.Л. Анализ условий развития «красного туризма» в Санкт-Петербурге // Сб. материалов V Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Географическая наука, туризм и образование: современные проблемы и перспективы развития», 1–22 апреля 2016 г., Новосибирск. С. 34–35.

¹³ The Travel and Tourism Competitiveness Report. <http://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/40340>.

2. Нарута Я. С., Зенкина Е. С. Анализ туристской мотивации китайских потребителей // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2015. № 25. С. 120–124.
3. География мира. В 3 т. Т. 3. Регионы и страны мира / отв. ред. Н. В. Каледин, Н. М. Михеева. М.: Юрайт, 2019. 428 с. С. 385–402.
4. Matveevskaya A., Pogodina V. Geography of tourism of the European part of Russia in «Geography of tourism of Central and Eastern Europe countries» ed. K. Widawski, J. Wyrzykowski. Second Edition Springer. Wroclaw: University of Wroclaw, Poland, 2017. 551 p.
5. Матвеевская А. С. Международный туризм и его роль в развитии межкультурных коммуникаций России // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 7 / под ред. В. С. Ягья, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. 568 с. С. 543–556.

Контактная информация:

Матвеевская Анна Сергеевна — канд. геогр. наук, ст. преп.;
a.matveevskaya@spbu.ru

Russian-Chinese cooperation in the tourism projects as factor of world politics

Anna S. Matveevskaya

St. Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Matveevskaya A. S. Russian-Chinese cooperation in the tourism projects as factor of world politics. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 382–393. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.26> (In Russian)

World politics considers international tourism as a means of promoting diplomatic, cultural, economic and social interaction. The role of tourism in country's image and prestige is noted. State policy should be oriented to maximize the benefits of international tourism cooperation. The importance of international tourism in political discourse emphasizes the participation of Russia and China in international tourism projects that serve as a source of cultural, social and economic development.

Keywords: world politics, international tourism, Russian-Chinese tourist projects.

References

1. Ermakova T. A., Pogodina V. L. Analysis of Conditions for the Development of “Red Tourism” in St. Petersburg. *Geograficheskaya nauka, turizm i obrazovanie: sovremen-*

- nye problemy i perspektivy razvitiia*: sb. st. V Vseross. nauch.-prakt. internet-konf., 1–22 April 2016 g., Novosibirsk, pp. 34–35. (In Russian)
2. Naruta Ia. S., Zenkina E. S. Analysis of Tourist Motivation of Chinese Consumers. *Strategiia ustoiichivogo razvitiia regionov Rossii*, 2015, no. 25, pp. 120–124. (In Russian)
 3. *Geography of the World*. In 3 vols. Vol. 3. Regions and Countries of the World. Ed. by. N. V. Kaledin, N. M. Miheeva. Moscow, Yurajt Publ., 2019. 428 p., pp. 385–402 (In Russian)
 4. Matveevskaya A., Pogodina V. Geography of Tourism of the European Part of Russia in «Geography of Tourism of Central and Eastern Europe Countries». Ed. K. Widawski, J. Wyrzykowski. Second Edition Springer. Wroclaw: University of Wroclaw Press, Poland, 2017. 551 p.
 5. Matveevskaya A. International Tourism and its Role in the Development of Intercultural Communications in Russia. *Aktualnye problemy mirovoi politiki v XXI veke*. Vyp. 7. Ed. by V. S. Yag'ya, T. S. Nemchinovoi. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2014. 568 p., pp. 543–556. (In Russian)

Author's information:

Anna S. Matveevskaya — PhD Sci. in Geography; a.matveevskaya@spbu.ru

АМЕРИКА

УДК 327+94

Российско-американские отношения: взгляд с высоты времени

Б. А. Ширяев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Ширяев Б. А. Российско-американские отношения: взгляд с высоты времени // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 394–404. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.27>

Автор рассматривает эволюцию российско-американских отношений за истекшие десятилетия и приходит к выводу, что по многим ключевым моментам позиции двух стран несовместимы, отношения являются потенциально конфликтными, а не партнерскими.

Ключевые слова: российско-американские отношения, противостояние, цивилизации, исторический опыт.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
С. А. Есенин

Несколько лет назад перед студентами Санкт-Петербургского государственного университета выступал Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и Российской Федерации Ю. М. Воронцов. В своем выступлении он высказал мысль, которая крайне озадачила автора статьи. Опытный дипломат сказал: «Россия и США никогда не будут ни союзниками, ни тем более друзьями» [1, с. 31–33]. Эти слова произнес человек, большая часть профессиональной деятельности которого была связана с США. Многие годы Воронцов являлся представителем СССР в Совете Безопасности ООН, затем послом Российской Федерации в Вашингтоне. Конечно, этот человек имел бесспорные основания высказывать такую точку зрения.

Для многих присутствовавших на выступлении Ю. М. Воронцова прозвучавшее мнение вызвало разной степени недоумение [2, с. 22–26; 3, с. 41–46]. И это понятно, так как все перестроечные годы и постсоветский период мы твердо верили в концепцию: Америка и Россия «обречены» на сотрудничество. Но затем последовали события, которые позволили взглянуть на российско-американские отношения как бы издалека, с высоты прошедших десятилетий. И на мнение автора данной статьи оказал влияние не только анализ предшествующего опыта, но и события последних лет: нападение на контингент российских миротворцев в Южной Осетии и особенно украинский кризис, поднявшие на Западе невиданные доселе волны русофобии. Мы можем сейчас сравнить себя с человеком, который поднялся на вершину самой высокой горы и получил возможность окинуть взглядом прошедший путь и увидеть основные очертания дороги впереди. И автор постепенно пришел к согласию с высказываниями Ю. М. Воронцова.

Если называть вещи своими именами, приходится признать, что многие годы мы гонялись за химерами партнерства и сотрудничества с Америкой. Уместно напомнить древнекитайскую мудрость: трудно найти в темной комнате черную кошку, тем более если ее там нет. Мы занимались поисками пресловутой черной кошки в российско-американских отношениях.

С окончания Второй мировой войны и до недавнего времени Россия в отношениях с Америкой руководствовалась достаточно зыбкими и надуманными постулатами.

Первое. Не оправдались ожидания на партнерство и сотрудничество, они во многом были результатом наивности и доверчивости, которые часто проявлялись во внешней политике российского государства в течение столетий. Так, в конце войны советское руководство надеялось на помощь США в деле восстановления разрушенной экономики СССР. Президент Ф. Рузвельт подпитывал эти ожидания. Однако пришедший на смену новый президент Г. Трумэн резко поменял отношение к бывшему союзнику. И здесь сыграл роль упоминавшийся феномен иллюзорных надежд. В конце войны советское руководство выдвинуло ряд вполне обоснованных требований, направленных на обеспечение безопасности западных рубежей страны. СССР настаивал на предоставлении ему военно-морских баз в Черноморских проливах, военно-морской базы в Датском проливе, закрывающем доступ в Балтийское море, жестко подходил

к Турции, которая не участвовала в войне, но была стратегической союзницей нацистской Германии, поставляла ей сырье, продовольствие, держала на южной границе СССР крупные воинские соединения. Советский Союз имел полное право де-факто утвердить присутствие на Черноморских проливах и настаивать на возвращении в состав Армении ее западных территорий, которые были переданы Турции по Брестскому договору.

Если Ф. Рузвельт был склонен учитывать озабоченность СССР, то его приемник Г. Трумэн занял жесткую отрицательную позицию. Не желая обострять отношения с союзником, в надежде на помощь в деле послевоенного восстановления Сталин отказался от выдвигавшихся ранее требований. Даже прагматичный и осторожный политик Сталин не избежал плена иллюзорных ожиданий от США. В итоге Советский Союз не получил того, что ему было крайне необходимо для безопасности, и взамен ожидаемой помощи получил холодную войну.

Это не единственный случай в истории отношений после Второй мировой войны. Н. С. Хрущев после визита в США в 1959 г. вернулся домой с твердым убеждением в том, что президент Д. Эйзенхауэр настроен мирно и Америка не хочет войны. Визит породил новые ожидания на партнерство. Чтобы подкрепить расположение к Америке и продемонстрировать миролюбивый характер СССР, Н. С. Хрущев начал совершенно непродуманные и необоснованные сокращения вооруженных сил СССР. Ожидалось, что Соединенные Штаты оценят эти действия. Но это была иллюзия. Америка не думала делать подобные ответные шаги. Обороноспособности Советского Союза был нанесен огромный ущерб, восстанавливать который пришлось ценой колоссальных усилий.

Вершиной несбыточных надежд и ожиданий на партнерство явились действия руководства страны в период перестройки в 1990-е годы Советский Союз, затем Российская Федерация, сдали стратегические позиции, ослабили положение страны на мировой арене, сделали крайне уязвимой ее безопасность. И делалось это в иллюзорном ожидании сотрудничества с Соединенными Штатами. Действия же США были направлены на создание однополярного мира и утверждение американской гегемонии [4, с. 206–213; 5, с. 158–162]. Не видеть этих действий было просто невозможно. Однако иллюзии не позволяли твердо с позиций жесткого прагматизма проанализировать сложившуюся ситуацию. Это хорошо известные сюжеты,

здесь нет необходимости и возможности подробно на них останавливаться.

Второе. Характерная черта начавшегося после Второй мировой войны противостояния: США постоянно и успешно навязывали Советскому Союзу игру по своим правилам. Нельзя было этого не заметить. США втянули Советский Союз в гонку вооружений, что было губительно для страны с разоренной экономикой. Руководство СССР встало на ошибочный путь пропорциональных ответов и паритетов в вооружениях, хотя экономические потенциалы двух стран были несопоставимы. Только сегодня руководство России стало понимать невозможность пропорциональных ответов и паритетов и стало переходить к тактике точечных ответов в рамках концепции разумной оборонительной достаточности.

В начале 1970-х годов Советский Союз ценой невероятных усилий достиг паритета в вооружениях с Соединенными Штатами. Творцы внешней политики США втянули СССР в новую игру по своим правилам. Советское руководство совершенно необдуманно позволило втянуть себя в бесплодную дискуссию по правам человека, автором и инициатором которой был известный Зб. Бжезинский. Дискуссия была бесполезной, ибо к вопросам по правам человека стороны подходили с диаметрально противоположных позиций. Советская сторона делала ставку на то, что в стране гарантированы основные фундаментальные права человека: право на труд, бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание. Американская сторона делала упор на то, что в СССР нет свободы слова, запрещены оппозиционные движения, советским людям отказано в возможности свободно перемещаться по миру. Американской аудитории эти положения были ближе и понятней, чем те права и свободы, которыми гордилась советская сторона. Обыкновенный рядовой американец представления не имел о том, как может существовать бесплатная медицина или бесплатное образование. Здесь еще раз дали о себе знать различия в менталитете и исторических традициях, что в наших взаимоотношениях никогда не принималось во внимание ни одной из сторон.

Третье. Еще один урок мы начинаем осваивать после длительного периода наших взаимоотношений. Урок состоит в том, что на Америку не производит впечатление «хорошее поведение». За прошедшие десятилетия советское руководство постоянно стремилось выстроить партнерство, демонстрируя свое «хорошее поведение».

Как отмечалось выше, даже такой прагматик, как Сталин, пытался произвести на бывшего союзника впечатление таким «хорошим поведением», отказавшись от законных требований, которые вызывали раздражение в Вашингтоне. И в 1990-е годы Россия сдала все мыслимые и немыслимые позиции в мировой политике, но это не возымело должного действия. Наоборот, США нагло и цинично занимали те позиции и рубежи, с которых уходила Россия.

История отношений России и Америки показывает, насколько трудным и противоречивым является этот процесс. Одна из главных причин проблем взаимоотношений кроется в различиях исторического опыта и менталитета. Англо-саксонский мир — мир прагматизма, выгоды и индивидуализма. Менталитет славянского народа строится на постулатах справедливости, милосердия, коллективизма. Да простит автору читатель такое сравнение, но отношения между Россией и Америкой очень часто походили на карточную игру, в которой одна сторона играет по правилам и не замечает, что имеет дело с шулером, умеющим ловко передергивать карты.

Иллюзорность подходов ярко проявляется каждый раз в надеждах на то, что с приходом нового человека в Белый дом отношения между странами приобретут нормальный характер. Только в последнее время появляется понимание необоснованности таких надежд, усиливающееся по мере углубления политического кризиса в США в связи с избранием на должность президента Д. Трампа. Как мы отчетливо увидели, президент Америки, несмотря на огромные полномочия, не является вершителем судьбы страны, в особенности во внешней политике. С момента окончания Второй мировой войны внешняя политика США строится на определенных незыблемых, никогда не меняющихся принципах. Эти принципы зафиксированы в понятии «большая стратегия» (*Grand Strategy*), на что все больше обращают внимание и российские руководители, и отечественные исследователи, начинающие осознавать то, что реальная власть находится не в руках президента и его команды, а в руках так называемого глубинного правительства (*deep government*).

Конечно, глубинное правительство — это не структура или организация. Это система взаимоотношений между самыми могущественными кланами Америки, которые действуют в контакте с представителями военных кругов, служб безопасности и администрации, время от времени появляются на поверхности в виде серых кардиналов. Одним из самых могущественных секторов глубинно-

го правительства является имперская бюрократия. Зб.Бжезинский определяет имперскую бюрократию как взаимодействие влиятельных представителей администрации, конгресса, спецслужб. Ни один президент не в состоянии управлять без согласия и одобрения глубинного правительства.

Можно предположить, что в трагических судьбах ряда американских президентов решающее значение сыграла позиция «глубинного правительства». Гибель Дж. Кеннеди породила много версий и до сих пор вызывает вопросы. Фактически никто не задумывается о версии, что Дж. Кеннеди, видимо, переступил черту. Под этим можно понимать намерение приступить к нормализации отношений с Советским Союзом после Карибского кризиса, что подтверждает быстро подписанное соглашение между СССР и США о запрещении испытания ядерного оружия в трех сферах. Мы теперь можем гадать, какие еще шаги намеревался предпринять президент для нормализации отношений с Советским Союзом, что явно шло вразрез с интересами реальных правителей Америки.

Возможно, и американский президент Р. Никсон лишился поста из-за намерений нормализовать отношения с СССР. Он неоднократно выступал с тезисами о том, что Советский Союз — данность, с которой нужно научиться жить. Напомним, что Никсон инициировал политику разрядки в отношениях с СССР, положил начало процессу нормализации отношений с коммунистическим Китаем. Не исключено, что именно эти намерения стали причиной отстранения его от должности, а не шумный скандал, раздутый прессой, известный как Уотергейт.

В российско-американских отношениях были упущены две исторические возможности для создания истинного партнерства (и не по вине России), которое могло бы стать прочным фундаментом длительного мира. После 1945 г. США развязали холодную войну под надуманным предлогом борьбы против угрозы мирового коммунизма, а в 1991 г. начали новую фазу давления, причиной которого стало разочарование нежеланием России форсированно строить демократическое общество. Действительное разочарование крылось в не оправдавшихся ожиданиях, что после СССР распадется и Россия. Последнего не произошло, и Запад во главе с США начал новое наступление.

Причина неприятия новой, некоммунистической, России состоит не в медленных темпах демократических преобразований,

а в самом факте существования России. Идея разделения страны витает на Западе десятки лет. Впервые громко она была произнесена в английском парламенте во время Крымской войны (1853–1856). В начале XX в. советник президента В. Вильсона полковник Э. Хауз писал: «Мир будет спокойнее, если вместо одной большой России будет несколько государств»¹.

Наступление на Россию особенно усилилось после начала украинского кризиса. США официально объявили Россию врагом, который угрожает Америке и всему свободному миру². Но Россия Америке не угрожает, она — главное препятствие в стратегических замыслах США о создании мифического мира всеобщей демократии. Штаты же — реальная, экзистенциальная угроза России. В планах России нет целей удаления Америки с мировой арены, а в планах Америки такие намерения существуют, поэтому, если не противостоять этим планам, возникает реальная угроза самому факту существования России.

Творцы внешней политики России долго тешили себя иллюзией возможности тесных, даже союзнических отношений с Соединенными Штатами. Президент Б. Ельцин, выступая в Совете безопасности ООН 31 января 1992 г., заявил: «Новая Россия рассматривает США и другие Западные страны не только как партнеров, но и союзников»³. Эфемерность надежд на партнерство всегда была видна невооруженным глазом, и вызывает удивление, что на них не обращали внимания. Менее чем через месяц после речи Б. Ельцина в американские газеты просочились выдержки из документа «Оборонная инициатива», подготовленного Пентагоном. В нем, в частности, говорилось о том, что США впредь не допустят появления новых глобальных и региональных держав, угрожающих безопасности Америки, что США являются бесспорным гегемоном в мировой политике⁴.

¹ Хауз Э. Архив полковника Хауза [Дневники и переписка с президентом Вильсоном и др. полит. деятелями] / подгот. к печати проф. истории Йельского ун-та Чарльзом Сеймуром. М.: Соцэкгиз, 1939.

² H. R. 3364 — Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // Congress.gov. <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text>.

³ Российская газета. 1992. 31 янв.; Выступление президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на заседании Совета Безопасности ООН 31 января 1992 на сайте ООН. <https://news.un.org/ru/audio/2013/02/1002851>.

⁴ New York Times. 1992. March 23.

Знаменитая книга Зб.Бжезинского «Великая шахматная доска» стала настоящим мировым бестселлером. Но как-то никто не обратил внимания на то, что работа представляла собой не академическое исследование, а план по переустройству мира по американской модели. Напомним, что Бжезинский был членом Трехсторонней комиссии, которая фактически является одним из теневых глобальных правительств. По поводу стратегического партнерства он высказался предельно откровенно: «Хотя концепция зрелого стратегического партнерства и ласкает взор и слух, она обманчива. Америка никогда не намеревалась делить власть на Земном шаре с Россией, да и не могла этого сделать, даже если бы хотела этого» [5, с. 123].

Фундаментальные основы внешней политики США не признают равного партнерства с кем бы то ни было⁵. Во время Второй мировой войны Вашингтон всегда обращался с могучей Британской империей, как с младшим партнером. И только один раз было сделано историческое исключение — это равное партнерство с Советским Союзом. Президент Ф.Рузвельт, обладавший недюжинным интеллектом и способностью стратегического видения, прекрасно понимал, что без вооруженных сил СССР Германию победить невозможно. Равноправное партнерство не может сложиться еще и потому, что за сто с лишним лет в руководящих кругах Америки сформировалось резко негативное отношение к России. Как уже отмечалось, Россия является главным препятствием в стратегических замыслах Вашингтона о достижении глобальной гегемонии. Судьбой России предназначена историческая миссия останавливать и сокрушать претендентов на мировое господство. Стоит вспомнить историю грандиозных войн за последние триста лет. Партнерство и союзничество невозможно еще и потому, что Америка никогда не согласится с тем, что отсталая, полуварварская, с ее точки зрения, страна, способна уничтожить идеальную, самую лучшую на свете страну. Америка будет относиться с предубеждением к любой России — демократической или авторитарной, если у нее будет ядерное оружие. Если бы Россия отказалась от ядерного оружия, тогда Америка стала бы к России благосклонна и даже милостива. Лишить Россию ядер-

⁵ Богатуров А.Д. Вашингтон создает новую биполярность. Америка никогда не знала равноправного международного партнерства. ЦентрАзия. 21 августа 2007. <https://centrasia.org/newsA.php?st=1187683740>; Фененко А.В. Почему США и Россия никогда не будут друзьями // Комсомольская правда. 1 июля 2017. <https://www.spb.kp.ru/daily/26693.5/3716925/>.

ного потенциала, как выразилась Маргарет Тэтчер, вырвать у русского медведя ядерный зуб — голубая мечта всех правителей Запада — прошлых, настоящих и будущих.

Россия и США не смогут быть ни партнерами, ни союзниками еще и потому, что страны принадлежат к разным цивилизациям, с различным историческим опытом и менталитетом. Это подчеркивал и Г. Киссинджер. Однако таких понимающих людей на вершине власти в Америке практически нет, ибо Америка традиционно привыкла смотреть на мир, исключительно исходя из собственных интересов, и у нее существует неистребимое желание переделать мир по своему образцу.

Мы вступаем в эпоху длительной глобальной конфронтации с Соединенными Штатами. Отношения между Россией и США останутся натянутыми, даже враждебными, это станет естественным состоянием сосуществования. Такого мнения сегодня придерживается большинство экспертов в России и Америке [6–8]. Поэтому сопротивление новому наступлению на Россию является важнейшим императивом для выживания страны. В чрезвычайно сложной мировой ситуации для России крайне важно выработать тактику точечных, чувствительных для Америки ответов, тактику, которая не позволила бы втянуть Россию в новую, губительную, гонку вооружений.

Литература

1. Воронцов Ю. М. Что разделяет Россию и США? (Выступление на XV Российско-американском семинаре, 2006 год) // XXV Международный российско-американский семинар в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб.: Скифия-Принт, 2016. 270 с. С. 31–33.
2. Горбачев М. С. Российско-американские отношения: недавняя история и перспективы (Выступление на XV Российско-американском семинаре, 2006 год) // XXV Международный российско-американский семинар в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб.: Скифия-Принт, 2016. 270 с. С. 23–26.
3. Чуров В. Е. Пути сближения между Россией и США (Выступление на XV Российско-американском семинаре, 2006 год) // XXV Международный российско-американский семинар в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб.: Скифия-Принт, 2016. 270 с. С. 41–46.
4. Немчинова Т. С. Проблема концептуального развития демократии в контексте четвертой волны демократизации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, № 4. С. 206–213.

5. Бжезинский Ж. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.
6. Россия и США в XXI в.: особенности отношений / под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2020. 352 с.
7. Ситуационные анализы. Вып. 4. Америка в фокусе российских исследователей: история и современность / под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО, 2014. 416 с.
8. Алимов А.А., Немчинова Т.С., Ширяев Б.А. Российско-американские отношения: новые времена и пути сотрудничества // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1 (42). С. 128–129.

Контактная информация:

Ширяев Борис Анатольевич — д-р ист. наук, проф.; b.shiryaev@spbu.ru

Russian-American relations: an as-time-goes-by view

Boris A. Shiryaev

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Shiryaev B. A. Russian-American relations: an as-time-goes-by view. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 394–404.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.27> (In Russian)

The author examines the evolution of Russian-American relations over the past decades and comes to the conclusion that on many key points the positions of the two countries are incompatible, the relations are potentially conflicting, not partnership.

Keywords: Russian-American relations, confrontation, civilizations, historical experience.

References

1. Vorontsov Yu. M. What separates Russia and the United States? *XXV International Russian-American Seminar at Saint-Petersburg State University*, St. Petersburg, Skifiya-Print publ., 2016, 270 p., pp. 31–33. (In Russian)
2. Gorbachev M. S. Russian-American Relations: the Recent History and Prospects, *XXV International Russian-American Seminar at Saint-Petersburg State University*, St. Petersburg, Skifiya-Print publ., 2016, 270 p., pp. 23–26. (In Russian)
3. Churov V. E. Ways of rapprochement between Russia and the United States, *XXV International Russian-American Seminar at Saint-Petersburg State University*, St. Petersburg, Skifiya-Print publ., 2016, 270 p., pp. 41–46. (In Russian)

4. Nemchinova T.S. The problem of Conceptual Development of Democracy in the Context of the Fourth Wave of Democratization, *Vestnik of Russian Christian Humanitarian Academy Press*, 2012, vol. 13, no. 4, pp. 206–213. (In Russian)
5. Brzezinski Zb. *Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. Rus. ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. 256 p. (In Russian)
6. *Russia and the United States in the 21st century: Features of Relations*. Ed. by T. A. Shakleina, Moscow, Aspekt Press, 2020. 352 p. (In Russian)
7. *Situation Analysis. Vol. 4. America in the Focus of Russian Researchers: History and Modernity*. Ed. by T. A. Shakleina. Moscow, Moscow Institute of International Relations Press, 2014. 416 p. (In Russian)
8. Alimov A. A., Nemchinova T. S., Shiryayev B. A. Russian-American relations: new times and ways of cooperation. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2017, no. 1 (42), pp. 128–129. (In Russian)

Author's information:

Boris A. Shiryayev — Dr. Sci. in History, Professor; b.shiryayev@spbu.ru

УДК 94+327

Американская стратегия и международный порядок после холодной войны¹

И. А. Истомин

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Российская Федерация, 119445, Москва, пр. Вернадского, 76*

Для цитирования: Истомин И. А. Американская стратегия и международный порядок после холодной войны // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т.С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 405–431. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.28>

После окончания холодной войны США как держава, обладающая наибольшим экономическим и военным потенциалом, играли активную роль в перестройке институтов международного порядка. Автор ставит целью систематизировать опыт Соединенных Штатов 1990–2010-х годов в сфере мирорегулирования, оценив основные изменения в их стратегии в этот период. Основная часть статьи организована по хронологическому принципу. Вместе с тем рассмотрению особенностей американской политики предшествует систематизация основных противоречий в подходах крупных держав к международному порядку, изложенных в теоретической литературе. Далее последовательно проанализированы стратегии США в отношении глобальной системы экономического регулирования и институтов поддержания международной безопасности в периоды правления администраций У.Клинтона, Дж. Буша-мл. и Б. Обамы. Проведенный анализ свидетельствует: на протяжении последней четверти века Соединенные Штаты демонстрировали широкий набор подходов в отношении системы международных институтов. Среда осуществления внешней политики Вашингтона за этот период существенно изменилась, снижая его способность направлять перестройку международных институтов. Вместе с тем поведение США, по крайней мере отчасти, определялось стратегическим выбором сменяющихся правящих администраций. В то же время практика американских действий в течение всего этого периода существенно отличалась от ожиданий, присутствующих в теоретической литературе, включая изрядный компонент ревизионизма.

Ключевые слова: США, внешнеполитическая стратегия, международные организации, международная безопасность, НАТО, мировая экономика, международные финансовые институты, ВТО.

¹ Настоящая статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-03-00727.

Введение. Победа Д. Трампа на президентских выборах в США 2016 г. стимулировала активизацию дискуссии относительно перспектив сохранения и перестройки международного порядка. Его риторика в ходе кампании и решения на посту руководителя страны вызвали разговоры о возможном отходе Соединенных Штатов от поддержки системы институтов мирорегулирования, в создании которых они принимали непосредственное участие [1–3].

Подобный шаг создал бы значительные риски для сохранения либерального международного порядка. Западное научно-исследовательское сообщество оказалось не подготовлено к такой перспективе, так как разработанные им теоретические модели традиционно указывали на восходящие державы как на источник ревизионизма в международной политике [1–3].

В этом контексте настоящая статья ставит целью систематизировать прошлый опыт Соединенных Штатов в сфере мирорегулирования, оценив эволюцию их стратегии со времени окончания холодной войны. В ней проводится параллельный анализ американской политики в отношении двух типов международных институтов. Во-первых, рассматриваются механизмы организации политического порядка, призванного обеспечивать поддержание безопасности на мировой арене. Во-вторых, освещается трансформация международного экономического регулирования, способствующего бесперебойному функционированию глобальной торговой системы и мировых финансов.

Центральной с точки зрения задач настоящей статьи выступает категория международных институтов. Автор, следуя за отечественным исследователем Э. Я. Баталовым, прибегает к ее расширительному пониманию, охватывающему не только непосредственно правила, на основании которых выстраиваются взаимодействия между государствами, но и принципы, которые их обосновывают, а также организации, которые их воплощают [4, с. 6–25]. Подобный подход позволяет комплексно осуществить анализ международного регулирования.

В отечественной литературе накоплен богатый опыт изучения американской стратегии в отношении актуальных проблем поддержания и реформирования международного порядка. Важнейшая роль в исследовании вопроса принадлежит фундаментальным трудам Т. А. Шаклеиной [5–6]. Выводы настоящей статьи в значительной степени коррелируют с их основными положениями. Вместе

с тем она позволяет по-новому структурировать анализ американской политики на основе разработанной автором типологии стратегий. Исследование также дополняет прежние работы, фокусируя внимание на политике США непосредственно по отношению к международным институтам и акцентируя экономическое измерение мирорегулирования.

Основная часть настоящей статьи включает пять разделов, организованных преимущественно по хронологическому принципу. В первом представлен общий теоретический подход, на основании которой проводится дальнейший анализ. Второй и третий разделы посвящены политике США 1990-х годов в отношении глобальной системы экономического регулирования и институтов поддержания международной безопасности соответственно. После этого рассматривается смена американского курса в период правления администрации Дж. Буша-мл. Далее проанализирован подход команды Б. Обамы к восстановлению доминирующих позиций США в международной системе с конца 2000-х годов. Основные выводы проведенного исследования резюмированы в заключении.

Логика формирования и перестройки международного порядка. Международный порядок представляет собой комплекс базовых институтов, определяющих основные параметры регулирования системы политических отношений между государствами. Х. Булл выделял в качестве ключевых оснований любого социального порядка обеспечение права на жизнь, права на собственность и гарантий выполнения его участниками принятых на себя обязательств [7, р. 4–5].

В отсутствие этих институтов отношения приобретают характер войны всех против всех. Вместе с тем наличие порядка не исключает возможность введения ограничений на реализацию каждого из базовых прав, а также их эпизодических нарушений до тех пор, пока существующая регулятивная среда воспринимается критической массой участников в качестве справедливой и лучшей из реально возможных.

Аналогичным образом международный экономический порядок определяется базовыми институтами, обеспечивающими функционирование мирового хозяйства. В первую очередь такое регулирование гарантирует стабильность торговых и инвестиционных потоков, а также расчетов по ним.

В системе международных отношений ведущую роль в установлении и поддержании порядка играют крупнейшие мировые держа-

вы [8; 1; 9]. Они получают выгоду от общих правил игры, снижающих потребность в применении насилия для принуждения других игроков к выполнению предпочтений доминирующих государств. Участие в формировании порядка предоставляет крупным державам возможность институционализировать собственные предпочтения и влияние, внедрив их в создаваемую систему регулирования.

В то же время строящиеся институты накладывают ограничения на использования материального преобладания в международной политике и тем самым могут порождать барьеры реализации интересов ведущих государств. Международное регулирование характеризуется инерционностью. В связи с этим оно может не успевать адаптироваться к меняющимся предпочтениям их создателей. Эта проблема обостряется в условиях динамического перераспределения потенциалов в системе, когда отрыв прежде доминировавших держав от конкурентов уменьшается.

В результате отношение крупных держав к институтам международного порядка носит амбивалентный и изменчивый характер. В условиях, когда элементы действующей системы регулирования начинают на постоянной основе вступать в противоречие с предпочтениями государства, последнее вынуждено выбирать из трех возможных стратегий: приспособление к существующим правилам игры; их обход и обструкция; адаптация институтов в соответствии со своими предпочтениями.

Большинство стран вынуждены преимущественно следовать первому пути, лишь эпизодически прибегая ко второму. Ведущие игроки в международной системе отличаются тем, что для них более предпочтительными могут стать действия в обход институтов или же политика сознательной их перестройки. Более того, совершаемый ими выбор имеет значение для перспектив сохранения и эволюции международного порядка.

Игнорирование или нарушение правил игры государством, которое стояло у их истоков имеет серьезное делегитимирующее влияние на всю регуляторную среду². В то же время пренебрежение существующими институтами может выражаться в отказе от поддержания дорогостоящих обязательств, направленном на снижение издержек крупной державы.

² О роли легитимности в поддержании порядка см. [10].

Политика реконструкции действующих институтов может привести даже к укреплению международного порядка, если будет способствовать их модернизации на основе консенсуса ведущих держав (как это, например, произошло в начале 1970-х годов в сфере регулирования международных финансов после отказа США от жесткой привязки доллара к золотому стандарту). Вместе с тем такой стабилизирующий эффект возможен только в случае отсутствия влиятельной оппозиции перестройке существующих правил. В последнем случае попытки поменять действующие нормы будут приводить к возрастанию конфликтности в международной системе [2].

Опыт политики Соединенных Штатов после окончания холодной войны демонстрирует различные способы реагирования ведущей мировой державы на расхождения между ее интересами и существовавшими нормативными ограничениями. Он также связан с различными структурными контекстами, в которых осуществлялась американская стратегия, что определило инверсию в отношении США к существующей институциональной среде.

Политика расширения западных институтов после окончания холодной войны. В 1990 г. в выступлении перед американским Конгрессом президент США Дж. Буш-ст. заявил о становлении «нового мирового порядка»³. Эта речь получила статус программной и отражала представления о том, что после холодной войны в международной политике утвердятся новые правила игры. Содержание этих правил формулировалось расплывчато и трактовалось по-разному.

Целостного понимания желаемого направления дальнейшей эволюции мирового порядка в начале 1990-х годов не было в самой американской администрации [11, p. 553–555]. Вместе с тем Соединенные Штаты относительно быстро сориентировались, что после распада Советского Союза структурные ограничения в отношении их политики со стороны международной среды значительно ослабли. США оперативно отказались от логики глобального соуправления в партнерстве с Москвой, которая обсуждалась М. С. Горбачевым и Дж. Бушем-старшим с конца 1980-х годов⁴.

³ *Bush G.* Address Before a Joint Session of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. 1990. Sept. 11. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18820>.

⁴ *Hoffman D.* Bush and Gorbachev Hail New Cooperation // *The Washington Post*. 1989. Dec. 4. <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/inatl/longterm/summit/archive/dec89.htm>.

В этих условиях, поддерживая риторику построения нового кооперативного международного порядка, Вашингтон пошел по пути распространения давно существовавших институтов западного общества в глобальном масштабе. Эти институты создавались при ведущей роли Соединенных Штатов и отражали их интересы. Доказав способность структурировать отношения внутри коалиции развитых стран и их клиентов в период холодной войны, они представлялись набором проверенных, надежных механизмов регулирования международной среды.

После смены руководства в США и прихода к власти У. Клинтона ориентация на адаптацию действовавших институтов получила официальное закрепление в Стратегии национальной безопасности, которая базировалась на доктрине «расширения и вовлечения». Основной упор в документе делался на необходимости «адаптировать и сконструировать глобальные институты, которые помогут обеспечить безопасность и повысить экономический рост по всему миру»⁵. В то же время Соединенные Штаты относительно быстро осознали, что возможности экспорта западной системы мирохозяйственного регулирования и международного политического порядка различались.

США удерживали преобладающие позиции в мировой экономике еще ранее на протяжении всего периода холодной войны. Однако с середины 1940-х годов их отрыв от других развитых стран неуклонно уменьшался. Вместе с тем Соединенные Штаты сохраняли преобладающее влияние в бреттон-вудских институтах (Всемирный банк и Международный валютный фонд — МВФ) и Генеральном соглашении по тарифам и торговле (англ. *General Agreement on Tariffs and Trade*, ГАТТ, ГАТТ) [12, p. 123–124].

Доминирование американоцентричных институтов в мировой экономике подтвердило присоединение к ГАТТ еще в 1960–1970-х годах ряда социалистических стран (Венгрия — 1973, Польша — 1967, Румыния — 1971, Югославия — 1966) [13, p. 539–554]. Более того, Румыния присоединилась в 1972 г. также к Всемирному банку и МВФ. В 1980-х годах за ней последовали Венгрия и Польша, а с 1990 г. и другие постсоциалистические и постсоветские государства. Дискредитация марксистской экономической модели на рубеже 1980–

⁵ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. Febr. 1995. <http://www.dtic.mil/doctrine/doctrine/research/nss.pdf>.

1990-х годов, а также распад Совета экономической взаимопомощи и связанных с ним механизмов координации экономического сотрудничества стран социалистического лагеря окончательно устранили альтернативу западным механизмам регулирования международной торговли и финансов.

Универсализация бреттон-вудских институтов как глобальных механизмов финансового регулирования завершилась уже к 1994 г. (в дальнейшем к Всемирному банку и МВФ присоединялись только новообразовавшиеся государства; единственными заметными государствами, не являющимися их членами, остаются Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Куба). Аналогичный процесс в сфере торговой либерализации затянулся еще на два десятилетия, в связи с более сложным процессом присоединения к ГАТТ (впоследствии Всемирной торговой организации — ВТО) и необходимостью для стран принимать более болезненные обязательства. На 2016 г. около 30 стран оставались за пределами глобального торгового режима, хотя они и составляют незначительную долю мирового валового продукта.

Соединенные Штаты активно отстаивали либерализацию мировой экономики на протяжении 1990-х годов на основе неолиберальной модели «вашингтонского консенсуса». Последняя требовала от государств приоритизации сдерживания инфляции и государственных расходов, открытия национального хозяйства международным потокам товаров и капитала и дерегулирования рынка [14]. Положения «вашингтонского консенсуса» закреплялись в качестве условий доступа к кредитам западных стран и международных институтов. Острая потребность развивающихся и постсоциалистических государств в финансовых ресурсах обеспечивала эффективность такого инструмента распространения неолиберальной модели.

Кроме того, важнейшим достижением политики США стало преобразование ГАТТ в ВТО по результатам Уругвайского раунда в 1995 г.⁶ Если прежде основным объектом международного регулирования выступала торговля продукцией обрабатывающей промышленности, заключенные соглашения позволили распространить его действие на сельскохозяйственный сектор, сферу услуг и осуществление инвестиций.

⁶ Agreement Establishing the World Trade Organization. 1994. Apr. 15. https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto.pdf.

Таким образом, в 1990-х годах США концентрировались не только на расширении географического охвата ранее существовавших западных институтов, но и на распространении их воздействия на новые сферы международного взаимодействия. Кроме того, они добивались углубления проникновения институтов глобального регулирования. Американское правительство исходило из способности сформировать мировой экономический порядок, который бы в полной мере соответствовал интересам Соединенных Штатов и закреплял бы их преобладание в международной системе [11]. В значительной степени им удалось достигнуть поставленных целей, но долгосрочное влияние институтов на сохранение доминирования США в мировой экономике оказалось более противоречивым, чем они ожидали.

Попытки перестройки глобальных институтов безопасности в 1990-х годах. По аналогии с экспансией западных институтов в экономической сфере, США рассчитывали на перестройку системы обеспечения международной безопасности. Потребность в такой реконструкции объяснялась переоценкой угроз после окончания холодной войны. В новых условиях вызовы безопасности Соединенных Штатов и других западных стран уже не ассоциировались с междержавной конкуренцией. Они связывались с внутренними проблемами стран, дефицитом государственности и неспособностью правительств отвечать на запросы собственного населения в отношении расширения индивидуальных свобод, рыночной экономики и политического плюрализма [15, p. 150–155].

В рамках произошедшего переосмысления риски международной стабильности стали восприниматься как производные дестабилизации в первую очередь в странах, переживающих переход от социалистической системы к рыночно-демократической модели. Позднее оно привело к формированию концепций «ограниченного суверенитета» и «гуманитарных интервенций», которые обосновывали возможность вмешательства (в том числе с использованием военного инструментария) в дела государств, неспособных или не желающих соответствовать установленным США и другими западными странами стандартам защиты прав человека и поддержания порядка в стране [16, p. 68–71].

Для ответа на новый набор угроз Вашингтон рассчитывал на возможности НАТО (англ. *North Atlantic Treaty Organization*, NATO) как важнейшего военно-политического института западного со-

общества [17, p.763–787]. Вместе с тем реализация американских устремлений затруднялась двумя обстоятельствами. Во-первых, в сфере международной безопасности как на глобальном, так и на региональном уровне в Европе сохранялись институты биполярного порядка, в которых Соединенные Штаты не располагали безоговорочным доминированием. Во-вторых, сам блок НАТО оставался гораздо более эксклюзивным институтом даже по сравнению с ВТО (а уж тем более со Всемирным банком и МВФ), что снижало его легитимность.

В результате стратегия США предполагала маргинализацию альтернатив западному блоку при одновременном вовлечении в сотрудничество с ним широкого круга игроков. Последнее осуществлялось на условиях младших партнеров — фактически без права голоса в отношении ключевых вопросов поддержания международной безопасности⁷.

Еще в 1993 г. американский сенатор-демократ Р. Лугар заявил, что НАТО должен выйти за пределы зоны традиционной ответственности или исчезнуть (“out of area or out of business”)⁸. Этот слоган лег в основу последующего расширения экспедиционной деятельности блока. В 1993–1995 гг. НАТО осуществил поэтапное вмешательство в боснийский конфликт на основании действовавших резолюций Совета Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН) и прямых запросов Генерального секретаря ООН [19, pp. 1–22]. Альянс впервые продемонстрировал способность не только обеспечить коллективную оборону своих членов, но и проводить операции в третьих странах. Он также стремился позиционировать себя как уникальный институт, способный обеспечивать правоприменение на международной арене на фоне дефицита военного потенциала у ООН и других международных организаций.

На протяжении 1990-х годов Соединенные Штаты также неоднократно претендовали на выполнение схожих функций «международного полицейского» уже в индивидуальном формате (без подключения структур Североатлантического альянса) — в частности, в Сомали и Ираке. При этом они вольным образом реинтерпрети-

⁷ А. Д. Богатуров обозначил эту политику как стратегию «навязанного консенсуса»: Богатуров А. Д. Стратегия «навязанного консенсуса» // Независимая газета. 2003. 4 февр. http://www.ng.ru/ideas/2003-02-04/11_strategy.html.

⁸ Цит. по: [18, p. 33].

ровали решения легитимных международных институтов, несмотря на протесты со стороны других международных игроков.

В 1999 г. в контексте кризиса в Косово США и их союзникам не удалось продать резолюцию об использовании силы против Югославии через СБ ООН. Традиционные институциональные механизмы в первый раз столь явно работали на сдерживание американских амбиций [20, pp. 828–834]. В этих условиях Соединенные Штаты продемонстрировали готовность использовать НАТО не только как исполнителя решений, согласованных на других площадках, но и заместить ООН в качестве ключевого механизма мирорегулирования. Операция против Югославии легитимизировалась западным консенсусом, который воплощал Североатлантический альянс.

Результаты эволюции НАТО в 1990-х годах были закреплены в его обновленной Стратегической концепции, которая фиксировала претензии блока на превращение в глобальный институт безопасности и его готовность действовать за пределами традиционной сферы ответственности⁹. Расширение функционала Североатлантического альянса в вопросах мирорегулирования осуществлялось не только за счет игнорирования исключительных полномочий СБ ООН, но также приводило к маргинализации Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

ОБСЕ создавалась как общерегиональная площадка политического диалога и, в отличие от НАТО, не располагала механизмами совместного военного планирования и скоординированных действий своих участников. Кроме того, присутствие в этом объединении России, которая с середины 1990-х годов стала занимать более критическую позицию в отношении американского курса, не позволяло Соединенным Штатам полагаться на нее как на институт проведения собственной политики. В результате, Вашингтон и его союзники стремились перепрофилировать ОБСЕ на правозащитную тематику при снижении ее значения как института европейской безопасности [21, pp. 370–394].

Закреплению НАТО в качестве наиболее влиятельного регионального института в Европе способствовала его географическая экспансия. Соответствующий процесс был инициирован США в середине 1990-х годов, как инструмент стабилизации бывших пост-

⁹ The Alliance's Strategic Concept Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. 1999. Apr. 24. https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm.

социалистических стран, который также позволил бы укрепить их евроатлантическую ориентацию, обеспечить необратимость рыночных и демократических преобразований. В 1997 г. было принято решение о присоединении к блоку в течение двух лет Венгрии, Польши и Чехии. В 2004 г. в ходе второй волны расширения в него вошли еще семь стран.

Несмотря на расширение, Альянс оставался эксклюзивным клубом, поэтому его претензии на статус центрального института в сфере поддержания глобальной безопасности вызывали недовольство стран, в него не входящих (в первую очередь, России). Даже на евроатлантическом пространстве альянсу сложно было бы обосновать легитимность собственных амбиций только за счет потенциала своих государств-членов — они не составляли большинства участников в ОБСЕ до 2017 г.

Для укрепления роли блока в Европе и на мировой арене НАТО с начала 1990-х годов стал выстраивать сеть преференциальных отношений с государствами, остающимися за пределами блока. В рамках такой политики в 1991 г. был создан Совет североатлантического сотрудничества (в 1997 г. преобразованный в Совет евроатлантического партнерства), направленный на выстраивание диалога с постсоциалистическими и постсоветскими государствами.

В 1994 г. НАТО также запустил программу «Партнерство ради мира», охватившую практически все европейские страны [22, pp. 61–81]. В отличие от Совета североатлантического сотрудничества она предполагала выстраивание дифференцированного взаимодействия с каждым контрагентом в отдельности. Параллельно в том же году Североатлантический альянс аналогичный формат индивидуальных партнерств предложил ряду стран Ближнего Востока в рамках Средиземноморского диалога¹⁰.

В 2000-х годах на фоне глобализации деятельности НАТО блок стал больше внимание уделять развитию партнерств за пределами Евроатлантического пространства и своих южных соседей. В 2004 г. была запущена Стамбульская инициатива сотрудничества, ориентированная на развитие кооперации НАТО с малыми государствами Персидского залива¹¹. Кроме того, был установлен ряд двусторон-

¹⁰ NATO Mediterranean Dialogue. NATO. 2015. Febr. 13. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_60021.htm.

¹¹ Istanbul Cooperation Initiative (ICI): Reaching out to the broader Middle East. NATO. 2011. Nov. 18. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_58787.htm.

них партнерств с отдельными странами, представляющими различные регионы мира (Австралией, Афганистаном, Ираком, Колумбией, Монголией, Новой Зеландией, Пакистаном, Южной Кореей, Японией), — развитие большинства из этих партнерств было обусловлено проведением операции в Афганистане.

Наибольшее внимание при развитии партнерской сети США и их союзники уделяли развитию сотрудничества с главным критиком блока — Россией. Принципы взаимодействия с ней были оформлены в 1997 г. в виде основополагающего акта двусторонних отношений. На основе этого документа был также создан Постоянный совет сотрудничества, который в 2002 г. был перестроен в Совет Россия — НАТО.

Несмотря на стремление к формированию привилегированных отношений с Москвой, США и их союзники исключали возможность подключения ее, как и других партнеров, к совместному принятию решений, а значит, и к влиянию на деятельность НАТО [23]. В сочетании с продавливанием ведущей роли Североатлантического альянса в поддержании глобальной безопасности, такой курс приводил к ограничению представленности голоса внешних игроков в вопросах мирорегулирования.

Стратегия обхода международных институтов в политике США 2000-х годов. На протяжении 1990-х гг. Соединенные Штаты стремились влиять на международную среду через систему институтов, в которых они занимали привилегированное положение. Эта политика проводилась за счет распространения элементов западного порядка времен холодной войны на развивающиеся и постсоциалистические страны, замещения или маргинализации иных механизмов, но допускала учет в процессе осуществления мирорегулирования мнения ближайших союзников и партнеров. Подобная ситуация была определена отечественным исследователем А. Д. Богатуровым как «плюралистическая однополярность» [24, с. 7–8].

Поведение США в первое десятилетие после окончания холодной войны соответствовало третьему варианту стратегии государства в отношении международных институтов, представленному в первом разделе статьи. Оно было направлено на адаптацию институциональной среды в соответствии с американскими предпочтениями. В 2000-х годах политика Вашингтона в этой сфере принципиально изменилась. Администрация Дж. Буша-мл. продемонстрировала меньшую готовность к компромиссам, которые бы позволили про-

водить политику через многосторонние механизмы, и пошла по пути деконструкции институциональных ограничений американской мощи [25, с. 35–58].

Особенно явно этот подход проявился в отношении вопросов международной безопасности. Уже в 2001 г. при инициировании операции в Афганистане в ответ на террористические атаки 11 сентября Вашингтон фактически проигнорировал солидарность своих союзников по НАТО. Вместо того чтобы воспользоваться положением о коллективной обороне Североатлантического договора, он пошел по пути создания аморфной глобальной антитеррористической коалиции.

Прежний западный консенсус, поддерживавший доминирование США на международной арене, был расколот в результате американской военной интервенции в Ирак в 2003 г. Обвинения С. Хусейна в попытках создания оружия массового уничтожения и сотрудничестве с террористическими группировками не смогли убедить Бельгию, Германию, Турцию, Францию поддержать действия Соединенных Штатов. В результате в обоснование проведенной операции Вашингтон не мог апеллировать не только к резолюции СБ ООН, но и к решению НАТО [26, pp. 65–87].

Вместо опоры на постоянно действующий альянс США пошли по пути формирования разовых «коалиций желающих», состоящих из стран готовых безоговорочно поддерживать действия Соединенных Штатов. Стоит отметить, что таковых набралось изрядное количество (по американским подсчетам — более 50) [27, pp. 183–200]. Кроме того, подобные объединения сами по себе представляли разновидность механизма глобального управления, но опора на них свидетельствовала о деинституционализации мирорегулирования.

Соединенные Штаты также инициировали деконструкцию нормативных опор поддержания стратегической стабильности. В отличие от администрации У. Клинтона команда Дж. Буша-мл. не готова была вести трудный диалог с Москвой по ратификации Договора о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-2). Вместо этого США пошли на подписание нового документа о сокращении потенциалов двух стран, но он не был обеспечен верификационными механизмами. США в 2002 г. также в одностороннем порядке вышли из Договора о противоракетной обороне, отказавшись от прежних попыток согласовать его пересмотр с Москвой [28, с. 42–57].

В вопросах противодействия распространению оружия массового уничтожения (ОМУ) США также пошли по пути частных решений, а не укрепления существующих институтов. Выдвинув стратегию активного противодействия попыткам приобретения ядерных вооружений такими странами, как Иран и КНДР, они запустили многостороннюю Инициативу по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР) ОМУ, реализуемую вне рамок Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) или ООН [29]. Более того, практика ИБОР несовместима с действующим международным морским правом, так как предусматривает возможность задержания судов, перевозящих радиоактивные материалы и технологии, используемые в создании оружия массового уничтожения.

В сфере международного экономического регулирования США не пошли по пути отказа от существующих правил игры — они продолжили участвовать в деятельности Всемирного банка, МВФ, ВТО. В то же время ведущие международные институты на протяжении 2000-х годов переживали явные трудности. Положения «вашингтонского консенсуса» были дискредитированы серией финансово-экономических кризисов 1997–1998 гг. в странах Азии, Латинской Америки и России [30, р. 799].

В результате международный экономический порядок лишился своей идеологической опоры, а отдельные международные финансовые институты стали придерживаться кардинально различных оценок относительно корректировки своей политики. Всемирный банк признал недостатки неолиберальной модели экономического развития, стал выступать за ее смягчение и большую социальную ориентацию, но не смог предложить принципиальную альтернативу. МВФ, напротив, увязывал финансово-экономические кризисы с недостаточной либерализацией национальных хозяйств развивающихся и постсоциалистических стран [31, pp. 973–987].

США в 2000-х годах не смогли предложить новой концепции глобального экономического порядка взамен непопулярного «вашингтонского консенсуса». Более того, в 2004 г. американский аналитик Дж. К. Рамо выдвинул гипотезу о замещении неолиберальных подходов «пекинским консенсусом» — концепцией экономического развития, опирающейся на китайский опыт активного государственного участия в стимулировании и управлении национальным хозяйством [32]. Ее широкое признание в экспертном сообществе отражало растущие ожидания относительно будущего превра-

щения КНР в лидера глобальной экономики вместо Соединенных Штатов.

Снижение регулирующих возможностей Всемирного банка и МВФ было обусловлено не только дискредитацией «вашингтонского консенсуса». Стремительный рост в ведущих азиатских странах, а также крупнейших сырьевых экономиках девальвировал функцию кредитора последней инстанции, которую исполняли международные финансовые институты. Развивающиеся страны получили возможность привлекать значительные объемы частного финансирования и не нуждались в следовании либеральным правилам, устанавливаемым США. Показательным в этом отношении выступала готовность Китая игнорировать американские обвинения в манипуляции валютным курсом юаня¹².

Первое десятилетие XXI в. было также отмечено снижающейся способностью США направлять развитие мировой торговой системы. Еще в 1999 г. министерская конференция ВТО в Сиэтле закончилась провалом. Новый этап торговой либерализации был инициирован спустя два года в рамках Дохийского раунда. Тем не менее к 2006 г. переговоры зашли в тупик в связи с тем, что влиятельная группа развивающихся стран продемонстрировала способность блокировать предложения США и ЕС¹³.

В этих условиях США (как и другие крупные игроки) пошли по пути обхода существующей системы многостороннего регулирования за счет заключения частных преференциальных торговых соглашений. В период правления администрации Дж. Буша-мл. Вашингтон подписал 11 подобных документов (часть из них вступили в силу только в 2012 г. из-за проблем с ратификацией) — почти в три раза больше, чем за предыдущие два десятилетия¹⁴.

Таким образом, в вопросах развития мировой торговой системы, как и в других областях международного регулирования, Соединен-

¹² Hughes N. C. A Trade War with China? // The New York Times. 2005. Aug. 2. http://www.nytimes.com/cfr/international/20050701faessay-v84n4_hughes.html?page-wanted=print.

¹³ Fergusson I. F. World Trade Organization Negotiations: The Doha Development Agenda. CRS Report for Congress. 2011. Dec. 12. <https://fas.org/sgp/crs/misc/RL32060.pdf>.

¹⁴ How Preferential Trade Agreements Affect the U.S. Economy. Congressional Budget Office. Sept. 2014. <https://www.cbo.gov/sites/default/files/114th-congress-2015-2016/reports/51924-tradeagreements.pdf>.

ные Штаты пошли по пути поиска частных решений в обход более широких многосторонних институтов. Подобная политика обеспечивала большую гибкость американскому курсу и снижала его зависимость от позиции других международных игроков. В то же время она отражала снизившуюся способность США адаптировать базовые структуры международного порядка под свои нужды.

Приспособление и попытки реконструкции международных институтов в стратегии Б. Обамы. Завершение правления Дж. Буша-мл. было отмечено ослаблением международных позиций Соединенных Штатов одновременно в нескольких областях. Увязание США в вооруженных конфликтах в Афганистане и Ираке привело к снижению их авторитета в международной политике. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., спровоцированный падением американского ипотечного рынка, подтвердил системообразующее значение их экономики для мирового хозяйства, но одновременно заставил сомневаться в ее динамичности и стабильности.

В этих условиях перед новым руководством Соединенных Штатов во главе с Б. Обамой, пришедшим к власти в 2009 г., стояла задача восстановления американского доминирования в международной системе [33, р. 2–16]. С учетом сравнительного снижения отрыва США от других держав подобная задача потребовала переосмысления отношения к основным институтам международного порядка.

В вопросах обеспечения международной безопасности Вашингтон постарался восстановить западный консенсус 1990-х годов, утраченный в период правления Дж. Буша-мл., и даже продемонстрировал готовность проявлять большее уважение к механизмам, сформированным в условиях биполярной системы. В сфере регулирования международных финансов США первоначально выразили согласие пойти навстречу пожеланиям восходящих держав, но позднее заняли менее кооперативную позицию. В то же время они инициировали перестройку мировой торговой системы в направлении, которое в наибольшей степени соответствовало бы их интересам.

Стратегия Б. Обамы характеризовалась стремлением укрепить отношения как с традиционными союзниками, так и с крупными незападными державами. В этой связи США вновь подтвердили свои обязательства в рамках НАТО и двусторонних альянсов. Они также организовали специальные механизмы регулярного многоуровневого диалога с Россией и Китаем. Более того, в обновленной Стратегии

ческой концепции Североатлантического альянса была также подчеркнута необходимость активизации сотрудничества с Москвой¹⁵. Значимыми достижениями в области контроля над вооружением в период правления Б. Обамы стали новый российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений и соглашение по иранской ядерной программе.

Соединенные Штаты отказались от практики масштабного использования силы без поддержки НАТО и в отсутствие санкционирующих резолюций СБ ООН. В этом отношении они вернулись к практике даже не конца 1990-х годов, а первого президентства У. Клинтона. Вместе с тем в ходе операции в Ливии в 2011 г. западные правительства (при участии США) пошли на крайне расширительное толкование и выход за пределы мандата СБ ООН по установлению беспилотной зоны. В результате проводившаяся операция по защите местного населения превратилась в инструмент смены режима в Триполи¹⁶.

Вашингтон также продолжил и даже интенсифицировал проведение ограниченных операций специальных сил и беспилотных летательных аппаратов против террористических организаций без одобрения международных институтов¹⁷. Кроме того, в ходе конфликтов в Ираке, Сирии и на Украине в 2010-х гг. он также подменял широкомасштабное присутствие американских войск направлением военных советников, вооружений и подготовкой локальных сил.

В целом Соединенные Штаты с конца 2000-х годов демонстрировали стремление адаптировать свои действия к существующим институциональным ограничениям, отказавшись от наиболее явных проявлений пренебрежения к международному праву. Они смогли вернуть доверие традиционных союзников, восстановив трансатлантическую солидарность, и расширить круг партнеров в Азии.

¹⁵ Active Engagement, Modern Defence: Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon 19–20 November 2010. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf.

¹⁶ Zenko M. The Big Lie about the Libyan War // Foreign Policy. 2016. March 22. <http://foreignpolicy.com/2016/03/22/libya-and-the-myth-of-humanitarian-intervention>.

¹⁷ Delman E. Obama Promised to End America's Wars — Has He? // The Atlantic. 2016. March 30. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-doctrine-wars-numbers/474531>.

Вступление в Восточноазиатский саммит отражало готовность Вашингтона присоединяться к институциональным форматам, которые были созданы без их участия.

При этом курс на укрепление отношений с альтернативными центрами силы оказался менее последовательным и успешным. С начала 2010-х годов наблюдалось осложнение отношений США с Россией и КНР. В результате ключевой механизм принятия решений по вопросам международной безопасности — СБ ООН — оказался фактически парализован при обсуждении ключевых политических вопросов (за исключением иранского и северокорейского).

В сфере международного экономического регулирования перед администрацией Б. Обамы стояли даже более серьезные вызовы, чем в связи с международным политическим порядком. Недовольство институтами поддержания международной безопасности в предыдущие годы демонстрировали, в первую очередь, сами Соединенные Штаты, в то время как необходимость реформирования системы управления мировым хозяйством озвучивалась множеством игроков.

Еще на завершающем этапе правления администрации Дж. Буша-мл. США организовали первый саммит «группы двадцати» для обсуждения путей выхода из мирового финансово-экономического кризиса. На последующие несколько лет этот форум превратился в центральную площадку координации крупнейших развитых и развивающихся стран по вопросам регулирования мировой экономики и международно-политической проблематике.

Одним из ключевых вопросов обсуждения на первых саммитах «группы двадцати» стало реформирование Всемирного банка и МВФ. Развивающиеся страны требовали пересмотра существующих квот (а значит, и влияния), а также системы управления в этих институтах, которые бы позволили отразить их возросшую роль в международных финансах. Весной 2010 г. было согласовано перераспределение голосов между странами во Всемирном банке¹⁸, а на Сеульской встрече министров финансов «группы двадцати» осенью того же года был согласован пакет реформ МВФ¹⁹.

¹⁸ World Bank Reforms Voting Power, Gets \$86 Billion Boost // The World Bank. 2010. Apr. 25. <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2010/04/25/world-bank-reforms-voting-power-gets-86-billion-boost>.

¹⁹ IMF Survey: G-20 Ministers Agree 'Historic' Reforms in IMF Governance // The International Monetary Fund. 2010. Oct. 23. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sonew102310a>.

В то же время реализация согласованных мер оказалась связана с трудностями. Важнейшую роль в пробуксовке реформы сыграло затягивание ратификации соглашения по МВФ в американском конгрессе. В ответ на действия США Китай и другие страны БРИКС пошли на создание инструментов, которые могли бы составить альтернативу бреттон-вудских институтов. В рамках этой политики были сформированы Новый банк развития, пул условных валютных резервов БРИКС, Азиатский Банк инфраструктурных инвестиций, а также Фонд Шелкового пути. На фоне этого давления в 2015 г. Соединенные Штаты завершили ратификационные процедуры и заблокировали реформу МВФ²⁰.

Если в вопросах перестройки международных финансовых институтов Вашингтон пытался затормозить изменения, заняв обструкционистскую позицию, то в регулировании международной торговли он стремился проводить более наступательный курс. С начала 2010-х годов администрация Б.Обамы старалась сместить акцент во внешнеполитическом дискурсе с концепта «свободной торговли» в сторону понятия «справедливая торговля»²¹. По сути, она критиковала тот самый неолиберальный экономический порядок, который сами Соединенные Штаты создавали в 1990-х годах.

Соединенные Штаты осознали, что данный порядок ставил американских производителей в невыгодное положение по сравнению с азиатскими конкурентами. Последние сохраняли высокие протекционистские барьеры и выигрывали за счет более низких социальных и экологических стандартов по сравнению с развитыми странами. В этой связи сохранение преобладания США в мировой экономике зависело от изменения глобального торгового режима. С учетом возросшего влияния развивающихся стран в ВТО рассчитывать на трансформацию существующего регулирования посредством переговоров в рамках этой организации было нереалистично.

В качестве альтернативы Соединенные Штаты инициировали создание двух сверхкрупных проектов преференциальных торговых

²⁰ *Chance D.* Senate passes IMF reform in budget bill // Reuters. 2015. Dec. 19. <https://www.reuters.com/article/us-usa-fiscal-imf/senate-passes-imf-reform-in-budget-bill-idUSKBN0U204J20151219>.

²¹ *Obama B.* Remarks by the President on Fair Trade // The White House. 2012. March 13. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/03/13/remarks-president-fair-trade>.

соглашений²²: Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Первое охватывало ряд стран АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии — англ. *Association of South East Asian Nations*, ASEAN) и Латинской Америки, Австралию, Японию, а также участников Североамериканского соглашения о свободной торговле НАФТА (англ. *North American Free Trade Agreement*, NAFTA). ТТИП предполагало достижение договоренности между США и Европейским союзом.

Оба соглашения должны были включить устранение тарифных барьеров между участниками, но основное внимание в них уделялось снятию нетарифных ограничений на внешнеэкономическую деятельность. Более того, с точки зрения американской стратегии их задача состояла не просто в создании зоны преференциального экономического взаимодействия между участниками, но и в формировании столь мощных блоков, что другие страны вынуждены были бы внедрить схожие требования. Тем самым США рассчитывали поменять невыгодные для них правила игры в обход ВТО.

Успеху переговоров между США и ЕС препятствовало наличие влиятельных групп интересов в Европе, выступавших против принятия американских стандартов, а также способность Брюсселя противостоять давлению Вашингтона по принципиальным для обеих сторон вопросам. Несмотря на аналогичные сложности в согласовании ТТП, этот процесс оказался более успешен, и в 2015 г. его участники вышли на подписание согласованного документа. В то же время к этому моменту в самих Соединенных Штатах возрос уровень социального недоверия к преференциальным торговым соглашениям. В результате администрация Б. Обамы не успела ратифицировать договор о ТТП до конца срока пребывания у власти, а новый президент Д. Трамп заявил о выходе США из него сразу после инаугурации²³.

Таким образом, в вопросах реформирования международно-го экономического регулирования политика Соединенных Штатов

²² Рогов С. М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 2013. 6 мая. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets>.

²³ Baker P. Trump Abandons Trans-Pacific Partnership, Obama's Signature Trade Deal // The New York Times. 2017. Jan. 23. <https://www.nytimes.com/2017/01/23/us/politics/tpp-trump-trade-nafta.html>.

к середине 2010-х годов оказалась провальной. Вашингтон в целом устраивала система международных финансовых институтов, но не мировой торговый режим. Тем не менее ни попытки обструкции МВФ, ни усилия по формированию трансокеанических партнерств не привели к успеху. Причины таких результатов различались: в первом случае сказалось внешнее давление, во втором — дефицит общественной поддержки в самих Соединенных Штатах.

В то же время к 2017 г. Вашингтон вновь столкнулся с необходимостью пересмотра своего подхода к мировому экономическому порядку. Предвыборная риторика и последующая политика администрации Д. Трампа свидетельствуют о его скептическом отношении к международным институтам и стремлении обеспечить США «свободу рук»²⁴. Взгляды Трампа были ближе к воззрениям Дж. Буша-мл., чем У. Клинтона и Б. Обамы. В то же время ему необходимо было оперировать в условиях гораздо более конкурентной среды, чем та, которая имела место в начале 2000-х годов. В этой связи перед нынешним президентом стоят те же задачи, с которыми сталкивался его непосредственный предшественник, — адаптация Соединенных Штатов к международной системе, в которой материальное превосходство сократилось.

В этих условиях политика Д. Трампа строилась на фокусированном прямом давлении на ключевых оппонентов (Китай и Россию). Причем главным его компонентом выступила попытка экономического удушения с помощью тарифных ограничений и санкций, направленного на подрыв основ международной конкурентоспособности противников. В военной сфере США также проводили яркую демонстрацию силы, в том числе нарастив присутствие американских вооруженных сил в Восточной Европе и в Южно-Китайском море. Вместе с тем подобные запоминающиеся формы сигнализирования играют второстепенную роль в действиях Трампа.

Международные институты и традиционные союзники стали рассматриваться Трампом при проведении его политики как обуза, поэтому американская администрация либо в ультимативной форме требовала пересмотра правил игры, либо просто игнорировала их. В том числе она вышла из Парижского соглашения по климату,

²⁴ Transcript: Donald Trump's Foreign Policy Speech // The New York Times. 2016. Apr. 27. <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html>.

покинула состав ЮНЕСКО, фактически разрушила систему контроля вооружений, парализовала работу органов разрешения споров ВТО, вышла из Всемирной организации здравоохранения.

При этом в ряде случаев бескомпромиссное давление привело к пересмотру устоявшихся институциональных практик Вашингтон. Например, на фоне эмоциональной риторики о «смерти мозга» НАТО ему удалось добиться от европейских союзников повышения уровня военных расходов и частичного пересмотра прежнего спокойного отношения к расширению международной активности Китая.

Более того, политика Д. Трампа благодаря внешней экстравагантности имеет серьезный демонстрационный эффект. В этой связи в случае прихода администрации, более ориентированной на реализацию интересов через международные институты, возможности США по мобилизации поддержки партнеров серьезным образом возрастут. Возможные требования Вашингтона в этом случае будут представляться им более приемлемыми.

Заключение. Проведенный анализ свидетельствует, что на протяжении трех десятилетий Соединенные Штаты демонстрировали различные подходы к международным институтам. В американской стратегии по отношению к международному порядку в течение всего этого периода присутствовал изрядный компонент ревизионизма. В 1990-х годах он определялся стремлением заместить механизмы координации биполярного периода институтами западного сообщества. В первой половине 2000-х — желанием минимизировать институциональные издержки американской мощи. С конца 2000-х — попытками перестроить правила игры, чтобы сохранить отрыв от потенциальных конкурентов.

Среда осуществления внешней политики Вашингтона за этот период существенно изменилась, снижая способность страны направлять перестройку международных институтов. Вместе с тем поведение США, по крайней мере отчасти, определялось стратегическим выбором сменяющихся правящих администраций. Демократические команды У.Клинтон и Б.Обамы стремились мобилизовывать институциональные механизмы для мультипликации американской мощи. За это им приходилось расплачиваться необходимостью поддержки консенсуса среди союзников. Дж.Буш-мл. и Д.Трамп отдавали предпочтение сохранению «свободы рук», стремясь минимизировать влияние институциональных пут.

Таким образом, как стратегии опоры на институты, так и скепсис в отношении международного регулирования находили воплощение и в условиях явного американского доминирования, и на фоне ослабления преобладания США в мировой системе.

Литература

1. *Gilpin R.* War and change in world politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
2. *Organski A. F. K., Kugler J.* The war ledger. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 292 p.
3. *Ikenberry G. J.* After victory: Institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. 293 p.
4. Баталов Э. Я. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 1. С. 6–25.
5. Шаплеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 445 с.
6. Шаплеина Т. А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012. 272 с.
7. *Bull H.* The anarchical society: a study of order in world politics. London: Macmillan, 2012. 335 p.
8. *Waltz K.* Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
9. *Kindleberger C. P.* The World in Depression, 1929–1939: Revised and enlarged edition. Berkeley: University of California Press, 1986. 355 p.
10. *Lake D. A.* Hierarchy in international relations. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 232 p.
11. *Ruggie J. G.* Third try at world order? America and multilateralism after the Cold War // Political Science Quarterly. 1994. Vol. 109. No. 4. P. 553–570.
12. *Mastanduno M.* System maker and privilege taker // World Politics. 2009. Vol. 61, no. 1. P. 121–154.
13. *Grzybowski K.* Socialist Countries in GATT // The American Journal of Comparative Law. 1980. Vol. 28, no. 4. P. 539–554.
14. *Williamson J.* What Washington means by policy reform // Latin American adjustment: How much has happened. Washington, D. C.: Institute for International Economics, 1990. P. 90–120.
15. *Pouliot V.* International security in practice: the politics of NATO — Russia diplomacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 282 p.
16. Худайкулова А. В. Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 4. С. 67–79.
17. *Duffield J. S.* NATO's Functions after the Cold War // Political Science Quarterly. 1994. Vol. 109, no. 5. P. 763–787.
18. *Asmus R.* Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era. N. Y.: Columbia University Press, 2002. 372 p.
19. *Simma B.* NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects // European Journal of international law, 1999, vol. 10, no. 1. P. 1–22.

20. Wedgwood R. NATO's Campaign in Yugoslavia // *The American Journal of International Law*, 1999, vol. 93, no. 4. P. 828–834.
21. Kropatcheva E. Russia and the role of the OSCE in European security: a 'Forum' for dialog or a 'Battlefield' of interests? // *European security*, 2012, vol. 21, no. 3. P. 370–394.
22. De Santis H. Romancing NATO: Partnership for peace and East European stability // *The Journal of Strategic Studies*, 1994, vol. 17, no. 4. P. 61–81.
23. Istomin I. Negotiations under Disagreement: Limitations and Achievements of Russian-Western Talks on NATO Enlargement // *Tug of War: Negotiating Security in Eurasia* / Ed. by F. O. Hampson, M. Troitskiy. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2017. P. 35–52.
24. Богатуров А. Д. Международный порядок в наступившем веке // *Международные процессы*. 2003. № 1. С. 6–23.
25. Шаклеина Т. А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 3. С. 35–58.
26. Kagan R. America's crisis of legitimacy // *Foreign Affairs*, 2004, vol. 83, no. 2. P. 65–87.
27. Newnham R. "Coalition of the bribed and bullied?" US economic linkage and the Iraq War coalition // *International Studies Perspectives*, 2008, vol. 9, no. 2. P. 183–200.
28. Веселов В. А. Нераспространение ракетных технологий: вклад России в укрепление международного режима (часть вторая) // *Международные процессы*. 2012. Т. 10, № 30. С. 42–57.
29. Фененко А. В. Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: URSS, 2007. 248 с.
30. Gore C. The rise and fall of the Washington Consensus as a paradigm for developing countries // *World development*, 2000, vol. 28, no. 5. P. 789–804.
31. Trinidad A. M. O. Goodbye Washington consensus, hello Washington confusion? A review of the World Bank's economic growth in the 1990s: learning from a decade of reform // *Journal of Economic literature*. 2006, vol. 44, no. 4. P. 973–987.
32. Ramo J. C. The Beijing Consensus. London: Foreign Policy Centre, 2004. 74 p.
33. Obama B. Renewing American leadership // *Foreign Affairs*, July-August 2007, no. 4. P. 2–16.

Контактная информация:

Истомин Игорь Александрович — канд. полит. наук, доц.; iaistomin@gmail.com

American strategy towards the world order after the Cold War

Igor A. Istomin

MGIMO University,

76, Pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

For citation: Istomin I. A. American strategy towards the world order after the Cold War. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 405–431. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.28> (In Russian)

After the end of the Cold War, the United States emerged as a country with the greatest economic and military capabilities, which was eager to play an active role in restructuring institutions of international order. This article aims to assess the U.S. record from the 1990s till mid — 2010s in global governance, assessing the main changes in its strategy during this period. The paper is organized mainly in accordance with a chronological principle. However, considerations on the American policies are preceded by the exploration of the theoretical discussion on the main contradictions in the attitude of major powers towards international orders. After that, the strategies of three U.S. administrations dealing with global economic regulation and institutions for maintaining international security are consistently analyzed. The paper demonstrates that during the last quarter of a century the United States pursued a wide range of policies towards international institutions. The environment in which Washington conducted its foreign policy changed dramatically, reducing its ability to direct the restructuring of international norms. Nevertheless, the U.S. approach, at least in part, was shaped by the strategic choices made by its leadership. Moreover, Washington's policies throughout this period clearly diverged from expectations set in the theoretical literature as they included a major revisionist component.

Keywords: United States, foreign policy strategy, international organizations, international security, NATO, global economy, international financial institutions, WTO.

References

1. Gilpin R. *War and change in world politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981. 272 p.
2. Organski A. F. K., Kugler J. *The war ledger*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 292 p.
3. Ikenberry G. J. *After victory: Institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major wars*. Princeton, Princeton University Press, 2001. 293 p.
4. Batalov E. Ya. New Institutionalization of World Politics, *Mezhdunarodnye protsessy*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 6–25. (In Russian)

5. Shakleina T. A. *Russia and the USA in the New World Order*. Moscow, Institut USA and Canada Press, 2002. 445 p. (In Russian)
6. Shakleina T. A. *Russia and the USA in World Politics*. Moscow, Aspekt Press, 2012. 272 p. (In Russian)
7. Bull H. *The anarchical society: a study of order in world politics*. London, Macmillan, 2012. 335 p.
8. Waltz K. *Theory of International Politics*. Boston, McGraw-Hill, 1979. 251 p.
9. Kindleberger C. P. *The World in Depression, 1929–1939: Revised and enlarged edition*. Berkeley, University of California Press, 1986. 355 p.
10. Lake D. A. *Hierarchy in international relations*. Ithaca, Cornell University Press, 2009. 232 p.
11. Ruggie J. G. Third try at world order? America and multilateralism after the Cold War. *Political Science Quarterly*, 1994, vol. 109, no. 4, pp. 553–570.
12. Mastanduno M. System maker and privilege taker. *World Politics*, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 121–154.
13. Grzybowski K. Socialist Countries in GATT. *The American Journal of Comparative Law*, 1980, vol. 28, no. 4, pp. 539–554.
14. Williamson J. What Washington means by policy reform. *Latin American adjustment: How much has happened*. Washington, D. C., Institute for International Economics, 1990, pp. 90–120.
15. Pouliot V. *International security in practice: the politics of NATO-Russia diplomacy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 282 p.
16. Khudaikulova A. V. Novelty in Management of International Conflicts. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2016, vol. 14, no. 4, pp. 67–79. DOI 10.17994/IT.2016.14.4.47.5. (In Russian)
17. Duffield J. S. NATO's Functions after the Cold War. *Political Science Quarterly*, 1994, vol. 109, no. 5, pp. 763–787.
18. Asmus R. *Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era*. New York, Columbia University Press, 2002. 372 p.
19. Simma B. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects. *European Journal of International Law*, 1999, vol. 10, no. 1, pp. 1–22.
20. Wedgwood R. NATO's Campaign in Yugoslavia. *The American Journal of International Law*, 1999, vol. 93, no. 4, pp. 828–834.
21. Kropatcheva E. Russia and the role of the OSCE in European security: a 'Forum' for dialog or a 'Battlefield' of interests? *European security*, 2012, vol. 21, no. 3, pp. 370–394. (In Russian)
22. De Santis H. Romancing NATO: Partnership for peace and East European stability. *The Journal of Strategic Studies*, 1994, vol. 17, no. 4, pp. 61–81.
23. Istomin I. Negotiations under Disagreement: Limitations and Achievements of Russian-Western Talks on NATO Enlargement. *Tug of War: Negotiating Security in Eurasia*. Ed. by F. O. Hampson, M. Troitskiy. Montreal, McGill-Queen's University Press, 2017, pp. 35–52.
24. Bogaturov A. D. International Order at the Turn of the XXI Century. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2003, no. 1, pp. 6–23. (In Russian)

25. Shakleina T. A. Evolution of the U.S. Global Strategy (2001–2011). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25 Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2011, no. 3, pp. 35–58. (In Russian)
26. Kagan R. America's crisis of legitimacy. *Foreign Affairs*, 2004, vol. 83, no. 2, pp. 65–87.
27. Newnham R. "Coalition of the bribed and bullied?" US economic linkage and the Iraq War coalition. *International Studies Perspectives*, 2008, vol. 9, no. 2, pp. 183–200.
28. Veselov V. A. Nonproliferation of Missile Technologies: Russian Contribution to the Strengthening of the International Regime (part two)]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2012, vol. 10, no. 30, pp. 42–57. (In Russian)
29. Fenenko A. V. *Theory and Practice of Counterproliferation in Foreign Policy Strategy of the USA*. Moscow, URSS, 2007. 248 p. (In Russian)
30. Gore C. The rise and fall of the Washington Consensus as a paradigm for developing countries. *World development*, 2000, vol. 28, no. 5, pp. 789–804.
31. Trinidad A. M. O. Goodbye Washington consensus, hello Washington confusion? A review of the World Bank's economic growth in the 1990s: learning from a decade of reform. *Journal of Economic literature*, 2006, vol. 44, no. 4, pp. 973–987.
32. Ramo J. C. *The Beijing Consensus*. London, Foreign Policy Centre, 2004. 74 p.
33. Obama B. Renewing American leadership. *Foreign Affairs*, July-August 2007, no. 4, pp. 2–16.

Author's information:

Igor A. Istomin — PhD in Political Science, Associate Professor;
iaistomin@gmail.com

УДК 32.019.5+327

Цифровизация публичной дипломатии США

Н. А. Цветкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Цветкова Н. А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 432–443. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.29>

В статье выявлены новые тенденции в такой области внешней политики США, как публичная дипломатия. Используя качественные и количественные методы анализа, автор приходит к выводу, что интернет-дипломатия (цифровая дипломатия), пропаганда в социальных сетях, а также активное использование ботов и искусственного интеллекта, — новый императив публичной дипломатии США. Автор заключает, что такие понятия, как «мягкая сила» и «публичная дипломатия», заменяются термином «стратегическая коммуникация» в официальных документах правительства США, что подразумевает активное использование пропаганды. Результаты проведенного исследования могут найти применение во внешней политике России.

Ключевые слова: мягкая сила, публичная дипломатия, цифровая дипломатия, интернет, социальные сети, пропаганда, боты, постправда, искусственный интеллект, США, Д. Трамп.

Проекты в области культуры, образования, религии, языка, науки, информации и спорта как инструменты привлечения зарубежной аудитории к ценностям Америки перестали занимать приоритетные позиции в политике мягкой силы и публичной дипломатии США с 2013–2014 гг. [1–11] Стратегическая коммуникация и пропаганда, цифровая дипломатия являются ведущими направлениями во внешней политике США.

Поворот обусловлен вниманием администрации США к использованию социальных сетей в качестве инструмента мобилизации либеральных настроений в зарубежных странах, а также таким значимым событием в развитии мировой политики, как потеря информационной монополии США. Россия, Иран, Китай, страны Европейского союза и Латинской Америки сумели расширить национальные и альтернативные источники информации посредством социальных

платформ и развития цифрового телевидения в сети Интернет [12, с. 7–16]. Точка зрения правительства США на многие проблемы мировой политики оказалась не преобладающей, что заставило администрацию отказаться от многих традиционных программ публичной дипломатии и мягкой силы и сосредоточиться на расширении информационных каналов для продвижения собственной повестки.

С приходом администрации Д. Трампа ожидалось кардинальные перемены во всех аспектах внешней политики и публичной дипломатии. Однако, несмотря на различные заявления официальных лиц США о преобразовании в области политики мягкой силы, предложения президента о сокращении бюджета на программы в области информации, обменов, культуры, поддержки партий и неправительственных организаций в зарубежных странах, американская публичная дипломатия продолжает активно развиваться по линии цифровизации. Использование социальных сетей, ботов и элементов искусственного интеллекта для массированного распространения информации по целевым аудиториям в зарубежных странах и борьбы с информацией соперников находится на переднем плане внешней политики. Администрация Д. Трампа не только не сохранила наследие демократической администрации Б. Обамы в области цифровой дипломатии, но и активно развивает новейшие методы воздействия на зарубежных граждан, причем пропаганда обозначается как самый эффективный инструмент для борьбы с конкурирующими источниками информации.

Исходя из вышесказанного, автор данной статьи поставил целью своего исследования выявить новейшие и перспективные направления публичной дипломатии администрации США на современном этапе.

В исследовании будут использоваться такие документы правительства, как финансовые показатели, материалы слушаний в комитетах Конгресса по дотациям на внешнюю политику, материалы расследования российской информационной деятельности внутри США, рекомендации американских экспертов по использованию таких технологий как боты и искусственный интеллект в проектах публичной дипломатии и мягкой силы.

Обширная источников база потребовала применения различных методов. Традиционные методы документального и сравнительного анализа, что свойственно историческим исследованиям, являются основными. Методы анализа социальных сетей (статистический

софт NVivo), метрические показатели использования правительством США различных платформ в сети Интернет активно использовались для подготовки данного исследования.

Результаты исследования показали: после вступления в должность президента Д. Трампа публичная дипломатия активно использует потенциал цифровых инструментов. Новый госсекретарь США постоянно заявлял о сокращении состава госслужащих, занимающихся программами обменов, культуры или пропаганды. Аппарат публичной дипломатии новой администрации долгое время состоял из тех служащих бывшей администрации Б. Обамы, которые не покинули пост и получили статус «исполняющих обязанности». Однако многие сотрудники аппарата публичной дипломатии и, самое главное, квалифицированные эксперты покинули администрацию Д. Трампа, что привело к образованию вакуума в деятельности различных ведомств и прекращению реализации многих проектов. Особенно пострадал отдел Госдепартамента, который занимался ликвидацией информационных потоков террористов, вел информационную войну против России, Китая, Ирана и т. п. Центр глобального вовлечения (*Center for Global Engagement*), созданный администрацией Б. Обамы, развивал цифровые технологии, использовал блогеров и ботов для противостояния антиамериканской и антилиберальной информации в социальных сетях. Конгресс щедро профинансировал новое звено в публичной дипломатии буквально перед самым уходом демократической администрации в размере 60 млн долл. на 2017–2018 гг. После прихода к власти новой республиканской администрации должность главы Центра оставалась вакантной, а финансирование не использовалось в течение нескольких месяцев.

Подобные проблемы, как показывают документы, вызваны не слабостью администрации в поиске персонала или намерением госсекретаря реформировать ведомство на Фогги Боттом, а новыми рекомендациями экспертов о кардинальной перестройке аппарата публичной дипломатии в сторону развития таких технологических ресурсов, как использование искусственного интеллекта и ботов, для ведения информационных кампаний в социальных сетях. Это требует тщательного подбора сотрудников в отделы по публичной дипломатии Госдепартамента и выработки новой стратегии США в информационном противостоянии.

Как следствие, в течение 2017 г. была неизвестна фигура главы отдела по публичной дипломатии в Госдепартаменте. Только в де-

кабре 2017 г. стало ясно, что новую должность получит специалист в области коммуникации, причем в ее цифровом измерении. Ирвинг Гоулдстейн, известный проектами в области продвижения имиджа корпораций и правительства США через социальные сети Facebook, Twitter и т. п., был утвержден Сенатом и приступил к выполнению задач. Его назначение и официальные заявления подтверждают тезис о приоритете использования интернет-технологий над традиционными программами в новой публичной дипломатии.

Утверждения многих экспертов о том, что администрация Д. Трампа сократит бюджет на реализацию задач внешней политики и публичной дипломатии, оказались неверными. В период с января по июнь 2017 г. президент и госсекретарь неоднократно заявляли, что финансирование программ публичной дипломатии будет сокращено на 55 %. Проектная деятельность посольств США в зарубежных странах, работа американских библиотек, финансирование программы Фулбрайта и т. п. оказались под угрозой.

Однако Конгресс США не только не сократил расходы на реализацию традиционных и цифровых проектов, но и серьезно увеличил финансирование. Летом 2017 г. были приняты дополнительные законы и резолюции под общим названием «консолидированное финансирование»¹. Страны постсоветского пространства и Восточной Европы получили дополнительные средства для реализации проектов в области цифровой дипломатии, международного вещания, проведения программ обменов, поддержки партий, неправительственных организаций (НПО), выборов и пр.

Выявлены следующие тенденции и перспективы в развитии инструмента внешней политики США, который еще несколько лет назад назывался публичной дипломатией, а сегодня все чаще обозначается как стратегическая коммуникация или интернет-дипломатия.

За 2017 г. правительство США существенно нарастило присутствие в различных социальных сетях. Статистический анализ данных показывает, что Госдепартамент поддерживает более 450 сайтов на платформе Facebook и 350 учетных записей на платформе Twitter. Увеличение масштабов цифровой дипломатии — в три раза по сравнению с 2013 г.

¹ Consolidated Appropriations Act 2017. P.L. 115–31: U.S. Congress. <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/244/text>.

Особую роль в американских информационных кампаниях играет подход, нацеленный на дискредитацию информации и политических лидеров в странах-оппонентах. Например, во время выборов 2016 г. каналы международного вещания США ежедневно оспаривали информацию, исходящую от российских СМИ. В качестве ответа был разработан подход по так называемой проверке фактов, что означало осуществление краткосрочной информационной кампании по дискредитации источника информации конкурентов США в мировом пространстве. До октября 2017 г. информационные кампании, призывавшие проверять факты (*fact-checking campaigns*), занимали приоритетное направление в публичной дипломатии США. Если провести контент-анализ новостной ленты официальных каналов международного вещания правительства США в социальных сетях посредством программы NVivo, которая позволяет анализировать big data, то слова «Россия», «Трамп», «Путин» и пр. являлись ключевыми и употреблялись исключительно в негативном контексте (см. рис.).

Рисунок. Содержание информации международных каналов вещания США в социальных сетях, 2016–2017 гг.

На рисунке указаны слова и термины, которые чаще других использовались каналами международного вещания США. Каналы транслировали информацию о кандидате в президенты Д. Трампе, президенте России В. Путине, о России, причем в негативном контексте. Это свидетельствует о том, что публичная дипломатия США находилась в состоянии защиты посредством распространения негативной оценки оппонентов, а не в состоянии нападения, когда по-

зитивное описание собственной повестки, мнения и т. п. доминирует в информационных потоках.

Сегодня правительство США осознает слабость данного подхода в силу роста числа игроков в информационном поле и расширения масштабов информации в сети Интернет. Наблюдается смена парадигмы интернет-дипломатии США. Вместо проверки фактов или попыток обвинить информационных оппонентов США намереваются распространять («вбрасывать») проамериканскую информацию на те целевые аудитории, которые находятся под влиянием России, КНР и других политических соперников. Такие кампании подразумевают превентивные информационные «удары», скажем, по русскоязычной аудитории стран Евразии или по китайским социальным сетям.

В этой связи концепция постправды, которая сегодня на слуху у многих экспертов, стала императивом публичной дипломатии США. Концепция постправды в ее практическом применении подразумевает отказ от информационного ответа или реакции на пропаганду против США, вместо этого используется прямое информационное давление на целевые аудитории для продвижения либеральной повестки. Именно поэтому публичная дипломатия уже не является инструментом политики мягкой силы, привлечения или взаимодействия с зарубежными аудиториями, а инструментом массовой пропаганды, реализуемой посредством компьютеров, ботов и технологий искусственного интеллекта².

Если проанализировать конкретные расходы и проекты правительства США в области традиционной и цифровой публичной дипломатии, то мы увидим, что администрация Д. Трампа тратит на все такие программы более 2 млрд долл. В эту сумму входят расходы на пропаганду, международное вещание, цифровую дипломатию, демократизацию, то есть на поддержку партий, НПО, обмена в области культуры и образования. Часть бюджета расходуется на информационные программы, которые относятся к цифровому международному вещанию. Более 750 млн долл. в год — это современный бюджет информационной деятельности США.

² Wharton B. Public Diplomacy in a Post-Truth Society. Remarks by Acting under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs: Department of State. <https://www.state.gov/r/remarks/2017/268592.htm>.

Россия оказалась на пятом месте среди 40 приоритетных стран, в которых большинство программ публичной дипломатии направлены на развитие демократии³. За последние три года финансирование американских проектов в России в области информационных, образовательных, культурных и интернет-проектов и т. п. увеличилось с 5 до 10 млн долл. в год. Особо можно отметить 2016 г., когда впервые расходы на проекты в области публичной дипломатии были увеличены в два раза⁴. Однако в эту сумму не входит финансирование, направляемое на противостояние с российской информацией в странах Восточной Европы и Евразии и исчисляемое в десятках миллионов долларов.

Российское, Восточноевропейское и Евразийское направления остаются самыми значимыми регионами в современной публичной дипломатии и занимают приоритетное место в информационной деятельности США. Такая задача, как отрыв русскоязычного населения в России, на постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы от источников информации Москвы, что было обозначено предыдущей администрацией США, остается приоритетной и сегодня [6, с. 59–72]. Цель американской публичной дипломатии в странах Евразии и Восточной Европы обозначена как «противодействие российской дезинформации и пропаганде»⁵. США не устраивает тот факт, что Россия контролирует информацию на русском языке, распространяет свое видение мировой политики для 600 млн человек в мире, в то время как международное вещание США охватывает 278 млн человек⁶.

Для расширения доступа к русскоязычной части аудитории были предприняты различные шаги, в том числе в сфере цифровых технологий. Как неоднократно отмечалось, был создан новый интернет-канал «Настоящее Время» на платформе «Голоса Америки». Передачи канала смотрят более 2,4 млн жителей Евразии, основная аудито-

³ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/pdcommission/reports>. P. 20.

⁴ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/pdcommission/reports>. P. 20, 269.

⁵ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/pdcommission/reports>. P. 232

⁶ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD.pdf>. P. 232.

рия — молодежь от 15 до 24 лет, проживающая в России, Казахстане и на Украине⁷.

Новым проектом выступает создание сети блогеров (*digital communicators*) на территории стран Восточной Европы, Средней Азии и России. В 2018–2019 гг. предполагается создать сеть из 3 тыс. активных пользователей социальных сетей, которые будут поддерживать работу независимых СМИ, либеральный дискурс и американский взгляд на происходящие события в странах постсоветского пространства⁸. Развитием навыков работы зарубежных активистов в социальных сетях занимается такой известный и успешный проект, созданный еще госсекретарем Х. Клинтон, как *TechCamps*. Проект проводит серию семинаров для активных блогеров, лидеров НПО и др. с участием представителей Силиконовой долины США и направлен на мобилизацию пользователей киберпространства во круг ценностей и повестки дня США.

Новое направление публичной дипломатии, которое специально создано для русскоязычного населения постсоветского пространства, носит название «развитие медиаграмотности», что подразумевает формирование критического восприятия потребляемой информации среди широких слоев русскоговорящего населения, проживающих на территории Украины, Молдовы, Грузии, России. Управление международным вещанием и известная неправительственная организация IREX взяли на себя функции по реализации семинаров для молодежи в этих странах, которые доносят до слушателей различие между информацией и пропагандой⁹.

Однако самым важным направлением публичной дипломатии США является использование технологий ботов и искусственного интеллекта. Во время слушаний в Конгрессе по вопросу об информационной деятельности России в социальных сетях (Facebook, Twitter, Youtube) в конце октября 2017 г. эксперты пришли к выводу, что сегодня публичная дипломатия и мягкая сила должны стать компьютерной пропагандой, которую осуществляют боты, «тролли» и пр., называемые в США «коммуникационными инструментами

⁷ Broadcasting Board of Governors. Report, 2016: Broadcasting Board of Governors. <https://www.bbg.gov/strategy-and-performance/annual-reports>.

⁸ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD.pdf>. P. 234.

⁹ Learn to Discern: IREX. <https://www.irex.org/project/learn-discern>.

машинного типа». Масштабы использования различных компьютерных программ для распространения определенной информации стали огромными. Многие страны, политики и корпорации используют систему ботов для распространения информации по целевым аудиториям. Ответом на использование подобного инструментария, по мнению правительственных экспертов США, может быть только создание армии ботов и особого отдела ботов при Госдепартаменте США. Несомненно, США всегда использовали данный инструмент, однако сейчас речь идет о создании официального отдела¹⁰.

В отличие от многих стран, которые используют данные технологии, США убеждены, что боты — не самый надежный инструмент, поскольку технология не позволяет эффективно вести дискуссию с пользователями социальных сетей. Только искусственный интеллект может создавать большие объемы данных, направлять их на целевые аудитории и, самое главное, реагировать на комментарии и давать точные, яркие и убедительные ответы в социальных сетях, что очень важно в период проведения информационных кампаний¹¹. Поэтому использование искусственного интеллекта в публичной дипломатии является новой задачей. Более того, создание так называемого *chatbot 24/7/365* с использованием искусственного интеллекта не только заменяет сотни служащих отделов цифровой дипломатии США, но и втягивает в дискуссии миллионы пользователей интернета на всех языках.

Итак, поворот в публичной дипломатии от политики вовлечения к осуществлению масштабной пропаганды при помощи ботов и искусственного интеллекта в социальных сетях вызван не только развитием новых технологий, но и потерей контроля правительства США над информационным нарративом в мире. Выборы президента в США в 2016 г. отчетливо показали, что воздействие через социальные сети на маргинальные группы способно дестабилизировать либеральный мейнстрим. Обеспечение сохранения либерального политического порядка при помощи применения новых технологий в виде искусственного интеллекта и ботов в социальных сетях является основной причиной трансформации природы публичной дипломатии и мягкой силы США.

¹⁰ Can Public Diplomacy Survive the Internet? 2017: Department of State. <https://www.state.gov/documents/organization/271028.pdf>. P. 44.

¹¹ Can Public Diplomacy Survive the Internet? 2017: Department of State. <https://www.state.gov/documents/organization/271028.pdf>. P. 41.

Наконец, финансирование проектов в области информационного обеспечения внешнеполитической деятельности, каналов международного вещания и цифровой дипломатии будет нарастать, а такие задачи публичной дипломатии, как информационное влияние на русскоязычное население стран Восточной Европы и Евразии, останутся приоритетными в ближайшие годы.

Литература

1. Алимов А. А., Немчинова Т. С., Музалёв А. А. Публичная дипломатия на Евразийском пространстве // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 3 (44). С. 127–130.
2. Барышников Д. Н. Публичная дипломатия и многостороннее сотрудничество в альянсе цивилизаций ООН // Политэкс. 2013. № 9 (2). С. 14–23.
3. Лагутина М. Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. 2015. № 11 (83). С. 124–136.
4. Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л. Олимпийские и паралимпийские зимние игры в Сочи как аспект «мягкой силы» // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2014. № 10 (116). С. 89–93.
5. Немчинова Т. С. Международный круглый стол «Публичная дипломатия на Евразийском пространстве» // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 1. С. 164–166.
6. Цветкова Н. А. «Русский мир» в публичной дипломатии США: направления на 2015–2018 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 8 (560). С. 59–72.
7. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к стратегической коммуникации // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 3 (42). С. 121–133.
8. Церпицкая О. Л., Маркушина Н. Ю., Ковалевская Н. В., Тимченко Н. М. Религиозный фактор как аспект мягкой силы Российской политики // Инновации и инвестиции. 2015. № 9. С. 72–74.
9. Ягья В. С., Блинова Н. В. Английский язык как фактор мировой политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 4. С. 102–108.
10. Ягья В. С., Минфу Л. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI в. // Международная жизнь. 2015. № 7. С. 84–93.
11. Ягья В. С., Пономарева Е. Г. Научное сотрудничество — форма и метод публичной дипломатии // Обозреватель. 2015. № 8 (307). С. 69–82.
12. Ягья В. С., Чуков Р. С., Парфененко Н. Л. БРИКС: Эволюция и конвергенция сил // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2016. Т. 16, № 1. С. 7–16.

Контактная информация:

Цветкова Наталья Александровна — д-р ист. наук, проф.; n.tsvetkova@spbu.ru

Digitalization of U. S. Public Diplomacy

Natalia A. Tsvetkova

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tsvetkova N. A. Digitalization of U. S. Public Diplomacy. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 432–443.

<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.29> (In Russian)

The methods of qualitative and quantitative analysis are applied in the research in order to discuss new shifts in U. S. public diplomacy. The author concludes that the digital diplomacy, bots, and artificial intellect constitute a new imperative for the U. S. public diplomacy. In addition, the author confirms her previous findings that such notions as “soft power” and “public diplomacy” have been substituted by the “strategic communication” in official documents that implies the priority in the development of propaganda and information campaigns in both traditional and digital public diplomacy. The findings can contribute to the Russian foreign policy.

Keywords: soft power, public diplomacy, digital diplomacy, Internet, social media, propaganda, bots, post-truth, artificial intellect, the United States, D. Trump.

References

1. Alimov A. A., Nemchinova T. S., Muzal'gov A. A. Public Diplomacy in the Eurasia. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2017, no. 3 (44), pp. 127–130. (In Russian)
2. Baryshnikov D. N. Public Diplomacy and Multilateral Cooperation in the UN Alliance of Civilizations. *Politjeks*, 2013, no. 9 (2), pp. 14–23. (In Russian)
3. Lagutina M. L. EU and EEU: Problems and Perspectives of the Cooperation in the Current Geopolitical Conditions. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, no. 11 (83), pp. 124–136. (In Russian)
4. Markushina N. Ju., Tserpitskaya O. L. Olympic and Paralympic Winter Games in Sochi, as an Aspect of “Soft Power”. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2014, no. 10 (116), pp. 89–93. (In Russian)
5. Nemchinova T. S. International Roundtable: Public Diplomacy in the Eurasia. *Sravnitel'naya politika*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 164–166. (In Russian)
6. Tsvetkova N. A. *Russkiy Mir* in American Public Diplomacy: New Directions (2015–2018). *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2016, no. 8 (560), pp. 59–72. (In Russian)
7. Tsvetkova N. A. New Forms and Elements of US Public Diplomacy: from Soft Power to Dialogue — Based Propaganda. *Mezhdunarodnye processy* 2015, vol. 13, no. 3 (42), pp. 121–133. (In Russian)

8. Tserpitskaya O. L., Markushina N. Ju., Kovalevskaia N. V., Timchenko N. M. The Religious Factor as an Aspect of the Soft Power of Russian Politics. *Innovacii i investicii*, 2015, no. 9, pp. 72–74. (In Russian)
9. Yagya V. S., Blinova N. V. English as a factor of world politics. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ser. 6: Filosofija, politologija, sociologija, psihologija, pravo, mezhdunarodnye otnoshenija*, 2007, no. 4, pp. 102–108. (In Russian)
10. Yagya V. S., Minfu L. Confucius Institute as a Factor of “Soft Power” in China’s Foreign Policy in the XXI Century. *Mezhdunarodnaja zhizn*, 2015, no. 7, pp. 84–93. (In Russian)
11. Yagya V. S., Ponomareva E. G. Scientific Cooperation — Form and Method of Public Diplomacy. *Obozrevatel’*, 2015, no. 8 (307), pp. 69–82. (In Russian)
12. Yagya V. S., Chukov R. S., Parfenenok N. L. BRICS: Evolution and Convergence of Powers. *Vestnik RUDN Press. Ser. International Relations*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 7–16. (In Russian)

Author’s information:

Natalia A. Tsvetkova — Dr. Sci. in History, Professor; n.tsvetkova@spbu.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

УДК 913+327

Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия¹

В. А. Колосов

*Институт географии Российской академии наук,
119017, Москва, Старомонетный переулок, 29, стр. 4;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Для цитирования: Колосов В. А. Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 444–464.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.30>

Статья посвящена влиянию кризиса в отношениях между двумя странами на взаимодействия между их приграничными районами, экономику и социальную сферу российского порубежья. Кратко анализируются предпосылки, которые привели к острому политическому конфликту между двумя государствами, и дается обзор исторических и этнокультурных особенностей развития приграничных регионов России и Украины. Рассматривается специфика соседства и социально-экономические градиенты между соседними территориями двух стран.

Ключевые слова: трансграничное взаимодействие, Украина, Россия, территориальные идентичности.

Российско-украинские отношения были сложными и нестабильными с первых дней после распада Советского Союза. Воссоединение Крыма с Россией и появление нового закрытого государственного рубежа с Украиной, гражданская война в Донбассе стали новыми вызовами, радикально трансформировавшими обстановку в российско-украинском пограничье. Сокращение связей суще-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания № 0148-2019-008 «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях неравномерности и глобальной нестабильности».

ственно повлияло на хозяйство и повседневную жизнь населения приграничных районов России.

Приграничные территории России и Украины исторически связаны друг с другом. Многие годы они развивались в составе Российской империи, затем Советского Союза. Советский период был отмечен для них интенсивной социально-экономической модернизацией. Украинцы — близкородственный русским народ, в течение многих веков живший в одном с ними государстве. Разрыв между Украиной и Россией оказался болезненным.

Настоящая статья посвящена влиянию кризиса в отношениях между двумя странами на взаимодействия между их приграничными районами, экономику и социальную сферу российского порубежья. Сначала кратко анализируются предпосылки, которые привели к острому политическому конфликту между двумя государствами, и дается обзор исторических и этнокультурных особенностей развития приграничных регионов России и Украины. Затем рассматривается специфика соседства и социально-экономические градиенты между соседними территориями двух стран.

Региональные контрасты и исторические особенности развития приграничных регионов России и Украины. Динамика российско-украинских отношений напрямую связана с путями государственного и национального строительства в обеих странах, отражающими сложную иерархию территориальных идентичностей. Современная территория украинского государства сформировалась совсем недавно. Существовавшие в прошлом политические и административные границы отчетливо проявляются в идентичности жителей и совпадают с религиозными, языковыми, социально-экономическими и политико-культурными рубежами [1]. Глубокая связь между региональной, лингвистической и конфессиональной принадлежностью и электоральными предпочтениями населения выявлена многочисленными исследованиями украинских, российских и западных специалистов с использованием как социологических, так и географических методов, а также статистических моделей [2–6].

Дебаты о геополитической ориентации Украины составляли неразрывную часть строительства национальной идентичности и были тесно переплетены с ключевыми проблемами украинской государственности [7–8]. Экономические факторы толкали Украину к востоку, а политические и «идеологические» факторы, связанные с задачами государственного строительства, — к западу. Эти

противоречия можно рассматривать как конфликт между задачами национального и государственного строительства и ограничениями экономического развития. Украинская этническая и политическая идентичность сильнее в западных регионах, а интеллектуальный потенциал и отрасли высокой технологии были сконцентрированы преимущественно на востоке.

В условиях социально-культурной поляризации между востоком и западом страны (в реальности культурные различия здесь носят гораздо более сложный характер) среди украинской политической элиты еще в начале 1990-х годов возобладало мнение, что Украина станет современным государством только тогда, когда в обществе будет достигнута определенная культурно-языковая однородность. Опасаясь раскола страны по региональным разломам, украинские идеологи и государственные деятели взяли курс на строительство политической идентичности, объединяющей всех граждан независимо от их этнической, языковой, конфессиональной и региональной принадлежности, на основе украинской национальной (чаще именно западноукраинской) культуры, исторических представлений и стереотипов. Всякое государство, подчеркивали многие авторы, нуждается в особой системе национальных мифов, символов и представлений, поэтому господствующая украинская историография является не националистической, а национальной [7]. Главным способом укрепления общей политической идентичности и построения независимой Украины как нового крупного европейского государства стала известная в истории «оппозиционная» модель — противопоставление России.

Предлагаемая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея» основывалась на представлении, что украинцы — европейский народ, всегда тяготевший к передовым странам Европы, насильственно отторгнутый от них после присоединения к России. Отрицание культурного единства восточных славян, хотя и с некоторыми колебаниями, задолго до нынешнего кризиса закономерно привело к принятию «западной» геополитической доктрины и признанию НАТО гарантом национального суверенитета и безопасности. Наследие почти трех с половиной столетий имперского и советского периодов истории рисуется исключительно в черном цвете [9, с. 50–67]. Поскольку украинская идентичность противопоставляется русской и «малороссийской» (идентичности русскоязычных и русифицированных украинцев), то из этого следует необходимость со-

кращения социальной и культурной дистанции между регионами, строительства централизованного, унитарного государства, в котором вопросы образования и культуры решаются главным образом в столице.

Национальные стереотипы обязательно включают образы пространства: разные районы государства получают своего рода коды, и многие из них становятся национальными символами, рассматриваемыми как колыбель государственности, очаги национального сознания и борьбы за независимость. На географические образы опираются проекты государственного строительства, внешнеполитические стратегии (например, присоединения к НАТО или ЕС).

Современная «национальная идея» предполагает коренной пересмотр символического восприятия территории Украины и ее границ как органической части идентичности. В советский период главным регионом Украины был Восток. Причины этого — и экономические, и идеологические: высокая концентрация рабочего класса, который рассматривался как опора советской власти, интернациональный состав населения, распространение русского языка. Восток — это и Донбасс, один из станаовых промышленных регионов всего Советского Союза; и Харьков — первая столица Украины, третий по численности населения город СССР, средоточие крупнейших предприятий центрального подчинения, стратегически важных для всей страны, и город шахтеров и металлургов Донецк. Множество выходцев с Востока постоянно пополняли ряды высшего советского партийного и военного руководства, интеллектуальную элиту, творческую интеллигенцию. Напротив, Запад, до Второй мировой войны никогда не входивший в состав общего с Россией государства, воспринимался как сельская, аграрная, сравнительно чуждая периферия и ассоциировался с «бандеровщиной» — партизанской борьбой против советской власти в первые послевоенные годы.

Однако в годы независимости Запад, наоборот, стал рассматриваться как колыбель национально-освободительного движения и истинно украинской идентичности, оплот демократизации, обеспечивающий наряду со столицей социальный прогресс и желанное сближение с Европой, а жители Востока — русифицированными и одураченными коммунистической, а позже российской пропагандой малообразованными «ватниками», не помнящими родства. Их позиция интерпретировалась как препятствие европеизации и демократической трансформации страны, а русский язык стал симво-

лом прокоммунистической ориентации и ностальгии по советскому прошлому².

На Востоке приверженцы концепции единства трех восточно-славянских народов полагали, что за много веков совместной жизни в рамках одного государства произошло естественное тесное взаимопроникновение родственных украинской и русской культур, сближение идентичностей русских и украинцев. Согласно такой позиции, в ходе «столкновения цивилизаций» общее русско-украинское культурно-лингвистическое пространство было расколото внешними силами, стремящимися изменить геокультурный код украинского народа и превратить Украину в периферию глобального Запада. Орудием этих сил стал радикальный украинский национализм в его галицийской версии. Именно Западная Украина, далекая периферия Запада — «чужая» в украинском государстве [10].

Жителям Востока была близка идея федерализации Украины как способа учета различных интересов регионов и отражения их ярко выраженной культурной специфики. Население Востока волновали не столько статус русского языка и проповедуемая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея», сколько ее принципиальный антироссийский компонент, навязываемое представление о неполноценности, культурной периферийности и зависимости «насиленно русифицированных» территорий от «национально сознательного» Запада. Важнейшую роль в расколе сыграли глубокие различия в коллективной исторической памяти и ценностях Востока и Запада. Жители Востока воспринимали себя не как жертвы советского строя, установленного «чужаками» из России, а как активные творцы истории коммунистического периода, хранили память не только о его провалах и несчастьях, но и о достижениях, отстаивая право на собственную интерпретацию недавнего прошлого³, тем более что экономический и интеллектуальный потенциал, уровень благосостояния на Востоке были выше.

Культурный и политический раскол между Востоком и Западом усугублялся конфликтом между региональными элитами, оспаривавшими контроль над центральными институтами власти. Представляющие разные части страны партии в значительной мере мо-

² Рябчук М. Две Украины // Независимая газета. 1992. № 45 (216). 6 марта.

³ Zhurzhenko T. The myth of two Ukraines. Eurozine, 17 Sept. 2002. <http://www.eurozine.com/the-myth-of-two-ukraines>.

нополизовали поддержку избирателей в районах, на которые они опирались: в Донбассе большинство избирателей голосовало сначала за компартию, затем за Партию регионов. Политическая поляризация консервировала мифы и стереотипы, культурную изоляцию Востока и Запада. По данным луганских социологов, в 2007 г. 54 % жителей Луганска никогда не были в западной части страны и в то же время 65 % львовян не бывали в Донбассе⁴.

События 2014 г. глубоко трансформировали общественное мнение на Украине. С одной стороны, они вызвали фактически сецессию части территорий Донецкой и Луганской области, а с другой — сильно способствовали консолидации украинской политической нации. Национализм — одна из главных форм территориальной идеологии и основа государственного строительства. Он всегда предполагает борьбу за территорию или защиту прав на нее. Общественные представления о «коренном населении» и его культуре, безопасности государства, предполагаемых или реальных внешних угрозах, исторические мифы и стереотипы определяют отношение людей к конкретной границе [11].

Нынешняя граница между Россией и Украиной на большей части протяженности очень «молода» и в своем нынешнем виде возникла только в XX в., в первые годы советской власти, хотя начертание многих отрезков сложилось гораздо раньше.

Процесс консолидации восточнославянских земель в XIII–XIV вв. привел к тому, что регионы современного российско-украинского пограничья оказались в составе нескольких соседних государств — Великого княжества Литовского, Великого княжества Московского и Королевства Польского. При этом Великое княжество Литовское охватывало почти всю Украину, а также юго-западные и западные территории России с городами Смоленском, Вязьмой, Курском, Брянском, Рыльском. В конце XVI в. украинские земли вместе с Левобережной Украиной отошли от Великого княжества Литовского, которое стало частью Речи Посполитой, к Королевству Польскому. В результате русско-польской войны в период Смутного времени в Московском государстве к Польше также были присоединены территории нынешних Смоленской, Брянской, часть Курской, Сумской и Черниговской областей.

⁴ Скоркин К. Элиты и контрэлиты Донбасса. Как сформировалось руководство ДНР-ЛНР. <http://carnegie.ru/commentary/75294>.

В середине XVII в. в результате антипольского восстания Богдана Хмельницкого (1648) на территории Левобережной и Правобережной Украины и части современной Белоруссии с городами Пинском, Гомелем и Могилевом образовалось автономное политическое образование Гетманская Украина (Гетманщина, Малороссия), которое по решению Переяславской рады (1654) вошло в состав России. К землям Гетманщины преимущественно относились территории современных Полтавской, Киевской, Черниговской областей Украины, а также западная часть Брянской области России (нынешние районные центры Мглин, Сураж, Стародуб, Погар, Почеп). В этот период за Белгородской засечной чертой в составе России образовалась казачья Слободская Украина, которая занимала территории современных Сумской, Харьковской, северной части Луганской областей Украины, а также юго-западную часть Курской (Суджа), южную часть Белгородской (Короча, Новый Оскол, Грайворон, Бирюч, Валуйки) и юго-западную часть Воронежской (Острогожск) областей России. Слободская Украина существовала как особая территория в составе России и заселялась после создания Белгородской засечной черты одновременно выходцами из России и Украины [12–13]. Приблизительно в то же время к юго-востоку от описанных областей, сначала в среднем, а затем и в нижнем течении Дона формировалось донское казачество, соперничавшее с украинским казачеством Гетманщины, Запорожья и Слободской Украины.

Следующий передел нынешних пограничных территорий произошёл после окончания войны между Россией и Речью Посполитой (1654–1667), которая закончилась Андрусовским мирным договором (1667), по которому Правобережная Украина осталась в составе Речи Посполитой, а к России отошла территория Левобережья вместе с Киевом, а также западная часть современной Брянской области и смоленские земли. Территории Запорожского казачества фактически остались под двойным протекторатом России и Польши. Рубежи России, возникшие в результате Андрусовского договора, а также внутренние полковые границы казачьих Гетманщины и Слободской Украины заложили фундамент для последующих политико-административных преобразований. Например, сегодня по этим границам частично пролегают государственные границы России, Белоруссии и Украины.

С 1772 по 1795 г. под натиском Российской и Австрийской империй и королевства Пруссии происходят три раздела ослабшей

Речи Посполитой. В результате к концу XVIII в. регионы российско-украинского пограничья на продолжительное время вошли в состав Российской империи, а затем и Советского государства. Многие пограничные территории получают сильный импульс социально-экономического развития. Происходит рост городов, мануфактуры сменяются заводами и фабриками. Постепенно складывается мощный урбанизированный промышленный район.

В 1922 г. РСФСР и УССР подписали Договор об образовании СССР, а с 1923 по 1926 г. отдельные территории РСФСР были переданы в состав УССР (Путивль, Мирополье и другие) [14]. До распада Союза приграничные территории развивались в единой системе плановой экономики и встраивались в тесно интегрированные производственные кооперационные цепочки, что до последнего времени проявлялось в специфике их хозяйства.

В результате длительного развития в рамках одного государства приграничные регионы России и Украины характеризуются смешанным этническим составом населения. Границы между русскими и украинцами здесь весьма размыты. Сложился целый спектр региональных форм идентичности населения [15, с. 21–26; 16, с. 57–87]⁵. Внутригосударственные различия в идентичности жителей на Украине были значительно сильнее межгосударственных в ее восточном и северном пограничье. Хотя в целом, по данным переписей населения, во всех приграничных регионах преобладает титульный этнос, доля русского населения в приграничных украинских областях больше, чем украинского — в российских. Так, доля тех, кто назвал себя украинцем, в регионах российского пограничья не превышает 3% (максимум приходится на Белгородскую, Воронежскую и Ростовскую области). В украинской части пограничья наибольшая доля русских в Донецкой, Луганской и Харьковской областях (25–40%), а в Крыму накануне присоединения к России они преобладали (58%). В северо-западной части пограничья этническая контрастность границы выражена значительно сильнее, чем в юго-восточной. Доля украинцев на границе падает более значительно, чем русских, однако существенная часть жителей российских приграничных территорий имеет украинские корни.

⁵ Zhurzenko, T. The myth of two Ukraines // Eurozine, 2002, 17 Sept. <http://www.eurozine.com/the-myth-of-two-ukraines>.

В связи с активными миграционными процессами, но особенно благодаря изменениям идентичности доля титульных народов в населении приграничных регионов постоянно увеличивается. Исследования показывают, что в пограничье все чаще в это понятие вкладывается национально-гражданский смысл. Иными словами, люди считают себя русскими, потому что родились и выросли в России, а украинцами, потому что являются гражданами Украины. На сегодняшний день на Украине под влиянием украинизации образования и административной сферы самоидентификация части жителей приграничья, особенно происходящих из смешанных браков, изменилась с русской на украинскую [17].

Сложность этнокультурной ситуации в российско-украинском пограничье обусловлена и неравномерностью освоения территории русскими и украинцами. Среди городского населения Юго-Восточной Украины, составлявшего абсолютное большинство жителей, русский язык всегда преобладал, а в населении многих промышленных городов, получивших развитие в советские годы, особенно в Донбассе, большую часть составляли русские. С российской стороны, несмотря на процессы ассимиляции украинцев, ускорившиеся после ликвидации в 1938 г. сталинским режимом украинских национальных районов, оно сохранило самобытность благодаря особенностям регионального самосознания, говора (суржик) и материальной культуры [18]. Для Левобережной Украины — территории бывшей Гетманщины — русская культура и Россия играют роль «значимого другого». Здесь понятие «русский» в последние годы сильно политизировано, а «малоросс» — оскорбительно.

Российско-украинское пограничье на рубеже второго и третьего десятилетий XXI века. На российско-украинской границе отчетливо проявляется фундаментальный природный, социально-экономический и исторический градиент «северо-запад — юго-восток», определяющий дифференциацию пограничья. В этом направлении вытянут государственный рубеж между Россией и Украиной. Он пересекает несколько природных зон — лесную, лесостепную и степную⁶. В северной части пограничья с ее более плоским рельефом даже в тех случаях, когда граница проходит по поперечному сечению речных долин, из-за слабой заселенности пограничной зоны и конфигурации коммуникаций это не вызывает серьезных проблем

⁶ Попкова Л. И. География населения российско-украинского приграничья. Автореф. дисс. докт. геогр. наук. М.: ИГ РАН, 2007.

для жителей близлежащих населенных пунктов. В лесостепной части с широко развитой овражно-балочной сетью и особенно в более засушливой степной зоне, на многих отрезках также характеризующейся более сложным рельефом, поселения, как правило, расположены цепочками в нижней части долин, их плотность выше. Если граница пересекает водоразделы, соседние поселения отсечены друг от друга государственной границей, что до кризиса в двусторонних отношениях и резкого сокращения трансграничных взаимодействий порождало бытовые трудности для местных жителей, усложняло коммуникации и пограничный контроль. Кратчайшие дороги между населенными пунктами нередко проходят по территории соседней страны.

Градиент «северо-запад — юго-восток» характерен и для обстоятельств становления границы и географического положения приграничных районов, которое меняется от внутриконтинентального к приморскому и транзитному, и степени этнической контрастности российско-украинской границы.

Естественным следствием установления государственной границы между бывшими советскими республиками стала асинхронность общественных процессов на единой в прошлом территории, проявляющаяся и на межгосударственном, и на региональном уровне. Поэтому различия, существовавшие между соседними территориями в советский период, подверглись значительной трансформации и углубились.

Территория приграничных регионов России существенно больше, чем прилегающих украинских, но по численности населения они сопоставимы: с украинской стороны в приграничных областях на начало 2017 г. проживало 12,3 млн человек, с российской — 12,8 млн. При этом украинские приграничные области более урбанизированные: только городов в них насчитывается 165 (в российских — лишь 99), а доля городского населения составляет соответственно 75,4 % (в российских — 69 %). Поэтому и плотность населения в большинстве украинских областей выше, чем в соседних российских (исключение — Черниговская и Брянская области).

В приграничье находятся несколько крупнейших городов обеих стран: Донецк, Ростов-на-Дону и Харьков — города-миллионники. В Донбассе сложилась крупнейшая конурбационная система, объединяющая Донецкую и другие агломерации востока Украины с населением в 6,7 млн человек. Российская часть Донецкого бассейна

отрезана от украинской государственной границей и образует приграничную Ростово-Шахтинскую полицентрическую агломерацию (население — около 3 млн человек).

Еще одна потенциальная трансграничная агломерация — Харьковско-Белгородская (около 3 млн жителей). Расстояние между этими областными центрами — менее 70 км. Окраины Харькова, в прошлом четвертого по величине и промышленному потенциалу города СССР, находятся всего в 25–30 км от российской границы.

В соседних областях двух стран сложились пары или группы городов и населенных пунктов, удаленных от границы и друг от друга на относительно небольшое расстояние (до 50 км), соединенных автомобильными и железными дорогами и поддерживавших до недавнего времени экономические и социальные связи (например, Суджа — Сумы, Черткове — Меловое, Грайворон — Великая Писаревка, Шебекино — Волчанск). На этих участках трансграничные взаимодействия были более активны. Организационными центрами приграничного сотрудничества служили и столицы соседних областей, расположенные сравнительно недалеко друг от друга (Курск — Сумы, Белгород — Харьков, Ростов — Донецк). Вместе с тем неудобное сообщение между некоторыми соседними областными центрами (Брянск — Чернигов, Воронеж — Луганск), расположенными в разных транспортных коридорах или просто значительно удаленными друг от друга, затрудняло контакты.

Демографический кризис — общий фон социальных и экономических процессов в России и на Украине. Все же в украинском приграничье демографические показатели в целом хуже, чем в российском, особенно в Черниговской области, в которой превышение смертности над рождаемостью на 1000 жителей исчислялось в 2014 г. двузначной цифрой (–10,2). На демографическую ситуацию в пограничной зоне в равной степени влияют низкая рождаемость и высокая смертность. Первый фактор имеет большее значение в юго-восточной, более урбанизированной части пограничья, второй — в западной, более сельской.

Разрыв между Россией и Украиной в социально-экономических показателях на всех участках пограничья существенно углубился. Если в 2013 г. пограничные области имели сопоставимые показатели душевого валового регионального продукта (ВРП) — в российских регионах он составил около 130 млрд долл., в украинских — порядка 100 млрд, то в 2015 г. разница между ними в среднем выросла в 1,5–

2,5 раза. Во многом это связано с обвалом экономики Донецкой и Луганской областей⁷. По официальным данным, ВРП Донецкой области в 2015 г. по сравнению с 2013 г. уменьшился в 2,2 раза, Луганской — в 3,6 раза. Градиенты между остальными украинскими и соседними российскими областями существенно не изменились, однако перевес российских областей усилился на 5–10 процентных пунктов.

По объемам промышленного производства в 2013 г. многие украинские пограничные регионы относились к наиболее развитым в своей стране, превосходя российские. Донецкая область на Украине была ярко выраженным промышленным лидером. По данным на 2012 г., в ней было произведено 17,3 % промышленной продукции страны. Еще 6 % было выпущено в Луганской области и 5,5 % — в Харьковской (см. табл. 1). Суммарно на приграничные с Россией регионы в 2013 г. приходилось порядка 32 % промышленной продукции Украины. Промышленное производство в Донецкой области сократилось за 2013–2016 гг. вдвое, в Луганской — в 4,2 раза. Лидером в украинском пограничье стала Харьковская область (8,4 % промышленной продукции страны).

К 2016 г. доля всего пограничья в промышленном производстве Украины сократилась до 23,7 %. Среди российских приграничных регионов по объему промышленного производства первенствует Ростовская область, но ее доля в общероссийском показателе в 2016 г. составляла лишь 1,5 %. За ней следуют Белгородская, Воронежская и Курская области, однако их суммарная доля в промышленном производстве России невелика — в 2016 г. лишь 4,3 %.

Если российские приграничные регионы уступают украинским по роли в промышленности своей страны, то по производству сельскохозяйственной продукции некоторые из них занимают в России уникальное место. Ростовская, Белгородская и Воронежская области в 2015 г. по общему объему сельскохозяйственной продукции находились соответственно на втором, третьем и пятом местах в стране. Общий валовой сбор зерна в российском пограничье, в которое входят основные зернопроизводящие регионы страны, более чем вдвое

⁷ Точно оценить масштабы сокращения численности населения и падения производства на территории Луганской Народной Республики (ЛНР) и Донецкой Народной Республики (ДНР) практически невозможно: информация Национальной службы статистики Украины приводится без выделения данных по ДНР и ЛНР, а в самих непризнанных республиках официальные статистические данные не публикуются.

Таблица 1. Основные экономические показатели приграничных областей России и Украины*

Страна/ регион	Валовой региональный продукт по паритету покупательной способности				Промышленное производство по паритету покупательной способности			
	2013	2013	2015	2015	2013	2015	2013	2015
	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране
Россия	2 785 799	100	2 709 904	100	2 130 294	100	2 046 742	100
Брянская обл.	11 302	0,4	11 254	0,4	6640	0,3	7437	0,4
Курская обл.	13 982	0,5	13 980	0,5	11 073	0,5	10 270	0,5
Белгородская обл.	29 299	1,1	28 616	1,1	27 257	1,3	27 215	1,3
Воронежская обл.	31 498	1,1	34 319	1,3	16 589	0,8	18 698	0,9
Ростовская обл.	47 252	1,7	48 855	1,8	32 192	1,5	31 226	1,5
Республика Крым	10 351	0,4	3418	0,2
Украина	408 000	100	373 392		362 843	100	298 369	100
Черниговская обл.	6494	1,6	6625	1,8	5029	1,4	4728	1,6
Сумская обл.	7172	1,8	7152	1,9	6426	1,8	6293	2,1
Харьковская обл.	22 860	5,6	22 728	6,1	20 981	5,8	19 201	6,4
Луганская обл.	14 766	3,6	7387	2,0	19 469	5,4	3925	1,3
Донецкая обл.	44 192	10,8	28 231	7,6	59 121	16,3	29 866	10,0
Херсонская обл.	5565	1,4	5471	1,5	2916	0,8	2924	1,0

* Показатели по Украине за 2015 г. включают данные по предприятиям, которые представляют сводные отчеты (без деления по регионам).

Источник: Регионы России, 2016. https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm; Статистичний збірник «Регіони України», 2016. https://ukrstat.org/uk/druk/publicat/Arhiv_u/Arch_reg.htm

превысил аналогичный показатель по пяти украинским регионам. На украинские приграничные области приходилось около четверти сельскохозяйственного производства страны; наибольшим его объемом отличалась Харьковская область.

Наименьшие градиенты по-прежнему наблюдаются на севере пограничья, на рубежах между Брянской и Курской областями РФ и Черниговской и Сумской областями Украины. Различия основных показателей здесь колеблются в пределах 1,5–1,7 раза. С 2010-х годов заметно обострилась ситуация на рынке труда в приграничных регионах Украины, где уровень безработицы сегодня превышает 10% (за исключением Харьковской области).

Невелики различия и на новом участке российско-украинского пограничья между Республикой Крым и Херсонской областью. Хотя темпы роста ВРП Крыма после присоединения к России возросли, экономика республики пока не восстановилась до уровня 2013 г. По показателям душевого розничного товарооборота и промышленного производства регионы практически сопоставимы. В то же время после присоединения Крыма к России в регионе немного вырос среднедушевой уровень доходов и стабилизировался уровень безработицы, в результате чего различия по этим показателям с Херсонской областью увеличились.

Наиболее резкие градиенты в 2016 г. были характерны для участков российско-украинской границы между Белгородской и Харьковской, Ростовской и Донецкой областями. По уровню душевого ВРП, доходам и уровню безработицы превосходство российских областей достигает уже 2,5 раза. Только по обороту розничной торговли отставание Харьковской области от российских соседей остается небольшим (на 20%).

Политический кризис в отношениях с Украиной сильно повлиял на динамику товарооборота между двумя странами (табл. 2). За 2013–2016 гг. внешнеторговый оборот между Россией и Украиной сократился более чем в 4 раза. В 2016 г. доля Украины во внешней торговле с Россией составила всего 2,2% (в 2013 г. — 5%). Импорт уменьшился более существенно (в 4 раза), чем экспорт (в 3,8 раза). Это связано в том числе со взаимными продовольственными санкциями — запретами на ввоз из соседней страны многих видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в частности, молока и молочных изделий, мяса и мясной продукции, соков и детского питания, а также ряда кондитерских изделий, алкоголя).

Таблица 2. Внешнеторговые связи приграничных российских регионов

	Внешнеторговый оборот, млн долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн долл.	Доля Украины, %	Внешнеторговый оборот, млн долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн долл.	Доля Украины, %	Динамика внешнеторгового оборота с Украиной, (2016 г. к 2013 г.), %
	2013			2016			
Россия	842 233,4	39 603,5	5	467 752,8	10231	2,2	26
Брянская обл.	1594,7	203,7	13	794,3	75,8	10	37
Курская обл.	1359,3	436,2	32	888,4	152,6	17	35
Белгородская обл.	7352,7	3998	54	3584,2	1037,7	29	26
Воронежская обл.	2740,8	697	25	1965,6	300,7	15	43
Ростовская обл.	9995,0	1999	20	7710,0	1025,4	13	51

Источник: Регионы России, 2016. https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm; Статистичний збірник «Регіони України», 2016. https://ukrstat.org/uk/druk/publicat/Arhiv_u/Arch_reg.htm.

Товарная структура российского импорта из Украины в 2016 г. была представлена главным образом оксидом алюминия (8 %), турбореактивными двигателями (7 %) и электроэнергией (5 %), товарная структура экспорта в Украину — нефтью и нефтепродуктами (15 %), аммиаком (13 %) и каменным углем (9 %)⁸. Доля Украины в российской внешней торговле за период с 2013 по 2016 г. уменьшилась с 4,7 (5-е место) до 2,8 % (13-е место)⁹.

Хотя физические объемы внешней торговли всех российских приграничных регионов с Украиной сократились в 2016 г. на 50–70 % по сравнению с докризисным 2013 г., она остается важным торговым партнером всех российских приграничных регионов (табл. 2). В абсолютном выражении товарооборот с Украиной наиболее значите-

⁸ Импорт из Украины в Россию: статистика, динамика, структура // Статистика ВЭД. <http://www.ved-stat.ru/analiz/292-import-ua>.

⁹ Анализ взаимной торговли России и Украины за 2015 г. <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4770>.

лен в Белгородской области (в 2016 г. — 1038 млн долл.). Украина — ведущий внешнеторговый партнер Курской области (17,2 % оборота) и занимает третье место во внешнеторговом обороте Ростовской и Брянской областей.

В конце 2016 г. во всех приграничных областях начался бурный компенсационный рост торговли между Россией и Украиной, продолжившийся в 2017 г. (за январь — октябрь 2017 г. — на 23 % в годовом выражении). Особенно сильно он проявился в Ростовской области, экспорт которой на Украину вырос в 2016 г. на 45 % по сравнению с предыдущим годом и достиг исторического максимума. В этом, безусловно, сказалось соседство области с ДНР и ЛНР, торговля с которыми отдельно не учитывается.

Взаимодействия между регионами российско-украинского пограничья: пример Ростовской области. Обострение российско-украинских отношений по-разному отразилось на жизни соседних регионов двух стран в зависимости от природно-морфологических различий и истории и характера освоения разных участков пограничья.

Юго-западный участок российско-украинской границы проходит по некогда единому Донецкому угольному бассейну. Регионы ростовско-донецко-луганского пограничья всегда имели тесные связи друг с другом. Здесь в советское время сложилась Донецко-Азовская трансграничная система расселения, в которой сосредоточено более 10 млн жителей. Граница рассекла ее более 25 лет назад, причем на отдельных участках она разделила фактически сросшиеся населенные пункты. Многие предприятия по обе стороны от нее имели хозяйственные и кооперационные связи. Население поддерживало тесные родственные и дружеские отношения. К 2006 г. был открыт 41 местный пункт пропуска, которые дополняли восемь международных автомобильных и железнодорожных пропускных пунктов. В 2011 г. был создан еврорегион «Донбасс», в рамках которого предполагалось реализовать совместные проекты, «сшивающие» пространство двух стран.

Теперь большая часть Ростовской области де-факто граничит с ДНР и ЛНР, в том числе на отдельных участках непосредственно с районами, в которых велись боевые действия, откуда прибывали раненые и беженцы. Для вынужденных переселенцев из Украины здесь были открыты временные пункты размещения, из которых людей распределяли по другим российским регионам. Формировались добровольческие отряды, конвои с гуманитарной помощью.

Массовое прибытие людей из соседних районов Украины, среди которых преобладали женщины и дети, потребовало мобилизации значительных сил и средств. Только на миграционный учет было поставлено более 290 тыс. человек, часть из которых обратилась за оформлением разрешения на временное пребывание, вида на жительство или гражданства.

Благодаря особым отношениям России с ДНР и ЛНР местные пункты пропуска не были закрыты, и жители непризнанных республик могут пересекать российскую границу по внутренним паспортам. Последствия гражданской войны, разделившей семьи, и дефицит потребительских товаров в ДНР и ЛНР привели к двукратному росту потоков людей через границу. Появились частные перевозчики, компенсировавшие сокращение транспортного сообщения между регионами. Чтобы реализовывать свою продукцию на российском рынке, отдельные предприятия ДНР и ЛНР открыли филиалы и производственные площадки в Ростовской области. В ее приграничных городах и районах крупные торговые сети быстро построили новые супер- и гипермаркеты в расчете на потребителей из ДНР и ЛНР; оживилась торговля на оптовых базах Таганрога и Ростова-на-Дону.

Резко изменились конфигурация пассажирских сообщений и логистические схемы, используемые хозяйствующими агентами. Разрушение в ходе военных действий аэропорта в Донецке способствовало увеличению пассажирооборота в ростовском аэропорту, достигшего трехмиллионной отметки¹⁰. Отменены поезда, следовавшие через территорию Украины. В 2017 г. завершилось строительство обхода украинской территории на основном железнодорожном ходе Москва — Ростов (участок Миллерово — Журавка). Из существовавших прежде международных автобусных маршрутов сохранились в основном транзитные и те, что соединяют города Ростовской области с ДНР и ЛНР. Автобусы, следующие в города остальной Украины, а также грузовые перевозчики вынуждены делать большой крюк по трассе М4 через Белгород и Харьков. Для доставки внешнеторговых грузов вместо украинских портов Николаева и Одессы используют перегруженные российские — Новороссийск, Порт-Кавказ, Ростов и др.

¹⁰ До событий 2014 г., наоборот, жители Ростовской области нередко пользовались Донецким аэропортом, имевшим прямое сообщение с большим числом городов, чем Ростовский, причем по более низким тарифам.

Таким образом, политический кризис в российско-украинских отношениях, начавшийся в 2014 г., серьезным образом трансформировал трансграничные взаимодействия, привел к усилению барьерных функций на всем протяжении российско-украинской границы и сокращению трансграничных потоков населения. Снизилась интенсивность приграничных взаимодействий по всем направлениям — институциональному, инфраструктурному, гуманитарному и экономическому. Программы приграничного сотрудничества — результат многолетней деятельности по согласованию интересов двух стран в приграничной зоне — полностью свернуты. Трансграничные транспортные связи России и Украины ныне переживают период глубокого упадка. Их интенсивность и регулярность уменьшилась в несколько раз. Пассажирский поток через российско-украинскую границу сократился почти вдвое. За 2013–2016 гг. в 2–4 раза уменьшился и внешнеторговый оборот российских приграничных регионов с Украиной.

Тем не менее трансграничные взаимодействия полностью не прекратились: сохраняются, хотя и в гораздо меньших масштабах, сотрудничество в сфере культуры, неформальные и родственные контакты, усилились трудовые миграции, в том числе нелегальные, из Украины в приграничные российские регионы (преимущественно в Белгородскую область).

Население и хозяйство приграничных регионов России и Украины постепенно адаптируется к новым условиям взаимодействия. Там, где возможно, российские регионы переориентируются на сотрудничество с Белоруссией. В свою очередь, малые и средние предприятия из приграничных регионов Украины (Харьковская, Луганская, Донецкая области) открывают представительства или полностью переводят производство в соседние российские области с целью сохранить российский рынок и диверсифицировать риски.

Изменение геополитической обстановки обернулось противоречивыми последствиями для локальных агентов трансграничных взаимодействий. Образование ДНР и ЛНР, военные действия вблизи российской границы и прием многочисленных вынужденных переселенцев в 2014 г. резко изменили характер соседства на южном участке пограничья. В отличие от других участков, социальные и экономические взаимодействия здесь не были редуцированы, но претерпели коренные изменения, в результате которых потоки товаров и людей возросли. Крайняя неопределенность перспектив

отношений между Россией и Украиной, будущего ДНР и ЛНР ограничивает деятельность властей и экономических агентов, лишая их возможности выстраивания долгосрочных планов.

Литература

1. Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014–2020 гг. / отв. ред. В. И. Пантин и В. В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 120 с.
2. Субтельный О. Украина: история. Киев: Лыбидь, 1994. 736 с.
3. Hesli V., Reisinger W., Miller A. Political Party Development in Divided Societies: The Case of Ukraine // *Electoral Studies*, 1998, vol. 17, no. 2. P. 235–256.
4. Kubicek P. Regional Polarisation in Ukraine: Public Opinion, Voting and Legislative Behaviour // *Europe-Asia Studies*, 2000, vol. 52, no. 2. P. 273–294.
5. O'Loughlin J. The Regional Factor in Contemporary Ukrainian Politics: Scale, Place, Space, or Bogus effect? // *Post-Soviet Geography and Economics*, 2001, vol. 42, no. 1. P. 1–33.
6. Wilson A. *The Ukrainians: Unexpected Nation*. New Haven and London: Yale University Press, 2015. 410 p.
7. Kuzio T. *Ukraine. State and Nation Building*. New York: Routledge, 1998. 298 p.
8. D'Anieri P., Kravchuk R., Kuzio T. *Politics and Society in Ukraine*. Boulder, CO: Westview Press, 1999. 344 p.
9. Вендина О. И., Колосов В. А., Попов Ф. А., Себенцов А. Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // *Полис*. 2014. № 5. С. 50–67.
10. Алексеев В. Г. Бегот от Европы: кто и как противодействует в Украине реализации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Харьков: Факт, 2008. 239 с.
11. Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. New York: John Wiley, 1997. 376 p.
12. Багалій Д. І. Історія Слобідської України. Харків: Дельта, 1993. 256 с.
13. Западные окраины Российской империи: [монография] / [Л. А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер]. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 607 с.
14. Боечко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ: Основи, 1994. 168 с.
15. Колосов В. А., Вендина О. И. Российско-украинская граница: социальные градиенты, идентичность и миграционные потоки (на примере Белгородской и Харьковской областей). Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина / под ред. С. И. Пирожкова. Киев: Центр проблем изучения вынужденной миграции в СНГ и Национальный институт проблем международной безопасности, 2002. С. 21–26.
16. Zhurzenko T. The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine, in Hurd M., ed. *Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe*, Eslöv: Gondolin, 2006. P. 57–87.

17. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / под ред. В. А. Колосова и О. И. Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
18. Крылов М., Гриценко А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 28–42.

Контактная информация:

Колосов Владимир Александрович — д-р геогр. наук, проф., вице-президент Русского географического общества; kolosov@igras.ru

Crisis in Relations between Russia and Ukraine and its Impact on Cross-Border Cooperation¹¹

Vladimir A. Kolosov

*Institute of geography of the Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny per., Moscow, 119017, Russian Federation;
Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

For citation: Kolosov V. A. Crisis in Relations between Russia and Ukraine and its Impact on Cross-Border Cooperation. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 444–464. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.30> (In Russian)

The Article is devoted to the impact of the crisis in relations between the two countries on the interaction between their border areas, the economy and the social sphere of the Russian border. The author briefly analyzes the prerequisites that led to an acute political conflict between the two States and gives an overview of the historical and ethno-cultural features of the development of the border regions of Russia and Ukraine. Then the specifics of the neighborhood and socio-economic gradients between the neighboring territories of the two countries are considered.

Keywords: cross-border cooperation, Ukraine, Russia, territorial identities.

References

1. *Internal Political Processes in Russia and in Ukraine and Prospects of Russian-Ukrainian Relations in 2014–2020*. Ed. by V.I. Pantin, V.V. Lapkin. Moscow, IME'MO RAN Press, 2014. 120 p. (In Russian)

¹¹ The work was performed within the framework of the state assignment No. 0148-2019-008 “Problems and prospects of the territorial development of Russia in the conditions of unevenness and global instability”.

2. Subtel'nyi O. *Ukraine: A History*. Kiev, Lybid' Publ., 1994. 736 p. (In Russian)
3. Hesli V., Reisinger W., Miller A. Political Party Development in Divided Societies: The Case of Ukraine, *Electoral Studies*, 1998, vol. 17, no. 2, pp. 235–256.
4. Kubicek P. Regional Polarisation in Ukraine: Public Opinion, Voting and Legislative Behaviour, *Europe-Asia Studies*, 2000, vol. 52, no. 2, pp. 273–294.
5. O'Loughlin J. The Regional Factor in Contemporary Ukrainian Politics: Scale, Place, Space, or Bogus effect? *Post-Soviet Geography and Economics*, 2001, vol. 42, no. 1, pp. 1–33.
6. Wilson A. *The Ukrainians: Unexpected Nation*. New Haven and London, Yale University Press, 2015. 410 p.
7. Kuzio T. *Ukraine. State and Nation Building*. New York, Routledge, 1998. 298 p.
8. D'Anieri P., Kravchuk R., Kuzio T. *Politics and Society in Ukraine*. Boulder, CO, Westview Press, 1999. 344 p.
9. Vendina O.I., Kolosov V.A., Popov F.A., Sebentsov A.B. Ukraine in political crisis: yje image of Russia as catalyzer of contradictions. *Polis*, 2014, no.5, pp. 50–67. (In Russian)
10. Alekseev V.G. *Running from Europe?* Khar'kov, Fakt Publ., 2008. 239 p. (In Russian)
11. Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York, John Wiley, 1997. 376 p.
12. Bagalii D.I. *History of Slobodskaya Ukraine*. Khar'kiv, Delta Publ., 1993. 256 p. (In Russian)
13. *Western outskirts of the Russian Empire*. L. A. Berezhnaya et al.; sci. ed. by M. Dolbilov, A. Miller. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2006. 607 p.
14. Boechko V., Ganzha O., Zakharchuk B. *The Borders of Ukraine: a Historical Retrospective and the Contemporary State*. Kiïv, Osnovi, 1994. 168 p. (In Ukrainian)
15. Kolosov V.A., Vendina O.I. Russian-Ukrainian Border: Social Gradients, Identity and Migration Flows (Case Belgorod and Kharkiv regions). Ed. By S.I. Pirozhkova. Kiev, *Tsentr problem izucheniya vynuzhdennoi migratsii v SNG i Natsional'nyi institut problem mezhdunarodnoi bezopasnosti*, 2002, pp. 21–26. (In Russian)
16. Zhurzenko T. The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine, in Hurd M., ed. *Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe*. Eslöv: Gondolin, 2006. P. 57–87.
17. *The Russian-Ukrainian Frontier: Twenty Years of Divided Unity*, ed. by V. A. Kolosov and O. I. Vendina. Moscow, Novy Chronograf Publ., 2011. 352 p. (In Russian)
18. Krylov M., Gritsenko A. Regional and Ethno-Cultural Identity in the Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian Borderland: Historical Memory and Cultural Transformations, *Labirint. Zhurnal sotsia'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2012, no. 2, pp. 28–42. (In Russian)

Author's information:

Vladimir A. Kolosov — Dr. Sci. in Geography, Professor, Deputy Director of the Institute of Geography RAS, Vice-President of the Russian geographical society; kolosov@igras.ru

УДК 327

Центральная Азия во внешней политике России: потери и возможности

Е. Г. Пономарева*, Г. А. Рудов**

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД РФ,

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

**Дипломатическая академия МИД РФ,

Российская Федерация, 119021, Москва, ул. Остоженка, 53 / 2

Для цитирования: Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. Центральная Азия во внешней политике России: потери и возможности // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 465–483. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.31>

Регион Центральная Азия представляет сложный геополитический клубок противоречий и этнорегиональный узел, сравнимый по степени влияния национальных и религиозных чувств на политическое развитие мировой системы с Балканами и Кавказом. Для России это зона особых интересов, в том числе в связи с проживанием в государствах Центральной Азии многочисленного русскоязычного населения. Однако Россия, укрепляя позиции в мире, теряет свой статус в центральноазиатском регионе. Для того чтобы вернуть или укрепить роль лидера в данных странах, необходимы новые подходы, форматы взаимодействия и, прежде всего, в социальной и гуманитарных сферах. В статье рассмотрены четыре группы проблем: причины мирополитической значимости стран региона, определяющее значение таких факторов развития, как экономика, ресурсы «мягкой силы» и религия.

Ключевые слова: мировая политика, Россия, Центральная Азия, «мягкая сила».

«Двадцатый век был веком Европы,
XXI век — это век Азии».

Сё Косуги

Геополитическое и геостратегическое значение Центральной Азии (ЦА) в мировой политике в целом и конкретно для России сложно переоценить. «На протяжении веков Россия сопряжена, “скована одной цепью” с ЦА. Наши предки это прекрасно понимали и рассматривали азиатское “подбрюшье” как буфер Российской

империи на юго-востоке» [1, с. 237]. В советский период из важного объекта внешнеполитических интересов регион стал составной частью сверхдержавы. В процессе разрушения СССР в его политико-географических пределах возникло пять новых центральноазиатских государств — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, вписанных до начала 1990 г. в единую политико-управленческую и социально-экономическую систему. В настоящее время страны имеют не только разный потенциал, но и отличаются по месту и роли в мировой политике.

Регион Центральная Азия представляет сложный геополитический клубок противоречий и этнорелигиозный узел, сравнимый по степени влияния национальных и религиозных чувств на политическое развитие мировой системы с Балканами и Кавказом. Особую значимость государства ЦА имеют для России в связи с проживающим в них многочисленным русскоязычным населением. Учитывая концепцию и стратегию Запада по дестабилизации и возможно-му дроблению государств ЦА «Большой Восток», особое внимание следует уделять не только отношениям между титульными нациями стран центральноазиатского региона (казахами, киргизами, таджиками, туркменами, узбеками) и русскоязычным населением, но и конфликтогенам в отношениях между диаспорами народов сопредельных стран.

России необходимо проводить особую внешнеполитическую стратегию, физически (прежде всего экономически и цивилизационно) присутствовать в регионе. Представители российских властных структур должны строить внешнюю политику, исходя из приоритетов стабильного развития стран региона, российских национальных интересов, безопасности и благополучия граждан. При всей идеологической и эмоциональной нагруженности проблематики современного этапа развития центральноазиатских государств для широкой общественности, для действующих политиков должно быть очевидным, что «рубить» узел противоречий, отсекал проблемные зоны, уходить из региона России нельзя. Необходимо кропотливо работать с политической и экономической элитами, использовать комплексный инструментарий «мягкой силы» в работе с различными социальными группами и слоями. Иными словами, медленно «развязывать» тугой узел противоречий. Объективные основания для успеха такой работы в регионе есть. Обозначим лишь некоторые из них.

Центральная Азия — особая зона мировой политики. Центральноазиатский регион в силу геополитического и геоэкономического положения является зоной столкновения интересов ведущих игроков мировой политики¹ [2; 3, с.215]. Борьба за влияние в ЦА уже давно приобрела многоуровневый характер. Первый уровень — борьба за укрепление позиций в регионе геополитических гигантов — России, США, Китайской Народной Республики, что не исключает возможности использования военно-политических и региональных блоков — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), НАТО (англ. *North Atlantic Treaty Organization*, NATO), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Второй — региональный — между странами ЦА. Третий — конфликты между политическими группировками внутри среднеазиатских стран.

Но самое главное, на трех уровнях присутствуют интересы негосударственных игроков: банкстеров (институтов глобальной финансовой системы), транснациональных корпораций (ТНК), частных военных компаний, протогосударственных террористических образований, опирающихся в той или иной степени на названные структуры, международного криминала.

Реальность современного мира, находящегося в состоянии опасной турбулентности, требует от России серьезных усилий по сохранению влияния в традиционно значимом для страны регионе, конкретных предложений по формированию новой повестки дня, что находит выражение в поиске эффективных методов внешнеполитической деятельности. Реализация подхода подразумевает четкое определение национальных интересов России в регионе и целей внешнеполитической деятельности. Это, в свою очередь, требует проведения масштабного аудита ресурсов, методов и технологий влияния. На основе анализа можно сформулировать стратегию присутствия и обозначить образ действий для защиты и продвижения интересов в центральноазиатском регионе не только на современном этапе, но и на перспективу.

В Концепции внешней политики Российской Федерации (далее — Концепция ВП), утвержденной Президентом РФ 30 ноября 2016 г., в ряду задач, направленных на реализацию национальных интере-

¹ Центральная Азия на рубеже XX–XXI вв.: политика, экономика, безопасность: учеб. пособие / В.Д. Камынин, Е.В. Лазарева, М.В. Лапенко, А.В. Лямзин; науч. ред. В.И. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 175 с.

сов, отмечена необходимость формирования «отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению имеющихся очагов напряженности и конфликтов на их территориях и предотвращению возникновения таких очагов и конфликтов»².

Применительно к главной угрозе современного мира — терроризму и радикальным движениям — Российская Федерация стремится «к объединению всех государств, всего международного сообщества в целях борьбы с терроризмом без политизации и предварительных условий в соответствии с Уставом ООН, нормами и принципами международного права; уделяет приоритетное внимание международному сотрудничеству в сфере противодействия террористическим организациям и группировкам, в том числе путем применения военной силы». Россия выступает за активное и эффективное использование в борьбе возможностей институтов гражданского общества, включая научные и образовательные организации, бизнес-сообщества, религиозные объединения, неправительственные организации и средства массовой информации; исходит из того, что результативная борьба с терроризмом «не может вестись без ликвидации источников его финансирования» (Концепция ВП), но при этом «признавая, что терроризм невозможно победить только посредством военных и правоохранительных мер».

Поставленные задачи Россия не может решить без выстраивания отношений полного взаимопонимания, сотрудничества и даже сотворчества со странами Центральной Азии. Но прежде всего она должна четко осознавать и однозначно артикулировать, что ЦА — зона ее интересов.

Внешняя политика как концентрированное выражение экономики. Глобализация предполагает включение больших пространств в конкуренцию транснациональных игроков, которые тем не менее имеют национальную прописку.

Страны ЦА представляют огромный интерес с точки зрения ресурсной базы (природные ископаемые, земля, водные ресурсы, человеческий капитал) и позиции транзитных коридоров. Реализация масштабных экономических проектов формирует особый внешнеполитический климат. Не стоит ограничиваться крупными проектами, как делает российский бизнес. Огромное поле деятельности,

² Концепция внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

что опосредованно сказывается и на внешнеполитическом влиянии, представляют сегменты среднего и малого предпринимательства (речь идет о легкой промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг). Отсутствие тесных экономических связей и стратегических проектов серьезным образом ослабляет потенциал внешней политики. Реализуя интеграционные инициативы на всех уровнях, Россия может вернуть потерянное в конце XX в. влияние, вновь стать определяющим фактором политического развития региона.

Конкретное выражение положений Концепции ВП о приоритетном развитии сотрудничества с государствами — участниками СНГ должно выразиться в углублении и расширении интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что предполагает не только свободу передвижения капитала, товаров, услуг и рабочей силы, но всестороннее технологическое обновление и многоуровневую кооперацию в том числе в процессе создания совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов³.

Участие стран ЦА в ЕАЭС «открывает совершенно новые возможности не только регионального, но и глобального сотрудничества» [4, с. 78]. Нужно признать, что существующая неолиберальная модель экономики, имеющая главным приоритетом коммерческую выгоду и прибыль главным образом транснациональных гигантов, порождает в ряде случаев непреодолимые барьеры между коммерческими интересами ТНК и национальными интересами государства.

Если Россия действительно хочет сохранить суверенитет и в то же время построить эффективное интеграционное объединение, то необходимо провести ревизию внутренних ресурсов и трансформировать модель экономического развития стран. Ответить на вопросы: иностранные инвестиции, приватизация, оптимизация, следование требованиям Международного валютного фонда и Всемирного банка — благо или зло?

Одно дело — говорить о стремлении «укрепления Содружества в качестве влиятельной региональной организации, о развитии механизма многопланового сотрудничества в сфере экономики, гуманитарного взаимодействия, борьбы с традиционными и новыми вызовами и угрозами»⁴. Другое дело — практически работать

³ Подробнее: Лапенко М. В. ЕАЭС: пространство экономической интеграции: учеб.-метод. материалы. 2018. № 8. М.: НП РСМД, 2018. 124 с.

⁴ Концепция внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

в этом направлении. Поэтому естественен вопрос о «потерянном» времени. Возможно, стоит начать с обновления документа, принятого в 1995 г. и подкорректированного в 2005 г., когда и Россия, и мир были другими. Речь идет о «Стратегическом курсе России с государствами — участниками СНГ», утвержденном указом Президента РФ № 940 14 сентября 1995 г. — по сути, в другую эпоху⁵.

Центральноазиатский вектор «мягкой силы» России: можно ли вернуть упущенное? Наставляя римских политиков, Квинт Туллий Цицерон писал: «Выражением и словами людей привлекают более, чем самым одолжением и делом» [5, с. 33]. Слова не утратили значение и актуальность. В современном высокотехнологичном и информационном мире «достучаться» до сознания общества невозможно без использования всего комплекса мягкосилового инструментария — «выражением и словами». Возрастающая конкуренция в политической, экономической и информационной сферах требует от России серьезных усилий по сохранению влияния в регионе, поиска эффективных методов внешнеполитической деятельности. Это подразумевает диверсификацию коммуникаций с различными общественными сегментами центральноазиатских стран, что невозможно без использования инструментария публичной дипломатии. И главное, сотрудничество, как и несотрудничество, приносит плоды. На вопросе мягкосилового влияния остановимся подробнее.

Образование следует рассматривать не только как способ самопрезентации принимающей страны, но и как возможность сформировать лояльные по отношению к ней устойчивые группы иностранных граждан. Будучи госсекретарем США, К. Пауэлл заметил: «Нет более ценного актива для нашей страны, чем дружба с будущими мировыми лидерами, получившими здесь (в США. — *Авт.*) свое образование» [6, р. 42]. Более 50 действующих и 165 бывших глав государств и правительств и руководителей международных организаций в свое время участвовали в различных образовательных программах США [7, с. 79]. Среди них президент Афганистана Х. Карзай, премьер-министр Болгарии П. Орешарский, президент Грузии М. Саакашвили, канцлер Германии Г. Шредер, генеральный секретарь ООН К. Аннан, верховный представитель по внешней политике и безопасности Евросоюза Х. Со-

⁵ Стратегический курс России с государствами — участниками СНГ. http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/427752.

лана, премьер-министр Индии И.Ганди, президент Египта А.Садат, президент Литвы Д.Грибаускайте и многие другие.

Российская империя, Советский Союз внесли существенный вклад в развитие системы образования и модернизации всех сфер жизни у народов Центральной Азии [8, с. 188–197; 9, с. 87–103; 10, с. 52–57]. После распада СССР, пока Россия «сосредотачивалась», в регионе активно работали внешние игроки. Вот как выглядит картина по турецкому присутствию⁶ (см. табл.).

Таблица. Численность турецких учебных заведений в государствах ЦА и численность студентов из стран ЦА, обучающихся в турецких университетах

Страна	Турецкие учебные заведения (данные на 2012 г.)	Численность студентов, обучающихся в Турции, учебный год		
		1995/1996	2001/2002	2012/2013
Казахстан	28 школ и 2 университета	1064	897	964
Кыргызстан	21 школа и 2 университета	623	880	949
Таджикистан	8 школ	39	290	380
Туркменистан	до середины 2012 г. — 24 школы; в настоящее время — 2 школы и 1 университет	1614	1404	6192
Узбекистан	до 1999 г. — 25 школ	363	159	275

К этому следует добавить влияние Китая, западных стран и некоторых мусульманских. В 2007 г. в Казахстане на государственном уровне принята специальная программа «Триединство языков» — казахского, русского и английского (!)⁷. Однако, несмотря на при-

⁶ Хас К. Внешняя политика Турецкой Республики и Российской Федерации в Центральной Азии (сравнительный анализ). Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2016. С. 208. <http://search.rsl.ru/ru/record/01006651948>.

⁷ Триединство языков. <http://strategy2050.kz/ru/book/post/id/74>.

нимаемые законы, активнее всего в странах ЦА работает Китай. На территории Казахстана Институты Конфуция действуют в Алматы (на базе Казахского национального университета им. аль-Фараби); в Астане (на базе Евразийского Национального университета), в Актобе (на базе Актюбинского регионального университета им. Жубанова) и Караганде (на базе Карагандинского технического университета)⁸.

Это лишь вершина айсберга по переформатированию сознания казахстанской молодежи. Заместитель премьер-министра Казахстана Дарига Назарбаева сказала на расширенной коллегии Министерства образования и науки Казахстана: «В недалеком будущем все равно нам всем нужно будет знать еще и китайский. Это наш великий южный сосед, это наша судьба»⁹.

Центры изучения китайского языка *Chinase.kz* располагаются в 17 крупнейших городах Казахстана. *Chinase.kz* работает с перспективными группами населения и это тысячи молодых людей. К этому следует отнести систему грантового обучения¹⁰. Аналогичная ситуация с китайской культурной и языковой экспансией имеет место в других странах ЦА. «Создание сети институтов Конфуция (далее — ИК. — *Авт.*) целиком контролируется государственными структурами. Создание институтов за рубежом происходит при непосредственном участии посольства КНР, причем такие инструкции даны всем советникам по культуре и образованию посольств КНР во всем мире» [11]. Программа создания ИК началась в 2004 г., причем изначально она была направлена на покрытие зоны бывшего советского влияния — на страны Центральной Азии, постсоветское пространство и Восточную Европу. Первый проект был реализован в июне 2004 г. в Узбекистане, после чего уже в ноябре был открыт институт Конфуция в Сеуле (Южная Корея). Затем ИК появились в США, Германии, Франции — всего более чем в 40 странах мира. В конце 2005 г. КНР приняла решение о создании системы ИК на всей территории России. В настоящее время в 162 странах работает 550 ИК и 1172 школы по изучению китайского языка (это мобиль-

⁸ Институты Конфуция в Казахстане. http://www.inform.kz/ru/4-instituta-konfuciya-v-kazahstane-obuchayut-kitayskomu-yazyku_a2724590.

⁹ Нам всем нужно знать китайский язык — Дарига Назарбаева. InformБЮРО. 5 февр. 2016. <https://informburo.kz/novosti/nam-vsem-nuzhno-znat-kitayskiy-yazyk-dariga-nazarbaeva.html>.

¹⁰ Обучение в Китае или курсы китайского языка. <http://chinese.kz>.

ные копии ИК)¹¹. За исключением Туркмении, Китай в гуманитарном смысле хорошо освоил центральноазиатский регион: в Казахстане — 4 ИК, в Киргизии — 15 (это рекордная цифра для такой небольшой страны), в Таджикистане — 1, в Узбекистане — 2 [12, с. 84–93]¹².

Для сравнения: главный российский институт мягкой силы — Россотрудничество, представлено в 81 стране мира 96 представительствами: 72 российских центра науки и культуры в 62 странах, 24 представителя Агентства в составе посольств в 22 странах¹³. При этом в Китае с почти полутора миллиардным населением действует всего один российский культурный центр — в Пекине¹⁴. Конечно, нельзя забывать о Русских центрах, работающих в 47 странах под эгидой Фонда «Русский мир». В Китае таковых 8. Но все равно это ничтожно мало по сравнению с 21 ИК, открытыми в нашей стране.

Русские центры есть и в странах ЦА. В Казахстане — 3 (при университетах в Актобе и Алматы и в Усть-Каменогорске); в Киргизии — 3 (при университетах в городах Бишкек и Ош и при областной библиотеке в г. Кант); в Таджикистане — 4 (все в Душанбе). В Узбекистане и Туркмении Русских центров нет¹⁵. Зато в Ташкенте активно работает Гете-институт. С 2000 г. немецкие языковые центры вместе с Гете-институтом активно пропагандируют немецкий язык и культуру в Казахстане и Киргизии: центры работают в Астане, Караганде, Костанаве, Павлодаре и Бишкеке. Центральный офис Института размещен в Алматы¹⁶.

На фоне китайской и западной гуманитарной экспансии открытие в декабре 2016 г. в Казахском национальном педагогическом университете им. Абая и в Кыргызско-славянском университете Центров партнерской сети «Институт Пушкина»¹⁷ прошло для широкой общественности почти незаметно. На базе Центров планиру-

¹¹ В мире работает 550 институтов Конфуция // РИА Новости. 10 дек. 2019. <https://ria.ru/20191210/1562217842.html>

¹² Confucius Institute Online. <http://www.chinesecio.com>.

¹³ О Россотрудничестве. <http://rs.gov.ru/%20/about>.

¹⁴ Российский культурный центр — в Пекине. <http://rs.gov.ru/%20/locations/83/contact/card>.

¹⁵ Каталог Русских центров. <http://www.russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php>.

¹⁶ Гете-институт. <https://www.goethe.de/ins/kz/ru/ueb/koo.html>.

¹⁷ Участники партнерской сети «Институт Пушкина». <https://partner.pushkininstitute.ru/index.php?id=6>; <https://partner.pushkininstitute.ru/index.php?id=7>.

ется организация курсов повышения квалификации для преподавателей-русистов, курсов преподавания русского языка для различных категорий обучающихся, в том числе посредством дистанционных технологий обучения и открытых образовательных ресурсов на русском языке.

В 2015 г. Президент России утвердил Концепцию «Русская школа за рубежом». Концепция определяет «цели и задачи государственной политики РФ в отношении общего образования на русском языке в международном образовательном пространстве; подходы к обеспечению доступа граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства к общему образованию на русском языке за рубежом; виды государственной поддержки образовательных организаций, осуществляющих преподавание на русском языке в зарубежных странах»¹⁸. Это стратегия, конкретных шагов пока не видно.

Что касается студентов, то правительство России выделяет ежегодную квоту на бесплатное обучение в том числе и соотечественников в размере 15 тыс. мест¹⁹. Очевидно, что этого явно недостаточно для расширения зоны влияния России путем подготовки национальных кадров как для стран ЦА, так и для всего евразийского пространства. Тем временем китайцы и представители иных внешних игроков реализуют древнекитайскую стратегию «хочешь победить врага — воспитай его детей».

Справедливости ради нужно сказать, что к нам едут те, кто готов и может платить за обучение. По данным Министерства образования, сейчас в России обучаются около 300 тыс. иностранцев²⁰, подавляющее большинство из которых приходится на граждан СНГ²¹.

В основном абитуриенты-иностранцы выбирают гуманитарный профиль, в частности, большой популярностью пользуются языковедение и литературоведение, но в то же время растет спрос и на

¹⁸ Концепция «Русская школа за рубежом». <http://www.kremlin.ru/acts/news/50643>.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 8 октября 2013 г. № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». <https://rg.ru/2013/10/10/obuchenie-site-dok.html>.

²⁰ Оя Е. Борьба за место. <https://russian.rt.com/russia/article/424109-inostrancy-obuchenie-rossiya>. Для сравнения: в США учится свыше 800 тыс. иностранных студентов (в 1950-е годы эта цифра едва достигала 35 тыс.); в Великобритании — свыше 300 тыс.; в Австралии — около 150 тыс.

²¹ RUSSIA.STUDY — официальный сайт для отбора иностранных граждан на обучение в Российской Федерации.

технические специальности. Первое место в этом списке занимают выходцы из Казахстана, на втором месте — граждане Белоруссии, на третьем — Украина, на четвертом — представители Туркмении, на пятом — Узбекистана [10, с. 52–57]. Для усиления степени гуманитарного влияния необходимо развивать систему филиалов ведущих российских вузов в странах СНГ. Наличие представительства МГУ или МАДИ (причем не только в столице) должно стать нормой, а не исключением.

Религиозный фактор (дез)интеграции. Деидеологизация конца 1990-х годов, прокатившаяся по всему постсоветскому пространству, определила огромную роль религии в политических и социальных процессах. Причем в центральноазиатском регионе происходит не просто усиление влияния ислама на власть и общество, но превращение его во внешний вызов. Последнее в значительной степени связано с активностью мусульманских стран, которые всячески поощряют воспитание в исламском духе молодежи, привносят религиозную идеологию, щедро финансируют создание системы исламского образования и строительство мечетей. Имманентным аспектом исламизации является распространение религиозного радикализма: на территории стран ЦА давно ведут активную деятельность междunarодные радикальные организации.

Религия может стать как великим объединителем, так и опасным конфликтогеном, причиной и условием разъединения. Поэтому не следует преувеличивать, но нельзя и умалять проблемы, связанные как с существенным расширением ареала распространения ислама, так и с формированием и активизацией на его платформе различных радикальных движений и сетевых террористических структур. Ислам как учение и политическая практика не един. Одна из самых общих и распространенных классификационных сеток делит ислам на политический (умеренный) и радикальный (экстремистский). В первом случае ислам используется в политических целях, является основой поэтапного реформирования политической системы той или иной страны. Представители радикального направления, выступая за возвращение к традиционным нормам Корана, могут использовать самые различные методы достижения этой цели, вплоть до открытых военных действий и актов терроризма.

Изучая ситуацию в регионе, важно помнить слова известного идеолога мусульманского мира Ю. Карзави: «В том исламе, который послал нам Аллах, политика является его неотъемлемой частью. Ис-

лам, который принес нам Пророк, не позволяет нам разделять человеческую жизнь, интеллект, талантливость между Богом и королем и не делает разницы между ними перед законами... Ислам без политики не ислам, если отделить политику от ислама, то это не ислам, а другая религия» [13, с. 42–43].

Очевидно, что проблемы, связанные с масштабами исламизации хорошо понимает политическое руководство стран ЦА. В то же время конкретных шагов по локализации и сдерживанию распространения в том числе радикального ислама практически не предпринимается. Более того, в целом ряде случаев именно политической властью создаются условия, благоприятствующие его распространению и укоренению.

В регионе сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, политическое руководство высказывает озабоченность возможностью проникновения радикальных исламских группировок из-за рубежа, прежде всего из Афганистана, но с другой — активно способствует развитию исламского самосознания собственного населения.

Так, развитие ислама в Казахстане — самой неисламизированной до недавнего времени республики ЦА — идет ускоренными темпами. Если до приобретения независимости количество мечетей во всем Казахстане составляло 68, то сегодня их уже более 2500, но и этого уже не хватает. Роль имамов в современном Казахстане возросла в разы. Имамы уже давно не ограничиваются исполнением религиозных ритуалов, а активно участвуют в общественной жизни, выступают с докладами на научных конференциях, широко представлены в информационном поле.

С 1991 г. при Духовном управлении мусульман Казахстана работает Высший исламский институт по подготовке имамов-хатыбов, а с 2001 г. на основе межправительственного соглашения между Казахстаном и Египтом работает Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак» (в ноябре 2012 г. по инициативе египетской стороны университет был переименован в Казахско-египетский исламский университет «Нур»). В 2002 г. в стране по инициативе Верховного муфтия страны шейха Абсаттара-хаджи открылся Исламский институт повышения квалификации имамов Республики Казахстан [14, с. 60].

Как и в других странах ЦА, в Казахстане огромными тиражами публикуется религиозная исламская литература, которая, как пра-

вило, раздается бесплатно. Причем это не только Коран, хадисы Пророка, но и различные положения шариата. Активно работают несколько исламских издательских центров, а также издательств, занимающиеся публикацией журналов и газет на религиозную тематику. Тиражи тысячные.

В Казахстане с 2012 г. работает первый телевизионный канал исламского вещания «Асыл Арна», целью которого является «пропаганда истинных ценностей ислама, национальных традиций и общечеловеческих ценностей, основанных на мусульманской культуре и этике»²². В интернет-пространстве действует множество исламских сайтов. По инициативе правительства Казахстана был создан Фонд поддержки исламского образования и науки. В его задачи входит издание и бесплатное распространение религиозной литературы, оказание финансовой поддержки исламским студентам в форме оплаты их обучения и выплаты стипендий.

Надо отметить, что в Казахстане, как в Таджикистане и Узбекистане, государство поддерживает именно ханафитский ислам. Поэтому особое внимание на современном этапе уделяется популяризации трудов ханафитских богословов.

Впервые в истории Казахстана подготовлен государственный стандарт по специальности «Исламоведение». Данная специальность с июня 2011 г. официально введена в классификатор специальностей высшего и послевузовского образования Казахстана. Как полагают казахстанские власти, такой подход к исламу позволит на идеологическом уровне предотвратить и нейтрализовать причины, порождающие проявления религиозного радикализма. В тоже время именно за исламской религией в Казахстане признается «все возрастающая роль в деле консолидации общества»²³, что невозможно без активной поддержки политической власти.

Если же вернуться к роли в подготовке исламоориентированных кадров (вспомним известную фразу — «кадры решают все») университетом «Нур», то осенью 2012 г. на его базе были открыты три новых факультета: «Основы религии и исламское проповедование», «Шариат» и «Арабская филология и исламская цивилизация». С по-

²² Заместитель муфтия Республики Казахстан Мухаммад-Хусейн хаджи Алсабеков // Ислам в СНГ. 2012. № 4. <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5188>.

²³ Выступление Мухаммада-Хусейна хаджи Алсабекова на VIII Мусульманском форуме «Консолидация мусульманского сообщества стран СНГ: достижения и цели» 27 ноября 2012 г. в Москве. <http://dumrf.ru/dumer/speeches/5492>.

явлением факультета «Шариат» студенты будут более глубоко изучать исламское законодательство. Больше внимания будет уделено проповедям²⁴. На наш взгляд, столь пристальное внимание к шариату на самом деле является подготовкой к переходу от светского законодательства к «правильному пути и образу действия» — так дословно переводится на русский язык понятие «шариат».

На наш взгляд, в ближайшем будущем все страны ЦА ожидает настоящее исламское пробуждение, которое в значительной степени готовится политикой государственных структур региона, активно поддерживающих и развивающих религиозное образование и создающих благоприятные условия для расширения роли и влияния мусульманских общин. В этой связи обсуждение вопросов о месте и роли ислама в политической системе, о масштабах и перспективах его влияния на население региона приобретают архиважное значение.

Отмечая увеличение масштабов влияния ислама в странах ЦА, не следует забывать, что этот процесс связан не только с активной миссионерской деятельностью имамов и различных исламских институтов. Интерес к исламу среди различных социальных слоев связан с падением авторитета светской власти, с ее коррумпированностью и клановостью, с общей деградацией политических систем и режимов стран региона.

Иными словами, уже в ближайшем будущем ислам, а именно шариат, может стать не только определяющей и доминирующей ценностной и мировоззренческой доктриной для населения центральноазиатских стран, но и стать источником права. Такое положение вещей обязательно отразится не только на внешней политике нашей страны в регионе, но может полностью изменить его политическую картину. Что в таких условиях может предложить Россия народам и политическим режимам региона — сложный и требующий стратегического видения вопрос.

Учитывая все вышесказанное, вывод может быть только один — России необходимо срочно искать инновационные методы работы для сохранения и укрепления стратегического партнерства в торго-

²⁴ Шамшадин Керим: «Мы готовим специалистов в области ханафитского ислама» // Ислам в СНГ. 2012. № 4. <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5198>.

во-экономической и культурно-гуманитарных сферах, что реально сделать, лишь объединив усилия эффективных государственных и гражданских институтов. Что в современных условиях может предложить Россия?

- Новые форматы межрегионального сотрудничества, и прежде всего речь идет о приграничных регионах. На 2019 г. уже установлены связи 76 субъектов с Казахстаном, 71 — с Киргизией, 80 — с Таджикистаном, 60 — с Туркменистаном, 75 — с Узбекистаном²⁵. Наряду с сохранением традиционных форм сотрудничества (привлечение прямых иностранных инвестиций для реализации проектов на своей территории, экспорт товаров местного производства) необходимо взаимодействовать в социальной и гуманитарных сферах.
- Развитие инфраструктурных проектов. Необходимо помнить, что за лидерство в Центральной Азии борется Китай и тактика его преимущественно экономическая: создаются совместные предприятия с китайским капиталом, большая часть прямых инвестиций приходится на КНР. Концепция «Шелкового пути» предполагает реализацию масштабных инфраструктурных проектов, поэтому Россия может предлагать собственные проекты и инвестировать в них.
- Активизация информационного присутствия в регионе посредством увеличения новостного вещания; создание на местных традиционных информплощадках своих «кусочков» контента (речь идет о приложениях, рубриках, программах).
- Использование сети Интернет для работы с молодежью.
- Усиление взаимодействия с журналистским корпусом стран региона как посредством обмена информацией, так и за счет расширения личных контактов.
- Расширение образовательной базы. Для этого следует использовать не только традиционные формы обучения, но и создавать «сетевые университеты», открывать филиалы ведущих российских вузов в странах СНГ, а также увеличивать квоты и гранты на обучение иностранных граждан в России. В российских вузах обучается 172 тыс. студентов из стран региона, в том числе 59 тыс. за счет федерального бюджета. В ЦА функцио-

²⁵ Россия и Центральная Азия // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. <https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>

нируют представительства и филиалы ведущих российских вузов: МГУ им. М. В. Ломоносова, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Московский авиационный институт, Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Национальный исследовательский университет «МЭИ» и др. В мае 2019 г. в Узбекистане открыт первый на пространстве СНГ филиал МГИМО (У) МИД России. Работают совместные высшие учебные заведения в Киргизии и Таджикистане²⁶.

- Увеличение присутствия в регионе российских неправительственных организаций (НПО), центров культуры и изучения русского языка, а также поддержка инициатив региональных пророссийских НПО, в том числе финансовая²⁷.

В заключение еще раз подчеркнем необходимость системного и комплексного использования методов и технологий «мягкой силы» во всех ее проявлениях, включая экономику, образование, науку, культуру. Только в этом случае мощный интеграционный ресурс сотрудничества России и стран ЦА, заложенный историей и политикой, культурой и демографией, станет реальной и действенной кооперационной силой.

Литература

1. Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М.: Канон+, 2016. 312 с.
2. Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. 2017. № 3 (99). С. 164–171.
3. Немчинова Т. С., Музалёв А. А., Говоркова А. Взаимодействие ключевых геополитических игроков в Центральной Азии: конкурентный выбор или историческая данность? // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 8: сб. статей / под ред. В. С. Ягья, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. 296 с. С. 213–224.

²⁶ Россия и Центральная Азия // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. <https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>.

²⁷ Например, на «поддержку доступа к информации НПО в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане» Агентство США по международному развитию в конце 2014 г. выделило дополнительно 3,8 млн долл. Указанный проект в течение последних трех лет осуществляла Internews Network, действующая с 1982 г. из штаб-квартиры в г. Арката (Калифорния, США).

4. Ягья В. С., Пономарева Е. Г. Научное сотрудничество — форма и метод публичной дипломатии // *Обозреватель*. 2015. № 8 (307). С. 69–82.
5. Цицерон К. Т. Краткое наставление по соисканию консульства. Письма. В 3 т. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. 504 с.
6. Nye J. S. Soft Power and Higher Education // *The Internet and the University*. <https://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffpiu043.pdf>.
7. Кубышкин А. И., Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с.
8. Соболев В. Г. «Мусульманский вопрос» в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) (по материалам Российского Государственного Исторического Архива) // *Клио*. 2015. № 3 (99). С. 188–197.
9. Соболев В. Г. Русско-туземные школы Туркестана: в поисках «обрусительной политики» // *Клио*. 2015. № 2 (98). С. 87–103.
10. Немчинова Т. С., Музалёв А. А. Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского Экономического Союза // *Евразийский юридический журнал*. 2016. № 1 (92). С. 52–57.
11. Гао В. Институты Конфуция в мире. <http://human.snauka.ru/2015/06/11485>.
12. Ягья В. С., Минфу Л. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // *Международная жизнь*. 2015. № 7. С. 84–93.
13. Усмон Д. Исламский фактор в политических процессах России и стран Центральной Азии. М.: Издатель Воробьев, 2009. 180 с.
14. Рудов Г. А. Ислам в Центральной Азии: масштабы и перспективы влияния // *Обозреватель*. 2014. № 6 (293). С. 57–66.

Контактная информация:

Пonomарева Елена Георгиевна — д-р полит. наук, проф.; nastya304@mail.ru
Рудов Георгий Алексеевич — канд. филос. наук, д-р полит. наук, профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации

Central Asia in Russian Foreign Policy: Losses and Opportunities

Elena G. Ponomareva

*Moscow State Institute of International Relations (University) of
the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation,
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russian Federation*

Georgii A. Rudov

*Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
53/2, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russian Federation*

For citation: Ponomareva E. G., Rudov G. A. Central Asia in Russian Foreign Policy: Losses and Opportunities. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 465–483. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.31> (In Russian)

The Central Asia region is a complex geopolitical tangle of contradictions and an ethno-religious knot, comparable in the degree of influence of national and religious feelings on the political development of the world system with the Balkans and the Caucasus. For Russia, this is a zone of special interests, including in connection with the residence of a large Russian-speaking population in the Central Asian states. However, while strengthening its position in the world, Russia is losing its status in the Central Asian region. In order to return or strengthen the role of a leader in these countries, new approaches, formats of interaction are needed, and, above all, in the social and humanitarian spheres. The article examines four groups of problems: the reasons for the world-political importance of the countries of the region, the determining importance of such development factors as the economy, resources of *soft power* and religion.

Keywords: world politics, Russia, Central Asia, *soft power*.

References

1. Ponomareva E. G., Rudov G. A. "Domino Principle": *World Politics at the Turn of the Century*. Moscow, Kanon+ Publ., 2016. 312 p. (In Russian)
2. Zhou Jun. The Value of the Central Asian States in World Politics, *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2017, no. 3 (99), pp. 164–171. (In Russian)
3. Nemchinova T. S., Muzalyov A. A., Govorkova A. Interaction of Key Geopolitical Players in Central Asia: Competitive Choice or Historical Reality? *Aktual'nye problemy mirovoj politiki v XXI v.*, iss. 8: Sb. statei. Ed. V. S. Yag'ya. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2016. 296 p., pp. 213–224. (In Russian)
4. Yag'ya V. S., Ponomareva E. G. Scientific Cooperation — the Form and Method of Public Diplomacy. *Obozrevatel'*, 2015, no. 8 (307), pp. 69–82. (In Russian)
5. Cicero K. T. *A Briefguide to applying for the Consulate. Letters*. V 3 tt. Vol. 1, Moscow, Ladamir Publ., 1994. 504 p. (In Russian)
6. Nye J. S. *Soft Power and Higher Education*. The Internet and the University. <https://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffpiu043.pdf>.
7. Kubyskin A. I., Czvetkova N. A. *U.S. Public Diplomacy*. Moscow, Aspekt Press, 2013. 271 p. (In Russian)
8. Sobolev V. G. The "Muslim Question" in the Russian Empire during the First World War period of 1914–1916, *Klio*, 2015, no. 3 (99), pp. 188–197. (In Russian)
9. Sobolev V. G. Russian Schools for Indigenous Population in Turkestan: in Search of «Obrusenie», *Klio*, 2015, no. 2 (98), pp. 87–103. (In Russian)
10. Nemchinova T. S., Muzalyov A. A. Export Education as a Tool for Integration of Countries of Eurasian Economic. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal*, 2016, no. 1 (92), pp. 52–57. (In Russian)
11. Gao V. *Confutius Institutes in the World*. <http://human.snauka.ru/2015/06/11485>. (In Russian)
12. Yagya V. S., Minfu L. Confucius Institute as a Factor of "Soft Power" in China's Foreign Policy in the XXI century, *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2015, no. 7, pp. 84–93. (In Russian)

13. Usmon D. *The Islamic factor in the political processes of Russia and Central Asia*. Moscow, Vorob'ev Publ., 2009. 180 p. (In Russian)
14. Rudov G. A. Islam in Central Asia: scopes and prospects of influence. *Obozrevatel*, 2014, no. 6 (293), pp. 57–66. (In Russian)

Author's information:

Elena G. Ponomareva — Dr. Sci. in Politology, Professor; nastya304@mail.ru

Georgij A. Rudov — PhD Sci. in Philosophy, Dr. Sci. in Politology, Professor;

Ambassador extraordinary and plenipotentiary of the Russian Federation

УДК 327+378.1

Стратегии экспорта образования на постсоветском пространстве: сравнительный анализ практик России и Турции

Т. С. Немчинова, А. А. Музалёв

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Немчинова Т. С., Музалев А. А. Стратегии экспорта образования на постсоветском пространстве: сравнительный анализ практик России и Турции // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 484–506. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.32>

В статье оценивается экспортный потенциал российских и турецких университетов. Приток иностранных граждан для обучения в вузах является важнейшим критерием качества системы высшего образования страны. Это также показатель интеграции страны в мировое сообщество и крупная статья экспорта. Лидерами по количеству студентов из других стран традиционно являлись США, Великобритания, Франция, СССР, Германия. На рубеже XX–XXI вв. значительный прирост иностранных студентов наблюдается в Австралии, Японии, Китае. Шаги в улучшении национальной системы высшего образования и, соответственно, наращивания количества иностранных студентов делают и другие страны. Но попытки внедриться на мировой рынок образовательных услуг значительно затруднены, рынок уже основательно поделен, и государства, давно закрепившиеся на нем, не собираются допускать на него новых игроков. Этот процесс протекает и в Турции, входящей в число наиболее быстрорастущих экономик мира.

Ключевые слова: экспорт образования, образовательные системы, высшее образование, интернационализация, Россия, Турция, постсоветские страны

Увеличение общего количества иностранных учащихся, появление новых региональных лидеров, развитие трансграничных форм обучения — тенденции мирового рынка образовательных услуг. Конкуренция на этом рынке становится действенным фактором стимулирования экономического роста. А получение дохода от экспорта образования приносит материальные блага как субъекту экспорта — отдельному университету, так и государству-экспортеру в целом.

Экспертная оценка объема мирового рынка высшего образования составляет 150 млрд долл. [1, с. 126]. Совокупные доходы от экспорта российских образовательных услуг в 2016/2017 академическом году составили 116 млрд руб., или 1 785,4 млн долл. США, причем собственно на оплату иностранными гражданами обучения на контрактной основе по российским образовательным программам приходилось 25 % от данной суммы, а остальное — текущие расходы жизнеобеспечения [2]. Согласно данным Института статистики ЮНЕСКО, Россия относится к странам, привлекающим иностранных студентов¹. Первое место мирового рейтинга стран-экспортеров образования по-прежнему занимают США с 19 % общемировой студенческой мобильности, второе — Великобритания (9 %), третье — Австралия (8 %). На долю Франции и Германии приходится по 5 % мировой студенческой мобильности.

Повышение привлекательности и конкурентоспособности образования на международном рынке образовательных услуг — приоритетная задача Правительства Российской Федерации. Ее решению способствует Проект 5–100. Об эффективности говорит тот факт, что за семь лет университеты-участники Проекта серьезно продвинулись в международных образовательных рейтингах. В 2017 г. из 21 участника в топ-100 международных предметных рейтингов QS, THE, ARWU вошло 11 университетов. Усредненная доля иностранных студентов в университетах Проекта составила почти 14 %². В 2020 году уже 20 российских университетов — участников программы академического превосходства вошли в рейтинг *Times Higher Education World University Rankings*, (THE), причем общее количество российских университетов в публикуемой части рейтинга составило 48. Средняя доля иностранных студентов в университетах рейтинга — 13,6 %, показатели отдельных университетов варьируются от 3 % до 35 %.

Университеты Турции ведут свою историю с XV в., но государство смогло их модернизировать и создать конкурентоспособную систему высшего образования. Благодаря внедрению Болонской системы, университеты соответствуют стандартам европейского качества и занимают места в мировых рейтингах — 43 университе-

¹ Официальный сайт Института статистики ЮНЕСКО: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>

² Россия вошла в список самых привлекательных для иностранных студентов стран // РИА Новости. 10 декабря 2018. <https://ria.ru/20181210/1547722136.html>.

та в публикуемой части рейтинга ТНЕ. Средняя доля иностранных студентов — 4,4%, диапазон значений — от 0 до 17 %³. Кроме того, согласно рейтингу QS 2020 года, пять университетов Турции вошли в мировой топ-700 лучших вузов (Университет Коч, Университет Сабанджи, Университет Билкент, Ближневосточный технический университет, Босфорский университет). 12 турецких вузов заняли строчки в топ-100 лучших университетов развивающейся Европы и Центральной Азии того же рейтинга QS. Эти университеты были открыты только в конце XX века, поэтому со временем их позиции будут только расти.

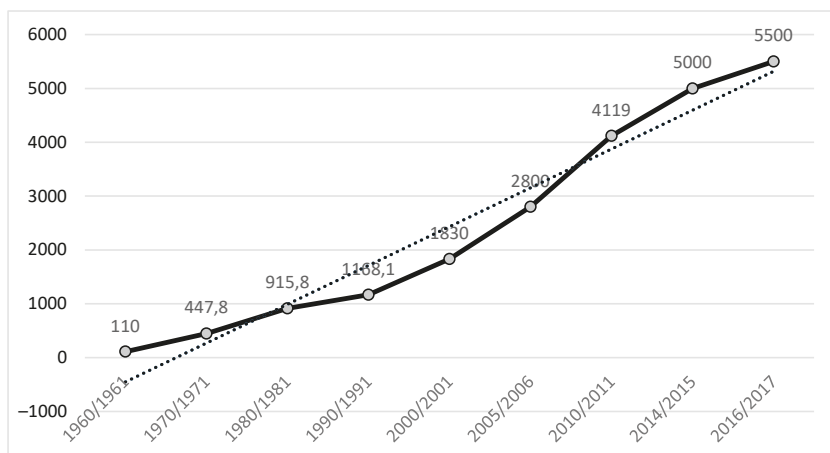
По показателю общей численности иностранных учащихся очных и заочных отделений вузов в общемировом контингенте иностранных студентов Россия в 2016/2017 академическом году занимала 7-е место в мире. Доля иностранных учащихся (6,2 % в 2015/2016 году, 6,8 % в 2016/2017 году) увеличилась в 2,5 раза по сравнению с 1990/1991 годом (2,6 %), что было связано со значительным сокращением численности российских студентов (более чем на 2 млн чел. за последние десять лет) [3, с. 233]. Тем самым иностранные студенты обеспечили в 2016/2017 году 21,5 тыс. рабочих мест в российских вузах для профессорско-преподавательского состава. Однако увеличение не позволяет России вернуться в тройку мировых лидеров экспорта образования, в которую она входила в поздний советский период наряду с США и Францией.

Накануне распада СССР в 1990/1991 академическом году в советских высших учебных заведениях обучались 126,5 тыс. иностранных студентов, стажеров, аспирантов, что составляло более 10 % общемировой численности иностранного студенческого контингента [3, с. 233]. Для граждан многих стран было престижно получить высшее образование в СССР, ибо советская система образования по праву считалась одной из лучших в мире. Кроме того, в 36 странах при содействии СССР были созданы 66 высших учебных заведений (университеты, институты, университетские центры, специализированные факультеты и филиалы), 23 средних специальных учебных заведения и свыше 400 учебных центров профессионально-технического образования, 5 общеобразовательных школ. В них

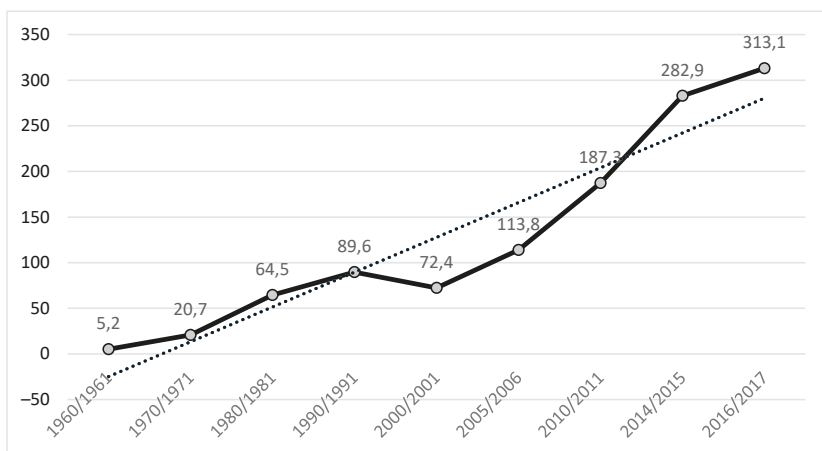
³ Times Higher Education World University Rankings 2021. https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/world-ranking!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats.

с участием советских преподавателей и по изданной в СССР учебно-методической литературе обучались более 60 тыс. человек (в том числе 30 тыс. — по программам высшего образования). Основная часть иностранных граждан, получавших высшее образование в Советском Союзе, училась в вузах РСФСР (70 %), и на момент распада Советского Союза их насчитывалось около 90 тыс., что составляло 7,7 % общемирового контингента иностранных студентов. Почти все иностранцы в тот период учились в вузах СССР на очных отделениях. После распада СССР данный показатель уменьшился почти в два раза, однако в последние десять лет доля иностранных граждан в общемировой численности иностранных студентов вновь стала увеличиваться (см. рис. 1).

Экспорт образовательных услуг отечественной высшей школы за рубежом достиг своего максимума в 2005/2006 академическом году: в 35 странах в 10 совместных университетах, академиях, институтах и колледжах, в 80 зарубежных филиалах и более чем в 160 различных зарубежных структурных подразделениях 96 российских вузов (из которых 51 относился к Министерству науки и высшего образования России (Минобрнауки), 14 — к другим министерствам и ведомствам, а 31 вуз являлся негосударственным) и в их партнерских/ассоциированных организациях диплом о высшем образовании получали 89,8 тыс. человек (из них почти 80 тыс. занимались по программам, ведущим к получению различных академических степеней и российских дипломов о высшем образовании) [4, с. 464]. Спустя 12 лет, в 2016/2017 академическом году, контингент иностранных учащихся зарубежных подразделений российских вузов и совместных университетов и институтов стал вдвое меньше — 46,7 тыс. человек (в 2014/2015 и 2015/2016 гг. процесс сокращения замедлился, а в 2016/2017 году даже наметился небольшой прирост данного контингента). При этом по программам третичного уровня образования (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура) учились лишь 42,5 тыс. человек, в том числе 27,8 тыс. человек очно и 14,7 тыс. заочно, еще 3,7 тыс. человек являлись учащимися зарубежных подготовительных отделений и центров (курсов) русского языка российских вузов, а 439 человек занимались по российским программам дополнительного профессионального образования. Общее количество отечественных вузов, оказывавших в 2016/2017 академическом году различные образовательные услуги за рубежом (включая четыре совместных славянских университета

а

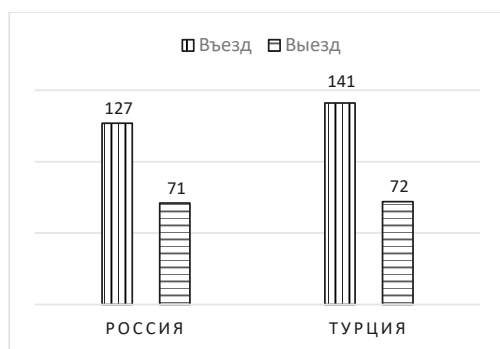
б

Рисунок 1. а — общемировая численность иностранных студентов, тыс. чел.; б — численность иностранных студентов в России, тыс. чел.

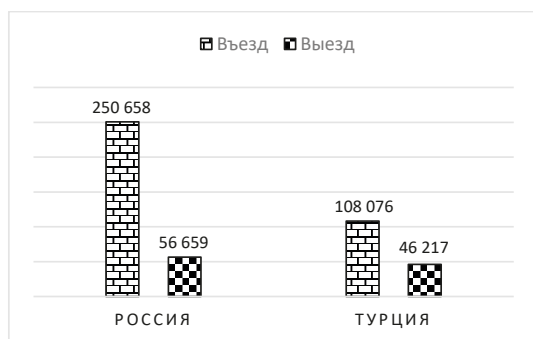
в странах СНГ), составило 46 (из них 29 вузов Министерства образования и науки России, 7 вузов иной ведомственной принадлежности и 10 — НОУ), а перечень стран, в которых функционировали 35 филиалов и 55 иных подразделений российских вузов и их пар-

тнерских / ассоциированных организаций, обучавших по российским образовательным программам, сократился до 23-х.

Оценивая положение России и Турции на мировом рынке образовательных услуг, необходимо отметить высокую вовлеченность обоих государств в мировой процесс интернационализации образования. В 2015 г. в России обучалось 250 658 иностранных студентов из 127 стран мира (4,7 % мирового значения), в Турции — 108 076 студентов из 141 страны (2 % мирового значения). При этом 56 659 граждан России обучались в университетах 71 страны мира (1,1 % мирового значения), 46 271 гражданин Турции обучались в университетах 72 стран (0,9 % мирового значения) (рис. 2).

а

б

Рисунок 2. Число стран (а) и иностранных студентов (б), участвующих в процессах образовательной интернационализации в России и Турции, 2015 г.

Большинство иностранных потребителей различных российских образовательных услуг — граждане стран СНГ, и их доля в составе иностранных студентов, стажеров, аспирантов, слушателей подготовительных отделений, языковых курсов и т. д. российских образовательных учреждений растёт. В числе стран-лидеров по числу иностранных обучающихся российских университетов — Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Украина, Таджикистан, Беларусь, Азербайджан, Кыргызстан, Молдова, Армения, Грузия. Постсоветские страны обеспечивают более 86 % иностранных студентов, обучающихся в России, из стран-лидеров (с численностью въезжающих более 1000 человек). Такие крупные «поставщики» иностранных студентов на мировом рынке высшего образования, как КНР и Индия, обеспечивают лишь 7,5 % от общего числа иностранных студентов в России.

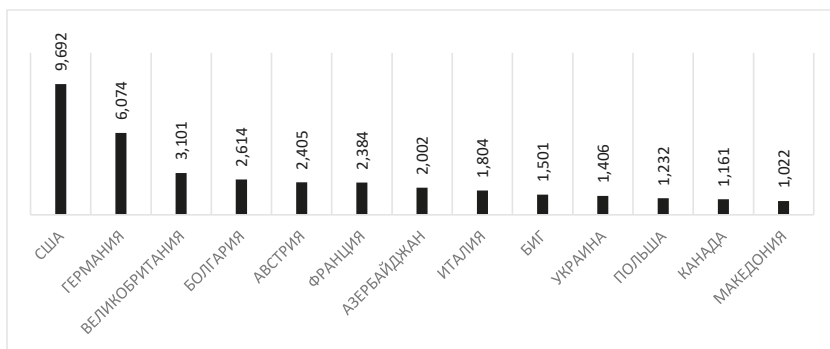
Особенно популярно у представителей бывших советских республик получение российского образования заочно (выходцы из стран СНГ и Балтии составляют 96,8 % иностранных студентов-заочников российских вузов, а также 99,3 % обучающихся заочно по программам высшего образования в их зарубежных филиалах и различных структурных подразделениях). В 2015/2016 академическом году совокупные доходы от экспорта вышеуказанных российских образовательных услуг составили 99,9 млрд руб. (эквивалентно 1 537,5 млн долл. США). Основную часть доходов от экспорта образовательных услуг приносит очная форма обучения иностранных граждан российских вузов на территории РФ, она в 2016/2017 академическом году выросла почти на 5 % по сравнению с предшествующим годом.

Турция имеет вторую по величине англоязычную систему высшего образования в Европе, включая два ведущих государственных университета: Ближневосточный технический университет и Босфорский университет, в которых обучение ведется полностью на английском языке и куда стремится практически каждый иностранец, а также Стамбульский технический университет, Университет Атлим, Университет Билкента, Измирский экономический университет, Измирский технологический институт, Университет Коч, Университет Фатих, Университет Едитепе, Университет Бахчешехир, Университет Сабанджи и др., где преподавание частично ведется на английском языке. В частных вузах программ на английском намного больше, чем в государственных. В университете Галатасарай обучение полностью ведется на французском языке. Преимуществен-

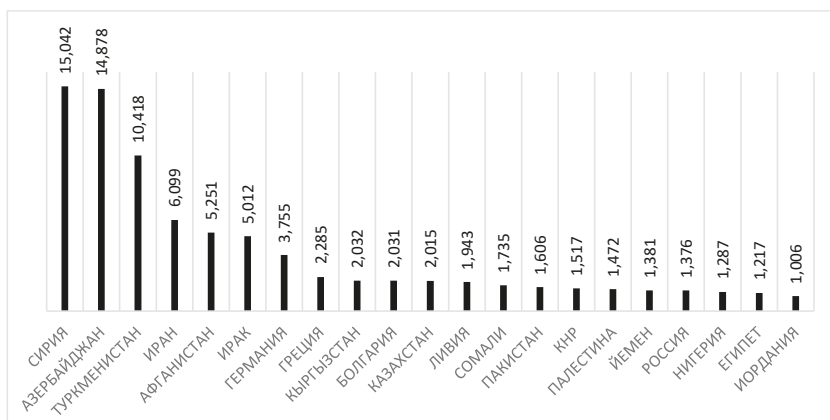
ным дополнением англоязычных университетов Турции является то, что программы в них значительно дешевле, чем в европейских странах, что, безусловно, привлекательно для иностранных абитуриентов.

Для Турецкой Республики основной поток иностранных студентов идет из сопредельных стран — Сирии, Ирака, Болгарии, Иордании, а также из стран, где важное значение придается идеям «пантюркизма» и «панисламизма», — Азербайджана, Туркменистана, Кыргызстана, Казахстана, Ирана, Афганистана, Ливии, Пакистана, Египта. В основном это студенты из стран СНГ, в первую очередь тюркских, а также из стран Ближнего и Среднего Востока и Балкан, то есть макрорегиона, где Турция претендует на роль лидера. Значительная доля студентов из Германии объясняется давними турецко-германскими связями и поступлением в турецкие университеты потомков выходцев из Турции. Большую популярность Турция завоевала в исламском мире как страна с динамично развивающейся экономикой. Значимым фактором привлекательности образования в Турции является социально-экономический фактор — уровень жизни населения, перспективы дальнейшего трудоустройства и получения гражданства. Представительство иностранных студентов в турецких университетах значительно более диверсифицировано в региональном и страновом плане, нежели чем в России, где крайне высока доля «постсоветского» контингента (подробнее см. рис. 3).

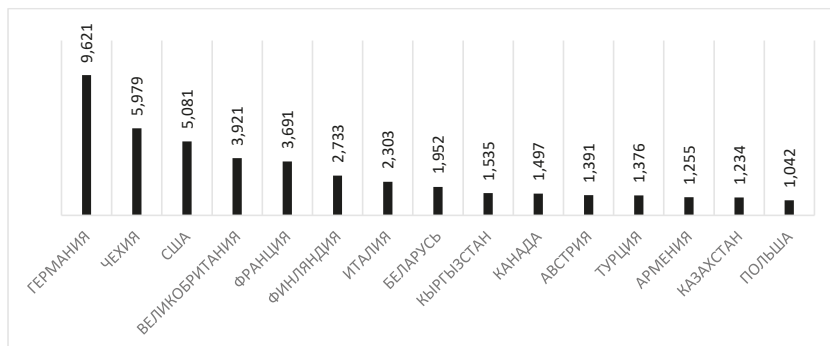
Развитие отношений между Россией и Турцией после распада Советского Союза привело к расширению контактов в сфере образования. Если за весь период с 1950 по 1985 г. советские вузы окончил 31 гражданин Турецкой Республики, то за 10 лет с 2007 по 2016 г. общее число обучающихся в российских вузах граждан Турецкой Республики составило 13 374 человека. Динамика числа обучающихся по годам представлена на рис. 4. В последнем году рассматриваемого периода из 1117 студентов университетов России — турецких граждан 713 обучались на контрактной основе, что составляет 63,8 %. Количество государственных стипендий Правительства РФ на обучение в российских университетах для граждан Турции в последние годы сокращается: со 133 в 2014–2015 году до 55 в 2017–2018 году. Судя по всему, сокращение квот связано с недостаточной заполняемостью выделяемых мест для страны. Это также может стать косвенным доказательством того, что в последние годы турецкая система высшего образования становится более привлекательной и доступ-

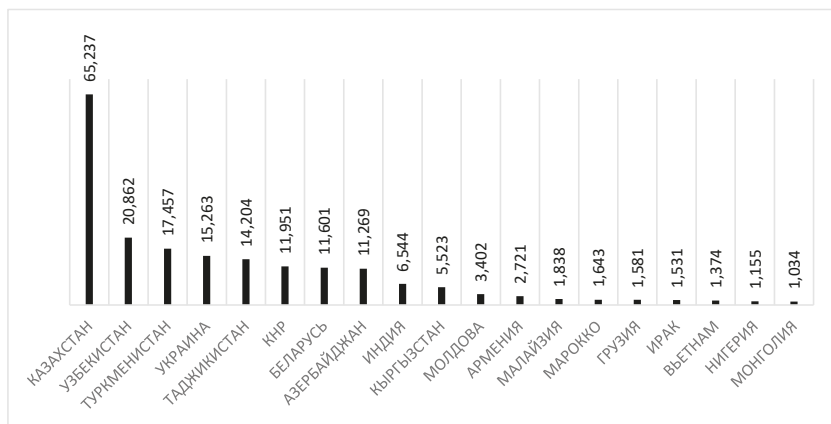
a

б

в

г

Рисунок 3. Страновая дифференциация академической мобильности студентов в России и Турции, 2015 г.: а — выезд граждан Турции на обучение в университетах за рубежом, чел.; б — въезд иностранных граждан для обучения в университетах Турции, чел.; в — выезд граждан России на обучение в университетах за рубежом, чел.; г — въезд иностранных граждан для обучения в университетах России, чел.

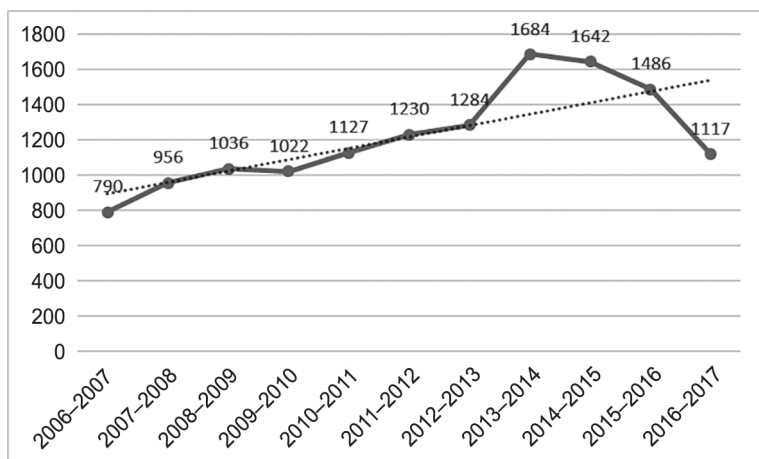

Рисунок 4. Граждане Турции, обучающиеся в вузах России в период с 2006–2007 уч. г. по 2016–2017 уч. г.

ной для граждан своей страны, а экономический рост, увеличивая благосостояние отдельного человека, позволяет выбирать на рынке образовательных услуг страны, университеты которых находятся на первых позициях мирового рейтинга высшего образования.

Рассматривая страновые кейсы создания и последующей работы российских и турецких образовательных институций в постсоветских республиках, необходимо отметить широкий спектр политик национальных правительств в этой сфере: от абсолютной открытости, как, например, в Кыргызстане, до практически полного запрета иностранных образовательных организаций в Туркменистане.

Кыргызстан стал одним из первых постсоветских государств, сделавших систему образования открытой для межгосударственного сотрудничества и создания иностранных образовательных организаций. Так, в 1993 г. был открыт первый из славянских университетов — Кыргызско-Российский Славянский университет, позже были открыты Кыргызско-Российская академия образования и филиалы ряда российских университетов на территории Кыргызстана: Балтийского государственного технического университета им. Устинова, Казанского национального исследовательского технического университета, Московского энергетического института, Российского государственного социального университета, Российского экономического университета им. Плеханова, 1 негосударственного образовательного учреждения. Всего в университетах и их филиалах, имеющих российских учредителей, обучаются 12 277 студентов, в том числе 2229 заочно.

В 1995 г. был основан Международный Кыргызско-Турецкий университет «Манас», в 1996 г. — частный Международный университет «Ала-Тоо», имеющий учредителей из Турции. Совокупная численность студентов, обучающихся в двух университетах, — более 8 тыс. человек.

Наиболее успешным проектом кыргызско-турецкого сотрудничества в области образования является Международный Кыргызско-Турецкий университет «Манас» в Бишкеке, созданный на основе соглашения от 30 сентября 1995 г. между правительствами Турции и Кыргызстана. Университет осуществляет прием абитуриентов из Кыргызстана и Турции по результатам вступительных испытаний, проводимых Центром набора и распределения студентов Турецкой Республики. Таким же образом осуществляется прием абитуриентов из других тюркоязычных государств [подробнее см. 5,

с. 26–32]. По состоянию на январь 2020 г. на 9 факультетах, в 2 высших школах, 2 институтах и 1 профессиональной школе обучались 4 296 студент бакалавриата (из них 17 % (544 чел.) — студенты иностранцы), а в 2 институтах продолжают обучение 357 магистранта и аспиранта⁴. Университет является юридическим лицом, имеющим, как и другие университеты Турции, научную автономию. Обучение в Университете является бесплатным, помимо этого студентам выдается стипендия за академическую успеваемость. Университет также обеспечивает учебными пособиями, функционируют студенческие общежития. Языками обучения являются кыргызский и турецкий, кроме того, в качестве учебных дисциплин преподаются английский и русский.

Примером активного влияния Турции на кыргызстанском рынке образования является частный университет Алатоо-Ататюрк, проводящий независимую от Министерства образования Турции политику.

В кыргызской системе образования турецкие образовательные учреждения занимают важные позиции и потому, что помогают государству в реализации программ по переводу делопроизводства и преподавания в учебных заведениях на государственный кыргызский язык [6, с. 82–90].

Кроме того, между крупными университетами обеих стран сложились горизонтальные связи: многолетний опыт межвузовского сотрудничества Университета Анкары с Бишкекским гуманитарным университетом и Ошским государственным университетом, Университета Мармара с Национальным университетом им. Ж. Баласагына. В рамках Межправительственного соглашения между Кыргызстаном и Турцией по обмену студентами и специалистами около 1700 кыргызстанских студентов обучаются в ведущих университетах Турции, свыше 1000 турецких студентов обучаются в университетах Кыргызстана. Это наибольший поток студентов из Кыргызстана, которые едут обучаться за границу на основе межгосударственных соглашений. О положительных и отрицательных сторонах учебной миграции из Кыргызстана в Турцию можно посмотреть интересное полевое исследование профессоров из Бишкека Ж. Саманчиной и А. Элебаевой «Перспективы учебной миграции

⁴ КТУ Манас в цифрах / Официальный сайт Кыргызско-Турецкого университета Манас. http://intl.manas.edu.kg/ru/o%20манасce/ktmu_at_a_glance.

из Кыргызстана в Турцию» [7, с. 154–168]. Россией в 2019 г. было выделено 370 государственных стипендий для граждан Кыргызстана на обучение в российских университетах за счет средств бюджета Российской Федерации, при этом было подано почти 3 тыс. заявок на обучение.

В марте 2019 г. в Бишкеке прошел первый Форум ректоров вузов Кыргызской Республики и Российской Федерации, в котором приняли участие ректоры 40 вузов России и 31 вуза Кыргызстана. Президент Кыргызстана С. Жээнбеков, выступая на форуме, отметил: «30 лет назад мы представляли одно образовательное пространство и качество образования было на высоком уровне. Сейчас этого нет. Но я считаю, что вновь возникла необходимость в создании этого пространства». На форуме было принято решение об открытии филиала Московского государственного университета (МГУ) им. Ломоносова в Оше, где студенты будут проходить обучение по программам «Математика и информатика», «Геология», «Русский язык и литература».

В Казахстане действует один университет, созданный на основе межправительственных казахско-турецких соглашений, — Международный казахско-турецкий университет им. Х. А. Ясави в г. Туркестане (около 10 тыс. студентов), созданный по инициативе Н. А. Назарбаева в 1991 г., а в 1992 г. получивший статус международного университета. В стране работает еще один вуз, имеющий турецкие корни, — Университет им. Сулеймана Демиреля в г. Каскелен (пригород г. Алматы) (около 5 тыс. студентов), открытый в 1996 г., 37 международных казахско-турецких лицеев, 2 международных школы и 2 колледжа, открытых при поддержке международного фонда KATEV, в 2016 г. преобразованного в фонды «Білім-Иновация» и «Білім-Орда», управляющих всеми совместными образовательными учреждениями. В настоящее время руководителями этих фондов являются граждане Казахстана [8, с. 75–82].

Российские образовательные организации высшего образования в Казахстане представлены 9 филиалами и представительствами: МГУ им. Ломоносова, РЭУ им. Плеханова, Московского авиационного института, НИУ МЭИ, Томского государственного университета, Тюменского государственного университета, Челябинского государственного университета — и 3 негосударственными университетами. В этих вузах в 2017–2018 академическом году обучались 8682 студента, из них 4777 студентов заочно, что свидетельствует

о преобладании тенденции к формальному получению диплома о высшем образовании. Большинство граждан Казахстана, стремящихся получить высшее образование в российских университетах, проходят обучение очно в университетах на территории России.

По данным Минобрнауки, в 2018 г. более 71 тыс. граждан Казахстана обучались в российских университетах, при этом за счет федерального бюджета 29 тыс. казахстанцев, на договорной основе — 42,5 тыс. Чаще всего казахстанцы поступают в университеты Омской области (13 тыс.), Москвы (8,4 тыс.), Томской области (6,8 тыс.), Новосибирской области (5,9 тыс.), Санкт-Петербурга (5,3 тыс.), Челябинской области (4,6 тыс.), Оренбургской области (3,2 тыс.) и других регионов Российской Федерации. По данным Комитета по статистике Казахстана, в 2018 г. для получения высшего образования из-за рубежа в Казахстан прибыли 13 898 человек. Среди них большинство из стран СНГ (7828 человек). Подавляющая часть абитуриентов прибыла из Узбекистана (3683 человек), Туркменистана (1320 человек), России (1075 человек), Кыргызстана (1026 человек). Из других стран поступили 6 070 человек: из Китая 1290 человек, Афганистана — 506, Монголии — 439, Турции — 236, Республики Корея — 71, КНДР — 26 человек. В целом в казахстанские университеты в 2018 г. поступили более 490 тыс. абитуриентов.

Узбекистан стал вести достаточно активное взаимодействие в области культуры и образования с Турцией с самых первых лет своего независимого развития. Летом 1992 г. прошла встреча министров культуры Турции, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана и самопровозглашенной Республики Северного Кипра. На ней обсуждались вопросы создания единого унифицированного языкового и культурного пространства. Способом реализации данных устремлений стало выделение Турцией ежегодных стипендий для обучения студентам из «тюркских государств». Узбекистану как стране с наибольшим тюркским населением на 1992–1993 учебный год была выделена наибольшая квота в 2 тыс. студентов ежегодно. Но в 1994 г. в связи с политическим охлаждением отношений между Турцией и Узбекистаном наступило охлаждение и в области культурно-образовательного обмена. Несмотря на периодические кризисы во взаимоотношениях двух государств, в Узбекистане постепенно увеличивалось количество узбекско-турецких школ. В 1994 г. их насчитывалось 27, максимум в 65 школ был достигнут в середине 1990-х годов. Но в 1999 г. политическая составляющая взаимо-

отношений двух стран повлияла на принятие решения со стороны властей Узбекистана о закрытии всех узбекско-турецких учебных заведений в республике. Очевидна избирательность официального Ташкента во взаимоотношениях с турецкой стороной. Стоит отметить, что игнорирование узбекским руководством инициатив Анкары, отсутствие взаимодействия и интеграции достаточно негативно сказывается на самой идее общетюркской интеграции, ведь без Узбекистана, население которого составляет половину всех тюрков центральноазиатского региона, данные интеграционные инициативы становятся половинчатыми.

В Узбекистане работают филиалы российских университетов: РЭУ им. Плеханова (открыт в 2001 г.), МГУ им. Ломоносова (2006 г.), 2 филиала Российского государственного университета нефти и газа им. Губкина (2007 г.), Московского института стали и сплавов, Московского инженерно-физического института, Московского государственного института международных отношений (МГИМО). В них обучаются более 2500 студентов.

18 октября 2018 г. в Ташкенте в преддверии государственного визита Президента России в Республику Узбекистан прошел Первый Российско-Узбекский образовательный форум «Новые кадры — для новой экономики». Участие в форуме приняли представители более 60 узбекских и 80 российских вузов. По оценкам участников, одним из ключевых достижений форума стало подписание более 130 соглашений о сотрудничестве и реализации конкретных образовательных проектов. По итогам форума вдвое увеличилось число филиалов российских вузов в Узбекистане. В ходе форума было подписано соглашение о создании филиала Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева на базе Ташкентского химико-технологического института. 18 октября 2018 г. состоялось открытие филиала НИТУ «МИСиС» в Узбекистане. Алмалыкский филиал НИТУ «МИСиС» образован Постановлением Президента Республики Узбекистан «Об организации деятельности Филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» городе Алмалык» № ПП-3714 от 11 мая 2018 г.

19 октября 2018 г. в рамках визита президента России в Ташкенте были подписаны межправительственное Соглашение о создании и функционировании филиалов образовательных организаций выс-

шего образования Российской Федерации в Республике Узбекистан и Соглашение между Университетом мировой экономики и дипломатии (УМЭД) и МГИМО о создании филиала МГИМО в Республике Узбекистан. Постановление Президента Узбекистана Ш. М. Мирзиёева об организации деятельности филиала МГИМО в Ташкенте от 11 февраля 2019 г. перевело договоренности в практическую плоскость. В настоящее время завершается правовое оформление деятельности филиала в Узбекистане в соответствии с российским законодательством и реконструкция здания, выделенного для филиала МГИМО. Вместе с тем с 1 сентября 2019 г. МГИМО начал реализацию своих программ в сетевой форме на ресурсной базе УМЭД. На обучение принято 86 абитуриентов программ бакалавриата и магистратуры.

3 сентября 2019 г. в Ташкенте открылся первый зарубежный филиал Национального исследовательского ядерного университета (НИУ) «МИФИ». Его выпускники станут сотрудниками АЭС, которую к 2028 г. совместно с Узбекистаном построит Россия. Основными направлениями деятельности нового вуза является подготовка высококвалифицированных инженерно-технических кадров в сфере ядерной энергетики и теплофизики, а также фундаментальные и прикладные научные исследования в области ядерной физики. Филиал НИЯУ МИФИ в городе Ташкент Республики Узбекистан создан в соответствии с Постановлением Президента Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёева от 20 июля 2018 г. № ПП-3875 «О создании и организации деятельности в городе Ташкенте филиала Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». В первый год работы филиала в него было принято 25 абитуриентов.

Постановлением Президента Узбекистана от 07 июня 2019 г. в Ташкенте образован филиал Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева. Образовательная деятельность Филиала началась в 2019/2020 учебном году. В филиале готовятся кадры по 4 направлениям бакалавриата и 2 направлениям магистратуры.

Необходимо отметить, что Правительство Узбекистана проводит предметную и избирательную политику в отношении импорта высшего образования и открытия образовательных организаций иностранных государств в стране. Практика последних лет свиде-

тельствует о том, что открытие вузов осуществляется на основании постановлений Президента Узбекистана, открываются направления подготовки, необходимые для технологического и экономического развития страны, при этом узбекская сторона выделяет значительные ресурсы для материально-технического обеспечения образовательного процесса и научных исследований.

Касаясь вопроса межгосударственного сотрудничества в области образования в Туркменистане, стоит упомянуть о создании в самом начале 1990-х годов в республике туркмено-турецких школ. Со временем их количество достигло 14, был также создан образовательный центр «Башкент». Но в адрес этих учебных заведений нередко высказывалась критика и обвинения в подготовке исламистски ориентированной и протурецки настроенной молодежи. Как итог, в 2011 г. практически все школы были переведены в разряд общеобразовательных государственных. Исключением явилась лишь столичная школа им. Кемаля Ататюрка, которая полностью переняла общеобразовательные туркменские стандарты образования и отказалась от вызывавших нарекания предметов, но осталась частным учебным заведением.

В сфере высшего образования наиболее важным событием явилось создание в 1994 г. Международного туркмено-турецкого университета. В 2013 г. власти республики разрешили расширить территорию вуза и согласились на строительство нового корпуса на 3 тыс. студентов. Туркменистан значительно опережает другие страны Центральной Азии по численности студентов, обучающихся на льготных условиях в вузах Турции. Число таковых на настоящий момент составляет около 4 тыс. человек. Таким образом, сотрудничество в сфере культурных обменов развивается, хотя и менее активно, чем в Кыргызстане и Казахстане. В сфере школьного образования наблюдается значительное сокращение взаимодействия, но в системе высшего образования сотрудничество продолжается. Власти Туркменистана настороженно относятся к влиянию, которое могут оказать турецкие учебные заведения на туркменских обучающихся. В то же время ввиду тесного экономического и политического сотрудничества с Турцией власти не идут на тотальное сокращение контактов с Анкарой.

Наиболее успешно развиваются отношения Турции с ее стратегическим партнером — Азербайджаном. Тесная культурная и экономическая близость этих государств в свое время позволила президенту

Азербайджана Гейдару Алиеву выдвинуть лозунг «Одна нация — два государства». Турция является крупнейшим торговым партнером и инвестором Азербайджана в неэнергетических областях.

Весьма значительную долю иностранных абитуриентов в Турции составляют граждане Азербайджана. Почти во всех вузах страны число азербайджанских студентов превышает число студентов других стран. В 2015 г. количество учащихся из Азербайджана, подавших заявление на сдачу государственного экзамена для поступления в университеты, составило более 9 тыс. человек. В Азербайджане открыты два негосударственных университета с турецким уставным капиталом: Университет Хазар, Университет Одлар Юрду.

Россия представлена в Азербайджане филиалами МГУ им. М.В.Ломоносова и Первого Медицинского университета им. И.М.Сеченова. МГИМО, Высшая школа экономики и Московский государственный гуманитарно-экономический университет планируют открыть филиалы в стране. При этом в России не планируют уменьшать федеральную квоту на поступление студентов из Азербайджана в вузы страны (более 250 человек). Ассоциация вузов России и Азербайджана объединяет более 50 вузов двух стран. Русский язык как иностранный изучают ученики 3 тыс. школ⁵. В 300 учебных заведениях процесс образования построен на русском языке.

Проведя оценку экспорта образования России и Турции в постсоветских государствах, следует выделить несколько ключевых детерминант и факторов межгосударственного сотрудничества в данной сфере. Прежде всего необходимо отметить значительные различия исторических предпосылок образовательного сотрудничества постсоветских государств с Россией и Турцией [см. подробнее 9]. На первых этапах сотрудничества основой взаимодействия выступали идеологические детерминанты, которые постепенно сменились прагматическими подходами к сотрудничеству.

В последнее десятилетие XX в. регион Центральной Азии и Кавказа превратился в ключевой объект внешней политики Турции. С начала 1990-х годов Анкара развернула активную кампанию, направленную на установление тесных связей с постсоветскими турецкими республиками. Однако Турция так и не смогла достичь на

⁵ Русский язык как иностранный изучают в трех тысячах школ Азербайджана // Информационный портал Фонда «Русский мир». 14.12.2018. URL: <https://russkiymir.ru/news/250203>.

этом направлении значительного успеха, за исключением укрепления отношений с Азербайджаном. Добиться влияния в этом геостратегически важном регионе оказалось значительно труднее, чем это представлялось турецким властям. Анкара столкнулась с усиливающимся влиянием Китая и России, которые, несмотря на рост экономики Турции и ее большой потенциал, обладают большими возможностями [10, с. 215].

Еще со времен распада СССР Турция активно поддерживала идею тюркского единства. Она рассматривала себя как центр тюркского мира и образец для молодых республик Центральной Азии и Кавказа; в 1992 г. было создано Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (*TİKA*), отвечающее за связи с родственными государствами. Однако эти планы не были реализованы в полной мере потому, что турецкая внешнеполитическая машина оказалась не в состоянии вести в регионе систематическую экономическую и политическую работу.

Турецким интеграционным планам препятствуют индифферентная позиция Туркмении и Узбекистана, а также многовекторная внешняя политика Азербайджана и Казахстана.

Идея тюркского единства вновь была актуализирована в 2008–2009 гг., когда при активном участии Турции появился ряд новых межгосударственных пантюркских структур, среди которых можно назвать Парламентскую ассамблею тюркоязычных стран и Тюркский совет. История создания Тюркского совета началась с первого заседания глав тюркских республик, состоявшегося в 1992 г. в Анкаре. В сентябре 2010 г. в Стамбуле состоялся X саммит глав тюркоязычных государств, где был учрежден Совет сотрудничества тюркоязычных государств со штаб-квартирой в Стамбуле. В Совет вошли все тюркские государства, кроме Туркменистана и Узбекистана. Также были созданы Тюркская Академия в Астане и Фонд тюркского культурного наследия в Баку.

Необходимо констатировать, что Турция сформировала и реализует три тактических направления в стратегии вхождения в культурное и образовательное пространство стран региона:

- открытие центров изучения турецкого языка (*TÖMER*);
- открытие турецких школ и университетов в странах региона;
- создание условий для получения гражданами государств региона образования в университетах Турции.

Россия же изначально сделала ставку на взаимодействие с государствами региона исключительно в сфере высшего образования: создание совместных университетов, открытие филиалов российских вузов в государствах постсоветского пространства, привлечение абитуриентов к обучению в российских университетах. Результат: в российских вузах обучается 172 тыс. студентов только из стран Центральной Азии, в том числе 59 тыс. за счет федерального бюджета, функционируют представительства и филиалы ведущих российских вузов. Успешно работают совместные высшие учебные заведения в Киргизии и Таджикистане (Киргизско-Российский Славянский университет и Российско-Таджикский (Славянский) университет), совместная российско-туркменская общеобразовательная школа им. А. С. Пушкина в Ашхабаде. Прорабатывается вопрос об открытии на территории Казахстана совместного российско-казахстанского университета и общеобразовательной школы⁶.

К сожалению, только в 2008 г. после институционального формирования Россотрудничества началась работа Центров русского языка и культуры, где стали открываться языковые курсы. Сферы общего и среднего профессионального образования никак не задействованы в реализации российской стратегии экспорта образования, хотя основная масса трудовых мигрантов приезжает в Россию для работы именно на позициях, требующих квалификаций профессионального образования. Переоценка российскими экспертами потенциала «исторической общности» образовательного пространства постсоветских государств привела к тому, что Россия потеряла время и имевшиеся позиции в образовательном и культурном пространстве государств. Теперь же приходится идти по «догоняющему» пути и достраивать выпавшие сектора в системе межгосударственного образовательного сотрудничества [11, с. 52–57].

Очевидно, что Турция становится все более заметным игроком на мировом образовательном рынке, по ряду позиций более привлекательным, чем Россия. При этом представляет собой конкурента именно в тех регионах, которые традиционно были ориентированы на Российскую Федерацию.

⁶ Россия и Центральная Азия // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. <https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>.

Литература

1. *Вережкин О. Л.* Использование потенциала российских вузов для подготовки иностранных студентов // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3 (19). С. 126–144.
2. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 8 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.: ЦСПиМ, 2018. 536 с
3. *Арефьев А. Л., Арефьев П. А.* Показатели экспорта российских образовательных услуг // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сб. научных трудов. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2017. С. 231–275.
4. *Арефьев П. А.* Образовательная деятельность российских вузов за рубежом // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2019. № 4. С. 463–471.
5. *Вейцель Р.* Влияние Турции на культуру и образование стран Центральной Азии // Ислам в современном мире 2014. № 1. С. 26–32.
6. *Кудаяров К. А.* Политика Турции в образовательной сфере Киргизии // Вестник РГГУ. Сер.: История. Политология. Международные отношения. 2015. № 2 (2). С. 82–90.
7. *Саманчина Ж., Элебаева А.* Перспективы учебной миграции из Кыргызстана в Турцию // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18, вып. 1. С. 154–168.
8. *Лукашова С., Омиржанов Е., Чонгаров Е.* Перспективы и реалии создания международных университетов в Казахстане // CONCORDE. 2015. № 4. С. 75–82.
9. *Соболев В. Г.* Русско-туземные школы Туркестана: в поисках «обрусительной политики» // Клио. 2015. № 2 (98). С. 87–103.
10. *Немчинова Т. С., Музалев А. А., Говоркова А.* Взаимодействие ключевых геополитических игроков в Центральной Азии: конкурентный выбор или историческая данность? // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 8 / под ред. В. С. Ягья, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. 296 с. С. 213–224.
11. *Немчинова Т. С., Музалев А. А.* Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 52–57.

Контактная информация:

Немчинова Тамара Сергеевна — канд. полит. наук, доц.; t.nemchinova@spbu.ru
Музалёв Антон Александрович — магистр географии, аспирант;
a.muzalev@spbu.ru

Export of education: comparative analysis of Russian and Turkish practices in the Post-Soviet space

Tamara S. Nemchinova, Anton A. Muzalev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Nemchinova T. S., Muzalev A. A. Export of education: comparative analysis of Russian and Turkish practices in the post-soviet space. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 484–506. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.32> (In Russian)

The article assesses the export potential of Russian and Turkish universities. The influx of foreign citizens to study at universities is the most important quality criterion for the country's higher education system. It is also an indicator of the country's integration into the world community and a major export item. The leaders in the number of students from other countries have traditionally been the United States, Great Britain, France, the USSR, and Germany. At the turn of XX — XXI centuries. a significant increase in foreign students is observed in Australia, Japan, China. Other countries are also taking steps to improve the national higher education system and, accordingly, increase the number of foreign students. But attempts to penetrate the world market of educational services are significantly complicated, the market is already thoroughly divided, and the states that have long been entrenched in it are not going to allow new players to enter it. This process is also taking place in Turkey, which is one of the fastest growing economies in the world.

References

1. Verevkin O. L. Using the Potential of Russian Universities for Training Foreign Students. *Sociological science and social practice*, 2017, no. 3 (19), pp. 126–144. (In Russian)
2. Export of Russian educational services: Statistical compendium. Iss. 8. The Ministry of science and higher education of the Russian Federation. Moscow, Will CSPM Publ., 2018. 536 p. (In Russian)
3. Arefev A. L., Arefev P. A. Indicators of export of Russian educational services. *Education and science in Russia: state and potential of development*. Moscow, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences, 2017, pp. 231–275. (In Russian)
4. Arefev P. A. Educational Activities of Russian Universities Abroad. *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyaniye i potencial razvitiya*, 2019, no. 4, pp. 463–471. (In Russian)
5. Weizel R. Influence of Turkey on the culture and education of Central Asian Countries. *Islam in the modern world*, 2014, no. 1, pp. 26–32. (In Russian)

6. Kudayarov K. Turkey's educational Policy in Kyrgyzstan. *Vestnik of RSUH. Ser. Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Orientalism*, 2015, no. 2 (2), pp. 82–90. (In Russian)
7. Zamanjina J., Elebaeva A. Perspectives of Educational Migration from Kyrgyzstan to Turkey. *Central'naya Aziya i Kavkaz*, 2015, Vol. 18, Iss. 1, pp. 154–168. (In Russian)
8. Lukashova S., Omirzhanov E., Chongarov E. Prospects and realities of creating international universities in Kazakhstan. *CONCORDE*, 2015, no. 4, pp. 75–82. (In Russian)
9. Sobolev V.G. Russian-native schools of Turkestan: in search of “Russification policy”. *Clio*, 2015, no. 2 (98), pp. 87–103. (In Russian)
10. Nemchinova T.S., Muzalev A.A., Govorkova A. Interaction of key geopolitical players in Central Asia: competitive choice or historical reality? *Aktual'nye problemy mirovoj politiki v XXI veke*. Iss. 8: collection of articles. Ed. by V.S. Yagya, T.S. Nemchinova. St Petersburg, St. Petersburg University Press, 2016. 296 p., pp. 213–224. (In Russian)
11. Nemchinova T.S., Muzalev A.A. Export of education as a tool for integration of the member countries of the Eurasian Economic Union. *Eurasian legal journal*, 2016, no. 1 (92), pp. 52–57. (In Russian)

Author's information:

Tamara S. Nemchinova — PhD Sci. in Policy, Associate Professor;
t.nemchinova@spbu.ru

Anton A. Muzalev — master of geography, postgraduate; a.muzalev@spbu.ru

ПУТИ К МИРУ, БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

УДК 502.5+504.03+504.05+504.06

«Генеральная уборка» Арктики: причины, текущие проблемы и перспективы решения вопроса

А. А. Алимов*, С. В. Викторов**

**Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9*

***Санкт-Петербургский научно-исследовательский
Центр экологической безопасности Российской академии наук,
197110, Санкт-Петербург, ул. Корпусная, 18*

Для цитирования: Алимов А. А., Викторов С. В. «Генеральная уборка» Арктики: причины, текущие проблемы и перспективы решения вопроса // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 507–528.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.33>

В статье на основе критического обзора материалов панельной сессии «Ликвидация накопленного экологического ущерба в Арктике: на пути кооперации бизнеса и власти» в рамках VII Международного форума «Арктика: настоящее и будущее», состоявшегося в Санкт-Петербурге 4–6 декабря 2017 г., рассматриваются текущие проблемы очистки Арктической зоны России. Отмечены пробелы в законодательстве и кадровые проблемы обеспечения ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде.

Ключевые слова: Арктика, экологическое право, накопленный экологический ущерб, ликвидация.

В последние десятилетия Арктика стала центром притяжения интересов государственных деятелей, политиков, ученых, представителей бизнес-сообщества и обычных граждан. Давнее внимание к арктическим районам возрождается. Несмотря на периферийное геоэкономическое положение Арктики, «глобализация мировой экономики, расширение ее ресурсных рубежей, создание новых ви-

дов технологий и коммуникаций, адаптированных к экстремальным условиям, делает возможным трансформацию геоэкономического положения Арктики на основе превращения ее в мощный транзитный транспортный коридор (Северо-Западный проход, Северный морской путь), в резерв и источник природных ресурсов, развития сети биосферных резерватов и национальных парков, а также создания и продвижения дестинаций экологического и экстремального туризма» [1].

Для современной России вспоминаются слова М. В. Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном». Географические и исследовательские экспедиции проводились в России еще во времена Петра Великого и дали громадный географический материал, открывший для Российской империи новые и чрезвычайно важные для того времени природные богатства и разнообразные ресурсы. Но и первые экологические бедствия были принесены в то время: полное исчезновение морской коровы, или Стеллеровой коровы, усиленное воздействие человека на ограниченные по площади территории и т. п. Все это произошло именно в ходе тех первых экспедиций. Но эта экологическая трагедия не послужила России серьезным уроком. Более того, через годы события, произошедшие в советской Арктике, показали, что были допущены еще большие ошибки, которые можно сегодня назвать экологическими преступлениями.

Несмотря на принятие строгих природоохранных ограничений в дореволюционные времена, продолжалось негативное воздействие хозяйственной, военной и, к сожалению, научной деятельности на крайне уязвимую окружающую природную среду арктических просторов. Наносимый ущерб распространялся на территорию континентальной Арктики и ледовый покров Северного Ледовитого океана, включая многочисленные острова, в том числе в районах обитания животных.

Если рассматривать экологическую ситуацию, сложившуюся в настоящее время в Арктике и конкретно в ее российском секторе, то понятие «экологическое преступление» полностью подходит к тому, что буквально до последнего времени имело место в районах Русского Севера. Российское право включает два положения о нанесении экологического ущерба: «преступление» и «нарушение». Данные понятия различают в основном формы и пути нанесения экологического ущерба. В Федеральном законе «Об охране окружа-

ющей среды» от 2002 г. в главе I «Общие положения» определяет понятие «вред окружающей среде» как «негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов»¹.

В данной статье освещается вопрос о чрезвычайно высоком уровне загрязнения российской части Арктики всеми возможными отходами хозяйственной деятельности: мусором, металлическим ломом, использованной техникой, скопившимися за долгие годы. В ст. 39 закона «Об охране окружающей среды» прямо говорится, что «при выводе из эксплуатации и сносе объектов капитального строительства должны быть разработаны и реализованы мероприятия по охране окружающей среды, в том числе мероприятия по восстановлению природной среды, мероприятия по рекультивации или консервации земель в соответствии с законодательством Российской Федерации»². Если этого не происходит, мы будем считать эти действия/бездействия экологическим нарушением, близким по последствиям к преступлению.

На ситуацию, сложившуюся на территории Российской Арктики, обратили внимание международные наблюдатели, специалисты в области окружающей среды. Замечания поступали в связи с оставленными на дрейфующих льдах домиками, оборудованием, машинами, металлоконструкциями, металлическими бочками от топлива, что было связано с завершением работ советских, затем российских дрейфующих станций. Работа станций давала уникальные научные результаты, причины нарушений часто бывали объективными (например, практически полностью разрушенная крошащимися торосами станция СП-32). Но особенно значительные загрязнения окружающей среды имели место на арктических островах, где располагались военные части, проводились учения, использовалась техника, следовательно, горюче-смазочные материалы. Особую опасность представляли радиоактивные загрязнения, которые попадали в арктическую природную среду различными путями, в том числе за счет проведенных ранее испытаний.

¹ 7-ФЗ от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды».

² 7-ФЗ от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды»; п. 2 ст. 39 раздела VII «Требования в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной или иной деятельности».

Созданное в начале 2000-х годов Министерство природных ресурсов (позже «и экологии»)³, должного внимания проблеме загрязнения Арктики не уделяло. Единственным «толчком» к проведению необходимой работы по «уборке» стало напоминание президента В. В. Путина, который определенно сказал, что нужно организовать генеральную уборку Арктики⁴. Не случайным было выступление на форуме первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям В. В. Сысоева, подчеркнувшего: «пути совершенствования государственной политики по предупреждению возникновения экологического ущерба в Арктической зоне России» необходимы, но «несмотря на большие масштабы загрязнения, экологический ущерб, причиненный прошлой деятельностью в Арктике, до настоящего времени не оценен в стоимостном выражении должным образом», следовательно, «экологические проблемы Арктического региона остались неразрешенными»⁵.

Казалось бы, это естественная задача. Необходимость в обеспечении различного рода мероприятий по возмещению нанесенного вреда закреплена в восьми кодексах и Федеральных законах Российской Федерации, а обязательность решения констатирована более чем в 230 распорядительных документах Правительства Российской Федерации стратегического и программного характера. Профильными министерствами и ведомствами издано более 20 методических указаний и рекомендаций по оценке экологического вреда. Но до указания президента России мероприятия практически не проводились.

Причиной ухудшения качества окружающей среды в береговой зоне В. В. Сысоев назвал «нерегулируемое накопление отходов производства и потребления» и «ранее причиненный экологический ущерб», отметив, что «наблюдается также загрязнение и захламление береговой полосы и прибрежных вод в местах дислокации во-

³ Авторы считают неправильным использование понятия «экология» в данном сочетании, поскольку экология — это наука, выделившаяся из биологии в последней трети XIX в. Автором этого понятия является Э. Геккель, немецкий ученый, последователь эволюционной теории Ч. Дарвина.

⁴ Путин предложил устроить в Арктике «генеральную уборку» // ПРАЙМ. Агентство экономической информации. 29 апреля 2010. <https://1prime.ru/Politics/20100429/755124939.html>.

⁵ Сысоев В. В. Пути совершенствования государственной политики по предупреждению возникновения экологического ущерба в Арктической зоне России // Сборник докладов. <https://yadi.sk/i/zIrd6mON3QaopG>.

енных частей при отсутствии их рекультивации»⁶. Авторы статьи считают нужным добавить, что важной и показательной причиной является и традиционное невыполнение правовых актов. Экологизация хозяйства отличается тем, что нанесенный природной среде ущерб не может быть восполнен на 100 %, ибо в природе неизбежно произойдут изменения, неподвластные восстановлению человеческими усилиями.

Особого внимания заслуживают изменения в законодательных актах. С 1 января 2017 г. внесены изменения в Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», в частности, введены понятия «накопленный вред окружающей среде» и «объекты накопленного вреда окружающей среде», включена специальная Глава XIV.1. «Ликвидация накопленного вреда окружающей среде», посвященная вопросам выявления, оценки, учета и ликвидации «объектов накопленного вреда окружающей среде»⁷.

Мы основываемся на материалах панельной секции «Ликвидация накопленного экологического ущерба в Арктике: на пути кооперации бизнеса и власти» VII Международного форума «Арктика: настоящее и будущее» и связываем анализ текущих проблем очистки Арктической зоны России с вопросами правового, экологического, научного, политического характера. Известно, что российское экологическое законодательство, как и правовые источники экологического содержания других стран, имеет значительные недостатки.

Это объясняется рядом причин: во-первых, экологическое право как отрасль появилась сравнительно недавно, в 1970-х годов, до тех пор «работали» отдельные указы, постановления и распоряжения; во-вторых, эта отрасль отличается от других тем, что регулирует общественные отношения в области взаимодействия окружающей среды и общества; в-третьих, именно теория (наука) вносит в практику новые результаты исследований; и, наконец, человек не может изменить законы природы, а способен только познать их и использовать в своей деятельности так, чтобы не нанести вреда окружающей его природной среде.

Международное экологическое право существует формально, поскольку является мягким. Ни на одно государство не могут быть

⁶ Сысоев В. В. Пути совершенствования государственной политики по предупреждению возникновения экологического ущерба в Арктической зоне России // Сборник докладов. <https://yadi.sk/i/zIrD6mON3QaopG>.

⁷ № 7-ФЗ от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды».

наложены экологические санкции. Значительно более строгим является международное Морское право, в котором специально оговаривается наказание за допущенное загрязнение водного объекта, ибо в данном случае наказание несет конкретный виновник нарушения — капитан судна или компания, которую он представляет.

Следует рассмотреть вопрос применения международного экологического / морского права на территории Северного Ледовитого океана. В наши дни это загрязнение островов, ибо можно найти конкретного виновника, в будущем же — международное использование Северного морского пути, что неизбежно повлечет за собой неблагоприятные экологические последствия. Нужно иметь в виду вопросы загрязнения океанских вод льдяными водами, попадания инвазивных биологических видов за счет привноса судами, прибывающими из других стран и регионов. Отдельным фактором негативного воздействия на природную среду Арктики следует рассматривать расширение добычи нефти и газа на континенте и шельфе. Необходима политическая воля государств, входящих в «арктическую восьмерку». Россия должна, по нашему убеждению, активизировать деятельность в рамках Арктического Совета. Внешняя политика должна быть более содержательной, целенаправленной и даже в хорошем понимании этого слова «агрессивной».

Одной из целей сотрудничества арктических государств является обеспечение региональной экологической безопасности. В работе В. И. и А. В. Измаковых экологическая безопасность подразделяется на химическую, радиационную и соотносится не только с обеспечением безопасности человека, но и с «частными областями взаимодействия неживой природы с живыми организмами, играющими важную роль в формировании отраслей знаний, связанных с защитой окружающей среды от воздействия факторов химической и радиационной природы [2].

А. А. Музалевский и Л. Н. Карлин определяют безопасность как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих защищенность человека, социума и окружающей среды от природных, техногенных и социальных катаклизмов, катастроф и действий, способных нанести им непоправимый ущерб» [3].

А. В. Сбойчакова определяет экологическую безопасность, применительно к Арктике, через основные ее направления:

- комплексный и системный характер;

- научные исследования в области охраны окружающей среды;
- обеспечение, развитие и внедрение экологически безопасных технологий;
- бережное и эффективное использование природных ресурсов;
- государственная политика;
- ответственность за нарушение установленных стандартов;
- экологическая культура населения и компаний;
- экологическое образование;
- взаимовыгодное сотрудничество со странами и компаниями⁸.

Необходимо отметить, что состояние экологической безопасности в российском секторе Арктики далеко от требуемого уровня. Здесь сосредоточено порядка 27 неблагоприятных районов (11 — на суше, 16 — в морях и прибрежной зоне). Они получили наименование импактных, где антропогенное воздействие на природу уже привело к сильнейшей трансформации естественного геохимического фона, деградации растительности и грунтов, повышенной заболеваемости населения, загрязнению атмосферы⁹.

Исходя из вышесказанного, следует подчеркнуть, что экологическая безопасность Арктического региона должна быть обеспечена комплексно, с использованием всех возможных способов, включая правовые, политические, экономические, научные, образовательные, кадровые. Подготовка соответствующих кадров — государственная задача, имеющая два направления развития: собственно подготовку кадров; образование, включая экологическое (биоэкологическое, в области прикладной экологии, социально-экологическое). При этом оба направления должны иметь следующие подходы: образование в Арктике и для Арктики [4, с. 134–147].

Заместитель председателя Комитета Государственной Думы по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока, президент некоммерческого партнерства «Российский центр освоения Арктики» В. А. Пушкарев определил задачи экологической

⁸ Сбойчакова А. В. Роль Арктического совета в формировании политики экологической безопасности в Арктике. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2018. 24 с.

⁹ Арктика: перспективы развития // Перспективы.info. http://www.perspektivy.info/book/arktika_perspektivy_razvitiya_2009-04-24.htm.

безопасности российской Арктики, очертив круг вопросов, требующий особого внимания: законодательное определение процедуры по установлению прав собственности на объекты экологического ущерба. Понятно, что «у застарелых свалок металлолома и заброшенных десятилетиями зданий могут оказаться собственники, которые имеют право выразить претензии в связи с любыми действиями над их давно не нужными объектами». Автор доклада подчеркнул, что «один из радикальных, но и наиболее действенных способов решения этого вопроса — признание данного лома в Арктике повсеместно бесхозным»¹⁰.

Наблюдаемый медленный темп арктического законотворчества не отвечает вызовам настоящего и будущего, и В. А. Пушкарев совершенно прав, утверждая, что «в качестве основополагающего все арктические и приарктические регионы ждут принятия закона “О развитии Арктической зоны Российской Федерации”, призванного стать базой для развития широкого спектра новых законодательных инициатив и конкретных мер. Министерством экономического развития опубликована третья версия законопроекта, и она должна поступить на согласование в правительство»¹¹.

Серьезным вопросом государственной политики по очистке российской Арктики от накопленных загрязнений является вопрос о принятии и утверждении терминологии и понятийного аппарата. В работе панельной секции «Ликвидация накопленного экологического ущерба в Арктике: на пути кооперации бизнеса и власти» (официальный перевод названия секции на английский язык Elimination of Accumulated Environmental Damage in the Arctic: on the Way of Business and Government Cooperation) в выступлениях участников наряду с термином «накопленный экологический ущерб» использовался термин — «накопленный вред окружающей среде». В общей программе конференции говорилось, что в настоящий момент на территории Арктической зоны выявлено «102 объекта накопленного вреда окружающей среде». Руководитель профильной государственной организации ФГБУ «ВНИИ Экология» С. Г. Фокин (доклад «Реализация мероприятий по ликвидации накопленного вреда окру-

¹⁰ Пушкарев В. А. Ликвидация накопленного экологического ущерба в российской Арктике: практический опыт и проблемы // Сборник докладов. <https://yadi.sk/i/zIrD6mON3QaopG>.

¹¹ Пушкарев В. А. Ликвидация накопленного экологического ущерба в российской Арктике: практический опыт и проблемы. <https://yadi.sk/i/zIrD6mON3QaopG>.

жающей среде в Арктической зоне Российской Федерации в рамках проектной деятельности»)¹² оперирует понятиями «накопленный вред окружающей среде» (НВОС) и «объект накопленного вреда окружающей среде» (ОНВОС):

- НВОС — вред окружающей среде, возникший в результате прошлой экономической и иной деятельности, обязанности по устранению которого не были выполнены либо были выполнены не в полном объеме;
- ОНВОС — территории и акватории, на которых выявлен накопленный вред окружающей среде, объекты капитального строительства и объекты размещения отходов, являющиеся источником накопленного вреда окружающей среде.

Понятия НВОС и ОНВОС определены в ст. 1 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 03.07.2016 № 254-ФЗ). В «Правилах ведения Государственного реестра объектов накопленного вреда окружающей среде» (Постановление Правительства РФ от 13 апреля 2017 г. № 445) описан «Порядок ликвидации накопленного вреда окружающей среде». Ликвидация накопленного вреда окружающей среде с 2018 г. осуществляется на ОНВОС, включенных в Государственный реестр. На практике понятия «накопленный вред окружающей среде» и «объекты накопленного вреда окружающей среде» стали вводиться в законодательные акты РФ с 1 января 2017 г.

Можно предположить, что по мере развития проекта по очистке Арктики именно в федеральных структурах произошло критическое переосмысление основного понятия, поскольку «вред» можно считать более широким и емким понятием, чем «ущерб». Следовательно, введение термина «накопленный вред окружающей среде» в законодательство России объективно может облегчить анализ эстетической составляющей в экологической проблематике. Использование термина «эстетический ущерб» применительно к объектам накопленного неблагоприятия в окружающей среде затруднительно именно из-за его экономического содержания, неминуемо включающего неоднозначные оценки [5, с. 181–183]. Практическое использование этого понятия в хозяйственной деятельности требу-

¹² Фокин С. Г. Реализация мероприятий по ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне Российской Федерации в рамках проектной деятельности // Сборник докладов. <https://yadi.sk/d/xQ7-4aaE3QskSP>.

ет предварительного исследования комплекса проблем монетизации эстетической компоненты экологического ущерба. В первую очередь необходима разработка концепции оценки эстетической компоненты экологического ущерба. Юридическое закрепление термина «накопленный вред окружающей среде» в законодательстве России открывает возможность ускоренного анализа «эстетической компоненты накопленного вреда окружающей среде» с целью первоочередного выявления сути вреда [5]. Эти вопросы нашли отражение в ряде специальных работ, опубликованных с участием авторов настоящего исследования [6, с. 193–195; 7, с. 71–76].

Особенности объектов накопленного неблагоприятия / ОНВОС в береговой зоне морей, и в частности в арктических территориях, требуют специальных методов мониторинга и учета специфического фактора возникновения форм «эстетического вреда и ущерба». Применительно к специфике исследования ОНВОС в береговой зоне возникает необходимость использования специальных видов оценки финансового эквивалента экологического ущерба, учитывающего в ряде регионов резкое снижение качества зон рекреации (эффект «эстетического вреда»).

Общепринятые этапы обращения с объектами ОНВОС на суше (санация, реабилитация, рекультивация, ликвидация) в акваториальной части объектов ОНВОС, расположенных в береговой зоне морей, в особенности арктических, могут оказаться на порядок более затратными.

Естественно, проделанная работа в правовом и терминологическом аспекте способствовала достижению ряда положительных результатов. Первое, что следует отметить, — во всех арктических регионах проведена оценка объектов накопленного экологического вреда, их числа, объема, характера загрязнения, расчета стоимости уборки [8]. Правда, такая оптимистичная оценка несколько расходится с данными, приведенными в материале В. В. Сысоева¹³. Тем не менее автор доклада утверждает: «На уровне Минприроды и входящих в его состав научно-исследовательских институтов сделана классификация объектов в зависимости от класса опасности отхо-

¹³ Фокин С. Г. Реализация мероприятий по ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне Российской Федерации в рамках проектной деятельности // Сборник докладов. <https://yadi.sk/d/xQ7-4aaE3QSkSP>.

дов. Десятки опасных объектов накопленного ущерба уже ликвидированы, на многих начаты работы»¹⁴.

Данные, приведенные в работе В. А. Пушкарева, не находят поддержки в научной литературе, а в докладе С. Г. Фокина утверждается: по состоянию на 1 января 2017 г. в Арктической зоне РФ выявлено 102 объекта НВОС, в том числе 6 в Мурманской области и 12 в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО)¹⁵. Но можно считать многообещающим специально разработанный проект «Чистая страна» (2017–2025), финансируемый из средств федерального бюджета. Программой предусмотрено 48 мероприятий по ликвидации НВОС на территориях 23 субъектов РФ, включая арктические территории Российской Федерации¹⁶. Необходимо отметить, что к настоящему времени нет единого, обобщенного определения количества и качества нанесенного экологического вреда, что еще раз показывает: принятие обоснованных и неотложных мер по ликвидации нанесенного экологического вреда затянута и не обеспечивает нужного результата.

В презентации В. А. Пушкарева приведены финансовые параметры арктических и смежных подпрограмм, отмечена «эволюция федерального бюджета в сторону Арктики и экологии»¹⁷, указано количество «объектов накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне России (102 объекта, согласно данным Госреестра)»¹⁸. По данным заместителя губернатора Мурманской области Е. В. Никоры, эта цифра (102) поразительно совпадает с количеством выявленных в акватории Кольского залива затонувших объектов¹⁹.

¹⁴ Пушкарев В. А. Ликвидация накопленного экологического ущерба в российской Арктике: практический опыт и проблемы // Сборник докладов. <https://yadi.sk/i/zIrD6mON3QaopG>.

¹⁵ Фокин С. Г. Реализация мероприятий по ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне Российской Федерации в рамках проектной деятельности // Сборник докладов. <https://yadi.sk/d/xQ7-4aaE3QSkSP>.

¹⁶ Фокин С. Г. Реализация мероприятий по ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне Российской Федерации в рамках проектной деятельности // Сборник докладов. <https://yadi.sk/d/xQ7-4aaE3QSkSP>.

¹⁷ Авторы статьи считают неправомерным использование понятия «экология», поскольку оно относится только к определению экологии как науки.

¹⁸ Пушкарев В. А. Ликвидация накопленного экологического ущерба в российской Арктике: практический опыт и проблемы // Сборник докладов. <https://yadi.sk/i/zIrD6mON3QaopG>.

¹⁹ Никора Е. В. Ликвидация накопленного экологического ущерба на территории Мурманской области // Сборник докладов. <https://yadi.sk/i/zIrD6mON3QaopG>.

В. А. Пушкарев приводит карту, из которой следует, что в Мурманской области находятся 4 объекта накопленного вреда окружающей среде, в ЯНАО обозначены 12, в то время как в докладе В. В. Сысоева сказано, что «по результатам инвентаризации, проведенной в рамках государственной программы Красноярского края «Охрана окружающей среды, воспроизводство природных ресурсов», на Таймыре выявлено 52 объекта накопленного экологического ущерба, в ЯНАО еще остается 39 объектов»²⁰. В докладе С. Г. Фокина приводятся другие цифры: 6 объектов в Мурманской области и 12 в ЯНАО.

Сколько же объектов экологического ущерба (вреда) находится на указанной территории? Вероятно, авторы докладов использовали разные методики анализа и определения понятия «объект», что, возможно, простительно для начального этапа изучения вопроса, но в целом не способствует укреплению доверия.

Выделим основные причины, не позволившие успешно решить проблемы: недостаточная вовлеченность соответствующих субъектов Российской Федерации по ликвидации накопленного экологического вреда (вреда окружающей среде); малая вовлеченность и информированность общественности соответствующих районов; слабая проработка основных механизмов проведения необходимых работ; плохое финансирование мероприятий по ликвидации НВОС на конкретных объектах, находящихся в федеральной и/или неразграниченной собственности. Понятно, что намеченные шаги в рамках неоднократных указаний президента РФ должны быть обеспечены полностью.

Перечислим силы и возможности, которые должны быть привлечены для достижения оптимального успеха.

1. Силы и средства Министерства обороны РФ (МО РФ). За счет привлечения Службы экологической безопасности Вооруженных Сил России к настоящему времени уже проведены значительные работы, включенные в специальный план «О выполненных мероприятиях по ликвидации неорганизованных свалок металлического лома в Арктической зоне Российской Федерации в 2017 г.». Согласно плану, в период 2015–2017 гг. на территории воинских частей, заброшенных гарнизонов, военных полигонов Арктической зоны удалось приступить к расчистке порядка 446 га земли, удалению накоплен-

²⁰ Сысоев В. В. Пути совершенствования государственной политики по предупреждению возникновения экологического ущерба в Арктической зоне России // Сборник докладов. <https://yadi.sk/i/zIrd6mON3QaopG>.

ных свыше 65 тыс. т металлолома [7]. Огромные скопления металлических бочек, других крупных объектов в виде разрушенных или полуразрушенных зданий и т.п. представляли собой значительный экологический и эстетический вред [6]. Благодаря разработанной специалистами МО РФ системе использовались довольно сложные технологические цепочки по ликвидации накопленного экологического вреда. В частности, производился последовательный ряд действий, в который входил сбор, вскрытие бочек, подготовка их к переработке, загрузка в пресс, прессование, складирование в контейнеры, дальнейшая транспортировка металлолома. При этом отдельно обеспечивалась операция по сжиганию на местах остатков горюче-смазочных материалов, сохранившихся в бочках. В рамках проведенных в течение 2015–2017 гг. работ силами МО РФ было извлечено и собрано 16 856 т металлолома, вывезено на материк 11 209 т. Но возникает естественный вопрос: куда и каким образом «исчезли» 5 647 т собранного металлолома? Кроме того, при обозначенных темпах очистки береговой зоны от металлолома в местах расположения воинских частей лишь силами МО РФ полная очистка может быть произведена за 15–20 лет [7].

МО РФ должно также ликвидировать и вывезти из районов бывшего расположения частей в Арктике ветхие и списанные здания и сооружения. Действительно, кроме скоплений бочкотары и останков наземных, морских и воздушных транспортных средств, заметными элементами современного ландшафта береговой зоны являются заброшенные жилые и административные здания, зачастую сохранившиеся в виде остовов, без крыш и окон, а также хозяйственные сооружения. Отметим, что согласно современным представлениям об экологическом вреде, все вышеперечисленные объекты накопленного экологического вреда, без сомнения, могут быть отнесены к объектам эстетического вреда. В 2017 г. за 120 суток (с 1 июня по 1 октября) в рамках специальных учений МО ликвидировано 59 заброшенных зданий. Среди них взорванные пятиэтажные панельные дома. Полное уничтожение объектов взрывами, по нашему мнению, в исторической перспективе не может быть оптимальным решением проблемы «очистки Арктики»²¹.

²¹ Петров А. Л. О выполненных мероприятиях по ликвидации неорганизованных свалок металлического лома в Арктической зоне Российской Федерации в 2017 г. // Сборник докладов. <https://yadi.sk/d/xQ7-4aaE3Qsksp>.

2. Силы и средства гражданских учреждений, а также силы и возможности МЧС, региональных субъектов Министерства природных ресурсов и экологии. Государственные, государственно-частные и частные предприятия, занимающиеся поддержкой чистоты территорий внутри городов и поселений, проводящие уборку улиц и площадей, в соответствующие временные периоды могут быть привлечены к расчистке накопленного экологического вреда. В случаях большого скопления опасных объектов работы должны выполняться в особом режиме. Любой экологический вред, нанесенный полярным экосистемам, поверхностным водам, территориям островов, расположенных в Северном Ледовитом океане, представляет большую опасность. Необходимо принятие специальных решений в рамках властных полномочий субъектов РФ. Уже имеется определенный опыт, полученный более чем в 30 субъектах Федерации (в четырех из них приняты соответствующие законы, в остальных — специальные постановления). Несмотря на то что в документах не оговариваются случаи экологического бедствия, вреда, они действительны.

3. Силы гражданского общества, включая экологические неправительственные организации (НПО). В рамках развивающегося в России гражданского общества НПО проявляют в последнее время все большую активность. К сожалению, трудно привести примеры динамики развития экологической активности местного населения. Однако имеются отдельные раздробленные показатели, дающие основание считать возможным и обязательным привлечение экологических НПО, волонтеров, представителей местного населения к расчистке близлежащих территорий. Пример, уборка острова Белый (ЯНАО) в 2012 г. В мероприятии участвовали более 150 волонтеров и 20 компаний-партнеров. Было собрано 1000 т металлолома, вывезено и сдано в переработку около 400 т (остальные «задержались», вероятно, по техническим причинам), демонтировано и полностью разобрано 19 ветхих сооружений. Вместе с тем необходимо отметить обязательную связь специалистов с членами НПО. Именно экологические неправительственные организации требуют высокой экономической, правовой и экологической подготовки, зачастую в них принимают активное участие люди, плохо подготовленные в области окружающей среды и развития. Желательно вести постоянную образовательную работу совместно с грамотными в социально-экологическом плане представителями СМИ и, возможно,

участниками неформальных просветительских и образовательных организаций.

4. Роль представителей коренного населения арктической зоны РФ. Коренное население арктических регионов России, представленное целым рядом народов и народностей: саамы, ненцы, чукчи, карелы, коми, эвенки и др., — до сих пор остается без должного внимания со стороны государства [9, с. 185–192]. Во время активного наступления на российскую Арктику, особенно в советский период, когда регионы осваивались динамично, включались в общехозяйственные связи, не было уделено должного внимания смешению населения, особенно появлению людей, незнакомых с традиционным бытом, работой и жизнью. Еще в 1822 г. выдающийся политик и активный сторонник развития образования в стране М. М. Сперанский подготовил ряд материалов и постановлений, касающихся включения коренного населения Арктики в состав Российской империи. При этом правительство не вмешивалось в хозяйственную жизнь аборигенов, оставляя им возможность сохранять традиции, свое понимание природопользования, включая вовлечение в хозяйство необходимых и достаточно ограниченных природных ресурсов этих территорий. Можно сказать, что, начиная с середины XIX в., Россия признавала уникальность северных народов [8, с. 38–46].

Любой нанесенный экологический вред территориям проживания коренных народов Севера может стать значительным препятствием в их хозяйственном развитии, основанном на рачительном использовании местных ресурсов, загрязнение окружающей природной среды — источником настоящего экологического бедствия. Но они не всегда могут самостоятельно решить проблемы очистки Арктики, поскольку не обладают должными техническими возможностями. Местным властным структурам необходимо оказывать посильную помощь их деятельности, традиционно направленной на сохранение окружающей среды. К сожалению, нужно признать, что коренные народы соседних европейских стран, США и Канады гораздо лучше обеспечены необходимым для снижения экологического вреда [6].

Со своей стороны отметим: вопросы участия общественности, местных администраций, НПО не получили должного внимания в докладах конференции. Конечно, это не является главным механизмом выполнения поставленных задач, поскольку в целом ряде регионов налажена серьезная работа по очистке территорий от на-

копленного экологического вреда. Например, в докладе заместителя губернатора Мурманской области «Ликвидация накопленного экологического ущерба на территории Мурманской области» отмечалось, что местными властями значительное внимание уделено пилотному проекту «Ликвидация прошлого экологического ущерба, связанного с размещением несанкционированных свалок судов вдоль побережья Кольского залива».

При проведении подготовительных мероприятий было выявлено 102 затонувших объекта. В конце лета — начале осени 2017 г. удалось поднять два объекта²². У авторов статьи возникает вопрос: а раньше никто ничего не знал о более чем сотне затонувших объектов? И почему темпы работ в рамках пилотного проекта столь низкие? Если ежегодно будет подниматься из вод Кольского залива по два затонувших объекта, то работа растянется на 50 лет!

Особое внимание в работе Конференции было уделено вопросам радиационной безопасности, которая имеет прямое воздействие на человека и окружающую среду, в силу разных причин накапливается и сохраняется на протяжении длительного времени.

Руководитель группы «Ликвидация ядерного наследия Арктики», ФГУП «РосРАО» (Госкорпорация «Росатом») В. А. Хандобин в докладе «Реабилитация территорий Арктики в 2017 г.» представил результаты обследования объектов, расположенных в береговой полосе Кольского залива, проведенного визуально, с помощью измерительных приборов, технических средств и водолазов в полосе длиной 4 560 км. Обнаружено 102 объекта: 52 объекта — береговая полоса (в зоне «осушки»); 50 объектов — акватория (затоплены). С августа по октябрь 2017 г. осуществлены подъемы двух металлоконструкций в губе Ретинская и переданы ООО «Метгрупп» для утилизации лома черных металлов²³.

Автор уделил внимание и международному проекту «Вывоз отработавшего ядерного топлива из Губы Андреева (Мурманская область)», который реализуется совместными усилиями корпорации «Росатом», Европейского банка реконструкции и развития, а также странами, оказывающими техническую и финансовую помощь

²² Никора Е. В. Ликвидация накопленного экологического ущерба на территории Мурманской области // Сборник докладов. <https://yadi.sk/i/zIrD6mON3QaopG>.

²³ Хандобин В. А. Затонувшие суда, ядерное топливо и другие беды Мурманского побережья. 29 декабря 2017. https://www.korabel.ru/news/comments/zatonuvshie_suda_yadernoe_toplivo_i_drugie_bedy_murmanskogo_poberezhya.html.

(Швеция, Норвегия, Великобритания, Италия). Цель проекта — вывоз отработавшего ядерного топлива из бывшей военно-морской базы на Губе Андреева для дальнейшей переработки на производственных мощностях предприятия Госкорпорации «Росатом» ФГУП «ПО Маяк» (Челябинская область).

И, наконец, в рамках третьего проекта «Утилизация реакторных отсеков атомных подводных лодок в Мурманской области» проводятся работы, включающие следующие «операции»:

- постановка блока реакторного отсека в плавучий док;
- очистка блока реакторного отсека от биомассы;
- обрезка смежных отсеков реакторного отсека;
- формирование блока реакторного отсека;
- окраска блока реакторного отсека в цехе ремонта и окраски;
- размещение блока реакторного отсека на штатное место хранения»²⁴.

К «ядерному» блоку докладов на рассматриваемой сессии относится и презентация А. В. Королева и О. В. Кикнадзе, представлявших Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», «Радиологическая реабилитация Арктического региона — необходимый шаг на пути освоения Арктики», посвященная рассмотрению комплекса проблем обеспечения радиационной безопасности в регионе. Авторами были приведены сведения о «радиационном потенциале» различных объектов, затопленных/затонувших в регионе (атомные подводные лодки (АПЛ), отдельные атомные реакторы, контейнеры с радиоактивными отходами)²⁵.

В рамках основного мероприятия «Обеспечение реабилитации Арктического региона от загрязнения и затонувших объектов с отработавшим ядерным топливом, радиоактивными отходами» Подпрограммы «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике» (Государственная Программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»), проведена экспедиция «Экосистемы Российской Арктики — 2017»

²⁴ Хандобин В. А. Затонувшие суда, ядерное топливо и другие беды Мурманского побережья. 29 декабря 2017. https://www.korabel.ru/news/comments/zatonuvshie_suda_yadernoe_toplivo_i_drugie_bedy_murmanskogo_poberezhya.html.

²⁵ Королев А. В., Кикнадзе О. В. Радиологическая реабилитация Арктического региона — необходимый шаг на пути освоения Арктики // Сборник докладов. <https://yadi.sk/d/xQ7-4aaE3QSkSP>.

на борту НИС «Академик Мстислав Келдыш», в ходе которой «обнаружена несостоятельность архивных данных о месте затопления ядерно-опасного объекта — реактора левого борта 421 АПЛ»²⁶.

В докладе обращается внимание на то, что «принятая Госпрограмма предусматривает финансирование по основному мероприятию 2.6 с 2020 г. Это означает, что подводные захоронения, в число которых входят 7 объектов, представляющих потенциальную ядерную опасность, останутся без должного контроля еще на 3 года»²⁷.

Нужно признать, к радиологической безопасности в Российском секторе Арктики еще во времена Советского Союза предъявлялись очень серьезные претензии. Они сводились к тому, что со стороны соответствующих служб СССР не уделялось должного внимания состоянию окружающей среды с точки зрения радиологической опасности. Крайне мало информации поступало в СМИ, данные скрывались от населения. О претензиях, предъявляемых западными странами Советскому Союзу, информации также не было. Такая ситуация вызывала отдельные протестные выступления советских ученых, представителей диссидентских организаций. Но вопросам радиологической безопасности уделяли внимание экологические НПО многих европейских стран: Великобритания, Норвегия, Швеция и в меньшей мере Италия, которую проблемы радиационного загрязнения арктических морей задевали минимально.

Анализ материалов конференции показал: дискуссия по вопросам «уборки» Арктики вызывает значительный интерес. Были представлены сведения, на основании которых можно сделать вывод о состоянии российских арктических регионов и необходимых мерах для приведения их в надлежащий порядок.

Вместе с тем, считают авторы данной статьи, заявленная в названии секции тема «Ликвидация накопленного экологического ущерба в Арктике: на пути кооперации бизнеса и власти» в рамках VII Международного форума рассмотрена не полностью, поскольку взаимодействие бизнеса и власти в экологической сфере вообще и в очистке Арктики в частности, а также в вопросах устранения

²⁶ Королев А. В., Кикнадзе О. В. Радиологическая реабилитация Арктического региона — необходимый шаг на пути освоения Арктики // Сборник докладов. <https://yadi.sk/d/xQ7-4aaE3QSkSP>.

²⁷ Королев А. В., Кикнадзе О. В. Радиологическая реабилитация Арктического региона — необходимый шаг на пути освоения Арктики // Сборник докладов. <https://yadi.sk/d/xQ7-4aaE3QSkSP>.

нанесенного экологического и эстетического вреда практически не получила должного внимания.

В дальнейшем при проведении конференций по экологической проблематике арктических регионов следовало бы уделять большее внимание вопросам социально-экономического состояния коренного населения, развития гражданского общества и НПО.

Приведенные авторами докладов сведения и информация значительно разнятся, что затрудняет задачу сделать обоснованные выводы для обеспечения последующих комплексных мероприятий. А таковые обязательно должны быть организованы и проведены, поскольку ликвидация объектов накопленного экологического и эстетического вреда — «очистка Арктики», — судя по материалам докладов, займет не одно десятилетие.

Кроме того, приоритетным направлением работы конференции может стать вопрос инвестиций, так как Арктическая зона России характеризуется высоким спросом на инвестиции, большим инвестиционным потенциалом и требует системной интеграции государственных учреждений и частного бизнеса, наряду с мероприятиями по улучшению инвестиционного климата, учитывающего особенности Арктической зоны, а также системной интеграции государственных учреждений и частного бизнеса.

Ведущая роль в организации таких мероприятий должна принадлежать государству, которое обязано разработать соответствующую стратегию и создать условия для заинтересованности бизнеса, гражданского общества и коренного населения Арктических территориях России.

Несомненно, следовало бы также учесть важность современных подходов в решении социально-экологических задач в рамках Концепции устойчивого развития и Повестки дня 2030 и обратить внимание на одну из острейших проблем — глобального климатического изменения [10], поскольку именно для арктических регионов проблема глобального потепления имеет определяющее значение и отражает взаимосвязь и взаимодействие между нанесенным экологическим вредом и температурными колебаниями приземных слоев атмосферного воздуха.

Литература

1. География мира. В 3 т. Т.3. Регионы и страны мира / отв. ред. Н. В. Каледин, Н. М. Михеева. М.: Юрайт, 2019. 428 с. С. 385–402.
2. Измалков В. И., Измалков А. В. Техногенная и экологическая безопасность и управление риском / под ред. В. А. Владимиров М.; СПб., 1998. 481 с.
3. Музалевский А. А., Карлин Л. Н. Экологические риски: теория и практика. СПб.: [б. и.], 2011. 446 с.
4. Кукаренко Н. Н., Музалёв А. А., Немчинова Т. С. Российский рынок «арктического» образования в научно-образовательном пространстве Арктики // Арктика: общество, наука и право: сб. материалов Международного форума «Арктика: общество, наука и право». Санкт-Петербург, 23–24 октября 2018 г. / под ред. Н. К. Харлампьевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 134–147.
5. Спиридонова Е. С. «Эстетический ущерб» как составляющая накопленного экологического ущерба на примере береговой зоны Финского залива // Сборник научных трудов VII молодежного экологического конгресса «Северная Пальмира» (СПб., 22–24 ноября 2016). СПб.: ФАНО и СПб НЦ РАН, 2017. С. 181–183.
6. Викторов С. В., Спиридонова Е. С. Проблемный объект «прошлого экологического ущерба» в Санкт-Петербурге // Сборник научных трудов VII молодежного экологического конгресса «Северная Пальмира» (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2016). СПб.: ФАНО и СПб НЦ РАН, 2017. С. 193–195.
7. Спиридонова Е. С., Викторов С. В. Некоторые особенности идентификации объектов накопленного экологического ущерба в береговой зоне восточной части Финского залива // Региональная экология. 2017. № 2 (48). С. 71–76.
8. Alimov A. A. Social and Economic Aspects of Development of the Arctic Regions' Indigenous Population in the Frames of Sustainable Development Concept // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 4. С. 38–46.
9. Немчинова Т. С. Образовательные модели адаптации коренных народов к современным экономическим отношениям // Вестник гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. 2019. № 11. С. 185–192.
10. Алимов А. А., Карлин Л. Н., Музалевский А. А., Самусевич И. Н. Климат земли: мифы и реальность // Приложение к журналу «Безопасность жизнедеятельности». 2011. № 2. С. 2–24.

Контактная информация:

Алимов Андрей Алексеевич — канд. ист. наук, доц.; a.alimov@spbu.ru;
alimovandrey@yandex.ru

Викторов Сергей Васильевич — д-р геогр. наук, старший научный сотрудник

“General cleaning” of the Arctic: causes, current problems and prospects for resolving the issue

Andrey A. Alimov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Sergey V. Viktorov

Saint-Petersburg research institute Center for environmental safety of
the Russian Academy of Sciences,
18, Korpurnaya str., St. Petersburg, 197110, Russia

For citation: Alimov A. A., Viktorov S. V. “General cleaning” of the Arctic: causes, current problems and prospects for resolving the issue. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 507–528. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.33> (In Russian)

On the basis of a critical analysis of the materials of “Liquidation of the accumulated ecological damage in the Arctic: on the way cooperation between business and power” panel session in the frames of VII International Forum “The Arctic to Day and in Future” conducted in St. Petersburg on December 4–6, 2017 the article covers the main our day problems in the process of “cleaning the Arctic zone of Russia”. The main gaps in the legal aspects as well as problems of cadres for conducting the process of liquidation of the accumulated damage to natural environment are discussed.

Keywords: The Arctic, environmental law, accumulated ecological damage, liquidation, documents, decisions, results, resources.

References

1. *Geography of the World*. In 3 vols. Vol. 3. Regions and Countries of the World. Ed. by N. V. Kaledin, N. M. Miheeva. Moscow, Yurajt Publ., 2019. 428 p., pp. 385–402 (In Russian)
2. Izmalkov V. I., Izmalkov A. V. *Technogenic and Environmental Safety and Risk Management*, ed. by V. A. Vladimirov. Moscow, St Petersburg, 1998. 481 p. (In Russian)
3. Muzalevskij A. A., Karlin L. N. *Environmental Risks: Theory and Practice*. St Petersburg, [b. I.], 2011. 446 p. (In Russian)
4. Kukarenko N. N., Muzalev A. A., Nemchinova T. S. The Russian Market of the Arctic Education in the Arctic Scientific and Educational Area. *Arktika: obshchestvo, nauka i pravo: sb. materialov Mezhdunarodnogo foruma «Arktika: obshchestvo, nauka i pravo»*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2020, pp. 134–147. (In Russian)

5. Spiridonova E. S. «Aesthetical Damage» as a Component of Accumulated Ecological Damage: Case-study of Coastal Zone of the Gulf of Finland. *Sbornik nauchnyh trudov 7-go molodezhnogo jekologicheskogo kongressa «Severnaja Pal'mira»* (St. Petersburg, 22–24 nojabrja 2016). St. Petersburg, FANO and SPb Science Center RAS Publ., 2017, pp. 181–183. (In Russian)
6. Viktorov S. V., Spiridonova E. S. Problem-plagued Accumulated Ecological Damage Object I St. Petersburg. *Sbornik nauchnyh trudov 7-go molodezhnogo jekologicheskogo kongressa «Severnaja Pal'mira»* (St. Petersburg, 22–24 nojabrja 2016 g.). St. Petersburg, FANO and SPb Science Center RAS Publ., 2017, pp. 193–195. (In Russian)
7. Spiridonova E. S., Viktorov S. V. Some Peculiar Features of Identification of Accumulated Ecological Damage Objects in the Coastal Zone of the Eastern Part of the Gulf of Finland. *Regional'naja ekologija*, 2017, no. 2 (48), pp. 71–76. (In Russian)
8. Alimov A. A. *Social and Economic Aspects of Development of the Arctic Regions' Indigenous Population in the Frames of Sustainable Development Concept*. Obshhestvo. Sreda. Razvitie, 2017, no. 4, pp. 38–46.
9. Nemchinova T. S. Educational Models of Adaptation of Indigenous Peoples to Model Economic Relations. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta telekommunikacij im. M. A. Bonch-Bruевичa*, 2019, no. 11, pp. 185–192. (In Russian)
10. Alimov A. A., Karlin L. N., Muzalevsky A. A., Samusevich I. N. Earth's Climate: Myths and Reality. *Prilozhenie k zhurnalu «Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti»*, 2011, no. 2, pp. 2–24. (In Russian)

Author's information:

Andrej A. Alimov — PhD Sci. in History, Associate Professor; a.alimov@spbu.ru; alimovandrey@yandex.ru

Sergej V. Viktorov — Dr. Sci. in Geography, senior researcher

УДК 327.3+001.8

Глобальное научно-исследовательское сообщество по изучению Российской Арктики: состояние и перспективы¹

Н. К. Харлампьева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9;
Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт,
199397, Санкт-Петербург, ул. Беринга, д. 38*

Для цитирования: Харлампьева Н. К. Глобальное научно-исследовательское сообщество по изучению Российской Арктики: состояние и перспективы // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 529–548.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.34>

Статья посвящена исследованию формирования научно-технического и политико-правового пространства Арктики, выявлению принципов междисциплинарного научно-практического сотрудничества в данном регионе, определению потенциала образовательных программ по изучению международного взаимодействия в Арктической зоне Российской Федерации.

Ключевые слова: Арктика, глобальное научно-исследовательское сообщество, научно-техническое пространство Арктики, политико-правовое пространство Арктики, арктическая политика, практика международного взаимодействия и социальных инноваций в Арктике.

Положение Арктики конца XX в. — начала XXI в. существенно отличается от положения в предыдущие века двумя процессами: достижениями информационно-коммуникационных технологий и связанными с ними изменениями процессов принятия решений [1].

Полярные окраины, ставшие районами географических открытий, превратились в пространство осуществления комплексных программ научных исследований международным сообществом еще

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00394 «Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации в условиях глобализации».

в XIX в. по инициативе известного австрийского полярного исследователя Карла Вейпрехта (1838–1881). С тех пор основные принципы арктических исследований, разработанные в 1875 г., применялись при организации и проведении Международных полярных годов (1882–1883, 1932–1933, 2007–2008) и Международного геофизического года (1957–1958). Колоссальные результаты во всех направлениях фундаментальной науки стали свидетельством «задела для развития науки и техники в последующие годы» [2, с. 7–17].

Комплексные исследования полярных областей Земли, в том числе Арктики, поднимаются на новый уровень благодаря четвертой научно-технологической революции, сокращающей расстояние перемещения товаров, услуг и людей, времени передачи информации; технологическому совершенству природных и искусственных материалов, вследствие чего измерительные приборы и оборудование совершенствуются, а оперативный процесс принятия решений становится привилегией тех, кто в этом преуспевает.

Несмотря на имеющиеся политические и иные препятствия формирования глобального интеллектуального сообщества, способного предложить эффективное решение ряда сложных вопросов, дальнейшее изучение возможностей Арктики стало объектом такой дисциплины политических наук, как мировая политика и международные отношения. Именно соседство северо-западной части России со скандинавским севером, северо-восточной частью Аляски Соединенных Штатов Америки, а также морские границы Северного Ледовитого океана России, США, Канады Норвегии и Дании позволяют изучать Арктику как район социокультурного пространства коренных малочисленных народов и объект комплексных научных исследований. В современных условиях на этом пространстве формируется международное взаимодействие и политико-правовое пространство.

Основы формирования политико-правового пространства в Арктике. Формирование политико-правового пространства можно отнести к актуальным проблемам современной Арктики, требующим участия и решения в глобальной системе координат. Океанические и морские составляющие исследования Северного Ледовитого океана — отправная точка новых возможностей комплексного изучения Арктики, нацеленного на организацию экспериментальных маршрутов по Северному морскому пути в ходе реализации проектов INSROP (англ. *International Northern Sea Route*

Programme — Международная программа Северного морского пути, ИНСРОП, 1993–1999)² и ARCDEV (англ. *Arctic Demonstration and Exploratory Voyage* — Арктический демонстрационно-исследовательский рейс, АДИР, 1997–1999)³. Тогда как оценка политико-правового и научно-технического состояния морских маршрутов в арктических водах [3] требуется в том числе и для коммерческих целей крупных компаний, имеющих технические и технологические возможности осуществления торгового судоходства в Арктике.

Кроме изучения возможной пользы/ресурса морских транспортных маршрутов, другим направлением является инвестиционная привлекательность освоения природных ресурсов Арктики. В связи с этим главная задача государств и крупных компаний — изучение минерально-сырьевых природных запасов, организация качественной изыскательской деятельности, оценка технических и технологических возможностей освоения лицензионных участков.

Примером современной организации успешного хозяйствующего субъекта в Арктике является Норвегия с историей развития ее нефтегазовой отрасли, влиянием коммерческой составляющей на благополучие страны⁴. Поэтому сведения об уникальной Арктической циркумполярной геодинамической системе, представляющей собой гигантский нефтегазоносный супербассейн, обнаруженные в 1983 г. на Мировом нефтяном конгрессе в Лондоне [4], окончательно закрепили интерес к Арктике как перспективному ресурсному региону мира и были представлены и проанализированы в работах А. А. Геодакяна и др. [5], И. С. Грамберга, О. И. Супруненко [6], в коллективной монографии под руководством Д. А. Додина [7]⁵.

Для сравнения в качестве примера приведем данные табл. о прогнозах извлекаемых запасов углеводородов континентальных окраин океанов. Как видно из таблицы, доля запасов континентальных окраин Северного Ледовитого океана значительно выше запасов Ти-

² International Northern Sea Route Programme. <https://www.fni.no/projects/international-northern-sea-route-programme-insrop-article318-277.html>.

³ Arctic Demonstration and Exploratory Voyage. http://www.cordis.europa.eu/project/rcn/44698_en.html.

⁴ Norway's petroleum history. <https://www.norskoljeoggass.no/en/Facts/Petroleum-history>.

⁵ См. также: Interior U.S. Geological Survey “Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Discovered Oil and Gas North of the Arctic Circle”, USGS Fact Sheets 2008–3049. 2008. <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf>.

хого и Индийского океанов и не намного — Атлантического океана. По подсчетам И. С. Грамберга и других, «суммарная оценка извлекаемых ресурсов углеводородов континентальных окраин Северного Ледовитого океана (в перерасчете на нефть) около 110 млрд т. у. т.⁶ (в том числе рентабельных более 30 млрд т)» [8, с. 47–58].

Таблица. Начальные и потенциальные извлекаемые ресурсы нефти и газа по океанам (шельф), млрд т. у. т.

Авторы	Тихий океан	Индийский океан	Атлантический океан	Северный Ледовитый океан
Левченко, 1984	9	35,3	44,32	10 (только Северная Америка и Гренландия)
А. А. Геодакян и др. (1988) с дополнениями (Грамберг, Супруненко, 1994)	16,04	57,4	74,36	83,48

Составлено по: [8, с. 139].

Первенство в геологическом исследовании Северного Ледовитого океана позволило российскому правительству представить Планы освоения Арктической зоны Российской Федерации, которые официально были закреплены тремя указами Президента Российской Федерации:

- «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (2008)⁷;

⁶ Т.у. т. — тонн условного топлива (единица учета органического топлива, применяемая для сопоставления эффективности различных видов топлива и суммарного учета их. В качестве единицы т. у. т. принимается 1 кг топлива с теплотой сгорания 7000 ккал/кг (29,3 Мдж/кг)).

⁷ Указ Президента РФ «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу» от 18.09.2008 № 1969 // Российская газета. 2009. 30 марта.

- «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (2014)⁸ [45];
- «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 “О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации”» (2017)⁹.

Программы и проекты, опирающиеся на указы, активно обсуждаются не только в российском обществе, но и за его пределами. Масштабы экономического хозяйствования и содержания государственной политики в целом преобразовывают всю систему хозяйственной деятельности человека в районе Крайнего Севера и в Арктике.

Методология изучения вопросов современного положения Арктики. Системные изменения в Арктике формируются международными объединениями, коммерческими сообществами, общественными организациями, инициативами государств, требованиями технических и технологических возможностей и др. Совершенствование научно-технической исследовательской деятельности как фактор и показатель готовности государств решать стратегические задачи меняют суть и систему традиционных переговорных процессов. Особенно это заметно в Арктике, где сосредотачивается внимание не только государственных органов, но и хорошо структурированных высокотехнологичных международных организаций по наблюдению за Землей, коммерческих корпоративных объединений, где для ведения переговорных процессов не хватает профессиональных кадров, имеющих техническое образование. Политические дискуссии государств по арктической тематике — лишь видимая часть переходного периода формирования политико-правового пространства в Арктике. Передовое научно-техническое академическое сообщество, имеющее возможность концентрировать и производить передовые идеи и мысли, пока оказывается вне этих политических баталий. Однако не спеша, последовательно занимается узкоспециализированными профессиональными темами, сверяя

⁸ Указ Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 02.05.2014 г. № 296. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377>.

⁹ Указ Президента РФ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 27.06.2017 № 287. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42021>

накопленные знания с современными требованиями. Здесь имеется в виду фундаментальная научно-исследовательская школа Арктики и Антарктики.

Видимую часть политико-правового пространства занимают межгосударственные и межрегиональные объединения парламентариев Северного Совета, Совета министров Северных стран, Постоянного комитета парламентариев Арктики, Арктического Совета, Совета Баренцева/Евроарктического региона, Северного форума, которые решают природоохранные вопросы и вопросы сохранения традиционной жизни коренных народов Арктики через внедрение социальных инициатив в практику взаимодействия государств, региональных властей, общественных отношений.

В целом за прошедшие почти 30 лет много сделано для представления Арктики как исключительной территории:

- 1) для восьми государств, имеющих единую границу на Полярном круге (Исландии, Дании, Канады, Норвегии, России, США, Финляндии и Швеции);
- 2) для пяти государств, имеющих морские пространства в Северном Ледовитом океане (Дании, Канады, Норвегии, России, США).

Тем самым определены и заявлены государства, голос которых может оказаться решающим в вопросах ограничения территориальных претензий на ничейные (не закрепленные за конкретными государствами) морские пространства, а также в дискуссиях по проблемам изменения климата и антропогенных воздействий на экосистему Арктики.

Широкомасштабные процессы, происходящие не только в политической, но и в геофизической системе, предполагают комплексные исследования нового поколения в Арктике. Они весьма сложные и находятся на стыке общественных и естественных наук. До настоящего времени в методологии изучения и исследования арктического направления применялся авторский мирополитический подход, выявляющий особенности международно-правовой согласительной парадигмы по формированию политики в мире в целом и в Арктике в частности [9], включающий изучение:

- основ глобальной политики;
- регионообразующие положения;
- практику международного сотрудничества [10].

В настоящее же время приходит осознание того, что важным остается актуализация современных направлений фундаментальных научных областей, таких как история, география, биология, социология, политология, науки о Земле, математические и технические науки. В этой связи в качестве дополнения в методологию исследования арктической тематики с 2016 г. в образовательную программу введен четкий междисциплинарный подход по выявлению арктических особенностей фундаментальных наук, с которыми должны справиться магистранты не только с углубленным знанием страновых, языковых дисциплин, но и с эмпирико-аналитическими навыками изучения научной литературы различных отраслевых научных школ на разных языках. Первые два года показали высокую эффективность данного подхода, о чем свидетельствуют научные издания технической, естественно-научной направленности с участием студентов.

Объекты особого внимания политико-правовой системы Арктики. Политико-правовые вопросы оказались особенно актуальными для субъектов Арктической зоны Российской Федерации, а также научных институтов, ведущих многолетние непрерывные наблюдения за экосистемой Арктики. Новое поколение законодательных норм предполагает изменение устаревших ГОСТов и руководящих документов.

Экономическая деятельность хозяйствующих субъектов, сохранение здоровой окружающей среды обитания на исконных территориях коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, на территориях проживания постоянного населения в районах Крайнего Севера по-прежнему зависят от многих показателей современных систем наблюдения за атмосферой, воздухом, водой, снегом и льдами. Глобальная научно-технологическая исследовательская инфраструктура, хорошо структурированная, оснащенная и организованная, готова предоставить колоссальные возможности в этом направлении.

Научно-технический прорыв, осуществляемый в хозяйственной деятельности на природно-территориальном комплексе Российской Арктики, носит название «ямальская модель». На основе примеров трансформации промышленно-производственных центров прошлых лет осуществляется восстановление портов Крайнего Севера с участием частных компаний при государственной поддержке. Приведем лишь два примера: российская компания ПАО ГМК «Но-

рильский никель», ведущая деятельность с 1935 г. и поставляющая продукцию в 35 стран мира (2016)¹⁰, и АК «Алроса» (ПАО), работающая на рынке алмазной промышленности с 1957 г., имеющая представительства в десяти странах мира и десяти регионах России (2017)¹¹. Производственные базы расположены на российской площадке арктического супербассейна.

Современное обустройство Ямало-Ненецкого автономного округа, входящего в состав Уральского федерального округа Российской Федерации [11], предполагает глобальное международное экономическое взаимодействие в Арктике. Поэтому событие 8 декабря 2017 г. обратило на себя внимание средств массовой информации мира: за полярным кругом Российской Федерации в п. Сабетта на полуострове Ямал состоялся запуск первой очереди завода ОАО «Ямал СПГ» по производству сжиженного природного газа (СПГ). Реализация проекта оказалась возможной при участии ОАО «Новатэк» (50,1 %), концерна TOTAL (20 %), Китайской национальной нефтегазовой корпорации (20 %) и Фонда Шелкового пути (9,9 %). Доказанные и вероятные запасы Южно-Тамбейского газового месторождения по стандартам PRMS¹² составляют 926 млрд куб. м газа. Для обслуживания проекта создается целый ряд технологических прорывов, в том числе строительство арктического танкерного флота, работающего на сжиженном природном газе (СПГ), для транспортировки на рынки ведущих государств мира.

Оказался интересным первый из 15 планируемых газозовов-танкеров ледового класса «Кристоф де Манжери». В СМИ появилась информация о том, что продукт будет доставлен на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона¹³, однако танкер прибыл в порт Ха-

¹⁰ О группе компании ПАО ГМК «Норильский никель». <http://csr2016.nornik.ru/company>.

¹¹ География АК «Алроса» (ПАО). <http://www.alrosa.ru>.

¹² *Petroleum Resources Management System, PRMS* — система классификации оценки запасов углеводородов и целесообразности их извлечения из недр, разработанная в 1997 г. Обществом инженеров-нефтяников (*Society of Petroleum Engineers, SPE*) в сотрудничестве с Мировым нефтяным конгрессом (*World Petroleum Congress, WPC*) и Американской ассоциацией геологов-нефтяников (*American Association of Petroleum Geologists, AAPG*).

¹³ Лагутина М. Л. Новая роль Франции в Арктике. 7 сентября 2016. <http://rus-siancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-rol-frantsii-v-arktike>.

ридж (Великобритания)¹⁴, где не оказалось регазифицированного СПГ-терминала. 9 января танкер *Gaselys* французской компании *Engie* с российским газом направился из британского порта Айл-оф-Грейн в американский терминал *Everett*, расположенный возле Бостона (США)¹⁵, затем развернулся обратно, не дойдя до назначенного пункта из-за погодных условий. Коммерческий путь ямальского газа становится показателем не только автономного прорыва ряда участников глобального рынка, но и готовности российской нефтегазовой компании играть существенную роль на глобальном энергетическом рынке. Включенность Арктической зоны Российской Федерации в мирохозяйственные связи предполагает трансформацию процесса принятия решений на разных уровнях при большом разнообразии участников мирового сообщества. Реализация проектов, связанных с нефтегазовыми и другими месторождениями редкоземельных металлов, призвана стать объектом прежде всего технологического прорыва за полярным кругом в XXI в.

Особенность реализации технологически сложных проектов сопровождается государственным правовым обеспечением, координированием деятельности государственных компаний, фондов, частных компаний и иностранных инвесторов при обязательном соблюдении прав человека на здоровую окружающую среду и на благоприятные условия жизнедеятельности человека в Арктике.

У каждого государства свои надежды на механизмы международного взаимодействия. Например, у России — объединение арктических и неарктических компаний в Арктический экономический совет [12], у Норвегии — инновационный план стратегических научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в том числе применительно к использованию результатов разработок в Арктике¹⁶, у бизнес-структур разных стран — использование искусственного интеллекта в дистанционном управлении океаниче-

¹⁴ Танкер-газовоз «Кристоф де Манжери» прибыл в Великобританию с партией российского газа на борту. <https://neftegaz.ru/digest/view/168077-Tanker-gazovoz-Kristof-de-Marzheri-pribyl-v-Velikobritaniyu-s-partiyei-rossiyskogo-gaza-na-bortu>.

¹⁵ Эксперт о поставках газа из России в США: неожиданно, но объяснимо. https://ria.ru/radio_brief/20180109/1512278941.html.

¹⁶ Обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Норвегии за 2016 год. Торговое представительство России в Королевстве Норвегия. Осло, апрель, 2017. 205 с. http://91.206.121.217/TrApi/Upload/d4768a0c-2f46-4897-99c2-7c9a07425ed5/Economics_Norway_2016.pdf.

ской деятельностью как в космосе¹⁷. Очевидно, что стратегические планы научно-исследовательского сообщества и деловых кругов входят в новую эпоху трансформации многих процессов в Арктике. В такой ситуации актуализация арктической тематики во всех направлениях, особенно по отраслям, обеспечивающим социально-экономическую сферу и научно-техническую оснащенность, имеет особую актуальность.

Междисциплинарный подход к изучению процессов принятия решений в современной Арктике. Арктика как предполагаемый новый регион мировой политики исследуется на кафедре мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета с 1997 г. Годы научно-исследовательской, образовательной и научно-практической деятельности можно рассмотреть в рамках трех традиционных процессов изучения эволюции научного направления: а) обоснования и закрепления научного направления; б) разработки образовательных программ и концепций арктической политики; в) внедрения разработок в практику международного взаимодействия и социальных инноваций в Арктике.

Обоснование необходимости изучения актуальных арктических проблем началось с исследования формирующейся международной среды в Арктике — создания и деятельности региональных международных организаций на Севере в 80-х гг. XX в. (Арктический совет, Совет государств Балтийского моря, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Совет государств Балтийского моря)¹⁸ и совпало с деятельностью Санкт-Петербургского государственного учреждения «Секретариат Северного форума»¹⁹.

Арктическая тематика закрепились на факультете международных отношений:

¹⁷ Arctic Business Council. <https://www.oceancouncil.org/global-issues-platforms/cross-cutting-issues/regional-ocean-leadership>.

¹⁸ Харлампьева Н. К. Региональные международные организации на Севере: история создания и деятельности в 90-е гг. XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПбГУ, 2001.

¹⁹ Харлампьева Н. К. Участие Санкт-Петербурга в деятельности международной организации «Северный Форум», 2004. 79 с. // Санкт-Петербургское государственное учреждение «Секретариат Северного Форума». Фонд № 8034. Архивная опись № 1–87 дел постоянного хранения за 1992, 1997–2004 гг. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, 29.03.2005 г.; Кирьянов В. А. Северный форум — международная неправительственная организация: опыт создания и деятельности: 1991–2005 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПбГУ, 2005. 205 с.

- в 2009 г. в бакалаврской программе «Мировая политика» был введен курс по выбору «Арктика: новая среда мировой политики/*The Arctic: a New Sphere of Action in World Politics*»;
- одновременно продолжилась научно-исследовательская работа. Были выполнены гранты № 17.089.2010 «Разработка концепции арктической политики» (Харлампьева Н. К., Лагутина М. Л.), Российского гуманитарного научного фонда № 10-03-00464 «Роль и место России в формировании арктической политики» (Харлампьева Н. К., Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л.), № 01201154389 «Международный и транснациональный режим Арктики» (Харлампьева Н. К., Лагутина М. Л.), которые показали: влияние доминирующих характеристик глобальной политики на процессы, формируемые в регионе Арктики; тенденции формирования арктической политики в мире, в регионе и на национальном уровне не только государствами, но и международными объединениями, транснациональными корпорациями; изменение содержания и формы международного взаимодействия по решению актуальных вопросов Арктики, возможности изменения инфраструктуры процесса принятия решений.

К основным положениям исследований проявили интерес Сингапур, Китай, Канада, Исландия и др. После ознакомления с результатами исследований в Финляндии и Канаде были получены приглашения в ведущие институты этих стран в качестве «экспертов по международному сотрудничеству в Арктике» в 2009 г. По итогам проведения первого семинара в 2010 г. с участием экспертов из пяти арктических государств, затем конференции 2011 г. с участием представителей восьми арктических государств, Японии, Китая, Кореи и Сингапура вышел сборник «Energy Security and Geopolitics in the Arctic» в издательстве *World Scientific* [13].

В Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) с 2010 г. началась апробация вариативного курса «Арктика в современной политической системе: межгосударственные отношения и методология исследования»²⁰ магистерской программы «Мировая политика». Выступления с лекциями представителей Арктического

²⁰ Харлампьева Н. К. Арктика в современной политической системе межгосударственных отношений и методология исследования: учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. 148 с.

и антарктического научно-исследовательского института (ГНЦ РФ «ААНИИ»), музея Арктики и Антарктики, ВНИИОкеанологии, АО «Севморгео», генеральных консульств арктических стран, представительств субъектов Арктической зоны Российской Федерации, профессоров из Китая, Франции, Сингапура и др.; экскурсии студентов в Музей Арктики и Антарктики, Президентскую библиотеку, музей Всероссийского научно-исследовательский геологического института; работа в библиотеке ГНЦ РФ «ААНИИ»; практика в постоянных представительствах Республики Саха (Якутия), Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Коми; лекции на Бирже Санкт-Петербурга и др. дают возможность углубить, подкрепить знания и наладить научно-исследовательские контакты будущим специалистам по арктической тематике.

Следующим направлением закрепления арктической тематики является организация научно-методических семинаров при участии учреждений, изучающих региональные особенности Арктической зоны России. Первый методологический семинар состоялся с отделом гидрологии и устьев рек ГНЦ РФ «ААНИИ» по арктическому туризму с участием студентов магистерских программ СПбГУ и Российского государственного гидрометеорологического университета, руководителей постоянных представительств арктических субъектов РФ в Санкт-Петербурге (24 октября, 2016 г.); второй — по межкультурным коммуникациям в Арктике совместно с Арктическим государственным институтом культуры и искусств (АГИКИ), журналом *Arctic Art&Culture* и кафедрой гуманитарных исследований факультета международных отношений СПбГУ (15 декабря 2015 г.); третий — по этнонациональным процессам в Арктике при участии представителей Северного (Арктического) федерального университета и региональных отделений Российской академии наук в рамках Конгресса университетов Арктики (14 сентября 2016 г.); четвертый — по общественным отношениям в Арктике совместно с лабораторией экономики народонаселения и демографии НИИ Региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета (28 июня 2017 г.).

Практические семинарские занятия, проводимые с 2016 г. на базе постоянного научно-производственного семинара отдела гидрологии устьев рек и водных ресурсов ГНЦ РФ «ААНИИ» стали основой научных изданий «Арктический туризм в России» [14], «Международное научное сотрудничество в Арктике» [15] при непосред-

ственном участии студентов арктического курса магистерской программы совместно со студентами других высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Архангельска. Студенты стали авторами и участниками аналитических и экспертных работ международного уровня. Кроме того, они обретают опыт работы в издании научно-популярного журнала Международного арктического центра культуры искусств «Культура и искусство Арктики/*Arctic Art&Culture*»²¹, инициированного Правительством Республики Саха (Якутия) при активном участии АГИКИ.

Глобальность исследуемой темы сверяется с практикой научного сотрудничества, инициированного профессором Го Пейцином (Институт права и политики Океанического университета Китая) и доцентом Н. К. Харлампьевой (кафедра мировой политики факультета международных отношений СПбГУ) по организации ежегодного семинара с 2012 г. (по четным годам в г. Циндао, по нечетным — в Санкт-Петербурге и Москве). Семинар превратился в постоянную площадку встреч российско-китайских экспертов по вопросам взаимодействия в Арктике [16]. Арктическая политика Китая²² как новое направление внешней политики Китая в рамках концепции «пояса и пути» не только тема политического и социально-экономического дискурса, но, прежде всего, процесса принятия решений в сфере морской и океанической деятельности, существенно меняющая глобальную структуру взаимоотношений, правил и норм, с которыми придется считаться, тщательно сверяя национальные и международные принципы сохранения баланса научно-технических интересов.

Актуальность и практическая значимость воздействия глобальной политики на процессы принятия решений по вопросам Арктики расширяет экспертную и научную востребованность представителей петербургской школы международных отношений. Различными аспектами арктической проблематики занимаются преподаватели кафедр: мировой политики СПбГУ — Н. К. Харлампьева, Н. Ю. Маркушина [17]²³, М. Л. Лагутина [18–19], А. С. Матве-

²¹ Культура и искусство Арктики / *Arctic Art&Culture*. <http://agiki.ru/kultura-i-iskusstvo-arktiki>.

²² Full text: China's Arctic Policy. http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm.

²³ Маркушина Н. Ю. Российская внешнеполитическая стратегия в контексте реализации концепции «Новый Север». Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. СПб.: СПбГУ, 2012. 46 с.

евская [20], А. В. Сбойчакова [21–22]; теории и истории международных отношений — В. Н. Конышев, А. А. Сергунин [23], Д. С. Тулупов [24]; гуманитарных связей — Ю. В. Николаева [25], Н. М. Боголюбова [26]; иностранных языков — А. Е. Кузнецова [27]; региональной политики и политической географии — К. Б. Клоков [28], Н. М. Михеева [29] и др. [30]

Несмотря на усилия специалистов гуманитарных наук, стоит обратить внимание на то, что чувствуется нехватка научных изданий по стратегическим вопросам международного научно-технического планирования, а также специалистов данного профиля в системе переговорного процесса, способных занять ведущую роль в научно-техническом сообществе. Пробел в этом направлении возмещается приглашением научно-технических специалистов на ежегодный форум по арктической тематике СПбГУ [31].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Арктика как район социокультурного пространства коренных малочисленных народов и объект комплексных научных исследований в современных условиях становится регионом международного взаимодействия и политико-правового пространства Арктики.
2. Формирование политико-правового пространства обусловлено изменением глобальной системы процесса принятия решений, касающихся морской и океанической деятельности, освоения природно-ресурсных комплексов Российской Арктики, прорыва информационно-коммуникационных технологий, систем и социально-экономических задач наблюдения в Арктике.
3. Актуализация арктической тематики во всех направлениях, особенно по отраслям, обеспечивающим социально-экономическую сферу и научно-техническую оснащенность, проводится с помощью междисциплинарного подхода на кафедре мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета с 1997 г. и продолжает закрепляться путем разработки образовательных программ и концепций арктической политики, а также внедрением разработок в практику международного взаимодействия и социальных инноваций в Арктике (организация научно-методологических, российско-китайских семинаров, издания научных трудов совместно со студентами магистерской программы).

В заключение можно сказать, что глобальная система научно-исследовательского сообщества, формирующая научно-техническое и политико-правовое пространство Арктики, становится не только объектом исследования мировой политики, но и способствует становлению самого сообщества.

Не так много времени прошло с тех пор, как были озвучены результаты первых научных исследований кафедры мировой политики СПбГУ на круглом столе «Арктическая политика в XXI веке» в 2012 г. в рамках международной практической конференции «Арктическая зона Российской Федерации: северо-восточный вектор развития». По мнению профессора В.С. Ягья, «международная научная среда Арктики, формируемая преподавателями факультета международных отношений СПбГУ, обогащает предметы и темы исследования международно-политической науки (международных отношений и мировой политики), а актуальные вопросы, связанные с Арктикой, становятся составной и неотъемлемой частью научных направлений общественных наук» [31].

Литература

1. Харлампьева Н.К. Международное научно-исследовательское и образовательное сотрудничество по изучению российской Арктики: методология исследования // Международное научное сотрудничество в Арктике / под ред. Н.К. Харлампьевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. С. 6–9.
2. Андреев О. А., Дукальская М. В., Фролов С. В. Из истории международного полярного года // Проблемы Арктики и Антарктики. 2007. № 75. С. 7–17.
3. Østreng W. et al. T. Shipping in Arctic Waters: A comparison of the Northeast, Northwest and Trans-Polar Passages. Springer Praxis Books. Springer-Verlag Berlin Heidelberg 2013. 414 p.
4. Грамберг И. С., Кулаков Ю. Н., Погребницкий Ю. Е., Сороков Д. С. Арктический нефтегазоносный супербассейн // XI Всемирный нефтяной конгресс. Лондон, 1983. С. 93–99.
5. Геодакян А. А., Забанбарк А., Конюхов А. И. Тектонические и литологические проблемы нефтегазоносности континентальных окраин. М.: Наука, 1988. 209 с.
6. Грамберг И. С., Супруненко О. И. Нефтегазовый потенциал осадочного чехла арктических морей России // Труды I международной конф. «Освоение шельфа арктических морей России». М.: Ядерное общество, 1994, С. 95–97.
7. Додин Д. А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб.: Наука, 2005. 282 с.
8. Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии) / отв. ред. Д. А. Додин. СПб.: Наука, 2000. 247 с.

9. Харлампьева Н. К. Арктическая политика устойчивого развития: международно-правовая парадигма формирования мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Ежегодный альманах. Вып. 6 / под ред. В. С. Ягья, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 480 с. С. 212–228.
10. Харлампьева Н. К. Методология исследования основ международного экономического сотрудничества в Арктике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 2. С. 97–109.
11. Сценарные подходы к реализации уральского вектора освоения и развития российской Арктики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, Изд-во АМБ, 2017. 340 с.
12. Медведев Д. А. Международное экономическое сотрудничество в Арктике. Арктический экономический совет / под ред. В. П. Журавеля. М.: АНО ЦСО-ИП, 2015. 91 с.
13. Energy Security and Geopolitics in the Arctic: Challenges and Opportunities in the 21st Century. Ed. by Nooman Peimani. Singapore, World Scientific, 2013. 322 p.
14. Лукин Ю. Ф., Харлампьева Н. К. Арктический туризм в России. Сев. (Арктич.) федер. ун-т; С.-Петерб. ун-т. Архангельск: САФУ, 2016. 256 с.
15. Международное научное сотрудничество в Арктике / под ред. Н. К. Харлампьевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. 144 с.
16. Ягья В. С. Слово главного редактора // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 8 / под ред. В. С. Ягья, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. С. 9–43.
17. Маркушина Н. Ю., Харлампьева Н. К. Северо-Западный федеральный округ: внешние связи. Монография. Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 259 с.
18. Лагутина М. Л. К стратегии Итальянской Республики в Арктике // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 155–165.
19. Васильева Н. А., Ван Ц., Лагутина М. Л. К вопросу о формировании арктической политики Китайской Народной Республики // Арктика: общество, наука и право: сб. материалов Международного форума «Арктика: общество, наука и право». Санкт-Петербург, 23–24 октября 2018 г. / под ред. Н. К. Харлампьевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 56–65.
20. Матвеевская А. С. Русская Арктика как перспективная международная туристическая дестинация // Международное научное сотрудничество / под ред. Н. К. Харлампьевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. С. 33–37.
21. Нестерова И. Е., Сбойчакова А. В. Значение Арктики в условиях кризиса водных ресурсов и глобальных климатических изменений // Арктика: общество, наука и право: сб. материалов Международного форума «Арктика: общество, наука и право». Санкт-Петербург, 23–24 октября 2018 г. / под ред. Н. К. Харлампьевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 262–269.
22. Ягья В. С., Сбойчакова А. В. Политические аспекты экологической безопасности Российской Арктики // Наука Красноярья. 2016. Т. 5. № 4. С. 104–121.
23. Гутенев М. Ю., Конышев В. Н., Сергунин А. А. Арктический вектор Норвегии: преемственность и новации // Современная Европа. 2019. № 4 (90). С. 108–119.

24. Тулунов Д. С. Арктическая политика России, Норвегии и Дании в конце XX — начале XXI века / под ред. И. Н. Новиковой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 164 с.
25. Николаева Ю. В. Арктические зимние игры и их роль в региональном культурном сотрудничестве // Международное научное сотрудничество / под ред. Н. К. Харлампевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. С. 62–66.
26. Боголюбова Н. М. Фестивальная палитра Арктики // Международное научное сотрудничество / под ред. Н. К. Харлампевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. С. 67–71.
27. Журавская К. А., Кузнецова А. Е. Трудности перевода статей по арктической тематике с английского на русский и с русского на английский языки // Международное научное сотрудничество / под ред. Н. К. Харлампевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. С. 72–76.
28. Клоков К. Б., Хрущев С. А., Музалёв А. А., Силаева К. В. Этническое поле в этногеографических исследованиях: концептуализация и обоснование нового подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология. География. 2016. № 2. С. 76–84.
29. Михеева Н. М. Россия и Китай: приоритеты сотрудничества // Арктика: общество, наука и право: сб. материалов Международного форума «Арктика: общество, наука и право». Санкт-Петербург, 23–24 октября 2018 г. / под ред. Н. К. Харлампевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 101–108.
30. Кукаренко Н. Н., Музалёв А. А., Немчинова Т. С. Российский рынок «арктического» образования в научно-образовательном пространстве Арктики // Арктика: общество, наука и право: сб. материалов Международного форума «Арктика: общество, наука и право». Санкт-Петербург, 23–24 октября 2018 г. / под ред. Н. К. Харлампевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 134–147.
31. Международное научное сотрудничество в Арктике / под ред. Н. К. Харлампевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. С. 12–15.

Контактная информация:

Харлампьева Надежда Климовна — канд. ист. наук, доц.,
n.kharlampieva@spbu.ru, nkhar@aari.ru

Global research community for the study of the Russian Arctic: state and prospects

Nadezhda K. Kharlampieva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
Arctic and Antarctic Research Institute,
38, Beringa str., Saint Petersburg, 199397, Russian Federation

For citation: Kharlampieva N. K. Global research community for the study of the Russian Arctic: state and prospects. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 529–548. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.34> (In Russian)

The article is devoted to the study of the formation of the scientific, technical and political and legal space of the Arctic, the identification of the principles of interdisciplinary scientific and practical cooperation in this region, the determination of the potential of educational programs for the study of international interaction in the Arctic zone of the Russian Federation.

Keywords: Arctic, global research community, scientific and technical space of the Arctic, political and legal space of the Arctic, Arctic policy, practice of international interaction and social innovation in the Arctic.

References

1. Kharlampieva N. K. International scientific and educational cooperation on study of the Russian Arctic: research methodology. *Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo v Arktike*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2017, pp. 6–9. (In Russian)
2. Andreev O. A., Dukalskaya M. V., Frolov S. V. From History of the International Polar Year. *Problemy Arktiki i Antarktiki*, 2007, no. 75, pp. 7–17. (In Russian)
3. W. Østreng et al. *T. Shipping in Arctic Waters: A comparison of the Northeast, Northwest and Trans-Polar Passages*. Springer Praxis Books. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2013. 414 p.
4. Gramberg I. S., Kulakov Ju. N., Pogrebitsky Yu. E., Sorokov D. S. *Arctic Oil and Gas Superbasin*. Proceed. of 11th World Petroleum Congress. London, 1983. P. 93–99.
5. Geodakyan A. A., Zabanbark A., Konyukhov A. I. *Tectonic and lithological problems of oil and gas content of continental margins*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 209 p. (In Russian)
6. Gramberg I. S., Suprunenko O. I. Oil and gas potential of the sedimentary cover of the Arctic seas of Russia. *Trudy I mezhdunarodnoi konferentsii «Osvoenie shel'fa arkticheskikh morei»*. Moscow, 1994, pp. 95–98. (In Russian)
7. Dodin D. A. *Sustainable development of the Arctic*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 282 p. (In Russian)

8. *The Arctic on the threshold of the third millennium*. Ed. by D.A. Dodin. St. Petersburg, 2000. 247 p. (In Russian)
9. Kharlampieva N. K. The Arctic Policies of Sustainable Development: International Legal Paradigm of the Formation of World Politics. *Aktual'nye problemy mirovoj politiki v XXI veke. Ezhegodnyj al'manax*. Ed. by V. S. Yag'ya, T. S. Nemchinova. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2013, Iss. 6, 480 p., pp. 212–228. (In Russian)
10. Kharlampieva N. K. Methodology of Research on the Foundations of International Economic Cooperation in the Arctic. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 2, pp. 97–109. (In Russian)
11. *Scenario-based Approaches to the Implementation of the Ural Vector of Development of the Russian Arctic*. Ekaterinburg, Institut of economic UrO RAS, AMB Publ., 2017. 340 p. (In Russian)
12. Medvedev D. A. *International Economic Cooperation in the Arctic. The Arctic Economic Council*. Ed. by V. P. Zhuravel'. Moscow, ANO CzSOiP Publ., 2015. 91 p. (In Russian)
13. *Energy Security and Geopolitics in the Arctic: Challenges and Opportunities in the 21st Century*. Ed. by Hooman Peimani. Singapore, World Scientific, 2013. 322 p.
14. Lukin Yu. F., Kharlampieva N. K. Arctic Tourism in Russia. Arkhangelsk, SAFU Press, 2016. 256 p. (In Russian)
15. International Scientific Cooperation in the Arctic. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2017. 144 p. (In Russian)
16. Yagya V. S. Word of the Editor in Chief. *Aktual'nye problemy mirovoj politiki v XXI veke. Ezhegodnyj al'manax*. Ed. by V. S. Yagya, T. S. Nemchinova. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2016, Iss. 8, pp. 9–43. (In Russian)
17. Markushina N. Yu., Kharlampieva N. K. *North-Western Federal District: External Links*. St. Petersburg State University Press, 2008. 259 p. (In Russian)
18. Lagutina M. L. To the Strategy of the Italian Republic in the Arctic. *Arktika i Sever*, 2016, no. 24, pp. 155–165. (In Russian)
19. Vasilieva N. A., Wang J., Lagutina M. L. To the Question of the Formation of the Arctic Policy of China. Arctic: Society, Science and Law: Collection of Materials of the International Forum "Arctic: Society, Science and Law". St Petersburg, October 23–24, 2018. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2020, pp. 56–65. (In Russian)
20. Matveevskaya A. S. Russian Arctic as a Promising International Tourist Destination. *Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2017, pp. 33–37. (In Russian)
21. Nesterova I. E., Sboichakova A. V. Significance of the Arctic in the Conditions of Water Resource Crisis and Global Climate Change. *Arktika: obshchestvo, nauka i pravo: sb. materialov Mezhdunarodnogo foruma «Arktika: obshchestvo, nauka i pravo»*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2020, pp. 262–269. (In Russian)
22. Yagya V. S., Sboichakova A. V. Political Issues of Environmental Security of Russian Arctic. *Nauka Krasnoyarska*. 2016, vol. 5, no. 4, pp. 104–121.

23. Gutenev M. Yu., Konyshov V. N., Sergunin A. A. Norway's Arctic Vector: Continuity and Innovation. *Sovremennaya Evropa*, 2019, no. 4 (90), pp. 108–119. (In Russian)
24. Tulupov D. S. *Arctic Policy of Russia, Norway and Denmark at the End of the XX — beginning of the XXI century*. Ed. by I. N. Novikova. St. Petersburg State University Press, 2014. 164 p. (In Russian)
25. Nikolaeva Y. V. Arctic Winter Games and their Role in Regional Cultural Cooperation. *Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2017, pp. 62–66. (In Russian)
26. Bogolyubova N. M. Festival Palette of the Arctic. *Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2017, pp. 67–71. (In Russian)
27. Zhuravskaya K. A., Kuznecova A. E. Russian Arctic Articles are Difficult to Translate from English to Russian and from Russian to English. *Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2017, pp. 72–76. (In Russian)
28. Klovov K. B., Khrustchev S. A., Muzalev A. A., Silaeva K. V. Ethnic Field in Ethno-Geographic Studies: New Approach Concept and Background. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 7. Geologiya. Geografiya*, 2016, no. 2, pp. 76–84. (In Russian)
29. Mikhieva N. M. Russia and China: General Issues of Cooperation. *Arktika: obshchestvo, nauka i pravo: sb. materialov Mezhdunarodnogo foruma «Arktika: obshchestvo, nauka i pravo»*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2020, pp. 101–108. (In Russian)
30. Kukarenko N. N., Muzalev A. A., Nemchinova T. S. The Russian Market of the Arctic Education in the Arctic Scientific and Educational Area. *Arktika: obshchestvo, nauka i pravo: sb. materialov Mezhdunarodnogo foruma «Arktika: obshchestvo, nauka i pravo»*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2020, pp. 134–147. (In Russian)
31. *Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo v Arktike*. Ed. by N. K. Kharlampieva. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2017, pp. 12–15. (In Russian)

Author information:

Nadezhda K. Kharlampieva — PhD Sci. in History, Associate Professor,
n.kharlampieva@spbu.ru, nkhar@aari.ru

УДК 327+349.6+504.06

Международная проблема изменения климата в контексте права человека на благоприятную окружающую среду

М. А. Ермолина, А. В. Крюкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9

Для цитирования: Ермолина М. А., Крюкова А. В. Международная проблема изменения климата в контексте права человека на благоприятную окружающую среду // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 549–559. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.35>

Предметом настоящего исследования является судебное дело «Фонд “Ургенда” против Нидерландов» (*Urgenda Foundation v. The State of the Netherlands*), связанное с климатическим правом. Это первый известный пример использования законов Европейского союза о правах человека при рассмотрении судебного иска по вопросу изменения климата и соблюдения права человека на благоприятную окружающую среду к государству. Используя сравнительно-правовой метод, авторы рассматривают аналогичные дела в разных странах, что позволяет определить специфику взаимоотношений сторон в деле Фонда.

Ключевые слова: *Urgenda Foundation v. The State of the Netherlands*, изменение климата, климатическая политика, право на благоприятную окружающую среду, выбросы углекислого газа (CO₂), глобальное потепление.

Влияние климата на качество среды обитания научно подтверждено давно¹, но как глобальная проблема изменение климата стало актуальным в повестке дня мирового сообщества лишь в последние двадцать лет. [1]. Крупнейшее событие эколого-политического характера начала XXI века — Парижская конференция по изменению климата (2015 г.) — вызвало серьезную дискуссию по вопросу о будущем Киотского протокола, что в результате привело к заключению нового глобального соглашения по климату на период с 2020 г., обязывающего национальные правительства поэтапно снижать

¹ Cox R. The Liability of European States for Climate Change. <https://utrechtjournal.org/articles/10.5334/ujiel.ci>.

эмиссии парниковых газов в атмосферу для поддержания увеличения средней температуры планеты на уровне ниже 2 градусов.

Спустя пять лет радикального сокращения выбросов углекислого газа (CO₂) не произошло, хотя страны стремятся контролировать уровень атмосферного загрязнения в городах. Конференция ООН по изменению климата 2020 года (*Conference of the Parties, COP26*), планировавшаяся с 9 ноября по 19 ноября в шотландском Глазго, перенесена на 2021 год из-за пандемии коронавируса. Тем не менее каждое государство обязано было разработать собственную политику на национальном уровне в преддверии Парижского соглашения для достижения цели и начать реализовывать с момента подписания Соглашения. Нидерланды обычно рассматриваются мировым сообществом как ведущее государство в попытках ограничить изменение климата, поскольку большая часть страны находится на уровне моря или ниже него и в случае потепления будет значительно затронуто повышением уровня океана. Однако, по мнению активистов², правительство в течение 2010-х годов отдавало предпочтение более традиционным видам топлива, а не возобновляемым источникам энергии, что привело к отставанию страны по международным обязательствам и первому климатическому процессу против европейского государства-члена ЕС.

Толчком к процессу стала книга голландского адвоката Р.Кокса «Обоснованность революции»³. Она описывает, какую роль суды могут сыграть в решении энергетических проблем. Главная идея книги: отказ правительства от обязательств по сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу ведет к изменению климата и является прямым нарушением права человека на благоприятную окружающую среду.

«Ургенда» подал в суд на государство в сентябре 2013 г. Согласно иску, государство должно взять на себя обязательства по сокращению выбросов углекислого газа на 40 % к 2030 г. и минимум на 25 % к 2020 г.; правительство несет ответственность за регулирование всех выбросов углекислого газа в стране и обязано в соответствии

² Фонд *Urgenda Foundation* — группа климатических активистов, основанная в 2008 г. и представляющая интересы 886 голландских граждан; цель деятельности — способствовать быстрому переходу общества к устойчивому развитию

³ Cox R. A climate change litigation precedent: *Urgenda foundation v the state of the Netherlands*. https://www.cigionline.org/sites/default/files/cigi_paper_79.pdf

с законом и международными обязательствами сократить «вклад» страны в изменение климата.

Судебные разбирательства, связанные с вопросом изменения климата и его последствиями, не являются редкостью. В практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) уже рассматривались дела относительно того, что существует реальный риск отрицательного влияния климатических изменений на здоровье граждан и правительство обязано защищать своих граждан от негативного влияния, даже если нет абсолютной уверенности в причинной связи между действием (или бездействием), порождающим ущерб и или угрозу такого ущерба.

Рассмотренное на национальном уровне дело «Фонд “Ургенда” против Нидерландов» уникально по юридическому статусу. Как отметила Р.Кокс, представлявшая интересы истцов, гражданское право, в рамках которого рассматривалось дело, ранее использовалось лишь в отношении судебных исков против крупных частных компаний, но не органов власти⁴. Например, дела «Кивалина против “ЭксонМобил”» (“ExxonMobil”)» или «Компания “Американ Электрик Пауэр” (“American Electric Power”) против Коннектикута» остались без удовлетворения обращения истцов, так как, по мнению судов, регулирование выбросов парниковых газов, даже если они несут непоправимый вред какой-либо части населения, является политическим, а не правовым вопросом.

В то же время, дела, касающиеся изменения климата, заявленные против государственных структур, обычно рассматривались в рамках административного и гражданского права, а решения выносились на базе федеральных законов и постановлений министерств и агентств⁵. Так, по результатам рассмотрения дел «Грей против Министерства планирования» в Австралии и «Массачусетс против Агентства по охране окружающей среды» в США государственные органы обязывались при сжигании угля учитывать уровень выбросов углекислого газа в атмосферу и регулировать уровень загрязнителей.

⁴ Climate litigation scores successes in the Netherlands and Pakistan. https://www.americanbar.org/publications/trends/2015-2016/may-june-2016/climate_litigation_scores_successes.html

⁵ Urgenda Foundation v. the Netherlands (2015). <http://www.urgenda.nl/documents/VerdictDistrictCourt-UrgendavStaat-24.06.2015.pdf>.

Принципиально иной была логика истцов по делу «Фонд “Ургенда” против Нидерландов»: им важно было задействовать именно гражданское право, так как остальные отрасли, включая экологическое право, не могут гарантировать должную защиту от возможных негативных последствий изменения климата, тогда как у отрасли гражданского права есть необходимые рычаги. Кроме того, государство на международной арене взяло на себя обязательства по снижению выбросов, и игнорирование этих норм, по мнению истцов, само по себе преступно.

Будучи ответчиком по данному делу, государство Нидерланды признало угрозу изменения климата, включая потенциально разрушительные последствия в случае непринятия действий. Однако оно опровергло довод о том, что может быть юридически обязанным действовать. По сути, аргументы сводились к отсутствию правовой нормы, на основе которой оно обязано сокращать выбросы CO₂. Кроме того, по мнению ответчика, вопрос о том, следует ли сокращать выбросы, является политическим вопросом, в который судам не следует вмешиваться.

Как известно, концентрация углекислого газа в атмосфере резко возросла со времен промышленной революции, особенно в течение последних 50 лет, из-за деятельности человека (прежде всего связанной со сжиганием ископаемого топлива). Кроме того, научно подтверждено (с вероятностью до 90 %), что увеличение средней температуры Земли более чем на 2 °C окажет отрицательное влияние на условия жизнедеятельности человека во всем мире⁶. Исходя из этих соображений, промышленно развитые страны мира, включая Нидерланды и все другие европейские государства, должны сократить выбросы до 40 % или по крайней мере не менее чем на 25 % к 2020 г. по сравнению с 1990 г., чтобы оставаться ниже уровня 450 ppm и таким образом не нарушать 2-градусный порог⁷. Большинство судебных доказательств основаны на том, что требования истцов по делу «Фонд “Ургенда” против Нидерландов» проистекают из климатических отчетов, опубликованных Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК). Результаты МГЭИК были признаны 195 странами (и Европейским союзом),

⁶ Urgenda Foundation v. the Netherlands (2015). <http://www.urgenda.nl/documents/VerdictDistrictCourt-UrgendavStaat-24.06.2015.pdf>.

⁷ Urgenda Foundation v. the Netherlands (2015). <http://www.urgenda.nl/documents/VerdictDistrictCourt-UrgendavStaat-24.06.2015.pdf>.

которые подписали Конвенцию ООН по климату 1992 г., и были приняты (в том числе Нидерландами) в качестве предпосылки для их климатической политики. Выводы несут исключительную доказательную силу в судебных разбирательствах, особенно в том случае, когда отчеты МГЭИК составляются посредством всемирного процесса рассмотрения всех аргументов, причем каждый проект доклада подлежит двум раундам оценок — сначала внешними учеными, а затем странами, подписавшими Конвенцию ООН по изменению климата. Это означает, что вся совокупность научных взглядов учитывается при компиляции каждого отчета МГЭИК и оценивается по существу, прежде чем окончательный отчет будет ратифицирован совместным собранием государств-членов.

Представители истцов посчитали, что бездействие со стороны государства является неправомерным, поскольку государство тем самым способствует возникновению ситуации, связанной с угрозой здоровью населения и его территории. Хотя эта опасность на самом деле не проявится в течение нескольких десятилетий, она со временем возрастает из-за действий или бездействий сегодняшнего дня. Поскольку истцы по делу «Фонд “Ургенда” против Нидерландов» не требуют возмещения убытков, а требование (согласно разделу 296 части 3 Гражданского кодекса Нидерландов) сократить выбросы с целью предотвращения реального или потенциального ущерба не является необходимым условием, достаточно лишь угрозы ущерба. В равной степени угроза нарушений прав человека сама по себе является достаточной для того, чтобы любой гражданин Европы ссылался на решения ЕСПЧ в национальных судебных разбирательствах и, если средство правовой защиты не предусмотрено на национальном уровне, мог бы обратиться в ЕСПЧ для защиты своих прав.

Основанием, по которому истцы дела «Фонд “Ургенда” против Нидерландов» могут привлечь правительство Нидерландов к юридической ответственности, может служить то обстоятельство, что государство ответственно за общий совокупный объем выбросов парниковых газов, производимых на территории Нидерландов, в первую очередь в соответствии со статьей 21 Конституции Нидерландов, ссылки на которую достаточно для обвинения правительства страны в отсутствии защиты здоровья граждан и улучшения его среды обитания. Довод о том, что государства могут нести ответственность за загрязнение окружающей среды, возникающее на их

территории (в данном случае выбросы CO₂), также вытекает из широко признанного международного принципа непричинения вреда, и статей 2 и 8 Европейской конвенции по правам человека, и именно эти международно-правовые стандарты наиболее эффективно применяются к таким государствам и определенно рассматривают их как ответственные стороны, будь то Нидерланды или любое другое европейское государство.

С этой точки зрения примечательно также судебное дело «Легхари против Пакистана» 2015 г., в котором Федеральный суд Пакистана удовлетворил иск фермера, обвинившего государство в невыполнении климатической программы 2012 г. В постановлении суда сказано, что невыполнение государством своих обязательств нарушает права граждан согласно конституционным положениям и международному праву. Также по решению суда была создана специальная комиссия из представителей министерств, неправительственных организаций и университетов для того, чтобы способствовать эффективному совершенствованию климатического законодательства.

Между тем в последние годы судебные разбирательства, связанные с вопросом изменения климата, приобретают новую форму и юридическое обоснование. Под влиянием дела «Фонд “Ургенда” против Нидерландов» аналогичные дела были заведены, например, в Бельгии и Новой Зеландии. Конечно, на данный момент рано говорить о том, насколько нидерландский прецедент изменит борьбу за экологические права населения, но представителям гражданского общества разных стран стоит обратить внимание на логику упомянутых судебных разбирательств для обоснования своих прав.

На наш взгляд, под влиянием нового правового обоснования законности требований граждан в отношении правительств соблюдать свои обязательства по борьбе с изменением климата трансформируется и такой общественный институт, как экологическая группа давления. Активисты не воздействовали на власть путем традиционного лоббирования, организации громких кампаний и демонстраций (которыми так знаменит «Гринпис» (*Greenpeace*)), переговоров с отдельными политическими партиями и лидерами. Следует также помнить, что судебная система Нидерландов относится к романской, а не к англо-саксонской правовой семье, где судебный прецедент играет значимую роль в формировании национального законодательства [4]. Поэтому примечательно, что первое подобное дело состоялось именно в Нидерландах.

Действительно, на сегодняшний день в практике ЕСПЧ уже рассматривались дела, суть которых сводится к тому, что если существует достаточно реальный риск отрицательного влияния на здоровье граждан (например, это, безусловно, будет иметь место с опасными климатическими изменениями), правительство обязано защищать своих граждан от этого негативного влияния, даже если нет абсолютной уверенности в причинной связи между действием (или бездействием), порождающим ущерб и/или угрозу такого ущерба.

Угроза опасного изменения климата вызвана чрезмерными выбросами CO₂ и других парниковых газов во всем мире в результате деятельности человека. При численности населения в 17 млн человек Нидерланды ни в коем случае не являются крупнейшим источником таких выбросов. Такие страны, как Китай, Индия и США, имеют население, во много раз превышающее население Нидерландов, и производят во много раз больше углекислого газа. Характер проблемы с выбросами парниковых газов является ярким примером «закона большинства» и, по сути, ни одна страна сама по себе не выделяет достаточного количества выбросов, чтобы вызвать опасное изменение климата как таковое.

Сокращение выбросов парниковых газов, требуемое истцами дела «Фонд “Ургенда” против Нидерландов», могло бы оказать огромное влияние на политическую свободу голландского правительства. Это ставит вопрос о том, можно ли требовать сокращения выбросов путем судебного разбирательства или что только политики имеют право принимать такие меры.

По мнению истцов дела «Фонд “Ургенда” против Нидерландов», заявленному в иске, тот факт, что решение суда может иметь потенциально важные последствия для политики, само по себе не означает, что суду необходимо принять именно политическое решение.

Голландское правительство обжаловало решение по нескольким искам до 2018 г. в Апелляционном суде в Гааге. Государство утверждало, что постановления Окружного суда превзошли *trias politica*, принцип разделения властей Нидерландов. Однако апелляционный суд отменил это решение на том основании, что ошибочно приравнивать политический вопрос к политическому делу. Он постановил, что тот факт, что решение суда по делу может иметь потенциально серьезные политические последствия, отнюдь не означает, что вопрос, стоящий перед судом, является не подлежащим судебному разбирательству политическим вопросом, выходящим за преде-

лы юрисдикции судов. Иными словами, правовой ракурс остается в силе, даже если он имеет политическую основу. Как было заявлено в апелляционном решении, «ошибочно приравнивать политический вопрос к политическому делу. <...> Учитывая систему сдержек и противовесов между тремя ветвями нашей власти, судебная система больше не может узурпировать исполнительные и законодательные прерогативы. Она может отказаться принимать решения по вопросам, находящимся под ее юрисдикцией, просто потому, что такие вопросы могут иметь политические последствия»⁸. Иными словами, в силу принципа разделения властей судебная власть не может расширить либо умалить свои полномочия.

Затем государство подало апелляцию в Верховный суд Нидерландов, который вынес решение об отклонении апелляции 20 декабря 2019 г. и поддержал требование о сокращении выбросов на 25 %. В Постановлении Верховный Суд подтвердил, что голландское правительство несет ответственность за регулирование выбросов углекислого газа в стране и обязано защищать права человека. Итак, вновь говорилось, что каждая страна несет ответственность за свою долю выбросов.

Несмотря на то что иск, заявленный в суд фондом «Ургенда», является «вопросом права с политическими последствиями», он остается вопросом права, и эти политические последствия никоим образом не превращают его в «политический» вопрос, по которому суды могут не выполнять функцию правосудия или им дозволено очень ограниченное усмотрение. Поэтому Окружной суд Нидерландов должен был вершить правосудие. То же самое можно сказать и о судах в других европейских странах: истцы по всей Европе предпочитают подавать иски своим национальным правительствам вследствие их неадекватной и незаконной политики в отношении климата.

Представляется, что подобный правовой подход предоставляет гражданам и неправительственным организациям в странах Европы, выступающим в качестве истцов в климатическом деле против государства Нидерланды, возможность более активно участвовать в борьбе с опасными изменениями климата, используя законода-

⁸ Climate litigation scores successes in the Netherlands and Pakistan https://www.americanbar.org/publications/trends/2015-2016/may-june-2016/climate_litigation_scores_successes.html

тельство своих стран и судебную систему. В настоящее время изменение климата является проблемой, упирающейся в интересы человека, и, что весьма важно, за их обеспечением стоят нормы права [3].

Как пояснила судья И. Бранд, выступая в Представительстве Генерального консула Нидерландов в Санкт-Петербурге 15 мая 2017 г. (авторы настоящей статьи и группа студентов магистерской программы «Международное сотрудничество в области окружающей среды и развития» Санкт-Петербургского государственного университета принимали активное участие в дискуссии), перед Окружным судом стояли как минимум следующие вопросы:

- Имеет ли фонд «Ургенда» как общественная организация право подавать иск в суд?
- Обязано ли государство следить за климатической политикой?
- Может ли фонд «Ургенда» вмешиваться в политику государства?
- Может ли НКО в широком смысле представлять интересы государства?

И, как свидетельствует мировая практика, таких попыток становится все больше. Общественные организации имеют право подавать иски в суд, особенно если они действуют в интересах общества. Это зафиксировано в уставах общественных организаций.

Очевидно, что само по себе решение суда, который встал на сторону граждан, должно повлиять на работу остальных ветвей власти. Активисты фонда «Ургенда» доказали, что гражданская активность, по крайней мере в ближайшей перспективе, будет способна влиять на политические элиты и в вопросе изменения климата.

Литература

1. Кичигин Н. В., Хлуденева Н. И. Климат планеты в фокусе права // Журнал российского права. 2016. № 9 (237). С. 153–161.
2. Bolgov R., Ermolina M., Vasilyeva N. Open budget effects for urban development: russia's cases // ACM International Conference Proceeding Series 3. Сер. "EGOSE 2016 / International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia, Proceedings". 2016. P. 184–188.
3. Кодолова, А. А. Дело «Фонд “Ургенда” против Нидерландов»: оценка возможности подачи общественными организациями подобных исков в России // Хозяйство и право: ежемесячный юридический журнал. 2019. № 8. С. 114–121.

4. Ермолина М. А., Немчинова Т. С. Судебная практика как источник права (о степени теоретической разработанности проблемы в гражданском процессуальном праве) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 3 (94). С. 171–177.

Контактная информация:

Ермолина Марина Анатольевна — канд. юрид. наук, доц.; m.ermolina@spbu.ru
Крюкова Анна Владимировна — аспирант; charmlessman@mail.ru

International problem of climate change from the point of view of the human right to a favorable environment

Marina A. Ermolina, Anna V. Kryukova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Ermolina M. A., Kryukova A. V. International problem of climate change in the context of the human right to a favorable environment. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S.Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 549–559.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.35> (In Russian)

The subject of this study is the Urgenda Foundation v. The State of the Netherlands case related to climate law. This is the first known example of the use of European Union human rights law in a lawsuit on climate change and the observance of the human right to a healthy environment against the state. Using the comparative legal method, the authors consider similar cases in different countries, which makes it possible to determine the specifics of the relationship between the parties in the Fund's case.

Keywords: Urgenda Foundation v The State of the Netherlands, climate change, climate policy, the right to a healthy environment, carbon dioxide (CO₂) emissions, global warming.

References

1. Kichigin N.V., Khludeneva N.I. Focus on climate's law of the Earth. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2016, no. 9 (237), pp. 153–161. (In Russian)
2. Bolgov R., Ermolina M., Vasilyeva N. Open budget effects for urban development: Russia's cases. *ACM International Conference Proceeding Ser. 3. "EGOSE 2016. International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia, Proceedings"*, 2016, pp. 184–188.

3. Kodolova A. A. Case “Urgenda Foundation V. the Netherlands”: Assessment of the Possibility of Filing similar Lawsuits by Public Organizations in Russia. *Hozyajstvo i pravo: ezhemesyachnyj yuridicheskij zhurnal*, 2019, no. 8, pp. 114–121. (In Russian)
4. Ermolina M. A., Nemchinova T. S. Court Practice as a Source of Law (Concerning the Level of Theoretical Elaboration of the Issue in Civil Procedural Law). *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal*, 2016, no. 3 (94), pp. 171–177. (In Russian)

Author’s information:

Marina A. Ermolina — PhD Sci. in Law, Associate Professor; m.ermolina@spbu.ru
Anna V. Kryukova — graduate student; charmlessman@mail.ru

УДК 327

Угрозы национальной безопасности: мнение молодежи

В. Н. Панин

*Пятигорский государственный университет,
Российская Федерация, 357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9*

Для цитирования: Панин В. Н. Угрозы национальной безопасности: мнение молодежи // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 560–569. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.36>

В статье показаны основные направления организации работы в научной, образовательной и воспитательной областях Пятигорского государственного университета по исследованию проблем безопасности, организации профилактических антитеррористических и антиэкстремистских мероприятий; представлен сравнительный анализ результатов первой части пилотного проекта, направленного на исследование мнения российской студенческой молодежи, а также студентов из семи стран Центральной Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока в отношении наиболее явных угроз национальной безопасности своим странам. Полученные результаты представляют определенный интерес как с научной, так и с практической точек зрения.

Ключевые слова: угрозы, национальная безопасность, терроризм, экстремизм, молодежь, фокус-группа, пилотный проект.

В Пятигорском государственном университете (ПГУ) проблемами безопасности и терроризма занимаются не одно десятилетие. В целом такая работа осуществляется по трем основным направлениям: научно-исследовательскому, образовательному и воспитательно-профилактическому [1, с. 394]. Научно-образовательным подразделением университета, в котором сконцентрирована подготовка научных кадров, а также практических специалистов в данной области, является Институт международных отношений (ИМО) ПГУ. Только под научным руководством автора статьи по данному научному направлению было защищено девять диссертаций на соискание ученой степени кандидата политических наук¹.

¹ Мишин В. Е. Безопасность Северного Кавказа в условиях глобализации, 2005; Сидорова С. В. Российские печатные средства массовой информации

В целом в рамках научных исследований по проблемам безопасности, терроризма и экстремизма за последние годы учеными ПГУ издано восемь монографий, а также свыше 40 других научных трудов, проведено большое количество международных и всероссийских научных конференций.

На протяжении 12 лет в ИМО ПГУ ведется подготовка специалистов, бакалавров и магистров по международным отношениям со специализацией в области международной безопасности со знанием английского и одного из следующих иностранных языков: французского, испанского, немецкого, греческого, арабского, турецкого, китайского и иврита. Это позволяет вести подготовку специалистов в области международных отношений преимущественно по южному стратегическому направлению национальных интересов России.

Учеными ПГУ в рамках образовательной программы «Бизнес-информатика» разработан новый, единственный в России, профиль «Противодействие экстремизму в электронной среде». Это позволит уже к 2023 г. в ИМО ПГУ подготовить первых специалистов в области контртеррористического противодействия в том числе и в электронной сфере для различных государственных структур с углубленным знанием иностранных языков.

В рамках воспитательно-профилактического направления группой ученых университета разработан восьмичасовой тренинг-семинар профилактического контртеррористического характера, который ориентирован на определенную фокус-группу — студентов 1 курса вузов России. Методическая составляющая проведения тренинга-семинара включает в себя различные формы работы со студентами: лекции-беседы, социально-психологическое анкетирование, «круглые столы» с привлечением экспертов из числа ведущих

в противодействии терроризму на Северном Кавказе, 2005; *Кателевский А. И.* Формирование системы региональной безопасности на Южном Кавказе: взаимодействие России и НАТО, 2006; *Адамова М. А.* Женский терроризм в современном политическом процессе, 2008; *Рахно Н. В.* Средства массовой информации и коммуникации в контексте информационной безопасности современной России, 2011; *Гусев Г. Г.* Межгосударственное взаимодействие в сфере борьбы с терроризмом на глобальном и региональном уровнях, 2013; *Румачик И. А.* Социальная безопасность как индикатор национальной безопасности современной России, 2013; *Умаров Д. В.* Иностранные каналы влияния на проявление терроризма в современной России (на примере Северного Кавказа), 2014; *Похилько А. А.* Экстремистские организации в системе региональной безопасности Ближнего Востока, 2015.

научных сотрудников ИМО и Научно-исследовательского института стратегических исследований ПГУ.

Состав экспертной группы состоит из докторов и кандидатов наук, руководителей структурных подразделений университета, предметом многолетней научной деятельности которых является исследование проблем безопасности, а также борьбы с экстремизмом и терроризмом. Принимая во внимание значимость данного вида деятельности, вышеуказанная система мероприятий по профилактике и предупреждению экстремистской активности среди студенческой молодежи получила Свидетельство о государственной регистрации².

Анкетирование и беседы со студентами первого курса ПГУ по результатам проведения данного мероприятия показали наличие большого интереса к проблемам как национальной, так и личной безопасности, а также потребность у студентов в знаниях основ безопасности и путях противодействия экстремизму и терроризму с целью ее более предметного анализа.

С учетом актуализации научных исследований и проведения профилактических мероприятий по противодействию вовлечения молодежи в различные экстремистские организации, а также изучение восприятия и понимания молодыми людьми проблем и задач обеспечения национальной безопасности, в декабре 2017 г. на 1 курсе ИМО ПГУ в рамках чтения курса «Теория безопасности» была проведена первая часть пилотного проекта, направленного на обнаружение восприятия студенческой молодежью угроз национальной безопасности. В нем приняли участие 70 студентов из семи государств: России, Азербайджана, Афганистана, Таджикистана, Турции, Израиля и Экваториальной Гвинеи.

Цель исследования — выявить пять наиболее очевидных угроз национальной безопасности своих стран — так, как они воспринимаются молодыми людьми. Основным методом исследования явился мозговой штурм, проведенный в трех семинарских группах, в которых преимущественно обучаются студенты из России. В отношении студентов-иностранцев был проведен письменный опрос.

² «Система мероприятий по профилактике и предупреждению экстремистской активности среди студенческой молодежи» / Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2017621390. Заявка № 2017621116. Дата государственной регистрации в Реестре баз данных — 29.11.2017 г.

Принимая во внимание тот факт, что студенты находятся на первоначальном этапе обучения в университете (три-четыре месяца), изучают международные отношения, мировую экономику, политологию, международную журналистику и медиакommunikацию, полученные данные можно квалифицировать как мнение наиболее образованной части молодых людей. Они уже имеют общее среднее образование и стремятся, получив высшее образование, войти в состав гуманитарной и экономической элиты своих государств.

Исходя из вышеизложенного, а также с целью проверки эффективности преподавания в вузе ряда общегуманитарных и специальных дисциплин и оценки уровня проведения внеаудиторной работы со студентами, подобное исследование будет проведено в отношении этой же фокус-группы почти через четыре года в восьмом семестре, когда они будут оканчивать университет. В этом и будет состоять суть второй части данного пилотного проекта: проведение сравнительного анализа восприятия угроз безопасности в начале получения высшего образования и на его финальной стадии, а также влияние на восприятие вопросов безопасности избранных направлений подготовки. Проведенные и планируемые к проведению исследования, безусловно, дадут определенный эмпирический материал, заслуживающий внимания как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Анализ полученных сводных данных первой части пилотного проекта (см. табл.) показывает, что в целом студенты отметили 17 видов угроз национальной безопасности своим государствам. При этом всеми студентами в качестве наиболее явной угрозы отмечен терроризм. Он поставлен на первое место студентами из России, Таджикистана и Турции, на второе место — студентами из Афганистана и Экваториальной Гвинеи, на третье место — студентами из Израиля и на четвертое место студентами из Азербайджана. Это свидетельствует о том, что генеральная линия ПГУ, направленная на необходимость чтения всем первокурсникам университета, вне зависимости от направлений их подготовки, специальной дисциплины по анализу проблем безопасности и противодействия терроризму является правильной, своевременной и крайне необходимой.

В качестве второй по значимости угрозы в сводном рейтинге угроз безопасности студентами указаны угрозы в области экономической безопасности. На первое место ее поставили студенты из Экваториальной Гвинеи, что может быть объяснено статусом разви-

Результаты исследования, проведенного на 1 курсе ИМО ПГУ в декабре 2017 г. на тему «Угрозы национальной безопасности страны»

Общий рейтинг	Угрозы	Россия	Азербайджан	Афганистан	Таджикистан	Турция	Израиль	Экватор. Гвинея	Всего баллов*
I	Терроризм	I	IV	II	I	I	III	II	28
II	Экономика	III	II	–	III	V	–	I	16
III	Информационная	II	–	–	II	–	–		8
	Радикальный исламизм	–	III	IV	–	III	–	–	8
IV	Военная	–	–	–	IV	–	I	–	7
V	Наркомания	–	I	–	–	–	–	–	5
	НАТО	–	V	–	–	II	–	–	5
	Наркотрафик	–	–	I	–	–	–	–	5
VI	Межрелигиозные конфликты	IV	–	–	–	–	–	IV	4
	Территориальные претензии	–	–	–	–	–	II	–	4
VII	Демографическая	III	–	–	–	–	–	–	3
	Нравственность	V	–	–	–	–	IV	–	3
	Интеллектуальный потенциал	–	–	III	–	–	–	–	3
	Здоровье	–	–	V	V	–	V	–	3
	Политическая стабильность	–	–	–	–	–	–	III	3
VIII	Межнациональные конфликты	–	–	–	–	IV	–	–	2
IX	Преступность	–	–	–	–	–	–	V	1

* За I место назначалось 5 баллов, за II место — 4 балла, за III место — 3 балла, за IV место — 2 балла и за V место — 1 балл.

вающейся страны и состоянием ее экономики. На второе место ее поставили студенты из Азербайджана. Вероятная причина — экономический кризис в стране, вызванный спадом мировых цен на углеводородные ресурсы. На третье место она поставлена студентами из России и Таджикистана, что, видимо, свидетельствует о реакции студентов на введение экономических санкций в отношении России со стороны Запада и состоянием таджикской экономики. На пятое место угроза в области экономической безопасности поставлена студентами из Турции. Это может объясняться, с одной стороны, необходимостью поступательного экономического развития страны, с другой — наличием более серьезных угроз своей безопасности.

Третьими по своей актуальности студентами отмечены угрозы в области информационной безопасности и исламского радикализма. В качестве второй по значимости угроза в области информационной безопасности указана студентами из России и Таджикистана. По нашему мнению, это свидетельствует о реакции студентов на широкомасштабную антироссийскую кампанию, проводимую западными СМИ, а также на использование информационного канала различными международными экстремистскими структурами, в том числе террористического характера с целью вербовки своих новых адептов, в первую очередь из числа молодежи. Полученные данные также свидетельствуют о правильности выбора другой стратегической линии ПГУ, направленной на создание на базе ИМО ПГУ ведущего на Юге России центра по подготовке различных специалистов в области информационной деятельности. Уже сегодня в ИМО ведется подготовка специалистов в области международной журналистики, рекламы и связей с общественностью и медиакоммуникации. Исламский радикализм на третьем месте указан студентами из Азербайджана и Турции и на четвертом месте — студентами из Афганистана. Это может свидетельствовать об активизации террористических структур в ряде страна Среднего Востока с целью подготовки новых площадок для расширения своего влияния.

На четвертом месте в сводном рейтинге угроз студентами отмечена угроза в области военной безопасности. На первое место она поставлена студентами из Израиля, что вполне объяснимо после резкой эскалации арабо-израильского конфликта, и на четвертое место — студентами из Таджикистана. Это может быть объяснено нерешенными территориальными проблемами с соседями.

На пятом месте указаны наркомания, производство и транспортировка наркотиков, а также угрозы со стороны НАТО. Так, наркомания видится студентами наиболее явной угрозой безопасности Азербайджана, а производство и транспортировка наркотиков — наиболее явной угрозой безопасности Афганистана. Угроза со стороны НАТО на втором месте отмечена студентами из Турции и на пятом месте указана студентами из Азербайджана. Это может быть объяснено существенным ухудшением турецко-натовских отношений, а также большим влиянием Турции на общую ситуацию в Азербайджане, в том числе умонастроения его населения.

Сравнение сводного рейтинга угроз безопасности с рейтингом угроз безопасности для России показывает, что российские студенты, в целом разделяют первые три наиболее явные угрозы национальной безопасности: на первое место ими поставлен терроризм, на второе место — угрозы информационной безопасности, а также угрозы в области экономической безопасности. На третьем месте российские студенты указали угрозы в области демографической безопасности, принимая во внимание сокращение естественного прироста населения, а также существенную диспропорцию между плотностью населения ряда приграничных регионов России и приграничных районов некоторых сопредельных государств. Следует отметить, что угроза демографической безопасности отмечена только российскими студентами, что также объясняется состоянием в области демографических процессов в других вышеупомянутых странах.

На четвертом месте россиянами отмечена угроза разжигания межрелигиозных конфликтов, которая в большей степени инспирируется из-за рубежа. Указанные данные подтверждают еще одну верно избранную стратегическую линию развития ПГУ, а именно создание на базе Высшей школы управления университета ведущего на Юге России центра по подготовке специалистов в области государственно-конфессиональных отношений. Также угроза межрелигиозных конфликтов на четвертом месте указана студентами из Экваториальной Гвинеи, где традиционно существует противостояние 80 % католиков страны с 20 % последователей традиционных религиозных культов. Необходимо отметить, что в целом конфессиональный фактор в качестве угрозы национальной безопасности отмечается студентами пяти стран из семи. Причем в большей степени студентами отмечена угроза распространения и влияния исламского радикализма (Азербайджан, Афганистан, Турция), нежели угроза

разжигания межрелигиозных конфликтов (Россия, Экваториальная Гвинея).

На пятом месте российскими студентами, наряду со студентами из Израиля (которые поставили ее на четвертое место), указана угроза духовно-нравственным основам общества. Россиянами отмечаются активные многосторонние действия со стороны как ряда западных, так и ряда ближневосточных стран, направленные на подрыв традиционных семейных ценностей, дискредитацию духовных основ российского общества, понятий чести, достоинства, патриотизма и пр. Вышеуказанное свидетельствует о необходимости разработки и реализации комплекса мероприятий по проведению активных контрпропагандистских мероприятий в данной области, с вовлечением в них СМИ, религиозных структур, систем среднего и высшего образования, различных институтов гражданского общества. В этом отношении определенной корректировки требуют университетские учебные программы ряда общегуманитарных и специальных дисциплин, а также учебные курсы по гуманитарным дисциплинам среднего образования.

Следует отметить, что российские студенты отнесли к угрозам национальной безопасности России, помимо пяти-шести наиболее явных, указанных выше, такие угрозы, как угроза разжигания межнациональных конфликтов, оголтелая русофобия, проводимая Западом, угрозы в области обеспечения военной безопасности, а также безопасность здоровья нации, включая наркоманию и алкоголизм.

Сравнение рейтингов угроз безопасности определенных стран показывает, что, несмотря на отличия, к наиболее явным угрозам безопасности студенты всех стран относят терроризм и угрозу экономической безопасности.

Наиболее близкий рейтинг угроз безопасности у стран — членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (Россия и Таджикистан). Первые три позиции совпадают полностью — терроризм, информационная и экономическая угрозы. При этом последующие угрозы полностью отличаются: у россиян это угрозы разжигания межрелигиозных конфликтов и угрозы в области духовно-нравственной безопасности, у таджикских студентов — угрозы в области военной безопасности и здоровья нации.

В наибольшей степени отличается рейтинг угроз безопасности Экваториальной Гвинеи. Только там указаны угрозы политической стабильности и роста преступности.

Для большинства стран исламского мира (кроме Таджикистана) общей угрозой безопасности отмечен исламский радикализм и угроза в области экономической безопасности (кроме Афганистана). Существенным образом отличаются рейтинги угроз безопасности двух неарабских государств Леванта — Турции и Израиля. Студентами из этих стран кроме терроризма, указаны угрозы, абсолютно отличные друг от друга.

Следует также отметить, что только турецкие студенты в пятерку наиболее явных угроз безопасности включили межнациональные конфликты, что свидетельствует, с одной стороны, об актуализации курдского вопроса, а с другой стороны, о большей конфликтности меж- и внутриконфессиональных отношений по сравнению с межнациональными.

В целом полученные данные по причине невысокого процента выборки достаточно относительны, вместе с тем общие тенденции, прослеживающиеся в них, заслуживают пристального внимания.

Литература

1. Панин В. Н., Дорошенко В. Б. Основные направления антитеррористической и антиэкстремистской деятельности прогнозно-аналитического, образовательного и профилактического характера Пятигорского государственного университета // Международно-правовые средства противодействия терроризму в условиях глобализации. Проблемы террористического наемничества среди молодежи и пути их преодоления: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь: Ставроп. гос. пед. ин-т, 2016. 492 с.

Контактная информация:

Панин Виктор Николаевич — д-р полит. наук, проф.; paninv1@yandex.ru

Threats of national security: opinion of youth

Victor N. Panin

Pyatigorsk State University,

9, Kalinina pr., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation

For citation: Panin V. N. Threats of national security: opinion of youth. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 560–569.

<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.36> (In Russian)

The main results in the scientific-research, educational and extracurricular fields of the Pyatigorsk State University in the sphere of security problems' research and organization of preventive anti-terrorist and anti-extremist activities are described in the article. The article also provides the comparative analysis of the results of the first part of the pilot project directed to a research of opinion of the Russian students and students from seven countries of Central Asia, Africa, the Middle and the Near East concerning the main threats to the national security of their countries. The results might be of some interest both from the scientific and the empirical points of view.

Keywords: Threats, national security, terrorism, extremism, youth, focus group, pilot project

References

1. *Panin V. N., Doroshenko V. B.* The main directions of anti-terrorist and anti-extremist activities of predictive-analytical, educational and preventive nature of Pyatigorsk State University // *Mezhdunarodno-pravovye sredstva protivodejstviya terrorizmu v uslovijah globalizacii. Problemy terroristicheskogo naemnichestva sredi molodezhi i puti ih preodolenija: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii.* Stavropol: Stavrop. gos. ped. in-t, 2016. 492 s. (in Russian)

Author information:

Victor N. Panin — Dr. Sci. in Politics, Professor, paninv1@yandex.ru

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

УДК 908 + 378.12

Татары в жизни Санкт-Петербурга и истории Санкт-Петербургского университета (XVIII–XXI вв.)

А. Н. Тагирджанова

краевед, член Союза краеведов, Санкт-Петербург

Для цитирования: Тагирджанова А. Н. Татары в жизни Санкт-Петербурга и истории Санкт-Петербургского университета (XVIII–XXI вв.) // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 570–585.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.37>

Статья посвящена жизни татар в Петербурге. Наряду с немецкой и финской татарскую общину принято считать одной из старейших в Петербурге. В царской России она была небольшой, в советский период ее численность возросла. На протяжении веков татары верой и правдой служили России. В мирной жизни они дали ей немало знаменитых людей — ученых, писателей, художников. Очерк рассказывает о вкладе татар в жизнь и культуру Санкт-Петербурга (Петрограда, Ленинграда).

Ключевые слова: татары, мусульманская община, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет.

Исламу на территории России более тысячи лет, а мусульманской общине Санкт-Петербурга — более трехсот: она существует с первых лет основания города. Изначально община состояла из татар (рабочих и солдат) — выходцев из Казанской губернии, одного из основных «поставщиков» строителей на берега Невы. Сюда прибывали также дипломатические посольства бухарцев, кавказцев, персов, киргизов и турок, а вместе с ними и купцы, стремившиеся наладить взаимовыгодную торговлю. Мусульманская община не была однородной, но численное превосходство татар над представителями других мусульманских народов сохранялось без малого три столетия, поэтому для горожан слова «татарин» и «мусульманин» даже в конце 1980-х годов были синонимами. В 1788 г. Екатерина II создала для них духовные управления во главе с муфтиями в Кры-

му и в Уфе в Оренбургском наместничестве для татар Европейской части России и Сибири, вернула татарским князьям дворянство, начала активно привлекать их на государственную службу и даже издавала за счет казны Коран. Были учреждены мусульманские духовные лица для гражданских (мулла) и для военных (ахун) приходов. В 1798 г. свыше пятисот столичных мусульман обратились в канцелярию императора Павла I с прошением о пожаловании им молитвенного дома и отводе места для кладбища. По заказу военного ведомства в 1803–1804 гг. архитекторы Л. Руска и А. Воронихин создали проекты татарской мечети для лейб-гвардии Измайловского полка и Татарского подворья с мечетью и помещениями для проживания. Оба проекта не были реализованы. Татарам для богослужений выделялись помещения в казармах, а по праздничным дням два раза в году предоставлялись большие залы в домах купцов Косиковского (Невский пр., 15) и Кусовникова (Невский пр., 30) и др.

Гражданская мусульманская община состояла из татар, занятых отхожим промыслом (временной, сезонной работой), и семей отставных солдат и матросов. Общинные земли не всегда могли прокормить всех крестьян, и поэтому молодые мужчины отправлялись в города на заработки и сезонные работы. Для выполнения духовных треб из среды татар избирался мулла, самый образованный из единоверцев мусульманин, приход располагался в арендованной для этих целей квартире, в которой обычно проживал мулла с семьей. В 1862 г. гвардейский ахун Хантемиров предпринял неудачную попытку начать сбор пожертвований на строительство мечети. Лишь в 1882 г. ахун гвардии А. Баязитов получил разрешение на строительство в Санкт-Петербурге Соборной кафедральной мечети, и начали сбор денег среди единоверцев, проживающих в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии.

Интерес к мусульманскому Востоку у российских императоров и императриц был велик. В первой четверти XIX в. в Петербурге существовали три востоковедческих центра: Главный педагогический институт (с 1816 г.), Азиатский музей — хранилище восточных рукописей и монет при Императорской Академии наук (с 1818 г.) и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (с 1823 г.). Носители языков преподавали арабский, персидский, турецкий языки и др. Первым мусульманином в стенах петербургского университета стал профессор Мирза Джафар Топчибашев (1790–1869), азербайджанец или,

как тогда говорили, закавказский татарин. В 1811 г. он прибыл в Петербург в составе свиты грузинского царевича Т. Багратиони. По рекомендации Т. Багратиони, М. Д. Топчибашев был принят на работу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел переводчиком конфиденциальных документов, обязанности переводчика он успешно совмещал со службой в Главном педагогическом институте, а затем Университете, где обучал турецкому, персидскому и арабскому языкам будущих дипломатов, в том числе и А. С. Грибоедова. В Университете Мирза Джафар Топчибашев прослужил 30 лет.

Одним из приглашенных в Университет в 1840 г. был профессор Мухаммед Аяяд ат-Тантави, известный египетский ученый, преподаватель старейшего мусульманского университета Аль-Азхар. В 1854 г. Николай I Указом Правительствующему Сенату объявил о преобразовании отделения восточных языков Санкт-Петербургского университета в факультет восточных языков с одновременным слиянием его с отделением восточных языков Казанского университета. В результате этого слияния в Санкт-Петербурге оказались лучшие российские востоковеды того времени. Торжественное открытие факультета состоялось в 1855 г., первым деканом был утвержден Мирза Александр Касимович Казем-Бек, ранее служивший в Казани. Он способствовал переезду в столицу своих талантливых коллег Ибн Ямина Аминова, исполнявшего обязанности учителя восточной каллиграфии, и Хусаина Фаизханова, «практического» преподавателя татарского и турецкого языков. В разные годы восточные языки в университете преподавали русско-, турецко- и китайскоподданные мусульмане: Исмаил Абдекаримов — преподаватель и лектор китайского языка; кумык Магомет Османов — лектор татарского языка; Реза хан Гулям — лектор персидского языка; Ахмет-Бек Хусейн — лектор ново-арабского языка и Мирза Шафи Магомед — лектор персидского языка. Были среди них исполняющие должности (и. д.) лектора и исполняющие обязанности (и. о.) лектора: пленный турок Абдурахман Шевкет — и. о. лектора турецкого языка; крымский татарин Ильяс-мурза Бораганский — и. д. лектора турецкого языка и крупный издатель, владелец Восточной типографии; Мирза Джафар — и. д. лектора персидского языка; Мирза Пира Арслан хан — и. о. лектора персидского языка. Ахун Собственного Его Императорского Величества конвоя Мирза Гасен Таиров преподавал персидский язык, а мулла конвоя Мухаммед-Алим Абдуллахов — османский.

В 1848 г. со свидетельством об окончании Университета вышел первый мусульманин Агабек Едигаров (Ядигаров), направленный на службу в распоряжение наместника Его Императорского Величества на Кавказе.

По списочным составам зачисленных в университет во второй половине XIX в. мусульман на разные факультеты поступало не более трех человек в год. Среди них были персидские принцы и подданные русских императоров — отпрыски знатных фамилий. Учились мусульмане в основном на юридическом факультете. В прошениях на имя ректора поступающие указывали вероисповедание, а не национальность.

Существенные изменения произошли в годы Первой русской революции, после того как Манифестом от 17 октября 1905 г. населению Российской империи были дарованы гражданские свободы и равные права с православными получили представители других вероисповеданий; тогда в Университет ежегодно поступали 12–16 студентов-мусульман (без учета вольнослушателей).

В начале XX в. мусульманская община Петербурга состояла преимущественно из татар, занятых практически во всех сферах деятельности, среди мусульман были военнослужащие, включая офицеров, чиновники, купцы и мелкие торговцы, студенты и курсистки, фабрично-заводские рабочие и ремесленники, извозчики, официанты и др. Два раза в году по случаю больших мусульманских праздников татары арендовали временные помещения большой площади, обычно залы купцов Кусовникова и Косиковского (ныне Малый зал филармонии и бывший кинотеатр «Баррикада» соответственно), Конногвардейский манеж, театр Валентины Лин (концертный центр «Колизей»), зал Дворянского собрания, Александровский зал Городской думы и зал Губернской земельной управы (ныне ул. Правды, 18). В политической жизни того времени большую роль играла мусульманская фракция Государственной думы I–IV созывов. Председателем мусульманской фракции Думы I созыва был один из лидеров прогрессивного движения среди мусульман известный бакинский адвокат Али-Мардан бек Топчибашев (1863–1934), выпускник Университета, получивший в 1889 г. диплом со степенью кандидата. Топчибашев участвовал в работе Всероссийских мусульманских съездов (1905, 1906, 1914, 1917 гг.), создал устав и программу партии «Иттифак аль-муслимин» («Всероссийский мусульманский союз»). Его единомышленниками по политической борьбе были универсан-

ты-депутаты Бахтыгирей Кулманов, Бахид-Джан Каратаев и Ибниамин Ахтямов, а другие коллеги-мусульмане получили образование в Императорском Московском университете, Сорбонне и Пажеском Его Императорского Величества корпусе.

Депутаты-мусульмане принимали деятельное участие в работе Петербургского мусульманского благотворительного общества и Комитета по строительству соборной мечети — главного мусульманского храма Российской империи, закладка которого состоялась в феврале 1910 г. и была приурочена к 25-летию восшествия на престол эмира Бухарского. Автором проекта был петербургский архитектор Н. В. Васильев. Керамическое убранство мечети было заказано в мастерских П. К. Ваулина, каллиграфические майоликовые панно были выполнены по эскизам лектора факультета Восточных языков Ильяса-мурзы Бораганского. В феврале 1913 г. в дни празднования 300-летия дома Романовых здание мечети было вчера готово и в нем состоялся первый торжественный намаз, на котором присутствовали многочисленные делегации из мусульманских регионов империи. Полное окончание строительных работ и открытие мечети предполагалось осенью 1914 г., но в связи с начавшейся Первой мировой войны работы были приостановлены на длительный срок. В июне 1917 г. Временным правительством ахунм первого мусульманского прихода Петрограда был утвержден выдвиженец общины богослов и политический деятель Муса Бигеев, вольнослушатель юридического факультета Императорского Петербургского университета.

С первых лет советской власти началась атеистическая пропаганда, но по отношению к мусульманам власть продолжала оставаться лояльной. Мировая революция лидерам большевиков виделась в союзе с мусульманскими странами, освобождавшимися от колониальной зависимости, да и мусульмане были особенно сильны в вере. Эту особенность ранее отмечали в своих отчетах православные миссионеры. Отмена в 1905 г. уголовных преследований за отпадение от православия показала, что десятки тысяч новокрещеных татар вернулись в мечети. Удивительно, но в стране, в которой повсеместно были созданы отделения Союза воинствующих безбожников, в Университете для студентов-арабистов преподавался Коран как древнейший памятник литературы и прекрасный учебник арабского языка. Над переводом Корана на русский язык работал академик И. Ю. Крачковский. В Петрограде в 1919 г. на факультете восточных

языков поднимался вопрос о создании кафедры исламоведения, а татары завершали строительные работы и готовились к открытию мечети, состоявшемуся 30 апреля 1920 г. В дальнейшем мусульманское духовенство подверглось репрессиям подобно православным и католикам, а факультет Восточных языков в ходе реорганизации вошел в состав вновь созданного факультета общественных наук, потом востоковедов готовили на факультете Языковедения и материальной культуры. Восточный факультет был восстановлен в 1944 г.

Численность татар в конце 1920-х годов в Ленинграде увеличилась почти в четыре раза по сравнению с дореволюционной, среди вновь прибывших были беженцы из Поволжья и крестьяне, подавшие на заводы и стройки первых пятилеток. Несмотря на атеистическую пропаганду, во многих татарских семьях сохранялись Кораны и религиозные книги. Это обстоятельство вызывало интерес к истории и культуре стран Востока и восточным языкам у молодежи. В Ленинградский государственный университет (ЛГУ) устремились те, кто пожелал стать востоковедами, заранее зная, что обрекают себя на сложности с трудоустройством. Но те выпускники-востоковеды предвоенных и послевоенных лет, которые смогли остаться преподавать и заниматься наукой в университете и Академии наук, стали золотым фондом отечественной ориенталистики.

В этом отношении интересна судьба **Абдурахмана Тагировича Тагирджанова** (1907–1983) — ученого-востоковеда, филолога-ираниста, профессора, прослужившего более тридцати лет на восточном факультете ЛГУ. Он родился в крестьянской семье, до революции закончил два медресе, в которых изучал богословие, восточные языки, историю и философию. В 1937 г. с аттестатом о среднем образовании, полученном после окончания рабфака, Тагирджанов поступил на первый курс арабского отделения филологического факультета ЛГУ, так как в том году не было приема на иранское отделение. Самостоятельно подготовив и сдав необходимые экзамены, через два месяца молодой человек перешел на второй курс иранского отделения. Академик И. Ю. Крачковский в 1938 г. принял у второкурсника А. Т. Тагирджанова экзамен по арабскому языку за полный университетский курс арабского отделения. В 1941 г. Тагирджанов окончил университет с отличием. Дипломную работу «Поэма “Хосров и Ширин” Низами и ее тюркский перевод, сделанный Кутбом» научный руководитель член-корреспондент АН СССР Е. Э. Бертельс

рекомендовал к публикации, но помешала война. Молодого специалиста направили в Высшую школу Красной Армии, в которой он преподавал персидский язык. В 1943 г. он поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР в Ташкенте. Осенью 1946 г. в Ленинграде защитил кандидатскую диссертацию «“Хосров и Ширин” Кутба» (Тагирджанов А. Т. «Хосров и Ширин» Кутба: дисс. ... канд. филол. наук / А. Т. Тагирджанов. Ташкент, 1946. 252 с.) и начал работать на Восточном факультете ЛГУ и в Институте востоковедения академии наук. В 1950 г. Тагирджанов получил звание доцента, в 1969 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Рудаки», в которой, проанализировав поэтическое наследие Рудаки, доказал, что поэт был слепым от рождения, и стал доктором филологических наук и профессором. Почетный декан Восточного факультета академик М. Н. Боголюбов, друг и коллега, вспоминает: «Его познания и начитанность по части сочинений древних авторов, абсолютное владение стилями рукописного письма, большой опыт филологической оценки текста и, конечно, педагогический талант были неисчерпаемым источником для тех, кто у него учился, и прочной опорой для его коллег. Его увлекало исследование творческих биографий поэтов Рудаки, Фирдоуси, Низами, поэтов индийского круга. Он первый в университетской практике начал читать курс “Таджикская и персидская литература в Индии”. Превосходное знание арабского литературного языка позволило ему подготовить курс “Арабский язык для иранистов” со специальным учебным пособием “Хрестоматия арабских текстов” и грамматическим справочником и словарем. Особенностью А. Т. Тагирджанова как ученого была редкая универсальность: прекрасное и активное знание персидского и арабского языков, в сочетании с не менее глубоким и специальным знанием большинства тюркских языков. Он сделал важный вклад в тюркологию: работы об истории возникновения и развития киргизского эпоса “Манас”, об этногенезе булгар-татар, о культуре и литературе булгар и тюрков, вошедших в состав Золотой Орды» [1, с. 59]. Из Высшей аттестационной комиссии Академии наук СССР на рецензирование профессору А. Т. Тагирджанову присылали диссертации на всех языках азиатских республик, так как всеми этими языками он владел совершенно свободно.

Своим учителем и другом А. Т. Тагирджанова считал **Анас Бакиевич Халидов** (1929–2001) — филолог-арабист, автор более 120 публикаций, в том числе 17 монографий. В 1946 г. А. Б. Халидов по-

ступил на арабское отделение восточного факультета ЛГУ, а в 1951 г. получил рекомендацию в аспирантуру Ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР. После защиты кандидатской диссертации стал работать младшим научным сотрудником, впоследствии возглавил арабский кабинет им. акад. И. Ю. Крачковского. В 1984 г. ученый защитил докторскую диссертацию «Арабские рукописи и арабская рукописная традиция», которая легла в основу его монографии. В 1987 г. А. Б. Халидов получил звание профессора. Отдельное направление в трудах ученого составляло изучение редких рукописей, хранившихся в библиотеках России и других стран. В результате он подготовил более 30 статей, большая часть которых была опубликована на арабском, английском и французском языках. Делом чести он считал создание полного каталога арабских рукописей Института востоковедения. Начавшиеся в 1985 г. перемены в СССР сняли ограничения на изучение ислама в России. А. Б. Халидов принял участие в подготовке справочника «Ислам на территории бывшей Российской империи», «Каталога книг на арабском языке в дореволюционной России до 1917 г.», издал «Каталог изданий Корана в России до 1917 г.». Признанием его заслуг перед арабской культурой стало включение его в состав комиссии по присуждению Кувейтской премии по науке (изучение наследия) за 1988 г. В 1993 г. король Марокко Хасан II лично пригласил его на семинар по актуальным проблемам ислама. Выдающимся событием в 1997 г. стала публикация профессором А. Б. Халидовым в Казани текста и русского перевода рукописи сочинения по фармакологии «Большое противоядие» Тадж ад-дина аль-Хасана бин Йунуса аль-Булгари — автора из Волжской Булгарии домонгольского периода. В последние годы жизни ученый работал над научным переводом Корана на татарский язык и выполнил его в латинской графике. В 1992 г. А. Б. Халидов принимал участие в работе I Всемирного конгресса татар и учредительного собрания Всемирной ассоциации татар-ученых в 1994 г. В 2000 г. профессор А. Б. Халидов, не прерывая связи с Петербургом, заключил контракт с Казанским федеральным университетом на два года. 1 декабря 2001 г. его не стало. Одну из ключевых ролей в жизни татарской общины Петербурга играла иранист по образованию **Эндже Абдулкаримовна Сагидова** (1921–1997), заведующая отделом национальных литератур Российской национальной библиотеки. Ее отец — журналист и писатель Карим Сагид — издавал в Петрограде в 1918 г. газету «Шимал ягы» («Северная сторона»). В 1930-х годах

он служил в Институте востоковедения АН СССР и был репрессирован. В 1956 г. Э. Сагидова защитила кандидатскую диссертацию по теме «Организация фондов и каталогов литературы на национальных языках народов СССР в крупнейших библиотеках». Как высококлассный специалист по национальной литературе оказывала консультативную и методическую помощь республиканским библиотекам России, участвовала в подготовке аннотированной библиографии «Литература и фольклор народов СССР. 1926–1970 гг.»¹ Помимо русского и родного татарского языков она владела арабским, английским, башкирским, казахским, киргизским, немецким, персидским, таджикским, туркменским, узбекским, финским, французским языками (в общей сложности четырнадцатью языками).

Академик **Эдхям Рахимович Тенишев** (1921–2004) — тюрколог-лингвист, заведующий сектором тюркских языков Института языкознания РАН — и иранистка **Гульсум Абдурахимовна Галимова** (1928–2007) — заведующая отделом национальных литератур в журнале «Вопросы языкознания» — совместно разработали программу и методику преподавания старо-татарского языка для Московского исламского университета, в котором с 1996 г. Г. А. Галимова преподавала татарский литературный язык донационального периода, воспитывала в своих учениках интерес к научной работе, прививала любовь и уважение к памятникам литературы XII–XIII вв.

Тюрколог, научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, кандидат филологических наук **Мунира Азымовна Салахетдинова** (1920–1991) окончила Университет в 1949 г. Она опубликовала более 40 научных работ. А выпускница 1951 г. тюрколог **Фатима Арифолловна Блинова (Вергасова)** была сначала редактором в издательстве «Наука», а затем главным редактором Всероссийского НИИ растениеводства им. Вавилова. Арабист-филолог **Рукия Шейхутдиновна Шарафутдинова** (р. 1928 г.) — многолетний сотрудник Библиотеки Академии наук, исследователь научного наследия имама Шамиля и арабоязычных рукописных памятников Дагестана.

В 1963 г. с отличием окончил восточный факультет ЛГУ африканист **Ватаняр Саидович Ягья** (1938–2020), профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации,

¹ Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1938.

Рисунок 1. Слева направо: муфтий Равиль-хазрат Панчеев, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга I–IV созывов В. С. Ягья и председатель Еврейской религиозной общины Санкт-Петербурга М. Д. Грубарг. 30 октября 2013 г. Фото М. Ф. Муратовой

почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) (рис. 1).

На восточном факультете учились и затем работали потомки известных в прошлом петербургских татар: например, доцент кафедры арабской филологии **Кемаль Османович Юнусов** (1931–2009) был представителем нижегородского рода потомственных имамов Юнусовых, его прадед Мухаммед-Шакир и дед Мухаммед-Зариф служили ахунами первого магометанского прихода в Петербурге. Арабист **Гумер Галиевич Исаев**, директор Санкт-Петербургского центра изучения Ближнего Востока, — внук Абдул-Бари Исаева, имама-хатыба соборной мечети, рекомендованного на служение в декабре 1955 г. после возвращения храма верующим, затем муфтия Центрального духовного управления мусульман. В разные годы арабское отделение восточного факультета окончили директор департамента внешних связей президента Республики Татарстан Тимур Юрьевич Акулов, муфтий Духовного управления мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона Равиль Джафярович Панчеев и директор частного образовательного учреждения «Восточная гимназия»

Наиль Анварьевич Тугушев. Школа-полупансион выполняет требования государственного образовательного стандарта и имеет свои дополнительные образовательные программы по арабскому и татарскому языкам, татарской национальной культуре. Организаторы пошли по пути разработки концепции малокомплектной школы, в которой задачи воспитания решаются с привлечением опыта отечественной мусульманской культуры и педагогики. Разработка концепции осуществляется в ходе экспериментальной работы, общая тема которой была сформулирована как «традиции национальной педагогики в современной общеобразовательной школе».

Соборная мечеть в Санкт-Петербурге — памятник архитектуры стиля северный модерн. Прекращение работ в связи с началом Первой мировой войны, революции, гражданская война и последующая разруха, особенности климата негативным образом отразились на состоянии здания. Первые выпадения облицовочных деталей с фасадов и купола мечети были зафиксированы в середине 1930-х гг., когда власти в подвале действующей мечети устроили овощехранилище и по зданию пошла сырость. В 1940 г. мечеть была закрыта, мусульманская община ликвидирована как не выполнившая в полном объеме необходимый ремонт и реставрацию. Артобстрелы и бомбежки во время Великой Отечественной войны, суровые блокадные зимы и размещение в здании склада медицинского оборудования усугубили предаварийное состояние. В 1955 г. после многолетних и многочисленных обращений городских татар, с учетом мнения советских дипломатов, принимавших делегации из мусульманских стран, мечеть была возвращена верующим. В октябре 1956 г. в Ленинград прибыла первая мусульманская делегация во главе с президентом Индонезии Ахмедом Сукарно, к приему высоких гостей готовились имам и активисты мечети. Татары собственными силами неоднократно ремонтировали крышу, делали внутренние косметические ремонты и обращались за помощью к руководству города в проведении реставрационных работ. Наконец решением Исполкома Ленгорсовета от 25 ноября 1968 г. соборная мечеть была взята под охрану государства как памятник архитектуры. В 1969 г. члены «двадцатки» (приходского комитета при мечети) заключили с Научно-реставрационными художественными мастерскими при Ленгорисполкоме подрядный договор на реставрационные работы, но вы-

яснилось, что в городе нет необходимых мастерских. Многолетние обращения общины нашли отклик лишь 1980 г., тогда 9-я мастерская ЛенНИИпроекта по распоряжению Исполкома Ленгорсовета приступила к подготовке документации, необходимой для проведения ремонтно-восстановительных работ. Майолики купола демонтировали в 1984 г., и специалисты приняли решение заменить керамическую майолику строительным фарфором. На хранение в фонды Государственного музея истории религии были переданы 12 изразцов. В конце 1988 г. изразцами из строительного фарфора была облицована башенка, венчающая один из минаретов. Ремонтно-восстановительные работы продвигались медленно: несмотря на посильную помощь мусульман — прихожан мечети, денег на завершение ремонта не хватало. Проповедь в мечети звучала на татарском языке, а по большим праздникам два раза в году среди пожилых мужчин-татар можно было увидеть 10–15 студентов-иностранцев.

В годы перестройки и гласности оказалось, что у татарской общины и востоковедов было много общих проблем. Активисты решили привлечь к ним внимание и создали 15–16 февраля 1992 г. Международный мусульманский форум. Инициаторами и организаторами форума, при поддержке Горсовета и Комиссии по правам человека, выступили татарские общественные организации и имам-хатыб соборной мечети Ж.Н.Пончаев. Основной целью форума было раскрытие духовного значения древней религии и налаживание религиозных, культурных и научных контактов. Форум собрал высоких гостей на уровне послов, прибывших из 27 стран, в том числе из Саудовской Аравии, Турции, Марокко, Пакистана, Ирака и других государств; представителей мусульманских общин из Великобритании и Финляндии, отдела исламского и индийского искусства фирмы «Сотбис», бывших республик СССР, представителей других конфессий; присутствовали советник Президента России по национальным вопросам Г.В. Старовойтова, председатель комиссии по международным делам и внешнеэкономическим связям, главный советник мэра Санкт-Петербурга В.С. Ягья, депутаты городского совета и др. Мэр Санкт-Петербурга А.А. Собчак направил приветствие, в котором пожелал «больших успехов форуму как фактору сплочения всех верующих на благо нашего прекрасного города»². Тожеественное заседание в конференц-зале гостиницы «Пулковская»

² Гусаренко Е., Абуллаева Ш. Взрыв в мечети // Смена. 1992. № 38 (20088). С. 2.

открылось чтением Корана. В рамках форума состоялась презентация фонда «Возрождение ислама, исламской культуры и мусульманских традиций в Санкт-Петербурге». Среди основных задач фонда были названы возрождение, сохранение и укрепление исламской культуры, обычаев и традиции, помощь укреплению межнациональных связей народов, установлению и укреплению финансово-экономической системы Российской Федерации как многонациональной государственной структуры. Предполагалось, что Фонд будет оказывать помощь в реставрации мечети, дворцов с исламскими мотивами в архитектурном убранстве, домов мусульманских вельмож и в создании нормальных условий для хранения древних восточных рукописей, в городе будут открыты восточная гимназия и воскресная школа при мечети. Деятельность этого фонда продолжается и в настоящее время.

В мае 1994 г. при соборной мечети был создан Попечительский совет во главе с доктором исторических наук В. С. Ягья. В состав совета вошли: академик РАН, почетный декан восточного факультета СПбГУ востоковед-иранист М. Н. Боголюбов; член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа исламовед М. Б. Пиотровский; президент фирмы «Ленстройинвест» Р. К. Галиулин; глава администрации Петроградского района города Л. К. Кошелев; руководитель мастерской № 9 АО «ЛенНИИПроект» А. В. Лаврухин и др. В 1996 г. губернатор В. А. Яковлев подписал договор между Санкт-Петербургом и Татарстаном о принципах сотрудничества в экономической, научно-технической и культурной областях, тогда Указом Президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева было учреждено Полномочное представительство Республики Татарстан в Санкт-Петербурге и Ленинградской области для осуществления торгово-экономических, научно-технических, культурных и гуманитарных связей и контактов. Мероприятия, приуроченные к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга в 2003 г. и 1000-летия Казани в 2005 г., были самым крупномасштабным проектом сотрудничества двух регионов России. В координационный совет по подготовке и проведению празднования 300-летия Санкт-Петербурга вошли: президент ЗАО «Инжстрой Санкт-Петербург» Ш. И. Акбулатов (председатель совета), глава территориального управления Адмиралтейского административного района Ю. Х. Лукманов (заместитель председателя совета), постоянный представитель Республики Татарстан в Санкт-Петербурге и Ленинградской области Ш. К. Ахметшин,

Рисунок 2. Члены Координационного Совета по подготовке и проведению празднования 300-летия Санкт-Петербурга. Слева направо: сидят — Р. Ф. Исмагилов, Ж. Н. Пончаев, Ш. И. Акбулатов, Ш. К. Ахметшин; стоят — В. С. Ягья, Ю. Х. Лукманов, Р. К. Галиулин, Р. И. Фахурдинов. 2002 г.

муфтий Санкт-Петербурга и Северо-Запада России Ж. Н. Пончаев, президент Торгово-промышленной палаты Ленинградской области, директор Института проблем региональной безопасности Р. Ф. Исмагилов, полномочный представитель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по международным связям, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В. С. Ягья, председатель фонда «Возрождение Ислама, исламской культуры и мусульманских традиций» Р. К. Галиулин, исполнительный директор фонда Р. И. Фахурдинов (рис. 2).

План мероприятий содержал важные для татар объекты, такие как завершение капитальных ремонтно-восстановительных работ в соборной мечети, благоустройство территорий вокруг мечети и татарского участка Ново-Волковского кладбища, открытие памятной доски ахуну А. Баязитову, издание книг. Специалистами из Республики Татарстан к 300-летию Санкт-Петербурга была выполнена реставрация комплекса «Пенсионерские конюшни» в Государственном музейном заповеднике «Царское Село», сделан ремонт фасадов домов по Казанской улице, произведена реставрация сквера рядом

с Казанским собором. В мае 2003 г. ремонтно-восстановительные работы соборной мечети были завершены, и 23 июня 2003 г. накануне «Петербургского Сабантуя» состоялась церемония открытия портала — главного входа в мечеть. Здание получило подсветку, выполненную специалистами из Казани.

Татарская община Петербурга имеет деловые и партнерские контакты с восточным факультетом СПбГУ, Институтом восточных рукописей РАН, Музеем истории религии, Этнографическим музеем, Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и др. Востоковеды принимают участие в мероприятиях и конференциях, организованных Духовными управлениями мусульман. Одним из совместных проектов является Парк современной скульптуры во внутреннем дворе зданий восточного и филологического факультетов СПбГУ, который постоянно пополняется интересными и необычными работами, а также памятниками ученым и поэтам. По инициативе башкирских и татарских общественных организаций были установлены бюсты: востоковеду-тюркологу Ахмеду-Заки Валиди (скульптор В. Дворник, 2007), ахуну и издателю Атаулле Баязитову (скульптор В. Абдуллина, 2011), историку и этнографу Льву Гумилеву (ск. В. Абдуллина, 2015).

Литература

1. Тагирджанова А. Н. Памятная дата. К 100-летию со дня рождения ученого-востоковеда А. Т. Тагирджанова // История Петербурга, 2007. № 3. С. 55–59.

Контактная информация:

Тагирджанова Альмира Наимовна — краевед, член Союза краеведов;
almira_tagir@mail.ru

Tatars in the life of St. Petersburg and the history of St. Petersburg University (XVIII–XXI centuries)

Almira N. Tagirdzhanova

local historian, member of the Union of local historians, St. Petersburg

For citation: Tagirdzhanova A. N. Tatars in the life of St. Petersburg and the history of St. Petersburg University (XVIII–XXI centuries). *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 570–585. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.37> (In Russian)

The article is devoted to the life of Tatars in Saint Petersburg. Along with the German and Finnish Tatar community is considered one of the oldest in St. Petersburg. In tsarist Russia, it was small, but in the Soviet period it increased. For centuries, the Tatars have served Russia faithfully. In peaceful life, they gave her many famous people-scientists, writers, artists. The essay tells about the contribution of Tatars to the life and culture of Saint Petersburg-Petrograd — Leningrad — Saint Petersburg.

Keywords: Tatars, Muslim community, Saint Petersburg, Saint Petersburg University.

References

1. Tagirdzhanova A. N. Muslim Petersburg. *Memorable date. To the 100th anniversary of the birth of the scientist-orientalist A. T. Tagirdzhanov*. Istoriya Peterburga, 2007, no. 3, pp. 55–59 (In Russian)

Author's information:

Almira N. Tagirdzhanova — local historian, member of the Union of local historians, Saint Petersburg, almira_tagir@mail.ru

УДК 910.1

Экономическая география в Петрограде (Ленинграде) в 1918–1925 гг. Очерк по истории науки

А. А. Музалёв

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Музалёв А. А. Экономическая география в Петрограде (Ленинграде) в 1918–1925 гг. Очерк по истории науки // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 586–613.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.38>

В работе отражены события первого этапа (1918–1925 гг.) становления и развития экономической географии как научного направления и учебной дисциплины в нашей стране. Рассмотрен вклад научной школы В. Э. Дена в развитие экономической географии и ее преподавание в высшей школе в Петрограде (Ленинграде) и в стране в целом. Отражены первые этапы становления географической «районной» школы, вклад С. В. Бернштейна-Когана. В очерке проводится анализ теоретических положений и идеологических предпосылок формирования разных научных школ. Проводится обзор основных научных и теоретических работ, учебников и учебных пособий этого периода.

Ключевые слова: история науки, экономическая география, научная школа, деновская школа, отраслево-статистическая школа, районная школа, хорология, географический институт, В. Э. Ден, Г. А. Мёбус, М. Б. Вольф, С. В. Бернштейн-Коган, О. А. Константинов.

Вместо предисловия. Полагаем, что многих читателей Альманаха удивит тема предложенного очерка. Предметная область сборника достаточно далека от экономической географии и тем более от истории науки. Да и широко известная общественная, научная и преподавательская деятельность В. С. Ягья, на первый взгляд, не связана с данной дисциплиной. Однако в один из периодов профессиональной деятельности Ватаняр Саидович преподавал географию в ряде высших учебных заведений Ленинграда (Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена, Ленинградском институте советской торговли), являлся членом Всесоюзного (Русского) географического общества, где работал в комиссии экономической географии. Научный вклад в африканистику так-

же отмечен географическими аспектами исследований. И поэтому сколь бы далекими ни казались читателю события, описываемые в данной статье, имена многих ученых, упомянутых в ней, были известны В. С. Ягья, который был знаком и работал лично с некоторыми героями очерка или с их прямыми учениками.

Темой отдельной статьи достойна статья работа по фактическому возрождению в отечественном научном дискурсе политической географии. В 1987 г. в Баку было проведено всесоюзное совещание по проблемам политической географии; в 1989 и 1991 гг. вышли сборники «Политическая география и современность», активное участие в этих мероприятиях принимал и В. С. Ягья. Ряд авторов настоящего альманаха (Ю. Н. Гладкий, А. И. Ибрагимов, Н. В. Каледин, В. А. Колосов) могут рассказать об этом с большим знанием действительных обстоятельств.

Так или иначе, творческая судьба Ватаняра Саидовича была связана с общественной (и, в частности, экономической) географией, поэтому автор и редакционная коллегия сочли вполне уместным включение очерка о первых этапах развития экономической географии в нашей стране в настоящий выпуск, посвященный памяти профессора В. С. Ягья.

Введение. После революции 1917 г. в нашей стране произошли изменения, которые обнаружили потребность в знаниях по экономической географии. Используя терминологию общественного дискурса того периода, можно сказать, что «строителей нового общества» необходимо было «вооружить» конкретными сведениями о хозяйстве как своей страны, так и зарубежных стран.

С течением времени экономическая география становилась «боевой», «партийной» наукой, приобретавшей большое значение в первую очередь для подготовки «руководящих партийных и советских работников», а также для «работников хозяйственного и культурного фронта». Не случайно декретом В. И. Ленина от 4 марта 1921 г. «Об установлении общего научного минимума во всех высших школах РСФСР»¹ она была включена в этот минимум.

Формирование в середине 1920-х годов в Советской России плановой экономики, планомерное размещение производительных сил поставило перед экономической географией ряд актуальных научных проблем, важных для «практики социалистического строительства».

¹ Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета. 12 марта 1921.

Существенные научные запросы были предъявлены и к экономической географии зарубежных стран, особенно в связи с зарождением в них революционных и национально-освободительных движений. Это привело к становлению экономической географии как науки и учебного предмета после 1917 г., и прежде всего в Петрограде — крупнейшем научном центре Советской России. Именно в здесь образовывалось первое научное сообщество квалифицированных специалистов, сформировалась первая в России научная школа, связанная с именем одного из немногих дореволюционных специалистов по экономической географии в России — Владимира Эдуардовича Дена².

Отраслево-статистическое направление экономической географии как научная школа профессора В.Э.Дена. В 1902 г. в Петербургском политехническом институте было организовано экономическое отделение (впоследствии факультет), в учебный план которого было включено преподавание экономической географии. К чтению курса был приглашен В.Э.Ден — выпускник и преподаватель Московского университета. Именно в Политехническом институте в Петербурге в 1902 г. была создана и первая в нашей стране университетская кафедра экономической географии. Таким образом, к 1917 г. В.Э.Ден имел уже пятнадцатилетний опыт преподавания данной дисциплины в высшей школе. Кроме того, за это время им был опубликован ряд печатных трудов: «Каменноугольная и железодобывающая промышленность» (1908, 1912), «Лес и лесное хозяйство России» (1905), «О стадиях хозяйственного развития», «О формах предприятий» (1907) [4–7]. Поэтому, когда после революции в Петрограде стали организовываться новые высшие учебные заведения, где нужно было читать курс экономической географии, обратились к В.Э.Дену как знатоку и неоспоримому авторитету в области экономической географии.

² Кто из дореволюционных ученых может быть назван специалистом по экономической географии, сказать трудно, так как они одновременно с экономической географией или до нее работали в других областях науки — экономике, политэкономии, статистике. Это в полной мере, относится и к В. Э. Дену (см. [1]). Лекции по экономической географии в высшей школе кроме В. Э. Дена читали Г. Г. Швигу и П. И. Лященко, ставший в советское время членом-корреспондентом АН СССР и академиком АН УССР [2]. Характерно, что согласно Н. Н. Баранскому [3] до революции кроме В. Э. Дена было только три автора учебников по экономической географии: В. В. Кистяковский (1911), С. Дмитриев (1914) и Н. Ф. Денисюк (1916). Кроме того, были учебники по коммерческой географии: М. Н. Соболева (1902), А. И. Чевакинского (1909) и В. В. Кистяковского (1912).

В первые годы советской власти помимо Политехнического института, где Ден был в 1917–1921 гг. деканом экономического факультета, и Института инженеров путей сообщения, где он преподавал с 1912 г. политическую экономию, Владимир Эдуардович читал лекции в Кооперативном институте (1918–1922), в Институте народного хозяйства (1920–1922), Военно-хозяйственной академии (1921–1924), Военно-политическом институте им. Толмачева (1922–1924) и других учебных заведениях Петрограда. Профессор Ден принял самое деятельное участие в организации в конце 1918 г. Географического института в Петрограде, создав и возглавив кафедру экономической географии, был членом Ученой коллегии института и руководителем его статистико-экономического сектора. При реорганизации Ученой коллегии Географического института в 1922 г. в Географо-экономический научно-исследовательский институт (ГЭНИИ) была образована секция экономической географии во главе с профессором В. Э. Деном.

Некоторое время Ден преподавал и на экономическом отделении Петроградского государственного университета. После включения в 1925 г. ГЭНИИ и Географического института в состав Ленинградского государственного университета (ЛГУ) до 1929 г. Владимир Эдуардович продолжал возглавлять кафедру экономической географии уже географического факультета.

Работая в большом количестве учебных заведений, профессор В. Э. Ден, разумеется, не мог обойтись без помощников. Однако до 1917 г. экономическое отделение Политехнического института не имело права оставлять наиболее талантливых выпускников при институте для подготовки к профессорскому званию по экономической географии. Новые научные кадры по этому направлению систематически не готовились. В. Э. Дену ничего не оставалось, как привлекать к преподаванию своих наиболее способных учеников из числа студентов старших курсов. Ученики профессора Дена сначала ассистировали ему, а затем, приобретая опыт, переходили к самостоятельному ведению занятий. В начале 1920-х годов В. Э. Ден стал резко сокращать преподавательскую деятельность. Уходя, он оставлял после себя учеников³.

³ Например, в Институте народного хозяйства — А. Д. Брейтерман, в Военно-политическом институте им. Толмачева — М. Б. Вольф, на географическом факультете ЛГУ — Г. А. Мебус.

По мере того как круг учебных заведений, где учили экономической географии, все более расширялся, увеличивалась и потребность в квалифицированных кадрах. В качестве таковых в первую очередь выступали ученики и бывшие сотрудники профессора Дена⁴. Таким образом, В.Э.Ден и его школа сыграли большую роль в первоначальной организации преподавания экономической географии во многих высших учебных заведениях Петрограда (Ленинграда).

Этим, однако, значение школы В.Э.Дена не ограничилось. Все большее распространение в Советском Союзе экономической географии как учебного предмета формировало возрастающую потребность в учебниках и учебных пособиях. Те немногие издания, которые были опубликованы до Первой мировой войны и революции, оказались столь устаревшими (и в фактологическом, и в идеологическом плане), что и в части, касающейся нашей страны, и в части, касающейся зарубежных стран, были совершенно непригодны для использования в образовательном процессе. И вот первыми составителями и авторами новых учебников и учебных пособий и явились В.Э.Ден и его ученики, его научная школа.

Уже в 1922 г. В.Э.Ден опубликовал книгу «Положение России в мировом хозяйстве. Анализ русского экспорта до войны: Статистический очерк» (изд-во Северо-западного промышленного бюро ВСНХ) [8]. Работа содержала обстоятельный статистический анализ положения довоенной России в мировом хозяйстве и в некоторой части фактического материала сохраняла актуальность достаточно длительное время⁵. В том же году В.Э.Ден выпустил в издательстве «Право» книгу «Новая Европа», где подробно рассматривалась перекройка карты европейских стран и их колоний в результате Первой мировой войны [9]. Это была первая работа на русском языке, посвященная изложению изменений на политической карте после Мировой войны 1914–1918 гг. и революции 1917 г. в России⁶.

⁴ В частности, с 1923 г. ученики В.Э.Дена — Г.А.Мебус, М.Б.Вольф и М.И.Ивановский — стали преподавать в Коммунистическом университете им. Сталина, где на всем протяжении рассматриваемого периода кафедра (предметная комиссия) по экономической географии была одной из крупнейших в Петрограде (Ленинграде). Многие годы экономическую географию там возглавлял Г.А.Мебус.

⁵ Небольшой отрывок из этой книги был через несколько лет включен в «Хрестоматию по экономической географии», составленную Н.В.Морозовым и И.С.Юньевым под редакцией Н.Н.Баранского (см. Вып. II. М., 1926. С. 148).

⁶ Одновременно вышла книга В.Водовозова «Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры» [10], которая была посвящена изложению тех же вопросов, что и книга В.Э.Дена «Новая Европа».

Обе книги профессора были использованы как учебные пособия для освоения курса экономической географии. В 1923 г. он приступил к написанию большого учебника для высшей школы, и в 1924 г. Госиздатом впервые был напечатан его объемный (на 652 страницы) «Курс экономической географии»⁷. Автором были использованы его предыдущие работы и конспекты лекций, изданные ранее литографическим способом. «Курс экономической географии» был посвящен преимущественно Советскому Союзу. Согласно давно сложившейся у профессора Дена манере изложения материала, он делал обширные экскурсы в экономику иностранных государств и вел изложение сравнительным методом. Учебник нашел широкое применение как пособие для высшей школы и уже через год — в 1925 г. — был переиздан.

В первой половине 1920-х годов профессор Ден весьма продуктивно работал как автор изданий, широко использовавшихся при преподавании экономической географии во многих высших учебных заведениях Советского Союза того времени. При подготовке научных трудов В. Э. Дену помогали его ученики — М. Б. Вольф, В. С. Клупт, Г. А. Мебус и другие. Но подобно тому как они быстро переходили к самостоятельному преподаванию экономической географии, так же вскоре стали выступать как самостоятельные авторы работ. Особенно большую известность в те годы получили М. Б. Вольф и Г. А. Мебус. За короткий срок ими были опубликованы следующие учебники и учебные пособия по экономической географии: «Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств», «Очерки экономической географии иностранных государств», «Современные государства в фактах и цифрах: краткий справочник», лекции в журнале «Коммунистический университет на дому», «Лаборатория по экономической географии СССР: пособие для трудовой школы»⁸.

⁷ Ден В. Э. Курс экономической географии. Учебник. Ленинград: Гос. изд-во, 1924. 652 с. 1 л. карт.

⁸ Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств / под ред. В. Э. Дена. 1 изд. Петроград, 1924. (2 изд. 1925); Очерки экономической географии иностранных государств. 1 изд. Петроград, 1924 (2 изд. 1925); Современные государства в фактах и цифрах. Краткий справочник. 1 изд. Ленинград, 1925. (2 изд. 1925 г.); Лекции // Коммунистический университет на дому; Лаборатория по экономической географии СССР. Пособие для трудовой школы. Ленинград, 1925.

Учебники и учебные пособия, составленные М. Б. Вольфом и Г. А. Мебусом, нашли широкое применение в работе преподавателей средней и высшей школы, поэтому они выдержали несколько последовательных переизданий. Вместе с фундаментальным «Курсом экономической географии» профессора В. Э. Дена они удовлетворяли основные потребности студентов в пособиях по данному предмету. Поэтому уже в те годы деновская школа получила значительную известность не только в Ленинграде, но и далеко за его пределами.

Помимо составления учебно-методической литературы научная школа В. Э. Дена развернула научно-исследовательскую деятельность. Она сосредоточилась на углубленном изучении отдельных отраслей хозяйства. Г. А. Мебус занимался сельским хозяйством, М. И. Ивановский — лесным делом, М. Б. Вольф — тяжелой промышленностью, Н. Б. Архипов — транспортом. Имелась и более узкая специализация: И. Д. Брейтерман изучал медную промышленность, В. С. Клупт — нефтяную, Г. А. Мебус — золотодобывающую и т. д. Результаты научно-исследовательской деятельности стали публиковаться главным образом начиная с 1926 г. Однако некоторые работы были напечатаны уже в первой половине 1920-х годов. Среди них нужно отметить монографию А. Д. Брейтермана «Медная промышленность России и мировой рынок», изданную Академией наук [11].

Можно констатировать, что деятельность деновской школы в этот период была весьма интенсивной. Профессор и его ученики поставили преподавание экономической географии во многих учебных заведениях Петрограда (Ленинграда), написали учебники и учебные пособия, начали вести продуктивную научно-исследовательскую работу. За короткий срок были опубликованы 13 книг, весьма немногочисленная по составу научная школа приобрела большой удельный вес в профессиональном сообществе, в короткий срок получила общесоюзную известность и стала задавать тон в экономико-географических кругах Петрограда (Ленинграда).

В первые годы советской науки в экономической географии была широко распространена традиционная, или отраслево-статистическая, исследовательская парадигма, берущая начало в немецкой географии. Наиболее ярким и авторитетным представителем этого научного течения и был профессор В. Э. Ден. Согласно его определению, получившему известность и признание, предметом эконо-

мической географии является «изучение современного состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни (сельского хозяйства, горной, горно-заводской и обрабатывающей промышленности, торговли, путей сообщения и средств сношений) в их географическом распространении, а также физических и культурных условий, которые так или иначе влияют на каждую из этих отраслей» [12, с. 3–4]. В духе этого определения были написаны работы как самого В. Э. Дена, так и его учеников. Они носили описательный, отраслевой и статистический характер.

Анализируя причины столь широкого распространения традиционного направления в научном и образовательном дискурсах, можно прийти к следующим заключениям. Когда экономическая география получила широкое распространение как предмет преподавания, готовых специалистов по дисциплине почти было. Даже экономическое отделение Политехнического института в дореволюционные годы научные кадры по экономической географии не готовило. Поэтому преподаванием экономической географии занимались специалисты, ранее работавшие в области экономики, статистики, физической географии или в областях знания, еще более отдаленных от экономической географии (право, финансы⁹ и т. п.). В числе их встречались и случайные люди¹⁰, в том числе обладавшие именем в своей научной области¹¹. Приступая к работе в какой-либо новой области, всегда, естественно, обращаются в первую очередь

⁹ Антоний Иосифович Буковецкий — широко образованный разносторонний экономист, основной специальностью которого были финансы, — являлся организатором и первым заведующим кафедрой экономической географии в Петроградском педагогическом институте им. Герцена. В числе членов его кафедры был М. И. Ивановский, ученик В. Э. Дена. В период широкого увлечения теорией Альфреда Вебера А. И. Буковецкий написал статью «Местонахождение промышленного предприятия». Вопросы размещения промышленности он изложил в нем не по Веберу, а в более широком и критическом плане. Это дало ему основание сделать вывод в следующей деликатной форме: «Было бы правильно отнестись к работе А. Вебера более сдержанно» [13, с. 42].

¹⁰ На Всероссийском совещании преподавателей географии 1929 г. в качестве примера сообщалось, что экономическая география преподается в Московской консерватории и ведет этот курс зубной врач [14].

¹¹ В Петроградском коммунистическом университете один учебный год (1923/24) экономическую географию преподавал Георгий Феофанович Смыкалов — знаток китайского языка, специалист по истории Китая и китайской литературы [15]. См. также: Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М.: Наука, 1977.

к тому, что было сделано ранее. Что могли взять за образец люди, впервые приступавшие тогда к преподаванию экономической географии? Они могли взять за образец только работы самого В. Э. Дена и учебники, вышедшие за последние годы перед революцией, в связи с введением экономической географии в некоторых типах (прежде всего коммерческих) учебных заведений. Учебники [3] в большинстве были написаны в традиционном описательно-статистическом ключе. Легче всего переключаться на преподавание экономической географии было статистикам. Из них, в частности, вышли и первые после революций 1917 г. петроградские профессора экономической географии: В. И. Шарый¹² и В. В. Степанов [17].

Поэтому в первые годы после революции преподавание экономической географии почти повсеместно велось у нас в отраслево-описательном, ключе. Понятно, что в том же стиле оказались и вышедшие первые учебники по экономической географии И. Г. Борисова, К. Г. Воблого, Н. П. Огановского, А. А. Сухова, П. Г. Тимофеева и др. Некоторые из этих авторов сами указывали, что понимание экономической географии они заимствуют у В. Э. Дена. И. Г. Борисов писал: «Наиболее распространенное у нас определение экономической географии принадлежит профессору В. Э. Дену, к которому в общем примыкают и другие ученые, ведущие преподавание экономической географии, как профессор Н. И. Авинов, профессор Н. П. Огановский и ряд молодых преподавателей...» Н. П. Огановский во введении к «Очеркам по экономической географии России (в связи

¹² Виктор Иванович Шарый (1870–1946) окончил в Париже медицинский факультет и занимался медициной и санитарной статистикой, затем переключился на статистику. В 1899 г. провел экспериментальное исследование утомляемости фабричных детей, в 1900 г. защитил диссертацию о дифтеритной смертности. Вернувшись в Россию, стал работать в статистическом отделе Петербургского губернского земства и заведовал статистическим отделом Совета съездов представителей торговли и промышленности. Редактировал «Статистические ежегодники», издаваемые этим Советом (1911–1913). Состоял в статистической комиссии Вольного экономического общества. Автор ряда статистико-экономических трудов [16]. После революции заведовал Петроградским отделением издательства «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Некоторое время был заместителем председателя отделения статистики Русского географического общества. Читал экономическую географию в Коммунистическом университете, где в 1921–1924 гг. был штатным профессором и возглавлял предметную комиссию, на экономическом отделении Петроградского государственного университета и в Торгово-промышленном институте (бывшие Высшие коммерческие курсы Побединского). В дальнейшем жил в Москве и работал в Госплане РСФСР.

с мировым хозяйством по новейшим статистическим материалам)» (1922) излагает «основания, которые заставляют нас принять как руководящее указание для настоящих очерков скромное определение предмета экономической географии, данное в труде профессора В.Э.Дена». П.Г.Тимофеев, напротив, не ссылаясь на В.Э.Дена и давал собственное толкование экономической географии, и его книги носили еще более отраслево-статистический описательный характер, чем, например, «Очерки...» Н.П.Огановского. Учебники И.Г.Борисова и П.Г.Тимофеева неоднократно переиздавались и имели широкое признание. Другие, менее известные, учебники, которые выходили в те годы, тоже были написаны преимущественно в традиционном ключе.

Как видно, влияние В.Э.Дена не ограничивалось лишь Петроградом (Ленинградом). Профессор Ден имел огромное число последователей по всей стране, а традиционное направление было наиболее популярным и, можно сказать, господствующим направлением в отечественной экономической географии. Профессор Ден выступал, следовательно, не только как научный руководитель небольшой группы учеников («деновской школы» в узком смысле слова), но и как глава целого направления в науке. В.Э.Ден и его ленинградские ученики представляли наиболее квалифицированную группу среди многочисленных последователей традиционного направления. По единодушным отзывам учеников, профессор Ден был превосходным учителем. Отлично владея навыками и приемами научной работы, он умел передавать это ученикам, требовал от них изучения первоисточников, критического отбора фактов и цифр, тщательной их проверки, максимальной добросовестности в научной работе. Труды представителей деновской школы отличались исключительной фактической точностью и строгой систематизацией, доброкачественностью конкретного, в особенности цифрового, материала. Большинство работ ученых деновской школы можно рассматривать как лучшие примеры работ традиционного направления. Все остальные экономико-географы как в Ленинграде, так и вне его работали изолированно, не образуя никаких научных групп или школ. Ни профессор Борисов, ни профессор Тимофеев, ни другие представители традиционного направления не «обросли» учениками и не создали вокруг себя научной школы, следовательно, профессор Ден со своими учениками образовали единственный в то время в Ленинграде и, пожалуй, во всем Союзе сплоченный науч-

ный коллектив в области экономической географии, единственную научную школу.

Формирование научной школы «географического» (районного) направления в экономической географии. Но традиционное направление в те годы не являлось единственным направлением в экономической географии. Существовало и так называемое «географическое», или «районное», направление. В противоположность статистико-описательному характеру первого, сторонники второго пытались объяснить размещение хозяйства, обосновать различия в экономике отдельных стран и местностей. Однако для объяснения использовались аргументы, связанные исключительно с физико-географической средой. Различия в развитии и размещении хозяйства определялись прямо и непосредственно различиями в природной обстановке. У одних это получалось тонко и вразумительно, у других — примитивно и неубедительно. Такой подход к экономической географии получил у его противников наименование географизма. «Вульгарный географизм» и был основным «пороком» географического направления экономической географии. Если статистики и экономисты, переключившиеся на экономическую географию, обычно следовали традиционной трактовке предмета, то географы, которые после преподавания физической географии брались за экономическую, обычно ударялись в географизм. Поскольку при тогдашней нехватке кадров очень многие физико-географы стали преподавать экономическую географию¹³, географическое направление тем самым получало много сторонников.

Степень распространения направления не была, однако, столь велика, как это может показаться на первый взгляд, судя по наличию физико-географов, которые тогда принялись за преподавание экономической географии. Не следует предполагать как нечто само собой разумеющееся, что каждый физико-географ должен был обязательно уходить в географизм. А, главное, при господстве в те годы традиционного направления многие физико-географы по тем или иным причинам (часто только потому, что таковыми были уже изданные учебники) предпочитали следовать трактовке экономической географии, наиболее распространенной в академической среде. Весьма характерно, что этой участи не избежали и некоторые вид-

¹³ Особенно вне крупных центров, где часто не оказывалось свободных статистиков и экономистов, которые могли бы заняться экономической географией.

ные географы, выступавшие в качестве авторов учебных руководств по экономической географии. Мы имеем в виду таких крупных географов и методистов того времени, как Л. Д. Синицкий и С. П. Аржанов. Первый опубликовал в Москве «Учебник экономической географии СССР», второй в Ленинграде — «Экономико-географические основы СССР»¹⁴. Книги поражают обилием статистических таблиц и цифр, а изложение выдержано в описательно-статистическом стиле, поэтому обе могут служить классическими примерами работ традиционного направления.

В 1925 г. в Ленинграде же была напечатана «Экономическая география СССР» известного географа и методиста Э. Ф. Лесгафта (11-е посмертное издание «Отечественного», переработанное В. А. Гавриловым)¹⁵. Книга полностью сохраняла традиционный характер предыдущих изданий. Этот факт, конечно, очень показателен для понимания признанности традиционного направления. Вместе с тем это в значительной мере объясняет, почему к нему примыкали и многие преподаватели, вышедшие из среды физико-географов. Поскольку географы и методисты весьма «крупного калибра» встали на путь традиционной трактовки экономической географии, то всем тем, кто привык считаться с их мнением и авторитетом в деле преподавания географии, ничего не оставалось делать, как следовать их примеру.

Несмотря на господствующее положение, традиционное направление постепенно стало подвергаться критике. Это относится и к Петрограду (Ленинграду), где деновская школа при всем своем влиянии имела не только много сторонников, но и противников.

На недостатки статистическо-описательного метода указывалось еще до революции [18, с. 113–139], но в послереволюционное время (особенно во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов) критика традиционного направления приняла острый характер. Она шла с двух идеологически противоположных сторон: со стороны экономико-географов — немарксистов и географов марксистского направления.

¹⁴ Синицкий Л. Д. Учебник экономической географии СССР. 2-е изд. М.: Новая Москва, 1925. 384 с.; Аржанов С. П. Экономико-географические основы СССР: Очерки и материалы. С прилож. табл. Ленинград: Изд-во Брокгауз–Эфрона, 1927. 332 с.

¹⁵ Лесгафт Э. Ф. Экономическая география СССР / перераб. В. А. Гаврилов. 11-е изд. Ленинград: Гос. изд-во, 1925. 208 с.

В 1922 г. в Москве была напечатана книга С. В. Бернштейна-Когана «Очерки экономической географии» — первая учебная книга по экономической географии не иностранных географов, вышедшая в стране после революции [19]¹⁶. Но значение ее было не в этом, а в том, что она, во-первых, ставила вопросы методологии экономической географии и, во-вторых, понимала данную науку не в традиционном плане, а как науку «об экономических районах и их взаимодействии». Сергей Владимирович Бернштейн-Коган учился в Высшей инженерной школе в Лозанне, в 1912 г. окончил экономическое отделение Петербургского политехнического института, где его руководителем был Петр Бернгардович Струве. Весьма вероятно, что экономико-географические воззрения С. В. Бернштейн-Коган почерпнул преимущественно у известного немецкого географа Альфреда Геттнера. Последний в статье «Задачи и методы экономической географии»¹⁷, опубликованной в 1905 г., писал: «...следует отличать экономическую географию от географической экономики, так как первая изучает экономический характер разных стран и местностей, вторая же — географическое распространение различных производств и продуктов» [20, с. 52–53]. Во многом следуя за А. Геттнером, С. В. Бернштейн-Коган писал: «...изучение географического распространения отдельных отраслей промышленности или сельского хозяйства является «Географической экономией» промышленности или сельского хозяйства, но не экономической географией» [19, с. 13]. При такой трактовке все традиционное направление, считавшее своей задачей «изучение состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни и их географического распространения» (В. Э. Ден) не признавалось экономической географией.

Книга С. В. Бернштейна-Когана произвела огромное впечатление на географическую общественность. Как отмечалось выше, в те годы многие экономико-географы были совершенными новичками, и первая работа, освещающая вопросы методологии новой для них науки, не могла не привлечь внимания. Кроме того, не всех удовлетворял отраслево-описательный стиль традиционной экономической географии, многие готовы были видеть в порайонном построении выход из создавшегося положения. Особенно сочувственное

¹⁶ Одновременно в Одессе стало выходить первое издание книг А. А. Сухова.

¹⁷ По выражению Л. С. Берга, «статья эта составляет эпоху в истории географической науки» [21, с. 13].

отношение вызывали взгляды С. В. Бернштейна-Когана у географов, стоявших тогда на геттнерианских позициях, которым весьма импонировала его трактовка экономического района как понятия, коррелятивного понятию ландшафта в «чистой» физической географии. Подкупал их и тот географизм, который пронизывал эту книгу. Неудивительно, что некоторые видные физико-географы выступали с пропагандой взглядов С. В. Бернштейна-Когана и горячей рекомендацией его «Очерков...». Правильнее сказать, что талантливо и увлекательно написанная книга С. В. Бернштейна-Когана была использована для популяризации идей А. Геттнера.

У С. В. Бернштейна-Когана оказалось немало приверженцев. С одной стороны, к нему примкнули «геттнериански» настроенные географы (профессор А. А. Григорьев [22–23], С. П. Аржанов [24]), а с другой — все те, кто был недоволен традиционной экономической географией. Появилось новое направление в экономической географии, которое в противоположность традиционному направлению с его отраслевым построением стали называть районным. Новым оно было не в том смысле, что его методология отличалась теоретической оригинальностью. Наоборот, основные методологические взгляды С. В. Бернштейна-Когана в значительной степени перекликались и коррелировали с идеями А. Геттнера. Именно так и были восприняты концепции С. В. Бернштейна-Когана теми, кто пытался разобраться в вопросах методологии экономической географии. Для примера можно обратиться к таким разным представителям экономической географии, как Н. Н. Баранский и В. Э. Ден.

Первый из них писал: «Совершенно несомненно, что взгляды Бернштейна-Когана на экономическую географию привнесены в нее не из области экономики, а из области географии. Понятие “экономического ландшафта”¹⁸ он строит по аналогии с “физико-географическим ландшафтом”, как он на это и сам указывает»¹⁹. В другом месте он же писал, что С. В. Бернштейн-Коган «по аналогии с определением физической географии у Геттнера и Берга, дал определение

¹⁸ Здесь Н. Н. Баранским допущена неточность. С. В. Бернштейн-Коган по аналогии с географическим ландшафтом строит понятие не экономического ландшафта, а экономического района.

¹⁹ Морозов Н. В., Юньев И. С. Хрестоматия по экономической географии. Ч. I / под ред. и с предисл. Н. Н. Баранского. М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1925–1926. 348 с. С. 13.

экономической географии как «науки об экономических районах и их взаимодействии» [25, с. 114–115].

Глава традиционной школы В.Э.Ден, отмечая в методологическом введении к третьему изданию «Курса экономической географии» появление в дискурсе отечественной экономгеографии нового районного направления, трактовал его как «выросшее на почве идей, получивших за последние десятилетия господство в германской географической науке». Там же профессор Ден пишет об этом во второй раз: «Новое направление, как это отмечено, заимствовало свое теоретическое обоснование из тех идей, которые за последние десятилетия получили господство в географической науке Германии, где эта наука сделала наибольшие успехи. В виду этого я начну свое изложение с рассмотрения этих идей, чтобы затем обратиться к той формулировке, какую они получили у нас в применении к экономической географии» [26, с. 12–13]. После этого В.Э.Ден излагает идеи А.Геттнера и переходит к тем формулировкам, которые эти идеи получили у С.В.Бернштейна-Когана в применении к экономической географии. По мнению В.Э.Дена, «...установленное географией, в лице главным образом Геттнера хорологическое понимание встретили у нас в отношении экономической географии весьма благодарную почву... Бернштейн-Коган... сделал попытку на основе выдвинутых Геттнером точек зрения построить экономическую географию как хорологическую науку» [26, с. 21].

Таким образом, идеи А.Геттнера до этих пор исповедовались только географами и применялись они лишь к географии, частью которой являлась экономическая география как географическая дисциплина. Новое в данном случае заключалось в том, что глашатаем идей Геттнера явился экономист, объявивший (как и представители традиционного направления) экономическую географию экономической наукой и, соответственно, заменивший местности и ландшафты коррелятивным понятием экономического района.

Еще меньше новизны вносила книга С.В.Бернштейна-Когана в практику преподавания экономической географии. Весьма характерно, что даже его сторонники не были в состоянии воспользоваться его «Очерками...» как образцом для построения экономической географии на предложенных С.В.Бернштейном-Коганом районных началах. Дело в том, что провозглашение экономической географии наукой «об экономических районах и их взаимодействии» на практике осталось у С.В.Бернштейна-Когана декларацией. Оно не было

подкреплено какими-либо убедительными примерами. Можно было ожидать, что, после того как автор объявил объектом изучения экономической географии экономические районы, отдельные страны будут им рассматриваться по районам. Но на самом деле они давались в целом. Правда, С. В. Бернштейн-Коган не следовал канонам традиционной школы, не шел по трафаретным рубрикам (территория, население, сельское хозяйство и т. д.) и давал не описание, а характеристику. Тем не менее, характеризовалась страна в целом, характеризовались ее отдельные отрасли, но отнюдь не в порайонном ключе. Иными словами, Бернштейн-Коган, провозгласив экономическую географию наукой об экономических районах и их взаимодействии, сам этого подхода в своих «Очерках...» до конца не реализовал. Неудивительно, что его сторонники, защищавшие его понимание и определение экономической географии, в своей преподавательской работе действовали по-старому, ведя ее в традиционном стиле.

Методологические диспуты в экономической географии.

Было бы неправильно из всего изложенного заключать, что книга С. В. Бернштейна-Когана осталась незамеченной. Наоборот, как уже отмечалось, она произвела большое впечатление. Она привлекла внимание и усилила интерес к методологическим вопросам экономической географии, что само по себе имело огромное значение. Районная концепция требовала связной характеристики всего хозяйства района (или страны) в целом. По сравнению со статистическим описанием отдельных отраслей, трактовавшихся традиционной школой, это было значительным шагом вперед, поднимало методологию экономической географии на более высокую ступень²⁰. «Очерки экономической географии» вызвали дискуссию между «отраслевиками» и «районщиками». Логично предположить, что именно она положила начало последовавшей позднее жесткой идеологической критике господствовавшей традиционной школы.

Не более продуктивны были дискуссии между «отраслевиками» и «районщиками» и в вопросе преподавания экономической географии. Как уже указывалось, С. В. Бернштейн-Коган, следуя А. Геттнеру, географическое размещение отдельных отраслей хозяйства относил к экономии сельского хозяйства или экономии промышленно-

²⁰ См. Предисловие Н. Баранского к «Хрестоматии по экономической географии» Н. В. Морозова и И. С. Юньева. Ч. I.

сти, подобно тому, как географическое размещение отдельных видов растений или животных относилось к ботанике или зоологии, но не к географии. Следуя этому, «районщики» отвергали отраслевое построение экономической географии. При такой постановке вопроса споры шли по поводу того, строить ли предмет в отраслевом или районном разрезе и принимали большей частью весьма упрощенный характер, поскольку в конечном итоге подчас они сводились к тому, описывать ли отрасли в пределах страны или в пределах района. Представители традиционной экономической географии не поняли того, что действительно было прогрессивным в районном направлении, а именно необходимости заниматься характеристикой, а не описанием, тогда как все дело у них оказывалось лишь в масштабах изучаемой территории. При таком обороте дискуссии спор становился беспредметным. Поэтому нет ничего странного в том, что представители традиционного направления не увидели ничего принципиально нового у «районщиков» и фактически согласились с ними. Так, профессор Ден уже в первом издании своего «Курса экономической географии» писал: «...современное состояние хозяйственной жизни может быть изучаемо экономической географией либо по отдельным отраслям хозяйственной деятельности, либо по отдельным районам. Каждый из этих способов распределения хозяйственно-статистического материала имеет свой смысл и свое оправдание, и поэтому они взаимно друг друга дополняют» [26, с. 5]. Таким образом, по В. Э. Дену вся разница сводилась к способам распределения хозяйственно-статистического материала. Аналогично этому профессор П. Г. Тимофеев заявлял: «Некоторые экономисты строят экономическую географию не по отдельным отраслям хозяйства, а по районам. Однако, трудно согласиться с теми, которые будут отстаивать “районное построение” экономической географии, как более правильную систему изложения этой науки. В сущности, обе названные системы имеют, так сказать, законное основание... Поэтому правильнее было бы считать обе системы не исключаящими друг друга и взаимно развивающимися»²¹. Нечто подобное писали М. Б. Вольф и Г. А. Мебус, заявляя, что «особых оснований к резкому противопоставлению обоих направлений в сущности нет» [27, с. 4]. Такая точка зрения в те годы высказывалась многими. Однако пред-

²¹ Тимофеев П. Г. Краткий курс экономической географии СССР (для рабочих факультетов, школ и общеобр. курсов). 3 изд. М.: ГИЗ, 1925. 202 с. С. 4.

ставители традиционной экономической географии признавали новое направление только на словах, ибо продолжали писать свои учебники лишь в отраслевом разрезе, предоставляя, по-видимому, районным разрезом заниматься «районщикам». Но последние учебников в районном разрезе не писали. Следовательно, преподавание можно было вести лишь по отраслевым учебникам, выбор книг был достаточно велик. Дискуссии шли сами по себе, а преподавание по установившемуся традиционному шаблону шло само по себе.

Что касается сети партийных учебных заведений (комвузы, совпартшколы и т. д.), то там применялся лабораторный метод обучения, при котором по каждой теме давалось задание, содержащее помимо контрольных вопросов указание на литературу. При ее подборе преподаватели брали главу из того традиционного учебника, где данная тема изложена лучше, чем в других. Кроме того, широко прибегали к книгам, не предназначенным для учебных целей, давая оттуда отдельные отрывки. Примером может служить постановка преподавания экономической географии в 1924/1925 учебном году в ведущем комвузе страны — Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова в Москве. Вот как об этом писал руководитель предметной комиссии по экономической географии Л. Я. Зиман: «Самым большим вопросом в истекшем году, равно как и в предыдущем, был вопрос об учебных пособиях, точнее о литературе. Сравнительно благополучно в этом отношении прошла первая часть курса, когда мы могли по общей географии использовать неплохой учебник Руднева и Ускова, а по экономической географии мира Очерки Дж. Хоррабина. Но совсем плохо было с экономической географией СССР. Еще перед началом занятий решено было совершенно не прибегать к безграмотно и небрежно составленному курсу проф. П. Г. Тимофеева и мало содержательному и сухому учебнику проф. И. Г. Борисова. Книжка проф. Л. Д. Синицкого не рассчитана на нашу аудиторию. Таким образом, мы были поставлены перед необходимостью использовать весьма объемистый курс проф. В. Э. Дена. Отмечавшаяся большинством студенчества расплывчатость этого курса, перегруженность его историческим материалом и недостаточность экономического анализа делали крайне затруднительным его использование. Кроме того, в этом курсе есть целый ряд зияющих пробелов. Совершенно отсутствует, например, рассмотрение столь важной отрасли промышленности, как металлообрабатывающая и, в частности, машиностроение. Отсутствие удовлетворительной

учебной литературы заставляло использовать издания, не приспособленные к учебным целям, выкраивая из них нужные кусочки» [28, с. 11]. Действительно, каждое задание²² состояло из таких кусочков. Что касается учебников, то для изучения капиталистических стран указывались отрывки из Хоррабина, Вольфа и Мебуса, книг Сухова, а по темам СССР «Курс...» В.Э. Дена шел в комбинации с «Очерками...» Огановского. Такой способ преподавания экономической географии давал возможность избежать наиболее существенных недостатков, которые были у отдельных традиционных авторов, и взять то лучшее, что у них было. Но это не меняло традиционного характера изучения предмета²³. Аналогичным образом обстояли дела и в партийных учебных заведениях Ленинграда.

Тем не менее именно из комвузов и совпартшкол впоследствии пришла идеологическая критика традиционного направления экономической географии. Особенность этой критики заключалась и в те годы, и в последующие в том, что она больше опиралась на субъективное стремление критиков оставаться на позициях марксизма-ленинизма. Не хватало им также умения применить положения диалектического и исторического материализма (может быть, даже правильно усвоенные) к экономической географии. Поэтому среди идеологических критиков были большие разногласия по вопросу о предмете, методе и содержании экономической географии. Критика «буржуазных направлений» в экономической географии (традиционного, географического, районного) велась ими тоже по-разному, хотя в осуждении отраслево-статистического направления все были весьма единодушны. Попытки критиковать положения экономической географии с марксистских позиций производились, во-первых, преподавателями политической экономии (особенно когда политическая экономия и экономическая география входили в одну кафедру или предметную комиссию), во-вторых, преподавателями экономической географии, ранее занимавшимися политической экономией (а некоторые вели преподавание одновременно обоих предметов) и, в-третьих, начинающими экономистами-географами.

²² Задания были составлены преподавателями В.М. Вольпе, Л.Я. Зиманом, М.С. Минускиным, Н.В. Морозовым и А.И. Снеговым.

²³ В 1925 г. руководителем предметной комиссии был приглашен Н.Н. Баранский, который сломал традиционный порядок преподавания экономической географии и перевел ее на «районные рельсы».

Необходимо, однако, подчеркнуть, что в противоположность последующим годам в рассматриваемый период эта критика почти не получила отражения в печати и не имела существенного влияния на развитие экономической географии. Лучшим тому доказательством является расцвет традиционного направления, который тогда имел место в СССР вообще и в Ленинграде в частности. Усилия тех, кто пытался в первое десятилетие советской власти в Ленинграде проложить пути для экономической географии, построенной на началах диалектического и исторического материализма, были недостаточно эффективны. Исключением стала работа О. А. Константинова (ему едва исполнилось 23 года), в которой была предпринята попытка сформулировать методологические основы экономической географии на новых, марксистских началах [29, с. 126].

В ней содержалась критика основных «буржуазных направлений» в экономической географии: традиционного и географического (районного). О. А. Константинов писал: «...в нашей специальной литературе этого разграничения до сих пор никто не проводил. Между тем именно в этом и заключается различие между основными течениями в экономической географии. Мы считаем, что могут быть только две точки зрения на экономическую географию: или она есть часть географии, или она есть часть экономики. Ничего среднего, никакого компромисса здесь нет и быть не может. Вопрос здесь ставится совершенно определенно и принципиально: или наука о земле, или наука об общественных отношениях, “или — или” и ничего среднего» [29, с. 18].

По мнению О. А. Константинова, оставаясь в рамках географической науки в ее тогдашнем состоянии, экономическая география была обречена на застой. Ее перестройка на марксистских началах совершенно исключалась. Наоборот, как экономическая наука экономическая география могла иметь громадные возможности для своего дальнейшего развития. Экономическое направление было в ней представлено главным образом традиционной школой. Ее описательно-статистический характер тогда многих не удовлетворял и вызывал критику. Было ясно, что прогресс по этому пути был тоже исключен. Дальнейшее развитие и перестройка экономической географии как экономической науки, очевидно, могло идти только на марксистской основе. Так это впоследствии и оказалось: «советская экономическая география» сформировалась в борьбе с «географизмом» и различными «буржуазными» экономическими «тео-

риями» на базе марксистско-ленинской политической экономии, но этот процесс наступил позже, в начале 1930-х годов.²⁴

Таким образом, точку зрения на экономическую географию как на экономическую науку, проводившуюся в книге «Предмет и метод экономической географии», автор считал прогрессивной, направляющей развитие экономической географии по правильному пути. В основу понимания сущности экономической географии было положено географическое разделение труда как пространственная форма общественного разделения труда. В результате давалось следующее определение предмета: «Экономическая география изучает хозяйственную деятельность населения той или иной территории с точки зрения общественного географического разделения труда, а также естественных и социальных предпосылок этого разделения» [29, с. 87]. Это определение принципиально отличалось от тех определений, которые были наиболее признаны научным сообществом в тот период. Такое понимание экономической географии не имело ничего общего ни с точкой зрения традиционной школы, ни с трактовкой экономической географии районным географическим направлением. Такое понимание экономической географии было шагом, направленным в сторону развития экономической географии на марксистских принципах. Впоследствии Н. Н. Баранским понятие «географического разделения труда» было сформулировано в развитии понятия «общественного разделения труда» как особая его форма.

Работа О. А. Константинова «Предмет и метод экономической географии» получила среди географов того времени широкую известность, однако была встречена географической общественностью по-разному, но в целом весьма критически. Среди представителей географического направления экономгеографии она вызвала неистовое негодование. Они опубликовали на нее резкие отзывы и еще более резко ругали ее в устных выступлениях, во время дискуссий, которые тогда имели место. Представители марксистского лагеря критиковали ее за неопределенность и даже ошибочное понимание марксизма. Так, например, в «Хрестоматии по экономической географии» Н. В. Морозова и И. С. Юньева сказано об этой работе следующее: «Брошюра эта указывается как одна из весьма немногих

²⁴ Воспоминания О. А. Константинова в записках личного архива. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, фонд Р-3303, оп. 1.

опытов дать марксистскую концепцию методологии экономической географии. Как явствует из брошюры, одного желания быть марксистом для разрешения этой задачи недостаточно. Практически вредной является проповедь “отрыва от географии”. При всем этом брошюра может быть использована, как исходный пункт для дискуссии по методологическим вопросам экономической географии»²⁵.

На Всероссийском совещании преподавателей географии в мае 1929 г. многие участники подходили к О. А. Константинову, чтобы познакомиться с молодым автором, осмелившимся предложить оторвать экономическую географию от географии. Но в дальнейшем она была включена в список запрещенных книг и снята с книжных полок библиотек. Причина в том, что в ней была ссылка на книгу крупного политического деятеля того времени и ученого экономиста Н. И. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» (кстати, вышедшей с предисловием В. И. Ленина)²⁶, так как ее автор был объявлен врагом народа. «Предмет и метод...» сохранился лишь в личных библиотеках поколения «географов-классиков», а последующие поколения преподавателей и исследователей о нем, скорее всего, ничего не знали и даже не слышали.

Впервые после долгого перерыва эта работа была упомянута Ю. Г. Саушкиным (без указания ее названия) в сборнике «Экономическая география в СССР. История и современное развитие» [30, с. 78]. При подготовке III издания Большой советской энциклопедии в словник была включена фамилия О. А. Константинова, и заведующий географической редакцией БСЭ М. С. Розин запросил у Олега Аркадьевича необходимые сведения, в том числе и перечень публикаций. В последний он включил и «Предмет и метод...», не зная, что этот труд упоминать нельзя. Естественно, что Главлит потребовал из перечня публикаций О. А. Константинова эту работу исключить. Тогда, по словам М. С. Розина, первый заместитель главного редактора С. М. Ковалев (только что вступивший на смену умершему Л. С. Шаумяну) приказал статью о Константинове вообще изъять²⁷.

В 1973 г. Ю. Г. Саушкин вернулся к этой публикации, но вновь не приводя ее названия: «Наличие вульгарных буржуазных антрополого-

²⁵ Хрестоматия по экономической географии. Н. В. Морозов, И. С. Юньев / под ред. Н. Н. Баранского. Т. 1. 2-е изд. М., 1927. С. 402.

²⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. С. 93–98.

²⁷ Воспоминания О. А. Константинова в записках личного архива. ЦГА СПб, фонд Р-3303, оп. 1.

графических концепций, которые отождествляли экономическую географию с фитогеографией и зоогеографией, вызвало появление брошюры О. А. Константинова о предмете и методе экономической географии (1926), в которой он тогда призывал экономико-географов «окончательно порвать с географией», имея в виду буржуазную географию» [31, с. 104]. В начале 1980-х годов появились публикации, в которых эта книга приводится с ее названием [32, с. 539; 33, с. 40]. Можно думать, что запрет на нее был снят или просто забыт.

Сам О. А. Константинов так писал об этой работе: «Конечно, как теоретическая работа, эта была написана весьма примитивно. В ней много неточных и ошибочных формулировок, непоследовательностей и противоречий. Она может служить ярким показателем того низкого теоретического уровня, на котором тогда находилась экономическая география»²⁸.

Заключение. Автор, останавливая на этом рассмотрение развития экономической географии в период 1918–1925 гг. в Петрограде (Ленинграде) (и в стране вообще), может констатировать, что этот период характеризуется следующими чертами.

1. Активное распространение преподавания экономической географии в учебных заведениях самого различного типа и переключение на этот процесс большого количества специалистов из других областей знания (экономистов, статистиков, физико-географов, историков и т. д.).

2. Наличие в экономической географии двух направлений: одно считало экономическую географию наукой экономической, другое — географической. Оба не стояли на «истинно марксистских позициях».

3. Экономическое направление было представлено школой профессора В. Э. Дена, традиционно трактовавшей экономическую географию в описательном отраслево-статистическом стиле. Эта школа развернула интенсивную преподавательскую, научную и издательскую деятельность, ее понимание экономической географии получило в стране широкое распространение.

4. Географическое направление опиралось на идеи Альфреда Геттнера и антропогеографов. Оно стояло на позициях географического детерминизма и было представлено известными профессорами

²⁸ Воспоминания О. А. Константинова в записках личного архива. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, фонд Р-3303, оп. 1.

географами (А. А. Григорьев, С. П. Аржанов и др.) и учителями средней школы.

5. Экономист С. В. Бернштейн-Коган, развивая идеи А. Геттнера, предложил по аналогии с ландшафтами физической географии понимать экономическую географию как науку об экономических районах и их взаимодействии. Это географическое направление стали называть районным, что поколебало господствующее положение традиционной школы.

6. В результате в экономической географии сформировалось два направления: отраслевое (традиционное), оформленное в теоретическом и институциональном плане, и районное (географическое), начавшее формироваться в плане теории и институтов. Они не вели между собой теоретической борьбы, а существовали параллельно как разные подходы к изучению единого объекта.

7. С опорой на положения марксизма была сделана попытка провозгласить, теоретически обосновав, экономическую географию наукой о пространственной форме общественного разделения труда, то есть экономической наукой.

8. Экономическая география как наука и предмет преподавания в 1918–1925 гг. фактически не принимала участия в очень важных событиях в жизни страны: плана ГОЭЛРО (1920), проекта экономического районирования Госплана (1922), образования Союза Советских Социалистических Республик (1922), обсуждения вопросов экономического районирования на XII съезде партии (1923), национально-государственного размежевания в Средней Азии (1924), районирования Украины (1923–1924), Урала (1923–1924) и Северного Кавказа (1924–1925). Эти факты в некоторых учебниках приводились, но на развитие и перестройку экономической географии они никак не повлияли. Между тем, как видно, в этот период был внесен значительный вклад в теорию и практику районирования. Этот вклад начал сказываться на развитии и перестройке экономической географии только в период 1926–1929 гг.

Литература

1. *Вольф М. Б.* Владимир Эдуардович Ден // Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. 1949. № 1 (Материалы по истории института). С. 71–79.
2. Петр Иванович Лященко. Библиографический указатель. Киев, 1961.

3. Баранский Н. Н. Исторический обзор учебников географии: 1876–1934. М.: Географгиз, 1954. 503 с.
4. Ден В. Э. Каменноугольная и железодобывающая промышленность. СПб.: Студ. касса взаимопомощи при С.-Петерб. политехн. ин-те имп. Петра Великого, 1912. 241 с.
5. Ден В. Э. Лес и лесное хозяйство России. СПб.: [б. и.], 1905. 73 с.
6. Ден В. Э. О стадиях хозяйственного развития. СПб.: [б. и.], 1907.
7. Ден В. Э. О формах предприятий // Известия С.-Петерб. политех. ин-та, экон. отделение, 1907. Т. 7. С. 51–90.
8. Ден В. Э. Положение России в мировом хозяйстве. Анализ русского экспорта до войны: Статистический очерк. Петроград: 25-я Государственная типография, 1922. 168 с.
9. Ден В. Э. Новая Европа. Петербург: Право, 1922. 152 с.
10. Водовозов В. В. Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры. Петербург: Гос. изд-во, 1922. 208 с.
11. Брейтерман А. Д. Медная промышленность России и мировой рынок. Петроград: Академия наук, Ч. I — 1922, Ч. II — 1925. 116 с.
12. Ден В. Э. Очерки по экономической географии. Ч. I. Сельское хозяйство. СПб.: Типография «Правда», 1908. 386 с.
13. Буковецкий А. И. Местонахождение промышленного предприятия // Организация средств производства. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 7–43.
14. Всероссийское совещание преподавателей географии, 1929 // Известия Всесоюзного географического общества. Вып. 3. 1929.
15. Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. 595 с.
16. Шарый В. И. Статистический очерк кожевенной промышленности и торговли / Всерос. об-во кожевен. заводчиков. Петроград: Тип. К. П. Шрадер, 1917. 55 с.
17. Константинов О. А. Виктор Владимирович Степанов // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 82. Вып. 5. Л.: Академия наук СССР, 1950. С. 560–561.
18. Швиттау Г. Г. Экономическая география в общей системе экономических наук // Журнал Министерства народного просвещения. Петроград, 1916. № 4. С. 113–139.
19. Бернштейн-Коган С. В. Очерки экономической географии. М.: Гос. изд-во, 1922. 196 с.
20. Геттнер А. Задачи и методы экономической географии. Пер. с нем. Р. Мусселиус // Вопросы страноведения. М.; Л.: Моск. акц. изд. об-во, 1921. 92 с.
21. Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза. М.: Географгиз, 1947. 397 с.
22. Григорьев А. А. Экономическая география как географическая дисциплина и вопросы районирования // Географический вестник. Т. 1. Вып. 2–3. Петроград, 1922.
23. Григорьев А. А. Задачи и методы экономической географии // Вопросы страноведения. М.; Л.: Моск. акц. изд. об-во, 1925.
24. Аржанов С. П. Обзор экономико-географической литературы // Сб. ст. Вопросы экономической географии в школе и жизни / под ред. проф. С. П. Аржанова и И. С. Симонова. Л.: Изд. Брокгауз-Ефрон, 1925.

25. Баранский Н. Н. Вопросы преподавания экономических дисциплин // Материалы метод. конференции преподавателей совпартшкол по экон. дисциплинам / Главполипросвет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 178 с.
26. Ден В. Э. Курс экономической географии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 595 с.
27. Северо-Западная область / сост. М. Б. Вольф, Г. А. Мебус. Л.: Гос. изд-во, 1926. 162 с.
28. Лабораторный план. Методика и задания. Экономгеография. Мироведение. Материалы по вопросу преподавания экономической географии и мироведения в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. М.: Изд. Комм. ун-та им. Свердлова, 1926.
29. Константинов О. А. Предмет и метод экономической географии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 136 с.
30. Саушкин Ю. Г. Экономическая география в СССР. История и современное развитие. М.: Просвещение, 1965. 663 с.
31. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 560 с.
32. Известия Всесоюзного географического общества. 1982. Вып. 6.
33. Современная география. Л.: Наука, 1984.

Контактная информация:

Музалёв Антон Александрович — магистр географии, аспирант;
a.muzalev@spbu.ru

Economic Geography in Petrograd (Leningrad) in 1918–1925. Essay on Science History

Anton A. Muzalev

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

For citation: Muzalev A. A. Economic Geography in Petrograd (Leningrad) in 1918–1925. Essay on Science History. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 586–613. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.38> (In Russian)

In work events of the first stage (1918–1925) of formation and development of economic geography as scientific direction and subject matter are reflected in our country. The contribution of Vladimir E. Den's school of sciences to development of economic geography and its teaching at the higher school in Petrograd (Leningrad) and in the country in general is considered. The first stages of formation of geographical “regional” school, Sergey V. Bernstein-Kogan's contribution are reflected. In an essay the analysis of theoretical provisions and ideological prerequisites of formation of different schools of sciences is carried out. The review of the main scientific and theoretical works, textbooks and manuals of this period is carried out.

Keywords: science history, economic geography, school of sciences, statistical geographical school, regional geographical school, chorology, geographical institute, Vladimir E. Den, Genrikh A. Myobus, Mark B. Wolf, Sergey V. Bernstein-Kogan, Oleg A. Konstantinov.

References

1. Wolf M. B. Vladimir Eduardovich Den. Proceedings of the Leningrad Polytechnic Institute named after M. I. Kalinin, 1949, no. 1 (Materials on the history of the Institute), pp. 71–79. (In Russian)
2. Pyotr Ivanovich Lyashhenko. Biobibliographic index. Kiev, 1961. (In Russian)
3. Baransky N. N. *Historical review of geography textbooks: 1876–1934*. Moscow, Geografiz Publ., 1954. 503 p. (In Russian)
4. Den V. E. *Coal and iron industry*. St. Petersburg, Stud. kassa vzaimopomoshhi pri S.-Peterb. politexn. in-te imp. Petra Velikogo, 1912. 241 p. (In Russian)
5. Den V. E. *Forest and forestry of Russia*. St. Petersburg, 1905. 73 p. (In Russian)
6. Den V. E. *On stages of economic development*. St. Petersburg, 1907. (In Russian)
7. Den V. E. About the forms of enterprises. *Izvestiya S.-Peterb. politex. in-ta, ekon. otdelenie*, 1907, vol. 7, pp. 51–90. (In Russian)
8. Den V. E. *The Position of Russia in the world economy: Analysis of Russian exports before the I World War: Statistical essay*. Petrograd, 25-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1922. 168 p. (In Russian)
9. Den V. E. *The New Europe*. Petersburg, Pravo Publ., 1922. 152 p. (In Russian)
10. Vodovozov V. V. *Western Europe and America after the war. Facts and figures*. Petersburg, Gos. izd-vo Publ., 1922. 208 p. (In Russian)
11. Breiterman A. D. *The Copper industry of Russia and the world market*. Petrograd, Academy of Sciences, Part I — 1922, Part II — 1925. 116 p. (In Russian)
12. Den V. E. *Essays on economic geography*. Part. I. Agriculture. St Petersburg, Tipografiya «Pravda», 1908. 386 p. (In Russian)
13. Bukovetsky A. I. *Location of the industrial enterprise*. Organization of means of production. Moscow; Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1926, pp. 7–43. (In Russian)
14. All-Russian meeting of geography teachers, 1929 *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. Iss. 3. 1979. (In Russian)
15. Asian Museum-Leningrad branch of the Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences. Moscow, Nauka Publ., 1972. 595 p. (In Russian)
16. Shary V. I. Statistical Essay of the Leather Industry and Trade. *All-Russian society of leather breeders*. Petrograd, Tip. K. P. Shrader, 1917. 55 p. (In Russian)
17. Konstantinov O. A. Viktor Vladimirovich Stepanov. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 82, Iss. 5. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950, pp. 449–568. (In Russian)
18. Shvittau G. G. Economic geography in the General system of economic Sciences. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, Petrograd, 1916, no. 4, pp. 113–139. (In Russian)
19. Bernstein-Kogan S. V. *Essays on economic geography*. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1922. 196 p. (In Russian)

20. Gettner A. *Problems and methods of economic geography*. Transl. from the German by R. Musselius. Collection of articles "Questions of country studies". Moscow; Leningrad, Mosk. akcz. izd. ob-vo, 1921. 92 p. (In Russian)
21. Berg L. S. *Geographical zones of the Soviet Union*. Moscow, Geografiz Publ., 1947. 397 p. (In Russian)
22. Grigoriev A. A. Economic geography as a geographical discipline and zoning issues. *Geograficheskij vestnik*, vol. 1, Iss. 2–3, Petrograd, 1922. (In Russian)
23. Grigoriev A. A. Problems and methods of economic geography. *Collection of articles "Questions of country studies"*. Moscow; Leningrad, Mosk. akcz. izd. ob-vo, 1925. (In Russian)
24. Arzhanov S. P. Review of economic and geographical literature. *Collection of articles "Questions of economic geography in school and life"*. Ed. by S. P. Arzhanov and I. S. Simonov. Leningrad, Publ. Brockhaus-Efron, 1925. (In Russian)
25. Baransky N. N. Questions of teaching economic disciplines, *Materialy metod. konferencii prepodavatelej sovpartshkol po ekon. Disciplinam*. Moscow; Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1927. 178 p. (In Russian)
26. Den V. E. *Course of economic geography*. Moscow; Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1928. 595 p. (In Russian)
27. North-Western region. Comp. M. B. Wolf, G. A. Mebus. Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1926. 162 p. (In Russian)
28. Laboratory plan (the compendium). Methods and tasks. Econogeographic. World studies. Materials on the teaching of economic geography and world studies at the Y. M. Sverdlov Communist University, Moscow, Izd. Komm. un-ta im. Sverdlova, 1926. (In Russian)
29. Konstantinov O. A. *Subject and method of economic geography*. Moscow; Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1926. 136 p. (In Russian)
30. Saushkin Yu. G. Collection of articles: "Economic geography in the USSR. History and modern development". Moscow, Prosveschenie Publ., 1965. 663 p. (In Russian)
31. Saushkin Yu. G. *Economic geography: history, theory, methods, practice*. Moscow, Mysl Publ., 1973. 560 p. (In Russian)
32. Bulletin of the All-Union Geographical Society. 1982. Iss. 6. (In Russian)
33. *Modern geography*. Moscow, Nauka Publ., 1984. (In Russian)

Author's information:

Anton A. Muzalev — master of geography, postgraduate; a.muzalev@spbu.ru

УДК 911.3:32

Возникновение и становление политической географии в России

Н. В. Каледин, А. Б. Елацков

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Каледин Н. В., Елацков А. Б. Возникновение и становление политической географии в России // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 614–626. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.39>

В статье рассмотрены такие малоизученные вопросы, как возникновение и становление политической географии как научно-образовательного направления в России. Показаны особенности генезиса и развития политической географии в России в рамках двух научно-образовательных парадигм — государствоописательной (с конца 1730-х годов по конец XIX в.) и антропогеографической (с конца XIX в. по первую треть XX в.). Обозначены основные идеи и названы главные имена в рамках каждого этапа. Проведен сравнительный анализ генезиса термина «политическая география» в России и европейских странах.

Ключевые слова: политическая география, научно-образовательная парадигма, государствоописательная парадигма, антропогеографическая парадигма.

Современная политическая география в России — признанное и самостоятельное направление общественно-географической науки со сложной, еще не полностью изученной историей. Ее наиболее динамичными и достаточно известными современным географам-обществоведам страницами были 1980–1990-е годы. Тогда, в ходе процессов «перестройки», распада СССР, рождения постсоциалистического мира и новой России, закономерно происходило фактически возрождение и утверждение политической географии — старейшей, как будет показано ниже, научной области общественно-географического знания. Активным участником этого процесса был один из ведущих советских и российских политико-географов профессор Ватаняр Саидович Ягья. Его перу принадлежат десятки статей по различным аспектам политической географии и один из первых в стране новых политико-географических учебных кур-

сов для студентов-международников. В период дискуссий о месте нашей науки в системе научного знания он последовательно (например, как участник ставшего историческим всесоюзного совещания в Баку в 1987 г.) отстаивал позицию ее самостоятельной роли в рамках общественной географии и «несостоятельности попыток “удержать” политическую географию в подчиненном положении в пределах традиционной экономической географии» [1, с. 32]. При этом им предлагалось справедливое и сегодня понимание политической географии как общественно-географической науки, изучающей закономерности формирования, функционирования и развития политико-территориальной организации общества, представляющей собой «органическую часть территориальной организации общества» [1, с. 33]. Немало внимания им уделялось и связям современных политико-географических явлений с историческим прошлым. Это касается и самой политической географии, ее генезиса, тех исторических форм, типов научного знания о ее предмете и круге явлений, которые она прошла в своем развитии. Остановимся на этом подробнее.

Начало разработки научных политико-географических и геополитических представлений было одним из результатов эпохи Великих географических открытий, в том числе российских, стимулировавшей возникновение потребности в специальных науках и научном знании о странах и регионах мира. Его можно отнести к первой четверти XVIII в. — становлению имперского периода российской истории. Именно в этот период трудами сподвижников императора Петра I создаются по европейским образцам научная и образовательная системы страны, первые научные школы и институты, среди которых ключевыми были Академия наук и Академический университет (1724 г.) в новой столице империи — Санкт-Петербурге. Развивать и преподавать науки в них были приглашены ученые из Нидерландов, Англии, Франции, германских государств. Дальнейшее развитие политико-географического и геополитического познания можно рассматривать как смену ряда их исторических типов или научно-образовательных парадигм. Каждая из них отличалась от других методологической и теоретической основой, характером предметной области, тематическими приоритетами. Через эти парадигмы прошло развитие политической географии не только в России, но и в других странах [2, с. 22–23].

Остановимся на самой ранней парадигме, связанной с возникновением политической географии как науки. Эту исторически пер-

вую парадигму можно назвать государствоописательной. Время ее активного развития занимает в России период с конца 1730-х годов примерно до последней четверти XIX в.

С ней связаны возникновение и становление политической географии как науки и образовательной дисциплины, предметом которой стало комплексное описание стран, а главным методологическим принципом — «государственно-географический» подход: отбор и систематизация эмпирического материала по территориям государств или их административным единицам — в силу «политической» (в терминологии еще Аристотеля), то есть «государственной», привязанности такой информации. Попыток же объяснения политических явлений было мало. Эта парадигма олицетворяла общественно-географическое направление в географии до конца XIX в. Государствоописание обычно исходило из принципов географического детерминизма и развивалось в конкуренции и симбиозе с более прагматичной статистикой (камеральной, политической, военной), также систематизировавшей разнообразные знания о жизни государства (ит. *Stato*). Об этом свидетельствует и название первой российской общественно-географической кафедры географии и статистики, созданной в Санкт-Петербургском университете в 1819 г.

В России развитие политической географии происходило в целом синхронно с европейскими странами. При этом в истории географической науки разными авторами утверждалось, что появление и становление политической географии относится ко второй половине XVIII в. и связано с именем крупного немецкого географа и богослова, геттингенского профессора А. Ф. Бюшинга (Büsching) (1724–1793). По мнению Ф. Ратцеля, политическая география А. Бюшинга «господствовала над всеми политическими географиями» до конца XIX в. [3, с. 47].

Действительно, в 1754 г. в Гамбурге началось издание прославившего Бюшинга 11-томного политико-географического труда, на многие десятилетия ставшего основой написания справочных и учебных страноведческих произведений в Европе и в России. По оценке исследователя учебников географии XVIII–XIX вв. Л. Весина, этот труд Бюшинга был главным источником при составлении первого российского подробного учебника по политической географии И. М. Гречем и С. Ф. Наковольниным [4], который издавался в Санкт-Петербурге в четырех частях с 1758 г. (первая часть — перевод с не-

мецкого) по 1772 г. и был назван одним из лучших пособий XVIII в. по географии [5, с. 25–28]. Но в книгах А. Бюшинга собственно термин «политическая география» почти не употребляется. Вместо него активно используется «politische Erdbeschreibung» (политическое землеописание). Однако термин присутствует в русскоязычном переводе некоторых глав труда Бюшинга, изданном в 1766 г. в Московском университете [6]. Термин «политическая география», видимо, был использован переводчиком как более удобный и уже более предпочтительный в России синоним «политического землеописания». Политической географии посвящен специальный раздел (параграф 38, с. 39–40) с указанием, что политическая география «рассуждает о разделении земного шара и живущих на нем на разные области, безопасность и благополучие которых» обеспечивается различными видами правления — монархиями и республиками. К ее интересам относятся также внутренние различия («разделения») этих областей по особенностям их географии и управления, по доходам, юридическое (судебное), церковное и военное разделение [6, с. 40].

Однако анализ малоизвестных российских публикаций XVIII–XIX вв. позволяет сделать вывод о более раннем, чем у Бюшинга, появлении в России политической географии как нового термина и направления в географии. В частности, 280 лет назад, в 1738 и 1739 гг., Петербургской академией наук было издано первоначально на немецком, а затем на русском языках «Краткое руководство к математической и натуральной географии» немецкого профессора на российской академической службе Г. Крафта (G. Krafft) [7], преподававшего также географию с 1725 г. в Академическом университете и в Академической гимназии. Именно в этих изданиях впервые в России был применен термин «политическая или историческая география» [7, с. 2, 235] для обозначения одного из направлений в структуре географии, описывающего разные страны и земли, «которые на различные государства, области и города разделяются и владениям великих Потентатов подвержены» [7, с. 2]. Правда, Г. Крафт еще относил политическую географию к истории, а не к географии. Потому и не рассматривал ее подробно. А в 1745 г. в Академии наук был издан на русском и немецком языках в качестве учебника и комментария к атласу 1737 г. труд его коллеги по академии немецкого профессора Х. Н. Винсгейма (H. N. Winsheim) «Краткая политическая география...» с описанием крупнейших государств мира (см. рис.). Специальное краткое определение науки отсутствует, но в русском из-

дании есть вводный раздел с заголовком «Политическая география» [8, с. 7–10], в котором, как и в последующих главах (с. 11–344) рассматриваются объекты, которые она изучает: деление Земли на части света с особенностями их географического положения, форм государственного правления в странах, описание специфики каждой части света, крупных государств, их административных единиц, городов, ресурсов, производства товаров, путей, особенностей населения, достопримечательностей и др. Интересно отметить, что Винсгейм еще считал, что политические вопросы («различие силы, высочества и прочих преимуществ») не относятся к предмету географии. Но при этом указывал на важность их географического изучения [8, с. 6]. В 1760 г. этот труд был отмечен Бюшингом в его «Новом землеописании...» [9, s. 11]. И это была первая в мире книга, названная именно политической географией.

Очевидно, что А. Бюшинг как классик политической географии не имел отношения к ее появлению в России. Его роль в становлении науки, на наш взгляд, можно оценить как учебно-методическую и популяризаторскую, связанную с созданием первого в мире многотомного описания стран по политико-географической методике того времени (можно назвать его методом политического землеописания). А интерес к его созданию, возможно, появился у Бюшинга после 1748 г., когда он впервые прибыл в Санкт-Петербург, где переводил на немецкий язык труды по истории России в Академии наук и взаимодействовал с названными немецкими учеными — инноваторами политической географии в России (а после приезда в 1761 г. он несколько лет возглавлял старейшую немецкую гимназию «Петришуле» в Санкт-Петербурге).

Появление термина «политическая география» в трудах Крафта и Винсгейма, на наш взгляд, можно связать с их знакомством с более ранними суждениями немецких авторов о структуре географии. Так, в 1727 г. богослов и географ, член Прусской Академии наук Э. Хаубер употребляет наряду с *Geographia Naturali* термин *politischen Geographie* [11, s. 65, 172]. Через немецких авторов в Россию транслировались и более ранние нововведения термина в других странах. Возможными первоисточниками «передачи» термина в Россию следует рассматривать и более ранние, чем немецкие, издания, вышедшие в Великобритании, Франции, Нидерландах. В частности в 1722 г. в Лондоне была опубликована книга Пашуда «Историко-политическая география» с концепцией политико-географи-

КРАТКАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФІЯ

къ
ИЗЪЯСНЕНІЮ

ИЗДАННАГО НА РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ
НЕБОЛЬШАГО

АТЛАСА,

Сочиненная

для употребленія

гимназій

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУКЪ

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ 1745. ГОДА.

Kurzgefaßte
Politische Geographie

zur

Erläuterung

eines kleinen, in Rußischer Sprache
publicirten

ATLANTIS

entworfen

bey der

Kaiserl. Academie der Wissenschaften.

St. Petersburg,

1745.

Рисунок. Титульные листы русского и немецкого изданий

«Политической географии» Х. Н. Винсгейма 1745 года

Источник: [8; 10].

ческого страноведческого описания и ее детальной реализацией на примере Великобритании [12]. А еще в 1665 г. в Париже был издан труд французского историка и картографа, учителя географии будущего короля Франции Людовика XIV Николя Сансона «Введение в географию» с главой «География политическая или гражданская» (*Civile*), в которой она рассматривается как составная часть исторической географии [13, р. 61]. Отдельные случаи употребления термина встречались и ранее.

Расцвет государствоописательной парадигмы политической географии в России пришелся на первую половину XIX в., проходил в конкуренции со статистикой и был связан с деятельностью профессоров К. Ф. Германа (представителя геттингенской школы камеральной статистики), Е. Ф. Зябловского и К. И. Арсеньева на кафедре географии и статистики Санкт-Петербургского университета. В частности, Зябловским была сформулирована первая в России полная государствоописательная концепция политической (или

гражданской) географии как раздела «всеобщей географии» [14]. Им были выделены четыре «материи» науки, относящиеся ко всему земному шару: 1) его деление на части света и государства с понятиями о государстве и его делах; 2) различия типов правления, административное деление; 3) характеристика населения мира, его структуры; 4) виды хозяйственной деятельности человека. Кроме того, политическая география разделялась им на нравственную (география народов), богословскую (религии), коммерческую и библейскую.

«Статистические очерки России» другого университетского профессора — К. И. Арсеньева — можно назвать еще одной вершиной рассматриваемой парадигмы политической географии применительно к одной стране [15]. Арсеньев известен как руководитель Статистического комитета министерства внутренних дел, академик, один из основателей Русского географического общества (1845), а также как преподаватель географии, статистики и истории будущему императору Александру II, которому и посвятил указанный труд.

Помимо политико-географической характеристики и одного из первых опытов природно-хозяйственного районирования страны на десять «пространств» (за что ученый уже в XX в. был признан классиком экономического районирования), Арсеньевым была детально проанализирована эволюция территориально-политической структуры российского государства, дана комплексная оценка сложившихся границ и положения в мире в сравнении с Британской империей. Также были выделены этапы формирования административного деления и обосновано представление о радиальной структуре территориально-политического могущества России с позиций «центр — колонизируемая периферия» [15, с. 1–160]. При этом периферии отводилась вспомогательная роль «главной и великой силы, заключающейся в собственно Русских землях» [15, с. 25–26].

Политико-географические представления оказали существенное влияние на российскую общественно-политическую мысль, в частности, на по сути политико-географические проекты декабристского движения по реформированию России. Так, в документе «Русская правда», подготовленном П. И. Пестелем и принятом в 1823 г. в качестве программы Южного общества декабристов, предлагались радикальные изменения в государственном управлении: революционное свержение монархии и превращение России в демократическую унитарную республику с однопалатным Народным вече (парламент).

Для целей успешного революционного движения предлагалось специальное районирование России [16, с. 154–155]. Не меньшей радикальностью отличался проект «Конституции», подготовленный в 1822–1825 гг. под руководством Н. М. Муравьева и предполагавший превращение России в демократическую конституционную монархию — федеративное государство, состоящее из 13 держав и двух областей. Оба проекта предполагали перенесение столицы в Нижний Новгород [16, с. 155–156].

Однако с середины XIX в. политическая география постепенно вытесняется из университетского образования и названий научных и учебных изданий более прагматичной статистикой, фактически включившей в себя предмет политической географии. Последняя также отсутствует в новой структуре географии, представленной в конце 1880-х — начале 1890-х гг. в трудах российских географов [17]. Аналогичный процесс происходил и в военной географии, которая к концу XIX в. заменяется военной статистикой как более комплексной (Д. А. Милютин). Описательная парадигма уже не удовлетворяла запросов практики.

Однако рассмотренная государствоописательная парадигма была исторически необходимой ступенью последующего восхождения политической географии к новому научно-объяснительному качеству, методологической основой которого стал антропогеографический подход к познанию различных человеческих сообществ, в том числе государств с позиций их единства, соразвития с особенностями естественно-географического пространства.

Дальнейшее развитие политической географии в России связано с оформлением новой парадигмы — антропогеографической. Период ее бурного развития занимает время с конца XIX в. до 1920-х годов. В Европе переход к этой новой, уже научно-объяснительной, парадигме завершается, по-видимому, работами Ф. Ратцеля конца XIX — начала XX в., отмечавшего, что его «Политической географией» (1897) [18] была предпринята первая попытка сделать эту дисциплину научной, поскольку от традиции, заложенной А. Бюшингом, она отличалась основательностью описаний, но «бедностью мыслей» и была не в состоянии «глубже объединить собранные факты» [3, с. 47]. В России книга Ф. Ратцеля в переводе была издана через год [19], но ощутимого влияния на российскую географию не оказала в силу самостоятельности собственной антропогеографической школы и специфики политической жизни того периода.

Одной из первых антропогеографических работ, правда, написанной в эмиграции, стала книга Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» [20]. В России переход к новой парадигме завершается накануне Первой мировой войны трудами выдающегося географа-страноведа В. П. Семенова-Тян-Шанского, ставшего подлинным «отцом» обновленной науки [21; 22]. Его научными предшественниками и современниками были В. И. Ламанский, П. П. Семенов-Тян-Шанский и А. И. Воейков.

Он рассматривал политическую географию как «итоговое», синтетическое и многоуровневое знание, географию «территориальных и духовных господств человеческих сообществ» [21, с. 40], науку, изучающую «пространственные взаимоотношения территориального могущества отдельных человеческих сообществ — государств» [21, с. 169]. Географо-детерминистские принципы политической географии Ф. Ратцеля и его последователей были дополнены им фактором производительных сил, экономической деятельности человека. Им также были выделены исторические формы «могущественно-территориального владения» («средиземноморская» (Древний Рим, Швеция в XVII в.), «клочкообразная» (Британская империя), «чрезматериковая» (США, Россия) как результаты действия природных, исторических, экономических и культурных факторов территории). Применительно к России В. П. Семеновым-Тян-Шанским было проведено исследование развития «чрезматериковой» системы территориально-политического могущества, ее преимуществ, недостатков и перспектив. В этих представлениях очевидно усиление геополитических и антропогеографических аспектов, что прослеживается и в трудах зарубежных и отечественных современников В. П. Семенова-Тян-Шанского.

Одним из более поздних вариантов антропогеографической парадигмы политической географии с указанной тенденцией можно рассматривать «евразийство» — историко-философскую и антропо-политико-географическую концепцию об особом «месторазвитии» и исторической миссии России, «российского мира», отличающихся своеобразным (евразийским) историко-культурным единством, обусловленным географической и этнографической целостностью территории [23]. Необходимо также отметить сложившиеся преимущественно на антропогеографической основе несколько раньше и параллельно с «евразийством» (в 1917–1930-е гг.) политико-

географические и геополитические концепции, которые обобщенно можно обозначить термином «украинство» [24, с. 238–252].

В дальнейшем политическая география в СССР и России прошла в своем развитии государственно-геополитическую и деятельность-но-общественную научно-образовательные парадигмы, особенно-сти которых более подробно были рассмотрены авторами данной статьи ранее [25; 2].

Литература

1. Ягья В. С. Политическая география — общественная география — исторические науки (постановка проблемы) // Политическая география: проблемы и тенденции. Матер. всесоюзн. совещ., Баку, 8–13 сент. 1987. Под ред. Колосова В. А., Ибрагимова А. И. Баку, 1987. С. 30–35.
2. Каледин Н. В. Политическая география. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 164 с.
3. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. Т. 1. СПб., 1903. 340 с.
4. Греч И. М., Наковольнин С. Ф. Политическая география, сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, для употребления учащагося во оном Корпусе шляхетства напечатана. СПб., 1758.
5. Весин Л. Исторический обзор учебников общей и русской географии (1710–1876). СПб., 1877.
6. Бишинг А. Ф. Д. Антона Фридерика Бишинга из сокращенной его географии три главы о географии вообще, о Европе и о Российской империи / пер. с нем. И. Долинский. М., 1766. 104 с.
7. Крафт Г. В. Краткое руководство к математической и натуральной географии. С употреблением земного глобуса и ландкарт. Сочинено в пользу российского юношества и переведено с немецкого языка. СПб., 1739. 238 с.
8. Винсгейм Х. Н. Краткая политическая география: К изъяснению изданного на российском языке небольшого атласа. СПб., 1745.
9. Büsching A. F. Neue Erdbeschreibung: Erster Theil, Welcher Dänemark, Norwegen, Schweden, das ganze rußische Kaiserthum, Preussen, Polen, Hungarn, und die europäische Turkey, mit denen dazu gehörigen und einverleibten Ländern, enthält. Vierte auflage. Hamburg, 1760.
10. Kurtzgefaszte politische geographie zur Erläuterung eines kleinen in ruszischer Sprache publicirten Atlantis entworffen bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaftte. St. Petersburg, 1745.
11. Hauber E. D. Nützlicher discours von dem gegenwärtigen Zustand der Geographie: besonders in Teutschland, nebst einem Vorschlag zu noch fernerer Verbesserung derselben, 14ingleichem von der Wahl eines vollstaendigen und in rechter Ordnung verfaßten Außerlesenen Atlantis <...> что означает многоточие? Bartholomäi, 1727.
12. Paschoud Historico-Political Geography, etc. Vol. 1. London, 1722.

13. Sanson N. Introduction à la Géographie. Paris, 1665.
14. Зябловский Е. Курс всеобщей географии по нынешнему политическому разделению. Ч. 1. СПб., 1818.
15. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848. 514 с.
16. Экономическая и социальная география в СССР: История и современ. развитие / Саушкин Ю. Г. и др. 2-е изд. М.: Просвещение, 1987. 539 с.
17. Петри Э. Ю. Методы и принципы географии. СПб., 1892.
18. Ratzel F. Politische Geographie. R. Oldenbourg, München und Leipzig, 1897. 715 s.
19. Синицкий Л. Д. Политическая география (по Ратцелю) // Землеведение. 1898, № 1–2; 1899. № 3.
20. Metchnikoff L. La Civilisation et les grands fleuves historiques / avec une préface de M. Élisée Reclus. Paris, 1889.
21. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М. — Л.: Гос. изд-во, 1928. 311 с.
22. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Известия Имп. Рус. геогр. о-ва. 1915. Вып. 8. С. 425–458
23. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн / под ред. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземской. М., 1993.
24. Шаблій О. І. Політична географія, геополітика і геостратегія // Суспільна географія: теорія, історія, українознавчі студії. Львів, 2001.
25. Елацков А. Б., Каледин Н. В. Историческое развитие отечественной политической географии и геополитики // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 3–15.

Контактная информация:

Каледин Николай Владимирович — канд. геогр. наук, доц.; n.kaledin@spbu.ru
Елацков Алексей Борисович — канд. геогр. наук, доц.; a.elatskov@spbu.ru

The Origin and Formation of Political Geography in Russia

Nikolaj V. Kaledin, Aleksey B. Elatskov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kaledin N. V., Elatskov A. B. The Origin and Formation of Political Geography in Russia. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 614–626. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.39> (In Russian)

The article considers such little-studied issues as the emergence and formation of political geography as a scientific and educational direction in Russia. The features of the genesis and development of political geography in Russia are shown in the framework of two scientific and educational paradigms — the state-describing (the end of the 1730s — the end of the 19th century) and the

anthropogeographic (the end of the 19th century — the first third of the 20th century). The main ideas and scientists in each stage are outlined. A comparative analysis of the genesis of the term “political geography” in Russia and European countries is carried out.

Keywords: political geography, scientific and educational paradigm, state-describing and anthropogeographic paradigms.

References

1. Yagya V.S. Political geography-social geography-historical sciences (setting the problem). *Political geography: problems and trends. Materials of the all-Union meeting*, Baku, September 8–13, 1987. Ed. by Kolosov V.A., Ibragimov A.I. Baku, 1987, pp. 30–35. (In Russian)
2. Kaledin N.V. *Political geography*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Press, 1996. (In Russian)
3. Ratzel F. *Land and life. Comparative land studies*. Vol. 1. St. Petersburg, 1903. 340 p. (In Russian)
4. Grech I. M., Nakovolnin S.F. *Political geography, composed in the Land gentry cadet corps, for the use of students, in this Corps of gentry printed*. St. Petersburg, 1758. (In Russian)
5. Vesin L. *Historical review of textbooks of General and Russian geography (1710–1876)*. St. Petersburg, 1877. (In Russian)
6. Büsching A. F. D. *Anton Frideric Bising from his abbreviated geography three chapters on geography in General, on Europe and on the Russian Empire*. Transl. by I. Dolinsky. Moscow, 1766. 104 p. (In Russian)
7. Kraft G. V. Brief guide to mathematical and natural geography. With the use of the terrestrial globe and landquart. Written in favor of Russian youth. Transl. from German. Saint Petersburg, 1739. 238 p. (In Russian)
8. Vinsgeym H. N. *Brief political geography: To the explanation of a small Atlas published in the Russian language*. St. Petersburg, 1745. (In Russian)
9. Büsching A. F. *New description of the Earth: first part containing Denmark, Norway, Sweden, the whole of the Russian Empire, Prussia, Poland, Hungary, and the European Turkey, with the associated and incorporated countries*. Fourth edition. Hamburg, 1760.
10. Kurtz gefaszte political geography to explain a little in ruszischer language publicirten Atlantis bey Kayser entworffen made of Academie Knowledge. St. Petersburg, 1745.
11. Hauber E.D. Useful discourse on the present state of geography: especially in Teutschland, together with a proposal for still further improvement of it, 14in the same from the choice of a complete and in right order written extraterrestrial Atlantis... Bartholomäi, 1727.
12. Paschoud Historico-Political Geography, etc. Vol. 1. London, 1722.
13. Sanson N. Introduction to geography. Paris, 1665.
14. Zyblovsky E. *Course of universal geography on the current political division*. Vol. 1. St. Petersburg, 1818. (In Russian)

15. Arseniev K. I. *Statistical essays of Russia*, Saint Petersburg, 1848. (In Russian)
16. Economic and social geography in the USSR: History and modern development. Ed. by Saushkin Yu. G. et al. 2nd ed. Moscow, Prosveschenie Publ., 1987. 539 p. (In Russian)
17. Petri E. Yu. *Methods and principles of geography*. St Petersburg, 1892. (In Russian)
18. Ratzel, F. Political Geography. R. Oldenbourg, Munichand. Leipzig, 1897. 715 p.
19. Sinitsky L. D. Political geography (according to Ratzel). *Land Studies*, 1898, no. 1–2; 1899, no. 3. (In Russian)
20. Metchnikoff L. Civilization and the great historical rivers / with a preface by M. Élise Reclus. Paris, 1889.
21. Semenov-Tyan-Shansky V. P. *District and country*. Moscow; Leningrad, State Publishing House, 1928. 311 p. (In Russian)
22. Semenov-Tyan-Shansky V. P. About powerful territorial possession in relation to Russia. Essay on political geography. *Bulletin of the Imperial Russian geographical society*, 1915, Iss. 8. (In Russian)
23. *Russia between Europe and Asia: The Eurasian temptation*. Ed. by L. I. Novikov, I. N. Sizemskaya. Moscow, 1993. (In Russian)
24. Shablyi O. I. Political geography, geopolitics and geostrategy. *Social geography: theory, history, Ukrainian studies*. Lviv, 2001. (In Ukrainian)
25. Elatskov A. B., Kaledin N. V. Historical development of Russian political geography and geopolitics. *Pskov regionological magazine*, 2019, no. 4 (40), pp. 3–15. (In Russian)

Author's information:

Nikolai V. Kaledin — PhD Sci. in Geography, Associate Professor; n.kaledin@spbu.ru
Aleksej B. Elatskov — PhD Sci. in Geography, Associate Professor; a.elatskov@spbu.ru

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТРУДОВ

В. С. Ягья

1965

О периодизации новейшей истории Эфиопии / В. С. Ягья // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: тез. науч. конф. вост. ф-та. Л., 1965. С. 88–89.

К вопросу о планировании в Эфиопии / В. С. Ягья // Итоги и перспективы социально-экономического развития молодых суверенных государств: материалы науч. конф. каф. экономики современного капитализма / отв. ред. С. И. Тюльпанов. Л., 1965. С. 118–124.

Journal of Ethiopian studies: обзор / В. С. Ягья // Народы Азии и Африки. 1965. № 3. С. 222–223.

1966

Восстановление эфиопской государственности / В. С. Ягья // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: тез. докл. науч. конф. вост. ф-та. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966. 100 с. С. 96–98.

Изучение новейшей истории Эфиопии в исторической науке / В. С. Ягья // Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в современной историографии: тез. докл. / отв. ред. Э. П. Стужина. М., 1966. С. 67–69.

О земельных отношениях в современной Эфиопии: (Землевладение и землепользование) / В. С. Ягья // Народы Азии и Африки. 1966. № 5. С. 71–79.

1967

Эфиопия после освобождения от ига фашистской Италии / В. С. Ягья // Вопросы истории. 1967. № 6. С. 64–77.

1968

Вопросы истории Эфиопии на страницах «Journal of African History» / В. С. Ягья // Народы Азии и Африки. 1968. № 2. С. 161–169.

Из истории англо-эфиопских отношений: Англоэфиопское соглашение 1942 г. / В. С. Ягья // Некоторые вопросы истории стран Африки / отв. ред. В. А. Субботин; Ин-т Африки АН СССР М.: Наука, 1968. С. 77–86.

Двадцатилетняя программа социально-экономического развития Эфиопии и перспективы ее выполнения / В. С. Ягья // Проблемы развития и управления экономикой развивающихся стран: материалы Третьей Межвуз. науч. конф. / отв. ред. И. В. Алешина. Л., 1968. С. 60–63.

Эфиопские источники и литература по истории Эфиопии 1941–1954 гг. / В. С. Ягья // Историография и источниковедение стран Азии и Африки / отв. ред. Г. В. Ефимов. Л., 1968. Вып. 2. С. 148–156.

The Periodization of Ethiopia's Recent History. М., 1968. 16 p.

1969

Современная литература Эфиопии / В. С. Ягья // Актуальные проблемы изучения литератур Африки: сб. ст. / отв. ред. И. Д. Никифорова; АН СССР: Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1969. С. 28–36.

Эфиопия в 1941–1954 гг.: История борьбы за укрепление политической независимости / В. С. Ягья; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. М.: Наука, 1969. 223 с.

1970

Внешняя политика послевоенной Эфиопии / В. С. Ягья // Герценовские чтения: межвуз. конф. / отв. ред. А. И. Трусъ. Л., 1970. Вып. 2. С. 41–44.

Кафедра африканистики восточного факультета Ленинградского университета / А. А. Жуков, Т. Л. Тютрюмова, В. С. Ягья // Народы Азии и Африки. 1970. № 1. С. 235–237.

Об этнолингвистической ситуации в современной Эфиопии (материалы к проблеме формирования эфиопской нации) // Советская этнография. 1970. №. 3. С. 75–85.

1971

О развитии плановых начал в Эфиопии / В. С. Ягья // Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке / АН СССР, Ин-т Африки, Ин-т географии, Географическое общество СССР: Мин-во высш. и среднего специального образования РСФСР, Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. М.: Наука, 1971. С. 396–403.

Пути и источники образования терминологической лексики в современном амхарском языке // Africana. Этнография, история, языки наро-

дов Африки. Африканский этнографический сборник VIII. Т. ХСVI. Л.: Наука, 1971. 299 с. С. 264–287.

Социально-экономические и политические проблемы современной Эфиопии / В. С. Ягья // Ученые записки Ленинградского педагогического института / отв. ред. Н. Г. Стрезулина. Л., 1971. Т. 332. С. 150–169.

1972

Внешнеполитические факторы развития Эфиопии в новейшее время / В. С. Ягья // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 77–87.

Дмитревский Ю. Д. Экономическая география стран Северо-Восточной и Восточной Африки: пособие для студентов / Ю. Д. Дмитревский, К. А. Шахнович, В. С. Ягья; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1972. 124 с.

Некоторые проблемы политической географии Африки / В. С. Ягья // Известия Всесоюзного географического общества. 1972. Т. 104. Вып. 6. С. 468–473.

Экономическая география стран Северо-Восточной и Восточной Африки: Пособие для студентов / Ю. Д. Дмитревский, К. А. Шахнович, В. С. Ягья. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1972. 124 с.

1973

О причине этнодифференцирующих факторов в Эфиопии / В. С. Ягья // Проблемы населения и хозяйства стран Африки / отв. ред. Д. А. Ольдерогге. Л., 1973. С. 46–55.

Население Африки: (Общий обзор) / В. С. Ягья // География в школе. 1973. № 3. С. 21–28.

Некоторые политико- и экономико-географические проблемы современной Эфиопии / В. С. Ягья // Известия Всесоюзного географического общества. 1973. Т. 105. Вып. 5. С. 432–437.

Новое в словообразовании амхарского языка / В. С. Ягья // Основные проблемы африканистики / под ред. Ю. В. Бромлей. М., 1973. С. 369–371.

Сдвиги в социально-классовой структуре населения Эфиопии в новейшее время / В. С. Ягья // Страны и народы Востока. М., 1973. Вып. XV. С. 144–156.

Церковь Эфиопии и ее влияние на общественно-политическую жизнь страны / В. С. Ягья // Атеизм, религия, современность / отв. ред. В. Н. Шердаков. Л., 1973. С. 136–149.

1974

Ефимова Е. С. Советский Союз и зарубежные страны (экономические, общественно-политические, научно-технические и культурные связи) / Е. С. Ефимова, О. Л. Нечепоренко, В. С. Ягья // Структурные и территориальные сдвиги в экономике СССР / Общ-во «Знание» РСФСР. Ленингр. орг. Л., 1974. С. 32–39.

The Periodization of Ethiopia's Recent History // Problemi attuali di scienza e di cultura (Roma). 1974. № 191. P. 653–661.

1975

Административно-территориальное деление и этнические процессы в освободившихся странах Африки (Постановка проблемы) // Расы и народы. Ежегодник / отв. ред. И. Р. Гуревич. М.: Наука, 1975. Вып. 5. С. 189–214.

Двуначальные простые предложения в амхарском языке / В. С. Ягья // Актуальные проблемы развития языков и литератур Африки: тез. Первой науч. конф. вост. ф-та по африканистике. Л., 1975. С. 45–46.

О политической географии развивающихся стран / В. С. Ягья // Известия Всесоюзного географического общества. 1975. Т. 107. Вып. 4. С. 338–343.

Революционные проблемы в Эфиопии (1974–1975) / В. С. Ягья // Народы Азии и Африки. 1975. № 6. С. 7–21.

1976

Политико-географические аспекты экономической интеграции в Африке / В. С. Ягья // Отраслевая и территориальная структура хозяйства развивающихся стран: сб. ст. / отв. ред. Б. Н. Севецкий. Л., 1976. С. 33–39.

Размещение хозяйства и некоторые политико-географические процессы в «третьем мире» / В. С. Ягья // Страны и народы Востока / отв. ред. Д. А. Ольдерогге. М., 1976. Вып. XVIII. С. 17–23.

1977

География этнических процессов в Африке / В. С. Ягья // География в школе. 1977. № 4. С. 22–26.

Особенности территориальной структуры трудовых ресурсов и некоторые политико-географические процессы в Африке / В. С. Ягья // География и развивающиеся страны: Сырьевые и людские ресурсы, мирохозяйственные связи: тез. докл. конф. М., 1977. С. 92–94.

Ценный труд по истории и методологии географической науки // География в школе. 1977. № 1. С. 90–92. (соавторы Ю. Н. Гладкий)

1978

О формировании политической карты мира // Известия Всесоюзного географического общества. 1978. № 4. С. 328–334.

Эфиопия в новейшее время. М.: Мысль, 1978. 327 с.

1979

Африка в 80-е годы XX в. (Основные экономико- и политико-географические тенденции) / В. С. Ягья // Африка в современном мире: III Всесоюзная конференция африканистов. М., 1979. Вып. II. С. 124–127.

Основные проблемы изучения новейшей истории Эфиопии / В. С. Ягья // Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям: тезисы докладов. М., 1979. С. 34–36.

Союзная республика в условиях социалистической экономической интеграции / В. С. Ягья // Экономические связи союзных республик: тез. докл. В 2 ч. Ч. II. Рига, 1979. С. 41–43.

1980

Дмитриевская Н. Ф. Трудовые ресурсы и территориальная структура хозяйства / Н. Ф. Дмитриевская, В. С. Ягья // Территориальная структура хозяйства современной Африки / отв. ред. Ю. Д. Дмитриевский. М., 1980. С. 52–92.

Лидж Иясу — преемник Менелика II на эфиопском троне (1913–1916) // Страны и народы Востока. 1980. № XXI. С. 108–127.

Новые тенденции в развитии территориально-производственных образований / В. С. Ягья // Географические основы формирования народно-хозяйственных комплексов и систем расселения: VII съезд Геогр. о-ва СССР. Л., 1980. С. 58–60.

Основные проблемы взаимоотношений стран бассейна Красного моря / В. С. Ягья // Характерные черты социально-политического развития арабских стран в 1950–1970-е годы / отв. ред. Н. Оганесян. Ереван, 1980. С. 197–205.

Территориальная структура хозяйства современной Африки / Бабинцева Н. С., Гладкий Ю. Н., Горбачевич Р. А., Горбова Г. И., Грачева Т. А., Дмитриевская Н. Ф., Дмитриевский Ю. Д. и др. М.: Наука, 1980. 285 с.

1981

Географические аспекты экономического сотрудничества социалистических и развивающихся стран / В. С. Ягья, С. Н. Погодин // Известия Всесоюзного географического общества. 1981. Т. 113. Вып. 4. С. 328–333.

Изучение новейшей истории Эфиопии в трудах советских историков / В. С. Ягья // Эфиопские исследования. История, культура / отв. ред. А. А. Громыко. М.: Наука, 1981. С. 147–161.

1982

Методологические и методические основы политико-географического изучения развивающихся стран / В. С. Ягья // Развивающиеся страны: проблемы экономической и социальной географии: сб. науч. тр. / отв. ред. О. П. Литовка; Географическое общество СССР, АН СССР Л., 1982. С. 60–79.

Переустройство политико-административной системы (опыт СССР в Азии и Африке) / В. С. Ягья // Советский опыт решения национального вопроса и его значение для народов Африки и Азии: сб. ст. Ереван, 1982. С. 268–276.

1983

Медико-экологическая ситуация в наименее развитых странах / В. С. Ягья, Н. С. Ягья // География и развивающиеся страны: тез. докл. VII Всесоюз. конф. Л., 1983. С. 150–151.

Территориальное развитие сферы обслуживания в СССР: лекция / В. С. Ягья, Г. А. Лашова; ЛИСТ. Л., 1983. 51 с.

Освоение природных ресурсов и изменения в политической географии развивающихся стран / В. С. Ягья // Известия Всесоюзного географического общества. 1983. Т. 115. Вып. 1. С. 52–59.

Особенности политической географии развивающихся стран / В. С. Ягья // Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1983. № 3. С. 119–123.

1984

Пространство в политической географии: Постановка проблемы / В. С. Ягья // Экономическая и социальная география: Проблемы и перспективы: сб. науч. тр. / отв. ред. О. П. Литовка; АН СССР, Географическое общество СССР. Л., 1984. С. 73–79.

Региональная экистическая политика и экологические аспекты производства / В. С. Ягья // География населения — 84: тез. докл. V Всесоюзного межведомственного совещания по географии населения, Самарканд, сентябрь 1984 г. / отв. ред. О. П. Литовка; Географическое общество СССР. Л., 1984. С. 25–26.

Человек и охрана его здоровья на Севере / Н. С. Ягья, П. А. Петров, В. С. Ягья. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1984. 216 с.

Эфиопия и Лига Наций: (Из истории внешней политики Эфиопии в 20–30-е годы XX в.) / В. С. Ягья // Африканский этнографический сборник / отв. ред. Д. А. Ольдерогге. Л., 1984. Т. XIV. С. 121–141.

Yagya V.S., Right M. V. Ethiopia: Along the road of the Socialist Organization. Moscow, 1984. 24 p.

1985

Арабские страны и Эфиопская революция / В. С. Ягья // IV Всесоюзная конференция арабистов: тез. докл. и науч. сообщ. / отв. ред. Н. О. Оганесян. Ереван, 1985. С. 70–71.

Торговля и общественное питание в системе агропромышленного комплекса СССР: лекция / В. С. Ягья, К. А. Шахнович; Ленингр. ин-т сов. торговли. Л., 1985. 41 с.

Ethnische Prozesseimheutigen Athiopien // Ethnographisch-Archalogische Zeitschrift (Berlin). 1985. № 1. P. 57–71.

1986

Природные ресурсы Африки: (По странам и континентам) / Ю. Н. Гладкий, В. С. Ягья. М.: Знание, 1986. 45 с.

1987

Неизвестные страницы истории Эфиопии начала XX в.: по неопубликованным письмам русского дипломата Б. А. Чемерзина и его жены / В. С. Ягья // Страны и народы Востока / отв. ред. Д. А. Ольдерогге. М., 1987. Вып. XXV. С. 201–220.

Основные периоды формирования политической карты мира / В. С. Ягья // Известия Всесоюзного географического общества. 1987. Т. 119. Вып. 4. С. 306–313.

Политическая география — общественная география — исторические науки: Постановка проблемы / В. С. Ягья // Политическая география: проблемы и тенденции: материалы всесоюз. совещ., г. Баку, 8–13 сентября 1987 г. / под ред. В. А. Колосова, А. И. Ибрагимова; АзГУ. Баку, 1987. С. 30–35.

1988

Вопросы географии на IX Международном конгрессе по эфиопским исследованиям / В. С. Ягья // Известия Всесоюзного географического общества. 1988. Т. 120. Вып. 2. С. 149–154.

Изнанка императорского дворца / В. С. Ягья // Новый мир. 1988. № 11. С. 263–265.

Современная Эфиопия: справочник / отв. ред. А. М. Васильев; АН СССР, Ин-т Африки. М.: Наука, 309 с.

Тенденции территориального развития производительных сил освободившихся стран / В. С. Ягья // Сдвиги в географии хозяйства стран неосоциалистического лагеря / отв. ред. Ю. Н. Гладкий. Л., 1988. С. 96–103.

Formation of Ethiopian Absolutism (The First Half of XX Century) // Proceedings of Ninth International Congress of Ethiopian Studies. Moscow, 1988. Vol. 4. P. 239–245.

Some Aspects of Nation's Formation in Socialist Ethiopia // Proceedings of Ninth International Congress of Ethiopian Studies (in collab. with M. V. Right). Moscow, 1988. Vol. 3. P. 211–218.

1989

История Эфиопии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1989. 405 с. (соавтор Цыпкин Г. В.)

Опустынивание в Африке: возможности решения проблемы / В. С. Ягья // Проблемы освоения пустынь. 1989. № 3. С. 32–36.

Просветительство в общественной жизни Эфиопии (1900–1935) / В. С. Ягья // Африка: культура и общество. М., 1989. Вып. III. С. 39–42.

Этноконфессиональные противоречия и региональные конфликты в Африке / В. С. Ягья // Этноконфессиональные процессы в современном мире: сб. ст. / отв. ред. З. М. Бунятов, А. М. Васильев; АН СССР, Науч. совет по проблемам Африки. Баку: Элм, 1989. С. 174–184.

Эколого-экистическая обстановка и здоровье горожан / В. С. Ягья // Экология — народонаселение — расселение: теория и политика: тез. докл. VI Всесоюзного совещания по проблемам теории и практики взаимодействия экологии, народонаселения и расселения, Грозный, сентябрь 1989 г. / отв. ред. О. П. Литовка; Географическое общество СССР. Л., 1989. С. 156–157.

Эфиопия и ее соседи: эволюция отношений. 1974–1989 / В. С. Ягья // Новое мышление в Африке: V Всесоюзная конференция африканистов / отв. ред. Ан. А. Громыко. М., 1989. Вып. III. С. 39–42.

Ethiopia: along the Road of the Socialist Orientation // Proceedings of the Eight International Conference of Ethiopian Studies (in collab. with M. V. Right). Addis Ababa. 1989. Vol. 2. P. 413–421.

1990

Горизонты ойкумены / Ю. Гладкий, Ал. Григорьев, В. Ягья. Л.: Лениздат, 1990. 271 с.

Конференция по проблемам Африканского Рога в Мичиганском университете / В. С. Ягья // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. Л., 1990. Вып. 1. С. 123–124.

Письма русского дипломата Б. А. Черемзина и его жены — важный источник по истории Эфиопии начала XX в. / В. С. Ягья // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1990. Вып. 12. С. 202–222.

Политическая география и новое политическое мышление: Некоторые теоретические вопросы / В. С. Ягья // Политическая география и современность: Тенденции становления научного направления: межвуз. сб. Л., 1990. С. 31–42.

Пути развития советского федерализма / В. С. Ягья // Обновление: межнациональные отношения и перестройка: материалы науч.-практ. конф., 8–9 декабря 1988 г. / сост. Н. Г. Скворцов. Л.: Лениздат, 1990. С. 48–52.

Становление и развитие политической географии в Советском Союзе / В. С. Ягья // География, политика и культура. Сер. Современные проблемы географии / отв. ред. В. С. Ягья. Л., 1990. С. 9–20.

Хайле Селассие I / В. С. Ягья // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 62–77.

Ethiopia and its Neighbors: an Evolution of Relations, 1974–1989 // North-east African Studies. 1990. Vol. 12. No. 2–3. P. 107–116.

1991

Вальская Б. А. Д. А. Ольдерогге и Географическое общество СССР / Б. А. Вальская, А. А. Жуков, В. С. Ягья // Страны и народы Востока / отв. ред. Б. А. Вальская, В. С. Ягья. М., 1991. Вып. XXVII. С. 6–17.

Вальская Б. А. Сдвиги в географии населения и политикогеографические процессы в развивающихся странах / Б. А. Вальская, А. А. Жуков, В. С. Ягья // Страны и народы Востока / отв. ред. Б. А. Вальская, В. С. Ягья. М., 1991. Вып. XXVII. С. 83–96.

Межнациональные отношения СССР в аспекте политической географии / В. С. Ягья // Политическая география и современность: Региональные и прикладные аспекты. СПб., 1991. С. 52–58.

Ethiopia and Middle Eastern Countries: The Evolution of Relationship: 1974–1990 // Henok. Journal of Historical and Philosophica Though. 1991. Vol. 2. P. 147–154.

1992

St. Petersburg — at the Heart of the Baltic Region? // Cooperation in the Baltic Sea Area: The Second Parliamentary Conference on Cooperation in the Baltic Sea Area. Oslo, 1992. P. 22–24.

1993

Развитие амхарского языка / В. С. Ягья // Цивилизация Тропической Африки: общества, культуры, языки / отв. ред. И. В. Следзевский. М., 1993. С. 138–146.

Санкт-Петербург — важный фактор экономической и политической интеграции Северо-Запада / В. С. Ягья // Северо-Запад России в новом измерении / отв. ред. В. Ягья, А. Золотарев, Е. Карлик. СПб., 1993. С. 18–23.

1994

«Зыкрэнэгээр» — важный источник по истории Эфиопии первой трети XX в. / В. С. Ягья // Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу: VI конференция африканистов / отв. ред. А. М. Васильев. М., 1994. С. 41–43.

Begedor Gesprächskreis. Rußland und der Western: Internationale Sicherheit und Reformpolitik — Zeite und Mittel der Gestaltung. Hamburg, 1994. S. 84–86.

1995

Welcome to St. Petersburg: Introduction // Municipal Technical Services under Threat in Europe. Helsinki, 1995. P. 122.

1996

Мир и Россия на рубеже веков / В. С. Ягья // Народы Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия: Реалии и перспективы: тез. междунар. науч. конгр. / отв. ред. Г. Г. Богомазов, М. И. Кротов. СПб., 1996. С. 150–151.

1997

Мир и Россия накануне XXI века / В. С. Ягья // Тебе, Петербург. Альманах Всемирного клуба петербуржцев. СПб., 1997. Вып. 2. Ч. 1. С. 35–37.

1999

Африка в международных отношениях на исходе XX в. / В. С. Ягья // Материалы научной конференции восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского университета 8–9 апреля 1999 года. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 179–182.

Африка — «выпавшие страны»? / В. С. Ягья // Африка на пороге третьего тысячелетия: тез. докл. VIII конференции африканистов, Москва, 28–30 сентября 1999 г. / отв. ред. А. М. Васильев; Институт Африки РАН. М., 1999. С. 298–300.

Из истории создания Совета государств Балтийского моря / В. С. Ягья // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. философии, права, международных отношений. 1999. Ч. 1. Вып. 3. С. 114–121; Ч. 2. Вып. 4. С. 117–126.

Китай в контексте мировой политики на рубеже XX–XXI вв. / В. С. Ягья // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тез. докл. X Междунар. науч. конф., Москва, 22–24 сентября 1999 г. В 2 ч. Ч. 1. КНР — 50 лет / Институт Дальнего Востока РАН. М., 1999. С. 138–141.

Россия в преддверии XXI в. / В. С. Ягья // Россия на рубеже веков: выбор пути: материалы межвузовской конференции, 16 декабря 1999 г. / под общ. ред. В. П. Горюнова и С. Н. Погодина. СПб.: Нестор, 1999. С. 4–5.

Харлампьева Н. К. Международные объединения, Север и Россия / Н. К. Харлампьева, В. С. Ягья // Развитие Арктической транспортной системы в XXI в.: сб. док. СПб., 1999. С. 154–157.

The 8th Parliamentary Conference of Cooperation in the Baltic Sea Region. Marienhamn, 7–8 September 1999. Copenhagen, 1999. P. 45, 63.

2000

Балтийская идея в Петербурге / В. С. Ягья // Обновление города через образование: тез. докл. II Международная конференция, 19–27 октября 2000 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 110–111.

Отношения «Центр — регионы» в современной России: между прошлым и будущим / В. С. Ягья // Формула России: центр и периферия: материалы межвуз. науч. конф., 15 декабря 2000 г. / под общ. ред. В. П. Горюнова, С. Н. Погодина. СПб.: Нестор, 2000. С. 130–135.

Политическая карта в контексте мировой политики в XXI веке // *Образы геопространства: Сб. ст., посвященный 80-летию профессора Ю. Д. Дмитриевского* / ред. кол.: *С. Б. Лавров, Ю. Н. Гладкий, Д. В. Сухоруков, И. А. Заир-Бек*. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2000. С. 73–81.

2001

Взаимоотношения Европейского союза и России на рубеже XX–XXI веков / *В. С. Ягья* // *Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах* / под общ. ред. *В. П. Горюнова, С. Н. Погодина*. СПб.: Нестор, 2001. № 1. С. 155–158.

Мифы и реальность в отношениях ЕС — Россия / *В. С. Ягья* // *Россия и Европа: на пути к единой формуле* / под общ. ред. *В. П. Горюнова, С. Н. Погодина*. СПб.: Нестор, 2001. С. 173–178.

Харлампьева Н. К. Проблемы государственно-территориального размежевания Арктики / *Н. К. Харлампьева, В. С. Ягья* // *Молодые ученые Якутии в стратегии устойчивого развития Российской Федерации: материалы Второй научно-практической конференции*, С.-Петербург, 19 апреля 2001 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 169–171.

2002

Африка в условиях мировой экономики и политики / *В. С. Ягья* // *Африка в контексте отношений Север — Юг* / отв. ред. *А. М. Васильев*; Институт Африки РАН. М., 2002. С. 39–40.

Вальская Б. А. Д. А. Ольдерогге и Восточная комиссия Русского географического общества / *Б. А. Вальская, А. А. Жуков, В. С. Ягья* // *Ethnologia Africana. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге* / под ред. *Н. Б. Качакова*. М.: Муравей, 2002. С. 66–75.

Гладкий Ю. Н. Юрий Дмитриевич Дмитриевский: жизнь во благо науки / *Ю. Н. Гладкий, В. Д. Сухоруков, В. С. Ягья* // *Смыслы географии (экономические, социальные и политические аспекты): сб. науч. тр.* СПб.: Амадеус, 2002. С. 3–10.

Интеллектуальная элита и внешняя политика как неотъемлемая часть устойчивого развития в XXI в. / *В. С. Ягья* // *Россия в глобальном мире*. 2002. № 2. С. 162–170.

Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы. СПб.: Искусство-СПб, 2002. (соредактор)

2003

Балтийская идея и роль Санкт-Петербурга на рубеже XX–XXI вв. / В. С. Ягья // Десять лет внешней политики России: материалы Первого конвента Российской ассоциации международных исследований / под ред. А. М. Торкунова. М., 2003. С. 708–716.

География Петербурга / В. С. Ягья // Книга о Санкт-Петербурге / отв. ред. О. Е. Лебедев, В. С. Ягья. СПб., 1996. С. 11–29.

Санкт-Петербург между географией, историей и современностью / В. С. Ягья // География в школе. 2003. № 1. С. 13–22.

Санкт-Петербург в диалоге со странами Дальнего Зарубежья в конце XX — начале XXI века / В. С. Ягья // Санкт-Петербург в диалоге цивилизаций и культур Востока и Запада: материалы к Международной научной конференции, С.-Петербург, 16–18 сентября 2003 г. / под ред. Ю. В. Яковца, Т. Г. Богатыревой; Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева. М., 2003. С. 43–62.

Санкт-Петербург в мировом сообществе / В. С. Ягья // Санкт-Петербург избудущего в настоящее: материалы научной конференции, 22–24 мая 2001 г. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. С. 1–12.

Язык как фактор во внешней политике государства / В. С. Ягья // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. № 4. Приложение к журналу для ученых «Клио» / под общ. ред. В. П. Горюнова, С. Н. Погодина. СПб., 2003. С. 289–294.

2004

О выборах 2003 г. Полемиические заметки / В. С. Ягья // Россия между парламентскими и президентскими выборами: актуальные вопросы внутренней и внешней политики: материалы междунар. науч. конф., 30 января 2004 г. / отв. ред. д-р ист. наук, проф. К. К. Худoley. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 5–16.

Партнерство России и Европейского союза после расширения: стратегическое планирование и повседневная реализация: материалы международной научной конференции, 24–25 октября 2003 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 218 с.

2005

Рассвет над Петербургом: Санкт-Петербург в мировом сообществе: сб. ст. / отв. ред. В. С. Ягья. СПб.: Европейский дом, 2005. 269 с.

Русский язык как фактор в предвыборной борьбе в Украине — 2004 / В. С. Ягья, Н. В. Блинова // Россия в глобальном мире. № 8. СПб.: Нестор, 2005. С. 227–234.

2007

Английский язык как фактор мировой политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Международные отношения, Вып. 4 (Ч. 1), Декабрь 2007. С. 102–107. (соавтор Блинова Н. В.)

2008

Взаимодействие христианства и ислама на облик Европы XXI века / В. С. Ягья // Религия в современной системе международных отношений: права человека и религия: материалы междунар. науч.-практ. конф., 23 ноября 2007 г. / отв. ред. О. Л. Церпицкая. СПб.: ЮТАС, 2008. С. 5–24.

Мысли нараспашку / В. С. Ягья. СПб.: Европейский Дом, 2008. 619 с.

2009

Лингвистическое измерение мировой политики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 261 с. (соавторы Чернов И. В., & Блинова Н. В.)

Пути-перепутья современной Турции / В. С. Ягья // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке / отв. ред. В. С. Ягья. СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 4. С. 104–170.

2010

География, религия и мировая политика / В. С. Ягья // Религия в современной системе международных отношений: материалы IV Междунар. науч. конф. / отв. ред. О. Л. Церпицкая. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 10–12.

Российско-турецкие отношения и Кавказ в XXI веке / В. С. Ягья // Международные отношения в современном мире: политика и культура. К юбилею кафедры международных отношений ИМОП / под ред. С. Н. Погодина, И. Д. Осипова. СПб.: ООО «ИПК Коста», 2010. С. 182–208.

2011

Турция в современной мировой системе // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 5 / под ред. В. С. Ягья, М. Л. Лагутиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 520 с.

2012

Российско-турецкие отношения и Кавказ в XXI веке. Россия и мусульманский мир. 2012. № 2. С. 119–134.

Современные проблемы исследования мировой политики: учеб.-метод. пособие / В. С. Ягья, Н. К. Харлампьева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012.

2013

Конференция 2013 о безопасности в Восточной Азии / В. С. Ягья // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. Сборник статей по итогам международной научной конференции «Актуальные проблемы региональной безопасности Восточной Азии» (6–7 апреля 2012 г.) / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб., 2013. С. 9–24.

Лев Гумилев: трудная судьба учения (к 100-летия со дня рождения автора) // Общество. Среда. Развитие. № 2 (27). С. 174–178. (соавтор Ю. Н. Гладкий)

Лингвистическое измерение мировой политики / В. С. Ягья, И. В. Чернов, Н. В. Ковалевская. 2-е изд., доп. Берлин: Golden Mile GmbH, 2013. 256 с

Мир и Россия в начале второго десятилетия XXI века // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке, вып. 6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. С. 56–134.

Укрупнение регионов в Российской Федерации: за и против / В. С. Ягья // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке, вып. 6. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. С. 408–467.

2014

Международная деятельность Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (1994–2014) // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 7 / под ред. В. С. Ягья, М. Л. Лагутиной, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 421–449.

Минуло ещё пять лет // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 7 / под ред. В. С. Ягья, М. Л. Лагутиной, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 16–50.

Научные связи как фактор развития // Обозреватель — Observer. 2014. № 5. С. 101–106. (соавтор Е. Г. Пономарева)

Новое в российско-турецких отношениях в начале второго десятилетия XXI века // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 7 / под ред. В. С. Ягья, М. Л. Лагутиной, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 568 с. С. 216–259.

О дискуссиях в науке по проблеме отношений России и Турции в XXI веке / В. С. Ягья // *Международные отношения и диалог культур*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. № 2. С. 111–122.

Отношения России и Турции в XXI веке: тенденции и трудности // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. Вып. 1. 2014. С. 127–138. (соавтор *Соломина Д. В.*)

Отношения России и Турции — на подъеме / В. С. Ягья, В. С. Макаров // *Консул*. 2014. № 2 (37). С. 16–18.

Проблемы расширения Евразийского экономического союза: региональное и глобальное измерения / В. С. Ягья, М. Л. Лагутина // *Перспективы развития Евразийского экономического союза: Материалы I Международной конференции*. СПб.: ООО «ЭсПэХа», 2014. С. 58–59.

2015

Арктика — новый регион внешней политики Китая / В. С. Ягья, Н. К. Харлампьева, М. Л. Лагутина // *Вестник Российского университета*. 2015. № 1. С. 43–52.

И вновь в Турции: научные связи с Россией и дискуссией // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3. С. 125–144.

Из истории отношений России и Эфиопии на рубеже первых двух десятилетий XXI века. Неизвестные страницы. Клию. 2015. № 3 (99). С. 125–131.

Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI в. // *Международная жизнь*. 2015. № 7. С. 84–93. (соавтор *Минфу Л.*)

Исследовательский проект «Китай и Россия: идеология национализма. Сравнительно-исторический анализ / В. С. Ягья [и др.] // *Россия в глобальном мире: альманах*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. № 6 (29). С. 266–278.

Научное сотрудничество — форма и метод публичной дипломатии // *Обозреватель — Observer*. 2015. № 8 (307). С. 69–82. (соавтор *Пономарева Е. Г.*)

Роль Санкт-Петербурга в процессе развития евразийской интеграции / В. С. Ягья // *Евразийский юридический журнал*. 2015. № 3 (88). С. 8–12.

Стратегия «мягкой силы» во внешней политике КНР в Африке // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. Краснодар. № 9 (сентябрь) 2015. С. 77–84. (соавторы *Ковалевская Н. В., Ли Минфу*)

Центральная Азия — ключевой регион в геополитическом треугольнике ЕАЭС, ЭГПЦП и Запада / В. С. Ягья, Ли Минфу // *Евразийский вы-*

зов: сб. тез. 2-й Междунар. конф. / Северо-Западный институт управления РАНХиГС. СПб.: 2015. С. 99–101.

2016

БРИКС: Эволюция и конвергенция сил // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 7–16. (соавторы Чуков Р. С., Парфененок Н. Л.)

На повестке дня G-3 / В. С. Ягья // Международные отношения и диалог культур: сб. науч. ст. / гл. ред. С. Н. Погодин. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. № 4. С. 26–65.

Политика Турции в ближневосточном регионе (2002–2015 гг.) // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 16–26. (соавтор Йюкселтен М. Н.)

Мировая политика. Учебно-методическое пособие для вузов. СПб., 2016. 44 с. (соавторы Н. В. Ковалевская, А. С. Матвеевская)

Политические аспекты экологической безопасности Российской Арктики / В. С. Ягья, А. В. Сбойчакова // Наука Красноярья. 2016. Т. 5. № 4 (37). С. 104–121.

Промышленная политика в условиях внешних вызовов: взгляд из Санкт-Петербурга / В. С. Ягья [и др.] // Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 8–20.

Региональная инновационная система Арктики: международно-политический аспект правового обеспечения / В. С. Ягья, Н. К. Харлампьева, В. В. Иванов // Российская Арктика: территория права: альманах. Вып. 3. Сохранение и устойчивое развитие Арктики в социально-правовом измерении / отв. ред. В. П. Емельянцев. Салехард: ИД «Юриспруденция», 2016. С. 123–133.

Роль лингвистического фактора в социальном управлении и историческом развитии / В. С. Ягья, И. В. Чернов, Н. В. Ковалевская // Управленческое консультирование. 2016. № 7. С. 156–175.

Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. № 2–3 (59–70; 60–68). (соавтор Ли М)

G-3 — взаимодействие России, США и Китая в контексте формирования нового миропорядка / В. С. Ягья, Ли Минфу // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 15–20.

Слова главного редактора. Редакционный обзор 2014–2015 г. // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке, вып. 8. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. С. 9–43.

2017

Д. А. Ольдерогге и ленинградская школа африканцев / В. С. Ягья // Азия и Африка: наследие и современность: материалы XXIX Международного конгресса по источниковедению стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев; Студия «НП–ПРИНТ». СПб., 2017. С. 354–356.

Парламентская дипломатия в российско-корейском сотрудничестве // Россия в глобальном мире. 2017. № 10 (33). С. 419–470.

Радикал-экстремизм в мире ислама: североафриканский ареал // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 1. С. 121–128.

Солидный труд о Китае в Арктике (рецензия на монографию С. Н. Погодина и Ван Цзюньтао «Международная деятельность Китая в Арктике», СПб.: Изд-во СПбПУ, 2017) // Клио. 2017. № 12 (132). С. 222–225.

2018

«Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 37–59. (соавтор Колесникова М. А.)

«Нильский вопрос» вчера и сегодня // Азия и Африка сегодня. № 5. 2018. С. 28–32. (соавтор Нестерова И. Е.)

Информационный экстремизм в социальных сетях. Сб. Гражданский мир — гражданская война: осмысление и прогнозы. Материалы международной научной конференции / под ред. В. М. Доброштан. 2018. С. 323–326.

2019

Актуальные проблемы мировой политики. Редакционный обзор 2016–2017 г. // Актуальные проблемы мировой политики, том 9, СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. С. 12–67.

Заметки об исламе, исламском мире и его соседях // Актуальные проблемы мировой политики, том 9, СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. С. 68–201.

О миграционной политике Европейского Союза // Актуальные проблемы мировой политики, том 9, СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. С. 242–251. (соавтор Матвеевская А. С.)

ОБ АВТОРАХ

Аврутина Аполлинария Сергеевна — доктор филологических наук, доцент, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный университет

Алимов Андрей Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Алферов Даниил Андреевич — аспирант восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Балашова Галина Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки Российской академии наук

Викторов Сергей Васильевич — доктор географических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский научно-исследовательский центр экологической безопасности Российской академии наук.

Герасимов Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории стран Ближнего Востока, Санкт-Петербургский государственный университет

Гёкмен Юсуфкан — научный сотрудник, факультет экономики и управления, Эгейский университет, Измир, Турция

Гладкий Юрий Никифорович — доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, член-корреспондент Российской академии образования

Громова Нелли Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой африканистики, заслуженный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Гузев Виктор Григорьевич — доктор филологических наук, профессор, кафедра тюркской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Гусарова Екатерина Валентиновна — кандидат исторических наук, старший преподаватель, департамент востоковедения и африканистики, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); научный сотрудник Института восточных рукописей Российской академии наук

Добронравин Николай Александрович — доктор филологических наук, профессор, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Дьяков Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока, Санкт-Петербургский государственный университет

Елацков Алексей Борисович — кандидат географических наук, доцент, кафедра региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет

Ермолина Марина Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Желтов Александр Юрьевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики, Санкт-Петербургский государственный университет; заведующий отделом этнографии Африки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Зеленева Ирина Владимировна — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Ибрагимов Айдын Исмаил Оглы — доктор географических наук, профессор, Департамент международных отношений, Эгейский университет, Измир, Турция

Исмаилов Чингиз Ниязи оглы — доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой планирования и управления устойчивым развитием, Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Азербайджан

Исмаилова Галина М. — кандидат юридических наук, доцент, Чанаккалинский университет 18 марта, Чанаккале, Турция

Истомин Игорь Александрович — кандидат политических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Каледин Николай Владимирович — кандидат географических наук, доцент, кафедра региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет

Колесников Александр Антонович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований, советник дипломатической службы России 1 класса

Колосов Владимир Александрович — доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии Российской академии наук; заведующий кафедрой географии мирового хозяйства, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; паст-президент и член исполнительного комитета

Международного географического союза, вице-президент Русского географического общества

Колотов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока, Санкт-Петербургский государственный университет

Косов Юрий Васильевич — доктор философских наук, профессор

Кравченко Светлана Леонидовна — старший преподаватель, кафедра африканистики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Крюкова Анна Владимировна — магистр международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Матвеевская Анна Сергеевна — кандидат географических наук, старший преподаватель, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Мосяков Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения Юго-восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения Российской академии наук; заведующий кафедрой истории и регионоведения Московского гуманитарного университета

Музалёв Антон Александрович — магистр географии, аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Немчинова Тамара Сергеевна — кандидат политических наук, доцент, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Николаенко Анастасия Валентиновна — кандидат политических наук, доцент, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Панин Виктор Николаевич — доктор политических наук, профессор, директор Института международных отношений, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и мировой экономики, Петригорский государственный университет

Погодин Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Пономарева Елена Георгиевна — доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Рудов Георгий Алексеевич — кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор, Дипломатическая академия Министерства ино-

- странных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации
- Саватеев Анатолий Дмитриевич* — доктор исторических наук, профессор
- Савкина Екатерина Александровна* — магистр международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
- Сухоруков Вячеслав Дмитриевич* — доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой методики обучения географии и краеведению Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
- Тагирджанова Альмира Наимовна* — краевед, член Союза краеведов, Санкт-Петербург
- Телицин Николай Николаевич* — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет
- Тосун Гюльгюн Эрдоган* — доктор наук, профессор, факультет экономики и управления, Эгейский университет, Измир, Турция
- Тосун Танджу* — доктор наук, профессор, факультет экономики и управления, Эгейский университет, Измир, Турция
- Французов Сергей Алексеевич* — доктор исторических наук, профессор, кафедра семитологии и иврита, Санкт-Петербургский государственный университет; заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей Российской академии наук
- Харлампьева Надежда Климовна* — кандидат исторических наук, доцент, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт
- Цветкова Наталья Александровна* — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет
- Цзинчэн Ли* — аспирант, кафедра «Международные отношения» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
- Ширяев Борис Анатольевич* — доктор исторических наук, профессор, кафедра американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет
- Шлыков Павел Вячеславович* — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук

ABOUT THE AUTHORS

- Avrutina Apollinaria S.* — Doctor Sci. in Philology, Associate Professor, Department of theory of social development in Asia and Africa, St. Petersburg State University (Russia)
- Alimov Andrej A.* — PhD Sci. in History, Associate Professor, Department of world politics, Saint Petersburg State University (Russia)
- Alferov Daniil A.* — post-graduate of the Faculty of Oriental studies, Saint Petersburg State University (Russia)
- Balashova Galina A.* — PhD Sci. in Philology, senior researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)
- Dobronravin Nikolaj A.* — Doctor Sci. in Philology, Professor, Department of world politics, Saint Petersburg State University (Russia)
- Dyakov Nikolaj N.* — Doctor Sci. in History, Professor, head of the Department of history of the Middle East, St. Petersburg State University (Russia)
- Elatсков Alexej B.* — PhD Sci. in Geography, Associate Professor, Department of regional policy and political geography, Saint Petersburg State University (Russia)
- Ermolina Marina A.* — PhD Sci. in Law, Associate Professor, Department of world politics, Saint Petersburg State University (Russia)
- Frantsuzov Sergey A.* — Doctor Sci. in History, Professor, Department of semitology and hebraistics, Saint Petersburg State University; head of the Department of Near and Middle East of the Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Russia)
- Gerasimov Igor V.* — Doctor Sci. in History, Professor, Department of history of the Middle East, St. Petersburg State University (Russia)
- Gladkij Yurij N.* — Doctor Sci. in Geography, Professor, head of the Department of economic and social geography of the Herzen Russian State Pedagogical University, corresponding member of the Russian Academy of Education (Russia)
- Gökmen Yusufcan* — Research Assistant, Faculty of Economics and management, Ege University, Izmir (Turkey)

- Gromova Nelly V.* — Doctor Sci. in Philology, Professor, head of the Department of African studies, honored Professor of Lomonosov Moscow State University (Russia)
- Guzev Victor G.* — Doctor Sci. in Philology, Professor, Department of Turkic Philology, Saint Petersburg State University (Russia)
- Gusarova Ekaterina V.* — PhD Sci. in History, senior lecturer, Department of Oriental and African studies, Higher School of Economics (Saint Petersburg); researcher at the Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Russia)
- Ibragimov Aydin Ismail oglu* — Doctor Sci. in Geography, Professor, Department of international relations, Ege University, Izmir (Turkey)
- Ismailov Chingiz Niyazi oglu* — Doctor Sci. in Geography, Professor, head of the Department of planning and management of sustainable development, Academy of public administration under the President of the Republic of Azerbaijan (Azerbaijan)
- Ismayilova Galina M.* — PhD Sci. in Law, Associate Professor, Canakkale University March 18, Canakkale (Turkey)
- Istomin Igor A.* — PhD Sci. in Policy, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia)
- Jingcheng Li* — post-graduate, Department of International relations, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (China)
- Kaledin Nikolay V.* — PhD Sci. in Geography, Associate Professor, Department of regional policy and political geography, Saint Petersburg State University (Russia)
- Kharlampieva Nadezhda K.* — PhD Sci. in History, Associate Professor, Department of world politics, Saint Petersburg State University; senior researcher, Arctic and Antarctic Research Institute (Russia)
- Kolesnikov Alexander A.* — Doctor Sci. in History, Professor, leading researcher of the Russian Institute of Strategic Studies, Adviser to the diplomatic service of Russia 1st class (Russia)
- Kolosov Vladimir A.* — Doctor Sci. in Geography, Professor, head of the laboratory of geopolitical research, Institute of geography of the Russian Academy of Sciences; head of the Department of geography of the world economy, Lomonosov Moscow State University; past-President and member of the Executive Committee of the International Geographical Union, Vice-President of the Russian geographical society (Russia)
- Kolotov Vladimir N.* — Doctor Sci. in History, Professor, head of the Department of history of the Far East, Saint Petersburg State University (Russia)

- Kosov Yuriy V.* — Doctor Sci. in Philosophy, Professor (Russia)
- Kravchenko Svetlana L.* — senior lecturer, Department of African studies, Lomonosov Moscow State University (Russia)
- Kryukova Anna V.* — master of international relations, Saint Petersburg State University (Russia)
- Matveevskaya Anna S.* — PhD Sci. in Geography, senior lecturer, Department of world politics, Saint Petersburg State University (Russia)
- Mosyakov Dmitrij V.* — Doctor Sci. in History, Professor, head of the Center for the study of South-East Asia, Australia and Oceania of the Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences; head of the Department of history and regional studies of the Moscow Humanitarian University (Russia)
- Muzalev Anton A.* — master of geography, post-graduate of the faculty of international relations, Saint Petersburg State University (Russia)
- Nemchinova Tamara S.* — PhD Sci. in Policy, Associate Professor, Department of world politics, Saint Petersburg State University (Russia)
- Nikolaenko Anastasija V.* — PhD Sci. in Policy, Associate Professor, North-Western Institute of management of the Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation (Russia)
- Panin Viktor N.* — Doctor Sci. in Policy, Professor, Director of the Institute of international relations, head of the Department of international relations, political science and world economy, Pyatigorsk State University (Russia)
- Pogodin Sergej N.* — Doctor Sci. in History, Professor, head of the Department “International relations” of Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Russia)
- Ponomareva Elena G.* — Doctor Sci. in Policy, Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia)
- Rudov Georgij A.* — Doctor Sci. in Policy, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation (Russia)
- Savateev Anatolij D.* — Doctor Sci. in History, Professor, leading researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)
- Savkina Ekaterina A.* — master of international relations, Saint Petersburg State University (Russia)
- Shiryaev Boris A.* — Doctor Sci. in History, Professor, Department of American studies, Saint Petersburg State University (Russia)
- Shlykov Pavel V.* — PhD Sci. in History, Associate Professor, Department of history of the Near and Middle East, Lomonosov Moscow State University; researcher in the Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

- Sukhorukov Vyacheslav D.* — Doctor Sci. in Geography, Professor, head of the Department of methods of teaching geography and local history of the Herzen Russian State Pedagogical University (Russia)
- Tagirjanova Almira N.* — local historian, a member of the Union of local historians, Saint Petersburg (Russia)
- Telitsin Nikolaj N.* — PhD Sci. in Philology, Associate Professor, head of the Department of Turkic Philology, Saint Petersburg State University (Russia)
- Tosun Gülgün Erdoğan* — Doctor of Science, Professor, Faculty of Economics and management, Ege University, Izmir (Turkey)
- Tosun Tanju* — Doctor of Science, Professor, Faculty of Economics and management, Ege University, Izmir (Turkey)
- Tsvetkova Natalia A.* — Doctor Sci. in History, Professor, head of the Department of American studies, Saint Petersburg State University (Russia)
- Viktorov Sergej V.* — Doctor Sci. in Geography, senior researcher, St. Petersburg research center for environmental safety of the Russian Academy of Sciences (Russia)
- Zeleneva Irina V.* — Doctor Sci. in History, Professor, Department of world politics, Saint Petersburg State University (Russia)
- Zheltoy Alexander Yu.* — Doctor Sci. in Philology, Professor, head of the Department of African studies, Saint Petersburg State University; head of the Department of African Ethnography of the Museum of anthropology and ethnography Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia)

БЛАГОДАРНОСТИ

Издание 10-го выпуска альманаха «Актуальные проблемы мировой политики» осуществлено при финансовой поддержке гранта Благотворительного фонда Г.М.Погосяна. Редакционный совет альманаха и Редакционная коллеги 10-го выпуска выражают искреннюю признательность Грачье Мисаковичу Погосяну за поддержку издания настоящего сборника.

Погосян Грачья Мисакович — петербургский предприниматель и меценат, общественный деятель, президент Благотворительного фонда. Благотворительный фонд Г.М.Погосяна — один из первых частных фондов в современной России, созданный в конце 1990-х годов, для реализации программ в сфере культуры, образования и филантропии. С тех пор Фонд системно занимается благотворительной деятельностью.

За последние 15 лет на средства и по инициативе Г.М.Погосяна было установлено, восстановлено или отреставрировано свыше 100 объектов духовного, культурного и исторического наследия. Это новые и восстановленные памятники, бюсты и памятные доски известных и забытых героев, знаменательных и трагических событий прошлых эпох. 29 памятников посвящены событиям и людям Великой Отечественной войны. Выпущено более десяти книг и журналов, а также документальных фильмов различной тематики.

В число самых крупных проектов, реализованных Фондом Г.М.Погосяна на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, входят:

- воссозданный мемориальный комплекс Петра Великого (создан путиловскими камнетесами братьями Спиридоновыми в 1847 г. и утвержден лично императором Николаем I). Памятник стоял в урочище «Красные сосны» и считался одной из главных достопримечательностей Санкт-Петербургской губернии. Был утрачен в годы Великой Отечественной войны. Восстановлено семейное захоронение Спиридоновых на старом кладбище п. Путилово;
- четырехметровый памятник с большим мозаичным панно на ж/д станции Тихвин в Ленинградской области в память о трагически

погибших здесь 14 октября 1941 г. ленинградских детях, ехавших в эвакуацию. В тот день погибло свыше 2000 детей;

- отреставрированный памятник на месте захоронения ленинградских детей, погибших 14 октября 1941 г., на городском кладбище г. Тихвина Ленинградской области;
- шестиметровый бронзовый памятник «Мужеству ленинградцев, отстоявших наш город» в сквере блокадников на площади Мужества в Санкт-Петербурге. Этот памятник жители блокадного Ленинграда ждали более 40 лет;
- отреставрированный памятник юристу Анатолию Федоровичу Кони на «Литераторских мостках» Волковского кладбища;
- поклонный православный крест с лампадой у музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда» на берегу Невы в г. Кировске;
- бюст дважды Герою Советского Союза, генерал-лейтенанту авиации Г. П. Кравченко в с. Синявино.

Сегодня благотворительная деятельность Г. М. Погосяна и его фонда осуществляется в 11 странах мира: России, Армении, Грузии, Белоруссии, Монголии, Словакии, Эстонии, Латвии, Литве, Германии.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ежегодный альманах
Том 10

DIGEST OF WORLD POLITICS

Annual Review
Volume 10

Сборник статей

Редактор *Н. А. Мирзоева*
Корректор *Н. Э. Тимофеева*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*
Обложка *Е. Р. Куныгина*

Подписано в печать 18.12.2020. Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 25,5. Тираж 000 экз. Print-on-Demand. Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги и журналы СПбГУ можно приобрести
по издательской цене

в интернет-магазине: **publishing.spbu.ru**

и

в сети магазинов **«Дом университетской книги»**, Санкт-Петербург:

Менделеевская линия, д. 5

б-я линия, д. 15

Университетская наб., д. 11

наб. Макарова, д. 6

Таврическая ул., д. 21

Петергоф, ул. Ульяновская, д. 3

Петергоф, кампус «Михайловская дача»,

Санкт-Петербургское шоссе, д. 109.

Справки: +7(812)328-44-22, publishing.spbu.ru

Книги СПбГУ продаются в центральных книжных магазинах РФ,
интернет-магазинах **amazon.com**, **ozon.ru**, **bookvoed.ru**,

biblio-globus.ru, **books.ru**, **URSS.ru**

В электронном формате: **litres.ru**